

— ЗАПИСКИ

ор 1-82
14568

Дмитрія Николаевича Свѣрбеева.

(1799—1826.)

Томъ I.

МОСКВА.

Типо-литогр. Товар. И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименовская ул., соб. д.

1899.

S. Schmidt

24/15

D. Laeyens

17
156
ф. 30-616
Лет
1578
Н. С. Сербеев

Нѣсколько словъ о Дмитріи Николаевичѣ Сербеевѣ.

Одинъ изъ друзей Д. Н. Сербеева, искренно цѣнившій его и какъ человѣка и какъ гражданина, А. С. Хомяковъ, даетъ намъ, кажется, вѣрную точку зрѣнія для уразумѣнія того, чѣмъ былъ въ жизни своей авторъ печатаемыхъ въ этой книгѣ произведеній. Хотя они достаточно говорятъ сами за себя, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что ознакомленіе съ личностью автора всегда много прибавляетъ къ значенію его твореній, какъ бы они ни были занимательны и значительны по своимъ собственнымъ достоинствамъ. Не даромъ ко всѣмъ изданіямъ сочиненій прилагаютъ біографіи авторовъ: біографіи удовлетворяютъ не простому любопытству читателей, но дѣйствительной потребности имѣть, по возможности, живое представленіе о томъ лицѣ, съ которымъ собираемся мысленно бесѣдовать. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ значеніе писаній человѣка почти не отдѣлимо отъ его личнаго значенія, и это, кажется, по преимуществу вѣрно въ тѣхъ случаяхъ, когда посмертно обнародовываются сочиненія, не предназначавшіяся для печати¹⁾, какъ въ настоящемъ случаѣ: въ предлагаемой книгѣ только очень немногое перепечатано изъ журналовъ; главная же часть — „автобіографическія записки“ — назначалась только для семьи. Но такъ какъ интересъ этихъ записокъ, охватывающихъ собою все царствованіе Александра Павловича, явно не исключительно семейнаго свойства, то должно было наступить время (и оно наступило), когда имъ надлежало изъ достоянія семейнаго обратиться въ достояніе общее.

¹⁾ Пишущій для печати постепенно знакомитъ съ собою читателей, тогда какъ авторъ посмертныхъ сочиненій не имѣетъ этой возможности и является сразу „тайнственнымъ незнакомцемъ, загадкой для читателей“.

Личность Дмитрія Николаевича Свербеева придастъ его писаніямъ сугубый вѣсъ.

До сихъ поръ многіе московскіе старожилы помнятъ его, какъ человѣка не только высокообразованнаго,—это явленіе у насъ, къ счастью, не особенно рѣдкое, но еще гораздо болѣе какъ человѣка, живо принимавшаго къ сердцу все явленія жизни умственной и гражданственной его времени, какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ; а его время заключаетъ въ себѣ самую важную часть XIX столѣтія, начинающая отъ бурныхъ годовъ Наполеоновской эпохи и кончая еще болѣе существенными для насъ годами великихъ и мирныхъ преобразованій Александра Николаевича Ц. Но особенно выдавался онъ тѣмъ, что все свои способности, все свое широкое образованіе употреблялъ на то, чтобы быть живымъ участникомъ въ дѣлѣ умственного, духовнаго и гражданского преуспѣянія среды, въ которой онъ жилъ. Благодаря образованію, способностямъ и рѣдкой, выдающейся общительности, онъ сдѣлался однимъ изъ средоточій культурной жизни этой среды, соединяя у себя все, что было живаго и мыслящаго, вездѣ, гдѣ бы онъ даже временно ни находился, но преимуществу же въ Москвѣ, обыкновенно своемъ мѣстопребываніи. Его, доселѣ почти неизвѣстнаго какъ писателя, можно и должно приобщить къ числу видныхъ дѣятелей умственной жизни Москвы нашего вѣка; а этотъ вѣкъ особенно важенъ въ лѣтоисчисленіи Москвы, такъ какъ въ первой его половинѣ въ ней возродилась и развилась та духовно-просвѣтительная сила, которая возвратила ей вполне временно утраченное, вслѣдствіе неблагоприятныхъ историческихъ условій, значеніе настоящаго культурнаго центра сю же и въ политическомъ отношеніи созданной Россіи.

Поселившись послѣ женитьбы окончательно въ Москвѣ, которая была для него и родиною, Д. Н. занялъ въ ней соотвѣтствующее своему положенію и семейнымъ связямъ мѣсто, и скоро его домъ, на ряду съ значеніемъ въ свѣтѣ, сдѣлался пріютомъ и всего, что было тогда живаго и мыслящаго.

¹⁾ Д. Н. Свербеевъ скончался въ 1874 г. 13 февраля.

Начиная съ 40-хъ годовъ московская умственная жизнь принимаетъ все болѣе и болѣе характеръ пѣкаго „Возрожденія“ (Renaissance) и въ немъ домъ Свербеевскій, на ряду съ домомъ Елагиныхъ и другими (напр., Сениавиныхъ), сдѣлался однимъ изъ очаговъ той умственной жизни, которая началась единеніемъ въ общей любви къ просвѣщенію всѣхъ молодыхъ силъ и кончилась тѣмъ спасительнымъ для русской мысли раздвоеніемъ, благодаря которому чисто русское направленіе созрѣло въ борьбѣ съ такими представителями космополитизма, каковыми были Герценъ, Грановскій, Бѣлинскій, Чаадаевъ и иные. Живое участіе, которое принималъ въ этомъ умственномъ движеніи Д. Н., и его полное безпристрастіе къ лицамъ и убѣжденіямъ дѣлали то, что именно у него такъ охотно собирались люди мысли и науки.

Но онъ самъ не замыкалъ себя исключительно въ ихъ кругѣ, а оставался въ постоянномъ общеніи съ людьми дѣла и людьми официального міра, служа какъ бы живымъ звеномъ между міромъ мысли и міромъ виѣшней дѣятельности. Особенно дорожилъ онъ близостью къ всеотрезвляющей средѣ простой крестьянской жизни, въ которую онъ такъ охотно погружался, живя лѣтомъ подолгу въ своихъ деревняхъ и входя въ непосредственное общеніе съ народомъ, — въ то дѣйствительное общеніе, которое такъ рѣдко давалось даже „народолюбивымъ“ помѣщикамъ добраго стараго времени. Такимъ образомъ, не занимая никакого официального положенія, дѣла свое время между Москвою, Европою и деревней и всегда вездѣ внимательно прислушиваясь ко всему и въ свою очередь подавая на все свой голосъ, онъ успѣлъ составить себѣ положеніе, которое давало ему вѣсъ и значеніе, съ которымъ считались современники и которое, когда Д. Н.—ча узнають ближе наши современники, будетъ за нимъ признано и ими.

Онъ былъ, какъ изъ сказаннаго заключать читатели, „человѣкомъ общественнымъ“, чтобы не сказать общественнымъ дѣятелемъ. Этимъ послѣднимъ словомъ не хотѣлось бы его называть потому, что ходячес представленіе объ общественномъ дѣятелѣ, сложившееся у насъ за послѣднія десятилѣтія, нѣсколько окрашено духомъ отрицательнымъ,

а у Д. Н. не было и тѣни этой именно окраски. Общественный дѣятель на языкѣ современномъ есть какое-то противоположеніе дѣятелямъ государственнымъ, правительственнымъ; онъ самъ себя почитаетъ противовѣсомъ, симъ послѣднимъ, людямъ стоящимъ на почвѣ чисто внѣшняго формализма, тогда какъ онъ мнитъ себя быть выразителемъ запросовъ живой дѣйствительности, — тѣхъ запросовъ, котор. коренятся въ глубинахъ ему одному доступныхъ и совершенно невѣдомыхъ и непонятныхъ официальнымъ людямъ, которые вслѣдствіе этого самаго непониманія игнорируютъ и подавляютъ даже все живое. Общественный дѣятель непримѣнно противоборствуетъ; онъ постоянно въ антагонизмѣ. Ничего подобнаго не было въ Д. Н. Онъ себя никому и ничему не противопоставлялъ. Его единственное желаніе было — приносить себя, свои знанія, свою опытность, свою, пожалуй, житейскую мудрость, на восполненіе того, что вокругъ него могло нуждаться въ восполненіи, указывая при случаѣ правительственнымъ лицамъ ихъ недосмотры, направляя простой народъ, поскольку это отъ него зависело, какъ отъ помѣщика (но съ совершеннымъ и сознательнымъ уваженіемъ къ его бытовому и духовному строю), къ достиженію лучшихъ порядковъ домостроительства частнаго и общественнаго; разъясняя, наконецъ, въ дружественныхъ спорахъ людямъ своей среды то, что, по его мнѣнію, они склонны были либо не въ мѣру идеализировать, либо, наоборотъ, не въ мѣру же порицать. Онъ былъ человѣкъ общественный, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, — въ томъ смыслѣ, въ которомъ такъ опредѣлительно охарактеризовалъ самое „общество“ А. С. Хомяковъ. Вотъ почему мы сказали въ началѣ, что для уясненія того, чѣмъ былъ Д. Н. всего удобнѣе воспользоваться той точкой зрѣнія на явленіе социальной жизни, которую мы находимъ именно у Хомякова. „Дѣленіе права, — говоритъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности ¹⁾, — соотвѣтствуетъ дѣленію самихъ жизненныхъ отправленій — тремъ областямъ дѣятельности,

¹⁾ Соч. т. I, стр. 746.

частной, общественной, государственной. Между первой и последней лежала бы бездна, если бы эта бездна не была наполнена общественной дѣятельностью. Въ цѣломъ мірѣ сфера дѣятельности частной одинакова и одинаково безцвѣтна: для нея совершенно все равно, какое государство ее охраняетъ и обезпечиваетъ, только бы охраняло и обезпечивало. Не такова дѣятельность общественная. Выходя изъ жизни частной, она выражаетъ все отгѣръ, все особенности земли и народа и обусловливаетъ государство, дѣлая его такимъ, а не инымъ; она даетъ ему право, она налагаетъ на него обязанность быть самостоятельнымъ, выдѣлиться изъ другихъ государствъ. Съ ея уничтоженіемъ, если бы такое уничтоженіе было возможно, государство теряетъ всю свою силу; оно падаетъ и не можетъ не падать... въ своей частной дѣятельности человѣкъ есть лицо только опекаемое или оберегаемое; въ жизни же общественной онъ зиждитель и творецъ историческихъ судебъ.⁴

Однимъ изъ представителей нашей общественности, понятой именно въ смыслъ вышеприведенныхъ словъ, былъ Дмитрій Николаевичъ Свербеевъ и если таковымъ его знали и понимали его современники, то небезынтересно будетъ и нашимъ современникамъ узнать изъ его письменныхъ произведеній—сначала какъ вырабатывался усматриваемый нами въ немъ характеръ: это мы узнаемъ изъ записокъ, захватывающихъ годы юности автора до его женитьбы; затѣмъ какъ мыслилъ онъ въ эпоху уже зрѣлаго возраста—это можно извлечь изъ его напечатанныхъ статей, несмотря на то, что онъ все біографическаго содержанія; и, наконецъ, если когда-нибудь обнародована будетъ его обширная переписка мы узнаемъ въ подробности его политико-соціальную программу, основанную несомнѣнно на близкомъ знакомствѣ съ жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Конечно, нельзя сказать, чтобы общественная дѣятельность Д. Н. выразилась въ какихъ-либо конкретныхъ фактахъ, какъ результатъ оной; но не въ этомъ практическомъ смыслѣ мы почитаемъ его образцомъ человѣка общественнаго: такого рода „практичности“ можно скорѣе ожидать и требовать отъ „общественнаго дѣятеля“ въ упомянутомъ выше смыслѣ; человѣку же общественному дос-

таточно вполне того, что онъ живетъ общественными интересами, способствуетъ по возможности ихъ разъясненію и поддерживаетъ въ себѣ и въ другихъ—это главное—живую отзывчивость ко всемъ явлениямъ человѣческаго пониманія (*entendement*) во всемъ, по возможности, разнообразіи его. Этимъ послѣднимъ свойствомъ отдѣльныхъ лицъ, своихъ членовъ, вырабатывается и укрѣпляется само общество, значеніе котораго такъ велико въ судьбахъ человѣчества. Больше чѣмъ гдѣ-либо—у насъ люди общественны цѣнны и необходимы: лишь черезъ нихъ можетъ вырабатываться общественное мнѣніе, столь еще у насъ хилое, и не только вырабатываться умозрительно, но и получать права истиннаго гражданства, основаннаго не только на достоинствѣ выражаемой мысли, но и на личныхъ качествахъ гражданской неподкупности и нравственной силѣ ея выразителей. Помимо этого этического фактора, общественная мысль не можетъ никогда получить настоящаго созидательнаго значенія¹⁾. Такихъ представителей общества намъ нужно теперь не менѣе чѣмъ когда-либо; и это тоже одна изъ причинъ почему умственный и нравственный образъ Д. П. Свербеева особенно отрадно воскресить чрезъ изданіе всего имъ писаннаго съ дополненіемъ его біографіи, какъ завершенія напечатанной въ настоящемъ томѣ автобіографіи его юности.

Литературную, историческую и бытоописательную сторону этого труда будутъ цѣнить, конечно, различно; но едва ли кто, взявшись за чтеніе записокъ Д. П., положитъ книгу, не дочитавъ ее до конца. Можетъ-быть, интересъ ихъ объясняется повѣствовательнымъ талантомъ автора; но намъ думается, что онъ заключается еще и въ другомъ, а именно—въ личности автора и его личныхъ свойствахъ, столь ярко выступающихъ въ этихъ запискахъ. Природа щедро одарила Д. П. тѣмъ, что составляетъ „*conditio sine qua non*“ для чловѣка общественнаго — живостью ума и впечатлительностью въ высочайшей степени; а эти качества

¹⁾ Сознаніе такого этического начала въ пройденной жизни было, вѣроятно, побудительной причиной къ написанію для себя своей автобіографіи у Д. Н.: *pleriquae suam ipsi vitam narrare fiduciam potius morum quam adrogantiam arbitrati sunt. Tac. Agr.*

вызываютъ въ душѣ человѣка, ими обладающаго, то, что называется отзывчивостью. Живость ума и впечатлительность вмѣстѣ съ необычайною на все, до мелочей отзывчивостью, отличавшія автора ихъ при жизни, даютъ, кажется намъ, „запискамъ его“ такой необыкновенно живой характеръ, что въ нихъ какъ бы слышишь то, что называютъ англичане *the throb of life*, — пульсацию жизни. Когда эти качества вообще развиты въ обществѣ, бываетъ жива и сильна общественная жизнь, и неудивительно, что, лицо, этими качествами обладающее, заняло такое видное общественное положеніе; вовсе не ища никакого „положенія“ и не заявляя желанія быть признаваемымъ общественнымъ представителемъ *en titre*.

Выставляя такимъ образомъ Д. Н. Свербѣева, какъ высокообразованнаго представителя общественного самосознанія, нельзя, конечно, обойти вопросъ, какого, однако, направленія держался онъ—своего ли самостоятельнаго или одного изъ тѣхъ, которыя слагались на его глазахъ и при ближайшемъ его участіи?

Опредѣляя свое направленіе, онъ любилъ примѣнять къ себѣ стихъ:

„In moderation placing all my glory...
While Tories call me Whig, and Whigs a Tory“. (Pope).

По этимъ стихомъ едва ли онъ дѣйствительно выражалъ положительную сторону своихъ воззрѣній. Это было скорѣе выраженіе отрицательное, указывающее лишь на его нерасположеніе къ какимъ-либо крайностямъ. Славянофильскіе друзья почитали его сильно склоннымъ къ западничеству; но, зная, какъ горячо любилъ Д. Н. русскій народъ и какъ хорошо онъ его понималъ въ его бытѣ, вѣрованіяхъ и исторіи, они его, конечно, къ западникамъ настоящимъ не рѣшались причислять. Западники же его сильно заподозривали въ скрытой склонности къ славянофильству, во-первыхъ, потому, что между людьми, для которыхъ они придумали это неподходящее названіе, у него было много истинныхъ друзей, а главное потому, что его твердая приверженность къ русской церковности была слишкомъ въ глазахъ ихъ подозрительна, хотя самъ Д. Н. не-

рѣдко, съ свойственною ему склонностью къ тонкому и безобидному юмору, подшучивалъ надъ тѣмъ, что въ самой православной ревности казалось ему заслуживающимъ шутки. Извѣстныя его стихи на А. С. Хомякова и его отношенія къ Пальмеру и его оксфордскимъ единомышленникамъ: „Не обрати ты Альбіона! Увы, ревнитель Аарона, не міро съ твоя брады ¹⁾ сошло на счастье зады“ и т. д., восклицаешь въ нихъ по адресу Хомякова Д. Н., считавшій, вѣроятно, что недостаточно идеальнаго представленія о православной церкви для привлеченія западныхъ людей къ этой церкви, и примѣренія ихъ съ ея историческимъ у насъ или у грековъ проявленіемъ.

Такимъ образомъ, если Свербесовъ не является вождемъ опредѣленнаго направленія, отличнаго отъ существовавшихъ около него направленій, и вмѣстѣ съ тѣмъ если онъ не былъ послѣдователемъ „вплотѣ“ ни одного изъ нихъ, а также не былъ представителемъ умственного компромисса между различными направленіями,—что особенно не идетъ къ его живой, вчитательной природѣ,—то какъ же понять внутренній строй его воззрѣній и убѣжденій, систематическаго изложенія, конхъ онъ намъ не оставилъ (развѣ можетъ-быть мы найдемъ оное въ его еще необнародованной перепискѣ)? Не оставилъ онъ такового, конечно, только потому, что не былъ систематикомъ вообще, а былъ человѣкомъ жизни и дѣла; человѣкомъ же пера онъ былъ лишь постольку, поскольку его живая мысль переливалась (*débordait*) за предѣлы слова и дѣла. Съ помощью однихъ его писаній можно лишь гадательно дойти до уясненія себѣ того міровоззрѣнія, которымъ онъ руководился неуклонно и которое было, повидимому, болѣе прирожденное, чѣмъ надуманное. Не даромъ онъ избралъ себѣ девизомъ фразу: „*Mir en naissant*“. Ясно, что это не было похвалбою самому себѣ: онъ вовсе не былъ склоненъ къ самохваленію: „*mir en naissant*“ было только выраженіемъ того факта его умственной жизни, который составлялъ отличительную ея черту,—факта прирожденности его направленія, а не логиче-

¹⁾ Намекъ на гонимую въ то время бороду, сохраненію которой, какъ символа свойственной русскому человѣку естественности, придавали большое значеніе Хомяковъ и Аксаковъ.

ской надуманности ея. Умозрительныя направленія, лишь соприкасающіяся съ жизнью въ большей или меньшей степени, не находили въ Д. Н-чѣ своего представителя или послѣдователя: онъ былъ живой представитель самаго „снитога“ русской жизни, не расшатаннаго полуторавѣковымъ блужданіемъ нашего т.-н. высшаго общества въ погонѣ за просвѣщеніемъ, предписаннымъ ему извнѣ. Этимъ объясняется вполнѣ, почему Д. Н-ча лично такъ цѣнили тѣ, которые угадывали въ немъ подъ виѣшнимъ обликомъ европейца вполнѣ русскаго человека, ни въ чемъ не измѣлявшаго русскимъ традиціямъ; а равно любили и тѣ, которые, отрицая русское направленіе, и не понимая его, все-таки внутренне цѣнили истинно русское, поскольку оно вмѣстѣ съ тѣмъ выражало собою общечеловѣческое.

Русскіе никогда не чуждались общенія съ западными народами. Русскіе же люди семнадцатаго вѣка въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей вполнѣ сознавали необходимость восполнить замѣтнованіемъ многіе пробѣлы во виѣшнемъ культурномъ строѣ своего отечества, особенно же въ области научнаго и прикладнаго знанія. Къ такому убѣжденію приходили люди того времени, нисколько не измѣняя своему чисто русскому духу; напротивъ того, они желали способствовать его вѣднѣму развитію и просвѣтленію поставивъ русское просвѣщеніе на путь разумнаго общенія съ другими народами. Очень вѣроятно, что такое направленіе возобладало бы и безъ властнаго и насильственнаго, хотя во многомъ вполнѣ законнаго, виѣшательства Петра. Но тѣ богатырскіе приемы, которые пустили въ ходъ преобразователь для привитія западной цивилизаціи, до такой степени оглушили наше подвергнутое просвѣщенію общество, что въ немъ утратилась живая связь съ исконной русской жизнью; и только чрезъ 150 лѣтъ могло опять пробудиться истинно русское сознаніе, облекшись, по необходимости, въ форму полемическую, а слѣдовательно и отрицательную по адресу того западничаія, которымъ мы такъ глубоко, до самозабвенія, заразились. Къ этому же времени созрѣла и потребность въ извѣстной части нашей умственной среды — въ логической, сознательной анологіи и въ систематическомъ оправданіи самаго западничаія, которое до этого

времени проявляло себя лишь практически... Но для тѣхъ, которые по тѣмъ же или другимъ, не всегда объяснимымъ, причинамъ не утратили живой связи съ преданіемъ древнерусскимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приняли все хорошее отъ Запада безъ неумѣреннаго увлеченія,—для тѣхъ, явно, не было нужды ни возстановлять въ себѣ того, чего они не утрачивали, ни умирать въ себѣ вліяніе иноземное, которое никогда ихъ не доводило до отриванія своего родного. Тѣ, которые принадлежали къ этому, къ сожалѣнію, немногочисленному, разряду составляли изъ себя бытовое направленіе, стоявшее не между другими, а рядомъ съ ними. Когда же оно, это бытовое русское направленіе выражалось людьми высокообразованными и живыми, то въ ихъ лицѣ оно легко дружило съ представителями направленій умозрительно полемическихъ и даже, можетъ-быть, благотворно на нихъ воздѣйствовало не доводами или разсужденіями, а живымъ осуществленіемъ такого культурнаго типа, который былъ симпатиченъ и тѣмъ и другимъ и который одинаково цѣнили самые ожесточенные между собою противники.

Къ такому именно типу образованныхъ русскихъ людей принадлежалъ, думается намъ, покойный Дмитрій Николаевичъ Свербеевъ, и этимъ объясняется его роль въ умственной жизни Москвы, а черезъ нее въ общекультурной жизни всего нашего общества.

Сказанное въ этихъ строкахъ окажется, надѣмся, не лишнимъ для правильной оцѣнки или, по крайней мѣрѣ, для правильнаго отбѣненія личности Д. Н. Свербеева. Но, конечно, прочитавъ самую книгу, читатели сумѣютъ оцѣнить въ авторѣ не только человека, но и писателя и, конечно, пожалѣютъ о томъ, что ему не суждено было довести до конца того цѣннаго труда, къ которому онъ приступилъ наклонѣ дней своихъ.

Д. Х.

Записки моего отца писались не для печати и потому не имѣютъ характера литературнаго труда. Ихъ диктовалъ мнѣ отецъ въ послѣдніе годы своей жизни, какъ разсказъ о своей молодости для семьи. Такъ и относилась я къ этимъ запискамъ въ теченіе 25 лѣтъ и не думала ихъ печатать. Желаніе сохранить для третьяго уже поколѣнія нашей семьи нравственный обликъ прадѣда и его времени измѣнило мой взглядъ; въ этомъ смыслѣ перечитывая внимательно нашу семейную хронику, я увидала, что время дало ей цѣну бытового очерка, и я себѣ сказала: отчего не предложить не однимъ внукамъ, но и всему новому поколѣнію, вступающему въ XX вѣкъ, правдивую бытовую картину первой четверти XIX?

Въ заключеніе, какъ наслѣдство внукамъ, передаю эпиграфъ стараго портфеля, который вручилъ мнѣ отецъ, когда началъ диктовать свои «Записки»:

In moderation placing all my glory
While Tories call me Whig and Whigs a Tory.
(Pope.)

(Вся моя слава въ чувствѣ мѣры: виги называютъ меня торіемъ, а торіи—вигомъ».)

Издательница

Софья Сverbеева.

25-го февраля
1899 г.

МОИ ЗАПИСКИ.

Старики, говоря вообще, живутъ воспоминаніями, рѣдко бываютъ довольны настоящимъ и почти всегда боятся будущаго, котораго на ихъ долю остается такъ немного. Несмотря на то, что я, благодаря судьбѣ, не совсѣмъ подхожу подъ это общее правило—не доволенъ судьбою и болѣе съ пытливымъ любопытствомъ, чѣмъ со страхомъ, смотрю на будущее, что голова моя способна еще мыслить, память довольно тверда, а физическія силы не совсѣмъ ослабли, — несмотря на все это, ступивъ на-дняхъ въ восьмое десятилѣтіе жизни, за которымъ и даже по всей вѣроятности въ теченіе котораго, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, слѣдуетъ уже, какъ было сказано ветхозавѣтнымъ царемъ и поэтомъ, «трудъ и болѣзнь», я нашелъ благоразумнымъ покончить всѣ мои расчеты съ дѣятельною жизнью, устроить будущность моихъ дѣтей, передать мои дѣла одному изъ сыновей, оставивъ за собой одинъ внимательный надзоръ за ихъ ходомъ, и, усталый отъ тяготившихъ меня, особенно въ послѣднія десять лѣтъ, заботъ, отдыхаю теперь отъ ежедневныхъ суетъ и мірскихъ попеченій. Затѣмъ предстоитъ мнѣ другая задача жизни—какъ употребить этотъ излишекъ свободнаго времени, чтобы онъ въ свою очередь не сталъ тяготѣть

надо мной. Избави Богъ предаться одной матеріальной жизни, этому своего рода самоубійству. Давно уже задумалъ я писать «Записки» для моей семьи, которая меня объ этомъ просила; то же совѣтовали мнѣ и немногіе мои пріятели, особливо изъ позднѣйшаго поколѣнія, которое въ наше время стало такъ любознательно до всего, что ему сообщаютъ отжившіе и отживающіе. Самому мнѣ и любопытно, и не бесполезно будетъ провѣрить такимъ образомъ всю мою жизнь и посмотрѣть на себя въ этомъ зеркалѣ; особенно для дѣтей моихъ эти «Записки» могутъ быть занимательны: въ нихъ они узнаютъ своего отца и ознакомятся съ главными событіями его времени. Тутъ кстати меньшая моя дочь вызывается писать, подѣ моей диктовкой и понукать меня ежедневно къ этому труду. Пусть же и владѣетъ она всѣмъ, что будетъ писано, какъ неотъемлемо ей принадлежащимъ правомъ и даже какъ законною литературною собственностью, если, сверхъ ожиданій, кое-какіе оттуда отрывки могутъ сдѣлаться занимательными для нашей читающей публики. И вотъ пишется первая строка этой длинной повѣсти подѣ благотворнымъ небомъ, на берегу прелестнаго озера, въ странѣ, которую люблю я, какъ вторую мою родину, тамъ, гдѣ я жилъ долго-долго въ первой юности до зрѣлаго почти возраста и куда не разъ возвращался я изъ отчизны, чтобы отдохнуть, подышать посвободнѣе и запастись новыми силами.

Искренно желаю себѣ всевозможнаго успѣха, а читателямъ моимъ, если они когда-нибудь найдутся, терпѣнія.

Вене, Женевское озеро.

20 сентября 1869 г.

Губи: ставбу.

Отъ бездѣлья и то рукодѣлье.
(Русская пословица.)

Говоря мнѣ о своихъ предкахъ, батюшка, бывало, прибавлялъ, что хотя всѣ они считали себя новгородцами и этимъ гордились, но, по семейнымъ преданіямъ, признавали себя переселенцами въ этотъ сѣверный край изъ южной Руси. Въ приобрѣтеніи родового Свербеевскаго имущества помогла моему дѣду, уже старому и слѣпому, жена его изъ рода Нечаявыхъ, которая управляла и мужемъ, и дѣтьми, и всѣмъ имѣніемъ. Заботливость ея о сохраненіи и увеличеніи недвижимаго имѣнія была чрезмѣрная. Я не слыхалъ, кто бы изъ помѣщиковъ тогдашняго времени умѣлъ въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ, съ такою точностью воспользоваться генеральнымъ межеваніемъ земель, начатымъ Екатериной II въ 1764 году. Не прошло послѣ того двухъ лѣтъ, какъ она успѣла добыть себѣ всѣ межевые планы и книги, которые и до сихъ поръ у меня хранятся; въ числѣ ихъ ~~выданы были ей три плана и три межевые книги~~ на такія мелкія владѣнія въ пустошахъ, ~~что я нигдѣ~~ ни у кого подобныхъ не видывалъ,—на двѣ, на одну и даже на полдесятины. Твердо знала она русскую грамоту и, хотя крупнымъ почеркомъ и съ самыми грубыми ошибками, писала бойко и толковито, но знанія своего, кажется, не передала ни одной изъ своихъ дочерей: двѣ мои родныя тетки, которыя жили долго и умерли въ сороковыхъ годахъ уже нашего столѣтія, свободно читали одну церковную печать. Отецъ мой, Николай Яковлевичъ Свербеевъ, былъ единственный ея сынъ, и на немъ сосредоточилось все ея попеченіе; дочерей же было у нея шесть, съ именами далеко не аристократическими. Старшая, Матрена, бы-

ла замужемъ за Батюшковымъ, вторая, Пелагея, — за Головачевымъ, меньшая, Евфимія, — за малороссійскимъ дворяниномъ Слоновскимъ, а три послѣднія: Настасья, Анна и Елена, умерли дѣвцами. Всѣ онѣ помогали своей матери во всѣхъ хозяйственныхъ работахъ и были при ней до замужества или до ея смерти помощниками ея по хозяйству, часто своими руками работали въ полѣ и для такихъ подвиговъ надевали сарафаны. Зато старалась моя бабушка всячески вывести изъ крайней нужды въ люди своего любимца — ея сына, а моего отца. Еще мальчикомъ записала она его, въ царствованіе Елизаветы Петровны, въ учрежденную тогда при московскомъ сенатѣ юнкерскую школу, въ которую поступали дворянскія дѣти преимущественно для изученія приказнаго порядка или гражданской службы. Подробности воспитанія моего отца до меня не дошли, кромѣ того, что въ этой юнкерской школѣ учился онъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ Новосильцевымъ, впоследствии извѣстнымъ и чиновнымъ, который оставался во всю жизнь его другомъ и крестовымъ братомъ. Они, по тогдашнему обычаю, побратались крестами; такого рода крестовое братство, говорятъ, сохраняется и до сихъ поръ у какихъ-то славянъ. Эта дружба замѣчательна для семьи еще тѣмъ, что о ней упомянулъ въ запискахъ своихъ Державинъ. Единственный рассказъ отца о юнкерской своей школѣ, который я запомнилъ, былъ слѣдующій: въ одно время съ этимъ училищемъ существовалъ и основанный Елизаветою же университетъ, и отецъ сказывалъ, что онъ лѣтъ 14 ходилъ со своими товарищами на Неглинную (гдѣ теперь Александровскій садъ) на кулачный бой съ студентами Московскаго университета и московско-славяно-греко-латин-

ской академіи, и что ихъ и университетскихъ зачастую, и чуть ли не всегда, побивали дюжіе, здоровенные кутейники, которые были вдвое ихъ старше.

Отецъ мой родился въ 1740 г., умеръ онъ въ октябрѣ 1814 г., и я остался послѣ него четырнадцати лѣтъ единственнымъ сыномъ; братьевъ и сестеръ у меня не было. Послѣ него жилъ я съ родною моею теткой, которая хозяйничала и была очень умна, но совсѣмъ не развита и, слѣдовательно, ничего не умѣла сообщить мнѣ интереснаго о жизни своего брата, а о матери моей просилъ я ее мнѣ не говорить, такъ какъ она жила съ нею не въ ладу. То немногое, что я отъ отца и отъ его современниковъ о немъ слышалъ, передаю здѣсь съ благоговѣйнымъ вниманіемъ къ его памяти. Онъ былъ человѣкъ замѣчательный: добрый, умный и даже образованный, насколько могъ быть образованъ человѣкъ его времени однимъ русскимъ языкомъ. Вѣроятно, въ ранней еще молодости вышелъ онъ изъ своего училища, но вступилъ не въ статскую, какъ бы слѣдовало по мѣсту воспитанія, а въ военную службу, по какимъ-либо обстоятельствамъ или потому, что въ то время, и даже до первой четверти нашего вѣка, всѣ дворяне, не исключая и самыхъ мелкихъ, гнушались гражданской службой, называли ее подьяческою, крапивнымъ сѣменемъ, а тѣ, которые почему-либо не поступали въ военную службу, вступали въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Службу свою началъ отецъ въ ширванскомъ пѣхотномъ полку, которымъ командовалъ тогда извѣстный Степанъ Матвѣевичъ Ржевскій, въ бригадѣ или дивизіи храбраго генерала Вейсмана, и продолжалъ ее въ первую, а потомъ и во вторую турецкую войну, и по заключеніи Кучукъ-Кайнарджисскаго мира былъ

отправленъ главнокомандующимъ Румянцевымъ-Задунайскимъ въ качествѣ пристава съ депутатами княжествъ Молдавіи и Валахіи къ Высочайшему двору. Вѣроятно, въ это время успѣлъ онъ сдѣлать нѣкоторыя связи въ Петербургѣ и сдѣлаться извѣстнымъ великому князю Тавриды. Передъ началомъ Пугачевского бунта отецъ мой назначенъ былъ управлять разведеніемъ шелковичныхъ червей и шелковичныхъ деревьевъ въ Саратовской губерніи, на берегахъ Ахтубы, близъ возникавшей тогда нѣмецкой колоніи Сарепты. Этотъ край находился подъ главнымъ управленіемъ астраханскаго губернатора, Никиты Аонасьевича Бекетова, бывшаго нѣкоторое время любимцемъ Елизаветы. О немъ въ недавнее время много писали, и племянникъ его И. И. Дмитріевъ рассказывалъ мнѣ, что онъ хотя и не зналъ отца моего лично, но много слышалъ о немъ хорошаго отъ этого своего дяди. По недавно напечатаннымъ въ журналахъ отрывкамъ о Пугачевскомъ бунтѣ и по «Запискамъ» Державина видно, что мой отецъ, будучи уже капитаномъ въ отставкѣ, находился при осадѣ города Царицына и подъ командой полковника Цыплятьева съ весьма немногими сподвижниками отражалъ осаду этой крѣпости Пугачевымъ, который, не взявъ ея, бѣжалъ. Съ этой неудачной осады началось окончательное пораженіе Пугачева Михельсономъ; злодѣй, взятый въ плѣнъ, отправленъ былъ графомъ Панинымъ въ Москву и тамъ казненъ. Помнится мнѣ изъ рассказовъ отца своимъ пріятелямъ, что онъ былъ посланъ курьеромъ къ императрицѣ, только не знаю съ извѣстіемъ ли о пораженіи Пугачева при Царицынѣ или о самой поимкѣ. Изъ записокъ о Пугачевѣ хотя смутно, но видно, что были какія-то пререканія между вла-

стями объ отправленіи какого-то курьера начальниками, не имѣвшими на то права. Какъ бы то ни было, но я твердо помню, что отецъ мой былъ тогда лично представленъ императрицѣ и получилъ отъ нея въ подарокъ табакерку, наполненную червонцами; въ это-то, полагаю, время князь Потемкинъ взялъ его къ себѣ и назначилъ первымъ директоромъ экономіи новопріобрѣтеннаго Крымскаго полуострова, т. е. вице-губернаторомъ, въ рукахъ котораго сосредоточивалось все финансовое и хозяйственное управленіе края. Въ самый день учрежденія Екатериной ордена св. равноапостольнаго князя Владиміра получилъ онъ Владимірскій крестъ 4-й степени въ чинѣ надворнаго совѣтника, что тогда было весьма для него лестно и по милостивымъ выраженіямъ рескрипта и поздравительнаго письма къ нему Потемкина являлось важною наградою. Князь представлялъ его къ 3-й степени, но этого нельзя было сдѣлать, потому что тогдашнему губернатору былъ данъ крестъ этой же степени. Постоянное пребываніе моего отца было, кажется, въ Перекопѣ, когда императрица Екатерина замышляла совершить славное свое путешествіе черезъ Кіевъ, по Днѣпру, въ страну, ею приобрѣтенную и уже принадлежавшую Россіи по послѣднимъ трактатамъ; отцу приказано было принять въ Перекопѣ ея величество и сопутствовавшаго ей римскаго императора Юсіфа II, путешествовавшаго съ нею инкогнито, подъ именемъ графа Фалькенштейна. Въ свитѣ императрицы находились еще, кромѣ русскихъ, австрійскій посольскій графъ Кобенцель и французскій—графъ Сегюръ; князь Потемкинъ, разумѣется, былъ вожатаемъ. Помѣстить въ голой стѣнѣ разореннаго войною Крыма государыню, ея царственнаго сопутника и всю эту пышную начис-

ленную свиту была задача довольно трудная. Къ счастью, въ Перекопѣ была какая-то крѣпость и какой-то замокъ, построенный еще владѣвшими нѣкогда Крымомъ генуэзцами; на издержкахъ останавливаться было нечего, главное — не терять времени, котораго назначено было не болѣе шести недѣль. Отецъ мой удачно воспользовался всѣми потемкинскими, т. - е. громаднѣйшими средствами: замокъ, или часть его, былъ разрушенъ, и огромные камни пошли на выстройку небольшого дворца, мебель и уборка выписаны моремъ изъ Вѣны (Одесса тогда еще не существовала). Императрица провела одну или двѣ ночи, изволила остаться очень довольна строителемъ, пожаловала ему драгоценный перстень и, боюсь сказать, чтобы не преувеличить, огромное, въ нѣсколько тысячъ десятинъ количество земли на полуостровѣ по выбору.

Я и самъ не могъ ожидать, чтобы эти, довольно крупныя подробности жизни моего отца такъ еще живо сохранились въ моей памяти, тѣмъ болѣе, что рассказывались они не мнѣ, мальчику, а другимъ, его близкимъ знакомымъ, мнѣ же удавалось слышать ихъ урывками. Все, что остается сказать мнѣ о моемъ отцѣ, припоминается мнѣ съ менѣе отчетливою послѣдовательностью. Помню, что въ Петербургѣ были у него вліятельные пріятели; что онъ былъ знакомъ съ племянникомъ Потемкина, графомъ Самойловымъ, впослѣдствіи генераль-прокуроромъ; коротокъ съ все-сильнымъ правителемъ дѣлъ у князя Таврическаго, Васи́ліемъ Степановичемъ Поповымъ; не рѣдко видалъ знаменитаго, великаго Суворова; лично былъ извѣстенъ въ роду Потемкиныхъ, Румянцеву-Задунайскому и, когда бывалъ въ Петербургѣ, находился въ дру-

жескихъ отношеніяхъ съ близкой къ Екатеринѣ камеръ-фрау, Марьей Саввишной Перекусихиной; собственница послѣдней, Тарсукова, была замужемъ за другомъ и соученикомъ его, Новосильцевымъ. Часто катались они къ ней изъ Петербурга въ Царское Село, гдѣ жила лѣтомъ императрица, и одинъ разъ вмѣсто того, чтобы привезти Перекусихиной изъ Петербурга заказанную ею сотню апельсиновъ, сами дорогой ихъ уничтожили. Въ наказаніе за обманъ заставила она ихъ ночевать въ Царскомъ Селѣ и на другой день везти ее въ Петербургъ за апельсинами. Во время своей службы женился отецъ въ первый разъ на красавицѣ Варварѣ Григорьевнѣ Паскевичъ; такую слыла она, и была въ самомъ дѣлѣ, иначе императрица, проѣзжая черезъ Полтаву, не пожелала бы имѣть ея портрета. Когда фельдмаршалъ графъ Эриванскій, князь Паскевичъ-Варшавскій сталъ быстро возвышаться и перегонять сверстниковъ своихъ по службѣ, между аристократами царствованія императора Николая слышались часто намеки на его будто бы темное происхожденіе; иные говорили, что онъ выходецъ и едва ли дворянинъ. Я могу сдѣлать на это неоспоримое опроверженіе. Дѣдъ фельдмаршала, тестъ по первой женѣ моего отца, имѣлъ довольно значительное (конечно, среднее) недвижимое имѣніе въ Могилевской и Полтавской губерніяхъ; фамилія Паскевичей была не новая въ Малороссійскомъ краѣ. Вторая дочь его была въ замужествѣ за Нѣжинскимъ богатымъ грекомъ Кромидомъ, который имѣлъ огромное состояніе въ капиталахъ. Другое вѣрное доказательство, что Паскевичи были дворяне, есть то, что фельдмаршалъ былъ пажемъ; у насъ помнили наши старые слуги, что онъ въ коронацію Павла жилъ, будучи камеръ-пажемъ, у отца въ на-

шемъ Московскомъ домѣ. Много лѣтъ послѣ отыскалъ меня въ Неаполѣ, какъ родственника, братъ князя Варшавскаго, жившій тамъ за ранами постоянно, полковникъ Ѳедоръ Паскевичъ, а нѣсколькими годами прежде другой его братъ, Степанъ Паскевичъ, въ Харьковѣ. У меня сохраняется рядная записъ, данная дѣдомъ князя Варшавскаго дочери его, Варварѣ, при выходѣ ея въ замужество за моего отца. Она любопытна подробнымъ вычисленіемъ иконъ, немногихъ брильянтовъ, жемчуговъ и золотыхъ вещей, серебра, числа воловъ и лошадей, — однимъ словомъ, всего имущества, которое было дано ей въ приданое. Она жила съ отцомъ моимъ не долго, имѣла дочь, которая умерла въ младенчествѣ; но когда и гдѣ онѣ скончались и погребены, мнѣ неизвѣстно. Второю женой моего отца была дѣвица Алена, а по-нынѣшнему пожалуй Елена Александровна Раевская, близкая родственница извѣстному въ 1812 г. генералу Раевскому. Въ злой чахоткѣ вышла она замужъ; ее при совершеніи обряда умирающую обносили кругомъ наложь на креслахъ; отецъ мой не хотѣлъ измѣнить данному слову, а она, какъ влюбленная до безумія женщина, не хотѣла возвращать его и прожила замужемъ всего полгода. Впослѣдствіи я узналъ коротко ближайшую ея родственницу Прасковью Михайловну Раевскую, которая въ глубокой своей старости и въ крайней моей молодости меня особенно любила. Она была мать Черевиной, бабка княгини Горчаковой и прабабка нашей милой и красивой Безобразовой, которая еще теперь цвѣтетъ и украшаетъ сердце Россіи. Прасковья Михайловна Раевская очень была дружна съ моимъ отцомъ и по просьбѣ его и законной довѣренности заочно, по собственному своему выбору и на свои деньги въ концѣ 70 годовъ

купила ему наше подмосковное имѣніе, сельцо Солнышково и село Чудиново за 32.000 р. ассигнаціями. Продала его отцу дочь стольника временъ Петра Великаго, дѣвица Анна Петровна Милославская. Тамъ, въ селѣ Чудиновѣ, были древнія небольшія каменные барскія палаты и при нихъ еще болѣе древняя домовая каменная церковь, сохранившаяся доселѣ. Въ усадьбѣ, весьма невзрачной по мѣстоположенію, была березовая роща, окаймленная доселѣ цѣлыми липами. Отецъ мой, осмотрѣвъ послѣ заочной покупки въ первый разъ это имѣніе, тотчасъ рѣшилъ перенести усадьбу въ Солнышково, наше подмосковное мѣстопребываніе на рѣкѣ Лопаснѣ, довольно замѣчательное своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ въ виду курской желѣзной дороги. Въ моихъ глазахъ такое перенесеніе усадьбы отцомъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ его эстетическаго вкуса, столь рѣдкаго въ тогдашнее время, тѣмъ болѣе, что оно было не безъ пожертвованія чувствами строгой русской набожности.

Какъ видно, отецъ мой два раза тщетно искалъ семейной жизни и тяготился одиночествомъ; въ служебныхъ занятіяхъ не могло быть у него недостатка въ краѣ, тогда и не безлюдномъ, какъ теперь, потому что во время приобрѣтенія нами Крыма считалось въ немъ до полумилліона татарскаго населенія, но соотечественниковъ, кромѣ служащихъ, почти совсѣмъ не было. Постоянное мѣстопребываніе его было въ Перекопѣ, степномъ и до сихъ поръ нездоровомъ городѣ; прелестями южнаго берега Крыма онъ не могъ пользоваться: въ то время не было тамъ ни Алупки Воронцова, ни царской Ливадіи, ни хорошенькаго приморскаго города Ялты, а была развѣ одна Балаклава или Феодосія съ населеніемъ изъ грековъ. Съ одной

стороны—скука и удаленіе отъ родины, съ другой — трудность службы, представлявшаяся ему на каждомъ шагу его дѣятельности, и всего болѣе благоразумное опасеніе подвергнуться строгой, но справедливой отвѣтственности за деспотическія дѣйствія князя Таврическаго, волю котораго, конечно, вынужденъ былъ исполнять безъ прекословія,—все это заставляло его думать о переходѣ въ другую службу или о выходѣ въ отставку. Въ послѣдніе годы его тамошней службы ему уже было за 50 лѣтъ; государыня, любившая издали Крымъ, какъ свое пріобрѣтеніе и какъ первую станцію на замышленномъ ею пути въ Константинополь, была десятию годами его старше, князь Потемкинъ тоже былъ старше его нѣсколькими годами,—обстоятельства могли внезапно измѣниться, а служебныя его отношенія были таковы, что онъ нерѣдко бывалъ вынужденъ безъ всякаго контроля, безъ всякихъ формальныхъ расписокъ, по ордерамъ князя и даже по предписаніямъ отъ его имени за подписью правителя его дѣлъ, Попова, писанныхъ часто на клочкахъ, безъ номера, высылать немедленно десятки тысячъ. Долго терпѣлъ онъ подобный безпорядокъ, который немислимъ въ наше время, и мысль о паденіи или смерти Потемкина и о могущей послѣдовать кончинѣ государыни его мучила, и дѣйствительно онъ не ошибся: внезапная кончина Потемкина въ молдавской степи, когда онъ, совершенно здоровый, ѣхалъ въ каретѣ съ племянницей своей, графиней Браницкой, немногими годами предупредила внезапную кончину императрицы. Къ счастью моего отца, онъ, слѣдуя своимъ предчувствіямъ, вышелъ въ отставку не задолго до кончины князя, употребивъ всѣ усилія, чтобы получить передъ выходомъ изъ службы законную квитанцію въ

отпускъ значительныхъ суммъ по приказаніямъ свѣтлѣйшаго. Возвратясь въ Россію, купилъ онъ у Мансурова, въ Тульской губерніи, Новосильское своеимѣніе, село Михайловское, въ которомъ тогда было отъ 500 до 600 душъ и 6500 десятинъ лучшей черноземной земли. За это имѣніе заплатилъ онъ 105,000 р. асс. и, не имѣя наличныхъ денегъ, заложилъ его для этой покупки въ московской сохранной казнѣ. Покуда онъ былъ вдовымъ, одинокимъ и бездѣтнымъ, его считали богачомъ, а по мѣсту служенія своего въ новопріобрѣтенномъ краѣ—передовымъ человѣкомъ, и за нимъ ухаживали. Другъ его Новосильцевъ имѣлъ уже тогда довольно большую семью, и бойкая его супруга рассчитывала на наслѣдство послѣ смерти моего отца. Вся семья Новосильцевыхъ окружала его всевозможными любезностями до того, что второй сынъ Новосильцевыхъ былъ въ честь его названъ Николаемъ. Въ эту самую минуту, когда я это пишу, дочь этого Николая Новосильцева, замужемъ за Эмануиломъ Нарышкинымъ, въ двухъ шагахъ отъ насъ умираетъ и не можетъ умереть на берегу Женевского озера; но для потомковъ этой семьи, какъ и для моей, преданія описанной мною старины не существуютъ, они не дошли до нихъ.

Въ царствованіе императора Павла отецъ мой началъ устранивать свое новое имѣніе и, какъ одинъ изъ богатыхъ помѣщиковъ въ краѣ, находившійся въ отставкѣ въ уважительномъ въ провинціи чинѣ статскаго совѣтника, былъ выбранъ новосильскимъ уѣзднымъ предводителемъ. Прямой, ретивый къ дѣлу и довольно раздражительный, онъ имѣлъ многія стычки и непріятности какъ съ дворянствомъ, такъ и съ мѣстной администраціей, но это не помѣшало ему выдержать

трехгодовой срокъ дворянской службы. Ежегодно по нѣскольку разъ проѣзжая черезъ жалкій уѣздный нашъ городъ, Новосиль, гдѣ за семьдесятъ тому лѣтъ служилъ мой отецъ по выборамъ, вспоминаю я его острое слово объ этомъ городѣ. Главнымъ начальникомъ, намѣстникомъ Тульской губерніи, какъ и двухъ съ нею сосѣднихъ губерній — Калужской и Рязанской, былъ тогда Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ; въ это званіе, установленное Екатериной II въ одно время съ учрежденіемъ губерній, назначались лица лично ей извѣстныя, а самое названіе намѣстника выражало, что онъ представляетъ лицо самодержавнаго монарха. При объѣздахъ ими городовъ, имъ подвѣдомственныхъ, встрѣчали ихъ со всевозможными почестями, поэтому и отецъ мой долженъ былъ встрѣчать намѣстника лично. Обозрѣвъ поверхностно присутственныя мѣста, Кречетниковъ спросилъ у предводителя: «Гдѣ же у васъ больница и богодѣльня?» — «Все что ваше высокопревосходительство изволите видѣть», отвѣчалъ мой отецъ, «все это и больница и богодѣльня». Екатерининскіе намѣстники до того иногда зазнавались, что этотъ же самый Кречетниковъ жаловался императрицѣ—косвенно или прямо, не знаю — на епископа калужскаго, Платона, въ послѣдствіи митрополита московскаго, что этотъ архіерей не дозволяетъ звонить во всѣ колокола при его намѣстническихъ вѣздахъ въ назначенную ему резиденцію. «Согласенъ», отвѣчалъ преосвященный, «буде если превосходительный бояринъ начальникъ прикажетъ стрѣлять изъ пушекъ при моихъ таковыхъ же на мою каедрѣ». Кто знаетъ теперешній Новосиль, найдетъ отвѣтъ нелестнымъ, но совершенно справедливымъ. Въ немъ и теперь всего двѣ грязныхъ улицы съ лачужками, покрытыми соло-

мой; съ тѣхъ поръ прибавилось всего развѣ одна церковь и два-три каменные домика, а между тѣмъ онъ древній городъ, старше Москвы, имѣлъ когда-то своихъ удѣльныхъ князей, княжившихъ на самомъ рубежѣ Святой Руси на передовой ея стражѣ отъ набѣговъ Литвы и Крыма. Въ настоящее время этотъ городишко обреченъ окончательно ничтожеству, и новая желѣзная дорога отошла отъ него на 10 верстъ. Вѣроятно во время этой дворянской своей службы отецъ мой по должности иногда посѣщалъ губернский свой городъ Тулу въ грозное царствованіе Павла, и въ это самое время стоялъ тамъ Шевичевъ гусарскій полкъ. При Павлѣ полки назывались именемъ своихъ шефовъ. Храбрый и буйный генералъ Шевичъ былъ родомъ сербъ изъ числа вызванныхъ оттуда при Елизаветѣ. Въ этомъ полку служилъ вторымъ полковникомъ Николай Васильевичъ Обресковъ и жилъ въ Тулѣ со своею матерью и тремя сестрами; отецъ мой съ нимъ сблизился, посватался за старшую сестру, Екатерину, и на ней женился 57 лѣтъ, а женѣ его было 35 лѣтъ.

Теперь слѣдуетъ рассказать все, что я знаю о родѣ моей матери. Фамилія Обресковыхъ едва ли знаменитѣе фамиліи Свербеевыхъ. Обресковы владѣли, и теперь еще какіе-то изъ нихъ владѣютъ, помѣстьями въ Ярославской губерніи. Какъ бы то ни было, о нихъ до Екатерины II-й не было и помину, въ ея царствованіе сдѣлался извѣстнымъ, какъ дипломатъ и дипломатъ замѣчательный, Алексѣй Михайловичъ Обресковъ, прославившій себя будучи посланникомъ въ Константинополь и просидѣвшій тамъ семь лѣтъ въ Эдикульской башнѣ. Его не выпустили турки передъ начатіемъ войны и заточили въ ней на все время ея продолже-

ніа, какъ равно поступили и съ Булгаковымъ. Тяжкая неволя у турокъ не могла не обратиться на Обрескова особеннаго вниманія Императрицы, и она великодушно вознаградила не только его и его семью, но и всѣхъ его родственниковъ. Онъ умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и оставилъ своимъ сыновьямъ отъ первой жены, гречанки, значительное недвижимое имѣніе, пожалованное ему государыней за его долговременную и многотрудную службу. Послѣ него осталось отъ первой жены гречанки трое сыновей и одна дочь, а отъ второй, урожденной Фаминциной, — одинъ сынъ, умершій чахоткой въ молодости. Старшій и лучший изъ первыхъ трехъ былъ Петръ Алексѣевичъ, бывшій секретаремъ князя Безбородки, впослѣдствіи сенаторъ и директоръ межевой канцеляріи, умный и честный. Онъ былъ женатъ на вѣчно-юной красавицѣ Балчковой. Этотъ Обресковъ умеръ въ концѣ 1813 года, а вдова его въ 1819, уже 50 лѣтъ отъ ролу, но все еще красавица, вышла за 35-лѣтняго красиваго и храбраго генерала, князя Хилкова, и прожила до глубокой старости, сохраняя всѣ привычки, кокетство и претензіи на туалетъ молодой женщины. Въ Обрескову былъ долго влюбленъ Ю. А. Нелединскій-Мелецкій и воспѣвалъ ее звучными стихами. Второй Михайло Алексѣевичъ, извѣстный тѣмъ, что онъ былъ любезникъ до глубокой старости, управлялъ всѣми таможенными и былъ директоромъ департамента внѣшней торговли. Третій сынъ, Иванъ, отличался вѣчнымъ движеніемъ съ мѣста на мѣсто; всѣ были отъ него безъ ума и всѣ его любили. Я теперь еще помню, какую всеелость вносилъ онъ въ нашъ невеселый домъ во время моего дѣтства, хотя появленіе его никогда болѣе часа не продолжалось. Онъ съ необыкновенной быстротой

рыскалъ по городу въ ямской каретѣ, заложеной по обычаю четверкой, и всегда говаривалъ, что лошади везутъ его стремглавъ оттого, что надѣются отъ него убѣжать. Этотъ Обресковъ умеръ въ 1813 г. холостымъ въ чинѣ генералъ-майора, во время похода. Дочь дипломата, Екатерина Алексѣевна, замѣчательна развѣтѣмъ, что умерла въ наше время предпоследней фрейлиной временъ Екатерины II. Она была 1-го выпуска изъ Смольнаго монастыря вмѣстѣ съ родной моей теткой, Марьей Васильевной, о которой упомяну послѣ. Здѣсь же припомню только одно, что я видалъ этихъ двухъ монастырокъ въ началѣ 40-выхъ годовъ и что обѣ старушки пренаивно называли другъ дружку Машенькой и Катенькой.

Не слишкомъ ли долго занялся я переборомъ всей этой семьи? но она была главной опорой родственной семьи моей матери. Родной мой дѣдъ по матери, Василий Ивановичъ Обресковъ, былъ двоюроднымъ братомъ дипломата узника и, вѣроятно, по его покровительству служилъ, хотя и недолго, въ гвардіи. Сколько мнѣ извѣстно, онъ, подобно дѣду моему по отцу, находился подъ башмакомъ у своей супруги, моей бабушки. Обѣ онѣ, мои бабушки, были барыни самостоятельныя. Бабка по матери была урожденная Ермолова, дочь весьма богатаго помѣщика Симбирской губерніи, Ѳедора Ивановича, жившаго еще при Петрѣ Великомъ и скрывавшагося отъ службы въ *нѣтъхъ*, на которую по закону призывались *volens nolens* всѣ дворяне, такъ что онъ до глубокой старости какимъ-то непонятнымъ случаемъ прожилъ въ *нѣтъхъ*, а по нашему въ недоросляхъ изъ дворянъ. Екатерина II даровала права и вольности дворянству, т.-е. позволила ему *служить и не служить*, итакъ, при ней онъ

очутился правымъ, но положеніе его все-таки было неловкое, и потому, когда императрица изволила шествовать въ Казань и проѣзжала мимо его значительнаго имѣнія, села Чернавскаго, въ Симбирской губерніи, то пріатели старика-недоросля или губернское начальство нарочно назначили его домъ на большой дорогѣ мѣстомъ отдохновенія императрицы. Хозяинъ палъ передъ ней на колѣни, она пожаловала ему ручку, и дѣти его пошли служить безъ страха и упрека. Я теперь, чтобы не спутаться, займусь Ермоловыми, а отъ нихъ перейду къ Обресковымъ. О прадѣдушкѣ моемъ, Ѳедорѣ Ивановичѣ, рассказывала, бывало, тетка моя, а его внучка, Марья Васильевна, что онъ, несмотря на все свое великое богатство, ходилъ лѣтомъ въ китайчатомъ зипунѣ, а зимой въ нагольномъ тулупѣ, самъ выдавалъ счетомъ сальныя свѣчи, и то вонючія и желтыя, а безчисленнымъ своимъ внукамъ и внучкамъ въ день ихъ именинъ и рожденія выдавалъ по мѣдному пятакъ; когда же внушки его долго по вечерамъ заснивались, то приходилось имъ освѣщать свои вечера лучинками. У него было два сына, Александръ и Нилъ; первый, прослуживъ гдѣ-то недолго, за свое богатство, простоту и доброту былъ выбранъ въ симбирскіе губернскіе предводители и чуть ли не 15 трехлѣтій пробылъ въ этомъ званіи, отличаясь широкимъ и неприхотливымъ хлѣбосольствомъ и великимъ искусствомъ удить рыбу. Я его какъ теперь вижу и маленькую бойкую его супругу, урожденную Янову, которая и въ 1818 году не терпѣла чепцовъ, а повязывалась какъ наши купчихи и попадьи платочкомъ. Брата его Нила Ѳедоровича помню я только потому, что онъ носилъ какой-то рыжій парикъ и все рассказывалъ о своей курьезной куда-то поѣздкѣ. Кромѣ моей родной баб-

ки, Обресковой, была у нихъ еще одна сестра, Марья Ѳедоровна Кикина, мать статсъ-секретаря, перваго моего начальника по службѣ. Многочисленное потомство обоихъ братьевъ Ермоловыхъ населило всю Симбирскую губернію; отъ ихъ вышедшихъ въ замужство дочерей пошли тамъ и Топорнины, и Чемадуровы, и Тепляковы, и Филатьевы и, наконецъ, Языковы, на имени которыхъ съ удовольствіемъ можно остановиться. Поэтъ Языковъ, его старшій братъ Петръ, замѣчательный минералогъ, а также глубокій мыслитель про себя, мой пріятель Александръ Языковъ и сестра ихъ, жена поэта-богослова, Хомякова, суть лучшіе представители этого колѣна Ермоловыхъ. Надъ всѣмъ же этимъ родомъ гигантомъ высится родственный имъ всѣмъ, а поэтому и мнѣ, великій боецъ Бородина и Кульма, по преимуществу хитроумный, Алексѣй Петровичъ. (Совсѣмъ было забылъ я сказать, что прямой потомокъ моихъ Ермоловыхъ есть теперешній губернский симбирскій предводитель, Александръ Ивановичъ Ермоловъ).

Покончивъ съ многочисленнымъ племенемъ Ермоловыхъ, я долженъ теперь рассказать о семьѣ моей матери. Бабушка моя, Анна Ѳедоровна, жила въ Москвѣ въ большомъ почетѣ и уваженіи, и хотя имѣла весьма ограниченное состояніе, проживая всего 3000 р. въ годъ ассигнаціями, однако принимала весь городъ и лицъ самыхъ почетныхъ, для которыхъ за карточнымъ столомъ исключительно подавались восковыя свѣчи, для всѣхъ прочихъ ставили на столъ сальныя. Старшаго моего дядю, ея сына, Александра Васильевича Обрескова, удалось мнѣ видѣть раза два—три въ моемъ дѣтствѣ. Всю свою жизнь провелъ онъ въ переездахъ съ одного мѣста на другое въ военной службѣ;

то былъ инспекторомъ кавалеріи, то начальникомъ Черноморской линіи и потомъ военнымъ губернаторомъ въ Выборгѣ, умеръ въ концѣ 1811 г. генераломъ отъ кавалеріи въ Александровской лентѣ, и—что довольно удивительно—служа съ ранней молодости въ продолженіе трехъ царствованій, не былъ ни въ одномъ сраженіи. Другой братъ его, Николай Васильевичъ, былъ камеръ-пажемъ при Екатеринѣ, въ ранней молодости ошастливленъ былъ любовью одной фрейлины, кажетсѣ Пассекъ. Государыня приказала ему на ней жениться, но онъ изъ послушанія къ матери уклонился, и за то удаленъ былъ изъ гвардіи. Николай Васильевичъ отличался ловкостью, красивостью, необыкновеннымъ остроуміемъ и ухаживаньемъ за прекраснымъ поломъ. Находясь въ отставкѣ въ Москвѣ, велъ большую игру. Было время, что въ этомъ городѣ люди весьма порядочные, пользующіеся уваженіемъ общества, явно составляли компанію игроковъ, и такъ какъ они всегда имѣли большія деньги и держали банкъ сообща, то эта ихъ компанія находилась постоянно въ выигрышѣ и—странное дѣло—такое поведеніе никѣмъ не почиталось безнравственнымъ.—Послѣ Тильзитскаго мира и неудачнаго для насъ Аустерлицкаго сраженія Россія съ величайшими усиліями начала готовиться къ новой войнѣ съ Наполеономъ, и въ 1807 г. былъ объявленъ манифестъ о вооруженіи чрезвычайной милиціи. Я помню, еще ребенкомъ, какое-то необыкновенное по этому случаю волненіе даже въ нашемъ домѣ. Для милиціи надобно было еще открывать дворянскіе выборы, и поэтому составила большая партія, чтобы свергнуть бывшаго тогда губернскимъ предводителемъ дворянства князя Дашкова, который почему-то многимъ, и особенно людямъ пожилымъ, былъ неугоденъ.

Князь Дашковъ, судя по тому времени, казался, вѣроятно, слишкомъ молодъ для такого поста; зато онъ получилъ необыкновенное образованіе подъ руководствомъ матери, способствовавшей Екатеринѣ II взойти на престолъ. Княгиня Дашкова была не только сама писательница, но и президентъ академіи, а упомянутый ея сынъ довершилъ образованіе въ Англіи и получилъ степень доктора отъ Эдинбургскаго университета, но московская партія русскихъ патріотовъ его свергла, вѣроятно какъ новатора и прогрессиста, и онъ послѣ такого пораженія съ горя тотчасъ занемогъ и умеръ. На мѣсто Дашкова выбрали Николая Васильевича Обрескова, и мой отецъ, несмотря на мучившую его подагру, по родству съ Обресковымъ, желая его поддержать, согласился пойти въ уѣздные предводители въ Серпуховъ. Во время этихъ выборовъ меня въ первый разъ поразила одна замѣчательная личность такъ, что она и теперь сохранилась въ моей памяти: то былъ не разъ пріѣзжавшій къ отцу для какихъ-то совѣщаній адмиралъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, который былъ тогда выбранъ въ губернскіе начальники милиціи и долго-долго, до половины царствованія императора Николая, отличался яримъ патріотизмомъ и рѣзкою правдивостью. Смѣлыя мнѣнія его въ государственномъ совѣтѣ долго ходили по рукамъ и теперь печатаются. По смерти его прошелъ слухъ, что ему извѣстны были замыслы декабристовъ и что онъ стоялъ у нихъ за ширмами наготовѣ,—но объ этомъ послѣ Обресковъ во время своего предводительства умѣлъ поправиться пребывавшей въ Твери великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ и часто туда къ ней изъ Москвы ѣздить. Вѣроятно, по ея вліянію назначенъ былъ въ 1809 г. московскимъ гражданскимъ губерна-

торомъ. Ему выпалъ жребій прослужить въ этомъ званіи весь 1812 г. и въ 1813 возстановлять порядокъ въ губерніи. Объ этомъ также буду говорить подробно въ свое время, когда дойду до грознаго нашествія.

Я рѣшительно ничего не могу сказать о моей матери, которая прожила всего 4 года замужемъ за отцомъ моимъ и оставила меня полтора года. Она умерла родами въ 1801 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, вторымъ сыномъ Яковомъ, котораго вмѣстѣ съ нею похоронили, я же родился 8 сентября 1799 года въ московскомъ нашемъ домѣ на Арбатѣ, гдѣ теперь военный окружный судъ.

Отецъ мой такъ былъ обрадованъ появленіемъ на свѣтъ сына въ дни своей старости, что тотчасъ послѣ родовъ жены ночью пошелъ пѣшкомъ въ церковь Симеона Столпника на Поварской и, разбудивъ священника, упросилъ его отслужить молебенъ патрону моему Дмитрію Ростовскому. (Въ этой церкви сохраняется современный портретъ ученаго святителя, чтимый нынѣ какъ освященный образъ.) Это тѣмъ болѣе для меня памятно, что вообще служеніе молебновъ, всенощенъ и пр. не было въ привычкахъ моего отца.

Отсутствіе всякаго ханжества, а можетъ быть и нѣкоторое равнодушіе къ менѣе важнымъ обрядамъ нашей церкви можетъ, я опасаюсь, послужить укоромъ его памяти въ глазахъ теперешняго поколѣнія, болѣе приверженнаго православію во всѣхъ его проявленіяхъ, и потому я долженъ здѣсь войти въ нѣкоторое объясненіе. Мнѣ неизвѣстно, почему и когда именно отецъ мой сталъ масономъ или мартинистомъ; о томъ, что онъ принадлежалъ къ этому ордену, узналъ я только послѣ его кончины и только тогда, узнавъ объ этомъ отъ его товарищей по ордену и изъ его переписки съ

ними, началъ я объяснять себѣ всю нравственную сторону его жизни. Онъ былъ неуклонно строго честенъ во всѣхъ своихъ отношеніяхъ, и—что всего удивительнѣе, судя по тому времени, къ какому онъ принадлежалъ, той средѣ, изъ которой онъ вышелъ, по весьма недостаточному образованію, которое онъ получилъ, по бѣдности, въ какой онъ родился, по его службѣ въ арміи, гдѣ, конечно, не окружали его примѣры уваженія къ человѣческому достоинству,—несмотря на все это, онъ былъ примѣрно хорошимъ помещикомъ.

Въ его управленіи имѣніями не было почти никакого произвола и рѣшительно никакого излишняго отягощенія крестьянъ. Оброчные его крестьяне платили ему самый умѣренный оброкъ, и не было никакихъ другихъ поборовъ, какъ то бывало тогда почти вездѣ, и баранами и грибами, и ягодами и холстами,—съ нихъ ничего такого не взыскивалось. Когда же случалось взять у оброчныхъ крестьянъ подводу, то имъ платились прогоны. Въ Новосільскомъ имѣніи, которое, по самой своей мѣстности, не могло быть иначе какъ на барщинѣ, отецъ мой хотѣлъ устроить навсегда самый безобидный порядокъ. Онъ раздѣлить всю пашенную землю на три поля, какъ для себя, такъ и для крестьянъ; каждому тягловому работнику назначенъ былъ 3-хдесятинный участокъ въ каждомъ полѣ въ постоянное владѣніе, и каждому этому тягловому отдѣлялся особенный участокъ въ полторы десятины въ каждомъ полѣ съ обязанностью обрабатывать его на барщину, т.-е. пахать, сѣять и убирать. Такимъ образомъ каждый тягловой крестьянинъ обрабатывалъ на барщину половину той земли, которую получалъ за себя. Число обозовъ для продажи хлѣба

было также определѣно навсегда и никогда далѣе 80 верстъ, т.-е. города Мценска. Разъ или два на моей памяти случалось возить хлѣбъ въ Москву, гдѣ онъ былъ сравнительно дороже, и тогда крестьянамъ доплачивалось по расчету. Къ сожалѣнію, участковый порядокъ обрабатыванія земли на барщину не могъ долго сохраниться; невозможно было довести крестьянъ до того, чтобы каждый изъ нихъ обрабатывалъ своими силами одинъ и тотъ же назначенный участокъ. Круговая обработка сдѣлалась неизбѣжною, пришлось слѣдовать вездѣ установленному обычаю; но земляной надѣлъ крестьянамъ на каждаго работника и обязанность обрабатывать половину на помѣщика сохранялись до эмансипаціи. Не забудьте, что отецъ мой былъ человѣкъ весьма раздражительный и способный предаваться самому сильному гнѣву, если бы онъ себя постоянно не сдерживалъ,—такъ передали мнѣ наши домашніе, и два или три раза замѣтилъ это я самъ, но я не помню, чтобы онъ дрался съ людьми изъ собственныхъ рукъ, и у насъ не было тѣхъ тяжкихъ истязаній и тѣхъ орудій казни надъ крестьянами, которыя мнѣ случалось встрѣчать даже въ сороковыхъ годахъ и у лучшихъ сосѣднихъ помѣщиковъ. У насъ и въ заводѣ не было, чтобы тяжко провинившимся брили половину головы и половину бороды и не позволяли имъ отращивать волосы до помилованія; у насъ не существовали въ конторахъ колодки, къ которымъ приковывались виноватые, и не надѣвали на нихъ ошейниковъ. Безъ розогъ дѣло не могло, конечно, обходиться, но это были обыкновенныя занятія управляющаго съ конторою. Отецъ мой не слѣдовалъ обычаю многихъ—продавать людей другимъ помѣщикамъ, или въ рекруты, ни вдовъ, ни дѣвокъ въ замужество, и

только одинъ разъ, купивъ Михайловское, по теперешнимъ моимъ понятіямъ, измѣнить своему гуманному направленію въ томъ, что, отобравъ изъ всего имѣнія сотню крестьянъ самаго дурного поведенія, выселилъ ихъ на принадлежавшую ему землю подъ Кременчугомъ и впослѣдствіи продалъ съ землею тамошнему помѣщику. Это доказываетъ одну святую истину, что и лучшіе помѣщики не могли не злоупотреблять крѣпостнымъ правомъ. Такихъ доказательствъ много будетъ въ моихъ «Запискахъ». Чѣмъ же объяснить его такое поведеніе съ людьми, отъ него вполне зависѣвшими? Онъ не могъ осуждать и не осуждалъ, конечно, крѣпостного права въ его принципѣ, и въ двухъ сохранившихся послѣ него бумагахъ называлъ крѣпостныхъ своихъ такъ: «Богомъ и государемъ данные мнѣ подданные», но въ каждомъ человѣкѣ онъ уважалъ образъ и подобіе Божіе гораздо болѣе, чѣмъ въ образахъ писанныхъ и обложенныхъ окладами и драгоценными камнями. Такое высокое христіанское понятіе объ обязанностяхъ человѣка къ человѣку и о правахъ человѣка надъ человѣкомъ выработало для него ученіе масоновъ или мартинистовъ. Онъ, какъ и лучшіе изъ членовъ этихъ сектъ, признавалъ святость внутренней церкви и поклонялся Божеству не въ горѣхъ Іерусалимскихъ, но духомъ и истиною. Масонство было благотворнымъ и самымъ дѣятельнымъ орудіемъ нашего просвѣщенія съ половины XVIII столѣтія и до самаго его уничтоженія. Объ этомъ орденѣ были напечатаны многими самая любопытная свѣдѣнія, и мнѣ нѣтъ нужды распространяться въ моихъ «Запискахъ» о его значеніи, да и свѣдѣнія мои объ этомъ предметѣ весьма скудны, такъ какъ я никогда не былъ масономъ. Всѣ акты ордена, найденные послѣ смерти отца,

всѣ недозволенные цензурою книги, тайно напечатанные въ масонской типографіи, всѣ рукописи и знаки масонскаго ордена взяты были у меня по его смерти и по его завѣщанію другомъ и врачомъ его, также масономъ, Матвѣемъ Яковлевичемъ Мудровымъ, котораго московскіе старожилы еще помнятъ. Этотъ любимый и оригинальный докторъ открылъ мнѣ въ то время всю масонскую дѣятельность моего отца. По кончинѣ Екатерины, преслѣдовавшей братьевъ ордена, при Павлѣ масонство опять возникло. Орденъ этотъ для распространенія своего ученія и преимущественно для гражданской цивилизаціи всѣхъ слоевъ общества разсылалъ по губерніямъ дѣятельныхъ своихъ сочленовъ и возлагалъ на нихъ обязанность открывать масонскія ложи въ губернскихъ городахъ. Основатели носили званіе «великаго мастера ложи»; такими были: въ со-сѣднемъ съ нашимъ имѣніемъ городѣ Орлѣ мой отецъ, Петръ Петровичъ Тургеневъ въ Симбирскѣ, Захаръ Яковлевичъ Корнѣевъ въ Харьковѣ, Гамалѣя въ Тулѣ и т. д. Коротко ли, долго ли управлялъ своею ложею мой отецъ, рѣшительно не знаю, но домъ, въ которомъ была орловская масонская ложа, перенесенъ былъ послѣ смерти моей матери въ наше Михайловское, и домъ этотъ живетъ тамъ еще и теперь, ветшаетъ, но служить мнѣ ежегоднымъ лѣтнимъ пріютомъ. Ломать его мнѣ не хочется, переживать — грустно, хотя все окружающее ежедневно напоминаетъ мнѣ о необходимости построить жилище новое; тутъ же, какъ нарочно, на полуторѣ, за широкимъ прудомъ, образовавшимся изъ запруженной рѣки Любовши, улеглась желѣзная дорога, съ которой виденъ этотъ старый чернѣющійся домъ, какъ темное пятно среди густо окружающей его зелени дубовыхъ лѣсовъ,

липовыхъ аллей и березовыхъ рощъ. Великій соблазнъ — выстроить на показъ для другихъ и для удобства себѣ и семьѣ что-нибудь покрасивѣе или хотя поприличнѣе нашему времени, а все не хочется. — Изъ всѣхъ товарищей по масонству моего отца помню я троихъ: сенатора Ивана Владиміровича Лопухина, жестокого гонимаго Екатериной II и орудіемъ ея преслѣдованія въ Москвѣ — главнокомандующимъ княземъ Прозоровскимъ. Дѣятельность Лопухина теперь всѣмъ извѣстна, и потому я говорить о ней не стану, скажу только одно, — что онъ извѣстенъ былъ безпримѣрнымъ нищелюбіемъ: имѣя обычай ежедневно гулять пѣшкомъ по городу, онъ обыкновенно бралъ на раздачу нищимъ нѣсколько рублей и часто за недостаткомъ отдавалъ свои носовые платки. У него никакого не было порядка въ домѣ; состояніе его было разстроено; холостой и бездѣтный, чтобы жить сколько-нибудь порядочно, прибѣгалъ онъ къ частымъ займамъ у своихъ братьевъ масоновъ и никогда не отдавалъ. Вторымъ товарищемъ по ордену былъ Петръ Платоновичъ Сафоновъ, пышный степной баринъ, служившій при Екатеринѣ полковникомъ гвардіи, при Павлѣ — губернскимъ орловскимъ предводителемъ, женившійся для поправленія своихъ разстроенныхъ дѣлъ на Аннѣ Герасимовнѣ Савиной, невѣсткѣ нынѣ благополучно предсѣдательствующей надъ московскими дѣтскими пріютами Татьяны Александровны Савиной. Въ этомъ Сафоновѣ, назначенномъ ко мнѣ опекуномъ, не сохранилось, кажется, и слѣдовъ благотворнаго въ нѣкоторомъ отношеніи масонскаго ученія. Онъ былъ весь проникнутъ и пропитанъ своимъ полубарскимъ достоинствомъ, имѣлъ своихъ живописцевъ, музыкантовъ, пѣвчихъ; лакеямъ у него не было числа; садъ

у него былъ стриженный; стаи борзыхъ и гончихъ и полуголодные и полуодѣтые ловчіе и доѣзжачіе выбивали озимыя зелени помѣщичьи, крестьянскія и однодворческія безъ разбора; зато говорилъ онъ всегда пышно, красно, а при случаѣ, для пріѣзжаго издалека гостя, сколько-нибудь грамотнаго, не позабывалъ прочитывать какую-то оду на Благовѣщеніе, когда-то имъ сочиненную по образцу Хераскова. Третьимъ братомъ по масонству моего отца былъ тоже сосѣдь по Михайловскому Василій Васильевичъ Артемьевъ, отецъ котораго былъ не изъ дворянъ, а изъ какихъ-то приказныхъ. Этотъ, какъ видно, былъ челоуѣкъ поживѣе; бросивъ въ первомъ офицерскомъ чинѣ военную службу, онъ весь погрузился въ химію, но, какъ масону, такой науки ему было мало, и онъ сталъ изучать Теофраста Парацельса и предался алхиміи, завелъ у себя лабораторію, добиваясь, подобно другимъ, открыть философскій камень и составлять золото. Помимо тайныхъ своихъ занятій, онъ занимался и медициной и у многихъ по сосѣдству славился своимъ врачеваніемъ; другіе же увѣряли, что онъ морилъ своихъ пациентовъ, какъ мухъ. Въ старости онъ спился съ кругу, но и въ такомъ положеніи пользовался особеннымъ уваженіемъ людей, которые впослѣдствіи сдѣлались государственными сановниками, такъ напр., графъ Сергѣй Степановичъ Ланской (отецъ Перфильевой, братъ княгини Одоевской) часто навѣщалъ его деревенское уединеніе. Артемьевъ также былъ назначенъ ко мнѣ опекуномъ, но, подобно Сафонову, полѣнился заняться моими дѣлами, а я, съ перваго же года, т.-е. съ 15-тилѣтняго моего возраста, позаботился и совсѣмъ отдѣлаться отъ своихъ опекуновъ. Кстати объ опекунахъ, упомяну и о

моемъ третьемъ, богатомъ рязанскомъ помѣщикѣ, Петрѣ Николаевичѣ Дубовицкомъ. Онъ служилъ въ Крыму подъ начальствомъ моего отца; это былъ человѣкъ своего рода замѣчательный и совершенно противоположный двумъ упомянутымъ прежде личностямъ; природный умъ его отличался безпощадной логикой, и потому онъ былъ человѣкъ практичный до мелочи, и потому же самому былъ безпощадный, отъявленный врагъ масоновъ и всегда раздѣлялъ ихъ на два сорта: на братьевъ-братиковъ, которые брали и никогда не отдавали,—такихъ онъ называлъ *умными*, и братьевъ-датиковъ, которые всегда давали,—и этихъ называлъ *дураками*; хозяинъ-помѣщикъ строгости и точности неумолимой, но всегда справедливый; деревни его около Рязани отличались рѣдкимъ порядкомъ и устройствомъ, а крестьяне по своему богатству чуть ли не были первыми во всей губерніи; ни одинъ изъ нихъ (а у него ихъ было до 2000, если не болѣе) не смѣлъ и подумать выпить когда-нибудь водки: «пей пива сколько хочешь, — говаривалъ онъ имъ, — выпьешь водки — иди въ рекруты, негодень — отправляйся на поселеніе». Онъ, бывало, въ Москвѣ у меня послѣ отца останавливался, и я какъ теперь вижу его каждый вечеръ выкладывающимъ изъ портфеля ассигнаціи, а изъ кошелька серебро и мѣдь для повѣрки издержекъ и записки ихъ въ расходную книгу, а ему было тогда за 70 лѣтъ. Вотъ что случилось однажды у меня на глазахъ. Обѣщалъ онъ одному молодому человѣку дать взаймы 5000 руб. и назначилъ день, чтобы отдать ему деньги, а отъ него взять заемное письмо. Молодой человѣкъ, очень порядочный (имя его не припомню), пріѣхалъ при мнѣ и тотчасъ же вручилъ совершенное имъ формальное заемное письмо,

а Дубовицкій отдалъ ему 5 пачекъ въ каждой по 1000 р. Юноша не считая кладетъ ихъ въ карманъ и благодаритъ. «Не угодно ли счесть.» — «Помилуйте! Отчего же?» — «Пожалуйста, сочтите». — «Какъ я смѣю!» — «Ну, такъ, батюшка, позвольте, пожалуйста мнѣ ихъ назадъ и извините. Я не даю денегъ такимъ господамъ, которые ихъ не считаютъ». Юноша сконфузился и, наконецъ, разсердился. «Помилуйте, вѣдь я написалъ заемное письмо, хлопоталъ, и оно чего-нибудь стоитъ». — «Вотъ это другое дѣло; что правда, то правда. Пошлинъ вышло у васъ на него 5 р. 50 к., за написаніе заплатили вы—ну—рубль, да на извозчика проѣздили тоже рубликъ, такъ ли-съ? Вотъ вамъ, батюшка, за ваши расходы 7 р. 50 к., а заемное письмо я разорву. Прощайте! — Вотъ, милый мой Митя, — сказалъ Дубовицкій, обращаясь ко мнѣ, — все это продѣлалъ я тебѣ въ науку, а съ молодцомъ этимъ мы сочтемся». Не даромъ, впрочемъ, старикъ Дубовицкій былъ озлобленъ противъ масоновъ или мартинистовъ и такъ строго судилъ ихъ: они погубили ему единственного сына. Подчинившись вліянію самыхъ ревностныхъ дѣятелей этой секты и въ особенности знаменитаго Лабзина, онъ весь предался какой-то странной религіозной маніи и еще при отцѣ одичалъ совершенно и жилъ не столько въ обществѣ людей, сколько съ духами. Чтобы какъ-нибудь развлечь сына, отецъ женилъ его поневолѣ уже довольно взрослого чуть ли не подъ 30 лѣтъ, на молодой, красивой дѣвушкѣ изъ хорошаго семейства Озеровыхъ, сестрѣ бывшаго впослѣдствіи члена государственнаго совѣта, Петра Ивановича, и родной теткѣ теперешняго министра нашего въ Баваріи и другого недавно бывшаго въ Швейцаріи; но это его не спасло: бѣдная женщина

прожила не долго, оставивъ ему сына и двухъ дочерей. Мистикъ Дубовицкій далъ имъ самое оригинальное воспитаніе; дочери, хорошо образованныя, хотя и отдаленныя отъ всякаго общества, начали изучать медицину и особенно повивальное искусство; для усовершенствованія своихъ познаній сего рода долго жили онѣ въ Парижѣ и никогда не были ни въ одномъ театрѣ. Дальнѣйшая ихъ судьба мнѣ неизвѣстна. Сынъ пошелъ также по медицинской части, получилъ докторство и долго былъ президентомъ медико-хирургической академіи и очень недавно умеръ. Какъ ни странно такое направленіе, данное дѣтямъ при весьма хорошемъ состояніи, но въ немъ, конечно, нѣтъ еще ничего предосудительнаго. Зато самъ Дубовицкій кончилъ жизнь весьма дурно: онъ удалился въ Елецкое свое имѣніе и началъ созывать къ себѣ своихъ и сосѣднихъ крестьянъ на какія-то молитвенныя бесѣдованія, имъ проповѣдывалъ и давалъ обѣды, называя ихъ трапезами любви, или агапами. Объ этомъ узнали власти, духовная и гражданская, и донесли правительству; послѣ долгихъ и безуспѣшныхъ увѣщаній обратиться отъ своихъ мистическихъ заблужденій на истинный, правильный, общій путь, его заточили, не взирѣя на сильныя протекціи, въ Соловецкій монастырь, тамъ, кажется, онъ и умеръ.

Но пора мнѣ представить налицо будущимъ моимъ читателямъ главнаго и единственнаго героя этихъ «Записокъ», т. е. самого себя, такъ какъ я, каковъ ни-на-есть, буду средоточіемъ всего это повѣствованія. Родился я въ концѣ XVIII столѣтія, въ грозное царствованіе Павла, наименованъ былъ Димитріемъ не въ честь какого-либо родственника, а во имя святителя

Ростовскаго; по всему видно, что отецъ мой изъ особеннаго уваженія къ памяти еще въ томъ же столѣтїи прославленнаго святого далъ мнѣ его имя. Совершенное невѣдѣніе мое о моей матери имѣло, вѣроятно, весьма сильное вліяніе на все мое развитіе. Отецъ мой никогда не говорилъ о ней. Хотя онъ любилъ меня страстно, но въ обращенїи со мной онъ былъ необыкновенно сдержанъ, а я боялся его болѣе, нежели любилъ. Послѣ кончины матери жила съ нами родная моя тетка Елена Яковлевна, одна изъ меньшихъ сестеръ отца. Здѣсь слѣдуетъ сказать кстати, что по смерти своихъ родителей четверемъ первымъ своимъ сестрамъ уступилъ отецъ мой все свое отцовское и материнское имѣніе въ Тверской губерніи, а такъ какъ при всемъ этомъ части ихъ были весьма невелики, то взялъ на свои руки меньшихъ сестеръ и далъ имъ обѣимъ вмѣстѣ село Чудиново съ пустошами. Выдавъ, какъ сказано выше, меньшую изъ нихъ за Слоновскаго, сестру Елену онъ помѣстилъ у себя. Послѣ моей матери она сдѣлалась полною хозяйкой всего нашего дома, и, несмотря на то, что была рѣшительно безъ всякаго образованія, полновластно управляла всею ежедневною жизнью; отъ этого вышло то, что къ намъ рѣдко являлись люди развитые, потому что для нихъ женскаго элемента, сколько-нибудь привлекательнаго, у насъ не было; дамы высшаго или хорошаго общества, котораго самъ мой отецъ никогда не оставлялъ, также къ намъ не ѣзжали: имъ не о чемъ было говорить съ моей тетушкой, хотя доброй и весьма умной въ практическомъ смыслѣ. Между братомъ и сестрой также не могло быть интереснаго разговора, и мнѣ не къ чему было прислушиваться. Такую родственную любовь къ своимъ сестрамъ и постоянную о всѣхъ

нихъ заботливость, несмотря на все умственное и нравственное разстояніе между ними и братомъ, объяснить я могу себѣ однимъ только святымъ исполненіемъ долга, и это чувство было въ моемъ отцѣ такъ сильно, что одинъ разъ, гораздо прежде, навлекло на него самого гнѣвъ его матери. Я забыть было и совѣмъ записать эту черту его жизни, показывающую, какъ въ старые годы дѣти уважали своихъ родителей. Уже вдовцомъ, послѣ первой своей женитьбы возвращался онъ изъ Петербурга въ Крымъ и заѣхалъ навѣстить мать; она стала говорить ему о необходимости поправить приходскую церковь и просила сына помочь ей перекрыть крышу. «Матушка, — отвѣчалъ онъ ей, показывая на сестеръ, — сколько у васъ не покрытыхъ». Матушка разгнѣвалась, сочла кощунствомъ надъ святынею такое сопоставленіе людей съ храмомъ Божиимъ, и чтобы ее успокоить и съ нею помириться, вдовый, 40-лѣтній мой отецъ долго съ переломленной ногой стоялъ передъ ней на коленяхъ, испрашивая прощенія.

Постараюсь, начиная отсюда, избѣгать отступленій подобнаго рода, которыя такъ мѣшаютъ труду, мной предпринятому. Какъ я росъ ребенкомъ, не помню. Ко мнѣ 5-тилѣтнему приставили въ дядьки нашего крѣпостного человѣка, бывшаго прежде, какъ онъ самъ о себѣ всегда говаривалъ, плохимъ приказчикомъ, Аѳанасія Варѣоломеевича Пивоварова, который долго былъ моимъ единственнымъ воспитателемъ. По настояніямъ моей тетки Обресковой, родной сестры матери, той знаменитой Марьи Васильевны, которая воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ пансіонеркой князя Орлова у г-жи Lafond, довольно бойко говорила по-французски, господствовала въ своей семьѣ и называлась

въ ней стрѣлой-барышней, долго жила въ Москвѣ и славилась своей рѣзкой правдивостью, взяли ко мнѣ 7-лѣтнему мальчику какого-то француза эмигранта, monsieur Ravillon, но, не зная ни слова по-русски, онъ не могъ ужиться у насъ долго, едва ли болѣе 2-хъ мѣсяцевъ; онъ лично совершенно вышелъ изъ моей памяти. Помню только одно, что жилъ онъ у насъ въ большомъ арбатскомъ домѣ, который отецъ мой, видно, найдя его слишкомъ обширнымъ, продалъ, и мы перешли въ небольшой очень домикъ, выстроенный на обширномъ дворѣ назади большого въ Кривомъ переулкѣ, въ приходѣ церкви Николы въ Плотникахъ. Рядомъ же съ нами, на части земли, отдѣленной отъ того же дома, поселился главный повѣренный моего отца (по-тогдашнему назывались они стряпчими), московскій 3-й гильдіи купецъ, Ефремъ Никифоровичъ Барышовъ; прежде онъ былъ крѣпостнымъ какого-то господина, купленъ у него моимъ отцомъ и имъ выпущенъ на волю. Этотъ отпущенникъ занимался и по смерти моего отца всѣми моими дѣлами по присутственнымъ мѣстамъ и былъ въ концѣ своей жизни мнѣ преданъ за оказанныя ему beneficia. Въ маленькомъ домикѣ, кромѣ моей тетки, жила еще очень молоденькая дѣвушка, воспитанница моего отца, Катерина Николаевна, которая черезъ нѣскольکو лѣтъ выдана была замужъ—и, кажется, противъ желанія—за мелкопомѣстнаго серпуховскаго дворянина Николая Сергѣевича Тарасова, который впоследствии, во время долгаго моего пребыванія за границей, управлялъ моимъ имѣніемъ. Ни старый мой отецъ, умный, бывалый, образованный, ни моя тетка, весьма пожилая дѣвушка, умная, но безграмотная, управлявшая однако всѣмъ, не имѣли на мое дѣтство такого

вліянія, какое имѣлъ на мое первоначальное воспитаніе мой дядька Варооломеевичъ, и потому я по справедливости долженъ посвятить ему цѣлую страницу моихъ «Записокъ», какъ такому оригиналу, о которомъ и теперь еще напоминаютъ мнѣ издавшія его со мною старушки, мои современницы. Я многимъ ему обязанъ и вспоминаю о немъ съ благодарностью, хотя и не безъ примѣси другого, совершенно противнаго, чувства, потому что постоянное его при мнѣ присутствіе не разъ оскорбляло глубоко мое дѣтское самолюбіе.

Дядька мой, Варооломеевичъ, какъ его тогда всѣ называли, приставленъ былъ ко мнѣ, когда ему было лѣтъ подъ шестьдесятъ, мнѣ же было лѣтъ 5 или 6. Онъ гордился своимъ происхожденіемъ отъ дворовыхъ же людей какого-то, по его убѣжденію, знатнаго дворянскаго дома Хрущевыхъ. Подобная гордость между дворовыми людьми не была рѣдкостью, она продолжалась до самой эмансипаціи. Дворовые, хотя и крѣпостные, всегда ставили себя несравненно выше всякаго помѣщичьяго крестьянина, хотя бы даже послѣдній самостоятельно торговалъ на свой капиталъ, иногда довольно значительный. Крестьяне сами смиренно сознавали превосходство надъ собою дворовыхъ, точь въ точь какъ почтенный по роду провинціальный дворянинъ смотритъ, или по крайней мѣрѣ смотрѣлъ, на камергера, а тѣмъ паче на какого-нибудь гофмаршала, хотя и отставного, потому только, что послѣдній былъ близокъ ко двору. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы мои замѣчанія перетолковывали совершенно въ противную сторону, чтобы меня принимали за защитника идей новаго времени. Я принадлежу прошлому, которое уважало всякую власть, и свое ува-

женіе основывало столько же на законахъ гражданскихъ, какъ на законахъ божественныхъ. Христіанскій законъ повелѣвалъ подданному повиноваться государямъ даже языческимъ, рабу—даже господину жестокому и исполнять сіе повелѣніе не изъ одного страха, а по совѣсти, т.-е. какъ долгъ. Отсюда понятно, что люди, стоящіе въ отдаленіи отъ власти, какая бы она ни была, питають уваженіе къ тѣмъ, которые ее окружають. Всякое чувство можетъ, конечно, быть доведено до излишества, но то чувство, которое теперь называется предразсудкомъ и даже подлымъ униженіемъ, въ своемъ источникѣ основано на непреложной истинѣ.

Итакъ, мой Вареоломеевичъ, происходившій отъ рода дворовыхъ, служившій знатному дворянскому дому въ своей молодости, былъ приставленъ камердинеромъ къ молодому своему барину, офицеру гвардіи, и отправился съ нимъ въ первую крымскую войну въ Молдавію. Долго сопутствовалъ онъ ему въ этомъ походѣ, изучивъ, будучи довольно грамотнымъ по своему, и географію, и нравы, и отчасти самый языкъ этой страны; но баринъ его былъ убитъ въ какомъ-то сраженіи, и золотое время путешествія Вареоломеевича кончилось невольнымъ возвращеніемъ на родину. Тамъ ожидала его судьба менѣе благопріятная: отъ убитаго старшаго брата перешелъ онъ къ меньшому, который, промотавъ все свое состояніе, продалъ Вареоломеевича г. Якоби, въ послѣдствіи извѣстному сибирскому генераль-губернатору Екатерининскихъ временъ. Отецъ мой встрѣтился съ г. Якоби около Сарепты; онъ въ то время заводился домомъ и, не имѣя собственныхъ дворовыхъ людей, покупалъ ихъ цѣлыми семьями; тутъ былъ купленъ и Вареоломеевичъ.

вмѣстѣ съ мальчишкой-поваренкомъ и двумя калмыками, уроженцами Приволжскаго края, которыхъ я еще засталъ въ живыхъ. Всю эту дворню отецъ мой взялъ съ собою въ Крымъ, и послѣ, купивъ имѣніе въ Новосильскомъ уѣздѣ, назначилъ Варооломеевича туда приказчикомъ. Онъ, вѣроятно, оказался плохимъ на самомъ дѣлѣ, потому что пробылъ тамъ не долго: наконецъ приставили его ко мнѣ дядькой.

Отличительной чертой этого перваго и главнаго моего наставника была не только набожность и усердіе къ церкви, но и вмѣстѣ изумительная начитанность божественныхъ книгъ. Онъ, кажется, зналъ наизусть не одну Псалтирь, что еще часто встрѣчалось, а и все Евангеліе. Какъ выучилъ онъ меня грамотѣ, церковной и гражданской, я самъ не знаю. Шести лѣтъ отъ роду читалъ я отчетливо и бойко и ту и другую. Каждое утро молились мы съ Варооломеевичемъ по строго-заведенному имъ порядку. Послѣ чтенія утреннихъ молитвъ вычитывалъ я одну каѳизму, а потомъ апостолъ и Евангеліе дня; затѣмъ послѣ чая слѣдовалъ сидячій урокъ чтенія, весь состоявшій изъ упражненія въ немъ по божественнымъ книгамъ. Варооломеевичъ имѣлъ сердце необыкновенно чувствительное, ему ниспосланъ былъ тотъ даръ слезъ, который такъ высоко цѣнится всѣми мистиками и аскетами; поэтому онъ для меня избиралъ предметомъ чтенія житія св. мучениковъ, а изъ Евангелія всего чаще читали мы бесѣду Спасителя съ учениками предъ Его страданіемъ и самыя страсти, и я вмѣстѣ съ моимъ дядькой обливался слезами отъ искренняго сердечнаго умиленія и, безъ сомнѣнія, вполне сохранилъ бы за собою тотъ даръ слезливости, какимъ онъ отличался, если бы себя не сдерживалъ, опасаясь казаться смѣшнымъ. Не без-

слѣдно прошли для меня такіе уроки чтенія; отъ частаго повторенія до того усвоилъ я практическое знаніе церковнаго нашего языка, что удивлялъ этимъ познаніемъ многихъ пожилыхъ пріятелей моего отца и въ особенности набожныхъ барынь и всякихъ старухъ-пріятельницъ и приживалокъ моей тетки. Этого мало; мнѣ случалось лѣтъ 40 или 50 послѣ озадачивать моимъ такимъ знаніемъ великихъ славянскихъ учителей позднѣйшихъ временъ и въ спорахъ, вертящихся на однихъ текстахъ, иногда поражать ихъ. Но видно, всякое добро можетъ быть источникомъ какого-нибудь зла; въ глазахъ дядьки я сталъ какимъ-то чудомъ, имъ созданнымъ; прельщеніе моими высокими достоинствами, къ сожалѣнію, коснулось и моего отца, и вотъ на показъ свѣту начали меня развозить по гостямъ и вмѣстѣ со мной брать моего дядьку, который, разодранный во французскій кафтанъ или бархатный или тончайшаго синяго сукна съ большими перламутровыми либо свѣтлыми стальными пуговицами, въ штанахъ, въ шелковыхъ чулкахъ, въ башмакахъ съ пряжками, съ прической à la vergette и съ завитыми въ два ряда буклями и косою слѣдовалъ за мной всюду, какъ тѣнь, имѣя въ карманѣ на всякій случай и Евангеліе и Псалтирь. Такимъ образомъ часто отправлялись мы втроемъ въ разные дома и большею частью въ дома людей знатныхъ. Возили меня къ графу Пушкину, знаменитому собирателю русскихъ древностей, открывшему въ 1812 г. «Слово о полку Игоревѣ» и приготовившему послѣднее къ изданію, и къ этому—прямо къ обѣднѣ, несмотря на огромное разстояніе между Кривымъ Арбатскимъ переулкомъ и Разгуляемъ. Тамъ задавалось мнѣ чтеніе псалма при концѣ обѣдни, что не мѣшало однако чтенію послѣ службы какого-нибудь отрывка

изъ Псалтири или Евангелія. Возили меня еще къ графу Орлову, къ слѣпой старушкѣ Нарышкиной и маюли еще къ кому изъ перзабытыхъ мною, но никогда не возили меня къ моему родному дядѣ и теткѣ Обресковымъ; послѣдняя очень негодовала на всѣ эти развозы мальчишка, изъ котораго дѣлалли какого-то актера набожности. Сначала это мнѣ почти нравилось, но потомъ сдѣлалось просто моимъ несчастіемъ. У графа Пушкина были почти моихъ лѣтъ сыновья и дочери, воспитываемые совсѣмъ иначе; они, казалось мнѣ, смотрѣли на меня съ какимъ-то презрѣніемъ; у графа Орлова тоже были тогда внуки, молодые графы Панины. Всего сквернѣе чувствовалъ я себя, когда случалось мнѣ съ отцомъ быть на одинъ или два дня въ Отрадѣ; тутъ и пышный мой дядька дѣлался мокрой курицей, и мы были предметами насмѣшекъ хозяевъ юнаго поколѣнія, ихъ иноземныхъ гувернеровъ и гувернантокъ, а вѣроятно и слугъ. Никакъ не могу объяснить себѣ, почему такъ поступать со мной мой отецъ и какую онъ могъ видѣть въ этомъ пользу. Мнѣ такіе визиты и даже самый мой дядька съ его чопорнымъ костюмомъ французскаго маркиза XVIII столѣтія стали рѣшительно ненавистны, а напоминаніе о моемъ дядькѣ и всѣхъ тогдашнихъ невольныхъ продѣлкахъ долго заставляло меня краснѣть до ушей всякій разъ, когда кто-нибудь изъ моихъ современниковъ объ этомъ со мной заговаривалъ.

Наконецъ какъ-то и когда-то замѣтили, что великолѣпнаго и слезливаго дядьки недостаточно для моего образованія и что мальчику моихъ лѣтъ, кромѣ бойкаго чтенія русской и славянской грамоты, нужно знать что-нибудь побольше. У Вареоломеевича, кромѣ сказаннаго чтенія, выучился я пѣнію съ голоса боже-

ственныхъ и народныхъ пѣсень, затвердилъ пословицы, которыя онъ вмѣшивалъ въ свою рѣчь, говоря всегда виршами или притчами, но не могъ выучиться, да, впрочемъ, онъ меня этому и не училъ, вязать тончайшіе нитяные чулки; я не любилъ также его будничныхъ буклей, завернутыхъ всегда въ эти дни въ бумажки. Кромѣ всѣхъ этихъ особенностей, въ характерѣ Вареоломеевича замѣтно преобладала охота водить голубей. Онъ получилъ въ свое владѣніе половину чердака нашего дома, гдѣ обитали эти его птицы. У него было по нѣскольку паръ и трубчатыхъ турмановъ, — они какъ-то кувыркались въ воздушномъ пространствѣ, спускаясь на землю, — были и такъ называемые чистые, на которыхъ любовались, смотря на отраженіе ихъ въ водѣ какого-нибудь сосуда, нарочно для того поставленнаго, когда они по нѣскольку минутъ держались на одномъ мѣстѣ въ воздухѣ, и красивые козырные, и хохотавшіе вмѣсто воркованья египетскіе голуби. Вареоломеевича знали и въ Охотномъ ряду. Онъ мѣнялъ и продавалъ своихъ птицъ иногда по 60 руб. за пару. Но и эта охота не привилась ко мнѣ.

Ариѳметикѣ началъ меня учить другой нашъ крѣпостной человѣкъ, Илья Михайловичъ Шиловъ, изворотливый конторщикъ при отцѣ, въ послѣдствіи его секретарь, ходатай по дѣламъ и, наконецъ, нашъ управляющій въ Михайловскомъ. Онъ былъ дѣйствительно человѣкъ рѣдко даровитый, и у него вызубрилъ я всю ариѳметику и первую часть геометріи. Катихизису по какой-то рукописи обучалъ меня студентъ московской славяно-греко-латинско-россійской академіи, Лебедевъ, искавшій мѣста діакона при нашей приходской церкви, Николы въ Плотникахъ, что на Арбатѣ; въ послѣдствіи онъ занялъ тутъ же мѣсто священника и

былъ моимъ духовникомъ до 1860 г. Катихизисъ этотъ, сколько припомню, былъ замысловатый и мистическій; кажется, онъ писанъ былъ ученикомъ масоновъ, священникомъ церкви Иоанна Воина, что за Москвой рѣкой, Матвѣемъ Десницкимъ, знаменитымъ въ свое время проповѣдникомъ, потомъ черниговскимъ архіепископомъ и, наконецъ, Михаиломъ, митрополитомъ с.-петербургскимъ. Богословскія его сочиненія во многихъ томахъ извѣстны. Память моя сохранила нѣкоторыя любопытныя подробности преподававшагося мнѣ катихизиса. Не могу утвердительно сказать, весь ли принадлежалъ онъ этому знаменитому архіерею или составленъ изъ его сочиненій, но вотъ что изъ него я запомнилъ: тамъ упоминалось съ большими подробностями о возстаніи отпадшихъ ангеловъ подъ предводительствомъ Люцифера и пораженіи ихъ архангеломъ Михаиломъ, архистратигомъ небеснаго вѣрнаго воинства; далѣе въ немъ пространно объяснялось, что начатокъ грѣхопаденія Адама былъ уже въ зародышѣ, когда праотецъ нашъ, обзрѣвая всѣхъ животныхъ, сотворенныхъ попарно еще до его появленія въ рай, усмотрѣлъ, что только онъ изъ всего сотвореннаго единиченъ, а между тѣмъ ему обѣтовано было размноженіе человѣческаго рода; такое сомнѣніе Адама авторъ катихизиса вмѣнялъ ему въ первое грѣхопаденіе. Затѣмъ поражало мой дѣтскій умъ глубокомысленное сравненіе солнца съ Тріипостаснымъ Божествомъ: самое свѣтило уподоблялось Богу Отцу, лучезарное сіяніе его—Богу Сыну, а теплота, животворящая вселенную,—Богу Святому Духу.

Со дня аустерлицкаго сраженія въ 1805 году всѣ современныя обстоятельства, тяготѣвшія на всѣхъ слояхъ русскаго общества, издали приготовляли Россію

къ грозному 1812 году. Бѣдственный Тильзитскій миръ, уничтожившій Пруссію и почти всю сѣверную Германію и заставившій насъ, какъ говорилось тогда, выплачивать огромную контрибуцію Бонапарту по силѣ секретной статьи этого трактата, кромѣ того ввелъ и у насъ стѣснительную для торговли континентальную систему. Въ настоящее время всѣ эти невзгоды и ихъ причины стали извѣстны. Общее дѣло отражалось на частномъ всѣхъ и каждого, а потому и на дальнѣйшемъ ходѣ моего неудачнаго воспитанія. Выше было сказано, какъ французскій эмигрантъ г. Павильонъ убѣждалъ изъ нашего дома, вѣроятно, считая насъ дикими варварами. Такая неудача во французѣ при всеобщей къ нимъ ненависти, равно и къ ихъ языку, уничтожила въ моемъ отцѣ всякое желаніе взять для меня гувернеромъ другого какого-нибудь француза, тѣмъ болѣе, что французскіе эмигранты, набожные католики и преданные прежней монархіи, становились рѣдки и были слишкомъ дороги нашихъ средствъ дорожи, а ходячіе, дешевенькіе французы считались въ то время безбожниками и шпионами и отъ нихъ бѣжали какъ отъ огня. Истые патриоты, особенно не знающіе французскаго языка, рѣшались отказываться отъ него для своихъ дѣтей; они косились и на тѣхъ своихъ соотчичей, которые усвоили себѣ обычай говорить между собою преимущественно не по-русски. Мнѣ часто приходилось слышать урывками бесѣды моего отца въ Москвѣ съ умнымъ, строго-логическимъ Дубовицкимъ, въ деревнѣ — съ пышнымъ, мистическимъ Сафоновымъ о тягостяхъ, переживаемыхъ этими стариками дней. Они сравнивали ихъ съ золотымъ вѣкомъ Екатерины, а нѣкоторые изъ стариковъ предпочитали даже Екатерининскому царствованію времена Елисаветы. Импера-

тора Александра, еще юнаго, благодушнаго, привлекавшаго сердца всѣхъ своею наружностью и въ полномъ смыслѣ, по тогдашнему выраженію, прекраснодушнаго, искренно всѣ любили, но многіе о немъ скорбѣли, какъ о человѣкѣ, предавшемся свободолюбивымъ нововведеніямъ на принципахъ свободы, равенства и братства, которыми началась революція 1789 г. Его упрекали подобострастіемъ къ Наполеону, вышедшему изъ консуловъ въ императоры, и во всемъ видѣли враждебныя козни на Россію французскаго посла Коленкура, отличаемаго государемъ. Канцлера графа Румянцева считали другомъ Бонапарта, а Сперанскаго открыто называли измѣнникомъ. Послѣдній мнѣ и теперь представляется врагомъ русскаго дворянства; оно и не могло быть иначе: онъ вышелъ изъ семинаріи, попалъ въ учителя къ дѣтямъ вельможи князя Куракина, взятъ былъ къ нему секретаремъ и, несмотря на всѣ свои дарованія и то истинное образованіе, которымъ онъ превосходилъ своихъ аристократическихъ сверстниковъ, несмотря на благосклонность къ нему его патрона, ему пріятнѣе было трапезовать съ княжимъ дворецкимъ и его лакеями, нежели сѣсть за куракинскій обѣдъ. Высшій кругъ общества возненавидѣлъ Сперанскаго за то, что онъ добился у государя уничтоженія преимуществъ придворныхъ должностей, а превосходительныхъ камергеровъ и высокородныхъ камеръ-юнкеровъ лишалъ присвоенныхъ званійъ этимъ чиновъ, принуждая на будущее время начинать службу на ряду со всѣми съ четырнадцатаго класса вмѣсто пятого, задерживая производство въ 8 и 5 классы экзаменами; установленными для полученія этихъ чиновъ, или требованіемъ аттестатовъ, или свидѣтельствъ, отъ университета объ окончаніи студенческаго курса; не пред-

ставившіе послѣднихъ должны были оставаться въ чинѣ титулярнаго совѣтника. Все остальное дворянство, которому дворъ не могъ быть доступенъ, озлилось на него за то, что онъ ввелъ въ Россію *incometax*, т. - е. плату десятой части въ казну доходовъ за вычетомъ однихъ только казенныхъ долговъ. Я помню, къ какой безсовѣстной хитрости наше дворянство тогда прибѣгло. Отецъ мой хотѣлъ было объявить настоящіе свои доходы и заплатить въ казну съ 20.000 — 2.000, что было бы очень стѣснительно, но всѣми уважаемый графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ убѣдилъ его своимъ примѣромъ и совѣтомъ подобно всѣмъ прочимъ обмануть правительство. Владѣлецъ слишкомъ 45.000 душъ, Орловъ заявилъ *по совѣсти*, чего тогда только и требовалось, доходъ свой въ 40.000, а мой отецъ по сравненію объявилъ въ 4.000. Къ такой мѣрѣ обмана прибѣгали неизбѣжно. Жизнь была барская, широкая; въ важныхъ и частыхъ случаяхъ съ визитами къ московской знати и къ нимъ на обѣды отецъ мой выѣзжалъ не иначе, какъ въ золотой англійской двумѣстной каретѣ, заложенной цугомъ, т. - е. шестерней красивыхъ датскихъ лошадей, съ кучеромъ и двумя форейторами, по праву своего чина, да еще съ двумя ливрейными лакеями, трясущимися какъ въ лихорадкѣ, стоя на безрессорныхъ запяткахъ экипажа. Вотъ уже 5 человѣкъ необходимой дворни, прибавьте двухъ неизбѣжныхъ поваровъ, готовившихъ по-недѣльно, камердинера съ его помощникомъ, дворецкаго, собственнаго парикмахера, двухъ портныхъ, мужского и женскаго, разныхъ горничныхъ при теткѣ, штукъ пять прачекъ и т. д. Все это дворовое населеніе, размножавшееся въ другихъ барскихъ домахъ, но не у насъ, одѣвалось плохо, ѣло впроголодь и воровало страш-

но, а доходы были скудные; въ хорошій и очень хорошій годъ съ 2.000 получалось отъ 15.000 до 20.000; предметы же самага неприхотливаго довольства доходили до дороговизны, дотолѣ не слыханной. Сахаръ въ домѣ у насъ цѣнился чуть-чуть не наравнѣ съ золотомъ, расчетливая тетушка какъ бы отвышнила каждый кусочекъ, запирала его за тремя замками и въ ея отсутствіе, а иногда и при ней бывало немислимо достать себѣ кусочекъ этого обыкновеннаго лакомства, котораго черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ у меня на заводѣ съ грязнаго пола сушилъни смѣтались рабочими метлами цѣлая кучи. Но тетушка не совѣмъ была виновата, что дрожала надъ сахаромъ и замѣняла его медомъ, раздавая почетнымъ дворовымъ чай. Однажды цѣлую недѣлю у насъ толковали о томъ, какъ бы подешевле купить домашнюю провизію сахару; пріятели нашего дома сговорились купить его цѣлую бочку и раздѣлить между собою; сахаръ обошелся по 90 руб. за пудъ. Въ Женевѣ, тогда принадлежавшей Франціи, платили по 6 фр. за фунтъ.

Я забѣгаю нѣсколькими годами впередъ, чтобы тутъ же кстати разсказать примѣръ дороговизны, очень неудачно мною испытанной надъ самимъ собою на 15-мъ году. За успѣхъ въ студенческомъ экзаменѣ отецъ разрѣшилъ мнѣ надѣть фракъ и приказалъ непременно самому и одному купить на всю фракную пару англійскаго сукна, за которое платить онъ самъ для себя по 60 р. за аршинъ. У домашняго портного Семена спрошено было, сколько надобно аршинъ на пару платья, и по его расчету отецъ выдалъ мнѣ всѣ деньги. Я хотѣлъ идти за покупкой въ англійскій магазинъ, къ братьямъ Леви, пріятелямъ моего отца, но расчетливая тетушка меня соблазнила. «Ступай-ка ты,

голубчикъ, въ городъ въ суконный рядъ, тамъ дешевле. Можетъ выгадаешь рублей 5, а пожалуй 10 на аршинъ, лишніе у тебя же останутся, да еще отецъ тебя похвалитъ, что считать умѣешь». Вотъ я и отправился, купилъ 5 арш. сукна вмѣсто 60 по 50 руб., коричневаго моднаго цвѣта, и радостный привезъ покупку домой. Сошлись всѣ, и мужская прислуга, и дѣвушки, развернули, и что же? сукно оказалось какого-то бѣлаго цвѣта, да еще съ пятнами. Оно, видно, было залежалое и вѣрно потому самому такъ долго въ этой темной лавкѣ и отыскивалось. Я просто взвылъ отъ горя и тотчасъ же отправился въ лавку мѣнять; меня оттуда прогнали, сказавъ, что я никогда у нихъ ничего не покупалъ. Но исторія моего перваго фрака тѣмъ не окончилась; я льстилъ себя надеждою, что мнѣ позволятъ заказать эту пару платья лучшему тогдашнему портному Флорье, а мой батюшка, посмѣявшись вдоволь надъ моей неудачей, приказалъ мнѣ, не безъ совѣта тетקי, отдать его нашему Семену, который, какъ нарочно, сшилъ все, какъ нельзя хуже, почему и возненавидѣлъ я этого Семена и долго дразнилъ прозвищемъ Семень; прозвище перешло въ дворню, съ нимъ онъ и умеръ.

Съ 9 лѣтъ моего возраста, когда я, одинокій совершенно мальчикъ, не имѣвшій въ домѣ ни одного товарища моему дѣтству и не находившій ихъ для себя внѣ дома, росъ такъ противоестественно между стариками, однимъ слабенькимъ своимъ умомъ, отецъ мой сталъ мало-по-малу сближать меня съ собою, а дядька Варѣоломеевичъ незамѣтно отъ меня отставать. Рѣже становились выѣзды мои по гостямъ и мои публичные чтенія и приводившее меня всегда въ отчаяніе на чужихъ обѣдахъ стояніе за моимъ стуломъ, въ

видѣ расфранченнаго маркиза, моего дядьки. Ежедневно послѣ утреннихъ молитвъ съ нимъ я, по приказанію батюшки, читалъ ему вслухъ уже не церковныя книги, а отрывки изъ какой-нибудь лѣтописи, изъ русской исторіи князя Щербатова, изъ «Ядра Россійской исторіи» князя Хилкова, либо стихи Ломоносова, Хераскова, Кантемира, Сумарокова, Державина, а потомъ, проведя часа полтора въ подобномъ чтеніи, бралъ уроки у приходившихъ ко мнѣ по билетамъ учителей нѣмецкаго, французскаго и русской грамматики, до того ничтожныхъ, что какъ фізіономіи, такъ и имена ихъ совсѣмъ вышли изъ моей памяти. Такъ было со мною въ Москвѣ; въ зимніе мѣсяцы по городскимъ улицамъ гулялъ я пѣшкомъ и катался въ саняхъ, нигде не заѣжая, то съ дядькой, то съ теткой, а остальное время проводилъ постоянно одиноко въ чтеніи безъ выбора. У отца моего была большая библіотека, разумѣется, русская, въ которой, кромѣ божественныхъ книгъ, было все, относящееся къ русской исторіи, всѣ наши тогдашніе классики, журналы, и начинавшія тогда входить въ моду сочиненія Карамзина, его «Письма русскаго путешественника», его «Московскій журналъ» и «И мои бездѣлки» Дмитріева. Карамзинъ и его другъ Дмитріевъ первые заговорили у насъ чистымъ человѣческимъ языкомъ безъ пафоса; ихъ сочиненія не выходили у меня изъ рукъ; Крыловъ со своими, по временамъ появлявшимся, баснями былъ тоже моимъ любимымъ авторомъ. Въ книжныхъ шкафахъ моего отца было много и мистическихъ книгъ, дозволенныхъ цензурою; не дозволенные, издаваемые масонами, были подъ замкомъ; я и въ нихъ заглядывалъ, перелистывалъ сочиненія Іакова Бема, Іоанна Масона, Экартсгаузена и «Сіонскій Вѣстникъ» Лабзина; ими я не зачи-

тывался, но сильно интересовало меня сочиненіе Юнга Штиллинга подъ замысловатымъ названіемъ «Угрозъ Свѣтовостоковъ», въ которыхъ онъ рассказывалъ свои бесѣды съ разными духами и съ помощью ихъ предсказывалъ кончину міра и второе пришествіе.—Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ отыскивали мнѣ гувернера и браковали безпрестанно приходившихъ въ домъ нѣмцевъ съ разными рекомендаціями, но всѣ они годились бы развѣ въ дядьки, въ которомъ у насъ недостатка не было: усерднѣе и заботливѣе Варѣоломеевича найти было бы трудно; въ деревнѣ онъ, бывало, по цѣлымъ часамъ ѣзжалъ со мной верхомъ, несмотря на то, что ему было 60 лѣтъ и что онъ былъ довольно тученъ. Кажется, въ исходѣ 1809 года гувернера, наконецъ, отыскали; его имя было Николай Ивановичъ Бартоли; отецъ его былъ итальянецъ родомъ изъ Болони и когда-то содержалъ въ Москвѣ мужской пансіонъ. Сынъ родился въ Россіи, учился, повидимому, весьма немногому, служилъ въ Москвѣ въ межевой канцеляріи, давалъ уроки сыновьямъ одного изъ своихъ начальниковъ и этимъ пріятелемъ моего отца, Аполлономъ Степановичемъ Ушаковымъ, былъ рекомендованъ ко мнѣ въ учителя. Съ нимъ началъ я твердить французскій и нѣмецкій синтаксисы, которые мой учитель зналъ очень плохо; иностранными языками владѣлъ онъ хуже, нежели русскимъ; говорилъ по-французски со мною бѣгло, но правильно или нѣтъ — объ этомъ у насъ судить было некому. Кончивъ со мною дневныя занятія, онъ охотнѣе чѣмъ за урокъ садился за карточный столъ и игралъ съ отцомъ и ежедневными нашего дома посѣтителями вчетверомъ въ бостонъ. Когда мнѣ минуло лѣтъ 10, и я занялся тѣмъ же — и съ успѣхомъ. Г. Бартоли вскорѣ хотѣлось выставить на

показъ успѣхи мои во французскомъ языкѣ и все свое вниманіе обратилъ онъ на переводы съ французскаго на русскій. Удивительно страненъ былъ его выборъ: онъ далъ мнѣ два тома Мармонтелевыхъ сочиненій подъ названіемъ «Contes moraux». Въ нихъ ровно ничего не было нравственнаго, кромѣ заглавія. Это были повѣсти, въ которыхъ главную роль играла одна любовь, выражаемая не всегда сдержанно. Будь я мальчикъ поживѣ и болѣе склонный къ преждевременному развитію разныхъ страстей, короткое знакомство съ этими сказками могло бы развратить мое воображеніе. Менѣе неблагопристойная изъ этихъ сказокъ была выбрана нами для перевода; она называлась «Осада и взятіе Іерихона», но и въ ней главную роль играла Раавъ, легкое поведеніе которой извинялось развѣ только цѣлью, ею достигнутой; надъ переводомъ этой повѣсти довольно большого объема я трудился съ стараніемъ; переписанная мною набѣло на лучшей бумагѣ и красиво переплетенная, поднесена она была батюшкѣ, какъ сюрпризъ, въ какой-то праздникъ. Лѣтъ черезъ десять попалась мнѣ въ руки эта тетрадка: и содержаніе и переводъ показались мнѣ нелѣпыми, и я поспѣшилъ ее уничтожить. Въ свое время была она представлена мною, по приказанію отца, нищелюбивому его другу П. В. Лопухину, который въ поощреніе меня къ литературнымъ занятіямъ подарилъ мнѣ только что вышедшія тогда «Образцовыя сочиненія въ стихахъ и прозѣ», — первый нашъ литературный сборникъ или пространная хрестоматія.

Разсказывая всѣ эти мелкія подробности моего дѣтства, я не могу съ точностью опредѣлить, къ какимъ годамъ онѣ именно относятся, но если память моя мнѣ не измѣнила, если мой гувернеръ поступилъ къ намъ

въ 1809 году, то въ этотъ именно годъ Москва была обрадована первымъ посѣщеніемъ императора Александра черезъ 8 лѣтъ послѣ его коронаціи. Въ прежнее время государи рѣдко посѣщали первопрестольную свою столицу; самъ ли я видѣлъ этотъ въѣздъ государя или только о немъ слышалъ, но великое это событіе поразило мое воображеніе восторженною встрѣчею государя отъ всего московскаго народонаселенія. Верхомъ на бѣлой лошади, тихимъ шагомъ двигался онъ въ продолженіе двухъ часовъ отъ Петровскаго загороднаго дворца до Кремлевскаго собора; окружающія его толпы на всемъ пути задерживали его шествіе, народъ бросался цѣловать его ноги, и не одинъ платокъ, вынимаемый имъ изъ кармана, разрывался въ клочки, и, вѣроятно, какъ драгоценность, сохранялись они счастливыми.

«Бѣлокуръ, голубоокъ,
Молодъ и лицомъ прекрасенъ,
Ростомъ строенъ и высокъ,
Тихъ, привѣтливъ и пріятенъ
Взору, сердцу и уму» *).

За нимъ слѣдовала въ золотой каретѣ любимая его сестра, великая княгиня Екатерина Павловна, жившая тогда съ супругомъ, принцемъ Ольденбургскимъ, въ Твери и по смерти его вышедшая за короля Виртембергскаго. Не лишнее будетъ рассказать тутъ кстатіи о томъ, какъ прежніе наши государи дорожили такими встрѣчами отъ народа, и чтобы частыми своими появленіями среди него не ослаблять желанныхъ для нихъ впечатлѣній, воздерживали себя отъ такихъ торжественныхъ выѣздовъ. Вотъ что при мнѣ рассказывала

*) Стихотвор. «Геній». Сочиненіе Державина.

наперсница Екатерины, Марія Саввишна Перекусихина, жаль только, что не помню по какому случаю. «Разъ какъ-то вошла я въ комнату къ матушкѣ,—такъ всегда называла она государыню,—и нашла ее одну, сидящую, пригорунившись, у своего стола; она держала голову, опершись на локоть; входа моего не замѣтила: я положила поближе, къ самому столу—молчить! «Матушка, что съ вами? Или вы нездоровы?» — «Голова болитъ сильно». — «Вы бы изволили прокатиться, погода такая славная». — «Да я уже и такъ два дня сряду каталась по городу». — «Такъ что же?» — Эхъ, Марья Саввишна, какая ты неразумная! Намъ не годится слыхомъ часто показываться народу, пожалуй и заговорятъ, что у насъ и дѣла никакого нѣтъ».

Оттого ли, что въ нашемъ домѣ прибавился жилецъ, гувернеръ Бартоли, и потребовались двѣ особенныя комнаты для него, и классная, и чуть ли не была дана особенная комната для меня (прежде я спалъ вмѣстѣ съ отцомъ), или по какимъ-нибудь другимъ обстоятельствамъ, но небольшой нашъ домъ въ Кривомъ переулкѣ былъ проданъ и купленъ другой близъ Молчановки въ томъ самомъ приходѣ, въ которомъ живу я съ семьею теперь. Въ 1812 г. онъ сгорѣлъ со всѣмъ нашимъ имуществомъ, и мы, съ нашимъ Гаврилой дворникомъ, еще здравствующимъ, тогда же бывшимъ фореѣторомъ, напрасно искали мѣста, гдѣ онъ стоялъ. Годы смѣняются, все измѣняется.

Видно, очень плохо шли мои учебныя занятія, потому что отца моего не покидала мысль о моемъ дальнѣйшемъ воспитаніи, и мнѣ помнится, что я нисколько не шелъ впередъ и только отъ постоянной скуки читалъ, что мнѣ ни попадалось подъ руку. Кажется,

въ концѣ 1811 года начались переговоры отдать меня на выучку всѣмъ возможнымъ наукамъ какому-то многоученому нѣмцу Wegelin'у, сдѣлавшемуся извѣстнымъ по своимъ сочиненіямъ о русской исторіи на нѣмецкомъ языкѣ. Wegelin былъ гувернеромъ очень богатаго мальчика, единственнаго, какъ я у своего отца, сына; отецъ его Домогацкій былъ славный того времени конный заводчикъ, человѣкъ очень умный и крупный игрокъ; по игрѣ онъ былъ короткій пріятель съ дядей моимъ Обресковымъ, а по остротѣ ума и злословію въ обществѣ былъ друженъ и съ теткой моею Марьей Васильевною Обресковой, ей-то я и приписываю новый планъ моего воспитанія, но и это продолжалось недолго, не болѣе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ.

Въ началѣ 1812 года батюшка повезъ меня къ директору благороднаго университетскаго пансіона, Антону Антоновичу Прокоповичу-Антонскому, воспитавшему въ своемъ заведеніи Дашкова, братьевъ Тургеневыхъ, Блудова, Жуковского и, наконецъ, Одоевскаго, Шевырева и Титова. Антонскій продержалъ меня у себя долго, и едва ли не повторялись мои къ нему визиты. Онъ щупалъ меня на всѣ лады, и рѣшено было отдать меня на полу-пансіонъ послѣ лѣтнихъ вакацій, а къ этому времени кой въ чемъ подготовить. Съ Бартоли распростились. На его мѣсто, по весьма счастливому для меня случаю, взяли студента московской славяно-греко-латинской академіи, никогда незабвеннаго мною Василія Аѳанасьевича Никольскаго, и тогда только началъ я учиться основательно. Никольскій обратилъ все свое вниманіе на правильное обученіе меня латинскому и русскому языкамъ; послѣдній зналъ я достаточно отъ постоянного упражне-

нія въ чтеніи и моеѣ практикѣ въ церковномъ языкѣ. вмѣстѣ съ латинскимъ языкомъ началъ я изучать всеобщую и отечественную исторію и прочія пригготовительныя науки для вступленія въ средній классъ университетскаго пансіона.

Учебныя пособія того времени были ограничены. При моемъ обученіи взяты были въ руководство слѣдующія книги: вмѣсто довольно темнаго катихизиса, который приписывалъ выше я масону Десницкому, Никольскій читалъ мнѣ катихизисъ и краткое богословіе митрополита Платона, дополняя его пространнымъ богословіемъ славнаго Θεофана Прокоповича, написаннымъ по-латыни; римскую исторію изучалъ я въ переводѣ Тредьяковскаго, Роллена; русскую — по исторіи Щербатова со ссылками на лѣтописи; латинскую грамматику Лебедева — съ помощію лексикона Розанова; риторику — Рижскаго съ дополненіемъ къ ней латинской Бургія; логику по-латыни — Баумейстера; математику — Войцеховскаго. Новѣйшіе языки, т. - е. французскій и нѣмецкій, очень плохо преподавалъ я себѣ самъ, потому что Никольскій не зналъ ни того, ни другого. Надо отдать ему справедливость, что онъ скоро пріохотилъ меня къ серьезному труду, не долго задерживая на грамматическихъ трудностяхъ латинскаго языка, читалъ со мной Евтропія, потомъ хрестоматію, и вскорѣ началъ я переводить Корнелія Непота. Судя по тому, съ какимъ отвращеніемъ учился по-латыни новое поколѣніе, я сравнительно съ нимъ учился и усерднѣе, и быстрѣе; оттого ли, что методъ Никольскаго былъ практичнѣе, или потому, что я, не имѣя никакихъ домашнихъ разсѣяній и скучая излишествомъ свободнаго моего времени, ухватился прилежно за новый трудъ — рѣшить этого теперь не могу,

но въ два года моихъ занятій латынью я ознакомился съ нею и понималъ ее гораздо лучше тѣхъ аристократическихъ отроковъ, которые сидятъ надъ нею лѣтъ по пяти и болѣе.

Надобно мнѣ, однако, теперь упомянуть, какія перемѣны послѣдовали въ эти годы въ нашемъ состояніи. Село Чудиново, возлѣ Солнышкова, переданное тетушкамъ, продано было ими воспитанницѣ моего отца, вышедшей за Тарасова. Новый помѣщикъ тотчасъ же посадилъ крестьянъ на барщину; имъ это не понравилось, и по неотступнымъ ихъ просьбамъ отецъ мой снова приобрѣлъ это имѣніе отъ Тарасова. Вскорѣ по покупкѣ московскаго новаго дома куплено было бабюшкой на имя тетки Елены Яковлевны и теперь еще состоящее за мною имѣніе въ Богородскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, въ 345 душъ, съ 1200 десятинами земли, цѣною за 72.000 асс.; въ настоящее время тамъ копаютъ каменный уголь и ожидаютъ оттуда несмѣтныя богатства. Увидимъ. Материнское мое имѣніе въ лѣсномъ и песчаномъ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, 170 душъ, изъ которыхъ теперь выросло 330, при огромномъ количествѣ земли въ неотмежеванной дачѣ, находилось до 1825 года въ управленіи тетки моей Марьи Васильевны Обресковой; отецъ мой отъ нея получалъ оброкъ съ тамошнихъ крестьянъ, сколько она ему давала, не входя ни въ какіе съ нею счеты. Покупку же на имя своей родной сестры, а моей тетки, богородицкаго имѣнія сдѣлать онъ въ намѣреніи предупредить для меня всякую возможность разориться, чему такъ много было примѣровъ съ молодыми, неопытными наслѣдниками. Въ этомъ смыслѣ написано было имъ и духовное завѣщаніе, въ которомъ онъ назначалъ полновластною,

безотчетною надо мною попечительницею ту же тетку мою Елену Яковлевну, прибавивъ ей въ помощь опекунами Дубовишкаго, Сафонова и Артемьева. Опека эта надо мной была изъята отъ всякаго правительственнаго контроля и никакихъ отчетовъ по ней не подавалось, что было противозаконнымъ исключеніемъ.

Все это сказано здѣсь мной для того, чтобы припомнить себѣ, какъ велико было вліяніе на моего отца этой моей тетки. Она сажала и смѣняла у насъ главныхъ управляющихъ, сама, конечно, не понимая ничего въ большомъ хозяйствѣ. Въ 1811 г., лѣтомъ, она уговорила батюшку не ѣздить въ Михайловское для смѣны управляющаго, а пустить ее, что и было сдѣлано, и слава Богу, что это было сдѣлано, потому что этотъ управляющій, г. Шелиховъ, отецъ агронома - писателя 30-хъ годовъ, судился потомъ и былъ сосланъ за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій въ чужомъ имѣніи, которымъ онъ управлялъ постъ нашего.

Въ концѣ этого года или въ началѣ 1812 купилъ отецъ у разорившагося г. Евлашова цѣлый квартетъ музыкантовъ, скрипача и въ то же время капельмейстера Петра Бухвостова, віолончелиста Сидора, кларнетиста Александра Крылова и флейту Михайлу Соболева. Куплены они были безъ всякой нужды, потому только, что валялись въ ногахъ, желая поступить въ нашу дворню, и уговорили тетку за нихъ заступиться, а денегъ по-тогдашнему заплачено за нихъ довольно—4000 р. У отца лишнихъ денегъ быть не могло; для двухъ прежнихъ покупокъ дома и имѣнія сдѣланы были уже долги. Этихъ 4-хъ музыкантовъ было недостаточно, набрали изъ дворни мальчиковъ и отдали имъ въ ученіе, тутъ уже завелась

и вторая скрипка и контрабасъ и двѣ валторны. Добро бы кто-нибудь у насъ любилъ эту музыку, да и можно ли было любить ее? Вначалѣ она была просто доморощенная, а спустя полгода или годъ сдѣлалась пьяная; изъ нихъ вышли у насъ и пѣвчіе. Впрочемъ, музыка эта недолго у насъ оставалась. Я долженъ, однако, благодарить моего отца за то, что онъ, по обычаю тогдашнихъ достаточныхъ помѣщиковъ, не держалъ у себя псовой охоты, забавы для нихъ самой разорительной, и за то, что въ нашемъ домѣ не было никогда ни карликовъ, ни шутовъ, ни дурь, которыми обыкновенно потѣшались русскіе баре, даже принадлежавшіе самому высшему обществу. Объ этой гадости, объ этой заразѣ я еще поговорю въ свое время.

Всю зиму, начавшуюся въ концѣ 1811 и окончившуюся въ началѣ 1812 года, провелъ я въ усиленныхъ занятіяхъ. Въ началѣ весны поѣхали мы, и съ нами Никольскій, въ Михайловское. Лѣто было чудное. Казалось, что насъ ничто бы не могло тревожить, но отецъ мой былъ постоянно сумраченъ и часто долго засиживался въ кабинетѣ съ пріятелемъ своимъ Сафоновымъ. Наша капелла все рѣже и рѣже играла. Я этого не понималъ, учился прилежно и въ сопровожденіи Варѣоломеевича подолгу ѣзжалъ верхомъ. Въ одно утро, въ концѣ іюня или въ началѣ іюля, заговорили, что явился изъ Москвы къ батюшкѣ нарочный отъ дяди моего Обрескова—вещь, никогда не бывавшая. Испуганный чѣмъ-то, В. А. Никольскій позвалъ меня къ отцу въ кабинетъ и самъ вошелъ со мной. Отецъ молча далъ мнѣ въ руки рескриптъ императора Александра къ президенту государственнаго совѣта, князю Салтыкову, и приказъ по арміямъ.

Наполеонъ перешель Нѣманъ и вступилъ въ Россію. Я отъ слезъ не могъ кончить чтеніе и убѣжать къ себѣ.

Роковая вѣсть меня переродила. Дѣтство мое кончилось; я выросъ въ одинъ день нравственно и умственно разомъ нѣсколькими годами; съ тѣхъ поръ я началъ понимать, мыслить и выражать мои мысли безъ обычной дѣтской застѣнчивости. Отецъ допускалъ меня къ участию въ разговорахъ и меня снисходительно слушали; однимъ словомъ, я началъ другую жизнь.

Удалившись въ горькихъ слезахъ въ свою комнату, какъ я уже сказалъ, въ какой-то молитвѣ выразить я всю мою скорбь, въ ней просилъ я Бога допустить и меня, 12-тилѣтняго отрока, стать въ ряды защитниковъ отечества. Никольскій, увидѣвъ этотъ плачъ о родинѣ на моемъ письменномъ столѣ, показалъ его моему отцу. Меня приласкали съ необыкновенною нѣжностью, но о желаніи моемъ сразиться съ врагомъ не было говорено ни слова. Вечеромъ, передъ тѣмъ, чтобы идти спать, отецъ объявилъ, что мы черезъ три или четыре дня ѣдемъ въ Солнышково, и дорожные сборы начались съ ранняго утра. Въ домѣ нашемъ все становилось тише и унылѣе. Батюшка послалъ верстъ за 15 за какимъ-то извѣстнымъ ему священникомъ, и старичка привезли. Въ субботу вечеромъ, въ тотъ же самый день, отецъ, не говѣя, какъ это обыкновенно водится, и не говоря никому ни слова о своемъ намѣреніи, удалился съ священникомъ въ свой кабинетъ, гдѣ пробылъ около часу; возвратясь оттуда въ гостиную къ вечернему чаю, сказалъ, что онъ сейчасъ исповѣдался и что завтра будетъ пріобщаться св. Таинъ. Тутъ же позванъ былъ управля-

ющій Пльа Шилувъ, и ему было приказано съ вечера повѣстить нашимъ крестьянамъ всѣхъ деревень, чтобы они пришли утромъ въ воскресенье къ обѣднѣ, а потомъ сходились бы на барскій дворъ. Тетушка моя перепугалась, я тоже пришелъ въ великое смущеніе, да и Никольскій, котораго я мучилъ моими допросами, объяснить мнѣ ничего не могъ. Въ церкви, тогда еще деревянной и не обширной, ранѣе обыкновеннаго собралось великое множество народа, какое въ нашемъ селеніи собиралось только въ самые большіе праздники. Подходя къ царскимъ дверямъ для принятія св. Таинъ, отецъ мой три раза преклонилъ свою сѣдую голову предъ предстоящими, лицо его сіяло какимъ-то торжественнымъ умиленіемъ и въ то же время рѣшимостью на какой-то таинственный подвигъ. Такимъ я никогда ни прежде, ни послѣ его не видывалъ. Когда послѣ обѣдни на обширномъ нашемъ дворѣ собралась вся сходка (на ней было чело-вѣкъ до 200, не считая дворовыхъ, стоявшихъ особо), онъ, взявъ меня за руку, вышелъ къ крестьянамъ и прочелъ имъ весьма трогательное воззваніе, приглашая каждого по возможности пособить православному нашему царю въ общемъ бѣдствіи деньгами, и вызывалъ охотниковъ идти противъ врага, замыслившаго въ сатанинской своей гордости разорить нашу вѣру и покорить себѣ нашу милую родину. «Самъ я,—говорилъ онъ имъ,—семидесятитрехлѣтній старецъ, пойду передъ вами и возьму съ собой на битву этого отрока, моего единственнаго сына. Братцы! подумайте, переговорите между собой, время не терпитъ, черезъ полчаса или часъ я приду узнать ваше рѣшеніе. Знайте однако, что въ моихъ словахъ нѣтъ никакого вамъ принужденія; вы вольны дѣлать, что хотите и какъ

знаете». Крестьяне всей гурьбой низко поклонились отцу; старики были въ слезахъ. Варооломеевичъ, во главѣ дворовыхъ, чуть не ревѣлъ и первый вызвался быть охотникомъ: онъ бывалъ въ сраженіяхъ, и въ немъ заговорила старая его военная косточка. Когда мы удалились, крестьяне зашумѣли, какъ пчелиный рой; мы черезъ часъ воротились. Управляющій съ конторщикомъ записали длинный рядъ именъ тѣхъ, которые объявили себя жертвователями. Денегъ насчиталось до 500 руб., но охотниковъ, кромѣ Варооломеевича, ни одного не вызвалось. Отецъ мой, сильно огорченный такимъ неожиданнымъ равнодушіемъ своихъ, Богомъ и государемъ дарованныхъ ему подданныхъ, поблагодаривъ ихъ за пожертвованія, объявилъ имъ, что онъ ѣдетъ въ Москву и чтобы они готовились къ неизбѣжному большому набору или почти къ поголовному ополченію. На другой день вотчинные начальники собрали добровольныя пожертвованія и вручили деньги батюшкѣ.

Въ день отъѣзда многіе изъ крестьянъ и всѣ изъ нихъ зажиточные и потому болѣе лично извѣстные моему отцу, съ которымъ они всегда бесѣдовали за-просто, пришли съ нами проститься и насъ проводить. Дворовые, съ ихъ женами и дѣтьми, прощались съ нами первые; не было конца цѣлованію, умили-тельнымъ простымъ рѣчамъ и плачу. Длинный хвостъ провожатыхъ шелъ около экипажа, и всю обширную нашу усадьбу проѣхали мы нога за ногу. По пріѣздѣ въ подмосковную найдены были тамъ новыя извѣстія отъ Обрескова, официальное извѣщеніе объ открытіи военныхъ дѣйствій, начавшихся нашимъ отступленіемъ, и печатная повѣстка всѣмъ дворянамъ уѣзда, вызывающая ихъ ко дню прибытія императора въ Москву.

Отецъ мой черезъ день по приѣздѣ въ Солнышково собрался туда, говоря, что онъ имѣеть твердое намѣреніе повидаться со своими старыми знакомыми изъ вліятельныхъ генераловъ того времени и болѣе всего желалъ бы лично свидѣться съ Михаиломъ Иларіоновичемъ Кутузовымъ, который уже былъ тогда выбранъ главнымъ начальникомъ петербургскаго ополченія, или съ начальникомъ одного изъ корпусовъ графомъ Тормасовымъ, чтобы предложить имъ себя на службу и убѣдить ихъ дать ему согласіе на взятіе меня съ собою. Ожидаемый государь дѣйствительно прибылъ въ Москву 11 іюля, остановился въ слободскомъ дворцѣ, въ Лефортовѣ, гдѣ теперь кадетскій корпусъ, показавшись напередъ народу въ Кремлѣ и ея соборахъ. Встрѣча ему была, какихъ не бывало, кромѣ развѣ одной подобной, когда онъ въ 1816 г. явился въ томъ же Кремлѣ, но въ половину разрушенномъ, какъ побѣдитель Наполеона и освободитель Европы. На другой день Высочайшаго приѣзда собрано было въ одной изъ залъ дворца, подъ предсѣдательствомъ новаго главнокомандующаго Москвы, графа Растопчина, дворянство, и въ то же время въ другой собралось все купечество, встрѣченное тамъ гражданскимъ губернаторомъ Обресковымъ. Тому и другому собранію—Растопчинъ дворянамъ, Обресковъ купечеству—прочитали Высочайшій манифестъ, которымъ императоръ Александръ обращался ко всѣмъ сословіямъ съ твердымъ довѣріемъ и надеждою узрѣть во дни великаго подвига на спасеніе отечества въ каждомъ духовномъ лицѣ Авраамія Палицына, въ каждомъ дворянинѣ князя Пожарскаго и въ каждомъ гражданинѣ Козьму Минина. Восторженность дворянства при этомъ чтеніи была уже заранѣе подготовлена графомъ Рас-

топчинымъ, и многіе голоса послѣ приличнаго этому случаю «ура» закричали: «десятаго! десятаго!». Это значило, что московское дворянство вызывалось поставить одного ратника съ каждаго 10 ревизскихъ душъ. Скоро оказалось, что крикуны были дворяне, не имѣвше за собой ни одной ревизской души, масса, *servum pecus*, постановила свое опредѣленіе—дать десятаго.—Въ залѣ, гдѣ собралось купечество, происходило слѣдующее: Обресковъ, говорившій красно, успѣлъ возбудить пламенную любовь къ отечеству въ нашихъ капиталистахъ и каждаго изъ нихъ, смотря по ихъ богатству, приглашалъ сѣсть за столъ, на которомъ лежалъ листъ бумаги для записыванія пожертвованій на алтарь отечества. Для разрѣшенія ихъ колебаній и простибельной мѣшкотности въ такомъ небываломъ дѣлѣ Обресковъ, сидя надъ ухомъ каждаго, подсказывалъ подписчику тѣ сотни, десятки и единицы тысячъ рублей, какія, по его умозаключенію, жертвователи могъ приносить на этотъ алтарь. Сумма составила огромная. Государь былъ чрезвычайно доволенъ дѣйствіями собраній. Изъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ составилъ комитетъ для устройства собираемаго ополченія; но тутъ, видно, открылись въ самомъ началѣ обыкновенныя у насъ бюрократическія замашки съ примѣсю военной дисциплины и формальности; болѣе подробностей никакихъ мнѣ сообщено не было.

Отецъ мой возвратился въ деревню скорѣе, чѣмъ его ожидали, недовольный, разочарованный. Военный его жаръ простылъ, о моемъ походѣ на войну не было и помину, и мы остались въ Солнышковѣ сидѣть на рѣкѣ Лопаснѣ и ждать погоды. Я совсѣмъ было забылъ сказать о замѣчательномъ самопожертвованіи трехъ бо-

гачей того времени. Николай Никитичъ Демидовъ, графъ Петръ Ивановичъ Салтыковъ, сынъ фельдмаршала и бывшаго московскаго градоначальника, и графъ Мамоновъ, сынъ одного изъ фаворитовъ Екатерины II (двоюродный братъ моей жены), юный оберъ-прокуроръ сената, вызвались выставить и содержать на свой счетъ полки. Что сталося съ двумя первыми, Демидовскимъ и Салтыковскимъ, покрыто для меня, да чуть ли и не для всѣхъ, мракомъ неизвѣстности. Гусарскій Мамоновскій, подъ названіемъ безсмертнаго, началъ формироваться; командиромъ его назначили 23-лѣтняго графа Мамонова, съ переименованіемъ въ генераль-майоры. Самъ ли онъ набиралъ въ офицеры полка отчаянныхъ гулякъ или всевозможные оборвыши и пройдохи и купеческіе сынки такого же рода сами ворвались къ нему въ офицеры, вышло только, что вся эта молодежь во время формированія полка забуянила, загуляла, самоуправничала, требовала всего, не платя ни за что, рубила, пожалуй хоть и плащмя, своими саблями своихъ, а не чужихъ, и довела весь полкъ до того, что его вынуждены были черезъ нѣсколько мѣсяцевъ раскассировать, старшихъ офицеровъ отдать подъ военный судъ, а самого Мамонова заставить выйти въ отставку и снять генеральскій мундиръ и эполеты, которые такъ шли къ его красивой наружности. Съ этого самаго времени, какъ извѣстно, онъ предался ипохондріи, сошелъ съ ума, и въ этомъ самомъ состояніи, два или три года тому назадъ, умеръ. «Ne suivez jamais le premier mouvement de votre coeur, car il est toujours trop bon», сказалъ въ своихъ «Maximes» Rochefoucauld, ненавидимый большею частью своихъ читателей. Отчаянную и неблаговидную эту гипотезу я берусь оправдать здѣсь прямымъ приложеніемъ

къ послѣднему моему разсказу; боюсь только подпасть подъ осужденіе моихъ читателей. По моимъ убѣжденіямъ страстное патріотическое движеніе моего отца, побудившее его немедленно по полученіи извѣстія о нашествіи непріятеля рѣшиться въ его годы поступить опять на службу для защиты отечества, брать съ собою на войну 12-лѣтняго мальчика, изъ крестьянъ-охотниковъ, было увлеченіе прекрасное, но не оправдываемое ни опытомъ жизни, ни самымъ успѣхомъ въ послѣдствіяхъ, поэтому-то увлеченіе и осталось однимъ увлеченіемъ. Рѣшеніе простого, здраваго смысла нашихъ крестьянъ отказаться всѣмъ до единого идти въ охотники было разумнѣе. Они еще до объявленія имъ моимъ отцомъ предугадали, что будетъ большой наборъ, и тутъ же заговорили: изъ чего же намъ идти въ охотники? кто похочетъ, тотъ и пойдетъ, когда будутъ набирать, а то, пожалуй, охочіе пойдутъ, а положенныхъ возьмутъ безъ замѣну. Вести небольшое число ихъ самому моему отцу въ 72 года равно было немыслимо, и если бы подобное его предложеніе было принято военнымъ начальствомъ, то позволяю себѣ спросить, къ какимъ рядамъ прикнули бы насъ, стараго и малаго, съ горстью охотниковъ изъ челядинцевъ? Несбыточный, а потому неудавшійся порывъ великодушнаго патріотизма былъ, конечно, причиною раздраженія моего отца противъ учрежденнаго комитета объ ополченіи и всѣхъ его формальностей; но развѣ можно было начать устройство ополченія, не сосредоточивъ его въ какомъ-либо временномъ офиціальномъ учрежденіи? Вѣроятно, и капиталистъ Демидовъ, и графъ Салтыковъ, и особенно гр. Мамоновъ поступали сгоряча, вызвавшись набрать и содержать на свой счетъ цѣлыя полки; первые два

ничего не сдѣлали, а послѣдній сдѣлалъ одинъ только вредъ. Любезныя мои дѣти и милые мои внуки, не слѣдуйте первымъ движеніямъ вашего сердца не потому, что они бываютъ (и очень часто) благородны и великодушны, но потому, что они не бываютъ обдуманы и въ результатахъ своихъ оказываются неисполнимыми, иногда смѣшными, часто вредными.

Съ іюля мѣсяца до вторженія Наполеона въ Москву, т.-е. до 2-го сентября, ежедневно получались газетныя извѣстія о постепенномъ и быстромъ отступленіи нашихъ войскъ внутрь Россіи; въ то же время градоначальникъ Москвы, гр. Растопчинъ, ободрялъ своими оригинальными афишами, клятвенно обѣщая, что неприятеля не допустятъ коснуться ея святыни. Разумѣется, помимо всего этого въ народѣ ходило много слуховъ, толковъ, рассказывались разные чудеса, предсказанія, сны, видѣнія. Я пишу, впрочемъ, не исторію этого времени, а собственныя записки, и не мое дѣло входить во всѣ эти подробности. Въ концѣ августа, когда вечера начинались уже рано и ночи были темныя, стали увѣрять, что по направленію отъ насъ къ сѣверо-западу, по прямой линіи къ смоленской дорогѣ, оставляя Москву вправо, можно было будто видѣть бивуачные огни нашей арміи. Въ самомъ же дѣлѣ въ ночь съ 25 на 26 августа зарево этихъ огней на довольно длинномъ пространствѣ горизонта сдѣлалось замѣтно простому глазу, и я огни эти самъ рѣшительно видѣлъ и помню; то же и еще яснѣе видно было вечеромъ и ночью 26 августа, въ день бородинской битвы. Нѣкоторые въ этотъ вечеръ, ложась на землю и припадая къ ней ухомъ, явственно будто слышали какой-то стонъ и гулъ пушечныхъ выстрѣловъ: этого я не слыхалъ, хотя всячески старался напрягать слухъ.

Въ эти послѣдніе дни августа отецъ мой велѣлъ почти ежедневную переписку черезъ нарочныхъ съ Обресковымъ; мы спрашивали у него совѣта, какія предпринять мѣры, что дѣлать со всѣмъ имуществомъ, оставленнымъ въ нашемъ домѣ. Онъ всякій разъ отвѣчалъ одно и то же—не дѣлать ничего, Москвѣ не бывать въ рукахъ вражескихъ,—и свои увѣренія доказывать дѣломъ: у него изъ губернаторскаго его большого дома, набитаго всякой всячиной, и не думали выбирать. Тетка Марья Васильевна, съ которой тогда жила другая ея сестра и двѣ, выпущенныя изъ петербургскаго института, племянницы, и не помышляла выѣзжать куда-нибудь изъ Москвы. Ежедневно, однако, было у насъ слышно и почти видно, что по большой дорогѣ, черезъ село Лопасню, тянулись дворянскіе и купеческіе экипажи и цѣлыя обозы телѣгъ, бѣгущихъ изъ столицы. Благоразумная моя тетюшка Елена Яковлевна, не знавшая никакихъ увлеченій, рѣшила, едва ли даже съ согласія моего отца, послать лошадей въ московскій домъ и привезти оттуда двѣ городскія кареты, въ которыя распорядилась положить оставшееся тамъ серебро, двое столовыхъ часовъ и кое-какія другія цѣнныя вещи. Такъ шло все до послѣдняго дня августа. 31 числа этого мѣсяца получена была моимъ отцомъ отъ Обрескова записка: «Москву сдаютъ непріятелю безъ боя. Растопчинъ и я уѣзжаемъ покуда во Владиміръ, а тамъ что Богъ велитъ! Покуда это еще для всѣхъ секретъ, уѣжайте и вы поскорѣе!» Тотчасъ же было рѣшено собираться и выѣзжать какъ можно скорѣе. Уѣзжать, — но куда и какой дорогой? Нечего и говорить куда, — въ Михайловское, а ѣхать на Серпуховъ, что было всего прямѣе, но оказалось затруднительнымъ: эта дорога просто была запружена

ратниками, войскомъ и ихъ обозами, слѣдовавшими въ Москву, потому что распоряженій о ихъ пріостановкѣ еще не было, а равно и экипажами и обозами московскихъ обывателей, ѣдущихъ изъ Москвы. Можно было сказать навѣрно, что по этой дорогѣ не нашлось бы ни одного уголка для ночлега, ни пищи людямъ, ни корму лошадямъ, ѣхать же надобно было не иначе, какъ на своихъ; рѣшили ѣхать черезъ Котунь и Кіасовку на Каширу, а выѣхать изъ Солнышкова на самомъ разсвѣтѣ, чтобы ночевать въ Каширѣ, а если не успѣемъ засвѣтло переѣхать подъ Каширою мостъ черезъ Оку, то ночевать на нашей сторонѣ Оки, въ Бѣлопесочной слободѣ, у стѣнъ мужского монастыря этого же названія. Вся барская наша дворня, довольно многочисленная, съ великимъ воплемъ настоятельно требовала ѣхать съ господами; какъ и куда ихъ размѣстили, былъ ли отправленъ какой-либо съ ними обозъ, съ нами ли или послѣ, не помню, только всѣ они до малаго ребенка очутились налицо въ Михайловскомъ. Съ вечера все было уложено; тетюшкина четырехмѣстная карета и батюшкина такая же коляска стояли совсѣмъ готовыя у параднаго и дѣвичьяго крылецъ, какъ вдругъ В. Аѳ. Никольскій, которому отецъ мой почелъ нужнымъ открыть страшный секретъ о готовящейся сдачѣ Москвы безъ боя, рѣшительно объявилъ, что ему непременно нужно сейчасъ же ѣхать въ Москву. У него тамъ оставался престарѣлый отецъ, вдовый, не имѣвшій кромѣ него дѣтей, котораго какъ-нибудь при такой бѣдѣ устроить сынъ считалъ святымъ для себя долгомъ. Батюшка съ своей стороны нашелъ это требованіе справедливымъ, снабдилъ его деньгами и взялъ съ него обѣщаніе въ Москвѣ ни на одинъ лишній часъ не оставаться, а спѣшить возвра-

щеніемъ къ намъ, либо въ Каширу, либо по Всневской дорогѣ и далѣе на Ефремовъ. Я не безъ горькихъ слезъ расстался съ моимъ любезнымъ Василиемъ Ае., который утѣшалъ меня вѣрнымъ словомъ ко мнѣ воротиться и сдержалъ его.

Довольно покойно доѣхали мы въ первый день нашей дороги (2 сент.) на ночлегъ въ Бѣлопесочную слободу. На другой день, когда мы подъѣзжали къ мосту, по большой каширской дорогѣ стали попадаться намъ всевозможные курьезные экипажи, заложенные еще курьезнѣе, напр., телѣжка съ одной коровой, которая была какъ-то къ ней пристегнута и ее везла, или какія-нибудь допотопныя дрожки, запряженные парой, т.-е. въ одну лошадь и корова на пристяжку; куча народу на телѣгахъ или подлѣ телѣгъ, наполненныхъ безъ какихъ-либо сундуковъ разными пожитками; въ этой толпѣ многіе были полураздѣты въ рубищахъ, другіе одѣты во весь свой туалетъ; у одного мужчины на головѣ былъ платокъ и въ рукахъ какая-то шляпка; на женщинѣ мужская шинель или байковый сюртукъ,—однимъ словомъ, кто въ чемъ и какъ попало, лишь бы вывезти съ собою все, что можно было забрать, лишь бы не оставлять ничего въ добычу злодѣямъ. О неизбежномъ вступленіи врага въ столицу въ эти два дня въ народѣ уже узнали. Около моста черезъ Оку и по всему его протяженію до вѣзда въ городъ Каширу шли намъ навстрѣчу нныя толпы, вновь набранные ратники каширскаго ополченія, въ новой ихъ формѣ русскаго покроя, въ фуражкахъ, на которыхъ красовался мѣдный крестъ и надпись: «За вѣру и царя». Ихъ провожали семьи, за ними слѣдовали телѣги съ провіантомъ и другой разной поклажей. На мосту было тѣсно, и мы тащились медленно;

сначала на насъ косились; одинъ молодой парень навеселѣ, взглянувъ сурово на нашъ поѣздъ, называлъ насъ бѣглецами, къ нему пристали прочіе, и мы имѣли непріятность проѣхать это длинное пространство почти подъ угрозами бранившихъ насъ разбойниками и предателями. Я еще и теперь помню чувство страха и вмѣстѣ негодованія, которое тогда мною овладѣло; батюшка сидѣлъ въ коляскѣ, понуривъ голову, и не произносилъ ни одного слова. Избѣгая главнаго Серпуховскаго тракта, мы объѣхали и Тулу и слѣдовали почти [проселочной дорогой] на городъ Веневъ. Весь сентябрь 1812 года былъ сухой и необыкновенно теплый, что, какъ извѣстно и по исторіи, обмануло непріятеля нашимъ климатомъ и задержало его въ Москвѣ; оттого и намъ эта почти проселочная дорога не представляла никакихъ обычныхъ препятствій. 3 сент. пріѣхали мы на ночлегъ въ Веневъ, съ трудомъ отыскали постоянный домъ и расположились провести ночь въ экипажахъ; меня уложили въ каретѣ, но вдругъ среди ночи разбудили: передо мною въ открытыхъ дверцахъ стоялъ В. А. Никольскій. Я очень ему обрадовался, вышелъ изъ экипажа и увидѣлъ огромное, длинное зарево прямо къ сѣверу: Москва уже горѣла и такъ сильно, что зарево видѣли мы всѣ въ Веневѣ на разстояніи 150 верстъ.

Дальнѣйшій нашъ путь до самаго Михайловскаго черезъ Богородицкъ и Ефремовъ не сталъ бы задерживать меня въ моихъ воспоминаніяхъ, если бы одно случившееся съ нами происшествіе не стоило краткаго указанія. Мы остановились на кормежку и обѣдъ довольно рано въ селѣ Никитскомъ, не доѣзжая 40 верстъ до Ефремова; большое это село и теперь принадлежитъ одному изъ гр. Бобринскихъ. Гдѣ-то еще

по дорогѣ изъ Сальникова присоединился къ намъ московскій обыватель, вольноотпущенный нашъ, Барышевъ, приглашенный на все время бѣгства своего изъ Москвы поселиться у насъ въ Михайловскомъ съ женой и семействомъ. Онъ сказалъ отцу, что, проходя мимо сельской церкви, увидѣлъ толпу крестьянъ и какихъ-то подозрительныхъ людей въ нѣмецкомъ платьѣ, что-то громко проповѣдывавшихъ со своихъ телегъ собравшемуся около нихъ народу. Отецъ поручилъ ему привести либо вотчиннаго старосту, либо сотскаго, и вотъ батюшка, Барышевъ и я съ ними и съ Никольскимъ въ сопровожденіи старосты и сотскаго пошли къ этой толпѣ. Оказалось, что какой-то краснобай говоритъ крестьянамъ, чтобы они Бонапарта не пугались, что онъ идетъ на Россію за тѣмъ, чтобы освободить крестьянъ, дать имъ волю и уничтожить помѣщиковъ. Услышавъ такія рѣчи, отецъ мой и съ нимъ вмѣстѣ Барышевъ и Никольскій стащили свободолюбиваго оратора съ телеги, отдали его подъ караулъ сотскому, а старостѣ приказали приготовить двѣ тройки и нарядить надежныхъ подводчиковъ. Какъ скоро все это было исполнено безъ малѣйшаго сопротивленія, говоруна крѣпко связали по рукамъ и по ногамъ и сейчасъ отправили въ Тулу съ письмомъ отъ отца къ тамошнему губернатору, Богданову, которому было сказано, что отправляемый подъ стражей къ его превосходительству возмущалъ народъ противъ государя, правительства и помѣщиковъ и что отправляющій его, мой отецъ, нашелъ необходимымъ поступить съ возмутителемъ на основаніи прокламаціи главнокомандующаго гр. Растопчина, который вмѣнялъ въ обязанность каждому гражданину задерживать людей неблагонамѣренныхъ, соблазняющихъ чернь къ бунту,

и представлять ихъ прямо къ высшему начальству. Лучшие изъ крестьянъ и тѣ, которые были постарше, благодарили всѣхъ насъ за содѣйствіе; отправленный былъ крѣпостной человѣкъ и повѣренный тульского откупщика Безобразова; какъ съ нимъ поступили, не знаю. Мы доѣхали и поселились въ Михайловскомъ вмѣстѣ съ семействомъ Барышевыхъ, узнавъ дорогой отъ обогнавшего насъ полицейскаго чиновника, что французы вступили въ Москву и зажгли ее съ разныхъ сторонъ.

Погожая осень продолжалась весь сентябрь, и хотя вслѣдствіе занятія Москвы всѣ почтовые и частныя сношенія съ нею были прерваны, слухамъ не было конца. Между сосѣдними помѣщиками, купцами и крестьянами ходили разные толки, изобрѣтались ежедневно удивительныя и самыя невѣроятныя новости; по большей части предсказанія были неутѣшительныя.

Въ Тульской губ. набрано было также ополченіе, но въ меньшемъ размѣрѣ противъ московскаго; съ нашихъ деревень пошло 30 ратниковъ. Тутъ, конечно, всякій старался соблюсти свои выгоды; отдавались люди пожилыхъ лѣтъ, не отличнаго поведенія и съ тѣлесными недостатками, допускаемыми, какъ исключенія, для этого времени въ самыхъ правилахъ о наборѣ ополченцевъ. Не успѣли еще отправить ихъ на службу по распоряженію мѣстнаго губернскаго начальства, стали учреждать по селеніямъ какую-то земскую стражу. Мѣстные дворяне, которые подъ какимъ-нибудь предлогомъ не поступали въ ополченіе, тѣмъ съ большимъ рвеніемъ согласились принять на себя званіе начальниковъ этой стражи. Они въ подражаніе настоящимъ ополченцамъ облачились въ такой же сѣрый русскій полукафтанъ казацкаго покроя, привѣсили

себѣ саблю и накрыли головы тѣми же фуражками. но не было на нихъ мѣднаго креста съ вѣщею надписью: «За вѣру и царя». Изъ числа земскихъ сихъ героевъ одинъ г. Артемьевъ для охраненія нашего селенія помѣстился въ нашемъ домѣ. Онъ былъ человекъ весьма молодой, меньшей братъ сосѣда масона, и каждое воскресенье отличался благозвучнымъ чтеніемъ Апостола за обѣдней.

Совершенное невѣдѣніе, въ какомъ находились мы и немногіе сосѣди наши о судьбѣ Москвы и всей Россіи, даже о томъ, гдѣ находились наши войска, становилось для моего отца невыносимымъ. Наступилъ октябрь, погода все еще была довольно теплая, и дороги не портились; за извѣстіями сколько-нибудь вѣрными около 10-го числа батюшка рѣшился отправиться въ Орель, до котораго изъ Михайловскаго съ небольшимъ 100 верстъ; меня онъ взялъ съ собою. По дорогѣ новосильскій лѣкарь, преоригинальный хохоль, Григорій Ивановичъ Хотминскій, къ которому мы заѣхали отдохнуть, состряпалъ для насъ предлинный и пріятный обѣдъ съ борщомъ, варениками и галушками и оставилъ у себя ночевать. Подобное гостепріимство даже и въ теперешнемъ Новосилѣ для заѣзжаго истинное благодѣяніе. Я вспомнилъ этотъ обѣдъ потому, что на немъ въ первый и послѣдній разъ видѣлъ оловянные ложки и такія же блюда. Лѣкарь Хотминскій получилъ свое мѣсто въ нашемъ уѣздномъ городѣ черезъ ходатайство моего отца и былъ за то душою ему преданъ. Въ Орлѣ приготовлено намъ было помѣщеніе у тамошняго губернатора, Петра Ивановича Яковлева. Онъ былъ человекъ чрезвычайно умный и дѣльный, происхожденія дворянскаго, безъ всякаго состоянія. О немъ шла очень худая молва, какъ о ве-

ликомъ взяточникѣ; какимъ путемъ вышелъ онъ въ люди, объяснить я не могу; знакомство его съ моимъ отцомъ началось тѣмъ, что онъ женился на дочери П. И. Новосильцева. Въ то время, когда мы къ нему прѣехали въ Орелъ, у нихъ жила его теща, Катерина Александровна, и ея меньшей сынъ, Петръ Петровичъ, впоследствии бывший рязанскій губернаторъ, мой по годамъ почти ровесникъ (на-дняхъ узналъ я здѣсь, въ Веве, о его смерти).

Наконецъ, поживъ въ Орлѣ, узнали мы важныя и утѣшительныя вѣсти: что непріятель оставилъ сторѣвшую почти дотла Москву, что главнокомандующему, Кутузову, удалось обмануть Наполеона движеніемъ своимъ на калужскую дорогу, посчастливилось потомъ разбить непріятельскій авангардъ подъ Тарутинымъ и заставить Бонапарта бѣжать тѣмъ же опустошеннымъ путемъ, которымъ онъ пришелъ. Лучшихъ и болѣе вѣрныхъ вѣстей нельзя было ожидать, и мы радостно возвратились въ 20-ыхъ числахъ октября къ себѣ въ Михайловское, и тамъ, если бы и желали, не могли бы жить иначе какъ тихо и уединенно. Я учился прилежно и много работалъ надъ латинскимъ языкомъ. Однажды на полсутки нарушено было наше спокойствіе появленіемъ въ домѣ двухъ офицеровъ, которые объявили отцу, что черезъ наше селеніе будетъ проходить какой-то пѣхотный полкъ, подъ начальствомъ полковника Ребиндера. Его съ женой помѣстили въ домѣ, и, несмотря на ихъ усталость, заставили просидѣть почти половину ночи въ разказахъ. Ихъ минутное появленіе было самымъ пріятнымъ эпизодомъ всей нашей зимы; за нимъ вскорѣ послѣдовала большая тревога, надолго насъ напугавшая. Во всемъ селѣ, а потомъ и на дворнѣ, открылась повальная го-

рячка, съ пятнами, особенно заразительнаго свойства, почему-то стали называть ее заразою, впрочемъ, было и отъ чего заразиться. Изъ нашихъ губерній высылали крестьянъ съ подводами въ армию по пути ея въ Смоленскую и даже въ Витебскую губерніи; за недостаткомъ продовольствія въ этомъ, всегда голодномъ, а тогда въ конецъ разоренномъ краѣ возили туда хлѣбные сухари. Французы въ своемъ бѣгствѣ въ это время уже начинали умирать какъ мухи отъ холода и голода, замерзшіе ихъ трупы валялись по дорогѣ. Одинъ изъ нашихъ крестьянъ умудрился поживиться даровщинкой; онъ силится снять пару длинныхъ сапогъ съ замерзшаго француза и не могъ, какъ ни бился; тогда онъ отрубилъ ему обѣ ноги и привезъ домой. Эту пару сапогъ съ ногами вмѣстѣ считали причиной появившейся у насъ повальной горячки. Народомъ овладѣлъ страхъ; чтобы ему помочь и сколько-нибудь успокоить, къ домашнимъ медицинскимъ средствамъ отецъ мой присоединилъ нравственные: служеніе молебновъ по чину о болящихъ; началось оно въ церкви послѣ обѣдни, потомъ у насъ на дому, а въ слѣдующій первый день отецъ мой сопровождать священника въ ближайшіе два, три крестьянскіе дома для такихъ молебствій. Горячки продолжались, однако, долго; въ иныхъ дворахъ всѣ переболѣли, два или три совсѣмъ вымерли.

Поелику, (этимъ вышедшимъ изъ употребленія, но благозвучнымъ и болѣе логичнымъ словомъ замѣняю ненавистное мнѣ союзъ или нарѣчіе *такъ какъ*) въ нашей деревенской глуши не случилось ничего замѣчательнаго даже и для такихъ мелочныхъ какъ мои, «Записокъ» отъ самаго нашего пріѣзда въ Михайловское и далѣе въ теченіе холодной зимы съ

1812 по 1813, заморозившей французовъ въ бѣгствѣ ихъ за Нѣманъ, я сообщу здѣсь моимъ дѣтямъ нѣкоторыя черты моего характера, выразившагося въ моемъ дѣтствѣ. Основою его была тогда уже бережливость, иногда доходившая до скупости. У отца моего была, напротивъ, широкая, славянскія натура; тетюшка же, съ которой я жилъ, была ужъ слишкомъ расчетлива; несмотря на то, что я любилъ и уважалъ гораздо болѣе отца, чѣмъ тетку, въ моей расчетливости подражалъ я скорѣе ей, чѣмъ ему. Своихъ карманныхъ денегъ у меня не было, но всякій разъ, когда мой батюшка дѣлалъ какую-нибудь излишнюю, по моимъ понятіямъ, издержку, что случалось нерѣдко, я бывалъ крайне этимъ недоволенъ. Вотъ почему и лисій мѣхъ въ 700 рублей, подаренный невѣстѣ Новосильцевой, и еще какую-то шубу изъ бѣлыхъ медвѣдей, которою онъ отдалъ одного очень богатаго Рахманова за полученнаго отъ него въ даръ заводскаго жеребца, — шубу, стоившую чуть ли не 2.000, и понынѣ считаю я брошенными на вѣтеръ деньгами. Впрочемъ, и самъ мой отецъ умѣлъ воспитать во мнѣ крайнее въ этомъ отношеніи благоразуміе, часто повторялъ онъ, что я никакъ не долженъ рассчитывать на его состояніе, что имъ, какъ благопріобрѣтеннымъ, онъ имѣетъ право распоряжаться по произволу, что мнѣ принадлежитъ законно одно материнское имѣніе; то были не однѣ рѣчи, онъ такъ, насколько могъ, и дѣйствовалъ. Богородицкое имѣніе купилъ онъ на свои деньги, но на имя тетки, и за годъ до смерти также на ея имя купилъ въ Москвѣ каменный домъ; кромѣ того, своимъ завѣщаніемъ сдѣлалъ онъ эту мою тетку безотчетною попечительницею надо мною въ теченіе всей ея жизни. Указанія на мою бережливость или скупость, от-

личавшую меня отъ всѣхъ моихъ современниковъ и основанную на причинахъ, по моему убѣжденію, не только разумныхъ, но и нравственныхъ, эти указанія разовью я далѣе. Безъ этого анализа я бы и самъ не могъ себѣ объяснить всего хода моей жизни: надѣюсь, что если не постороннимъ читателямъ, то по крайней мѣрѣ моимъ дѣтямъ такія подробности не покажутся излишними. Обращаюсь къ моей повѣсти.

Въ началѣ октября появился къ намъ изъ выжженной и оставленной непріателемъ Москвы кривой нашъ дворникъ, Никифоръ, съ докладомъ, что нашъ московскій домъ и все, что въ немъ было, а было не мало, сгорѣлъ, какъ и двѣ трети города, дотла. Онъ неистово за это ругалъ непріателя. Въ то время всѣ безъ исключенія приписывали гибель первопрестольнаго града буйнымъ и звѣрונравнымъ галламъ и ихъ вождю антихристу Наполеону. Въ то время отыскивали въ библіи или въ апокалипсисѣ собственное имя Апомона, приписанное сатанѣ, и заключили по сходству, что Наполеонъ-то и былъ предреченный антихристъ.—Тетушка моя долго плакала о чайномъ и столовомъ сервизѣ, о мебели и всякой всячинѣ, навѣки у насъ погибшей, но батюшка смотрѣлъ на эту потерю благодушно. Ему, по его широкой натурѣ, кажется, было бы обидно, если бы судьба пощадила нашъ домъ, если бы онъ съ большинствомъ москвичей не принесъ этой жертвы на алтарь отечества. Замѣьте, что въ то время, т. е. тотчасъ послѣ разоренія, весь 1813 и до конца 1814 г., никто въ Россіи не помышлялъ о томъ, что Москва была преднамѣренно истреблена русскими; всѣ до единого мыслили и говорили, что ее сожгли французы. Дворникъ Никифоръ, пробираясь въ Михайловское, зашелъ по дорогѣ въ Солнышково и имѣлъ счастье

донести батюшкѣ, что тамошніе, данные ему Богомъ и государемъ, подданные лишь только почуяли приближеніе непріятеля къ нашему околотку (французскіе мародеры доходили до Молодей, въ 15 верстахъ отъ насъ), вздумали было разобрать нашъ подмосковный деревянный домъ и все господское строеніе и подѣлить по себѣ, но два, три старика изъ крестьянъ, положимъ, по чувству признательности къ отцу, или что вѣрнѣе, по благоразумному расчету однимъ словомъ: «А ну какъ баринъ воротится?» остановили тогдашнихъ преждевременныхъ коммунистовъ, и домъ нашъ уцѣлѣлъ.

Прошла холодная зима, сыгравшая такую великую роль въ исторіи всего человѣческаго общества, весна 1813 года стала ранняя; 25 марта, въ день Благовѣщенія, мы ѣздили къ обѣднѣ на колесахъ. Наступило лѣто, и мы 13 іюня выѣхали изъ Михайловскаго въ Тамбовскую губернію; число это запомнилъ я потому, что утро этого дня было чрезвычайно холодное, и наши люди ѣхали въ нагольныхъ тулупахъ. Батюшка сдѣлалъ этотъ большой крюкъ по дорогѣ въ Москву, чтобы посѣтить въ Шацкомъ уѣздѣ замужнюю свою воспитанницу Тарасову. Оттуда проѣхали мы въ имѣніе умнѣйшаго старика Дубовицкаго, въ село Стенькино, съ великолѣпнымъ, на мой тогдашній взглядъ, барскимъ домомъ; я особенно любовался въ немъ узорчатыми паркетными полами изъ разноцвѣтнаго дерева; крѣпостные столяры сработали ихъ по рисунку своего барина чрезвычайно отчетливо. Любилъ я этого стараго пріятеля моего отца пуще всѣхъ другихъ его знакомыхъ. Всякій разъ, когда онъ бывало меня увидитъ, обратится ко мнѣ съ вопросомъ: «Чѣмъ ты хочешь быть: плутомъ или глупцомъ?» И всякій разъ отвѣчалъ я ему одно: «Хочу быть честнымъ человѣкомъ».

По возвращеніи въ Солнышково, черезъ недѣлю от-
правились мы съ отцомъ на пенсiоніе Москвы и, за
неимѣніемъ собственнаго дома, остановились у нашего
Барышева, который, возвратясь въ Москву прежде
насъ, уже успѣлъ вмѣсто погорѣвшаго приобрѣсть себѣ
домикъ въ Грузинахъ.

Въ это пребываніе въ Москвѣ я, уже 13-лѣтній
мальчикъ, довольно самостоятельный, часто бывалъ у
моего дяди, губернатора. Тамъ были мои двоюродныя
сестры институтки, съ которыми я очень сблизился.
Одна изъ нихъ, меньшая, Наталья Александровна, не-
большого роста и предупредная, за то очень умная и раз-
вязная, на-пропалую кокетничала съ гр. Растопчинымъ,
тогдашнимъ главнокомандующимъ, и, ухаживая за ней
en tout bien, en tout honneur, великій мужъ этого вре-
мени ежедневно посѣщалъ вечеромъ домъ Обреско-
выхъ.

Не могъ я въ моихъ «Запискахъ» ни одного соб-
ственного слова прибавить объ Отечественной войнѣ,
будучи по возрасту и по самымъ обстоятельствамъ въ
отдаленіи отъ всѣхъ событій, ее сопровождавшихъ.
Взамѣнъ этого я имѣю нѣкоторое право сообщить все,
что мнѣ тогда и нѣсколько позже стало извѣстно о
причинахъ истребленія Москвы пожарами, какихъ почти
нигдѣ не бывало. Поэтому въ приложеніи, какъ эпи-
зодъ, помѣщаю я небольшую мою статью о событіяхъ
этого времени *).

Осенью 1813 года, предварительно побывавъ въ
Москвѣ еще лѣтомъ, какъ было сказано выше, и при-
искавъ годовую квартиру около Тверскихъ воротъ,

*) См. прил. I.

противъ самой церкви Рождества въ Палашахъ, переѣхали мы изъ Солнышкова всѣмъ домомъ на всю зиму. Не легко было тогда въ опустошенномъ городѣ найти даже и для небольшой нашей семьи изъ трехъ ея членовъ, отца, тетки и меня, сколько-нибудь удобное помѣщеніе и еще труднѣе имѣть его, по возможности, въ серединѣ города, и потому за домикъ, въ который мы въѣхали, по-тогдашнему заплачено было очень дорого, а именно 2000 р. ассигн., равносильные съ нынѣшними 2000 сер. Парадный входъ въ него былъ съ грязнаго двора по крутому крыльцу, пристроенному какъ-то бокомъ и непокрытому; потомъ слѣдовала крошечная передняя, гдѣ и тремъ домашнимъ служителямъ негдѣ было повернуться; проходная зала, небольшая очень гостиная, за ней сейчасъ тетюшкина спальня, рядомъ дѣвичья и возлѣ нея спальня моего отца, гдѣ стояла и моя кровать, и тутъ еще одна маленькая комната, тоже проходная. В. А. Никольскому не было угла, да онъ по нашемъ переѣздѣ въ Москву не былъ мнѣ и нуженъ. За годъ до французовъ отецъ мой имѣлъ намѣреніе помѣстить меня въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, но послѣ московскаго разоренья это модное воспитательное заведеніе не было еще въ сентябрѣ 1813 года открыто, и меня на 14 году помѣстили на полупансіонъ къ профессору Мерзлякову вмѣстѣ съ двумя Глазуновыми. До своего помѣщенія эти два юноши вмѣстѣ съ своимъ батюшкой прожили у насъ недѣли двѣ. Въ теченіе зимы бывали и другіе пріѣзжіе гости въ нашемъ домикѣ, который, благодаря русскому гостепріимству, развивавшемуся тогда шире обыкновеннаго по недостатку въ трактирахъ и пріѣзжихъ домахъ, обращался по временамъ, конечно, уже не въ гостиницу, а въ

постоялый дворъ. Не было комнаты, въ которой бы не помѣщались гости на диванахъ, на полу, а въ залѣ на стульяхъ. Не могу теперь безъ смѣха и нѣкотораго ужаса вспомнить утреннее пробужденіе и вставанье хозяевъ и обитателей. Вотъ бы какому-нибудь жанристу-артисту изобразить подобныя домашнія сцены, а, по рассказамъ, повторяются онѣ въ провинціяхъ и деревняхъ и доселѣ.

Теперь будемъ говорить о пансіонѣ Мерзлякова. Я являлся туда ежедневно въ 8 часовъ утра и въ 7 вечера возвращался. За меня платили 500 р. Мерзляковъ жилъ на большой Никитской противъ Никитскаго монастыря. Предъ самымъ вступленіемъ всѣхъ насъ троихъ къ Мерзлякову отецъ моихъ новыхъ товарищей, Глазуновыхъ, задалъ ему обѣдъ на славу, въ Троицкомъ трактирѣ, на который были приглашены мой отецъ, мой наставникъ Никольскій и мы, будущіе питомцы профессора. Нашего будущаго воспитателя, упитаннаго и упоеннаго, вынесли изъ трактира на рукахъ. Кажется, можно было предвидѣть, какъ пойдетъ наше образованіе; кромѣ насъ, у Мерзлякова было еще трое пансіонеровъ, окончившихъ въ университетѣ курсъ словесности: Аркадій Родзянка, порядочный стихотворецъ, и братъ его, занка Миша, да въ видѣ наставника или гувернера семинаристъ, прехуденькій, пренѣжненькій, прекрасенькій Сокольскій, который давалъ намъ уроки словесности, правильнѣе сказать—грамматики, пописывалъ пресладенькіе стишки, хворалъ грудью и умеръ въ чахоткѣ.

Нисколько не подготовившись къ слушанію университетскихъ лекцій, всѣ мы допущены были въ университетъ безъ всякаго экзамена вольными слушателями. Когда я въ первый разъ предсталъ передъ гроз-

нымъ ректоромъ, профессоромъ статистики, Иваномъ Андреевичемъ Геймомъ, извѣстнымъ, впрочемъ, не статистикой, а своимъ россійско-нѣмецкимъ словаремъ, беззубый нѣмецъ удивился нѣжной моей юности и покачалъ головой. Тогда на право слушанія лекцій выдавалась каждому на латинскомъ языкѣ табель, въ которой по каждому факультету выставлены были съ именами профессоровъ всѣ предметы университетскаго ученія, ректоръ отмѣчалъ въ нихъ, по собственному своему усмотрѣнiю, всѣ предметы, слушанiе которыхъ дѣлалось для снабженнаго табелью обязательнымъ. Мнѣ на первый годъ предписано было постоянное посѣщенiе слѣдующихъ лекцій: статистики Гейма, славянской словесности у Гаврилова, россійской словесности у Мерзлякова, таковой же исторiи у Каченовскаго, всеобщей исторiи у Черепанова, чего-то въ родѣ риторики у Побѣдоносцева, логики у Брянцева, латинскаго языка и римскихъ древностей у Тимковскаго, нѣмецкаго и французскаго языка у какихъ-то басурмановъ, и, наконецъ, по собственной охотѣ, учился я танцованiю у Морелли. Въ наше время мы не имѣли счастья слушать ни пространнаго катихизиса, ни богословiя. Поелику старый университетъ послѣ пожара не начиналъ еще отстраиваться, то всѣ каѳедры, кромѣ медицинскаго факультета, помѣщались въ четырехъ аудиторiяхъ въ небольшомъ каменномъ домѣ купца Яковлева, въ Долгоруковскомъ, между Тверской и Никитской, переулкѣ; тамъ же была и камера для университетскихъ засѣданiй и канцелярiя правленiя. Въ нижнихъ этажахъ зданiя размѣщены были на самыхъ тѣсныхъ квартирахъ въ 4 или 5 палатахъ казенные студенты всѣхъ факультетовъ, за исключенiемъ медиковъ; инспекторъ же ихъ жилъ опять-таки наверху. Все жило

въ тѣснотѣ, теперешнему уму непостижимой, и все жило ладно. Лекціи начинались зимою при свѣчахъ желтыхъ, сальныхъ, вонючихъ; утреннія кончались въ 12 часовъ, возобновлялись тотчасъ послѣ обѣда казенныхъ студентовъ въ 2 ч. и продолжались до 6 ч., и это всякій день къ неопisanному нашему удовольствію.

Чуть ли не слишкомъ много насчиталъ я себѣ профессоровъ на первый годъ моего курса. Все университетское 4-хлѣтнее пребываніе представляется моей памяти какъ-то смѣшанно, безотчетно, а происходитъ это оттого, что я былъ слишкомъ молодъ и даже, по отношенію къ самой моей молодости, слишкомъ мало приготовленъ къ серьезному слушанію университетскихъ лекцій. По-русски умѣлъ кое-какъ составить правильный періодъ, но не зналъ правописанія. Русскую исторію до Петровскаго времени я зналъ въ главныхъ чертахъ, о новѣйшей не имѣлъ я никакого понятія, то же и со всеобщей. Греки и римляне были еще мнѣ свѣдомы; дошли до моего слуха и варвары, и переселеніе народовъ, и средніе вѣка, но что касается реформанн и особливо французской революціи, такой близкой къ моему отрочеству, то я всегда боялся, когда меня о нихъ что-нибудь спрашивали. Благодаря Никольскому мнѣ далась латынь. Корнелій Непотъ, Цицеронъ, Титъ Ливій были мнѣ, судя по годамъ, довольно доступны. По-французски я могъ читать, по-нѣмецки долбилъ неправильные глаголы и приходилъ въ отчаніе отъ длинныхъ періодовъ этого языка съ отсѣченною отъ глагола частичкой въ концѣ періода. Въ бытность мою на полупансіонѣ у Мерзлякова подготовленіе къ лекціямъ шло изъ рукъ вонъ дурно, а потому и самое преподаваніе профессоровъ,

какъ оно ни было поверхностно, не могло идти впрокъ ни одному изъ моихъ сверстниковъ-студентовъ. Въ наше время можно было раздѣлить студентовъ на два поколѣнія: на гимназистовъ и особенно семинаристовъ, уже брившихъ бороды, и на насъ аристократовъ, у которыхъ не было и пушка на губахъ. Первые учились дѣйствительно, мы баловались и проказничали. Впрочемъ, и самый университетъ въ 1813 г. въ составѣ своемъ былъ гораздо плоше, чѣмъ за годъ или за два передъ французами. Онъ лишился къ этому времени лучшихъ представителей науки: изъ русскихъ — краснорѣчиваго профессора Страхова, а изъ германскихъ своихъ ученыхъ — Маттен, Рейнгардта, Бунге, Буле и друг. При всей моей несостоятельности нѣкоторыхъ профессоровъ своихъ слушалъ я охотно и — сколько могу за отдаленностью воспоминаній — стараюсь дать самому себѣ отчетъ въ томъ, что я именно слушалъ съ прилежаніемъ. Начну, какъ и слѣдуетъ, съ хозяина нашего пансіона, профессора Мерзлякова.

Онъ былъ человѣкъ несомнѣнно даровитый, отличный знатокъ и любитель древнихъ языковъ, вѣрный ихъ переводчикъ въ стихахъ, нѣсколько напыщенныхъ, но всегда благозвучныхъ, безпощадный критикъ и въ этомъ отношеніи смѣлый нововводитель, который дерзалъ, къ соблазну современниковъ, посягать на славу авторитетовъ того времени, какъ, напр., Сумарокова, Хераскова, и за то подвергался не разъ гоненію литературныхъ консерваторовъ. Иногда, но уже робкой рукой, касался онъ въ строгихъ своихъ разборахъ и самого Державина, окруженнаго въ то время ореоломъ славы. Тогда только что появились въ полномъ собраніи его сочиненія, гдѣ преобладала жалкая посредствен-

ность рядомъ съ самою возвышенною звучною поэзіею. У Мерзлякова было болѣе таланта, чѣмъ постоянства и прилежанія въ трудѣ. Говорили, что онъ въ это самое время любилъ и былъ несчастливъ, что ему отказали и что онъ любовь къ своей жестокой дамѣ замѣнилъ любовью къ Бахусу. Въ его преподаваніи особенно хромалъ методъ. Къ своимъ импровизированнымъ лекціямъ онъ, кажется, никогда не готовился; сколько разъ случалось мнѣ, почему-то его любимцу, прерывать его крѣпкій послѣобѣденный сонъ за полчаса до лекціи; тогда второпяхъ начиналъ онъ пить изъ огромной чашки ромъ съ чаемъ и предлагать мнѣ вмѣстѣ съ нимъ пить чай съ ромомъ. «Дай мнѣ книгу взять на лекцію»,—приказывалъ онъ мнѣ, указывая на полки.—«Какую?»—«Какую хочешь». И вотъ, бывало, возьмешь любую, какая попадется подъ руку, и мы оба вмѣстѣ, онъ, восторженный отъ рома, я навеселѣ отъ чая, грядемъ въ университетъ. И что же? развертывается книга и начинается превосходное изложеніе. Какого бы автора я ему ни сунулъ, авторъ этотъ втѣсняется во всякую рамку послѣдовательнаго его преподаванія; и басня Крылова, если она подвернется, не мѣшала Мерзлякову говорить о лиризмѣ, когда въ порядкѣ, имъ задуманномъ, нужно было говорить о лирикахъ. Таковъ былъ Алексѣй Ѳеодоровичъ Мерзляковъ въ мое время, имѣвшій сверхъ того и какъ поэтъ и какъ по преимуществу поэтъ-лауреатъ, т.-е. поэтъ торжественныхъ случаевъ, огромныя достоинства. Онъ умѣлъ заказной казенной одѣ дать смыслъ и облечь ее одушевленною торжественностью. Студенты его любили и уважали, онъ былъ съ ними добръ и не заносчивъ. Учтивости отъ профессоровъ мы не требовали.

Второй изъ любимыхъ моихъ профессоровъ былъ Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій, желчный, пискливый, подозрительный, завидливый, человѣконенавистный скептикъ, разбиравшій по всѣмъ косточкамъ и суставчикамъ начатки руссiйской исторiи, которую онъ преподавалъ, ничего не принимавшій на одну вѣру, отвергавшій всякое преданіе, — однимъ словомъ, сомнѣвавшійся во всемъ. Вѣрилъ онъ одному только Нестору, не вѣрилъ ни «Русской правдѣ» Ярослава Великаго, ни духовному завѣщанію Владиміра Мономаха, ни подлинности «Слова о полку Игоревѣ», ни тому, что куньи мордки замѣняли монету. Въ изложеніи всякаго рода историческихъ сомнѣній и опроверженіи достовѣрности источниковъ проходилъ цѣлый годъ курса. Бывало, начнетъ перечислять славянскія и другія племена по Нестору, бьется съ ними цѣлый мѣсяцъ и никакъ не сладитъ съ корсами, что это былъ за народъ или народецъ. Дойдетъ до нихъ дѣло, и мы, бывало, спрашиваемъ: «Что же, Михаилъ Трофимовичъ, корсы?» — «Очень ужъ ты любопытенъ! Корсы пусть будутъ Корсы; будетъ съ васъ. Мнѣ и варяговъ опредѣлить мудрено». Всѣ знаютъ, какъ въ послѣдствіи онъ сохъ и желтъ отъ успѣха исторіи Карамзина и какъ подъ нее подкапывался. Многіе помнятъ бранчивое къ нему посланіе кн. Вяземскаго, начинающееся слѣдующими словами:

Передъ судомъ ума сколь Каченовскій жалокъ,
Талантовъ низкій врагъ, завистливый зоицъ...

Несмотря на то, онъ былъ человѣкъ умный и достойный глубокаго уваженія по истинной любви къ честному и безкорыстному труду и по своему критическому таланту, который, къ сожалѣнію, не всегда отличался безпристрастіемъ.

Довольно еще молодой по сравненію съ своими учеными товарищами—профессоръ латинской словесности и римскихъ древностей, Романъ Оедоровичъ Тимковскій, учившійся въ Геттингенскомъ университетѣ, отличался отъ всѣхъ благовидной, красивой наружностью, приличными манерами и пристойной одеждой того времени. Онъ страстно любилъ древнюю словесность и былъ, такъ сказать, нѣженъ къ тѣмъ немногимъ изъ своихъ студентовъ, которые охотно занимались его предметомъ. Такихъ было не много, человекъ пять изъ старшихъ гимназистовъ и семинаристовъ съ основательнымъ познаніемъ латыни, а между молодыми—я изъ первыхъ. Мы переводили съ нимъ *à livre ouvert* котораго-нибудь изъ римскихъ классиковъ, но мнѣ не удалось дойти въ латыни до Тацита. Тимковскій преподавалъ также греческій языкъ,—но увы!—на этихъ урокахъ у него было всего трое слушателей изъ семинаристовъ.

Ученикъ Вольфа, соученикъ Канта, философъ Андрей Михайловичъ Брянцевъ, чуть ли не 80-лѣтній старикъ, въ голубомъ своемъ кафтанѣ, съ стоячимъ воротникомъ и перламутровыми большими пуговицами, съ сѣдыми волосами *à la vergette*, при костѣ, восходилъ на свою кафедру ровно въ 8 часовъ утра, слѣдовательно, зимой при свѣчахъ, и преподавалъ намъ неудобно-изслѣдимую пучину логики и метафизики. Онъ всецѣло принадлежалъ какому-то допотопному времени, объяснялъ намъ свои премудрости въ сухихъ выраженіяхъ, недоступныхъ нашему пониманію. Его ученая терминологія была латинско-германская; его наука была нещадно сухая и схоластическая; даже русскій языкъ испещренъ былъ какими-то старинными словами, оскорблявшими нашъ слухъ. Онъ употреблялъ *скорѣе* вмѣ-

сто скорѣе, *чего для* вмѣсто *для чего* и т. д. Тѣшилъ онъ юныхъ студентовъ, самъ того, конечно, не желая, презабавными примѣрами, избираемыми имъ для своихъ силлогизмовъ и логическихъ доказательствъ. Ему особенно любезенъ былъ Кай; напр., въ простомъ силлогизмѣ, что всѣ люди смертны, второю посылкой всегда было: «Кай человекъ, слѣдовательно, Кай смертенъ». Для силлогизма рогатаго, а можетъ быть для какой-нибудь другой логической демонстраціи, которой выводы я забылъ, онъ между прочимъ говорилъ намъ съ кафедры:

Танцовальщикъ танцоваль,
А въ углу сундукъ стоялъ;
Танцовальщикъ не видалъ,
Что въ углу сундукъ стоялъ,
Зацѣпился и упалъ.

Что изъ этого слѣдовало,—извините, я забылъ.

Жизни онъ былъ самой строгой и аскетически суровой; глубоко религіозный, чуждался всякаго общества. Сказываютъ, что, кончивъ свою лекцію и побывавъ иногда въ конференціи университетскаго совѣта, все свободное время проводилъ онъ съ любимымъ своимъ котомъ. Я вглядъ ничего не понималъ въ его лекціи и, придя на лавку къ 8 часамъ утра, еще не проспавшись, имѣлъ привычку зѣвать во всеуслышаніе. Одинъ разъ юнѣйшіе изъ моихъ товарищей пристали ко мнѣ и навели зѣвоту на самого нашего мудреца, что заставило его сдѣлать мнѣ, давно уже замѣченному въ такихъ продѣлкахъ, строгое и вмѣстѣ гуманное замѣчаніе.

Изъ такой краткой характеристики профессора Брянцева читатели мои увидятъ, что я учился очень плохо и что во мнѣ развивалась въ стѣнахъ университета

одна способность — схватывать смѣшную сторону моихъ наставниковъ; да простить мнѣ эту слабость строгая фигура Брянцева! Онъ, какъ увѣряли меня впоследствии мои товарищи, продолжавшіе изучать философію, былъ замѣчательный мыслитель своего времени. немногими понятый и оцѣненный. Покойный Мих. Александр. Дмитриевъ, занимавшійся цѣлую жизнь философіей, говорилъ о Брянцевѣ, что самъ всеразрушающій Кантъ не отрёкся бы признать въ своемъ соученикѣ брата о философіи. Когда я съ обычнымъ моимъ глумленіемъ припоминалъ Дмитриеву Брянцева дефиницію души: «Душа есть безусловное условіе всякаго условія», Дмитриевъ объяснялъ мнѣ глубокій смыслъ этого изреченія, и я, въ томъ убѣжденный, съ нимъ соглашался, но теперь долженъ признаться, что опять позабылъ глубокій смыслъ дефиниціи.

Профессоръ всеобщей исторіи, Никифоръ Евтропиевичъ Черепановъ, былъ бичомъ студенческаго рода. Онъ умерщвлялъ въ насъ всякое умственное стремленіе къ исторической любознательности, будучи самъ воплощеною скукою и бездарностью. И такого-то профессора въ коротко обстриженномъ рыжемъ парикѣ, въ коричневомъ полиняломъ фракѣ, въ пестромъ жилетѣ, въ желтыхъ панталонахъ съ пятнами, невытаго и съ небритой бородой, обязаны мы были слушать въ послѣобѣденное время съ 2-хъ часовъ до 4-хъ безъ перерыва. Такую пытку пришлось мнѣ выдерживать цѣлые два года и прослушать безсвязныя его сказанія объ Ассирійской, Вавилонской, Мидійской и Персидской монархіяхъ съ самыми сухими подробностями и въ непонятномъ переводѣ древнихъ историковъ. Какъ же мы его и слушали всё безъ исключенія! Не успѣвъ пройти $\frac{1}{4}$ часа, и уже начинается слышаться

сонѣнье, а потомъ и храпѣнье то въ томъ, то въ другомъ углу обширной аудиторіи, наполненной до тѣсноты студентами. (Всеобщая исторія была обязательна для всѣхъ студентовъ.) Не засыпали у него только тѣ, которые запасались какой-нибудь книгой. Читаль онъ вяло, длінно, монотонно и какимъ-то гробовымъ голосомъ. Разъ какъ-то неумышленно разыгралась въ этомъ классѣ презабавная исторійка. Ему, входящему въ этотъ классъ съ поклонами слушателямъ, мы отвѣчали шарканьемъ и продолжали этотъ шумъ и скрипъ отъ нашихъ ногъ гораздо дольше, чѣмъ было нужно для поклона. Онъ догадался, что тутъ вмѣсто овации кроется насмѣшка, и заговорилъ обычнымъ своимъ учительскимъ тономъ: «Съ вашего позволенія, государи мои, такое учтивство, такъ сказать, хуже всякаго невѣжества», и тѣмъ же тономъ, безъ перерыва, шагая по ступенямъ на каѳедру: «Семирамида была хотя и легкомысленная женщина, но монархиня наизамѣчательнѣйшая». Такой даровитый профессоръ у всѣхъ, у кого только могъ, отбилъ надолго охоту изучать всякую человѣческую исторію.

Адъюнктъ Мерзлякова по каѳедрѣ російской словесности, П. Вас. Побѣдоносцевъ, преподавалъ намъ, съ соблюденіемъ всѣхъ условій схоластики, російскую риторику и піитику. Я слушалъ его съ нѣкоторою пользой для себя, находя вопреки общему настоящему мнѣнію, что эти обѣ науки упражняютъ въ юношахъ мышленіе и научаютъ ихъ письменно выражать мысли. Тотъ, у кого есть охота и талантъ писательствовать, пойдетъ дальше; лѣнливый или бездарный выучится по крайней мѣрѣ написать какое-нибудь письмо. Побѣдоносцевъ былъ учитель усердный, дѣльный и полезный, безъ всякихъ другихъ претензій.—

Чтобы не прерывать моего описанія всѣхъ моихъ профессоровъ, я кстати представлю здѣсь изображеніе тѣхъ моихъ наставниковъ, лекціи которыхъ я слушалъ на второмъ и третьемъ году моего курса.

Профессоръ славянскоіи словесности, Матвѣй Гавриловичъ, обучалъ насъ, собственно говоря, церковному нашему языку посредствомъ одного упражненія въ чтеніи нашихъ божественныхъ книгъ и преимущественно Четь - Миней. Едва ли и самъ зналъ онъ во всемъ объемъ языкъ, имъ преподаваемый, у котораго не было, кажется, настоящей грамматики, да и теперь, не знаю, существуетъ ли такая, которая бы отвѣчала всѣмъ требованіямъ филологин, потому-то и выбраны были для чтенія житія святыхъ, составленныя св. Димитріемъ Ростовскимъ. Славянскій языкъ Четь - Миней ростовскаго святителя былъ доступенъ, ибо сошлся уже съ простонароднымъ. У Гаврилова я, издѣтства начетчикъ священныхъ книгъ по милости моего дядьки, Варѣоломеевича, отличался передъ всѣми. Въ борзomъ чтеніи и даже въ разумѣніи читаемаго мнѣ уступали и иные семинаристы, и часто передъ классомъ забавлялъ я моихъ товарищей передразниваніемъ Гаврилова, такого же допотопнаго во всемъ старика, какъ и нашъ всеобщій историкъ, подбирая, подобно ему, забавные синонимы славянскихъ словъ и изобрѣтая, тоже подобно ему, самыя затѣливыя объясненія. | Расскажу кстати, чтобы показать, какія были отношенія студентовъ къ профессору и профессорамъ къ попечителю, что разъ случилось со мной на лекціи Гаврилова. У него былъ обычай передъ приходомъ своимъ на лекцію посылать со сторожемъ тѣ тяжело переплетенныя съ мѣдными задвижками книги, изъ которыхъ онъ располагалъ читать для перевода,

примѣра, или объясненія. Кто-то изъ преподавателей передъ нимъ почему-то не пришелъ, мы же не расходились въ ожиданіи Гаврилова. И вотъ младшіе изъ насъ вздумали предложить мнѣ его передразнивать. Я усѣлся на кафедру, старательно принялъ на себя образъ и подобіе Матвѣя Гавриловича, вынулъ изъ кармана свои очки, спустилъ на самый кончикъ носа, по его обычаю, разложилъ увѣсистую Четъ - Минею и началъ публичное свое чтеніе разсѣвшимся по лавкамъ студентамъ. Начало было весьма торжественное, объясненія были подходящія къ профессорскимъ, совсѣмъ его синонимами, какъ, напр., Богъ (Творецъ, — Вседержитель) и т. д., какъ вдругъ, поднявъ глаза сверхъ очковъ, увидѣлъ я смиренно прислонившуюся къ двери фигуру профессора. Это видѣніе поразило меня благоговѣйнымъ ужасомъ, я обомлѣлъ и онѣмѣлъ, ноги мои подо мною подкосились, я даже не могъ встать, а Гавриловъ просилъ продолжать. Все благополучно кончилось приличными извиненіями одного и увѣщаніями другого. Самъ учитель возсѣлъ на кафедру и съ какимъ-то необыкновеннымъ одушевленіемъ, на этотъ разъ довольно увлекательно, началъ читать житіе св. мученицъ Минодоры, Митродоры и Нимфодоры (кому покажется, что я подобралъ эти имена на смѣхъ; совѣтую прочесть это житіе и увѣриться въ дѣйствительно изящномъ изложеніи). И что же? Тихо отворилась дверь, и къ ней прислонился внезапно вошедшій новый попечитель университета, князь Андрей Петровичъ Оболенскій; чтеніе продолжалось въ тишинѣ, не нарушаемой даже скрипомъ студенческихъ перьевъ. Въ свою очередь мой профессоръ взглянулъ сверхъ очковъ, узрѣлъ вновь назначеннаго университету попечителя и вострепеталъ, подобно мнѣ несчастному,

благоговѣйнымъ ужасомъ; едва могъ встать и сойти дрожащими ногами съ кафедры, чтобы преклониться предъ величіемъ начальника. Напрасно кроткій князь Оболенскій, человѣкъ весьма набожный, радушно просилъ продолжать; продолженіе обѣщано было впредь, а посѣщеніе ограничилось любезностями. Гавриловъ, конечно, не могъ основательно выучить никого славянскому языку, но все-таки выучилъ иныхъ славянской грамотѣ и цыфири, сколько-нибудь пріучилъ ихъ слухъ къ церковной рѣчи, объяснять ея обороты и такимъ образомъ былъ не бесполезенъ въ своемъ преподаваніи.

Пройду молчаніемъ двухъ профессоровъ германскаго происхожденія съ ихъ нѣмецко-русскою рѣчью: ректора, Ивана Андреевича Гейма, безтолково преподававшего варварскимъ русскимъ языкомъ статистику, науку, которая была слишкомъ нова и несостоятельна тогда даже и въ германскихъ университетахъ, и другого профессора также мало установившейся въ то время науки — политической экономіи, Августа Христіановича Шлецера, сына великаго нашего академика. Профессоръ Шлецеръ три раза мѣнялъ языкъ для удобнѣйшаго чтенія: сперва пробовалъ начать преподаваніе по-нѣмецки, — всѣ слушатели въ одинъ голосъ сказали, что они вглядъ ничего не понимаютъ; потомъ по-латыни, — студенты повторили то же, а профессоръ убѣдился самъ, что науку новую преподавать на древнемъ языкѣ было бы и для него неодолимымъ затрудненіемъ, поневолѣ надобно было взяться за русскій языкъ, которымъ профессоръ не владѣлъ и на каждой лекціи смѣшилъ насъ злоупотребленіемъ уменьшительныхъ, приводя въ примѣры «скотиковъ, мужичковъ, сѣнца, лошадокъ и проч.». Онъ былъ невзыскателенъ; его посѣщали немногіе.

Старѣйшіе и прилежнѣйшіе изъ студентовъ-юристовъ съ уваженіемъ отзывались о лекціяхъ строгаго и дѣльнаго профессора правъ, римскаго и естественнаго, Льва Алексѣевича Цвѣтаева, но для меня оставался онъ всегда недоступнымъ, и я очень рѣдко надобдалъ ему и себѣ посѣщеніемъ этихъ лекцій. Мудрено бы подумать, а оно на самомъ дѣлѣ было такъ, что самымъ почтеннымъ преподавателемъ и самыми веселыми предметами были профессоръ Михаилъ Матвѣевичъ Снѣгиревъ и его кафедра — исторія философіи и церковная исторія. Въ той и другой рассказывалось множество всякаго рода анекдотовъ и заманчиво любопытныхъ повѣствованій. Приведу изъ нихъ два, мнѣ особенно памятные. Желая дать понѣгіе слушателямъ о древней философіи индѣйцевъ либо аравитянъ и объ опредѣленіи ихъ философами божественныхъ свойствъ Творца вселенной, Снѣгиревъ выразился однажды такъ: «по созерцанію такого-то древняго философа, перешедшему въ сознаніе его народа, Богъ такъ всевидящъ, что онъ въ самую черную ночь на самомъ черномъ камнѣ самаго чернаго жука видитъ». Я, любя всегда посмѣяться, конечно, исподтишка, обыкновенно садился на Снѣгиревскихъ лекціяхъ на правой лавкѣ, прямо у него подъ носомъ и, выслушавъ такое древнее восточное ученіе о всевидѣніи Божіемъ, имѣлъ неосторожность довольно громко засмѣяться. Благочестивый профессоръ сдѣлалъ мнѣ выговоръ не дерзать глумиться надъ священными предметами. Какъ нарочно мнѣ на бѣду слѣдующая Снѣгиревская лекція была изъ преподаваемой имъ же церковной исторіи. Повѣствуя о различныхъ ересяхъ, онъ дошелъ до одной изъ нихъ, въ которой (не упомяну ея названія) христіанство нисходило съ высоты своего великаго значенія и обращало послѣдователей

этой ереси къ самому невѣжественному суевѣрію. Преподаватель перешелъ тутъ къ различнымъ грубымъ видамъ послѣдняго и въ нашемъ народѣ: «Вотъ, наприм., расскажу я вамъ, какъ прошлымъ лѣтомъ, будучи визитаторомъ народныхъ школъ нашего учебнаго округа, зашелъ я въ небольшомъ городкѣ Владимірской губерніи въ одну церковь, и вдругъ, теперичка, (любимое его слово), вижу я огромнѣйшую икону. Подхожу, теперичка, къ ней,—горитъ лампадка, да и безъ того это было днемъ, смотрю: образъ человѣческій, длины необычайной, волосы взъерошены, борода всклокочена, глазища страшнѣйшіе, руки, ноги длиннѣйшія, сумрачный, дикій, ужасающій, и вижу надпись: «Великъ Господь и страшень зѣло». Видите, господа, теперичка, какой-то суздальскій богомазъ»... Тутъ я, сидѣвшій напротивъ, уронилъ платокъ, которымъ во все время этого разсказа заглушалъ мой смѣхъ, и разразился такимъ хохотомъ, а за мной и всѣ безъ исключенія слушатели, что профессоръ сперва покраснѣлъ, а потомъ страшно поблѣднѣлъ отъ негодованія; встали ли дыбомъ у него волосы, осталось покрыто мракомъ неизвѣстности, но глаза страшно вытаращились, и въ видѣ описываемой имъ иконы сбѣжалъ онъ съ кафедры, дернулъ меня за руку, велѣлъ сейчасъ выйти изъ класса и ждать его въ канцеляріи. Что происходило въ аудиторіи по моемъ исчезновеніи, мнѣ не было до того дѣла; я придумывалъ, что со мною будетъ, и обдумывалъ, какъ бы не оробѣть. Классъ кончился скорѣе обыкновеннаго; профессоръ настоятельно приказалъ мнѣ просить прощенія, я отвѣчалъ: «Я не виноватъ». — «Какъ ты смѣешь смѣяться?» — «Воля ваша, смѣшно рассказываете». — «Я непременно отведу тебя сейчасъ къ ректору». — «Пойдемте». Мы оба

съ нимъ надѣли наши теплыя платья и пошли. Онъ меня взялъ за воротъ и всю дорогу торговался, чтобы я просилъ прощенія, — я упорствовалъ; наконецъ мы пришли къ самой двери ректорской квартиры, и тутъ только выпустилъ онъ меня изъ рукъ, впрочемъ, нисколько не убѣжденнаго въ моей виновности, но съ надеждой, какъ онъ заключилъ, что я исправлюсь въ моемъ неприличномъ поведеніи. Студенты встрѣтили меня освобожденнаго рукоплесканіями.

Послѣдніе два года моего университетскаго образованія съ живѣйшимъ участіемъ, любовью и великою для себя на всю жизнь пользою слушати я лекціи профессора практическаго законоискусства Николая Николаевича Сандунова. Приготовленіемъ студентовъ къ этому предмету была кафедра російскаго законодательства, которую занималъ бездарный адъюнктъ Смирновъ. Его и университетское начальство терпѣло по снисхожденію; слушатели имѣли къ нему отвращеніе. Потерявъ всякое терпѣніе, я бросилъ эти лекціи послѣ двухъ мѣсяцевъ, не дослушавъ ихъ и до Судебника царя Ивана Васильевича; все читаемое имъ было сбивчиво и безтолково до нелѣпости. У Сандунова, напротивъ, все было заманчиво, живо, весело даже для нашего младшаго поколѣнія студентовъ. Самъ профессоръ не имѣлъ никакого научнаго образованія и, вѣроятно, вслѣдствіе крайняго незнанія науки права вообще отвергалъ самую науку и при всякомъ удобномъ случаѣ выражалъ къ ней свое презрѣніе. Онъ былъ человѣкъ необыкновенной остроты ума, рѣзкій, энергичный, не подчиняющійся никакимъ приличіямъ (впрочемъ, до извѣстной черты осторожнаго благоразумія), безцеремонный и иногда бранчивый со студентами, которые, однако, всѣ его любили и уважали. Самъ

онъ не читалъ намъ ничего и порядокъ его лекцій весь заключался въ слѣдующемъ: для слушателей своихъ онъ составилъ возможно правильную систему изъ громаднаго количества всѣхъ россійскихъ законовъ, начиная отъ Уложения царя Алексѣя Михайловича, бывшаго тогда главнымъ ихъ основаніемъ, и той массы уставовъ, наказовъ, инструкцій и общихъ сепаратныхъ указовъ, разбросанныхъ всюду и нигдѣ въ одно цѣлое не собранныхъ, которыми управлялось до изданія Свода Законовъ Русское государство и которые представляли всѣ вообще самую труднѣйшую задачу для исполненія суда и расправы на самомъ дѣлѣ и для защиты своего права какъ въ дѣлахъ уголовныхъ, такъ и въ дѣлахъ гражданскихъ. До Свода къ каждому случаю прилагалось какое-нибудь особое постановленіе или указъ въ одномъ смыслѣ и тутъ же рядомъ отыскивался въ смыслѣ, совершенно противномъ, другой указъ или постановленіе. Весь ходъ дѣла запутывался и спутывался до безконечности, и въ наше время становится непонятнымъ старинное производство въ нашихъ присутственныхъ мѣстахъ, такъ, какъ въ послѣднее время сдѣлалось непонятнымъ очень недавнее существованіе отжившаго крѣпостного права. Какъ бы то ни было, изъ всего этого хаоса, повторяю, Сандуновъ сотворилъ свою систему. Основаніемъ ея служила книга подъ названіемъ: «Памятникъ Россійскихъ Законовъ», т.-е. собраніе ихъ по годамъ изданія, не официальное и, какъ утверждали, далеко не полное, ибо въ то время многіе указы затеривались.

Первые полчаса 2-часовой своей лекціи назначалъ онъ для чтенія этихъ законовъ: студенты читали, онъ объяснялъ читанное; слѣдующій часъ посвящался чтенію подробной записки какого-нибудь дѣла изъ сената,

которое производилось потомъ практически въ двухъ судебныхъ инстанціяхъ,—низшей, т.-е. въ уѣздномъ судѣ, и средней, т.-е. въ гражданской палатѣ. Членами этихъ судовъ были избранные профессоромъ студенты; секретари и повѣренные тяжущихся были также по его выбору. Дѣла производились гражданскія; была сдѣлана попытка Сандуновымъ ввести и судъ по формѣ, узаконенный Петромъ Великимъ, но судоговореніе столь же мало удавалось студентамъ, какъ и всей нашей судебной практикѣ, и потому и тамъ, и здѣсь было брошено: явное доказательство того, что у насъ долго, очень долго, до послѣднихъ нашихъ дней, говорить были неспособны. Трудно представить себѣ теперь, съ какой охотой, съ какимъ возбужденіемъ, скажу—съ какою юною запальчивостью происходили въ классахъ Сандунова наши судебныя представленія, въ которыхъ главныя роли разыгрывались бойкими студентами и страстными повѣренными тяжущихся сторонъ. Подумаешь, что каждый боялся проиграть въ своемъ процессѣ цѣлое состояніе.

По особенной моей охотѣ къ этой, своего рода полезной, комедіи, я постоянно выбирался, а иногда и самъ напрашивался въ повѣренные и считалъ себя обиженнымъ, когда приходилось уступать это званіе товарищу и попадать въ секретари. Послѣдніе, какъ это бывало и въ настоящихъ судахъ, писали за судей резолюціи, члены же присутствій, какъ это бывало также и въ настоящихъ судахъ, были и у насъ люди лѣнныя и не очень грамотныя.

Не знаю, гдѣ и въ какомъ заведеніи воспитывался самъ Сандуновъ и какого онъ былъ происхожденія,—не думаю, чтобы онъ былъ дворянинъ,—но онъ былъ и не изъ духовнаго званія. Выходящіе изъ семинаріи,

а особливо люди съ дарованіемъ, носятъ на себѣ отпечатокъ науки; въ немъ видна была одна начитанность; едва ли зналъ онъ по-латыни, но много читалъ по-нѣмецки; братъ его былъ актеромъ и любимцемъ московской публики.

Московскій университетъ для кафедры російскаго законоискусства взялъ этого профессора изъ сената, гдѣ онъ былъ оберъ-секретаремъ и откуда старались выжить его, какъ доку и знатока и въ то же время человѣка неподкупнаго никакими взятками, независимаго характера и не слишкомъ уклончиваго передъ начальствомъ. Въ классѣ своемъ обращалъ онъ особенное вниманіе на отчетливое чтеніе студентовъ, требовалъ отъ нихъ, чтобы они умѣли разбирать скоропись сенатскихъ записокъ, не всегда разборчивую. Бѣда бывала тому студенту, который спутается въ чтеніи и дѣлаетъ непонятнымъ для всѣхъ читаемое. Однажды, сидѣвшій возлѣ меня казеннокоштный студентъ, лѣтъ около 25, съ небритой бородой, въ голубоватомъ фризевомъ сюртукѣ, какихъ нѣтъ теперь и на свѣтѣ не бываетъ, вызванъ былъ къ чередному чтенію записки. Взявъ толстую тетрадь въ руки, онъ сейчасъ замаялся, кое-какъ пробормоталъ длинный приказный періодъ; никто его не понялъ; профессоръ спросилъ, понимаетъ ли самъ чтецъ. Громкое «нѣтъ» было отвѣтомъ. Послѣдовалъ хохотъ, которому поддался и самъ наставникъ, любившій насмѣшку, часто самую ядовитую. Приказано читать слѣдующему, т.-е. мнѣ; я прочелъ цѣлую страницу отлично, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. «Какъ твоя фамилія?» спросилъ профессоръ, несмотря на то, что зналъ меня очень хорошо. Я назвалъ себя. «Сколько тебѣ лѣтъ?» — Шестнадцать. «Ты изъ какихъ?» — Дворянинъ. «Твой

отецъ?»—Я сказалъ, что отецъ мой умеръ, что онъ былъ статскій совѣтникъ. «Есть у тебя какое-нибудь состояніе?» Я отвѣчалъ, что есть.—«Какое?» Я объяснилъ. Забудьте, что все это очень хорошо было извѣстно профессору. «Ну, а ты, батенька,—обратился онъ къ первому чтецу,—изъ какихъ?»—Изъ духовнаго званія. «Который тебѣ годъ?»—24-й. «А твоя фамилія?» Семинаристъ назвалъ какую-то изъ двенадцатыхъ праздниковъ отъ Богоявленскаго до Рождественскаго включительно. «Состояніе есть?»—Никакого. «Ну ужъ, батенька, ты шалопай; ѣсть нечего, бороду брѣешь, а читать не умѣешь!» Но въ немъ не было ни пристрастія къ дворянамъ, ни нерасположенія къ прочимъ сословіямъ; напротивъ, тѣхъ студентовъ изъ духовнаго званія, равно и гимназистовъ, которые отличались своимъ образованіемъ и примѣрнымъ прилежаніемъ, съ любовью приготавливалъ онъ по своему классу къ полезной гражданской службѣ и всегда имъ покровительствовалъ. Такихъ студентовъ, старшихъ насъ годами, мы имѣли въ большомъ уваженіи, мы называли ихъ патриціями, и такихъ было въ наше время очень много. Въ живыхъ остался теперь еще одинъ, бывший секретарь московскаго земледѣльческаго общества, Степанъ Алексѣевичъ Масловъ, почти 80-лѣтній, человѣкъ весьма замѣчательный. ¶

Слѣдую такому же безпристрастію къ богатымъ и бѣднымъ, къ старымъ и юнымъ студентамъ, Сандуновъ обращался со всѣми одинаково безцеремонно. Выходокъ его съ нами не вытерпѣли бы теперь и мальчишки уѣздныхъ училищъ, не говорю уже о гимназистахъ. Приведу другой случай. Одинъ изъ нашихъ меньшихъ братій громко во время класса заговорилъ съ товарищемъ; профессоръ замѣтилъ и, указавъ на

него пальцемъ, громко сказалъ: «Встань-ка, батенька, кто ты таковъ?»—Мещериновъ. «А, дворянинъ!.. слышалъ. Татарщина, батенька, татарщина! Татарскаго происхожденія! Шалопай ты, даромъ что дворянинъ». Къ сожалѣнію, въ этомъ упрекѣ законовѣдца обнаружилось невѣжество самого профессора въ русской этнографіи: Мещериновъ, очевидно, былъ финскаго происхожденія изъ племени, упоминаемаго Несторомъ, мещера, князьки которыхъ у насъ извѣстны подъ названіемъ князей Мещерскихъ. Рѣдкую въ профессорахъ въ то время независимость характера передъ начальствомъ рѣзко выказалъ Сандуновъ въ одномъ, извѣстномъ мнѣ случаѣ. Добродушному попечителю, князю Оболенскому *), нужно было по одному частному дѣлу посовѣтоваться съ человѣкомъ, вполне знающимъ наши законы. Не предупредивъ Сандунова, онъ вздумалъ позвать его къ себѣ въ неурочный часъ; необычный призывъ удивилъ Сандунова. «Что прикажете, ваше сіятельство?» сказалъ онъ, входя, своему начальнику, принявшему его стоя.—«Я хочу посовѣтоваться съ вами по одному дѣлу.»—«По какому, ваше сіятельство?»—«Моему собственному.»—«Ну, ужъ извините; вѣроятно, намъ долго придется толковать, я усталъ, второпяхъ пришелъ пѣшкомъ». Тогда онъ взялъ стулъ и сѣлъ передъ попечителемъ. Въ справедливую похвалу кн. Оболенскому надобно прибавить, что онъ почувствовалъ свою неловкость и просилъ въ ней у Сандунова извиненія. Честь и слава имъ обоимъ: они оба были выше своего времени.

Въ заключеніе о Сандуновѣ выражаю здѣсь глубокую мою признательность къ его честной памяти:

*) См. Приложенія, ст. II.

подъ его особенно милостивымъ ко мнѣ руководствомъ выучился я писать сколько-нибудь грамотно и стараться, чтобы мною написанное было отчетливо и ясно по возможности для каждаго, а въ долгой жизненной практикѣ и весьма недолгой служебной я, по его милости, научился подкрѣплять мои права, какъ помѣщикъ, нашими законами, писать дѣловыя бумаги и обходиться, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ, безъ содѣйствія всякаго рода приказныхъ и стряпчихъ. Въ моемъ служебномъ поприщѣ всѣ большія или малыя познанія, добытыя мною въ двухгодичныхъ занятіяхъ у Сандунова юридическою практикою, могли бы быть также мнѣ полезны и повести меня далеко, если бы... но это *если* объясню я въ своемъ мѣстѣ и въ свое время.

Не имѣю права говорить ни объ адъюнктѣ математики, Перелоговѣ, ни о профессорѣ физики, Двигубскомъ, которые мнѣ указаны были въ моей табели: я ихъ слушалъ мимоходомъ и ровно ничему отъ нихъ не научился.

Лекторами трехъ новѣйшихъ языковъ были: французскаго—аббатъ Арнольдъ, восторженный чтецъ не многихъ своихъ лириковъ; студенты забавлялись постояннымъ его дразненіемъ, отъ нихъ же первый былъ *азъ*; нѣмецкаго—Ульрихъ, у котораго, не понимая языка, я хлопалъ глазами; знавшіе по-нѣмецки слушали его съ пользою; англійскаго—Эвансъ, воспитавшій нынѣшняго московскаго голову (кн. Черкас.), какъ видится съ блестящимъ успѣхомъ. Къ Эвансу я не ходилъ, потому что не знаю и теперь ни одного англійскаго слова, но всегда гордился тѣмъ, что первый изъ моихъ университетскихъ друзей, Курбатовъ, былъ изъ лучшихъ учениковъ его класса; такъ въ наши давно

прошедшія времена иной московскій франтъ, бывало, гордился тѣмъ, что его дядюшка или двоюродный братецъ прожилъ въ Парижѣ цѣлую зиму.

Хореографическое искусство было также въ числѣ образовательныхъ предметовъ университетскаго юношества. Мы учились танцовать у сухопарого, небольшого ростомъ, старца Морелли и при вступленіи его въ классъ шагами на третьей позиціи всегда привѣтствовали его восклицаніемъ: «У Морелли ноги подгорѣли!» По временамъ въ танцевальную залу, для большаго эффекта, приносили ему хлопнушки, производившія на насъ пріятное, а на него ужасающее впечатлѣніе.

Перевѣвъ по именамъ всѣхъ профессоровъ, я долженъ упомянуть и товарищей. Во главѣ ихъ были такъ называемые *patres conscripti*, слава и краса студенчества если не изящностью формъ и облаченія, то духомъ премудрости и разума и глубокою познаній (разумѣется, относительно насъ). Между сими патриціями выше всѣхъ стоялъ для меня выдержавшій въ скоромъ времени экзаменъ кандидатъ, а черезъ годъ и магистръ этико-политическаго отдѣленія (по нынѣшнему философскаго и юридическаго вмѣстѣ), къ которому принадлежалъ и я, Степанъ Михайловичъ Семеновъ. Онъ замѣчателенъ былъ, кромѣ познаній, строгою діалектикою и неумолимымъ анализомъ всѣхъ, по его мнѣнію, предразсудковъ, обладалъ классическою латынью и не чуждъ былъ древней философіи. Онъ всею душою преданъ былъ энциклопедистамъ XVIII вѣка; Спиноза и Гоббесъ были любимыми его писателями. Лѣтъ семь, восемь послѣ, этотъ Семеновъ сдѣлался душою тайнаго политическаго общества, подготовившаго мятежъ декабристовъ. Онъ содержался въ крѣпости и былъ

подъ слѣдствіемъ, какъ секретарь общества, но отвѣты его предъ слѣдователями были до того преисполнены осторожной, хитрой и при всемъ томъ строгочестной и юридической мудрости, что какъ ни хотѣли предать его суду вмѣстѣ съ прочими, исполнить этого не могли, и онъ безъ суда, вмѣсто всѣхъ другихъ наказаній, подвергся отправленію на службу въ Томскую, а потомъ въ Тобольскую губерніи, гдѣ и кончилъ жизнь. Вторымъ изъ мудрецовъ-студентовъ былъ для меня, конечно, мой Никольскій, также кандидатъ, который и жилъ со мною. Потомъ, по образцу и по подобію Сандунова, законопескушникъ Яковлевъ, Любимовъ, воспитавшій графовъ Толстыхъ, Лидинъ и другіе; всѣ они еще въ мою бытность вышли въ магистры и всѣ были духовнаго званія.

Являясь на лекціи особнякомъ отъ насъ, юношей, почти отроковъ, эта фаланга патриціевъ отличалась особенно на диспутахъ въ нашемъ факультетѣ и часто отчаянно боролась и побѣждала стоящаго на каедрѣ для защиты своей диссертациі какого-либо товарища-магистранта, защищающаго свою магистерскую и докторскую диссертацию. Чтобы дать понятіе, какъ происходили при мнѣ подобные диспуты, сообщаю одинъ случай. Кандидатъ нашего отдѣленія, если не ошибаюсь Бекетовъ, самъ ли выбралъ тему для своей магистерской диссертациі, или задана она была ему факультетомъ, но выборъ былъ весьма опасный и скользкій, даже для того времени. Тема была слѣдующая: «Монархическое правленіе есть самое превосходное изъ всѣхъ другихъ правленій». Въ первомъ тезисѣ этой диссертациі было прибавлено къ монархическому *неограниченное*, къ превосходному—*въ Россіи* *необходимое и единственно возможное*. Деканомъ фа-

культа былъ Сандуновъ, а потому онъ и управлялъ диспутомъ кандидата также изъ *patres conscripti*. Товарищи его патриции его недолюбливали: онъ былъ, говорятъ, подловатъ и, по ихъ выраженію, *электничаль*. По этой причинѣ вся старшая братія готовилась возражать магистранту, особливо на первый задорный тезисъ его диссертации. Диспуты походили тогда на кулачные бои; на нихъ, какъ и на этой площадной забавѣ, зачинщиками въ первыхъ рядахъ являлись бойкіе мальчики, т.-е. мы, молоденькіе студенты, съ какими-нибудь подсказанными отъ стариковъ вопросами или возраженіями диспутанту. Такъ было и на диспутѣ у Бекетова. Мы открыли сраженіе восторженными рѣчами за греческія республики и за величіе свободнаго Рима до порабощенія его Юліемъ Кесаремъ и Августомъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ въ отпоръ нашимъ преувеличеннымъ похваламъ свободѣ,—словъ, брошенныхъ съ высоты кафедры съ презрительною насмѣшкою, вступила въ бой фаланга нашихъ передовыхъ мужей и тяжкіе удары изъ арсенала философовъ XVIII вѣка посыпались на защитника монархій самодержавной. Бекетовъ оробѣлъ, смущеніе его, наконецъ, дошло до безмолвія; тутъ за него вступился деканъ Сандуновъ, явно недовольный ходомъ всего диспута. «Господа,—сказалъ онъ, обращаясь къ оппонентамъ,—вы выставляете намъ, какъ примѣръ, римскую республику; вы забываете, что она не одинъ разъ учреждала диктаторство». Мѣрною, спокойною, холодною рѣчью отвѣчалъ ему Семеновъ: «Медицина часто прибѣгаетъ къ кровопусканіямъ и еще чаще къ лѣченію рвотнымъ, изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы людей здоровыхъ, а въ массѣ, безъ сомнѣнія, здоровыхъ болѣе, чѣмъ больныхъ,

необходимо нужно было подвергать постоянному кровопусканію или употребленію рвотнаго». На такой щекотливый отвѣтъ деканъ Сандуновъ, еще на конференціи своего отдѣленія противившійся выбору темы, съ негодованіемъ вскрикнулъ: «На такія возраженія всего бы лучше могъ отвѣчать московскій оберъ-лицмейстеръ, но какъ университету приглашать его сюда было бы неприлично, то я, какъ деканъ, закрываю диспутъ». Въ этотъ день я въ первый разъ въ жизни познакомился съ либеральными мыслями и публичнымъ ихъ выраженіемъ и въ то же время понялъ, что онѣ иногда могутъ быть неприличны, неумѣстны и опасны. Все, однако, обошлось благополучно, и нашъ вольнолюбивый диспутъ не произвелъ никакой молвы въ городѣ: въ такомъ отдаленіи отъ общества стоять тогда нашъ университетъ.

Кромѣ упомянутыхъ мною выше студентовъ-патриціевъ, были еще моими товарищами другого закала студенты—казеннокоштные. Они, числомъ около сотни, тѣсными кучами жили въ нижнемъ этажѣ нашего небольшого университетскаго дома, человѣкъ по пяти въ одной комнатѣ, и жили грязно, бѣдно и голодно. Я сблизался со всѣми кружками, стараясь всѣмъ быть пріятнымъ, а равно какъ и для утоленія голода, ходилъ къ нимъ между классами напиться у сбитенника горячаго сбитню, котораго теперь въ Москвѣ не найдешь, поѣсть съ грязнаго лотка гороховаго киселя съ коноплянымъ масломъ, либо гречневиковъ, и за такое сближеніе съ казенными нашими товарищами, конхъ я почиталъ своими однокашниками, получалъ упреки отъ товарищей моихъ высшаго полета, но этихъ я предпочиталъ послѣднимъ, какъ болѣе полезныхъ моему желудку и моей головѣ. Отъ нихъ можно было

попользоваться и книжкой, и записками лекцій; многіе изъ нихъ работали серьезно и приготавливались къ полезной себѣ и обществу жизни; нѣкоторые имѣли драматическіе таланты и обыкновенно два раза въ годъ разыгрывали на своемъ домашнемъ театрѣ лучшія комедіи того времени.

Мой любимый профессоръ, Сандуновъ, ихъ строгій, но чрезвычайно добрый инспекторъ, дирижировалъ ихъ театромъ, который смотрѣть собирались родные и пріятели студентовъ. «Недоросль», «Бригадиръ» Фон-визина, «Ябеда» Капниста, «Модная лавка» Крылова давались превосходно, женскія роли играли младшіе. Не одинъ разъ предлагали и мнѣ участвовать, но у меня никогда не доставало на это храбрости. Любя казенныхъ студентовъ, я моею лептою увеличивать ихъ скудные средства для представленія.

Остается сказать немного словъ о слушателяхъ университетскихъ лекцій, аристократикахъ; отцы ли ихъ гнушались для нихъ студенчествомъ, или сами они опасались сръзаться на экзаменахъ, но большая часть этихъ полубаричей, не дѣлаясь студентами, пользовалась слушаніемъ лекцій въ виду того, чтобы выдержать такъ называемый «комитетскій экзаменъ» на право производства въ чинъ VIII класса, испрошенное Сперанскимъ въ 1809 году. Такими слушателями, а не студентами, были слѣдующіе юноши, являвшіеся въ стѣны университета съ своими иностранными гувернерами. Размѣщу имена ихъ, сколько могу припомнить, по алфавиту: Анненковъ, Аничковъ, Бахметевы два брата, изъ нихъ недавно умершій Алексѣй Николаевичъ былъ попечителемъ; Голохвастовъ—тоже попечитель; князь Долгорукій, бывшій министръ въ Персіи и потомъ сенаторъ; четверо Мухановыхъ, изъ

нихъ двое здравствуютъ въ государственномъ совѣтѣ, а одинъ былъ декабристомъ; Нащокинъ, Рахмановъ, Титовъ, тоже здравствующій; старѣйшій изъ числа аристократиковъ Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ, который, по обычаю того времени, считался въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ и носилъ на себѣ важный въ нашихъ глазахъ чинъ титулярнаго совѣтника; Курбатовъ острякъ, полиглотъ, гуляка; Новиковъ, теперь еще здравствующій, былъ недавно почетнымъ опекуномъ. Эти трое были и по выходѣ моемъ изъ университета долго моими друзьями.

Аничковъ, ничѣмъ особенно не замѣчательный, быть добрый малый. Въ домѣ отца его, майора вотчиннаго департамента, встрѣтился я въ первый разъ съ еще не женатымъ издателемъ «Семейной Хроники», Сергѣемъ Тимофеевичемъ Аксаковымъ, и могу удостоверить по собственнымъ моимъ воспоминаніямъ безпристрастное, можетъ быть, до излишества, сказаніе сына о его батюшкѣ и матушкѣ. Отецъ его, Тимофей Степановичъ, былъ дѣйствительно ушитоженный превосходствомъ жены своей старичокъ, добродушный, по моему, не глупый, но безвѣтный, такъ себѣ, ничего. Напротивъ, маменька хроникѣра была барыня рѣшительная, умная, бойкая, господствовавшая вполне надъ мужемъ, равно какъ и въ гостиной Аничковыхъ; ихъ видалъ я часто. Самъ Сергѣй Тимофеевичъ, еще очень молодой, занималъ тутъ всѣхъ разсказами о Дерявинѣ и Шишковѣ, о петербургской сенѣ и о распорядителѣ ея кн. Шаховскомъ. Онъ и тогда уже, какъ и вся его семья, былъ, какъ говорится теперь, вполне русскій, чуждаясь всего иноземнаго, и пламенѣлъ любовью къ отечеству. Отецъ моего пріятеля, студента Аничкова, занималъ въ Москвѣ мѣсто начальника вот-

чиннаго архіва, гдѣ хранились писцовыя книги и откуда всякаго рода помѣщики брали справки о своихъ родахъ и поземельныхъ владѣніяхъ. Онъ былъ своего рода дѣлецъ, не взяточникъ, хотя и принималъ допускаемую тогдашними нравами благодарность отъ просителей, и въ то же время былъ онъ масонъ и мистикъ и потому другъ врача Мудрова. Европейская цивилизація и нѣкоторая гуманность, несмотря на всю грубость его наружности (склада), дошла и до него, не знающаго никакого языка, кромѣ русскаго, путемъ масонства; оттого и старшій его сынъ, Александръ, былъ порядочнѣе другихъ студентовъ, а меньшей, послѣ насъ вступившій въ университетъ, безъ большихъ протекцій самъ сдѣлалъ себѣ порядочную карьеру, былъ нашимъ министромъ въ Персіи, недавно вышелъ въ отставку и живетъ еще и теперь, какъ мнѣ сказывали, въ Висбаденѣ.

Во все время моего курса самыми близкими ко мнѣ были студенты моихъ лѣтъ, которые по положенію своему стояли между аристократами, казенными и патриціями. Такое мѣсто опредѣлялось для нихъ, какъ видно, потому, что они были иностраннаго происхожденія; то были, наприм., Гильфердингъ, братья Целини, Рихтеръ, Чиколини, Ланге, Шульцъ, Лафоржи и проч. Кое-когда бывали у насъ и рукопашныя схватки и побоища; на всякій случай въ опору и защиту моимъ не крѣпкимъ тѣлеснымъ силамъ держалъ я у себя въ пріязни двухъ атлетовъ, Кожевниковыхъ, которые всегда оберегали мою личность. Юнѣйшій изъ всѣхъ студентовъ-аристократиковъ былъ теперешній восточно-православный поэтъ Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ, пѣстуномъ коего былъ не иностранецъ, а тоже русскій поэтъ, родомъ сербъ, Амфитеатровъ, братъ Филарета

кіевскаго, и почему - то по выходѣ изъ университета принявшій себѣ фамилію Ранчъ, переводчикъ Тасса и, кажется, Георгикъ Virgilія. Такимъ образомъ во все мое университетское время, записанное безъ перерыва, пребывалъ я три года слишкомъ въ любви и мирѣ со всѣми моими товарищами. Старѣйшіе оказывали мнѣ благосклонное вниманіе за то, что въ латинскомъ классѣ профессора Тимковскаго на ряду съ ними, несмотря на мою молодость, переводилъ я *à livre ouvert* латинскихъ авторовъ, а въ классѣ Сандунова дѣятельно раздѣлялъ съ ними занятія судебной практики и часто тягался съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, будучи повѣреннымъ противной стороны по какому-либо судебному дѣлу. Казенные студенты видѣли во мнѣ добраго товарища, который хаживалъ къ нимъ для утоленія голода, за книгами и за тетрадями; я пѣвалъ съ ними и читалъ либо пареміи, либо шестопсалміе. Съ аристократами у меня было много общихъ знакомыхъ въ городѣ и между ними много было лошадиныхъ охотниковъ, а мой экипажъ былъ изъ первыхъ. Красивый и молодеватый кучеръ Михайло, гнѣдая коренная и сѣрый пристяжной жеребецъ, согнутый въ колыю и дѣлавшій красивыя лансады, возбуждали зависть и удивленіе этихъ господъ; и теперь еще немногіе мои товарищи объ этомъ вспоминаютъ при встрѣчѣ со мной. Пріятели мои студенты иностраннаго происхожденія любили меня тоже за экипажъ, потому что я часто подвозилъ и развозилъ ихъ.

Пора, однако, возвратиться къ тому мѣсту моей повѣсти, на которомъ я остановился, желая рассказать мои студенческіе годы безъ перерыва.

Передъ Рождествомъ 1813 г. и на всѣ святки ученіе въ небольшомъ пансіонѣ профессора Мерзлякова

было прекращено, и въ это-то время на досугъ рѣшено было моимъ отцомъ, конечно, не безъ совѣта Никольскаго, что собственно у Мерзлякова я ничему не могъ научиться. Тогда послѣ Крещенія началъ я брать частные уроки у профессора Каченовскаго на его квартирѣ. Надобно отдать справедливость этому истинно ученому, трудолюбивому, желчному мужу; онъ занимался со мной какъ нельзя добросовѣстнѣе, за то и плата была порядочная, по 25 р. за урокъ по два часа каждый. Три раза въ недѣлю бывалъ я у него, читалъ и переводилъ съ нимъ латинскихъ и французскихъ авторовъ à livre ouvert и выслушивалъ безпощадно насмѣшливыя его замѣчанія на мои сочиненія или переводы, которые составлялъ я для него дома. Изъ латинскихъ авторовъ переводилъ я Цицерона или Тита Ливія, изъ французскихъ—Боссюета и Флешье, Массильона и Бурдалу; изъ русскихъ читали мы слова Ломоносова, и тутъ Каченовскій съ злобною радостью указалъ мнѣ, какъ отецъ нашей словесности выкрадывалъ цѣлыя страницы изъ Цицерона и помѣщалъ ихъ, какъ свои, въ похвальныхъ словахъ Петру Великому и Елисаветѣ. Попробовалъ было я представить со страхомъ и трепетомъ моему зоилу, такъ его называли вообще, первые опыты собственно моихъ и переводныхъ стихотвореній; прослушавъ ихъ съ самымъ обиднымъ для меня презрѣнiемъ, онъ ихъ откладывалъ безъ всякаго приговора и обращался къ прозѣ, а черезъ нѣсколько времени, когда я принесъ еще два, три стихотворенія, онъ вышелъ изъ терпѣнiя. «Послушайте, что *вамъ* за охота писать стихи,—сказалъ онъ мнѣ,—когда у *васъ* (на дому и за 25 р. профессора съ студентами бывали учтивѣе и не *тыкали*), повѣрьте мнѣ, нѣтъ никакого поэтическаго дарованія? Какая вамъ ра-

дось умножать собою безчисленную толпу риомачей? Прошу не приносить мнѣ болѣе вашихъ стиховъ и, если угодно послушаться моего совѣта, навсегда отказаться отъ риомобѣсія». Я и въ самомъ дѣлѣ послушался благоразумнаго совѣта и, уже приближаясь къ старости, набросалъ нѣсколько стиховъ съ твердымъ намѣреніемъ не предавать ихъ гласности.

Къ марту мѣсяцу 1814 г. Каченовскій, уступая желанію моего отца, объявилъ ему, что я могу выдержать студенческій экзамень, и я его въ половинѣ марта дѣйствительно съ большимъ успѣхомъ выдержалъ. По правдѣ сказать, что это былъ за экзамень? Начать съ того, что самага труднаго для экзаменующихся теперь студентовъ предмета, катихизиса, богословія и церковной исторіи, у насъ совсѣмъ не было. Въ то время думали, что религіозное воспитаніе юношей есть дѣло отцовъ родныхъ или духовныхъ, и мнѣ сдается, что мы какъ будто приверженнѣе нынѣшнихъ были къ православной церкви и достаточно знали все, что необходимо знать христіанину не высокоумствующему. Изъ латинскихъ авторовъ, по собственному моему вызову, раскрыли передо мной одну изъ рѣчей Цицерона; профессору Тимковскому извѣстно уже было, что я знакомъ достаточно съ этимъ авторомъ, но, по пристрастному ко мнѣ снисхожденію, онъ опасался моей робости и длинный Цицероновскій періодъ, мнѣ предложенный, самъ расчленилъ и привелъ въ конструкцію строго логическую и правильную; я перевелъ, разумѣется, отлично. Изъ всѣхъ другихъ предметовъ вопросы дѣлались самые ничтожные, а кончился экзамень требованіемъ написать тутъ же сочиненіе на русскомъ языкѣ; темой было: «Воспитаніе, даваемое у насъ иностранцами, болѣе вредно, чѣмъ полезно». Отвѣчать

мнѣ было легко; я, собственно говоря, не получилъ никакого воспитанія ни иностраннаго, ни русскаго, и, предугадывая убѣжденія Московскаго университета, разругалъ въ моемъ сочиненіи всѣхъ иностранцевъ, назвавъ ихъ безбожниками и злодѣями нашего любезнѣйшаго отечества. Декану оно такъ понравилось, что онъ произнесъ мнѣ *axios*, какъ будто я переходилъ изъ дьячковъ въ дьяконы; профессора же благодарили и поздравляли. Со мной держали тогда экзаменъ изъ Мерзляковскаго пансіона двое Глазуновыхъ; который-то изъ нихъ спутался въ географіи: Волгу отправилъ въ Азовское море, а Дублинъ въ Соединенные Штаты, что, однако, не помѣшало ему получить такой же *axios*, хотя и не на греческомъ языкѣ. Въ наше безурядное время въ студенты экзаменовались когда кто захочетъ, исключая вакацій, и по весьма малому числу слушателей въ университетъ вступали безъ всякихъ затрудненій. Меня, напримѣръ, далеко не послѣдняго изъ испытуемыхъ, врядъ ли бы приняли теперь въ 4-ый классъ гимназіи. Такимъ образомъ я получилъ званіе самое лестное для пятнадцатилѣтняго мальчика, хотя тогда уже имѣлъ право носить шпагу, состоя на службѣ губернаторской канцеляріи въ чинѣ 14 класса. Долго длился у насъ этотъ обычай записывать почти младенцевъ на службу, чтобы дѣти какъ можно ранѣе пріобрѣтали первые чины. Поэтому и я еще то лѣтъ записанъ былъ въ канцелярію моего дяди Обрескова. Прежде дворянъ, особенно знатныхъ, записывали въ гвардію тотчасъ по ихъ рожденіи, и потому они поступали на дѣйствительную службу прямо гвардейскими офицерами. Павелъ въ первые дни своего царствованія потребовалъ ихъ списки, и сержантовъ гвардіи, находившихся дома въ отпуску, оказалось цѣлая тыся-

ча, если не болѣе. Всѣмъ имъ велѣно было явиться въ Петербургъ на смотръ императору. Можно себѣ представить великій страхъ батюшекъ и матушекъ, бабушекъ и мамушекъ вести грудныхъ или ползающихъ дѣтей на смотръ Павлу. Государю доложили о такой невозможности, и онъ однимъ почеркомъ пера всѣхъ ихъ выключилъ, но въ гражданскую службу долго еще записывали семилѣтнихъ.

Съ 13-го на 14-й годъ собравшееся въ обгорѣлую Москву небольшое общество развлекало свое тяжкое горе послѣ французскаго разоренія непрерывнымъ рядомъ нашихъ побѣдъ надъ великимъ Наполеономъ и съ восторгомъ слѣдило за своимъ обожаемымъ государемъ въ побѣдоносномъ христіански-рыцарскомъ его шествіи отъ Нѣмана до Парижа. Радостная вѣсть о вступленіи въ Парижъ союзныхъ войскъ, вождемъ коихъ былъ нашъ Александръ, произвела всеобщій восторгъ, небывалый, нелицемѣрный. Даже незнакомые, встрѣчаясь на улицахъ, привѣтствовали другъ друга лобзаніемъ, какъ бы въ Свѣтлое Воскресеніе. Торжествамъ не было конца. Меня брали на одинъ изъ этихъ праздниковъ въ маскарадъ, который давалъ по этому случаю богатый баринъ, Петръ Адриановичъ Позняковъ, въ уцѣлѣвшемъ отъ пожара своемъ большомъ домѣ на Никитской, гдѣ на домашнемъ его театрѣ уже ежедневно играли обыкновенные московскіе актеры. Балъ этотъ поразилъ меня своимъ великолѣпіемъ, но былъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ великолѣпенъ, — это другое дѣло. Я былъ въ первый разъ въ такомъ многочисленномъ и великосвѣтскомъ обществѣ. Дамы были всѣ въ русскихъ платьяхъ и брильянтахъ. Я восхищался красотой и ласковымъ ко мнѣ вниманіемъ теперешней старушки, княгини Натальи Дмитриевны Ша-

ловской, урожденной Щербатовой; ядными глазами смотрѣлъ на двухъ красивыхъ героевъ отечественной войны, братьевъ Орловыхъ. У обоихъ непріятельское ядро въ бородинскомъ дѣлѣ оторвало ногу, но они уже совершенно вылѣчилились отъ тяжелыхъ этихъ ранъ и, готовясь къ отправленію въ армію, разставались съ Москвой, расхаживая по ярко освѣщеннымъ комнатамъ и обращая на себя вниманіе всѣхъ бывшихъ на праздникѣ. Мнѣ не удалось однакоже, хотя и было это мнѣ обѣщано, дождаться ужина, которымъ я хотѣлъ вполне воспользоваться. За полночь почувствовалъ я сильный ознобъ, меня увезли и положили въ постель, и жестокая горячка удержала меня на ней около трехъ недѣль. Нѣсколько дней безпамятства прервано было такой сильной испариной, что я, живо теперь это помню, проснулся какъ бы погруженный въ воду и внезапно ожилъ. Помню и живѣйшую радость отца въ это утро моего выздоровленія, выраженную имъ, всегда сдержаннымъ и замкнутымъ, неудержимыми рыданіями и долгою пламенною молитвой. Слабость, послѣдовавшая за горячкой, помѣшала мнѣ быть на другомъ, несравненно болѣе пышномъ, торжествѣ о взятіи Парижа, которымъ особенно распоряжались двое, отличавшіеся свѣтскою любезностью и вкусомъ, Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ и князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, написавшій къ этому дню куплеты для драматическаго представленія. Вотъ четверостишіе къ бюсту императора Александра:

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель,
Какой вѣнецъ ему? Какой ему алтарь?
Вселенная, пади предъ нимъ: онъ твой спаситель!
Россія, имъ гордись: онъ сынъ твой, онъ твой царь!

Праздникъ этотъ московское общество по подпискѣ давало подѣ Донскимъ, въ домѣ Полторацкихъ, въ комнатахъ и въ большомъ саду.

Всю зиму 1813 г. отецъ мой жестоко страдалъ подагрой, а потому и не участвовалъ въ московскихъ дворянскихъ выборахъ; на нихъ по Серпуховскому уѣзду глубоко оскорбили его забаллотированіемъ въ уѣздные предводители вслѣдствіе интригъ, до сихъ поръ и вездѣ продолжающихся при этихъ выборахъ. Онъ уже давно отслужилъ свое трехлѣтіе въ должности тамошняго предводителя и не всѣми дворянами былъ любимъ за то, что крѣпко отстаивалъ и защищалъ нѣсколько сотъ крестьянъ отъ угнетеній ихъ помѣщика Жукова, дѣда теперешняго мирового судьи. Я никогда еще не видалъ моего отца такимъ гнѣвнымъ, какъ въ этотъ разъ, когда онъ, разстроенный болѣзнью, выслушалъ отъ пріѣхавшаго прямо изъ собранія сосѣда нашего Еропкина цѣлый разговоръ объ этихъ выборахъ. Крѣпко, слишкомъ крѣпко досталось отъ него и самому рассказчику, терпѣнію котораго я не могъ надивиться.

Неудобная во всѣхъ отношеніяхъ квартира, которую мы наняли въ обгорѣлой Москвѣ, вынудила моего отца устроить себѣ къ осени 1814 г. болѣе удобное помѣщеніе. Онъ отказался отъ первой мысли выстроить себѣ домъ на старомъ пепелищѣ, купилъ обгорѣлый каменный съ большимъ мѣстомъ на большой Никитской улицѣ, возлѣ церкви стараго Воскресенія (по преданію въ этомъ домѣ родился великій Суворовъ). Двухъэтажныя стѣны съ обширнымъ дворомъ куплены были очень дешево, и, не пропуская времени, архитекторъ Мироновскій занялся постройкой, которая должна была кончиться къ сентябрю 1814 года. Домъ

и мѣсто куплены были на имя моей тетки Елены Яковлевны. Подагра батюшки уступила лѣченію пріятеля его Мудрова, и мы въ началѣ лѣта переѣхали въ Солнышково. Казалось, отецъ мой былъ совершенно здоровъ и до такой степени бодръ и силенъ, что ежедневно могъ ѣздить верхомъ на лошади почти дикой, которую подводили ему два конюха. Эта лошадь не давала никому на себя садиться, кромѣ него; правду сказать, и сѣдокъ былъ чрезвычайно силенъ и неустрашимъ не по лѣтамъ, несмотря на свои 74 года. Въ средніе годы своей жизни онъ и не то дѣлалъ: въ саратовскихъ и крымскихъ степяхъ онъ любилъ выѣзжать дикихъ лошадей, а за два года до смерти, т.-е. въ 1812 году, я былъ свидѣтелемъ борьбы его съ 35-лѣтнимъ Скарятинимъ, который между своими сверстниками отличался тѣлесной силой; долго они боролись, но отецъ бросилъ его на полъ и, упавъ самъ черезъ него, сказалъ: «Напрасно я потратилъ на тебя столько силъ, отъ этого и самъ упасть». Не знаю, кто подалъ отцу несчастную мысль пить минеральныя воды, только что открывшіяся въ нашемъ сосѣдствѣ, въ имѣніи бывшаго при Павлѣ гофмаршала А. П. Нащокина, въ селѣ Рай-Семеновскомъ. Хозяинъ этихъ водъ устроилъ для посѣтителей оныхъ затѣйливое и очень пристойное помѣщеніе. Мой отецъ, Никольскій и я помѣстились тамъ въ небольшомъ домикѣ изъ трехъ комнатъ, сохранившемъ красивую фізіономію ярославской избы зажиточнаго крестьянина. Всѣми прочими удобствами не слишкомъ прихотливой жизни можно было тамъ пользоваться, намъ же это было еще легче, потому что воды эти были не далѣе 15 верстъ отъ Солнышкова. Хозяинъ ихъ, уже начинавшій разоряться и рассчитывавшій отъ нихъ поправиться, приглашалъ

къ себѣ своихъ посѣтителей, давалъ имъ роскошныя обѣды, балы, спектакли съ крѣпостными актерами и музыкантами; пользующіеся водами, а ихъ было семействъ 50 или 40, устраивали пикники и прогулки; я всѣмъ этимъ пользовался съ увлеченіемъ, и мнѣ никогда и нигдѣ не бывало такъ весело. Врачебное достоинство водъ было, вѣроятно, очень сомнительно, и едва ли кто получилъ отъ нихъ какую пользу. Къ концу лѣченія отецъ мой, видимо, началъ ослабѣвать и дряхлѣть. Ранѣе обыкновеннаго переѣхали мы изъ подмосковной въ Москву и поселились уже въ отдѣланномъ нижнемъ этажѣ купленнаго дома, а въ первыхъ числахъ сентября перешли и въ верхній. Врачъ Мудровъ, встревоженный быстрымъ упадкомъ силъ моего отца, пригласилъ другого знаменитаго московскаго медика Альбини на консиліумъ; оба они, осмотрѣвъ внимательно больного, пришли въ мою класную комнату и неосторожно при мнѣ заговорили между собою по-латыни, и я съ ужасомъ узналъ тутъ, что кончина моего отца неизбежна и близка.

Въ послѣднюю недѣлю своей жизни двукратно онъ приобщался, соборовался и по совершеніи надъ нимъ послѣдняго таинства, будучи въ твердой памяти, благословилъ меня тѣмъ образомъ, который имѣлъ всегда при себѣ, простился со всѣми домашними и всей прислугой мужской и женской, коихъ велѣлъ позвать самъ. Агонія продолжалась цѣлую ночь; меня отвели въ дальнюю комнату. 22-го октября 1814 г. въ 11 часовъ утра онъ скончался. Погребеніемъ съ нѣкоторою роскошью распоряжался мой дядя Обресковъ; Грузинскій митрополитъ Іона совершалъ литургію и отпѣваніе, погребеніе было въ Дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ за 14 лѣтъ была похоронена и моя мать. Мнѣ въ

монастырь за тѣломъ ѣхать не позволили, а когда привезли на третій день, я былъ глубоко оскорбленъ тѣмъ, что тѣло моего отца не положили рядомъ съ могилой матери; какъ я ни выпрашивалъ, не могъ добиться ни отъ кого, почему это такъ случилось.

Друзей узнаютъ въ горѣ. Двѣ почтенныя московскія старушки, обѣ пріятельницы покойнаго моего отца, посѣтили мою тетку и меня въ самый день его кончины, настойчиво требуя, чтобы ихъ приняли. Первая была близкая ему родственница по женѣ, всегда помогавшая ему во всѣхъ его нуждахъ, умная, спокойная, кроткая, и, несмотря на то, энергичная Праксovia Михайловна Раевская, вторая—извѣстная всѣмъ Настасья Дмитриевна Осфросимова. Обѣ онѣ знали по связямъ съ отцомъ, что мы съ теткой могли быть безъ денегъ, что было и въ самомъ дѣлѣ; за годъ съ небольшимъ было куплено имѣніе въ Богородицкомъ уѣздѣ; за два года передъ тѣмъ лишились мы дома со всѣмъ имуществомъ, за нѣсколько мѣсяцевъ купленъ былъ обгорѣлый, который поспѣшно отдѣлался. Каждая изъ нихъ предлагала теткѣ и мнѣ на перехватъ и безъ процентовъ отъ 5 до 10.000 рублей. Когда узналъ объ этомъ мой дядя Н. В. Обресковъ, онъ приказалъ мнѣ взять 5.000 р. у него подъ мою расписку; такое довѣріе въ мои годы было очень для меня лестно. Я взялъ эту сумму на годъ и потому съ процентами, а когда уплатилъ ихъ, просрочивъ 5 дней, Обресковъ взялъ съ меня проценты и за эти дни, что меня оскорбило, потому что я еще не зналъ тогда настоящаго смысла русской пословицы: «деньги любятъ счетъ», и что самые пріятные и вѣрные люди въ денежныхъ дѣлахъ суть именно тѣ, которые, подобно Обрескову или моему опекуну Дубовицкому,

неумолимо строги къ себѣ и другимъ въ денежныхъ расчетахъ.

Я боялся, уважать и любить моего отца, какъ не любить никого во всей моей жизни, но искренняя скорбь о его смерти не долго меня преслѣдовала. Выйти на свободу, пользоваться независимостью ранняго моего студенчества, быть хозяиномъ въ домѣ, потому что тетка, неограниченная моя попечительница, скоро начала уступать мнѣ, особенно въ управленіи имѣніями, первое мѣсто—все это слишкомъ рано меня развлекло. Но какое-то внутреннее чувство угрызало мою совѣсть и напоминало мнѣ въ тайнѣ моего сердца, что я рано остался совершенно одинъ на свѣтѣ, не имѣя никого руководителемъ моей юности. Всевозможныя обольщенія не замедлили со всѣхъ сторонъ окружить меня; къ счастью, я скоро понялъ, что большая часть людей, навязывающихъ на меня свое участіе и дружбу, могутъ разсчитывать на мое состояніе, желаютъ воспользоваться моею неопытностью, иные чтобы погулять и повеселиться на мой счетъ, другіе съ менѣе невинными намѣреніями—извлечь изъ меня какія-нибудь корыстныя выгоды. Убѣжденія такого рода, провѣренныя долгимъ опытомъ всей жизни, сдѣлали изъ меня человека замкнутаго, сдержаннаго, недоувѣрчиваго. Можетъ быть, такимъ остаюсь я и до сихъ поръ и даже до излишества, но, какъ говорится, *chacun a les défauts de ses qualités*. Въ этомъ отношеніи мои недостатки могли лишитъ меня многихъ радостей въ жизни, но за то сохранили мнѣ спокойствіе и самостоятельность. Въ домѣ дяди Обрескова я подвергся опасности подпасть подъ сильное вліяніе моей родной тетки, пожилой дѣвицы Марьи Васильевны Обресковой, которая властвовала и надъ старшимъ своимъ братомъ. Онъ

былъ чрезвычайно женолюбивъ и потому постоянно бывалъ въ короткой связи съ красивыми дамами хорошаго общества, не отказываясь отъ мысли, несмотря на свои пожилые годы (ему было около 50), вступить съ какою-либо пріятельницей въ законный бракъ: но ни одинъ изъ его плановъ ему не удался, ревнивая сестра одинъ за другимъ ихъ разрушала. Кромѣ этой сестры была въ домѣ еще другая, меньшая; она очень долго страдала жестокой нервной болѣзью и, излѣчившись отъ нея, осталась почти идиоткой; съ ней всѣ обращались, какъ съ ребенкомъ. Двѣ взрослые, вышедшія изъ петербургскаго института дѣвицы, Катерина и Наталья, дочери умершаго старика моего дяди, Александра Васильевича, жили также въ этомъ домѣ. Ихъ вывозила Марья Васильевна и принимала для нихъ многихъ гостей изъ лучшаго общества, особливо до французовъ, когда дядя мой еще былъ губернаторомъ. Такъ, кстати вспомнить, встрѣчалъ я въ разное время въ домѣ Обресковыхъ еще въ 1811 г. двѣ тогдашнія европейскія знаменитости: великолѣпную красавицу и славную актрису *mademoiselle Georges*, и не красавицу, но за то болѣе славную *madame de Staël*. Последняя осталась у меня въ памяти не по рассказамъ, а по ея фizioноміи, раздраженной забавнымъ недоразумѣніемъ. Когда она послѣ обѣда и части вечера выходила садиться въ экипажъ, тетюшка и сестрицы мои, разумѣется, почтительно провожали ее; довольно неуклюжій швейцаръ довольно неуклюже началъ на нее надѣвать шубу и, видно, сдѣлалъ какое-то медвѣжье движеніе, къ какимъ знаменитость европейская не привыкла. «*Qu'est-ce donc?*» вскрикнула она «Сударыня, вашъ салопъ»... «*Comment?*» закричала знаменитость; «*Vache salope! Madame, que veut dire cela?*»

Тетушка, сестрицы, а тутъ же и я, крайне смѣшливый, какъ уже это могли замѣтить, всѣ мы расхохотались, и все объяснилось.

Кухни мои были гораздо меня старше, одна семью, а другая пятью годами, и по обычаю всѣхъ возможныхъ дѣвицъ за 20 лѣтъ, были дружны со мною не безъ кокетства, подражая вѣчному примѣру графини въ комедіи Бомарше и ея пажу Cherubin.—Короткими ихъ пріятельницами были сестры Львовы, двѣ—очень некрасивыя, одна меньшая—преталантливая и прехорошенькая. Старшая изъ нихъ, разбитая параличемъ, доживаетъ теперь свой вѣкъ въ Дрезденѣ, меньшая, премиленькая тогдашняя Варенька, въ настоящее время мать Вѣра, отставная игуменья московскаго на Дѣвичьемъ полѣ монастыря и, изрѣдка встрѣчаясь со мною, не безъ удовольствія вспоминаетъ наше прошлое, старое время, не упоминая, впрочемъ, о томъ, какъ бывало вмѣстѣ съ сестрицами завивала она мои кудри къ какому-нибудь готовящемуся вечеру. У меня грѣшного, при такихъ за мною ухаживаніяхъ, начинали разгораться глаза, и я почти готовъ былъ влюбиться, да не зная въ которую. Тетка Марья Васильевна преслѣдовала меня жестоко за мой варварскій французскій языкъ, за покушеніе носить очки, которыя у меня всегда бывали въ карманѣ, или понюхать табаку, а всего болѣе доставалось мнѣ отъ нея за несоблюденіе какихъ-либо великосвѣтскихъ обычаевъ, которые считала она святынею. Заботливо образуя меня въ этомъ отношеніи, она завѣщала мнѣ и доселѣ хранимыя мною правила общежитія, одною ею, кажется, установленныя: не ѣсть ложкой гречневой каши, не пить послѣ обѣда кофе со сливками, и третье—вообще не пить никогда, а кольми паче не требовать

при всѣхъ питья между обѣдомъ и чаемъ и до самого ужина.

Въ 1815 году, по окончаніи лекцій, я долго оставался весною въ городѣ, почитая обязанностью ждать публичнаго университетскаго экзамена; настоящихъ серьезныхъ испытаній тогда не было, и потому почти всѣ мои товарищи разъѣхались. Торжественный экзамень передъ самымъ актомъ происходилъ въ собраніи всего университета подъ предсѣдательствомъ попечителя. Попечителемъ въ то время былъ до 1817 г. сенаторъ Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ, очень плохой стихотворецъ, но человѣкъ весьма неглупый и весьма проницательный.

Публичный нашъ экзамень, единственный, на которомъ я по неопытности почелъ нужнымъ присутствовать, былъ совершенно бесполезенъ. Изъ весьма небольшой кучки студентовъ спрашивали немногихъ и не по всѣмъ каѳедрамъ. Мнѣ, наприм., досталось привести примѣръ *высокаго* въ нашемъ краснорѣчїи, и я отвѣчалъ къ удовольствію всѣхъ цѣлымъ періодомъ изъ похвальнаго слова Ломоносова Петру Великому. «Часто размышлялъ я, каковъ тотъ»... и далѣе сравненіе Петра съ Богомъ. Въ наше время этотъ примѣръ вмѣсто изображенія «эстетическаго, высокаго» есть не что иное, какъ пошлая амплификація. Желаніе профессора славянскаго языка, Гаврилова, увѣрить свой факультетъ, что онъ дѣйствительно обучаетъ студентовъ славянскому языку, а не одному простому чтенію, внушило ему изобрѣсти неудавшуюся штучку. По числу своихъ студентовъ (насъ было 25), онъ выработалъ 25 пошлыхъ вопросовъ и вмѣсто того, чтобы потребовать отъ слушателей заучить ихъ, всѣ очень немудренныя, назначилъ по одному каждому, на экза-

менѣ же ихъ всѣ перепуталъ и произвелъ этимъ великій конфузъ. — За экзаменомъ послѣдовалъ актъ, потомъ торжественный обѣдъ; десятка два студентовъ назначены были являться во время этой трапезы и, не участвуя въ ней, выпить за чье-то здоровье бокалъ не настоящего, конечно, шампанскаго, а доморощеннаго, горскаго. Передъ этимъ обѣдомъ на торжественномъ засѣданіи университета профессора читали рѣчи, новопроизведеннымъ студентамъ раздавались шпаги, и я получилъ отъ попечителя свою. Имена наши напечатаны были въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Въ эту же весну старшая моя двоюродная сестра, Катерина Обрескова, просватана была за Никиту Николаевича Шеншина. Онъ былъ гораздо ея старше, и она выходила за него неохотно, да и немудрено: за нимъ было одно достоинство — мастерство играть въ карты. Бѣдная дѣвушка любила въ то время другого и съ намъ тайно переписывалась; этотъ другой, кавалергардскій офицеръ Львовъ, былъ человѣкъ очень пріятный и, по тогдашнему, образованный. Онъ, изъ излишней ко мнѣ дружбы, показывалъ мнѣ ея письма уже послѣ, и я насилу уговорилъ его ихъ сжечь. Невѣста-кузина взяла меня къ себѣ шаферомъ, и моя неловкость и близорукость были причиною двухъ предзнаменованій несчастья этого брака. Когда стали одѣвать невѣсту къ вѣнцу, спохватились букета, и грозная Марья Васильевна приказала мнѣ, напудренному, одѣтому въ мундиръ, въ бѣлыхъ штанахъ, шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, ѣхать какъ можно скорѣе на цвѣточную площадь въ Охотный рядъ и привезти во что бы то ни стало и поскорѣе букетъ бѣлыхъ и красныхъ розъ. Для пріобрѣтенія букета дали мнѣ красненькую бумажку, т.-е. 10 р., деньги по тогдашнему большія.

Я поскакалъ въ ямской картѣ четверней; пріѣхавъ на площадь и не желая выходить изъ кареты въ такомъ слишкомъ парадномъ костюмѣ, я высунулъ руку съ красной бумажкой и просилъ, Бога ради, дать мнѣ букетъ поскорѣе и взять всѣ эти деньги. Кто-то изъ торгашей сунулъ мнѣ букетъ изъ розъ, и я опять поскакалъ. Отъ тряски экипажа розы стали осыпаться, и еще больше, когда я побѣжалъ по лѣстницѣ, и уже никакихъ почти розъ не было, когда я вручилъ пучокъ стебельковъ моей тетушкѣ; она чуть меня не прибила, невѣста осталась безъ букета. Надобно было спѣшить въ церковь отъ Никитскихъ воротъ на самый конецъ Покровки; въ большомъ смущеніи повезъ я образъ. Тутъ новая бѣда: торжественно предшествуя невѣстѣ по лѣстницѣ верхняго этажа, я, по слѣпотѣ моей (вѣдь тетушка же не позволила мнѣ надѣть очки), какъ-то оступился, упалъ, и образъ мой началъ пересчитывать ступени внизъ, и его бросились ловить. Тутъ ужъ и дядя въ своемъ красномъ мундирѣ сердито на меня посмотрѣлъ. Въ церкви новая бѣда, только ужъ не отъ меня. Жениховъ шаферъ засунулъ куда-то въ карманъ кольца, и ихъ долго отыскивали; но какъ всякая бѣда на свѣтѣ чѣмъ-нибудь кончается, то и эта свадьба свершилась. Поживъ годовъ пять вмѣстѣ и наживъ дѣтей, супруги разошлись и померли вдали другъ отъ друга. Въ это время познакомился я съ другой кузиной, пріѣхавшей на свадьбу сестры, Марьей Александровной Пяковой; мужъ ея былъ славный, добрый, милый человекъ, хорошій скрипачъ и зажиточный, симбирскій помѣщикъ. Сынъ ихъ, Василій, тоже умершій, былъ домашнимъ у насъ человекомъ, и вся семья моя его очень любила, также и я, несмотря на то, что онъ излиха славянствовалъ.

Къ этой же семьѣ Обресковыхъ принадлежалъ, но жить въ другомъ домѣ, Василій, сынъ Александра; онъ былъ адъютантомъ у графа Растопчина, а потомъ у графа Тормасова. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Хованской, умной женщинѣ, славной музыкантшѣ, но иногда несносной своимъ фразерствомъ. О Петрѣ Обресковѣ, женатомъ на княжнѣ Щербатовой, сестрѣ моей жены, буду говорить много и долго послѣ.

Въ срединѣ лѣта 1815 года дядя со всей этой семьей, т.-е. съ тетками и кузинами, уѣхалъ на житье въ свое огромное симбирское имѣніе, въ 60 верстахъ отъ губернскаго города за Волгой. Года за полтора или за два купить онъ его на выигрышныя деньги, за 300,000, у разорившагося московскаго барина Дурасова; тамъ было 2,000 душъ, конный заводъ, великолѣпный домъ и 30,000 десятинъ земли, въ томъ числѣ 11,000 дес. лѣсу. Все это Дурасовымъ было прожито, проѣдено на хлѣбосольное угощеніе, и все это было, можетъ быть, десятая часть тѣхъ огромныхъ богатствъ, которыя отъ родоначальника купца Твердышева, перешли въ семью Пашковыхъ, Бекетовыхъ, Козицкихъ, а отъ послѣднихъ—графинѣ Лаваль и княгинѣ Бѣлосельской, гр. Толстому и его дочери, гр. Закревской, и еще какимъ-то семьямъ, которыхъ не упоминаю.

Съ отъѣздомъ ближайшихъ моихъ родныхъ Москва для меня опустѣла; у нихъ только началъ я привыкать къ общественной и въ то же время семейной жизни. Умный мой дядя, несмотря на все мое невѣжество, все-таки находилъ, что я несравненно образованнѣе другихъ его меньшихъ племянниковъ, тетка, что я все-таки лучше ихъ если не говорю, то понимаю по французски, а кузины находили меня милѣе своихъ родныхъ

братьевъ. Въ этомъ домѣ, весьма приличномъ и даже аристократическомъ, не нравилась мнѣ одна бывшая тогда въ Москвѣ въ большомъ употребленіи и часто встрѣчаемая всюда забава—разнаго рода дураки и дуры, за которыми для утѣшенія себя и гостей посылались гонцы во всѣ концы города. Ихъ дразнили до бѣшенства, ихъ заставляли пить отвратительную микстуру изъ разныхъ кушаній, приказывали изъ чаши съ помоями доставать языкомъ пяточокъ или гривенникъ и хохотали, когда они, разсерженные, ругали всѣхъ и каждаго непристойными словами, и все это дѣлалось въ присутствіи дѣвушекъ, только что окончившихъ свое образованіе; и иногда призывали ихъ по два, по три, и доводили до драки, которую, во избѣжаніе серьезнаго увѣчья, приходилось разливать водою тутъ же въ комнатѣ. Поелику подобныя личности были членами лучшаго тогдашняго общества, то главные изъ нихъ заслуживаютъ наименованія въ моихъ «Запискахъ».

Совсѣмъ не дуракъ, но только прикидывавшійся дуракомъ изъ-за денегъ, Иванъ Савельичъ, крѣпостной человѣкъ князя Хованскаго, отца Обресковой, и потому самъ называвшійся Хованскимъ, ходилъ всегда въ расшитомъ блестками и шелками французскомъ кафтанѣ и, дерзкій до нарушенія всѣхъ приличій благопристойности, являлъ иногда своихъ покровителей очень мѣткими шутками, отъ которыхъ, несмотря на крайнее мое отвращеніе къ этой забавѣ, часто хохоталъ и я. Другой, настоящій дуракъ и дуракъ бѣшеный, назывался Нащокинскимъ, потому что принадлежалъ Нащокину, отцу того, который былъ лучшимъ другомъ поэта Пушкина. Нащокинскій дуракъ носилъ красный суконный сюртукъ и собиралъ по улицамъ щепки и всякій соръ, затѣмъ въ полѣ приносилъ онъ

всѣ эти нечистоты въ комнаты и высыпалъ передъ хозяиномъ, потомъ начиналъ всѣхъ ругать, а хозяева его дразнить пѣтушиными криками. Однажды двоюродные братья со мною додразнили его до того, что онъ началъ насъ бить, а мы, поваливъ его на полъ, тоже взбѣсились и рѣшительно задушили бы полотенцемъ, если бы насъ не розняли лакеи. Этотъ Нащокинскій дуракъ долженъ имѣть мѣсто въ анекдотахъ императора Павла. Государь зналъ его барина; услышавъ о крѣпостномъ его дуракѣ, вызвалъ его въ Петербургъ. Онъ былъ приведенъ во внутреннія комнаты дворца. Дураку при первой встрѣчѣ обыкновенно дѣлался вопросъ: «что отъ меня родится?» потому и Павелъ сдѣлалъ ему такой же первый вопросъ. Видно кѣмъ-нибудь подученный, дуракъ отвѣчалъ: «Щедроты, милости, награды, ленты, звѣзды и т. п.» Павелъ пришелъ отъ дурака въ восхищеніе и велѣлъ ему идти за собою въ пріемныя комнаты, гдѣ съ благоговѣйнымъ страхомъ и холопскимъ трепетомъ въ ногахъ ожидали грознаго монарха его царедворцы. «Ну, дуракъ, говори, что отъ меня родится?» — «Кнуты, палачи, Сибирь, висѣлищы и т. д.» — Павелъ пришелъ въ бѣшенство, велѣлъ дурака отвести въ крѣпость, выгналъ всѣхъ изъ комнаты, и начались розыски. Сказываютъ, что и дѣйствительно отъ обоихъ вмѣстѣ, отъ царя и дурака, по этому случаю родились для иныхъ, конечно, невинныхъ, розги и плети, хотя и не доходило до кнута и Сибири, и то слава Богу.

Еще былъ одинъ дуракъ, Давидовскій (тоже по барину), горбатый и тоже злой. Какія этотъ имѣлъ особенныя достоинства, не помню. Всѣхъ ихъ пережила дура графини Орловой, Матрешка, толстая, угреватая, высокая, 50-лѣтняя дѣвка, носившая на головѣ

безобразный уборъ изъ перьевъ, *décolletée* и съ голымы руками. Она притворялась влюбленною во всѣхъ и каждаго изъ мужчинъ, и мучила робкихъ и застѣнчивыхъ, а особливо молодыхъ, въ присутствіи порядочныхъ женщинъ самыми неприличными нѣжностями. Прошу замѣтить странную несообразность: госпожа ея, вдова, старушка, графиня Орлова, урожденная Ртищева, сестра бывшаго передъ Ермоловымъ главнокомандующимъ въ Грузіи, была простая, честная и набожная старушка и достойно пользовалась уваженіемъ всего общества. У крестной моей матери, престарѣлой Авдотьи Артемьевны Орловой, но не графини, а родной невѣстки Орлова, денщика Петра Великаго (такъ она была стара), въ первый разъ имѣлъ я великое счастье ознакомиться съ домашними барскими дураками низшаго разряда. Старушка имѣла обыкновеніе, отходя ко сну, не засыпать прежде ежедневной у ея постели ругательной стычки ея двухъ дуръ. Въ 1812 г. зиму провела она, подобно намъ, въ своей Новосильской деревнѣ; мы съ отцомъ у нея ночевали рядомъ съ ея спальней. Ночью, проснувшись, услышалъ я страшный шумъ въ ближней комнатѣ и такія слова, какихъ никогда не слыхивалъ. Поутру въ невинности моей я сталъ спрашивать отца объяснить мнѣ значеніе этихъ словъ. «Откуда ты ихъ набралъ?» — «У крестной матери въ комнатѣ слышалъ». — А крестная мать также строила церкви, любила священство и была чрезвычайно набожна. — О времена! А мы еще говоримъ, что у насъ нѣтъ никакого прогресса или, бросаясь въ другую крайность, повторяемъ, что насъ развращаетъ западное просвѣщеніе. Ну, вотъ вамъ русское!

Montreux, 22 (10) марта.

Поездка изъ Женевы въ Парижъ на цѣлые три мѣсяца приостановила продолженіе «Записокъ». Тамъ невозможно было не испытывать на себѣ ежедневнаго утомленія отъ невольно-разсѣянной жизни. Сперва отыскиваніе помѣщенія, возобновленіе старыхъ знакомствъ съ соотечественниками, посѣщеніе театровъ, а потомъ и парижскія событія, занимавшія и волновавшія умы, мѣшали мнѣ вспоминать прошлое и противъ моей воли обращали все мое вниманіе на все, что говорилось и совершалось въ этомъ водоворотѣ, въ этомъ Вавилонѣ, который можетъ быть названъ по справедливости столицей всей Европы, по крайней мѣрѣ континентальной. Въ «Запискахъ» объ этомъ четвертомъ парижскомъ моемъ пребываніи послѣ бытности моей въ немъ въ молодые годы расскажу я подробно, если допишусь до 1870 года, которымъ началось мое осьмое десятилѣтіе. Оно будетъ довольно интересно для моихъ читателей, или по крайней мѣрѣ для моихъ дѣтей, возобновленіемъ моихъ давнихъ сношеній съ тремя извѣстными, каждый въ своемъ родѣ, нашими русскими эмигрантами, Герценомъ, Н. И. Тургеневымъ *) и иезуитомъ отцомъ Гагаринымъ. Первый скоро послѣ моего съ нимъ свиданія по 25-лѣтней разлукѣ заболѣлъ и умеръ. О встрѣчѣ моей съ нимъ я послалъ тотчасъ же статейку издателю «Русскаго Архива», и она напечатана въ 3-емъ номерѣ этого журнала за 1870 годъ. Помѣщаю ее здѣсь, какъ приложеніе къ моимъ «Запискамъ» **), и постараюсь присоединить къ ней по нѣскольку словъ о другихъ

*) См. Приложенія, ст. III.

**) См. Приложенія, ст. IV.

двухъ пріятеляхъ, покуда эти мои воспоминанія не изгладились изъ памяти. Теперь, вернувшись на берега любимаго моего озера и, по счастью, привезя съ собою туда весну, которая, какъ нарочно, началась такъ благотворно на другой день моего пріѣзда сюда, охотно возвращаюсь къ моему труду, къ моимъ «Запискамъ».

Съ отъѣзда въ Симбирскъ дяди и его семьи у меня не было постоянного пріюта, въ которомъ бы я могъ пользоваться развлеченіями порядочнаго общества. По счастью, познакомился и сблизился я съ однимъ изъ моихъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, аристократическимъ товарищемъ по университету, Голохвастовымъ, который представилъ меня умной, и очень образованной своей матери, Елисаветѣ Алексѣевнѣ, урожденной Яковлевой. Она меня такъ обворожила своимъ ласковымъ обращеніемъ, что въ этой семьѣ, состоявшей изъ двухъ сыновей, изъ коихъ старшій былъ моимъ товарищемъ, и 15-тилѣтней дочери, я сдѣлался домашнимъ посѣтителемъ и не чувствовалъ ни на минуту той неловкости и робкой сдержанности, которыми я страдалъ такъ долго во всѣхъ другихъ гостиныхъ. Голохвастова-мать, судя по тогдашнему времени, была женщина необыкновенной образованности, а по моему тогдашнему крайнему незѣжеству, я видѣлъ въ ней какую-то *m-me de Staël*, т.-е. верхъ совершенства въ прекрасномъ полѣ. Впрочемъ, и сама *m-me de Staël* представлялась моему воображенію величиной первой степени не по сочиненіямъ, которыя до моихъ рукъ тогда еще не доходили, а по воспоминанію моего дѣтскаго къ ней благоговѣнія, возбужденнаго не только во мнѣ, но и во всѣхъ московскихъ жителяхъ ея появленіемъ въ Москву, о которомъ я уже упоминалъ.

Голохвастова, женщина лѣтъ около 50, еще довольно свѣжая и красивая, знала пять языковъ, на нихъ читала и говорила и, что очень замѣчательно въ русской женщинѣ съ европейскимъ образованіемъ, знала превосходно русскій языкъ и, будучи очень набожной, вполне понимала языкъ церковно-славянскій. Несмотря на такое многостороннее просвѣщеніе, она, къ крайнему моему изумленію, не чужда была современныхъ предразсудковъ—ханжества и дворянской спеси. Правда, она имѣла отвращеніе къ дуракамъ и дурамъ, тѣшившимъ московскую публику, но въ то же время искала сближенія съ архіереями и духовными лицами, почему-либо особенно замѣчательными, и охотно допускала къ себѣ разныхъ юродивыхъ, кочующихъ монаховъ и пророчицъ въ черной, смиренной одеждѣ. Надобно, однако, отдать ей справедливость: строго православная, она не слѣдовала одурѣвающей модѣ мистицизма, который въ то время имѣлъ великихъ поклонниковъ и болѣе чѣмъ поклонницъ, главныхъ представительницъ теософіи, какъ, наприм., м-ме Крюднеръ, княгиню Мещерскую, Турчанинову и Татаринову. Голохвастова возила меня знакомиться съ викаріемъ, управлявшимъ тогда московской епархіей, Августиномъ, и я, по ея же милости, воспользовался этимъ, чтобы присутствовать на освященіи Крестовой митрополичьей церкви на Троицкомъ подворьѣ. Къ тому только, кажется, и послужило мое раннее знакомство съ преемникомъ Платона, но заботы Голохвастовой о спасеніи моей души этимъ не удовлетворились. Она возила меня одинъ разъ въ Новоспасскій монастырь къ престарѣлому монаху Филарету, который извѣстенъ былъ въ Москвѣ своею жизнью, чуть ли не даромъ пророчества, и отъ кото-

раго, по мнѣнію его почитателей, еще при его жизни благоухало уже святыней. И это представленіе, какъ для моеѣ покровительницы, такъ и для меня, было не совсѣмъ удачное; прозорливый старецъ, благословивъ меня, положить мнѣ на голову свою могучую руку, поглядѣть долго и пристально на мою фигуру и сказать: «Ну, этотъ всю свою жизнь будетъ читать разныя книжки»,—и только, и въ этомъ онъ не ошибся. Что же касается до результата такого долговременнаго чтенія, онъ его не предсказать, а потому и остается онъ до сихъ поръ покрытый для самого меня непроницаемой тайной. Голохвастова съ безотчетной вѣрой въ православныя истины, по какому-то странному складу ума и привычекъ, соединяла въ себѣ еще и твердую вѣру въ правоту крѣпостнаго состоянія. Она, да и чуть ли не мой товарищъ, ея старшій сынъ, думали и проповѣдовали, что наши крѣпостные крестьяне и дворовые принадлежатъ другой расѣ, и безъ всякихъ шутокъ признавали ихъ потомками Хама, я же начиналъ уже сомнѣваться въ справедливости подобныхъ убѣжденій. Мои университетскіе пріятели, старшіе наши студенты, патриціи, успѣли уже поколебать мои помѣщичьи убѣжденія, и я какъ-то разъ попробовалъ заикнуться въ домѣ Голохвастовыхъ о моихъ на этотъ счетъ сомнѣніяхъ. Голохвастова пришла въ ужасъ, и я навсегда умолкъ съ ней объ этомъ. Между тѣмъ она и ея сынъ, уже подъ ея руководствомъ управлявшій весьма огромнымъ имѣніемъ, были самыми лучшими патріархальными помѣщиками, какихъ только удавалось мнѣ встрѣтить. Всѣ 5.000 душъ, принадлежавшія этой семьѣ въ разныхъ губерніяхъ, были на оброкѣ, и каждое крестьянское тягло оброчной деревни, владѣвшей, кромѣ лѣсовъ, всѣми принадлежавшими дажѣ землями,

платило оброка не болѣе 5 р. асс. въ годъ. Не разъ встрѣчалъ я у нихъ въ домѣ пріѣхавшихъ въ Москву крестьянъ и восхищался ихъ дружелюбными обоюдными съ помѣщиками отношеніями; въ нихъ не было ничего ни рабскаго, ни рабовладѣльческаго. Когда, лѣтъ черезъ пять потомъ, старшій Голохвастовъ пріѣхалъ въ Петербургъ и жилъ недѣли двѣ у меня, крѣпостные его крестьяне, человѣкъ 50 или болѣе, жившіе тогда въ Петербургѣ, принесли на поклонъ своему новому, по кончинѣ матери, барину, такую кучу разныхъ припасовъ, чаю, сахару, плодовъ, что мы очень долго ими лакомились. Въ числѣ этой небольшой Голохвастовской колоніи въ Петербургѣ были очень зажиточные хозяева-промышленники, такъ называемые тысячники, и Голохвастовъ, безъ всякой отъ нихъ просьбы, при мнѣ утвердилъ за ними тотъ же прежній оброкъ, т.-е. по 5 р. съ тягла; не мѣшаетъ замѣтить, что всѣ они прикладывались къ его рукѣ и что это ему нравилось. Трудно найти столько противорѣчій, какъ удавалось мнѣ встрѣчать въ современномъ русскомъ человѣкѣ, наприм., этотъ Голохвастовъ, крѣпостникъ, можно сказать, по какому-то религіозному убѣжденію и въ то же время расчетливый до скупости, былъ вмѣстѣ удивительно патріархаленъ своимъ безкорыстіемъ и жестокъ по своему, въ своихъ помѣщичьихъ предразсудкахъ. Раза два случалось мнѣ видѣть, какъ являлись къ нему крѣпостные, дворовые люди другихъ помѣщиковъ, съ убѣдительною просьбой купить ихъ у ихъ барина, который, продавая людей по нуждѣ, по добротѣ позволялъ имъ выбирать себѣ господина. «А вы-де», говорили они ему, «мы знаемъ, баринъ добрый, мы будемъ вамъ служить усердно, и намъ будетъ у васъ хорошо». Послѣ подробныхъ раз-

спросовъ о томъ, на что службой своей они могутъ быть пригодны и какая имъ цѣна, Голохвастовъ обыкновенно къ этому прибавлялъ, что онъ купить ихъ, пожалуй, согласенъ, но боится обмана: можетъ быть ихъ продаютъ за пьянство и воровство, а какъ у него нѣтъ привычки перепродавать людей, то ему остается одно средство поправить ошибку покупки, отдать ихъ въ рекруты, если они окажутся годными: «итакъ, мои любезные, я долженъ васъ осмотрѣть съ ногъ до головы». Затѣмъ слѣдовалъ разсмотрѣть *in naturalibus* согласно съ уставомъ о рекрутскомъ наборѣ.

Выбравъ себѣ Голохвастова типомъ русскаго чело-вѣка со всѣми его благородными и неблагородными свойствами, я представляю здѣсь его фотографію отчетливо. Еще при жизни матери, нуждаясь иногда въ карманныхъ деньгахъ и совѣстясь обратиться за этимъ къ ней, занималъ онъ у меня небольшія суммы и, конечно, возвращалъ всегда съ величайшею аккуратностью. Сдѣлавшись потомъ въ 1820 годахъ полнымъ послѣ матери хозяиномъ, бралъ онъ у меня, на перехватку, крупныя суммы, безъ всякой расписки, тысячъ до 10. Когда послѣ моей женитьбы поселился я въ Москвѣ, случилось мнѣ однажды въ осеннее время, до продажи хлѣба и поступленія оброковъ, быть рѣшительно безъ гроша. Въ полной надеждѣ на Голохвастова, я отправился къ нему, чтобы взять у него на самое короткое время тысячу рублей; онъ встрѣтилъ меня насмѣшливымъ невѣріемъ, чтобы богатому барину нужна была такая ничтожная сумма. Меня и это уже разсердило. «Мнѣ некогда съ вами балагурить», сказалъ я ему: «дайте поскорѣе денегъ». — На какихъ же условіяхъ хотите вы ихъ занять? — спросилъ онъ меня. — Я не иначе

даю ихъ какъ на годъ, подъ заемное письмо и по 10 процентовъ. Взбѣшенный выскочилъ я изъ комнаты и хлопнуть дверью. Съ тѣхъ поръ начали мы видаться рѣдко и почти другъ съ другомъ не говорили. Несмотря на это, я вполне увѣренъ, что безтактный Голохвастовъ думалъ со мной пошутить и не умѣлъ изъ этой шутки выпутаться. Его безкорыстное поведение при раздѣлѣ съ сестрой и съ промотавшимся безпутнымъ братомъ, а всего болѣе то, что онъ, умирая, приказывалъ женѣ прежде всего заплатить значительный долгъ Герцену, не имѣвшему права, въ качествѣ политическаго преступника, требовать отъ него уплаты, доказываетъ, что, несмотря на всю свою расчетливость, онъ былъ безукоризненъ и въ денежномъ отношеніи. Такимъ былъ онъ и по службѣ. Искательный передъ своими начальниками по принципу и по вкусу, въ то же время былъ онъ неуклонно твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Въ первые годы царствованія Николая Павловича состоялъ онъ чиновникомъ особыхъ порученій при попечителѣ университета, московскомъ вельможѣ, честномъ и безхарактерномъ князѣ Сергѣѣ Михайловичѣ Голицынѣ. Государь, какъ извѣстно, не любилъ университеты и вообще смотрѣлъ весьма неблагоклонно на всѣ учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія. Его Величество изволилъ жаловать одни кадетскіе корпуса и многоразличныя военныя училища и всѣ военныя науки, въ особенности шагистику. Ему давно хотѣлось Ярославскій Демидовскій лицей обратить въ кадетскій корпусъ. Въ лицей въ то время происходили какіе-то безпорядки, по обыкновенію называемые возмущеніями; кромѣ того, составъ этого учрежденія не отвѣчалъ, какъ кажется и теперь, предназначенной его основате-

лемъ цѣли. Богачъ Демидовъ въ первыхъ годахъ царствованія Александра I, основалъ этотъ лицей для распространенія въ Россіи естественныхъ наукъ и особенно натуральной исторіи. Заведеніе шло плохо и въ немъ на 50 воспитанниковъ было до 30 преподавателей. Дѣйствительно преобразование было необходимо. Голицынъ поручилъ Голохвастову ревизовать лицей и не скрылъ отъ него желанія государя устроить тамъ кадетскій корпусъ. Царелюбивый и добродушный князь Голицынъ, конечно, на это соглашался, но возвратившійся изъ Ярославля Голохвастовъ храбро представилъ проектъ другого рода, прибавивъ отъ себя, что замѣнять лицей корпусомъ было бы явнымъ нарушеніемъ воли основателя, предоставившаго по завѣщанію все свое имѣніе этому учебному заведенію. По убѣжденію Голохвастова воля основателя и завѣщателя должна быть для всѣхъ священна. Государь уступилъ правотѣ такого представленія. Этотъ гражданскій подвигъ Голохвастова (я называю его подвигомъ, потому что онъ пересилилъ въ себѣ другое, непрекословное вѣрноподданническое чувство повиновенія волѣ самодержца) объясняется другимъ чувствомъ дворянскаго достоинства и безупречной справедливости. Съ одной стороны самодержавіе, съ другой—дворянство были идолами Голохвастова; когда появилась въ какомъ-то журналѣ статья объ осадномъ сидѣннѣ Троицкой лавры въ 1612 году, написанная по лѣтописи келаря Авраамія Палицына, въ которой неуспѣхъ поляковъ въ продолженіе цѣлыхъ 6 мѣсяцевъ взять и разграбить монастырь приписывался чудесамъ и особенно молитвамъ Радонежскаго чудотворца и въ коей, по указанію Палицына, налагалась тѣнь подозрѣнія въ измѣнѣ на осаднаго вое-

воду Голохвастова, потомокъ его, описываемый мною Дмитрій Павловичъ, вознегодовалъ на незаслуженное униженіе своего рода и написалъ, не будучи никогда авторомъ, самую замѣчательную въ исторической литературѣ монографію этой осады и полное оправданіе дѣйствій одного изъ своихъ предковъ. Въ то время статья Голохвастова обратила на себя вниманіе знатковъ нашей исторіи и удивила всѣхъ: никто и не подозревалъ въ немъ способности написать подобную ученую критику. Когда я при встрѣчѣ моей съ нимъ поздравилъ его съ блистательнымъ успѣхомъ, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Бога ради, не считайте меня писателемъ, во мнѣ заговорила кровь — и только». Однако же онъ и еще разъ вынужденъ былъ взяться за перо и явиться въ печати. Всегда благородный, но безтактный во многихъ случаяхъ, онъ слишкомъ рѣзко, и, конечно, самъ того не подозревая, коснулся до святыхъ преданій о чудесахъ и знаменіяхъ, которыя, по древнимъ православнымъ убѣжденіямъ, одни спасли лавру отъ поляковъ и болѣе двухъ вѣковъ хранили какъ бы догматическое достояніе московской и все-россійской церкви. Голохвастовъ былъ всегда человекомъ набожнымъ и благоговѣлъ предъ тройственнымъ символомъ царствованія Николая I, предъ гербомъ министра просвѣщенія, Уварова, и предъ исповѣданіемъ славянофиловъ,—однимъ словомъ, онъ вѣровалъ несомнѣнно въ православіе, самодержавіе и народность. Когда монографія его была напечатана, къ великому своему ужасу узналъ онъ, что митрополитъ Филаретъ выражаетъ свое противъ него неудовольствіе и глубоко скорбитъ о томъ, что одна дерзкая рука непризваннаго писателя коснулась святыхъ преданій его лавры. Голохвастовъ испугался. Онъ преклонялся предъ Фи-

ларетомъ и видѣлъ въ немъ не только одного знаменитаго мужа, но и члена св. синода и андреевскаго кавалера. Дѣлать было нечего, надо было какъ-нибудь поправиться, и вотъ придрался онъ къ какой-то журнальной статейкѣ вообще противъ нашего духовнаго краснорѣчія и выставилъ Филарета какъ церковнаго витію, неуступающаго ни Боссюэту, ни другимъ европейскимъ ораторамъ; но какъ въ этой статьѣ дворянская кровь его молчала, то она и вышла очень посредственной. Тѣмъ и кончилось его авторство.

Пора и мнѣ кончить съ Голохвастовымъ, прибавивъ въ заключеніе одну, весьма неудачную черту его учебной дѣятельности, какъ попечителя. Кромѣ безтактности, отличался онъ еще многоглагольствомъ, и этотъ недугъ выросъ въ немъ до такой степени, что покойный государь, воротясь однажды изъ Москвы въ Петербургъ, жаловался на Голохвастова недавно умершему члену государственнаго совѣта Н. И. Бахтину, также извѣстному мастеру говорить, что московскій попечитель заговорилъ его самого, государя. Многорѣчивая болтливость съ царемъ начальника университета была дѣйствительно поводомъ къ одной изъ самыхъ крутыхъ мѣръ, принятой государемъ противъ университетскаго юношества. Въ продолжительное пребываніе двора въ Москвѣ по случаю освященія новаго кремлевскаго дворца государь съ негодованіемъ часто встрѣчалъ студентовъ, не соблюдавшихъ предписанной формы и отличавшихся неопрятностью своихъ одѣяній; это было лично замѣчено имъ попечителю. Голохвастовъ оправдывался многочисленностью студентовъ (болѣе тысячи человѣкъ), обширностью города и потому невозможностью за ними наблюденія. «У васъ своя полиція», замѣтилъ государь. — «Помилуйте, Ваше

Величество, всего пять, шесть педелей, инспекторъ и три, четыре помощника,—гдѣ же усмотрѣть за такой толпой?» Судя по привычкѣ Голохвастова говорить долго и много и по отзыву о немъ государя, оправданіе было многорѣчивое и продолжительное. Оно вѣзлось, какъ видно, въ памяти Николая Павловича, и тотъ черезъ нѣсколько времени, изъ Варшавы, изволилъ указать, чтобы въ Московскомъ университетѣ комплектъ студентовъ всѣхъ трехъ факультетовъ, кромѣ медицинскаго, не превышалъ 300 человѣкъ. На робкое возраженіе министра просвѣщенія о вредѣ такой мѣры государь отвѣчалъ: «Самъ московскій попечитель увѣрялъ меня, что университетскому начальству нѣтъ никакихъ средствъ справляться съ такой громадой студентовъ».

Если мнѣ стануть попрекать, зачѣмъ такъ долго останавливаюсь я въ моихъ «Запискахъ» надъ недовольно крупною личностью Голохвастова, я предупреждаю такое обвиненіе тѣмъ, что, къ несчастію или по счастью, рѣдко удавалось мнѣ встрѣчаться съ болѣе крупными особами, и что главная моя задача—ознакомить читателей съ русскимъ человѣкомъ моего времени во всѣхъ его видахъ и со всѣми его качествами, будь онъ крестьянинъ, купецъ, духовный или помѣщикъ средней руки, а изрѣдка и перваго, по богатству, рязяда.

Упомянувъ о представленіи меня пр. Августину, прибавлю, что знаю и о немъ. Любимецъ митрополита Платона за искусное краснорѣчіе и глубокое знаніе латинскаго языка, что доказываютъ хранящіеся въ Визаніи латинскіе стихи этого архіерея, напечатанные золотыми буквами по волѣ его покровителя, Августинъ восхищалъ московскую публику великолѣпнымъ слу-

женіемъ и торжественнымъ проповѣдываніемъ своихъ витіеватыхъ рѣчей; но мнѣ раза два случалось слышать, стоя близко, слишкомъ грубыя его выходки, вполголоса и во время служенія видѣть неприличное и дерзкое обращеніе съ окружающимъ его духовенствомъ. Кажется, въ Москвѣ не всѣ его любили.

Для контраста привожу забытое мною изъ моего дѣтства воспоминаніе о митрополитѣ Платонѣ. 3-х или 4-лѣтнимъ ребенкомъ возилъ меня отецъ въ Ростовъ на поклоненіе мощамъ св. Дмитрія. По пути были мы въ Виѳаніи у Платона; отецъ мой былъ знакомъ съ нимъ. Мнѣ приказано было поцѣловать благословляющую руку, но Платонъ, взявъ мою рученку и сказавъ, что младенческая лучше его, грѣшной, облобызаль ее. Разумѣется я помню это только по рассказамъ. Нѣкоторые изъ другихъ, дошедшихъ до меня преданій объ этомъ мудромъ подвижникѣ нашей церкви передамъ когда дойду до встрѣчи моей съ незабвеннымъ Филаретомъ.

Забѣжавъ въ моемъ рассказѣ на нѣсколько лѣтъ впередъ, возвращаюсь къ 1815 г., на которомъ остановился. Въ силу духовнаго завѣщанія, оставленнаго моимъ отцомъ, надо мною и надъ имѣніями не было учреждаемо никакой опеки, кромѣ безотчетнаго попечительства моей тетки, Елены Яковлевны, и трехъ также безотчетныхъ опекуновъ. Ни одна дворянская опека тѣхъ уѣздовъ, гдѣ были наши имѣнія, не только не вступала въ предписанныя имъ въ законѣ надъ ними наблюденія, но и не заботилась узнать, какъ и кѣмъ онѣ управляются,—до такой степени была безпорядочна въ тѣ времена наша администрація. Даже самое это духовное завѣщаніе, несогласное съ законами о наслѣдствѣ, нигдѣ не было представлено, а если бы

и было, какъ и слѣдовало, то подверглось бы неминуемо общимъ о завѣщаніяхъ и опекахъ постановленіямъ, и попечительница вмѣстѣ съ опекунами обязана была бы представлять отчеты. Двое изъ трехъ опекуновъ моихъ, сосѣди наши по Михайловскому, Сафоновъ и Артемьевъ, тотчасъ же отъ всякаго участія отказались, Дубовицкій ограничился одними наставленіями; такимъ образомъ все управленіе по праву перешло къ Еленѣ Яковлевнѣ. Она способна была управлять только домашнимъ хозяйствомъ, и я безпрерывно забралъ все въ свои руки. Послѣдній годъ жизни отца, по его распоряженію, Новосильскимъ имѣніемъ управлялъ мценскій помѣщикъ, прехитрый Андрей Андреевичъ Глазуновъ, отецъ двухъ моихъ товарищей студентовъ.

По приказанію Глазунова, осенью 1814 и весной 1815 г. все количество заготовленнаго въ Михайловскомъ хлѣба подряжено было поставить водой по Окѣ въ Москву, чего никогда у насъ не бывало; эта операція не удалась, и отъ нея были большіе убытки. Глазуновъ увѣрялъ, что и осеннія и весеннія барки были на водѣ разбиты, часть хлѣба затонула, остальная подмочена, много денегъ пошло на перегрузку, и мы съ Дубовицкимъ никакъ не могли добиться никакого толку. Послѣ отказа ему въ управленіи послѣдовалъ съ нимъ расчетъ. Сперва выразилъ онъ желаніе пріобрѣсти покупкой капельмейстера нашей жалкой музыки Петра Бухвостова съ женой и сыномъ; мы съ тетюшкой, оба расчетливые, вскорѣ послѣ смерти отца согласились уничтожить эту музыкальную потѣху и составлявшійся хоръ пѣвчихъ, а потому и продали этого Бухвостова, который, впрочемъ, и самъ охотно переходилъ къ новому барину. Я еще тогда не пони-

малъ, что продавать людей и грѣшно и стыдно. Провѣривъ съ Дубовицкимъ отчетъ Глазунова по управленію, мы нашли что по нимъ отъ Глазунова слѣдовало получить намъ 500 или 700 р. асс., онъ и не спорилъ и выслалъ мнѣ по почтѣ всю сумму сторублевыми бумажками. Всѣ онѣ оказались фальшивыя, французскія. Еще недавно въ «Русскомъ Архивѣ» было говорено о фабрикаціи нашихъ бумажныхъ денегъ по распоряженію Наполеона, и издатель этого журнала, по моему мнѣнію несправедливо, попрекалъ бывшаго у насъ посломъ Коленкура участіемъ въ этой подлости. Такое обвиненіе ни на чемъ не основано, ибо для подобныхъ продѣлокъ самыя враждебныя правительства употребляютъ не официальныхъ своихъ представителей, а людей темныхъ, отъ дѣйствій коихъ гораздо легче отказаться. Коленкуръ былъ слишкомъ порядочный человѣкъ, уважавшій императора Александра и имъ уважаемый.—Мы съ тетюшкой нисколько не посовѣстились сбыть въ другія руки эти фальшивыя бумажки и убытку отъ нихъ не потерпѣли. И до сихъ поръ въ общественномъ мнѣніи провозить контрабанду, сбывать фальшивую монету, пересылать изъ чужихъ краевъ съ дипломатическими курьерами книги и наряды и т. п. мелкіе грѣшки не считаются безчестными людьми честными. А между тѣмъ, года два тому назадъ я участвовалъ какъ почетный мировой судья въ приговорѣ нашего съѣзда къ 3-хмѣсячному заключенію въ острогъ одной женщины за то, что она сдуру призналась въ сбытѣ 3-хрулевой депозитки, ей завѣдомо фальшивой. Большія мухи всегда прорываютъ паутины сѣти, мелкія гибнутъ отъ паука: такъ и съ закономъ.

Зимой 1814 и 1815 годовъ Москва была еще пуста; кто побогаче и познатѣе переселились въ Петербургъ. Многіе постоянные обыватели изъ помѣщиковъ, не успѣвъ еще отстроить своихъ погорѣлыхъ домовъ, жили либо въ провинціальныхъ городахъ, либо по деревнямъ, оттого и у меня знакомыхъ домовъ было не много. Кромѣ ежедневныхъ посѣщеній Голохвастовской семьи игралъ я по вечерамъ въ карты у славной старушки Раевской, у пріятельницы моей матери, Львовой, гдѣ любезничалъ съ тремя ея дочерьми и особенно съ послѣдней, теперешней отставною игуменьей матерью Вѣрой. Часто навѣщалъ юношей, двухъ братьевъ Норовыхъ; мать была честная и добродѣтельная женщина, урожденная Голицына. Одинъ изъ братьевъ былъ впослѣдствіи товарищемъ министра финансовъ; онъ еще живъ и теперь живетъ въ Ниццѣ, не оставляя своего великолѣпнаго рояля, который всюду съ собою развозитъ. Я, встрѣчаясь съ нимъ въ чужихъ краяхъ, всегда имъ люблююсь, какъ однимъ изъ немногихъ счастливейшихъ людей на свѣтѣ. Больше говорить о тогдашней Москвѣ не стоитъ. Не мѣшаетъ однако для характеристики города и его окрестностей упомянуть о томъ, что весной 1815 года, кажется въ началѣ мая, ѣздилъ я верхомъ на прехорошенькой англазированной лошади въ Петровскій дворецъ, чтобы посмотреть въ первый разъ на слона, котораго изъ Персіи вели въ Петербургъ въ подарокъ отъ Шаха Императору Александру. Отъ Петербургской заставы до самаго дворца не было еще ни одного дерева.

Въ серединѣ мая перебрались мы съ теткой въ Солнышково; я ее тамъ оставилъ, а самъ въ сопровожденіи проживавшаго у насъ дальняго какого-то изъ самыхъ бѣдныхъ родственниковъ, Дьякова, преглупаго и пре-

суетнаго, отправился въ Михайловское. До отъѣзда нашего изъ Москвы Никольскій переѣхалъ отъ насъ къ Трубецкимъ воспитывать двухъ братьевъ теперешняго вельможи, князя Николая Ивановича. Мы съ нимъ по-вздорили, и я конечно былъ виноватъ одинъ, потому что слишкомъ эмансипировался и поднималъ носъ, какъ богатый мальчишка, которому аристократики-студенты надули въ уши, что стыдно имѣть при себѣ гувернера.

Михайловское народонаселеніе, котораго представителями, при моемъ вѣздѣ, были вся толпа дворовыхъ, челоѣкъ за сто, всѣ вотчинные начальники и лучшіе изъ хозяевъ-крестьянъ, т.-е. самые зажиточные и почетные, и во главѣ ихъ прикащикъ изъ крѣпостныхъ, Илья Михайловичъ Шиловъ, ожидали меня у подѣзда барскихъ хоромъ, нынѣ ветшающихъ. Я робко смутился, хотѣлъ было, но не сумѣлъ, сказать нѣсколько словъ привѣтствія всему этому люду, которые уже съ перваго раза провозгласили меня отцемъ, а себя моими дѣтьми, и удалился поспѣшно во внутреннія комнаты. Находчивый Шиловъ, бывший мой учитель ариѣтики, съ подобающей сану моему внимательностію испрашивалъ приказаній. «Чаю и чаю, и ѣсть какъ можно больше». — «А на завтра что прикажете?» По счастью я вспомнилъ преподанныя мнѣ наставленія Дубовицкаго, какъ и чѣмъ начать первый актъ вступленія моего въ должность самовластнаго владѣльца, и я рѣшительнымъ тономъ приказалъ прикащику приготовить мнѣ верховую лошадь, чтобы осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ по плану границы моихъ дачъ. «На это», прибавилъ я, «будетъ употребленъ весь первый день моего у васъ пребыванія». — «Помилуйте, сударь, вѣдь это будетъ верстъ сорокъ. Извольте по-

смотрѣть на планъ: въ серединѣ нашей дачи Хилковскія земли, а въ окружной межѣ обоихъ имѣній цѣлыхъ 12000 десятинъ». — «Такъ какъ же?» — «Дай Богъ намъ объѣхать и первое отдѣленіе, и то будемъ безъ ногъ». Шиловъ, замѣтилъ я, что - то ужъ слишкомъ ободрился; чтобы сохранить мое барское достоинство, я отпустилъ его, сказавъ: «Ну, такъ завтра съ восходомъ солнца. Прощай». Поѣвши, попивши и погулявши по саду, довольно большому и запущенному, и передъ отходомъ на сонъ грядущій выпивши съ Дьяковымъ по стаканчику вина, мы улеглись и проспали какъ убитые. Съ разсвѣтомъ начался объѣздъ дачъ перваго отдѣленія. Я ѣздилъ верхомъ довольно бойко, хотя и не по манежному, и замѣтивъ, что мои спутники, прикащикъ и подчиненные ему староста и полевые десятскіе, ѣздятъ на конѣ — у, какъ плохо! вздумалъ надъ ними потѣшиться, далъ лошади ходъ и пустился во всю рысь. Версту, много двѣ, проѣхали мы по прямой межѣ препокійно; солнце стало пригрѣвать, и начались вздохи и охи моихъ спутниковъ. На Шилова, ѣхавшаго почти рядомъ (онъ старался держать голову своей лошади у моего сѣдла, видно замѣтилъ, какъ это дѣлается съ начальниками на военныхъ парадахъ), было смотрѣть и смѣшно и жалко. Весь въ поту держалъ онъ себя рукой за животъ и прыгалъ на своемъ сѣдлѣ вышиной на цѣлый вершокъ. «Бога ради, позвольте отдохнуть, мочи нѣтъ». Тутъ я обратился съ ласковыми словами къ старостѣ и десятскимъ и спрашивалъ ихъ о положеніи крестьянъ. «Всѣ слава Богу, батюшка, живутъ хорошо, поминаютъ вашего родителя и благодарятъ васъ вмѣстѣ съ тетушкой за то, что сложили съ насъ всякія недоимки. Мы молимъ Бога за упокой души вашего батюш-

ки и за ваше здоровье. Не угодно ли заѣхать на Никитино? Оно близехонько; сами полюбуетесь». Но любоваться было нечѣмъ, хотя мои глаза, привыкшіе къ нашимъ деревнямъ, тогда еще и не были взыскательны, да и старостѣ, приглашавшему меня любоваться, хотѣлось вздохнуть отъ верховой поѣздки, а стану ли я любоваться или не любоваться — ему это было ни почемъ. Шиловъ же выражалъ на все свое согласіе молчаніемъ и одышкой. Мы не объѣхали и половины дачи и воротились къ раннему обѣду. Такъ прошелъ первый день. Не могу рѣшить, довольны или недовольны были и дворовые и крестьяне, которымъ я не далъ руки для цѣлованья и воспрещалъ кланяться себѣ въ ноги; какъ видите, я и тогда начиналъ заражаться либерализмомъ.

Пятнадцатилѣтнему мальчику мудрено было сколько-нибудь походить на настоящаго хозяина. Я однако разыгрывалъ эту роль съ упоеніемъ отъ власти надъ всѣмъ преклонявшимся передо мною населеніемъ, болѣе чѣмъ 1000 душъ, считая и женщинъ, которыя еще ниже мужчинъ кланялись и потому то, видно, и не считались законными душами. Крайняя моя неопытность и ребячество, вырывавшееся по неволѣ и въ рѣчахъ и въ движеніяхъ, возбуждали смѣхъ при иныхъ необдуманныхъ моихъ вопросахъ, мужику или бабѣ; когда же мнѣ стали пуще всего надобно жалобами и просьбами о помощи, я, не вступаясь ни въ какія распоряженія, передалъ всю мою власть Шилу. Объѣздъ дачъ былъ однако же совершенъ; мнѣ непремѣнно хотѣлось этой скачкой, продолжившейся нѣсколько дней, помучить Шилова и вотчинныхъ начальниковъ.

Перейдемъ теперь къ сосѣдямъ. Имѣніемъ князей

Хилковыхъ, которымъ и окружалась моя дача и раздѣлялась на двѣ половины, управлялъ тогда отставной гусарскій майоръ Василій Ивановичъ Гурьевъ, небогатый, ближайшій къ намъ помѣщикъ, честный, благородный и добрый. Старый холостякъ, не больно грамотный и не очень то дѣятельный, онъ при отцѣ моемъ и у насъ былъ управляющимъ, но не долго. Мы съ нимъ часто видались, и я искренно любилъ его за то, что онъ никогда мнѣ не льстилъ, обращался какъ съ мальчикомъ и говорилъ правду. Въ такомъ же родѣ былъ еще сосѣдъ, подальше, Александръ Николаевичъ Литвиновъ, и тоже майоръ, только поглупѣе, зато позажиточнѣе. У него долго тянулся презапущанный процессъ о земляхъ съ сосѣдями. Еще при жизни моего отца, не задолго до французовъ, пріѣзжалъ онъ по этому дѣлу въ Москву и у насъ оставливался. Чтобы выиграть процессъ, батюшка посоветовалъ ему дать взятку самому дѣльному изъ всѣхъ сенаторовъ, М. Г. С.; Литвиновъ, конечно, согласился, но не зналъ, да оно и понятно, какъ и сколько давать такому великому господину. Дѣло и не для степнаго помѣщика премудреное! Одинъ изъ сенатскихъ секретарей, С. Д. Ухинъ, пріятель отца, особенно уважаемый имъ, какъ неслыханное чудо, за извѣстную всѣмъ неподкупность въ тѣ времена, когда и сенаторы не гнушались взятками, увѣрилъ Литвинова, что у С. способъ взиманія взятокъ облегченъ и упрощенъ. Ухинъ опредѣлилъ день поѣздки къ сенатору за два дня до доклада по его дѣлу, и когда проситель подаль С. записку о процессѣ, сенаторъ сказалъ ему, что это дѣло ему извѣстно, и чтобы онъ былъ покоенъ; потомъ разговорился о деревенскомъ хозяйствѣ и объяснилъ Литвинову, что какое то Вологодское его имѣ-

ніе запоздало выслать тысячи полторы оброка и что онъ находится въ затруднительномъ положеніи. Литвиновъ вызвался ссудить его этой суммой; сенаторъ на другой день выдалъ ему заемное письмо, которое, когда дѣло рѣшено было въ пользу нашего пріятеля, онъ привезъ и разорванное положилъ на столъ С., принося выраженіе своей признательности за покровительство по дѣлу. Вотъ какъ тогдашніе сенаторы умно и просто принимали отъ просителей благодарность! Два сосѣда, отказавшіеся отъ опекунства надъ мной, мистикъ, химикъ и, по преимуществу, народный врачъ, въ 20 верстахъ отъ насъ, Артемьевъ, не выходилъ изъ лабораторіи и, кажется, начиналъ уже придерживаться алкоголю, а напыщенный барской спѣсью масонъ Сафоновъ, окруженный двумя рослыми недорослями—сыновьями, съ женой и жениной смазливенькой дочкой прозябалъ у себя, въ своей Любовшѣ, восхищаясь инструментальными и вокальными концертами своихъ оборванныхъ музыкантовъ. Самъ онъ, его домъ, его усадьба, и особливо его садъ,— все было подстрижено, прихолоно, песочкомъ усыпано и все-таки грязно. Хотя и масонъ, Сафоновъ несколько не походилъ на моего отца; ихъ взгляды на положеніе крестьянъ и помѣщичье хозяйство были совсѣмъ различны. Петръ Иларіоновичъ убѣждалъ меня ни подъ какимъ видомъ не баловать и не распускать мужиковъ и (употреблю его собственное выраженіе) «постоянно держать ихъ въ черномъ тѣлѣ» на томъ основаніи, что бѣдные мужики выгоднѣе для помѣщика: и лучше работаютъ, и лучше повинуются. Такія рѣчи меня коробили, но я съ старикомъ не спорилъ.

Въ нашемъ приходѣ по штату слѣдовало быть двумъ

священникамъ, въ немъ числилось 1300 душъ ревизскихъ, но одно священническое мѣсто было пусто и считалось, по тогдашнему обычаю, за малолѣтнимъ семинаристомъ Мансуровымъ, котораго священникъ отецъ, незадолго до моего пріѣзда, умеръ. Таковъ былъ вездѣ обычай оставлять за сиротами мѣста ихъ родителей, а если наслѣдниками умершихъ поповъ были дочери, то мѣста оставались за вдовами, которыя принимали на убыль мѣста зятьевъ. Такимъ образомъ приходъ становился родовой собственностью духовенства, и отсюда выходило само собою, что не священно и церковнослужители существовали для блага прихода, а приходъ для нихъ. Попъ Семень добрый, грубый и не очень то трезвый, велъ свое дѣло за двоихъ исправно, а въ 1812 г. во время повальной заразительной горячки исправлялъ свои требы по избамъ, самъ того не подозрѣвая, съ такимъ безстрашіемъ, что едва ли нынѣшніе ученые семинаристы въ состояніи ему подражать. Другой храбрости въ сношеніяхъ съ прикащикомъ, помѣщикомъ и своимъ начальствомъ, конечно, нельзя было отъ него и требовать, и когда, уже не задолго до его смерти, помѣщикъ того же прихода, князь Хилковъ, жаловался на его пьянство архіерею, и преосвященный приказалъ ему испросить у помѣщика прощенія, то благочинный вошелъ съ нимъ къ князю, протавилъ виноватаго за волосы черезъ всю комнату, велѣлъ ему стать на колѣни и три раза поклониться въ ноги князю. Нынѣшніе священники изъ ученыхъ на это, конечно, не согласятся, да и архіерей не потребуетъ; но повторяю, что они не станутъ такъ усердно навѣщать заразительныхъ больныхъ и помогать, какъ бывало это дѣлалъ попъ Семень, вытирать горячечныхъ укусомъ.

Наши университетскія лекціи начинались 1 сентября; я возвратился въ Москву недѣлей раньше. Туда ожидали пріѣзда императора. 30 августа, день Его именинъ, съ ранняго утра, освѣщеннаго яркимъ солнцемъ, ожидалъ его народъ, покрывавшій всю кремлевскую площадь. Лишь только показался государь на верхней площадкѣ Краснаго крыльца, шествуя изъ Грановитой палаты въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ, раздалось громкое ура, звонъ большого кремлевскаго колокола и пушечный выстрѣлъ. Я никогда еще не видалъ никакого царскаго выхода и невольно пришелъ въ восторгъ, который въ самомъ дѣлѣ воодушевлялъ всѣхъ жителей столицы, обрадованныхъ прибытіемъ государя, уничтожившаго Наполеона и даровавшаго миръ всей Европѣ. Этотъ день былъ конечно лучшимъ днемъ жизни безгранично - любимаго тогда всѣми императора. Вечеромъ московскій главнокомандующій, графъ Тормасовъ, давалъ большой балъ. Нѣкоторые изъ студентовъ получили приглашенія, и мы съ Голохвастовымъ отправились на этотъ праздникъ въ мундирахъ, шелковыхъ чулкахъ, завитые и напудренные. Оба мы съ нимъ были до того неловки и дики, что долго робѣли войти въ танцевальную залу и другія парадныя комнаты, довольствуясь держаться въ пріемной залѣ. Государь поражалъ всѣхъ красивою своею наружностью, обворожительною улыбкой и какимъ то благодушнымъ, скромнымъ величіемъ. Онъ былъ въ простомъ темно-зеленомъ, почти черномъ вицмундирѣ кавалергардскаго полка, въ Александровской лентѣ, потому что это былъ праздникъ ордена, съ Георгіевскимъ крестомъ четвертой степени, съ шведскимъ орденомъ Меча, окруженнаго узенькой голубой ленточкой англійскаго ордена Под-

вязки. Андреевскіе кавалеры были также въ красныхъ лентахъ.

Въ числѣ спутниковъ государя я замѣтилъ особенно славнаго казацкаго атамана, графа Платова. Онъ мнѣ показался прямымъ потомкомъ гунновъ по своей азіатской наружности. Онъ только что возвратился вмѣстѣ съ государемъ изъ Англіи, гдѣ Оксфордскій университетъ поднесъ ему грамоту на званіе доктора правъ. Платовъ въ своемъ казацкомъ мундирѣ сіялъ брилліантовыми украшеніями; ими осыпана была его сабля, атаманское перо на казацкой шапкѣ и двѣ звѣзды на кафтанѣ. Другая знаменитость, болѣе могучая и менѣе заслуженная, отличалась, напротивъ, предъ всѣми, даже и простыми офицерами, изысканною скромностью въ одеждѣ и манерахъ и суровымъ, жесткимъ выраженіемъ лица,—это былъ всемогущій любимецъ Александра, такъ на него ни въ чемъ не похожій, графъ Аракчеевъ, въ простомъ артиллерійскомъ мундирѣ, безъ Андреевской звѣзды, съ портретомъ государя на груди, не украшеннымъ алмазами; Аракчеевъ, какъ извѣстно, призналъ себя недостойнымъ перваго русскаго ордена и возвратилъ государю рескриптъ. Въ Россіи, кромѣ Аракчеева, отъ награды царской отказался герой Кульмской битвы, графъ Остерманъ-Толстой, потерявшій въ этой битвѣ руку; черезъ нѣсколько уже лѣтъ послѣ этого дѣла, въ день открытія памятника на самомъ мѣстѣ, получилъ онъ орденскіе знаки св. Андрея Первозваннаго отъ императора Николая. Поздней наградой онъ, вѣроятно, обидѣлся и держалъ у себя пакетъ съ знаками и рескриптомъ не распечатанный. Аракчеевъ въ то время и особенно на этомъ балѣ былъ послѣ государя предметомъ общаго вниманія. На этомъ вечерѣ были

и два великихъ князя, очень еще юные, Николай и Михаилъ Павловичи, воротившіеся вмѣстѣ съ государемъ изъ Парижа. Имъ обоимъ, какъ видно, было очень весело. Усѣвшись на окно ребячились и шутили они съ какими-то молодыми флигель-адъютантами изъ свиты; кто-то изъ послѣднихъ тихо проговорилъ: «Аракчеевъ проходить», и мои великіе князья вскочили и вытянулись въ струнку, и руки ихъ невольно протянулись по швамъ; съ тѣхъ поръ Аракчеевъ сталъ грозою моего воображенія.

Въ короткое время пребыванія государя въ Москвѣ вездѣ преслѣдовали его просьбами о вспоможеніи послѣ пожаровъ; на это назначилъ онъ огромную сумму, въ число которой вошелъ, какъ сказываютъ, и тотъ, помнится мнѣ, миллионъ, а можетъ быть и больше, рублей, который въ пользу разоренныхъ московскихъ жителей собранъ былъ по подпискѣ въ Англіи. Объ этомъ раза два гдѣ-то было напечатано, потомъ забыто или съ намѣреніемъ умалчивается. Нигдѣ какъ въ Англіи не торжествовали такъ искренно и всенародно паденіе Наполеона, и Москва, предназначенная Провидѣніемъ быть крайнимъ предѣломъ его властолюбія, сдѣлалась для англичанъ предметомъ удивленія и обожанія.

Лѣтомъ 1816 года въ Михайловское отправился я уже съ теткой; у насъ тамъ все шло подъ рукой Шилова, какъ и слѣдовало, а, можетъ быть, какъ и не слѣдовало. Въ Хилковскомъ имѣніи былъ уже другой управляющій, остзеецъ, морякъ Клестерманъ. Ихъ половина имѣнія принадлежала еще старику, отцу братьевъ Хилковыхъ. Старшій князь почти всю жизнь провелъ въ чужихъ краяхъ, былъ во второй разъ женатъ на нѣмкѣ и не имѣлъ никакого понятія ни о

чемъ русскомъ, а еще менѣе о деревенскомъ хозяйствѣ. Михайловскіе его крестьяне платили самый ничтожный оброкъ, владѣли огромными землями, буйствовали и пьянствовали, а потому и бѣднѣли. Барину ихъ невозможно, наконецъ, стало содержать огромную семью и трехъ сыновей, гвардейскихъ офицеровъ. Присланный имъ на приказъ нѣмецъ посадилъ имѣніе на барщину, и, разумѣется, не полюбился крестьянамъ, а сосѣдніе помѣшники, особливо судьбишинская мелкота (въ селѣ Судьбищахъ, въ 10 верстахъ отъ насъ, было до 50 человѣкъ помѣщиковъ), косились на управляющаго нововводителя нѣмца. Онъ въ первый же годъ своего управленія по разнымъ, весьма понятнымъ, причинамъ запоздалъ озимыми посѣвами только что назначенныхъ барщинскихъ полей; сентябрь былъ къ концу, а хилковскія поля были все не засѣяны. Одинъ изъ судьбишинскихъ мелкопомѣстныхъ возревновалъ о пользахъ невиданнаго имъ въ глаза князя и написалъ ему въ Петербургъ доносъ на управляющаго: «Вы де батюшка, ваше сіятельство, будете безъ хлѣба и безъ дохода; вашъ нѣмецъ до сихъ поръ не хочетъ, а можетъ и совсѣмъ не умѣетъ сѣять». Князь, получивъ неожиданную грамоту, едва ее разобралъ и переполошился, не зная, что дѣлать. Послалъ по казармамъ за своими сыновьями офицерами и просилъ у нихъ совѣта; тѣ отвѣчали батюшкѣ, что они тоже не знаютъ какъ, когда и что такое сѣютъ. Старикъ приказалъ имъ объѣхать знакомыхъ и добиться отъ кого-нибудь какого-нибудь толку. Князя-офицеры раздѣлили между собой своихъ и отцовскихъ знакомыхъ по частямъ города и отправились разыскивать правды-истины—какъ, когда и что сѣять. Великосвѣтскіе знакомые отца и сыновей, сами

перетревожились и перепутались; нѣкоторые изъ нихъ ничего не знали и ни о чемъ не заботились, другіе перепугались за себя: «Ну, какъ и у меня не посѣяли?» Насилу - насилу будущій михайловскій хозяинъ, одинъ изъ сыновей, князь Дмитрій, напалъ на смышленнаго петербуржца, бывшаго настоящимъ сельскимъ хозяиномъ, и, узнавъ отъ него, что сентябрь послѣдній срокъ озимыхъ посѣвовъ, убѣдилъ отца послать эстафету въ Михайловское съ приказомъ нѣмцу сѣять и вѣять во что бы то ни стало. Эстафета по тысячеверстномъ разстояніи была довольно дорога и не нужна; поля были уже засѣяны, и на зло охотнику до извѣтовъ на управляющихъ, судьбищинскому помѣщику Новгородову, урожай въ этотъ годъ вышелъ у Хилковыхъ, какъ и у всѣхъ, порядочный. Этотъ господинъ былъ своего рода степной чудакъ и потому очень мнѣ памятенъ. Еще въ царствованіе Павла, когда отецъ мой былъ новосильскимъ предводителемъ, Новгородовъ, родомъ изъ кутейниковъ, служилъ при немъ протоколистомъ, потомъ попалъ въ секретари уѣзднаго суда, и, несмотря на свою безграмотность, имѣя, впрочемъ, весь ябедническій навѣкъ приказной строки, нажилъ себѣ порядочную деревеньку въ селѣ Судьбищахъ и поселился въ ней, когда его изъ суда выгнали за нестерпимыя взятки. Однажды какой-то тульскій губернаторъ, ревизовавшій разныя присутственныя мѣста въ Новосилѣ, спросилъ Новгородова, въ какомъ положеніи въ ихъ уѣздномъ судѣ находится интересовавшій губернатора процессъ. «Дѣло еще не кончено, ваше превосходительство, и я въ угодность вашу написалъ о немъ докладъ присутствію и въ немъ поставилъ все дѣло на балансъ. Въ какую сторону прикажете: направо—такъ направо, налево—

такъhalb, какъбудетъвашемупревосходительствоугодно». Помня службу свою при батюшкѣ, которыйвзялъегоизъдуховнагоуѣзднагоучилища късебѣ, этотъсосѣдъНовгородовъповадилсѣбылонавѣщатьи насъ сътеткой. Мнѣсъпервагонаеговзглядаоченьнепонравилиськраснаяполупьянаяегорожа, егопронырливыеузкіесѣрые глаза и егонесовсѣмъпристойнаяповадкаиобычаи, какъ-то: онѣ, обѣдаявъдругойилитретійразърядомъсомной, изволилигромоносноиполновѣсновысморгатьсявъсвоюсалфетку. Со мной, ребяческибрезгливымъ, чутьнесдѣлалосьдурно, и я вышелъизъ-застола. Въэтотъже, кажется, день, когдапошлаябесѣда моя сънимъменяпочтиусыпила, пошлимыгулятьпонашейбольшойусадѣбѣ; тутъуниженноначиналъонѣуменявыпрашиватьвсе, чтонипопадалосьнамънавстрѣчу: сперваягодѣ, потомъяблокѣ, потомъперсиковѣ, разныхъкъбудущейвеснѣчеренковѣдляпрививковѣ, потомъдляегоубогагохозяйствасоломки, сѣнца, хоботьевъидажекирпича, когдамыподошликъкирпичнымъсараямъ; япоребячествуиглупостинавсесоглашался, икогдадошлодотого, чтоонѣначалъпроситьоприсылкѣемувърабочуюпорунашихътягловыхъработниковънапомощь, тутътолькотерпѣніюмоемупришелъконецъ,—ястрашноразсердилсяиедваудержался, чтобынепрогнатьсъмоихъглазънаглагопосѣтителя.

Въэтоже время, апотомъипослѣ, посѣщальнасъвъМихайловскомъдругойгость, тожевъсвоюочередьоригинальный. Богатый, первойгильдиикупецъи хлѣбныйторговецъ, тучныйисъвидудобродушный, ПавелъИвановичъСмирновъсъдавнихъпоръзакупалъунасъвсѣгодовыехлѣбныеурожаи и

всегда расплачивался съ нами честно, а иногда даже и весьма снисходительно, задавая по нуждѣ деньги впередъ. Смирновъ носилъ самую простую одежду зажиточнаго степного крестьянина, съ тою только разницей, что на ногахъ у него были не лапти, а сапоги. Онъ ѣздилъ по помѣщикамъ и крестьянамъ въ парной рогожной кибиткѣ, закупалъ у первыхъ все, что продавалось въ помѣщицьемъ хозяйствѣ, начиная отъ зернового хлѣба, пеньки и масла до гусинаго пуху и птичьихъ перьевъ; у крестьянъ — ульевъ съ медомъ на убой пчелъ и всякихъ бабьихъ тряпокъ для поставки ихъ на писчебумажныя фабрики. Всѣмъ этимъ, особливо хлѣбомъ, саломъ и щетиной, торговалъ онъ на милліоны, и имѣлъ своихъ приказчиковъ въ Нижнемъ и по Волгѣ, въ Рыбинскѣ, Петербургѣ и Ригѣ. Несмотря на такіе громадныя разбросанныя по Россіи обороты, былъ онъ совсѣмъ безграмотенъ, съ трудомъ подписывалъ свое имя, не умѣлъ разбирать писанаго и по складамъ читалъ печатное. У насъ еще, бывало, при отцѣ всегда былъ онъ почетнымъ и желаннымъ гостемъ и назывался дѣдушкой. За нашимъ столомъ обѣдать бывало ему не ловко; онъ какъ-то странно и вопреки ежедневному обычаю справлялся съ орудіями трапезы, и великимъ искушеніемъ было для него ѣсть фрукты. Онъ ихъ разрѣзывалъ и дѣлилъ на кусочки, отправляя ихъ въ свой широкій ротъ вилкой. Пріѣзжіе изъ Англіи повѣствуютъ, что такой же обычай соблюдается у великолѣпныхъ лордовъ за ихъ пышными обѣдами; вотъ и права пословица: «*du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas*»; стоитъ только переменить порядокъ словъ и смѣшное поставить прежде величественнаго. Надобно однако отдать

справедливость мужиковатому богачу: онъ несравненно былъ приличнѣе, за столомъ, Новгородова. Выпивъ за раннимъ чаемъ чашекъ до пяти и закусивъ послѣ рюмки водки соленькимъ, отправлялся онъ на сонъ грядущій, но никогда въ заботливо приготовленную для него комнату, а прямо въ конный сарай расположиться на ночлегъ въ своей кибиткѣ и собственными руками относить туда довольно тяжеловѣсный сундучокъ съ своей казной. Все шло у него въ порядкѣ, въ городѣ домъ былъ большой, каменный, со сводами и кладовыми, съ крѣпкими желѣзными дверьми и затворами. На городской базарной площади противъ своихъ каменныхъ палатъ выстроилъ онъ и изукрасилъ всякимъ художествомъ на свой счетъ храмъ Божій и всю жизнь свою былъ его ктитормъ, не одинъ разъ бывалъ и мценскимъ головой и весь свой долгій вѣкъ прожилъ въ почетѣ и изобиліи. Но не такъ было послѣ. Сынъ его, глуповатый сроду, послѣ кончины старика сталъ было продолжать свои торговые дѣла, но, видно, онъ былъ безграмотнѣе и безпамятнѣе своего отца. Приказчики ихъ торговаго дома, разсѣянные по всему лицу благодатной Россіи, начали обманывать и грабить своего новаго хозяина, у котораго, какъ и у отца, и въ заводѣ не было настоящихъ конторскихъ книгъ, правильныхъ отчетовъ и срочныхъ отъ комиссіонеровъ донесеній. У старика всѣ эти счета и расчеты были всегда въ памяти, и подручникамъ его, ближайшимъ родственникамъ изъ бѣдныхъ, обкрадывать хозяина было трудно, у него былъ на то ясный, здравый умъ и смыслъ, и стоеросовая дубинка. Выпишетъ къ себѣ грабителя и погладитъ его своей тросточкой, тотъ и смирится,

а если заартачится, то и съ глазъ долой. Безъ суда и жалобъ послѣдуетъ обманщику отказъ, и бѣдная его семья (онъ всегда бралъ приказчиковъ семейныхъ) лишится своего заступника и покровителя. Такимъ-то побытомъ у старика Смирнова торговля шла въ порядкѣ; Смирновъ-сынъ, закрывъ глаза отцу, сталъ придерживаться рюмочки, — какая ужъ тутъ память, а на бумагахъ та же отцовская безграмотность. Давнымъ давно жалуемся мы, Русскіе, на иностранцевъ, всякаго рода нѣмцевъ, что и главную нашу торговлю, т.-е. заграничную, захватило ихъ купечество въ свои руки. Во всѣхъ приморскихъ нашихъ пристаняхъ, въ Архангельскѣ, Петербургѣ, Ригѣ, Одессѣ и Таганрогѣ отпуская и привозная наша торговля ведется, какъ и денежная, банкирская, то англичанами, то нѣмцами, то греками къ ущербу общественному и преимущественно къ невыгодѣ и къ позору нашего купеческаго сословія. Причина тому, по моему мнѣнію, двойная. Умные купцы, въ родѣ Павла Ивановича Смирнова, слишкомъ на себя надѣялись, ихъ баловала удача при умѣ и характерѣ, который доводилъ ихъ часто до выставяемаго такъ ярко Островскимъ купеческаго самодурства; они гнушались, боялись, презирали всякое образованіе. Сынъ и наслѣдникъ Смирнова, поучившись на мѣдныхъ деньгахъ грамотѣ у приходскаго своего дьячка, которому отданъ былъ на выучку, тѣмъ и покончилъ свое образованіе. Положимъ, онъ былъ глуповатъ, не въ батюшку, но все же торговля его могла пойти успѣшнѣе, еслибы онъ хоть сколько-нибудь порядочно зналъ ариметику и умѣлъ безъ особенныхъ усилій писать и повѣрять своихъ приказчиковъ, — оттого-то богатый мценскій домъ Смирновыхъ исхудалъ и упалъ. Допустимъ, что съ прогрессомъ, просвѣщающимъ рус-

скихъ человѣковъ, давно измѣнились во многомъ наши купеческіе свѣчаи и обычаи. У разбогатѣвшихъ купцовъ дѣти пошли въ науку и не одинъ русскій, и языки иностранные знаютъ, на нихъ говорятъ, и чужія земли посѣщаютъ; кажется бы похвально, и желать больше нечего, а тутъ на нашу общую бѣду встрѣчается другое зло: наша широкая русская натура развертывается, и прежде всего и паче всего устремляется къ наслажденіямъ всѣхъ земныхъ благъ. Вотъ почему нѣтъ у насъ собственно русскихъ домовъ, торгующихъ на свой счетъ съ Европой и Америкой и отпускающихъ свои корабли за море.

Если не забуду, постараюсь справиться, что послѣдовало съ единственнымъ сыномъ и наслѣдникомъ знакомаго мнѣ богача, московскаго купца Лобкова, который считался въ десяти милліонахъ и не очень давно умеръ, добившись разными пожертвованіями превосходительнаго чина, сохранивъ, впрочемъ, свое купеческое званіе. Купца Лобкова лѣтъ 25 тому назадъ встрѣтилъ я однажды на Нижегородской ярмаркѣ; познакомилъ меня съ нимъ Погодинъ, имѣвшій разныя по книжной части съ Лобковымъ сношенія. Одинъ былъ знатокъ, а другой—охотникъ до древнихъ рукописей и первопечатныхъ книгъ. Погодинъ мастеръ втягивать богатое купечество въ литературныя предпріятія. Нашему купечеству всегда нравилось и нравится быть меценатами, собирателями книгохранилищъ. Лобковъ пошелъ дальше въ порывѣ своего усердія; онъ, какъ извѣстно, на свой счетъ издалъ «Собраніе словъ и рѣчей» покойнаго митрополита Филарета. Жертвуя огромными суммами на разные предметы на Нижегородской ярмаркѣ, жилъ онъ слишкомъ расчетливо и, помѣстившись въ небольшомъ № второстепен-

наго трактира, въ верхней части города, ежедневно спускался ко мнѣ подъ гору, чтобы вмѣстѣ со мной, на моемъ извозчикѣ, съѣздить на ярмарку. О необразованности его сына сужу я по одному слову, онъ называлъ отца: «тятенька», а по дорогѣ, гдѣ я съ нимъ встрѣтился, наслѣдникъ миллионщика-отца стоялъ у ихъ повозки, заваленной перинами, все время, пока мазали легтемъ колеса экипажа, и помогалъ въ этомъ дѣлѣ ямщикамъ. Любопытно знать, какъ теперь, по кончинѣ родителя, онъ распоряжается своими миллионами. Въ весьма недавнее время съ весьма богатыми купцами начальники губерній распоряжались безцеремонно. Этимъ особенно отличался недавно бывший генераль-губернаторомъ въ Москвѣ графъ Закревскій. Вотъ что было у него съ Лобковымъ. Заговоривъ о купцахъ, рассказываю кстати знакомые мнѣ съ ними случаи, хотя и поздніе. Закревскій очень затруднялся въ холерное время недостаткомъ больницъ, пригласилъ къ себѣ московскаго городского голову и рассуждалъ съ нимъ объ этомъ. «Одинъ изъ нашихъ гражданъ, отвѣчалъ ему голова, предлагаетъ Вашему Сіятельству для больницы только что купленный имъ домъ». Графъ обрадовался, просилъ привести жертвователя Лобкова на другой день къ нему и тутъ же приказалъ полицеймейстеру и врачамъ немедленно распорядиться размѣщеніемъ въ пожертвованномъ домѣ Лобкова заболѣвающихъ холерой, которые въ то время съ каждымъ днемъ умножались. По осмотрѣ дома оказалось, что помѣстить въ немъ больныхъ было невозможно; нужно было предварительно исправить полы, двери, окна и т. д. Объ этомъ доложено было графу въ тотъ же день, и это его страшно разсердило. Когда на другой день утромъ голова явился къ Закревскому

вмѣстѣ съ Лобковымъ, Закревскій вмѣсто благодарности обратился къ нему съ неистовыми ругательствами: «Какъ ты смѣешь на такое великое дѣло жертвовать лачугой!» Домъ, конечно обветшалый, былъ каменный и большой. Перепуганный Лобковъ укротилъ гнѣвъ градоначальника прибавкой 10,000 р. на поправку дома, за который онъ уже заплатилъ 20,000. Лобкову, конечно, и за это пожертвованіе дали не то медаль, не то крестикъ, и онъ въ концѣ концовъ все-таки остался доволенъ. Впрочемъ, такъ поступалъ съ купцами и не одинъ Закревскій, памятный Москвѣ своимъ самоуправствомъ и весьма плохимъ образованіемъ; надъ нимъ особенно смѣялись въ обществѣ за то, что онъ не понималъ по-французски. Самъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, кончившій свое образованіе въ Страсбургскомъ университетѣ, бывшій свидѣтелемъ, и не безъ удовольствія, того, какъ мятежные французы разрушали въ Парижѣ Бастилію, Голицынъ, отличавшійся образованіемъ, тономъ, манерами, благороднымъ, можно сказать, рыцарскимъ характеромъ, въ отношеніи къ купцамъ былъ почти болѣе нежели Закревскій деспотомъ. Вотъ достовѣрно извѣстный случай въ доказательство. Однажды является къ князю Голицыну одинъ богатый саратовскій купецъ съ выраженіемъ желанія учредить въ московской практической академіи, которой попечителемъ былъ Дм. Влад., двѣ, на свой счетъ, стипендіи, съ тѣмъ что онъ готовъ внести на вѣчныя времена нужный на то капиталъ, съ тѣмъ чтобы ему предоставлено было пожизненное право назначать стипендіатовъ. Добрый князь радушно обнялъ купца, пригласивъ его къ себѣ на другой день, чтобы подписать бумагу и внести слѣдующую сумму. Купецъ очень былъ счастливъ пріемомъ

обѣщаніемъ князя не задерживать его по этому случаю въ Москвѣ, куда онъ пріѣхалъ по дѣламъ на самое короткое время. По выходѣ купца изъ княжескаго кабинета вошелъ правитель канцеляріи, Степановъ. Князь разсказалъ ему о предложеніи купца. «Эхъ, ваше сіятельство, все это прекрасно, а лучше было бы саратовскія денежки употребить на другое, болѣе полезное для насъ дѣло», — съ самодовольной улыбкой отвѣчалъ Степановъ на веселый разсказъ князя. «Вы сами такъ изволите заботиться о московскихъ водопроводахъ. Вѣдь наша Москва, почитай, совсѣмъ безъ воды, а изъ Петербурга, сколько вы туда ни пишете, деньги на это не присылаютъ. Вотъ бы хорошо, если бы вы уговорили саратовскаго этого купца вмѣсто какихъ-то коммерческихъ воспитанниковъ отдать вамъ свое пожертвованіе на воду для столицы.» — «Помилуй, любезный, — возразилъ князь, — какое ему дѣло до нашей воды? Вѣдь онъ живетъ въ Саратовѣ и въ Москву пріѣзжалъ всего на недѣлю.» — «Вѣдь ему все равно, ваше сіятельство, и за воду вы ему выхлопочете медаль. Одного вашего слова довольно, чтобы его уговорить». «Какъ-то любезный неловко, право неловко. А впрочемъ, пожалуй, я попробую, скажу, когда завтра онъ будетъ». На другой день въ назначенный часъ является купецъ съ деньгами. Голицынъ самъ чувствуетъ нѣкоторую неловкость, заговариваетъ съ нимъ о московскихъ водопроводахъ и получаетъ отъ купца, столько же смущеннаго, довольно робкій отвѣтъ, предугаданный княземъ, что жителямъ Саратова до московской воды нѣтъ никакого дѣла. Князь отлагаетъ свиданіе до завтра. Опять является въ кабинетъ Мефистофель Степановъ и убѣждаетъ князя позволить ему переговорить съ купцомъ. Пріѣхавшаго купца отсылаютъ къ Степанову для перегово-

воровъ; тотъ встрѣчаетъ жертвователя разными затрудненіями и кормить завтраками, и все кончается тѣмъ, что напуганному и задержанному въ Москвѣ купцу объявляютъ отъ имени князя существующій законъ: «Буде кто не исполнитъ рѣшенія полиціи послѣ троекратнаго о томъ объявленія, того сажать въ острогъ», на этомъ основаніи купецъ отдаетъ деньги на московскіе фонтаны, тоже получаетъ медаль и тоже, вѣроятно, остается доволенъ.—Къ этимъ двумъ страннымъ въ различное время случайностямъ прибавлю одно не менѣе странное о нихъ сужденіе. Разговаривая однажды о разныхъ разностяхъ нашего русскаго быта съ одной, всѣми уважаемой и достойной всякаго уваженія, духовной особой и выразивъ отъ себя мое изумленіе, что наше купечество терпитъ отъ властей такія явныя неправды и униженія, я получилъ отъ этой особы совѣтъ скрывать отъ купцовъ эти мнѣнія, не сбивать ихъ съ толку и не возмущать противъ властей, а отъ Лобкова, рассказавшаго мнѣ бывший у него съ Закревскимъ случай, слѣдующій отвѣтъ на мое возраженіе: что самовластный графъ никакъ бы не осмѣлился поступить со мною такъ, какъ онъ поступилъ съ нимъ, несмотря на то, что я по богатству бѣднѣе, по чину ниже, а по общественному значенію гораздо ниже Лобкова. «Какъ намъ возможно равняться съ вами? За васъ, батюшка, есть кому заступиться, а нашего брата графъ можетъ заслатъ такъ, что и слуху не будетъ, куда угодно». И все это правда. И вся эта правда совершалась у насъ на глазахъ такъ еще недавно! Утѣшительно думать, что въ нынѣшнее время подобное проявленіе самовластія и самоуправства, которымъ увлекались даже лучшіе наши люди, повторяться уже не можетъ.

Трудно писать «Записки» безъ скачковъ. Предоставляю другому времени привести ихъ въ порядокъ. Если самому мнѣ не удастся, надѣюсь, что послѣ кто-нибудь объ этомъ позаботится. Переходы изъ одного десятилѣтія въ другое, а иногда и далѣе, дѣлаются, чтобы не забыть совсѣмъ о томъ, что припоминается кстати по однообразію предмета или по своеволю мысли.

Несправедливо было бы упрекать меня въ пристрастныхъ обвиненіяхъ разныхъ сословіи русскаго общества. Я, кажется, нисколько не пристрастенъ къ той средѣ, которой принадлежу самъ, охотно обличая и дворянъ въ ихъ предразсудкахъ и помѣщиковъ въ ихъ самоуправствѣ. Въ этомъ 1816 году, къ которому возвращаюсь послѣ многихъ отступленій, совершилъ и я два помѣщичьихъ преступленія. Во второй, но, слава Богу, уже въ послѣдній разъ согласился я на предложеніе тетюшки продать спившагося съ кругу нашего славнаго повара. Самъ онъ, чувствуя, что на старомъ корнѣ, т.-е. въ нашей дворнѣ, никакъ не можетъ сладить съ собою и исправиться въ своемъ безпутномъ поведеніи, приискалъ себѣ покупателя, какого-то купца; тотъ, не имѣя права владѣть крѣпостными людьми, купилъ его у насъ на имя князя Вяземскаго, поэта. Другое мое помѣщичье преступленіе было гораздо гаже. Нашему пожилому кучеру (лѣтъ 50) Герасиму тетюшка отдала въ подмосковной 500 р. для личнаго доставленія мнѣ въ Москву. Герасимъ явился безъ денегъ и увѣрялъ, что потерялъ ихъ; я не повѣрилъ и попросилъ знакомаго мнѣ частнаго пристава, Щербу, родомъ серба, расспросить и допросить кучера. Щерба объявилъ, что допрашивалъ и спрашивалъ съ великимъ усердіемъ, т.-е. подъ розгами, и

увѣрялъ честию, что бѣдный Герасимъ точно потерялъ деньги, напившись донельзя на постояломъ дворѣ. Мнѣ было жалко и совѣстно глядѣть на невиннаго страдальца, но, видно, люди всѣ рабы своихъ привычекъ: моя тетушка, пренабожная и рѣшительно предобрая, какой она была къ своимъ людямъ во всю свою жизнь, спорила со мной и находила, что Герасимъ былъ наказанъ подѣломъ, и что эта сотня, а можетъ быть и двѣ, розогъ будутъ впередъ ему, да и другимъ дворовымъ, наукой.

Въ 1816 году я былъ уже на третьемъ курсѣ и почти оканчивалъ мое университетское образованіе; какъ оно шло вообще, говорено было прежде. Въ этомъ году, кромѣ продолженія моихъ близкихъ отношеній съ Голохвастовымъ и его семьей, я особенно подружился съ Мих. Александр. Дмитріевымъ, Новиковымъ и Курбатовымъ. Каждый изъ этихъ трехъ господъ имѣлъ большія способности. Дмитріевъ, умершій два года тому назадъ, сдѣлался извѣстнымъ въ нашей литературѣ, какъ мыслитель, поэтъ и замѣчательный писатель; Курбатовъ, полиглотъ, владѣвшій почти всѣми европейскими языками, не выѣзжая изъ Москвы, и изучившій сверхъ того еврейскій, арабскій и даже санскритскій, имѣлъ огромныя способности, но, къ сожалѣнію, утопилъ ихъ всѣ въ водкѣ. О разныхъ его безобразіяхъ и буйствахъ, довольно смѣшныхъ и забавныхъ, я расскажу, когда дойду до 1818 г.

Въ семьѣ Голохвастовыхъ меня особенно баловали, и умная Л. А., мать моего товарища, какъ-то черезчуръ за мною ухаживала и часто дѣлала мнѣ разные подарочки. Разъ поднесла она мнѣ хорошенькую печатку, на которой былъ вырѣзанъ грибокъ, съ надписью: «Мнѣ

en naissant»; потомъ прекрасные золотые очки, тоже съ надписью на футлярѣ: «Offert par l'estime au plus estimable». Это было уже по моимъ годамъ чересчуръ. Когда я былъ въ Михайловскомъ, она со мной переписывалась; къ сожалѣнію ни подарки ни письма не сохранились, и мнѣ это жаль. Опытная моя тетушка начинала мнѣ намекать, что у Голохвастовыхъ ловятъ меня въ женихи для дочери, которой всего было лѣтъ 13 или 14. Дѣвочка была смазливенькая, съ хорошенькими черненькими глазками, но, воспитываемая въ страхъ Божию, она была дѣйствующимъ лицомъ безъ рѣчей, и я никакъ не могъ разобрать, была ли она умна или глупа. У матери на первомъ планѣ былъ сынъ Дмитрій, который, будучи старше меня годами двумя, былъ во всемъ самостоятельнымъ юношей. Меньшой, Николай, очень вѣтренаго характера, находился подъ надзоромъ у старшаго или подъ моимъ, когда Дмитрій былъ чѣмъ-нибудь занятъ. Почему-то братья были между собой на церемонной ногѣ и говорили другъ другу «вы», такъ же какъ и сестрѣ. Голохвастова любила чопорное обращеніе. Она была по себѣ изъ семьи Яковлевыхъ, а ея три брата также отличались во всемъ московскомъ обществѣ какимъ-то деликатнымъ, европейскимъ, изысканнымъ обращеніемъ. Они всѣ трое долго жили въ чужихъ краяхъ и всѣ превосходно описаны Герценомъ, побочнымъ сыномъ одного изъ нихъ, Ивана, и женатымъ на побочной дочери другого брата, Александра, стало быть, на своей двоюродной сестрѣ. Этотъ старичокъ Александръ очень любилъ разныя науки, и, какъ ни плохо преподавались онѣ въ нашемъ университетѣ нашими профессорами, онъ на старости лѣтъ отъ нечего дѣлать посѣщалъ университетскія лекціи, влюбился въ меня и требовалъ, чтобы я его какъ

можно чаще посѣщалъ въ его огромномъ, преотвратительно содержимомъ домѣ (на Тверскомъ бульварѣ), который перешелъ къ Кротковымъ и въ которомъ мы долго послѣ жили. У него была прескверная привычка постоянно говорить о своихъ болѣзняхъ и процессахъ; съ братьями былъ онъ въ ссорѣ и тяжбѣ. Знакомство съ нимъ было мнѣ на всю мою жизнь полезно: я поставилъ себѣ правиломъ никому не надоедать моими недугами и не рассказывать о моихъ процессахъ.

Несмотря на всѣ ухаживанья за мною и Голохвастовыхъ и Яковлевыхъ, на молоденькую и безсловесную Наташу не обращалъ я никакого вниманія; меня занимала тогда, и то очень слегка, теперешняя инокиня Вѣра Львова. Такъ какъ это дѣло весьма прошлое, то я позволяю себѣ нескромность сказать, что она чуть ли не занималась мною болѣе, чѣмъ я ею, а она была прехорошенькая и преталантливая: пѣла удивительно (этому искусству успѣшно училъ ее итальянецъ Бравуръ), превосходно играла на арфѣ, не говоря уже о фортепьянахъ, списывала картины масляными красками и отлично играла на сценѣ. Вообще домъ Львовыхъ былъ очень пріятенъ, но, прельщаясь хорошенькой Вѣрой, я въ то же время охотно игралъ съ ея матерью и другими старушками въ бостонъ и ихъ почти всегда обыгрывалъ. Какъ видите, я всегда предпочиталъ полезное пріятному и занятія мирныя страстямъ, возмущающимъ спокойствіе души человѣческой. Не даромъ избрѣла для меня Голохвастова девизомъ грибъ, видно въ самомъ дѣлѣ былъ я «*mûr en naissant*».

Не мѣшаетъ вспомнить здѣсь мое трехдневное богомолье въ этомъ году со всей семьей Голохвастовыхъ. Незадолго досталось имъ по наслѣдству отъ престарѣлаго сенатора, Голохвастова же, сосѣднее съ Сол-

нышковымъ имѣніе, село Егорьевское, Новоселки тожъ, перешедшее послѣ къ княжнѣ Елиз. Дм. Щербатовой, и въ началѣ лѣта вся эта семья приѣхала на своихъ лошадяхъ взглянуть на новую собственность. За мной посланъ былъ гонецъ, и я къ нимъ явился. Когда-то возлѣ церкви была тамъ господская усадьба; ветхій флигель безъ фундамента, окруженный старыми липовыми аллеями, уцѣлѣлъ еще тутъ, стоя покачнувшись на своихъ курьихъ ножкахъ. За дурной погодой устроились было обѣдать въ комнатѣ, но полы этихъ хоромахъ такъ уже перекосились, что столу, довольно большому, удержаться на немъ было невозможно, и мы совершили нашу трапезу въ аллеѣ. Тотчасъ послѣ обѣда весь поѣздъ, состоявшій изъ дорожной четверомѣстной тяжелой кареты, вѣрнѣе рыдвана, (въ которой помѣщались Л. А. и ея дочь, какая-то приживалка и горничная, съ дворецкимъ на козлахъ и лакеями на безрессорныхъ запяткахъ), изъ коляски съ двумя молодыми Голохвастовыми, повозки, нагруженной перинами, кухней и разными припасами, и наконецъ мой маленькій экипажъ,—все это отправилось ночевать въ Давыдову пустынь. Проселочная дорога была такъ дурна и грязна, экипажи такъ тяжело нагружены, Голохвастовскія доморощенные лошади до того избалованы заботливымъ о нихъ хозяевами, что всѣ эти 10 или 15 верстъ мы протащились самымъ тихимъ шагомъ и очень опоздали ко всенощной. Отстоявъ на другой день обѣдню, богомольная семья спѣшила въ Москву, но спѣшила, какъ увидите, очень медленно. Мы кормили лошадей и сами обѣдали въ Холмахъ, а къ ночи, и опять очень поздно, приѣхали въ Екатерининскую пустынь и, помолясь тамъ, на другой день отправились въ Москву, только не вдругъ, а съ кор-

межкой на полдорогѣ. Вотъ какъ продолжительно тогда путешествовали! Голохвастову задерживали въ дорогѣ капризъ—возить съ собою всѣ неудобныя удобства барскихъ прихотей и преувеличенная любовь къ лошадямъ, но въ тѣ времена и большая почтовая Серпуховская дорога и почтовые лошади были до того неисправны, что не разъ случалось мнѣ весной и осенью въ экипажѣ самомъ легкомъ употреблять двое сутокъ, чтобы доѣхать изъ Солнышкова въ Москву, на что теперь требуется по чугункѣ не болѣе двухъ часовъ времени; о сравнительномъ удобствѣ и говорить нечего. Нельзя однакоже сказать, чтобы желѣзная дорога была собственно для меня выгодна въ денежномъ отношеніи. Въ старые годы переѣдешь, бывало, въ Солнышково, да ужъ и не подумаешь безъ крайней нужды побывать въ Москвѣ; теперь такъ тебя и подмываетъ въ городъ, и добро бы однихъ хозяевъ, а то и домашняя прислуга, только и слышишь, что просится за чѣмъ-нибудь въ Москву. Между Лопасней и Москвой было у меня пріятное перепутье въ селѣ Сѣнцовѣ, не доѣзжая до Подольска, гдѣ жили въ хорошенькой усадьбѣ двоюродный братъ мой Василій Обресковъ съ женой, урожденной Хованской, и единственною дочерью - ребенкомъ, а теперь уже бабушкой К. В. Обуховой. Хозяинъ этого имѣнія былъ прежде адъютантомъ графа Растопчина и онъ-то передалъ мнѣ записанныя мною подробности о смерти Верещагина, о московскомъ пожарѣ. Человѣкъ онъ былъ добрый, не имѣвшій никакихъ претензій на умственные потребности, жившій одною матеріальною жизнью. Жена была умна, образована, славная музыкантша, впоследствии бросилась въ ханжество.

Въ эти годы юношество, по крайней мѣрѣ москов-

ское, спѣшило начать общественную жизнь ранѣе, нежели теперь. Оно встрѣчало на каждомъ шагѣ въ столицахъ 25-лѣтнихъ полковниковъ гвардіи, 20-лѣтнихъ камеръ-юнкеровъ и безбородыхъ еще молодыхъ людей, имѣющихъ уже въ петличкѣ какой-нибудь крестикъ. Пора было и мнѣ, близкому къ выходу изъ университета, заботиться о выборѣ какой-нибудь службы. Не знаю, почему дядя Обресковъ, который въ этомъ отношеніи принималъ во мнѣ искреннее участіе и, несмотря на всю свою лѣнь, писалъ ко мнѣ разные совѣты для моей службы изъ Симбирска, склонилъ меня не поступать въ только что открытую генераломъ Муравьевымъ военную школу колонновожатыхъ. Тогда она была въ большой модѣ, и много молодыхъ людей изъ лучшаго московскаго общества тамъ воспитывалось. Николай Николаевичъ Муравьевъ, отецъ Муравьева Карскаго, былъ человѣкъ чрезвычайно образованный и замѣчательный своими обширными военными познаніями; самъ онъ воспитывался, вмѣстѣ съ княземъ Дм. Вл. Голицынымъ, въ Страсбургскомъ университетѣ. Школу эту сначала для воспитанія своихъ меньшихъ сыновей и дѣтей его пріятелей учредилъ и впоследствии расширилъ онъ въ своемъ Волоколамскомъ имѣніи; изъ нея вышло много дѣльных военныхъ и нѣсколько декабристовъ. Съ раннихъ лѣтъ я почему-то былъ слишкомъ равнодушенъ ко многому и не имѣлъ ни малѣйшаго не только чиновлюбія, но и честолюбія; такъ многое, прельщающее другихъ, было мнѣ все равно. Очень слегка написалъ мнѣ дядя не поступать къ Муравьеву, ну, я и рѣшилъ: «не поступать, такъ не поступать», и уже черезъ полгода догадался, къ чему могло меня вести это вмѣшательство съ береговъ Волги. Съ женолюбивымъ моимъ дядей

жила тогда въ близкой, но по позднѣйшимъ свѣдѣнiямъ платонической дружбѣ съ нимъ и въ открытой враждѣ съ его сестрой Марьей Васильевной жена, лѣтъ подъ 40, слѣпого генерала Николева. Она на какихъ-то основанiяхъ все добивалась развода съ мужемъ и его не получала, а между тѣмъ дядя и она все еще надѣялись соединиться законнымъ супружествомъ. Николевой, когда она была еще въ Москвѣ и ежедневно бывала въ домѣ Обресковыхъ, я какъ-то особенно полюбился, и ей, вѣроятно, обязанъ я былъ тѣмъ, что и дядюшка болѣе былъ ко мнѣ ласковъ, чѣмъ къ другимъ племянникамъ. Братъ ея, полный генералъ, Алексѣй Николаевичъ Бахметевъ, отличившiйся отменно въ Бородинскомъ дѣлѣ и потерявшiй въ этомъ сраженiи ногу, назначенъ былъ полномочнымъ намѣстникомъ Бессарабской области. Николева уговорила дядю отправить меня на службу къ своему брату, который былъ въ то же время другомъ и нѣкогда сослуживцемъ Обрескова. Я на это согласился и рѣшилъ въ началѣ 1817 года держать экзаменъ на кандидата и потомъ отправиться въ Бессарабію къ Бахметеву, въ канцеляріи котораго было уже мнѣ приготовлено штатное мѣсто. Отчего это мѣсто было не военное, а гражданское, я и самъ не знаю; Николева и дядюшка увѣрились и увѣрили меня, что во мнѣ преобладали болѣе гражданскія, чѣмъ военныя способности, а мнѣ опять-таки было все равно.

Тутъ, по соображенiямъ съ моей тетушкой Еленой Яковлевной, весьма естественно нашли мы, что намъ въ Москвѣ каменный большой домъ не нуженъ, и что выгоднѣе будетъ его продать и уплатить часть долговъ, оставшихся послѣ отца и сдѣланныхъ имъ въ 1811 и 1812 гг. въ количествѣ около 100000 р. спер-

ва на покупку Богородицкаго имѣнія, а потомъ въ 1814 московскаго обгорѣлаго дома. То и другое, какъ было уже потомъ рассказано, было приобрѣтено на имя тетки, а долги были сдѣланы моимъ отцомъ на себя; тетушка часто твердила мнѣ, что у насъ все съ нею должно быть общее, я ей не прекословилъ, хотя и замѣчалъ, что въ отношеніи къ ней это гораздо болѣе, чѣмъ для меня, и удобно и выгодно, ибо у меня собственнаго имѣнія втрое больше, нежели у нея, но долженъ отдать ей справедливость: она безъ всякихъ возраженій согласилась уплачивать мой послѣ отца долгъ изъ денегъ, которыя выручатся послѣ продажи ея дома, съ уговоромъ дать ей тысячъ около десяти на покупку для себя небольшого въ Москвѣ домика.

Разсчитывая, что съ сентября 1816 года начнется послѣдній мой университетскій курсъ, началъ я заниматься поприлежнѣе, и не только тѣми предметами, которые мнѣ нравились, но даже и тѣми, къ которымъ имѣлъ рѣшительное отвращеніе, какъ напр., къ политической экономіи не понимающаго ея и не понимаемаго нами Шлецера, къ физикѣ и математикѣ и къ облачной логикѣ и метафизикѣ. Мнѣ непременно хотѣлось выйти кандидатомъ, а на эту степень надо было по тогдашнимъ правиламъ держать особенный экзаменъ. Вся трудность этого испытанія заключалась въ одномъ условіи: надо было написать сколько-нибудь дѣльное сочиненіе по одному изъ факультетскихъ предметовъ. Я уже выбралъ себѣ для разсужденія предметъ по каѳедрѣ русскаго законодательства. Особенно покровительствовавшій мнѣ профессоръ Сандуновъ заранѣе обѣщалъ снабдить меня всѣми источниками и помочь своими указаніями. Не имѣю права сказать: къ

большому моему горю, потому что мнѣ опять-таки было все равно, но къ великому горю старшихъ моихъ товарищей, особенно изъ патриціевъ, послѣдовало по министерству просвѣщенія распоряженіе остановить всѣ экзамены на ученые степени до новаго о нихъ устава. Причиной этой перемѣны было слишкомъ уже крупное злоупотребленіе, допущенное въ Дерптскомъ университетѣ; тамъ двое нѣмецкихъ портныхъ, пріѣхавшихъ изъ Германіи, за деньги получили дипломы на степень докторовъ.

Я имѣлъ право выйти изъ университета весною 1817 года по окончаніи зимняго семестра. Въ то время полный курсъ былъ трехгодичный, особенныхъ выпускныхъ экзаменовъ, равно какъ и переходныхъ, тогда еще не было. Студентъ, оставляющій университетъ послѣ трехгодичнаго курса, являлся лично къ каждому изъ профессоровъ, коихъ онъ во всѣ три года прослушалъ, и получалъ отъ него свидѣтельство въ посѣщеніи лекцій и въ приобрѣтенныхъ имъ по каждому предмету познаній. Слѣдовательно, все зависѣло отъ профессоровъ; балловъ никакихъ не было. Записки профессоровъ объ успѣхахъ студента представлялись или университетскому правленію или совѣту, и на основаніи ихъ ректоръ съ деканомъ выдавалъ аттестатъ.

Въ началѣ весны 1817 года выходные студенты надѣялись на скорое изданіе новаго устава объ экзаменахъ, почему и я не спѣшилъ отбирать у профессоровъ ихъ свидѣтельства, а тотчасъ послѣ Святой, не выходя еще изъ университета, отправился вмѣстѣ съ тетушкой въ Михайловское и тамъ въ первый разъ встрѣтился и познакомился съ присланнымъ туда на хозяйство сыномъ стараго князя Хилкова, 27-лѣтнимъ

отставнымъ гвардейскимъ полковникомъ, княземъ Дмитріемъ Александровичемъ. Онъ былъ ровно десятью годами старше меня, можетъ быть, еще менѣе меня классически образованъ, ибо, будучи пажемъ и потомъ поступивъ мальчикомъ въ гвардію, не могъ имѣть даже никакого понятія о классическомъ образованіи; но онъ былъ уже и въ эту пору замѣчательнаго ума, весьма пылкаго, энергическаго и твердаго характера. Особенно замѣчательно было въ немъ мистическое направленіе. Слѣдовало бы мнѣ, разъ о немъ упомянувши, представить полную его, насколько мнѣ извѣстно, біографію, потому что онъ былъ мало похожъ на встрѣчаемыхъ мною людей того времени, но я отсрочиваю изложеніе его и дѣятельной и мечтательной жизни до той поры, когда мы съ нимъ, ровно черезъ 10 лѣтъ, встрѣтились въ томъ же Михайловскомъ послѣ дѣятельной и совершенно противоположной нашей въ этотъ промежутокъ времени жизни.

Въ тульской деревнѣ пробылъ я очень недолго. Меня вызвало оттуда приглашеніе дяди Обрескова пріѣхать къ нему въ Симбирскъ. Поѣздка туда въ половинѣ мая была, можно сказать, первымъ моимъ путешествіемъ. Съ разсѣяннымъ любопытствомъ университетскаго юноши, которому скептикъ Каченовскій много помѣшалъ восхищаться великими событіями допетровской нашей исторіи, ибо онъ по складу своего ума накидывалъ на всю нашу исторію тѣнь разочарованія, взглянулъ я на древности губернскаго города Владимира. Знаменитый тамошній Дмитріевскій соборъ былъ тогда застроенъ небольшими и неопрятными домами и мало кому извѣстенъ; золотыя Владимірскія ворота также незамѣтно стояли въ кучѣ другихъ зданій. О всемъ этомъ я спрашивалъ въ трактирѣ и никто не

умѣлъ мнѣ ничего объяснить. Помню зато песчаную дорогу черезъ огромный лѣсъ въ городъ Муромъ, ее въ то время считали еще не безопасною. Глубокіе пески и дремучій лѣсъ, черезъ которые она проходила, все еще напоминали славныхъ муромскихъ разбойниковъ и того древняго витязя Илью Муромца, котораго память сохранилась до насъ—и какъ витязя своего рода, и какъ атамана разбойниковъ, и какъ человѣка, котораго церковь наша признала святымъ, чувствуя благоговѣйно останки его въ пещерахъ Кіевской лавры. Симбирскъ показался мнѣ дряннымъ, довольно, даже слишкомъ, обширнымъ по числу жителей городомъ, хуже Тулы и Орла; другихъ городовъ, кромѣ Москвы, я еще тогда не видывалъ. Онъ растянутъ былъ на высокой горѣ; видъ на Волгу, протекающую подъ ней, былъ великолѣпный. Великая эта рѣка, кормилица всей восточной Россіи, въ половинѣ мая еще не сбыла; разливъ ея былъ на 7 верстъ ширины, и семья Обрескова вынуждена была остановиться въ городѣ до тѣхъ поръ, пока Волга войдетъ въ свои берега и позволить перѣхать себя на поромѣ, чтобы отправиться въ село Никольское, находившееся за Волгой, въ 70 верстахъ отъ Симбирска. Въ этомъ городѣ приняли меня какъ нельзя радушнѣе и, что особенно льстило моему самолюбію, приняли не какъ 16-лѣтняго мальчика, а какъ взрослого молодого человѣка. Въ домѣ дяди, можно сказать, были отъ меня безъ ума, я сдѣлался почему то предметомъ общаго обожанія. Самъ дядя, бывшій при Екатеринѣ камеръ-пажемъ, потомъ измайловскимъ офицеромъ, побывавшій съ Зубовымъ въ Персіи, впослѣдствіи же бывшій московскимъ губернскимъ предводителемъ, и въ эпоху 1812 года тамошнимъ губернаторомъ, постоянно обращался со мной съ

любезною и серьезною внимательностью. Онъ съ обычнымъ своимъ остроуміемъ рассказывать мнѣ свое прошлое; я, злоупотребляя этимъ къ себѣ вниманіемъ, повѣствовалъ ему съ нѣкоторою напыщенностью о своихъ университетскихъ занятіяхъ и о самомъ университетѣ, о которомъ онъ, признаться сказать, не имѣлъ никакого понятія, несмотря на то, что былъ московскимъ жителемъ. Наука и общество жили въ то время врознь и никогда не сходились. Кромѣ моихъ хозяевъ, сдѣлался я фаворитомъ всего симбирскаго общества; тамошній губернаторъ Дубенскій, еще очень не старый человекъ, былъ, какъ тогда называли, франтъ и отличался моднымъ костюмомъ, а потому тотчасъ же послѣ перваго со мной свиданія выписалъ себѣ изъ Москвы отъ моего же портного Florico синій фракъ съ свѣтлыми узорчатыми пуговицами, какъ у меня, гороховыя узкія панталоны въ сапоги и какой-то пестрый жилетъ, а сапоги съ желтыми отворотами тоже заказалъ моему московскому сапожнику нѣмцу. Тамошній вице-губернаторъ Ринкевичъ, женатый на Пашковой, на первыхъ дняхъ обошелся со мною очень любезно, но когда немногія красавицы стали со мною кокетливо заигрывать, то этотъ хозяинъ губерніи въ финансовомъ отношеніи, не молодой, женатый и семейный, будучи единственнымъ любезникомъ дамскаго общества, меня къ нему приревновалъ и сталъ называть мальчишкой. Небольшое симбирское общество собиралось ежедневно, чаще всего у Обресковыхъ, въ немъ преобладалъ кланъ Ермоловыхъ, къ которому принадлежала и семья Обресковыхъ, а головою былъ старецъ, губернский предводитель А. О. Ермоловъ, игравшій по вечерамъ въ карты, днемъ удившій рыбу. У него былъ спившійся съ круга сынъ,

женатый на Урусовой, и зять игрокъ, знаменитый хозяинъ, Языковъ, отецъ поэта. Затѣмъ слѣдовали разнокалиберныя личности разныхъ цвѣтовъ, впрочемъ полинялыхъ, но были двѣ, на которыхъ я, при всемъ моемъ столичномъ самодовольствѣ, глядѣлъ не безъ зависти. Одинъ изъ этихъ господъ былъ Репьевъ; онъ, путешествуя года два по чужимъ краямъ и проживъ зиму въ Парижѣ, приобрѣлъ европейскій складъ, отличался опрятнымъ и изысканнымъ помѣщеніемъ, очень порядочно говорилъ по-французски и одинъ во всемъ городѣ выписывалъ иностранный журналъ «Дебаты». Тетка моя Марья Васильевна постоянно ставила мнѣ его въ примѣръ и настоятельно требовала, чтобы я изучалъ его французское краснорѣчіе. Другое свѣтило симбирскаго общества блистало болѣе собственнымъ своимъ свѣтомъ,—это былъ отставной военный, безногій Аржевитиновъ. Онъ сдѣлалъ всю французскую компанію и лишился ноги въ одномъ изъ послѣднихъ сраженій съ Наполеономъ, пробылъ для излѣченія ранъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ и многому тамъ понаучился. И тотъ и другой были первые встрѣченные мною либералы; но Аржевитиновъ былъ посерьезнѣе. Въ немъ, догадался я послѣ, были всѣ зачатки декабристовъ; не знаю, принадлежалъ ли онъ къ ихъ обществу.

Славно мнѣ было жить въ этомъ городѣ, все удовлетворяло моимъ прихотямъ. Кормили меня на убой: самая свѣжая зернистая икра, великолѣпная стерляжья уха, только что вытщенные изъ Волги живые осетры, различныя кулебячки съ молоками, и прибавьте къ тому лучшія вина, выписанныя изъ Петербурга прямо по Волгѣ,—все это предлагалось съ утра до вечера и это ежедневно, особенно у гостепріимнаго дяди Об-

рескова. Утро проходило въ разсказахъ и начиналось для всѣхъ вообще славнымъ завтракомъ, за нимъ слѣдовало продолжительный обѣдъ; послѣобѣденное время я употреблялъ на прогулки и на визиты; иногда катались мы на лодкѣ съ пѣсельниками. Вечеръ отдавался любимому русскому занятію—картамъ. Счастье меня баловало, я выигрывалъ и въ вистъ и въ бостонъ; затѣмъ ужинъ, да еще какой! Пріятельница дяди Николаева, особенно мною занимавшаяся, учила меня всѣмъ таинствамъ карточной игры, а иногда слегка, какъ умная очень женщина, допытывалась, что вынесъ я изъ университета. Ей хотѣлось убѣдиться въ томъ, что братъ ея, полномочный въ Бессарабіи намѣстникъ, приобрѣтитъ во мнѣ молодого чиновника, который обѣщаетъ многое. Ей въ особенности хотѣлось своимъ ласковымъ со мною обращеніемъ угодить пріятелю своему, моему дядѣ; она спала и видѣла непременно выйти за него замужъ отъ живого мужа, на это и тогда еще бывали, хотя и рѣдкіе, примѣры. Я получилъ отъ нея порученіе навести справки объ утвержденномъ тогда разводѣ съ женой сенатора Модераха.

Не долженъ я, однако, забыть своей милой, не очень красивой кузины, Натальи Обресковой (она за 5 лѣтъ вышла изъ петербургскаго института). Бѣдной 25-лѣтней дѣвушкѣ никакъ не удавалось выйти замужъ. Въ Москвѣ, гдѣ жила она до переѣзда въ Симбирскъ съ дядей, сподручныхъ жениховъ не было, вся молодежь была въ походѣ, и ей оставалось кокетничать съ стариками. Графъ Растопчинъ особенно съ нею любезничалъ и много помогъ развиться ея саркастическому и наблюдательному уму. Въ Симбирскѣ забавлялась она Репьевымъ и Аржевитиновымъ, ловила ихъ въ женихи, но все это какъ-то не клеилось: она бы-

ла дурна и бѣдна. Со мною начала она покровительственной дружбой, которая скоро перешла съ ея стороны чуть ли не въ любовь.

Предъ отъѣздомъ нашимъ за Волгу старшій племянникъ Николая Васильевича, Василій Обресковъ, привезъ въ семью только что вышедшую изъ института меньшую сестру свою Вареньку. Переправа черезъ Волгу сдѣлалась возможною; сперва отправлены были черезъ нее экипажи, прислуга, потомъ и мы, спустясь съ высокой горы, сѣли на огромный поромъ. Достигнувъ половины рѣки, кормчій, снявъ шапку, далъ знакъ «на молитву», и всѣ бывшіе тутъ мужчины обнажили головы, всѣ встали, и кормчій произнесъ громко: «Отче нашъ». Этотъ обычай постоянно соблюдается при переправѣ по этой рѣкѣ, которая иногда бушуетъ и въ бурное время подвергаетъ плователей опасности. За Волгой сѣли мы въ экипажи и приѣхали на ночлегъ въ обширный, неопрятный постоялый дворъ, въ село Холмогоры. Кромѣ двухъ небольшихъ комнатъ съ постелями, которыя заняли дядя и его пріятельница Николева, была еще большая, гдѣ всѣ мы, остальные путешественники, т.-е. двѣ мои тетки Обресковы, двѣ кузины, братъ Василій и я, расположились повалкой на сѣнѣ и такъ провели всю ночь. Къ обѣду приѣхали въ великолѣпное село Никольское. Тамъ былъ огромный господскій домъ со множествомъ комнатъ и даже съ домашнимъ театромъ, большой садъ, разумѣется запущенный, на берегу быстрого Черемшана, славнаго вкусными рыбами и особенно стерлядями. На большой площади села, гдѣ бывали еженедѣльные торги и одна ярмарка, передъ домомъ стояла итальянской архитектуры каменная церковь, богато и со вкусомъ украшенная прежнимъ хо-

зяиномъ, Дурасовымъ. При этомъ имѣніи былъ конный заводъ и большая суконная фабрика. Крестьяне жили въ двухъэтажныхъ опрятныхъ избахъ, правильно выстроенныхъ по обѣимъ сторонамъ широкой улицы. Все дышало довольствомъ и изобиліемъ. Старый кавалеристъ и лошадиный охотникъ, дядя мой требовалъ, чтобы я началъ учиться верховой ѣздѣ по всѣмъ правиламъ манежнаго искусства. Верстъ до десяти послѣ обѣда каждый день ѣздилъ я у колеса линейки на рыскахъ; мнѣ выбирали нарочно самую тряскую лошадь, и я тутъ на себѣ испыталъ всю муку такой тряски, которой за два года назадъ я подвергалъ управляющаго моего Шилова и вотчинныхъ начальниковъ. По вечерамъ играли мы въ вистъ; кухни—одна очень хорошо играла на клавикордахъ, меньшая хорошо пѣла; но въ этомъ небольшомъ кружкѣ не было ни мира, ни согласія, а, напротивъ, стѣснявшая все общество вражда между Николевой и теткой Марьей Васильевной. Каждое утро являясь къ общему чаю и каждый вечеръ отходя послѣ ужина ко сну, онѣ между собой цѣловались, но въ продолженіи цѣлаго дня не говорили ни одного слова, кромѣ какъ за картами по необходимости игры. Мнѣ не легко было сохранить равновѣсіе въ моихъ съ ними отношеніяхъ, я долженъ былъ наблюдать за собой очень строго, и этотъ первый опытъ общественной жизни мнѣ совершенно удался. Въ продолженіе всей моей жизни я умѣлъ сохранять такое необходимое равновѣсіе въ средѣ враждующихъ партій, или непріязненныхъ между собою людей, несмотря на ихъ семейныя или общественныя связи. Много разъ случалось мнѣ слышать обоюдныя жалобы, узнавать разныя семейныя тайны и всякаго рода предполагаемые въ защиту

каждой стороны проекты и преднамѣренія; строго соблюдаемый мною вооруженный нейтралитетъ меня сначала забавлялъ и тѣшилъ, и я позволялъ себѣ иногда нарочно проговариваться въ разныхъ кружкахъ какого-нибудь тѣснаго общества и, имѣя въ рукахъ нити сплетаемыхъ въ немъ сѣтей, за вѣрное предсказывать какія-нибудь будущія послѣдствія. Случалось однако, что непрощенное открытіе мнѣ чужихъ тайнъ ставило меня въ затруднительное положеніе, оттого приходилось часто упрашивать многихъ не быть со мною черезчуръ откровенными.

Въ срединѣ лѣта возвратился я въ Москву вмѣстѣ съ Василиемъ Обресковымъ и тотчасъ же занялся, по порученію тетки Елены Яковлевны, продажей нашего московскаго дома и объѣздомъ всѣхъ моихъ профессоровъ, чтобы получить университетскій мой аттестатъ.

Черезъ посредство архитектора Мироновскаго проданъ былъ домъ за 55,000 асс., — цѣна, по тогдашнему, порядочная, хотя при этомъ домъ на двѣ улицы, Большую и Малую Никитскую, было огромное пустопорожнее мѣсто, на которомъ теперь выстроили еще два или три особенные дома. Подписавъ крѣпостной актъ на продажу дома, тетка поручила мнѣ выдать оный покупщику, получить отъ него деньги и внести ихъ въ московскую сохранную казну.

Осенью 1817 года изъ проданнаго дома переѣхали мы съ тетюшкой въ небольшой, нанятый мною домикъ Василія Обрескова, почти рядомъ со Спиридоновскою церковью. Весь этотъ грязный кварталъ назывался «Козьимъ болотомъ», или попросту «Козихой», тамъ былъ притонъ разврата, отчего и названіе улицы сочли непристойнымъ и переименовали ее Спиридоновкой. Въ этотъ же годъ осенью выбрали меня въ

члены англійскаго клуба по предложенію добраго нашего пріятеля Иванова; я былъ юнѣйшимъ изъ всѣхъ членовъ этого почтеннаго собранія, пользовавшагося, особенно въ провинціи, великою извѣстностью. Единственный черный шаръ на баллотировкѣ меня въ члены положенъ мнѣ былъ двоюроднымъ мнѣ дядей по матери, Алексѣемъ Андреевичемъ Кикинымъ, постояннымъ московскимъ жителемъ, крупнымъ игрокомъ и ежедневнымъ посѣтителемъ клуба. Испытавъ на себѣ всѣ страстныя увлеченія карточной игры, онъ противился выбору въ клубъ 17-лѣтняго юноши, и при первомъ моемъ появленіи въ клубъ выразилъ открыто свое негодованіе. До того времени я бывалъ у него разъ или два въ годъ съ праздничными визитами; меня пугала великосвѣтская его и въ то же время праздная жизнь игрока, и еще болѣе смущала своимъ кокетствомъ и оригинальной живостью обращенія хорошенькая его жена, урожденная Повало-Швейковская; но, увидѣвъ меня въ клубѣ кончающимъ свое образованіе, этотъ дядя заставилъ меня ѣздить къ нему часто, а красивая его барыня успѣла побѣдить мою дикость и привлечь своею любезностью. Рѣшено было мною къ концу 1817 года ѣхать въ Кишиневъ, главный городъ Бессарабской области, чтобы тамъ занять приготовленное мнѣ мѣсто въ гражданской канцеляріи полномочнаго намѣстника Бахметева.

Выйти изъ университета кандидатомъ было невозможно за пріостановкой всѣхъ экзаменовъ, и я началъ свои объѣзды профессоровъ для испрошенія у нихъ аттестатовъ. Всегда отличавшій меня Сандуновъ далъ мнѣ длинный, краснорѣчивый отзывъ о моихъ юридическихъ свѣдѣніяхъ и благословилъ на вступленіе въ государственную службу, обѣщая великіе успѣхи на этомъ

поприщѣ. Человѣкъ онъ былъ умный, а пророкъ вышелъ плохой. Профессоръ латинской словесности упрасивалъ меня никогда не оставлять древней литературы, и это не удалось. Всѣ прочіе, и особливо Мерзляковъ, Каченовскій, и съ своимъ славянскимъ языкомъ Гавриловъ, отзывались благосклонно, но вотъ что было у меня съ Шлецеромъ. Онъ жилъ на Дѣвичьемъ полѣ, во флигелѣ дома князя Щербатова, гдѣ теперь живетъ Погодинъ. Лихо подвезъ меня къ нему красивый мой кучеръ Михайло на великолѣпной парѣ. Какой-то пожилой человѣкъ сидѣлъ на крыльцѣ; я съ презрительной отвагой спросилъ у него: «тутъ ли живетъ г-нъ Шлецеръ?» Онъ смиренно ввелъ меня въ первую комнату и оказался самымъ профессоромъ. Во всѣ три года былъ я у него всего разъ пять, а потому и не узналъ его, Шлецеръ же и совсѣмъ меня не зналъ; началъ справляться по своимъ листамъ и не находилъ моего имени. Онъ всегда былъ какимъ-то запуганнымъ и съ товарищами своими и съ студентами, и «не смѣя», какъ онъ выразился, обижать меня сомнѣніемъ въ посѣщеніи его лекцій и знаніи его предмета, далъ мнѣ отличный аттестатъ. Честный человѣкъ былъ этотъ нѣмецъ! Ободренный такимъ неожиданнымъ успѣхомъ отправился я за аттестатомъ къ профессору физики Двигубскому, котораго лекціи посѣщалъ я очень рѣдко, а изъ физики его не зналъ ни аза; у него встрѣтилъ я пріемъ другого рода. «Я, любезный мой, тебя совсѣмъ не знаю».—Извольте посмотреть въ спискахъ.—«На что мнѣ списки? Приходи-ка завтра на лекцію, я тебя проэкзаменую». Дѣло плохо! Мнѣ не хотѣлось оставаться безъ аттестата въ физикѣ, и я поднялся на штуки; пошелъ въ палаты казенныхъ студентовъ, обратился къ старшимъ и лучшимъ фи-

зико-математическаго факультета и просить у нихъ совѣта и помощи. Они отвѣчали: «Приготовляться тебѣ къ экзамену нѣкогда, ты вѣдь ничего не знаешь, и какъ угадать, о чемъ онъ спросить? Садись на первой лавкѣ съ нами двумя, и мы тебѣ будемъ подсказывать». Не безъ страха вошелъ я на другой день въ обширнѣйшую изъ всѣхъ нашихъ аудиторій и сѣлъ между двумя покровителями. Передъ каедрой на длинномъ столѣ стояли какія-то банки стеклянныя; покровители сказали мнѣ, что это Лейденскія. Профессоръ, усѣвшись, вызвалъ меня и началъ спрашивать именно объ этихъ Лейденскихъ банкахъ; я могъ ему отвѣчать только о банкахъ съ вареньемъ и очень смутно, сбивчиво, безтолково и несвязно повторялъ слова, которыя мнѣ на ухо повторяли мои покровители. «Да ты, мой другъ, ровно ничего не знаешь и не можешь отвѣчать, хоть тебѣ и подсказываютъ; стань-ка передъ столомъ и объясни мнѣ самый простой опытъ, какъ заряжаютъ эти банки?» Я подошелъ къ столу... «Ну, что же?» Тутъ слышно было одно молчаніе. Молоденькіе студентики начали смѣяться, и профессоръ рѣшительно объявилъ, что аттестата мнѣ никакого не будетъ и чтобы я удалился. Мнѣ стыдно было выйти послѣ такого пораженія, и я, подходя къ выходной двери, надѣлъ шляпу и громко сказалъ: «Да мнѣ аттестата вашего и не нужно, у меня и безъ него много». Подобная выходка чуть-чуть не оставила меня совсѣмъ безъ аттестата. Покровительствовавшіе мнѣ профессора вступились за меня у ректора Антонскаго, и сей великій мужъ, такой же невѣжда-профессоръ по всѣмъ предметамъ, какимъ я былъ въ физикѣ, уговорилъ Двигубскаго дать мнѣ и отъ себя аттестатъ. Антонскій читалъ, но очень рѣдко, и то оставаясь на каедрѣ

по четверти часа, «Сельское Хозяйство» и какую-то «Энциклопедию» и рѣшительно не смыслилъ ничего въ этихъ двухъ наукахъ, если онѣ науки, но имѣ дорожили, какъ главнымъ директоромъ университетскаго благороднаго пансіона, въ которомъ подѣ его великимъ руководствомъ воспиталось и образовалось нѣсколько поколѣній, какъ-то: Блудовъ, Дашковъ, Жуковский, братья Тургеневы, князь Одоевскій *), Шевыревъ, Титовъ и такъ далѣе.

Итакъ, я съ аттестатомъ и въ хлопотахъ и въ сборахъ на пути въ Бессарабію, жду только писемъ къ Бахметеву отъ Обрескова и сестры его Николевой. Разумѣется, какъ и всегда, нѣкоторые изъ моихъ близкихъ знакомыхъ одобряютъ выбранный мною родъ службы, другіе же находятъ, что я напрасно забираюсь въ такую даль. Въ числѣ послѣднихъ новый мой дядя Кикинъ, любившій покровительствовать и при всякомъ удобномъ случаѣ проповѣдывать высокую нравственность и всякую добродѣтель, возсталъ противъ моей поѣздки и намѣренія служить у Бахметева. Онъ съ обычнымъ своимъ жаромъ, часто доводившимъ его до какого-то изступленія, говорилъ мнѣ сперва наединѣ, а потомъ и при своей женѣ и, наконецъ, при своихъ гостяхъ, что мнѣ въ мои лѣта и въ моемъ довольно независимомъ во всѣхъ отношеніяхъ положеніи непристойно и постыдно пользоваться покровительствомъ пріятельницы моего дяди. Я, несмотря на свойственное мнѣ равнодушіе ко многому, отчасти находилъ его слова справедливыми, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ присутствовавшихъ при его мнѣ совѣтахъ держались его мнѣнія. Кикинъ хотѣлъ непременно настоять и раза два вопросъ о моей службѣ ставилъ онъ за

*) См. Приложенія, ст. V.

картами, между двумя партіями, предметомъ разговора въ кружкѣ клубскихъ своихъ пріятелей.

Въ это время въ Москву ожидали прибытія государя съ двумя императрицами и другими членами Императорской фамилии. Съ государемъ долженъ былъ пріѣхать не на долгое время статсъ-секретарь комиссіи прошеній Петръ Андреевичъ Кикинъ, братъ московскаго. «Ступай лучше служить къ брату», говорилъ мнѣ Алексѣй Андреевичъ, «это будетъ честнѣе». Наконецъ убѣдился и я, что это будетъ честнѣе, написалъ дядѣ и Николевой о сдѣланномъ мнѣ новомъ предложеніи и получилъ отъ нихъ разрѣшеніе.

Въ октябрѣ весь Дворъ переселился изъ Петербурга въ Москву на цѣлую зиму, и меня перевели изъ канцеляріи московскаго гражданскаго губернатора, гдѣ я числился на службѣ, въ канцелярію статсъ-секретаря у принятія прошеній на Высочайшее имя. Изъ многочисленной этой канцеляріи только трое чиновниковъ пріѣхали въ Москву съ статсъ-секретаремъ. Старшимъ былъ коллежскій совѣтникъ Дьяковъ, покровительствуемый извѣстнымъ въ кругу набожныхъ людей дядей, архимандритомъ Ростовскаго монастыря, отцомъ Амфилохіемъ. Этотъ чиновникъ въ началѣ царствованія Николая Павловича подвергся справедливой опалѣ. Его уличили во взяточничество, и только участію благочестивой Анны Алексѣевны Орловой обязанъ онъ тѣмъ, что его не сослали на поселеніе. Николай Ивановичъ Бахтинъ, впослѣдствіи государственный секретарь, а потомъ и членъ государственнаго совѣта, и А. .І. Гофманъ, не менѣе впослѣдствіи важный сановникъ, были новыми моими товарищами по службѣ. Они были немногими годами меня старше и въ такомъ же, какъ

и я, ничтожномъ, первоначальномъ чинѣ. Наша канцелярія помѣщалась на Кисловкѣ, въ огромной залѣ нижняго этажа дома Ланге; въ ней въ два пріемные дня въ недѣлю становилось тѣсно отъ множества просителей. Всего болѣе приходило съ просьбами на Высочайшее имя о помощи послѣ московскаго разоренія; такихъ просителейъ обращали мы въ нарочно образованный комитетъ для разоренныхъ подъ предсѣдательствомъ бывшаго министра юстиціи, поэта Ивана Ивановича Дмитріева. Просьбы на имя государя по тяжёлымъ дѣламъ отсылали въ Петербургъ для производства и доклада общему присутствію комиссіи прошеній. Прошенія особенной важности, представляемые статсъ-секретарю въ пакетахъ съ надписью: «въ собственныя Его Императорскаго Величества руки», представлялись лично Кикинымъ государю и большею частью переходили отъ Его Величества къ графу Аракчееву. Нашъ начальникъ имѣлъ каждую недѣлю у государя свой докладъ. По множеству получаемыхъ просьбъ въ пакетахъ безъ надписи: «въ собственныя руки», всѣ мы трое, Бахтинъ, Гофманъ и я, ихъ распечатывали и прочитывали, надписывая на каждой бумагѣ предметъ прошенія. Разъ въ этой огромной кучѣ попадаетъ намъ уже распечатанное—къмъ, мы и сами не знаемъ—частное письмо къ государю отъ герцогини Виртембергской, жены герцога Александра, прозваннаго Шишкой, брата вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны; въ немъ царская тетка жаловалась на своего мужа и просила отъ него защиты у государя. Всѣ мы трое очень перепугались и тотчасъ же поѣхали къ статсъ-секретарю съ повинной головой. Онъ на насъ пошумѣлъ, приказалъ впередъ быть осмотрительнѣе при распечатываніи пакетовъ и, взявъ на себя всю

нашу вину, поѣхалъ тотчасъ же къ государю съ весьма непріятнымъ объясненіемъ. Все кончилось строжайшимъ выговоромъ московскому почтъ-директору, который чуть не лишился мѣста за то, что онъ не умѣлъ различить частнаго письма отъ официальныхъ просьбъ и бумагъ. Въ другой разъ въ пріемный день статсъ-секретаря, еще до его пріѣзда, обратилась ко мнѣ одна средневѣковая дама (такъ я называю ихъ отъ 40 до 50 лѣтъ) съ просьбой въ рукахъ и объяснила, что она желаетъ быть пожалована въ фрейлины. «Позвольте узнать, милостивая государыня, ваше имя». — «Я, бабятюшка, вдова заслуженнаго генераль-лейтенанта» (имени дамы не упомяну). — «Да какъ же, — отвѣчалъ я, — вдову сдѣлать фрейлиной?» — «Ну ужъ это не ваше дѣло, а вы только пустите меня первую, когда придетъ его превосходительство». Я доложилъ Петру Андреевичу и поставилъ ее впереди всѣхъ. Статсъ-секретарь изъяснилъ ей, что никакое самодержавіе не способно совершить такого чуда. «На милость образцнѣтъ! Не въ примѣръ другимъ, а вы только доложите». Кикинъ, конечно, подобное затѣйливое прошеніе доложилъ государю при первомъ его докладѣ. Его Величество изволили смѣяться и утѣшили просительницу какимъ-то подаркомъ.

Или я былъ слишкомъ въ то время молодъ, или дѣйствительно не встрѣчалось никакого важнаго дѣла въ нашей московской канцеляріи, только изъ всего этого времени, кромѣ этихъ мелочей, никакого другого служебнаго случая въ памяти моей не осталось.

Съ Кикинымъ была жена его Марья Ардаліоновна, урожденная Тарсукова. Она была очень умна, мила, образована, чрезвычайно оригинальна, ничѣмъ не походила на всѣхъ московскихъ и даже петербургскихъ

барынь. Дѣтство провела она у своей бабушки Перексихиной во дворцѣ и ежедневно видала императрицу Екатерину II. Все въ ней мнѣ особенно нравилось: ея рѣчь, ея независимый образъ мыслей, ея туалетъ, который отличался какимъ-то изящнымъ удобствомъ и практичностью. Мало встрѣчалъ я женщинъ, которыхъ такъ искренно и глубоко уважалъ. Въ ней было много серьезнаго и ни капли педантизма: никогда не хотѣла она быть фрейлиной и нѣсколько разъ отказывалась отъ шифра. Однажды она сообщила мнѣ довольно забавное происшествіе, случившееся съ ней въ первой ея юности; записываю, какъ живой рассказъ, характеризующій времена императора Павла. Лѣтъ четырнадцати проходила она, гуляя съ своей англичанкой, мимо памятника Петра Великаго, у котораго былъ постоянный сторожъ, чтобы не допускать тогдашнихъ шалуновъ наклеивать на памятникъ ругательныя афишки. Бывшая съ ними москка отъ нихъ отбѣжала, и молоденькая Тарсукова начала ее звать; громкій окликъ сторожа заставилъ вздрогнуть гуляющихъ. «Какое слово ты это сказала?»—«Я ничего-съ,—отвѣчала дѣвочка,—я зову къ себѣ мою москку».—«Какъ ты смѣешь! Москку! Знаешь ли кто у насъ москка?» И тутъ схватилъ ее за руку, чтобы вести въ полицію. На эту сцену подошли посторонніе и кто-то изъ нихъ уговорилъ черезчуръ проницательнаго сторожа отпустить на свободу гуляющихъ. Англійская гувернантка долго не могла понять негодованія полицейскаго сторожа, до нея не доходило, что императоръ Павелъ преслѣдовалъ мосекъ и не могъ терпѣть этого слова.

Мой начальникъ, ея мужъ, обращался со мною добродушно, родственно, но, утрюмый, скорѣе выгонялъ молодыхъ своихъ чиновниковъ изъ дома, чѣмъ привле-

калъ ихъ. Добрая и ласковая его жена заставляла меня бывать у нихъ часто, и когда ей некогда бывало со мной поговорить, то я за обѣдомъ и послѣ хлопалъ только глазами и молчалъ. Совсѣмъ другое въ домѣ другого брата; тамъ Анна Константиновна, хорошенькая и бойкая, любила заниматься мужчинами и въ отсутствіи взрослыхъ не пренебрегала и юношами. Она объявила, что беретъ меня подъ особенное покровительство и обѣщалась непременно меня оболванить, уничтожить всю мою робость, равнодушіе и даже какую-то открытую ею во мнѣ мизантропію. Все бы это ей непременно удалось, ибо я начиналъ поддаваться. Только что было началъ я развѣртываться для моей общественной московской жизни послѣ трехлѣтней университетской жизни, только что было я заговорилъ, хотя и довольно плохо, на французскомъ языкѣ подъ образовательнымъ водительствомъ сего умнаго московскаго существа Анны Константиновны, какъ внезапная смерть дяди Обрескова отъ паралича заставила меня въ началѣ весьма холодной зимы, 6-го декабря, выѣхать изъ Москвы въ Симбирскъ, чтобы навѣстить тамошнихъ тетокъ, а паче кузинъ.

Въ этомъ городѣ и въ его широкомъ провинціальномъ обществѣ провелъ я болѣе мѣсяца. Въ эту поѣздку ѣздилъ со мной меньшей изъ двоюродныхъ моихъ братьевъ, армейскій гусарскій корнетъ, Александръ Обресковъ. Онъ имѣлъ всѣ дурные навыки тогдашнихъ гусарскихъ офицеровъ, любилъ выпить, пошумѣть, а подчасъ и заушить станціоннаго смотрителя, и считалъ необходимою обязанностью бить на каждой станціи ямщика, какъ бы тотъ скоро ни ѣхалъ. Все это пьянство, всѣ эти буйныя выходки, бывшія тогда въ нашихъ нравахъ, мнѣ опротивѣли, и я далъ

себѣ слово никогда не выходить изъ предѣловъ приличія, даже и въ дорогѣ, и не злоупотреблять бараньимъ терпѣніемъ забитаго нашего народа. Какъ я ни уговаривалъ моего буйнаго спутника воздерживаться отъ водки и отъ драки, всѣ мои увѣщанія были напрасны. На половинѣ дороги намъ надобно было захватить верстѣ 20 въ сторону къ нашему дѣду, Нилу Ѳедоровичу Ермолу, родному брату нашей бабки Обресковой; дорога была узкая, съ снѣжными сугробами, и почтовые наши лошади стали. Пришлось перемѣнить ихъ въ одномъ казенномъ селеніи. Староста или голова этой деревни требовалъ отъ насъ вида или предъявленія права брать по дорогѣ обывательскихъ лошадей; братецъ мой избилъ его; пришелъ писарь и потребовалъ подорожной; братецъ мой избилъ и писаря и показалъ ему мой за печатью на гербовой бумагѣ отпускъ, въ которомъ, конечно, не было ни одного слова объ обывательскихъ лошадяхъ. Писарю вздумалось было потребовать прочитатъ мой отпускъ, и за такое упрямое сопротивленіе посыпались на него удары гусара и его крѣпостного человѣка; толпа, стоявшая у нашей кибитки безъ шапокъ, перепугалась и повѣрила, что они, сопротивляясь намъ, дѣлаются послушниками царскаго повелѣнія, и великолѣпная ямская тройка съ первымъ ѣздокомъ въ селеніи была запряжена въ нашу повозку; ямщикъ, видя всю страшную грозу, валялся въ ногахъ и просилъ, чтобы его не обидѣли прогонами; но и такой успѣхъ самоуправства не могъ прельстить меня.—Старый нашъ дѣдушка, въ затасканномъ халатѣ, въ колпакѣ, окруженный зрѣлыми двумя дочками, принялъ насъ очень милостиво, рассказывалъ о какой-то своей курьерской поѣздкѣ въ первыхъ годахъ царствованія Екатерины, накор-

милъ жирными щами и другими сытными русскими яствами, упоилъ крѣпкими домашними наливками, уложилъ спать въ жаркой, какъ баня, комнатѣ, а съ разсвѣтомъ отправилъ на своихъ лошадяхъ до слѣдующей на почтовой дорогѣ станціи. Тутъ опять послѣдовало происшествіе, оставшееся у меня въ памяти. Къ станціи Шарапово подъѣхали мы часу въ четвертомъ послѣ обѣда, когда уже начало смеркаться. Смиранный смотритель, видя птицу по полету и ожидая себѣ отъ непрспавшагося гусара обычныхъ угощеній, всеуниженно доложилъ намъ, что начинается метель и что лучше будетъ обождать. Мнѣ удалось уговорить брата не наказывать смотрителя за такой, по его мнѣнію, дерзкій отвѣтъ, но я не могъ уговорить его принять совѣтъ смотрителя. Мы поѣхали, сбились съ дороги и, выѣхавъ въ 5 часу со станціи, воротились къ полуночи къ тому же смотрителю, и то еще—слава Богу: въ этихъ степяхъ и въ такія метели съ страшными морозами не мудрено было и замерзнуть.

Въ Симбирскѣ нашелъ я въ сборѣ все тамошнее аристократическое населеніе; во главѣ его былъ другой Ермоловъ, А. Ѳ., губернский предводитель, только что произведенный, подъ 80 лѣтъ, по ходатайству родного племянника своего Кикина, въ превосходительный чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Къ нему, какъ къ старшему въ обществѣ, собиралось оно все по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ; большая половина гостей состояла изъ разныхъ Ермоловыхъ по имени или по женскому колѣну; ко всѣмъ этимъ барынямъ и барышнямъ безъ различія надобно было подходить къ ручкѣ, а съ родственными мужчинами цѣловаться непременно по два раза. Я

обязанъ былъ исполнять этотъ обычай по требованію Марьи Васильевны и начинать цѣлованія съ руки дѣда. Однажды, не то въ Рождество, не то въ Новый годъ, я, усталый отъ длиннаго обѣда, пошелъ было домой, не исполнивъ обряда прощанья, потому что долженъ былъ воротиться туда же на вечеръ, но посланный за мною слуга воротилъ меня съ дороги и, получивъ отъ дѣда замѣчаніе: «Ты, любезный, уходишь изъ гостей по-французски, да еще отъ дѣда; это у насъ не водится», я долженъ былъ опять совершить всецѣлованіе. Простодушная бабушка, жена хозяина, не носившая никогда чепцовъ, а повязанная платочкомъ, какъ попадьи и купчихи, прибавила и отъ себя словцо мнѣ въ укоръ. «Вы, мои голубчики, мышинные жеребчики». — Какъ, бабушка, что такое! — «Да такъ, батюшка, — всѣ вы модники». Послѣ смерти дяди между моей бойкой теткой Марьей Васильевной и н его пріятельницей Николевой водворилось совершенное согласіе: онѣ искренно помирились и сдѣлались друзьями. Рѣзкостью и правдивостью своего характера, добродушною готовностью быть полезной и пріятной всему обществу Марья Васильевна усвоила себѣ первую роль въ симбирскомъ обществѣ; Николаева же правила всѣмъ своимъ любезнымъ умомъ, мастерствомъ играть въ коммерческія игры и музыкальнымъ замѣчательнымъ талантомъ на фортепіано. Обѣ двоюродныя мои сестры, старшая, Наталья, живая, умная, кокетничала со всѣми мужчинами, за исключеніемъ только тѣхъ, которые разѣвали свои рты для одной водки и трубки, и играла въ самую тѣсную дружбу со мной; меньшая, Варенька, за полгода вышедшая изъ института, была прехорошенькая, блонкурая, съ голубыми глазами и восхищала всѣхъ своимъ

премилымъ пѣніемъ: у нея былъ симпатичный небольшой контральто, которымъ она искусно владѣла по методѣ, приобретенной ею отъ лучшихъ учителей пѣнія въ петербургскомъ институтѣ. Тѣ же самые симбирскіе герои этого времени, Аржевитиновъ и Репьевъ, задавали тонъ губернскому обществу и обращали на себя вниманіе его дамъ. Между послѣдними была очень красивая дѣвица Сушкова и старшая ея сестра, о которыхъ упомянуто было въ недавно напечатанныхъ очень любопытныхъ и весьма нескромныхъ запискахъ Хвостовой.

До сихъ поръ, говоря о Симбирскѣ и его обществѣ, выставилъ я одну лицевую и казовую сторону, а вотъ его и изнанка. На самомъ красивомъ мѣстѣ во всемъ городѣ, на возвышенности надъ Волгой, на такъ называемомъ Вѣнцѣ, стояли предлинныя хоромы, изуродованныя разными пристройками; онѣ принадлежали начальнику тамошней удѣльной конторы. Этотъ господинъ былъ типъ всякаго безобразія, а домъ его — вмѣстилище нравственной и всякой другой грязи. Все было растрепано и въ лохмотьяхъ, начиная съ головы и халата хозяина, его дѣтей и многочисленныхъ обоого пола челядинцевъ. Онъ былъ съ ранняго утра въ полупьяномъ положеніи, а каждый вечеръ напивался до положенія ризъ, и, несмотря на то, какъ человѣкъ, по рожденію и по женинымъ и своимъ связямъ принадлежавшій лучшему тамошнему обществу, и какъ чиновникъ, самъ по себѣ не бѣдный и обогащавшій себя крупными взятками, изрѣдка собиралъ онъ лучшее общество, и раза два случилось мнѣ обѣдать со многими другими за его грязнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ гадкимъ столомъ. На его бѣду и на бѣду его гостей онъ былъ членомъ симбирской масонской ло-

жи и имѣлъ въ ней какое-то почетное званіе; это обязывало его почему то приходить въ неистовый религиозный и филантропическій жаръ и безстыдно проповѣдывать пьянымъ голосомъ какія-то восторженные нелѣпицы. Не думаю, чтобы въ настоящее время можно было еще гдѣ-нибудь встрѣтить въ нашей *diga patria* подобную отвратительную личность, которой, однако, никто не гнушался. Впрочемъ, много простило ему по жалости родныхъ къ его женѣ и дѣтямъ и изъ уваженія къ его скромному, честному и заслуженному брату, отставному флотскому капитану, который еще при Екатеринѣ заслужилъ Георгіевскій крестъ за отличие въ чесменской битвѣ, истребившей турецкій флотъ.

Что бы еще сказать мнѣ въ моихъ «Запискахъ» о Симбирскѣ? Мудрено распространить рассказъ о городѣ, въ которомъ ѣли, пили, спали и играли, гдѣ не было никакого движенія, ни театра, ни концертовъ, ни даже книжной лавки. Говорятъ, былъ тамъ одинъ образованный домъ, родственнѣй Тургеневу, инженеръ-генерала Ивашева, но этой семьи, изъ которой впослѣдствіи вышелъ одинъ декабристъ и въ которую женитьбой вошелъ внучатный мой братъ и пріятель, Петръ Языковъ, въ то время въ городѣ не было. Сонный Симбирскъ былъ во всемъ похожъ на всѣ тѣ губернскіе города, которыхъ портретъ однимъ разомъ для всѣхъ выставилъ Гоголь въ своихъ «Мертвыхъ душахъ»; его не успѣлъ еще тогда возставить отъ сна недавно присланный туда губернаторомъ знаменитый Магницкій. Имя этого сподвижника Сперанскаго, раздѣлявшаго съ нимъ всѣ труды по образованію министерствъ и государственнаго совѣта и подвергшагося опалѣ и ссылкѣ въ началѣ 1812 года вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ, часто встрѣчается въ нашей

литературѣ послѣдняго времени, и потому я не надолго остановлюсь на его біографіи. Молодымъ чело-вѣкомъ былъ онъ секретаремъ нашего посольства въ Парижѣ, и, какъ передавала мнѣ родственница Магницкихъ, Голохвастова, будучи весьма красивымъ мужчиной, имѣлъ тамъ большой успѣхъ и нравился императрицѣ Іозефинѣ. Въ это время считался онъ вольнодумцемъ и послѣдователемъ Вольтера. Сближеніе съ Сперанскимъ сдѣлало изъ него масона или мартиниста, вѣрнѣе сказать—мистика. Когда императоръ Александръ, уступая общей ненависти къ Сперанскому всего дворянства, а можетъ быть и по личному противъ него неудовольствію, сослалъ его въ Пермь, Магницкаго отправили въ тотъ же день въ Вологду. Ссылка этихъ двухъ лицъ произвела весьма сильное впечатлѣніе на всю Россію и до сихъ поръ еще не разгадана. Кстати записываю здѣсь недавно переданное мнѣ въ Парижѣ нашимъ оріенталистомъ Ханыковымъ совершенно новое объясненіе ссылки Сперанскаго. Тогдашній министръ полиціи Балашевъ, одинъ изъ самыхъ враждебныхъ лицъ Сперанскому, перехватилъ какую-то и къ кому-то его записку на французскомъ языкѣ, въ которой Сперанскій называлъ императора Александра, отправившагося осматривать крѣпости: «notre veau blanc est allé inspecter les forteresses», употребивъ дерзкую игру словъ въ непристойномъ сравненіи государя съ Vauban'омъ, извѣстнымъ строителемъ французскихъ крѣпостей временъ Людовика XIV. Перехваченная ругательная записка представлена была государю, который не могъ не видѣть въ этомъ поступкѣ не только оскорбленія своему сану, но и подлой измѣны дружбѣ, потому что Сперанскаго считалъ своимъ другомъ. Помнящіе наружность государя поймутъ, что тутъ

была злая насмѣшка на красоту его лица. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ссылки Магницкому дали мѣсто вице-губернатора, кажется въ Воронежѣ, и потомъ перевели губернаторомъ въ 1817 году въ Симбирскъ. Онъ вель тамъ очень скромную жизнь, такъ рѣдко являлся въ обществѣ, что мнѣ ни разу не удалось встрѣтиться съ нимъ въ симбирскихъ гостиныхъ, но не замедлил выказаться одною весьма странною выходкой. У какого-то богатаго подгороднаго симбиряка взбунтовались, какъ обыкновенно говорилось тогда, крестьяне; Магницкій, вопреки обычаю, самъ поѣхалъ въ это имѣніе для произведенія слѣдствія и принялъ сторону крестьянъ противъ помѣщика. Въ городѣ рассказывали, что онъ нашелъ въ этомъ имѣніи тяжелыя желѣзныя цѣпи, которыми сковывалъ своихъ крѣпостныхъ помѣщикъ, и затѣмъ посылалъ въ цѣпяхъ провинившихся на работы; Магницкій, облегчивъ участь угнетенныхъ крестьянъ, пригласилъ священника совершить какое-то молебное пѣніе, крестнымъ ходомъ пошелъ со всѣмъ народомъ на берегъ Волги, и цѣпи, орудія истязанія, по приказанію его были погружены въ рѣку въ то самое время, когда дьяконъ возгласилъ царское многолѣтіе.—По пріѣздѣ моемъ въ Симбирскъ строго соблюдавшая всякое чинопочитаніе моя тетушка приказала мнѣ явиться къ начальнику города. Онъ принялъ меня прилично, но, конечно, всякій другой губернаторъ изъ такъ называемаго порядочнаго общества былъ бы учтивѣе ко всякому молодому человѣку, имѣющему связи въ его губерніи, а губернаторъ изъ чиновниковъ принялъ бы меня гораздо внимательнѣе, нежели это сдѣлалъ Магницкій, потому что я самъ былъ уже чиновникомъ, хотя и мелкимъ, въ канцеляріи одного изъ самыхъ близкихъ къ государю статсъ-секретарей. Въ

первый день новаго года былъ я при открытіи симбирскаго отдѣленія російскаго библейскаго общества, въ которомъ предсѣдательствовалъ Магницкій и первымъ членомъ былъ, кажется, архіерей. Съ рѣдкимъ ораторскимъ искусствомъ Магницкій произнесъ свою увлекательную рѣчь при этомъ открытіи; тогда еще такъ были живы всѣ воспоминанія освобожденія Европы и память о нашемъ спасеніи отъ враговъ; Магницкій съ религіозною восторженностью и, кажется, весьма искреннею, говорилъ о кроткомъ побѣдитель властолюбиваго Наполеона, который самъ все имъ совершенное относилъ къ волѣ благого о немъ и его народѣ Промышленія, считая себя смиреннымъ исполнителемъ судебъ Провидѣнія. Весь этотъ походъ двѣнадцати и послѣдующихъ годовъ Магницкій называлъ крестовымъ; но въ рѣчи своей не забылъ онъ и древней Россіи, и еще помню восторженныя его о ней слова, которыя совѣтую славянофиламъ украсть для себя. «Искони,—провозгласилъ онъ,—искони называлась она Русь святая, Цари ея—благочестивыя, воинство—христіанскимъ, народъ православнымъ».—Однимъ словомъ, подобнаго между губернаторами витіи, кромѣ развѣ Сперанскаго, конечно въ то время не было, да мудро найти и теперь. Въ современныхъ журнальныхъ статьяхъ часто встрѣчаемъ мы имя Магницкаго; дипломатъ и вольтеріанецъ, съ первыхъ временъ крайне мистическаго направленія, онъ предавался ему подъ вліяніемъ князя Голицына, сдѣлался изувѣромъ и гонителемъ всякаго просвѣщенія, какъ въ званіи члена главнаго управленія училищъ, такъ и въ званіи попечителя казанскаго учебнаго округа, потомъ предался Аракчееву, болѣе всѣхъ участвовалъ въ сверженіи прежняго своего начальника — мистика, и нако-

нецъ, какъ неисправимый, явный доносчикъ, былъ посланъ императоромъ Николаемъ въ Одессу, гдѣ кончилъ свои дни въ изгнаніи и бѣдности. Имя его предано анаемѣ юнымъ нашимъ поколѣніемъ, а между тѣмъ одинъ искренно благочестивый изъ нашихъ писателей, лично извѣстный мнѣ, какъ человѣкъ ученый и искренно религіозный, написалъ нѣсколько страницъ, исполненныхъ выраженія глубокаго уваженія къ памяти сего отверженнаго въ новѣйшее время человѣка: Стурдза былъ и оставался всегда его другомъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до поѣздки моей въ Симбирскъ былъ я и на открытіи московскаго библейскаго общества; тамошнія рѣчи мною забыты, помню только одно чтеніе отчетовъ главнаго російскаго общества секретаремъ онаго Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ, на котораго я съ подобающимъ любопытствомъ глядѣлъ въ первый разъ. Въ это время въ Москвѣ набирали всѣхъ и каждого въ члены общества, особенно покровительствуемаго императоромъ; записали въ него и меня и, какъ съ податливаго въ то время мальчика, взяли сторублевую ассигнацію. Не могло обойтись безъ того, чтобы меня, какъ богатаго, по преувеличенной молвѣ, юношу, не эксплуатировали, т.-е. не разрабатывали на всякую потребу. Такъ поступили и московскіе вельможи, старшины благороднаго собранія, взявъ съ меня, по собственному ихъ указанію, 200 рублей для угощенія императорской фамиліи баломъ и ужиномъ, а меня, бѣднаго богатаго, не пригласили даже и поужинать. И старшій мой двоюродный братецъ, сдѣлавшись полицеймейстеромъ, по дружеской со мной связи вздумалъ было убѣдить меня давать роскошныя обѣды моимъ, а еще болѣе своимъ собственнымъ знакомымъ. Раза два я уступилъ

его неотступнымъ просьбамъ, но, увидавъ счета повара и погребщика Дебре, рѣшительно отказался отъ подобныхъ угощень и возненавидѣлъ всѣхъ настоящихъ и будущихъ эксплуататоровъ моего кошелька. Съ этихъ то самыхъ поръ я всего болѣе боялся быть обманутымъ подобными невинными средствами, *devenir dupe des personnes qui ne passent pas encore pour des fripons.*

✓

Въ срединѣ зимы возвратился я въ Москву къ моимъ бездѣльнымъ канцелярскимъ занятіямъ, а въ мартѣ вмѣстѣ со всѣми чиновниками канцеляріи получилъ предписаніе отправиться въ Петербургъ и явиться къ дѣйствительному статскому совѣтнику Соколову, управлявшему въ отсутствіи Кикина канцеляріей комиссіи прошень.

Въ послѣдній годъ пребыванія моего въ Москвѣ до отъѣзда въ Петербургъ на службу, а именно въ одинъ изъ осеннихъ мѣсяцевъ 1817 и зимнихъ 1818 гг., совершались въ присутствіи пребывавшей тамъ императорской фамиліи два великихъ торжества. Перваго я былъ свидѣтелемъ.

На обширной Ивановской площади въ самой срединѣ пространства, заключеннаго между вѣздомъ въ Иверскія ворота, Казанскимъ соборомъ (воздвигнутымъ княземъ Пожарскимъ въ память освобожденія Москвы въ 1612 г. отъ поляковъ; они вышли изъ нея 22 окт. въ день Казанской иконы Божіей Матери) и церковью Покрова на Рву, извѣстной больше подъ названіемъ Василия Блаженнаго *), противъ кремлевской стѣны воз-

*) Церковь Василия Блаженнаго до 1815 г. была до того застроена сплошными, довольно высокими строеніями, что изъ всей этой узорчатой и оригинальной группы восточно-индійскаго зодчества виднѣлась одна только ея

вышелся закрытый со всѣхъ сторонъ досками памятникъ Минину и Пожарскому. Съ самаго ранняго утра толпы народа скучивались на этой площади, половина которой передъ памятникомъ оставлена была для размѣщенія той части гвардіи, которая пришла съ государемъ въ Москву. Императоръ Александръ принялъ команду надъ войскомъ, отдалъ честь слѣдовавшимъ въ золотыхъ придворныхъ каретахъ императрицамъ, вдовствующей и царствующей, и когда ихъ экипажи поравнялись съ памятникомъ, дощатая завѣса распалась, и гражданинъ Мининъ предстоящій, а князь Пожарскій возсѣдающій предстали пораженному или не пораженному величіемъ предмета взору публики. Потомъ, по заведенному всегда обычаю, войско проходило церемоніальнымъ маршемъ передъ памятникомъ, императрицами и государемъ, отдавало честь, и тѣмъ все и покончилось. Не вдругъ стала понятна всѣмъ тайно-либеральная мысль тогдашняго времени, и не сейчасъ по открытіи памятника сдѣлалась она предметомъ толковъ и сужденій; рано ли, поздно ли, однако

голова и колокольня. Никто, кажется, изъ обывателей московскихъ не любовался ею; мнѣ рѣшительно она была неизвѣстна. Когда императоръ Александръ въ 1815 г. былъ въ Лондонѣ, ему представленъ былъ рисунокъ этой церкви, сдѣланный какимъ-то англійскимъ путешественникомъ. Государь обратилъ тотчасъ просвѣщенное свое вниманіе на такой памятникъ зодчества, никому невѣдомо возвышающійся въ древней столицѣ, и велѣлъ немедленно очистить это зданіе отъ всѣхъ загромождавшихъ его строеній, что уже и было исполнено ко дню открытія памятника Минину и Пожарскому. Впослѣдствіи сдѣлали еще лучше: очистили и самый сѣздъ къ московсѣцкому мосту и окружили одну сторону церкви стѣной до ея подошвы. Церковь эта была построена, по приказанію Іоанна Грознаго, какимъ-то итальянскимъ архитекторомъ. Московское преданіе гласитъ о ней, будто бы царь такъ былъ счастливъ, что въ его столицѣ и въ память славнаго его подвига, взятія Казанскаго царства, воздвигнуть былъ такой преузорочный, нигдѣ небывалый храмъ, что тотчасъ же повелѣлъ архитектору выколоть глаза, дабы онъ нигдѣ уже не могъ создать что-нибудь подобное. Конечно, это басня, но въ ней выражается вѣрное понятіе русскаго народа о высокихъ качествахъ одного изъ своихъ великихъ государей.

догадались, что въ надписи на памятникъ гражданинъ (собственно говоря, мясникъ) Мининъ выставленъ былъ первымъ, а князь Пожарскій, Рюриковичъ, поставленъ вторымъ, да и самое слово гражданинъ такъ пріятно первый разъ коснулось русскаго уха. Такимъ свободолюбивымъ первенствомъ всего болѣе потѣшалась тетка моя, Марья Васильевна Обрескова, гордившаяся, особливо съ тѣхъ поръ, происхожденіемъ своимъ по женскому колѣну отъ рода Мининыхъ. Она набожно хранила у себя старинный образъ, хорошаго письма, Іоанна Предтечи, съ двумя на немъ надписями: «моленіе Кузьмы Минина» и вторая: «моленіе Михаила Минина», и завѣщала его мнѣ. Мининъ, теперешній тульскій губернскій предводитель, считающій себя потомкомъ знаменитаго Кузьмы Минина-Сухорукова, пытался было оттягать у меня этотъ древній образъ, но я не поддался, допустивъ его только приложиться. Но видно, нѣтъ ничего на свѣтѣ вѣрнаго. Ученый археологъ Мельниковъ, долго жившій въ Нижнемъ-Новгородѣ, доказывалъ мнѣ, что теперешніе Минины поддѣлались подъ родство знаменитаго человѣка, а деньгами и протекціей добились при Екатеринѣ того, что получить утвержденную имъ на то грамоту, ибо, по словамъ Мельникова, Кузьма Мининъ и сынъ брата его Михаила потомства послѣ себя не оставили. Такое же разочарованіе послѣдовало и съ историческимъ преданіемъ о моемъ Мининскомъ образѣ. Знатокъ въ иконописи, пожилой раскольникъ, рекомендованный мнѣ покойнымъ княземъ Одоевскимъ, подробно осматривалъ мою икону со всѣхъ сторонъ и утвердилъ, что она письма гораздо позднѣйшаго. Хорошо и то, что моя родолюбивая тетушка не дождала до собранія мной сихъ разрушительныхъ свѣдѣній.

Открытіе памятника видѣлъ я и смотрѣлъ на него изъ одной лавки второго этажа въ гостиномъ дворѣ вмѣстѣ съ семействомъ Кикиныхъ и гораздо болѣе пораженъ былъ великолѣпіемъ завтрака, предложеннаго намъ хозяиномъ лавки, чѣмъ великолѣпіемъ самаго торжества.

Соображая подробности его съ позднѣйшими въ томъ же родѣ торжествами, замѣчу для современниковъ, что никакихъ духовныхъ процессій тутъ не послѣдовало, что панихиды никакой не было, какъ происходило это при открытіи Карамзинской Клію на площади города Симбирска, и что мѣдныхъ изваяній святой водой не кропили, какъ то было и послѣдовало съ той же Клію и статуей въ Дерптѣ лютеранина Баркляя-де-Толли, котораго и въ живыхъ суша, какъ еретика, кропить не подобало.

Другимъ событіемъ того же времени была торжественная закладка на Воробьевыхъ горахъ храма Спасителя въ память освобожденія Москвы отъ нашествія галловъ и съ ними двадцати языкъ. О предложенномъ еще задолго сооруженіи въ Москвѣ сего храма было возвыщено во время похода 1813 года изъ чужихъ краевъ императоромъ Александромъ особеннымъ манифестомъ, принадлежащимъ перу витіеваго государственнаго секретаря Шишкова. Изъ весьма многихъ проектовъ этого зданія, представленныхъ разными архитекторами, государь одобрилъ планъ архитектора Витберга, поражавшій необыкновенною смѣлостью художественной мысли и таинственностью мистическаго ея значенія. Несмотря на то, что люди опыта и науки при первомъ взглядѣ на этотъ планъ предвидѣли уже невозможность его исполненія и что онъ подвергался какъ въ цѣломъ, такъ и во всѣхъ

своихъ частяхъ самой строгой, безпощадной критикѣ, приняты были чрезвычайныя мѣры къ возведенію этого храма, памятника нашей безпредѣльной благодарности за освобожденіе отечества и вмѣстѣ памятника безпримѣрнаго смиренія императора Александра, который во всѣхъ случаяхъ торжественно и столько же искренно относилъ и всѣ свои побѣды и всю свою славу не мірскимъ, земнымъ успѣхамъ, но всеблагову о немъ и о землѣ его Промыслу.

«И се, приникнувши Престола къ ступенямъ,
«Во прахъ предъ Божествомъ свою бросаетъ славу.
«О Вѣчный, оѣни смиреннаго Державу!
«Его душа чиста, въ ней благодѣть лишь одна,
«Лишь пламенемъ къ добру она воспалена.»

Жуковскій (Посл. къ имп. Александру.)

«Не намъ, не намъ, но имени Твоему», повторялъ каждый разъ государь въ торжественныхъ воззваніяхъ своихъ къ народу, и эти самыя слова повелѣлъ изобразить на знакахъ отличія, розданныхъ имъ подвижникамъ отечественной войны.

Увлекаемый христіанскимъ своимъ настроеніемъ, государь издалъ указъ о пріобрѣтеніи покупкою въ казну до 25,000 душъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ съ тѣмъ, чтобы они вмѣстѣ съ принадлежащими имъ землями поступили въ вѣдомство коммисіи строенія храма Спасителя и высылали бы отъ себя ежегодно по строенію разныхъ мастеровыхъ: каменщиковъ, плотниковъ, кирпичниковъ и т. д., и ихъ бы отъ урожаевъ съ своихъ полей продовольствовали. Само собою разумѣется, что по окончаніи постройки все это населеніе освобождалось и пріобрѣтало въ свою пользу всѣ эти земли. Любимецъ государя, мистикъ, князь Александръ Николаевичъ Голи-

цынъ, первый продалъ въ комиссію свои недвижныя имѣнія и между ними одно извѣстное мнѣ весьма значительное, между Новосилемъ и Сѣтухою, село Бѣлая Вежи.

Все зданіе храма предполагалось тричастное, у самой подошвы горы за Москвой рѣкой, немного правѣ по ея теченію противъ Новодѣвичьяго монастыря, стоящаго на другомъ берегу въ самой горѣ или предгоріи. Это огромнѣйшихъ размѣровъ зданіе начиналось уже церковью во имя сошествія Христа во адъ; надъ ней сооружался храмъ Рождества Спасителя, а еще выше второго долженъ былъ возвышаться храмъ Воскресенія. Вся вышина отъ подошвы перваго храма до купола должна была превосходить не однимъ десяткомъ сажень храмъ св. Петра въ Римѣ. Таковъ былъ проектъ, коему не было исполненія. Денегъ на первоначальныя работы и закупки, не говоря уже о покупкѣ имѣній, брошено было не одна сотня тысячъ рублей; начались подозрѣнія, болѣе или менѣе основательныя, въ кражахъ, весь проектъ былъ брошенъ, и суровой долгой опалѣ раздраженнаго государя подвергся самъ увлеченный своею мечтательностью художникъ Витбергъ, нисколько не виноватый, по увѣренію современниковъ, въ лихоимствѣ, но, конечно, не совсѣмъ правый въ обольщеніи себя и другихъ несбыточностью своей художественной мысли, которая обошлась нашимъ финансамъ такъ дорого.

Конечно, торжество закладки не могло омрачаться никакими темными мыслями. Все и всѣ, начиная съ главнаго виновника торжества, умирительно ликовало, молилось, благодарило и воспѣвало побѣдную пѣснь. Черезъ узенькую, невзрачную нашу рѣчку наведенъ былъ пристойный, по возможности, пловучій мостъ съ

приличными украшеніями. Все московское духовенство тянулось черезъ него въ своемъ бѣломъ торжественномъ облаченіи, за этимъ рядомъ шли находившіеся въ Москвѣ іерархи, между коими первенствовалъ архіепископъ московскій, любимецъ Платона, златоустый въ нарочитыхъ подобныхъ случаяхъ, Августинъ. Императоръ съ непокровленной головой шествовалъ непосредственно за архипастыремъ, имѣя о страну себѣ обѣихъ императрицъ, далѣе другіе члены императорскаго дома, придворные, свита и т. д.

По странному случаю, котораго я себѣ удовлетворительно объяснить не могъ, или, лучше сказать, объяснялъ для себя весьма неудовлетворительно, семья Кикиныхъ на этотъ разъ пригласила меня быть ходячимъ зрителемъ такой чрезвычайной прогулки, увѣряя, что я сдѣлаю ее вмѣстѣ съ ними, не тѣснясь ни—сколько, и увижу все, что только можно видѣть. Я отъ похода отказался, удовольствовавшись тѣмъ, что поглядѣлъ на него съ полчаса времени отъ ограды Зачатіевскаго монастыря, но приглашавшая семья видѣла все до мельчайшихъ подробностей, и это было не мудрено: она сама участвовала въ процессіи.

Случилось это такъ. Въ началѣ 1813 года состоявшій при главной квартирѣ П. А. Кикинъ во время короткаго перемирія посланъ былъ государемъ въ Прагу осмотрѣть наши военные госпитали и донести о ихъ состояніи. На досугъ отъ такого порученія, въ порывахъ торжественнаго своего умиленія и благодарности къ Промыслу за ниспосланныя намъ побѣды, которыя, какъ видно, были никѣмъ неожиданны, онъ излилъ свои чувства въ письмѣ къ пріятелю своему Александру Семеновичу Шишкову и сообщилъ ему мысль «увѣковѣчить наше избавленіе и уже нача-

вшееся освобожденіе Германіи сооруженіемъ въ Москвѣ благодарственнаго храма». Шишковъ поспѣшилъ представить это письмо государю, и такимъ образомъ первая мысль о храмѣ принадлежитъ безспорно Петру Андреевичу Кикину. Все это прекрасно, но все это, по моему мнѣнію, долженствовало храниться какъ преданіе въ семьѣ и отнюдь не выходить на улицу; ничуть не бывало! Рядомъ съ П. А., честнымъ, благороднымъ, прямымъ и нисколько не заносчивымъ, стоялъ старшій братъ его Алексѣй, богатый, разоряющійся, малочиновный, а потому и чванный и древностью своего рода и значеніемъ своего брата. Въ эту осень для свиданія съ сыномъ Петромъ пріѣхала старушка ихъ мать, вдова Марья Ѳедоровна, родная сестра моей бабки по матери, Обресковой. Она была не глупа, набожна и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ чрезвычайно скромна. Ей предложили поглядѣть процессію; она, конечно, охотно согласилась, ничего въ этомъ для себя не подозревая, но старшій сынокъ неожиданно и почти внезапно устроилъ изъ матушки своей выставку. Разными тайными ходами черезъ второстепенныхъ придворныхъ дошло до Петра Андреевича приглашеніе нести имъ обоимъ подъ руку свою матушку въ торжественномъ ходѣ вслѣдъ за императорскою фамиліей, въ ряду съ статсъ-дамами и грузинскими царицами, царевнами и царевичами. Старушка Кикина меня очень любила и, узнавъ о предстоящемъ ей значеніи въ ходу, очень на это распоряженіе мнѣ жаловалась и кротко на него сердилась. Уложивъ ее рано спать въ ожиданіи утренняго подвига, я остался наединѣ съ Анной Константиновной, женой старшаго брата Кикина, остроумной и кокетливой. Мы, конечно, вдвоемъ зло смѣялись надъ

всѣми этими продѣлками и дали другъ другу слово въ этомъ семейномъ торжествѣ не участвовать; вотъ почему я и не былъ на закладкѣ неудавшагося храма Спасителя.

Теперь расскажу о переездѣ моемъ въ Петербургъ и вступленіи въ дѣйствительную службу. Въ это время было мнѣ болѣе 18 лѣтъ; вынесенныя мною изъ университета познанія были очень скудны, ихъ нельзя даже называть поверхностными; много было отраслей человѣческаго знанія, о которыхъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Мнѣ, напр., совершенно недоступна была вся математика; естественная исторія была для меня *terra incognita*, да и самая всеобщая исторія и даже отечественная коснулись меня слегка. Исторію своей литературы я зналъ порядочно, французскую изрядно, нѣмецкая, англійская и итальянская для меня не существовали. Въ отношеніи къ общественной жизни главный, убійственный мой недостатокъ были очень плохое знаніе разговорнаго французскаго языка и почти рѣшительное неумѣніе танцевать. Послѣднему искусству послѣ несчастныхъ уроковъ въ университетѣ у Мореля учился я у знаменитаго тогдашняго танцмейстера Гогеля, товарищами моими въ его танцклассѣ были университетскіе мои пріятели: Голохвастовъ, Дмитріевъ и Новиковъ, и — увы! — ни одинъ изъ насъ не уразумѣлъ этой премудрости. Неумѣніе изъясняться на модномъ языкѣ и неспособность къ танцамъ мѣшали мнѣ въ Москвѣ, а въ Петербургѣ сдѣлались причиною того, что я никакъ не могъ рѣшиться представиться не только въ высшее, но даже въ какое бы то ни было общество. Я бѣгалъ, какъ отъ чумы, отъ каждаго дома, въ которомъ могъ по-

чему-нибудь предугадывать, что тамъ, хоть изрѣдка, танцуютъ. Неудавшаяся мнѣ единственная попытка въ танцахъ въ Москвѣ, и то невольная, представляла мнѣ всякій балъ, всякій танцевальный вечеръ пугаломъ. Въ 1817 или 18 г. въ Москвѣ существовало купеческое собраніе, въ которое никогда не допускались ни дворяне, ни чиновники, во избѣжаніе разныхъ господъ военныхъ, которые когда-то производили тамъ страшный скандалъ, но въ видѣ исключенія старшины предоставляли московскому генералъ-губернатору два почетные билета для его штаба. Оберъ-полицеймейстеръ Обресковъ снабдилъ меня такимъ билетомъ на одинъ вечеръ, и я, расфранченный, туда отправился. Дежурный старшина почелъ своею обязанностью, какъ съ почетнымъ посѣтителемъ, быть со мной особенно учтивымъ; на отвѣтъ мой, что я не танцую за неимѣніемъ знакомыхъ, представилъ мнѣ, а не меня, свою хорошенькую дочку. Нечего было дѣлать, я пригласилъ ее на экосезъ, самый легкій для неумѣющаго тогдашній танецъ; меня для почета поставили въ первую пару и мнѣ было чрезвычайно трудно кончить эту экосезную прогулку, которую я перепуталъ къ великому удовольствію танцующихъ купчиковъ, не любившихъ почетныхъ на своихъ балахъ посѣтелей.

Но отсутствіе во мнѣ научныхъ знаній, недостатокъ свѣтской ловкости и происходившія отъ того дикость и отчужденіе отъ общества не препятствовали мнѣ приобрѣсть весьма достаточную, а можетъ быть излишнюю для моего возраста, жизненную опытность, она-то и сдѣлала меня слишкомъ рано недовѣрчивымъ ко всѣмъ людямъ и въ то же время, по законамъ логики, эгоистомъ и вооружила противъ всѣхъ и каждого свойственной всѣмъ эгоистамъ ироніей и какимъ-то

духомъ отрицанія. На мое счастіе судьбѣ угодно было передъ отъѣздомъ моимъ въ Петербургъ сблизить меня опять съ В. А. Никольскимъ, который также переселялся туда на службу и согласился жить со мною. Я охотно предложилъ ему столъ и квартиру.

Сѣверная наша столица поразила меня своимъ великолѣпіемъ. «Наконецъ-то,—говорилъ я себѣ,—вижу я настоящій городъ». Увидѣвъ въ первый разъ Зимній дворецъ и великолѣпную его площадь, пришелъ я въ какой-то телячій восторгъ и разинулъ ротъ отъ изумленія. Зато первая моя прогулка по городу была неудачна и привела въ неистовое бѣшенство. Первый петербургскій мой день былъ воскресный; являться по службѣ въ канцелярію или къ Соколову, замѣнявшему Кикина, было не время; вышедъ изъ гостиницы Демута и поглазѣвъ на Дворцовую площадь, вздумалъ я пойти въ Педагогическій институтъ, чтобы посѣтить воспитанника Панова и отдать ему пакетъ съ деньгами отъ общихъ нашихъ родныхъ. У Полицейскаго моста учтиво остановилъ я какого-то франта и спросилъ у него дорогу. Любезный господинъ, посмотрѣвъ на меня пристально, улыбаясь, указалъ мнѣ весь маршрутъ: «идите, — сказалъ онъ, — прямо до Аничкова моста; пройдя черезъ него, возьмите налево, по Фонтанкѣ, и идите потомъ по Невской набережной до кавалергардскихъ казармъ мимо Таврическаго дворца и у Смольнаго монастыря спросите Калинкинъ мостъ, тутъ рядомъ Педагогическій институтъ». По сказанному, какъ по писанному, я отправился и, пришедъ къ Смольному монастырю, спрашивалъ, гдѣ тутъ Калинкинъ мостъ и Педагогическій институтъ; прохожій, къ которому я обратился, посмотрѣлъ на меня, какъ на сумасшедшаго: «Что съ

вами? II мостъ и это заведеніе совсѣмъ на другомъ концѣ города, отсюда верстъ семь». Нечего было и думать пускаться въ такую противоположную даль; время шло къ обѣду, но я, хотя и измученный этимъ походомъ, отправился все-таки пѣшкомъ, надѣясь, и очень глупо, встрѣтить моего указателя и приласкать его моей московской тросточкой. Разумѣется, роковой этой встрѣчи не послѣдовало.

23 іюля, стараго стиля. *Ormonts dessus Aigle.*

На этомъ мѣстѣ опять прекращены были мои «Записки» на цѣлые два мѣсяца по случаю страшныхъ жаровъ, которые я испыталъ во всей ихъ нестерпимой силѣ въ южной Франціи, на минеральныхъ водахъ въ мѣстечкѣ Вальсѣ, гдѣ пробылъ цѣлый мѣсяцъ. Благополучно перебрались мы оттуда въ Женеву черезъ Ліонъ. Людовикъ Наполеонъ уже объявилъ войну Пруссіи, и по всей Франціи немногіе съ восторгомъ, весьма многіе съ горемъ пополамъ готовились переживать эту новую, непрощенную, бѣдовую войну, которая вслѣдствіе расчетливыхъ, болѣе даже чѣмъ властолюбивыхъ соображеній Наполеона придирчиво затѣяна была имъ противъ Пруссіи. До сихъ поръ, не взирая на то, что съ объявленія войны прошло уже двѣ недѣли, столкновеній между враждующими войсками еще не было, но приготовленія къ войнѣ ведутъ за собою въ огромнѣйшихъ размѣрахъ разореніе не однихъ воюющихъ государствъ, но и всѣхъ, имѣющихъ право по трактатамъ быть нейтральными, а равно и всѣхъ тѣхъ, которые болѣе или менѣе искренно желали бы остаться въ сторонѣ. По издержкамъ на это военное время ежедневно въ 100,000 франк. на 50,000 войска одной небольшой Швейцаріи можно предположить, чего будетъ стоить всей Европѣ предпринимаемая борьба изъ

одной сатанинской гордости двухъ или трехъ лицъ, которыя должны отвѣчать за всѣ ея чудовищныя послѣдствія передъ современниками, передъ судомъ потомства и исторіи. Но я распространяться не стану, замѣчу только одно то, что въ подобное тревожное время, когда настоящее грозитъ несчастіемъ каждому, трудно вполнѣ предаться воспоминанію прошедшаго. Какъ бы то ни было, скрѣпя силы, продолжаю.

Послѣ невольной воскресной моею прогулки на другой день моего въ Петербургъ приѣзда, часу въ 10 слѣдующаго утра, т.-е. въ понедѣльникъ, день, по русской примѣтѣ, не совсѣмъ-то благопріятный для начала какого-бы то ни было важнаго дѣла, пошелъ я являться къ управлявшему канцеляріей комиссіи прошеній за отсутствіемъ статсъ-секретаря Кикина. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Алексѣевичъ Соколовъ еще при Екатеринѣ служилъ по этой части и еще при ней носилъ названіе рекетмейстера. Онъ явился передо мной угрюмымъ, неопрятнымъ, какимъ-то одичалымъ старикомъ въ домашней ветхой одеждѣ, въ грязномъ, заваленномъ бумагами и покрытыми пылью книгами кабинетѣ. Когда предъявилъ я ему официальный мой ордеръ, въ которомъ было сказано, что «состоящій при канцеляріи статсъ-секретаря у принятія прошеній коллежскій регистраторъ Свербеевъ долженъ немедленно по приѣздѣ изъ Москвы явиться къ его превосходительству И. А. Соколову и поступить по канцеляріи на службу», И. А., указывая на стулъ, не пригласилъ, а велѣлъ мнѣ сѣсть. Я взглянулъ на предложенное мнѣ сѣдалище и, хотя оно было покрыто порядочною пылью, сѣлъ, какъ вкопанный, не дерзая его вытереть. Послѣ двухъ вопросительныхъ словъ о томъ, гдѣ я учился, онъ свистнулъ и оборванному казачку велѣлъ принести мнѣ

чаю; я отказывался, напившись у себя на квартирѣ. «Ничего, пей», повторилъ онъ. Чай поданъ былъ жидкій и пересахаренный. Тогда послѣдовало приказаніе казачку подать мнѣ кофе; я опять началъ было отговариваться и опять услышалъ то же: «ничего, пей». Ну, выпилъ я и кофе, такой же отвратительный, какъ и чай. «Теперь подай ему меду». — «Помилуйте, ваше превосходительство». — «Ничего, пей; молодымъ людямъ это не вредить». Послѣ поглощенія мной отвратительнаго меду, старецъ приказный подьячій во всей силѣ, а по тогдашнему для важныхъ должностей выраженію — дѣлецъ, не вставая съ креселъ, кивнулъ мнѣ головою, сказавъ: «Теперь, голубчикъ, ступай съ этимъ ордеромъ въ канцелярію». Я, сѣвъ на моего лихого извозчика, туда было прямо и поѣхалъ, но черезъ силу, изъ видовъ подчиненности выпитые мной залпомъ чай, кофе и медъ вслѣдъ за собственнымъ моимъ порядочнымъ завтракомъ заставили меня ѣхать на мою квартиру къ Демуту и тамъ по крайней необходимости пробыть цѣлое утро. Мнѣ было не до канцеляріи; нужда и законъ перемѣняетъ. Не знаю, случалось ли что-нибудь подобное въ этомъ родѣ съ священными особами, т.-е. съ двумя попами и дьякономъ села Любовши, которыхъ важный сосѣдъ мой П. И. Сафоновъ угощалъ бывало при мнѣ у себя именно чаемъ, кофеемъ и медомъ залпомъ, когда этотъ его приходскій причетъ являлся къ нему въ воскресныя и праздничныя утра послѣ обѣдни. Однако часу въ третьемъ, справившись съ моими немощами, я все-таки отправился въ канцелярію, нашелъ тамъ только одного дежурнаго чиновника и двухъ сторожей, которымъ и отрекомендовался.

Канцелярія наша была на Малоѣ Милліонной улицѣ, въ Кикинскомъ домѣ, который главнымъ своимъ фасадомъ

выходилъ на Дворцовую набережную. Она помѣщалась очень тѣсно, въ трехъ комнатахъ: небольшой пріемной для самого статсъ-секретаря, въ длинной, немного побольше и пошире, для всѣхъ чиновниковъ и боковой для архива. Составъ канцеляріи былъ очень умѣренный: кромѣ трехъ, четырехъ лицъ, при ней числившихся и никогда почему-то въ нее не заглядывавшихъ, хотя и получавшихъ наравнѣ съ другими чины и отличія, служившими въ ней были при мнѣ правитель канцеляріи Николай Петровичъ Брусиловъ, человѣкъ очень образованный и приличный, когда-то литераторъ и издатель журнала Россійской словесности, въ которомъ печатались водяные стихи и сладенькая проза первой Карамзинской школы. Этотъ Г. Брусиловъ, впоследствии вологодскій губернаторъ, а потомъ сенаторъ, не принадлежалъ къ петербургскому порядочному обществу не потому, чтобы не имѣлъ на то всѣхъ правъ по своему рожденію и достоинствамъ, а единственно оттого, что имѣлъ счастье или несчастье, какъ хотите, жениться по любви на молоденькой дочери петербургскаго пастора Гофмана. Чета эта была почти бѣдна, а Брусиловъ былъ чиновникъ рѣдкой въ то время честности и никогда не соблазнялся ежедневною возможностью взять крупную взятку. При немъ собственно состоялъ въ должности младшаго чиновника его шуринъ, Андрей Лонгиновичъ Гофманъ, мой долговременный пріятель, отличившійся на важномъ государственномъ поприщѣ безустанной и безкорыстной дѣятельностью, въ обществѣ же слишкомъ приторною любезностью, особливо съ прекраснымъ поломъ. Потомъ за правителемъ канцеляріи слѣдовали въ порядкѣ чиновначалія четыре или пять экспедиторовъ или начальниковъ отдѣленія, которымъ поручалось составленіе до-

кладныхъ записокъ для комиссіи прошеній на Высочайшее имя на сенаторскія рѣшенія. Изъ нихъ упомяну о двухъ съ тѣмъ, чтобы разсказать курьезныя объ этихъ господахъ подробности; наприм., Михаилъ Осиповичъ Козелло, котораго всѣ у насъ, начиная съ самого Кикина, называли Козломъ, завѣдывалъ дѣлами по жалобамъ на третій департаментъ сената, гдѣ разсматривались всѣ тяжёбныя дѣла по губерніямъ, состоявшимъ тогда на особыхъ правахъ, т.-е. по губерніямъ, присоединеннымъ отъ Польши, и двумъ малороссійскимъ—Черниговской и Полтавской. Въ то время эти губерніи управлялись еще вмѣсто уложенія литовскимъ статутомъ (въ нихъ, между прочимъ, уѣзды назывались повѣтами, губернскіе и уѣздные предводители—маршалами) съ существеннымъ различіемъ во многихъ случаяхъ отъ нашего общаго гражданскаго законодательства. Въ коренной Россіи нигдѣ не случалось такое, какъ тамъ, количество продолжительныхъ ябедническихъ процессовъ. Козелло безнаказанно пользовался совершеннымъ невѣдѣніемъ въ дѣлахъ этого рода статсъ-секретаря Кикина, а равно предсѣдателя и членовъ комиссіи прошеній. Ни одинъ изъ его товарищей, безъ исключенія падкихъ на руку, не обогащался съ такимъ успѣхомъ взятками, да и мудрено было ему не соблазниться: жалованья всего получалъ онъ 2,000 р. асс., а у него была семья и никакого состоянія. Одинъ разъ, будучи дежурнымъ, я имѣлъ случай видѣть, какъ безотвѣтенъ былъ передъ этимъ Козломъ нашъ начальникъ Кикинъ. Послѣдній приказалъ своему подчиненному предварительно доклада комиссіи доложить ему дѣло своего пріятеля бѣлорусца Голынскаго. Какъ теперь вижу сидящаго въ голубомъ атласномъ халатѣ Петра Андре-

евича за своимъ столомъ и насъ, ему предстоящихъ, пузатенькаго, коротенькаго, среднихъ лѣтъ, Михаила Осиповича Козелло и меня, юношу, которому приказано было внушительно слушать, уразумѣвать и поучаться. По начальническому слову: «Читай!» мой Михаилъ Осиповичъ развернулъ свой большой свертокъ и началъ чтеніе своей безграмотной полурусской записки, испещренной полупольскими на бѣлорусскомъ языкѣ выраженіями, какъ собственно принадлежащими составителю, такъ и официально употребляемыми въ судопроизводствѣ края. Чтеніе длилось болѣе получаса; чтецъ, устремивъ въ записку глаза, заставивъ свое широкое лицо ею такъ, что ему не видать было ни начальника, ни меня, произносилъ свои длинные безъ глаголовъ періоды; они могли быть понятны развѣ ему одному, а между нами, Кикинымъ и мною, происходила нѣмая мимическая сцена. Слушающій начальникъ то качалъ во всѣ стороны головою, то поднималъ къ потолку обѣ руки, вопросительнымъ, смѣющимся или изумленнымъ взглядомъ выпрашивая моего о чтеніи мнѣнія. Я отвѣчалъ на всѣ эти знаки всевозможными угодливыми гримасами; наконецъ, вліятельная по симъ дѣламъ особа и главный рѣшитель оныхъ тяжбъ вышелъ изъ терпѣнія и, не дождавшись точки, возбужденный досадою, громко воскликнулъ: «Довольно, Козель, довольно! Неси въ комиссію». Только что тотъ удалился: «Ты вѣдь ничего не понялъ?»—спросилъ онъ у меня.—Вглядь ничего-съ.—«Вотъ и всегда-то такъ! Эти ябедники-просители напутаютъ съ три короба, въ сенатѣ путаница эта еще нарастетъ, а ужъ нашъ Козель, чортъ его знаетъ — нарочно ли, нѣтъ ли, самъ постарается такъ запутать, что мы тамъ въ комиссіи единогласно вы-

нуждены бываемъ по этимъ козлинымъ дѣламъ соглашаться на проекты придуманныхъ имъ резолюцій и представлять ихъ государю, — анъ и выходить, что всѣмъ одинъ Козель ворочаетъ, а мы не при чемъ! А какъ ты думаешь, беретъ онъ взятки?» — Помилуйте, я почему знаю. — «Беретъ, братецъ, беретъ, да еще и большійя.» — Но находчивый человѣкъ никогда не теряетъ времени, изъ всего извлекаетъ пользу. Однажды передъ обѣдомъ у Кикина указалъ онъ мнѣ съ Александромъ Языковымъ на новый фигурный столикъ, какъ на новое украшеніе своей гостиной. «Нравится?» — спросилъ онъ у насъ. — Да-съ, — произнесли мы протяжно. «А вотъ, откуда онъ вышелъ, не угадаете. Мѣсяць тому назадъ въ комисіи Козель докладывалъ нескончаемое дѣло по Бѣлоруссіи; извѣстно, чепуха! Смотря съ отчаяніемъ на потолокъ, усмотрѣлъ я прелестный арабскъ, срисовалъ его и заказалъ въ видѣ столика».

Однажды по милости этого Козла я попалъ было совсѣмъ невинно въ большую бѣду и насилиу изъ нея выпутался. Подходить ко мнѣ, дежурному въ канцеляріи, гвардейскій офицеръ, очень приличный, и, кажется, полякъ, и вѣжливо спрашиваетъ, въ какомъ положеніи находится просьба къ государю его матери. Я отвѣчаю, что она перешла въ канцелярію тогда-то и такого-то числа, въ одно изъ отдѣленій для приготовления къ докладу въ комиссію прошеній. «Позвольте спросить, къ кому изъ вашихъ чиновниковъ она поступила?» Я отвѣчаю очень просто и очень холодно: «Къ Козлу». — «Позвольте вамъ замѣтить, что я имѣю право требовать отъ васъ не такого отвѣта». Я имѣлъ глупость разсердиться и грубо отвѣчалъ: «Да что вы пристааете? я вамъ говорю, что ваше дѣло у Козла».

Разговоръ начался крупнѣе; по счастью, кто-то изъ старшихъ чиновниковъ замѣтилъ это и сказалъ Брусилову, который добродушно самъ успокоилъ гвардейца, хотя и не вполнѣ, потому что онъ вышелъ съ словами: «Я очень жалѣю, господа, что всѣ вы имѣете Козла себѣ товарищемъ».

Другой болѣе еще памятный мнѣ экспедиторъ былъ Григорій Алексѣвичъ Андреевъ. По моей тогдашней неопытности въ наукѣ жизни я не старался узнавать о происхожденіи и воспитаніи тѣхъ лицъ, съ которыми встрѣчался и съ коими по обстоятельствамъ входилъ въ какія-нибудь сношенія. Мнѣ осталось неизвѣстнымъ, откуда и какъ вышелъ на свѣтъ г. Андреевъ, чиновникъ среднихъ лѣтъ, полуобразованный, съ манерами довольно приличными, съ характеромъ уклончивымъ и холоднымъ; онъ былъ начальникомъ второго отдѣленія въ канцеляріи, и на него было возложено разсмотрѣніе жалобъ на московскіе департаменты и тамошнее общее собраніе сената. Старшимъ помощникомъ у него былъ нѣкто Кашинъ, племянникъ Соколова, закоренѣлый приказный, не имѣвшій никакого здравого смысла и въ то же время великій мастеръ составлять дѣловыя записки своего рода, которыя, провѣренныя Андреевымъ, почему-то очень нравились нашему главному начальнику. Въ это второе отдѣленіе назначенъ былъ я Кикинымъ, по пріѣздѣ его изъ Москвы, младшимъ помощникомъ. Андрееву приказано было имъ занимать меня не одной перепиской докладныхъ записокъ въ комиссію, но и поручать мнѣ первоначальное составленіе самыхъ записокъ по тяжбынымъ дѣламъ и процессамъ не слишкомъ сложнымъ. Цѣль статсъ-секретаря, благоволившаго ко мнѣ, какъ къ близкому родственнику, была та, чтобы испытать

мои юридическія знанія, мной въ университетѣ пріобрѣтенныя, и пріучить меня подѣ руководствомъ двухъ, по его мнѣнію, мастеровъ этого искусства къ судебной практикѣ; то же самое хотѣлъ онъ сдѣлать и для другого своего двоюроднаго племянника, Языкова, поступившаго послѣ меня въ канцелярію, назначивъ и его младшимъ помощникомъ къ Андрееву. Оба мы начали трудиться очень усердно, я же съ большимъ успѣхомъ, нежели Языковъ, какъ человѣкъ, которому такія занятія были не чужды; но зато вмѣсто радушнаго участія отъ моего прямого начальника Андреева и подначальника Кашина и помѣху встрѣтилъ я первый. Самъ Андреевъ, составляя свои записки изъ сенатскихъ рѣшеній и соображая ихъ потомъ съ просьбой истца, былъ еще довольно ясенъ въ своемъ положеніи, но часто, иногда даже и умышленно, запутывалъ обстоятельства дѣла въ своихъ длинныхъ періодахъ, оставляя ихъ безъ глагола, либо выпуская съ намѣреніемъ спорные пункты, служившіе предметомъ иска. Такими способами, когда ему было то нужно, ухищрялся онъ затемнить дѣло и потомъ убѣдить членовъ комиссіи соглашаться на проектъ его рѣшенія, основываемаго на имъ же приведенныхъ указахъ. Все это дѣлалось имъ, конечно, не безкорыстно; онъ, какъ и всѣ другіе начальники отдѣленія, бралъ съ просителей взятки: безъ такихъ постороннихъ доходовъ ему не съ чѣмъ было бы жить въ Петербургѣ съ семьей. Старшій его помощникъ Кашинъ былъ его правою рукой, работалъ въ его смыслѣ съ тою разницей, что писалъ старымъ приказнымъ, безграмотнымъ слогомъ. Послѣ этого понятно, что составляемая мною, ученикомъ Сандунова, записки изъ сенатскихъ рѣшеній не могли нравиться обоимъ моимъ на-

чальникамъ. Я составлялъ ихъ отчетливо, ясно и въ особенности кратко; дѣло, такимъ образомъ изложенное, представлялось бы членамъ комиссіи слишкомъ просто и почти никогда не требовало бы личныхъ объясненій докладчика. Такой естественный способъ изложенія процесса уничтожалъ почти всякую возможность сорвать взятку то съ истца, то съ отвѣтника, и его надо было уничтожить, какъ вредное для кармана докладчиковъ нововведеніе. Вотъ почему всякій разъ, когда представлялъ я мою черновую записку Андрееву или Кашину, они находили ее слишкомъ сокращенною, вначалѣ выслушивали мои возраженія, никогда со мною не соглашались, а потомъ безъ всякихъ объясненій перечеркивали все мною написанное, составляли по этому дѣлу свою собственную записку второе, вчетверо пространнѣе и мнѣ же отдавали ее на короткій срокъ для переписки. Къ подобному труду вмѣсто ожидаемаго поощренія я, само собою разумѣется, получилъ отвращеніе. Сверхъ того за медленность переписки Андреевъ дѣлалъ мнѣ учтивые выговоры; наконецъ, мѣсяцевъ черезъ восемь отъ моего къ нему причисленія рѣшительно и очень нѣжно со мной объяснился. «Что вамъ за охота,—сказалъ онъ мнѣ,—заниматься этими судебными дразгами? Вы по вашему положенію къ этому не призваны; мнѣ же вмѣсто облегченія въ моихъ занятіяхъ вы ихъ затрудняете. Легче составить записку одному, чѣмъ исправлять чужую. Бросьте ихъ совсѣмъ и даже не переписывайте; недостаточные изъ нашихъ чиновниковъ охотно это будутъ дѣлать за васъ, если вы пожертвуете имъ много-много 50 рублей». Съ тѣхъ поръ такъ и пошло: я ровно ничего не дѣлалъ, Кикинъ же или позабылъ о своихъ обо мнѣ попеченіяхъ, или повѣрилъ Андрееву,

что я, да и всѣ университетскіе выходцы къ приказной работѣ неспособны.

Петръ Андреевичъ Кикинъ изъ древняго дворянскаго рода (прославленнаго сподвижникомъ Петра Великаго и его любимцемъ Александромъ Кикинымъ, впослѣдствіи ему измѣнившимъ и имъ посаженнымъ на колѣ за участіе въ заговорѣ царевича Алексѣя Петровича), родился въ одинъ годъ съ императоромъ Александромъ I, недолго учился въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, служилъ въ гвардейскомъ семеновскомъ полку, котораго шефомъ былъ Александръ Павловичъ, и изъ полковыхъ адъютантовъ пожалованъ былъ, по воцареніи Александра, флигель-адъютантомъ. Въ 1812 году былъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ при начальникѣ главнаго штаба Коновницынѣ, а потомъ Ермоловѣ. Въ 1815 г. послѣ недолгой отставки изъ военныхъ генераловъ переименованъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и назначенъ статсъ-секретаремъ у принятія прошеній. Въ это время онъ считался литераторомъ и, по дружбѣ своей съ родоначальникомъ всѣхъ славянофиловъ Шишковымъ, былъ членомъ предсѣдательствуемаго Державичнымъ общества подъ названіемъ «Бесѣда любителей русскаго слова» (о ней упомяну послѣ). Теперь сдѣлаю относительно Кикина одно замѣчаніе. Русскую юриспруденцію, все наше судопроизводство, всю переписку, къ нему относящуюся, или такъ называемое дѣлопроизводство,—все это почиталъ онъ какими-то элевзинскими таинствами, профанамъ недоступными. Чѣмъ туманнѣе и запутаннѣе бывала какая-нибудь судебная бумага, тѣмъ казалась она ему дѣльнѣе; подчиненные дѣлопроизводители тотчасъ это раскусили и этимъ безнаказанно пользовались. Мы съ Языко-

вымъ скоро убѣдились, что на его дѣятельное покровительство намъ, принадлежащимъ къ новому поколѣнію, разсчитывать было нечего: намъ не было и не могло быть ходу, и мы охотно согласились на легкое соблазнительное бездѣйствіе.

Дабы не утомлять моихъ читателей довольно скучнымъ перечнемъ всѣхъ нашихъ канцелярскихъ чиновниковъ, къ которому однако я скоро возвращусь, представлю здѣсь, какъ эпизодъ болѣе увлекательный, знакомство мое съ одной изъ современныхъ передовыхъ, эмансипированныхъ и тогда уже женщинъ, свояченицей Андреева, Софьей Дмитриевной Пономаревой, урожденной дѣвицею Познякъ. Она была дочь Дмитрія Прокофьевича Позняка, умнаго, хитраго сенатскаго оберъ-секретаря одного изъ петербургскихъ департаментовъ, слышавшаго въ свое время великимъ и даже просвѣщеннымъ дѣльцомъ по судебной части. Эта молоденькая, плотненькая дама небольшого роста обладала необыкновеннымъ искусствомъ нравиться и не отличалась скромностью. Гдѣ получила она свое образованіе—не знаю, но воспитаніе ея было самое блистательное: бойко говорила она на четырехъ европейскихъ языкахъ и владѣла превосходно русскимъ, что тогда было рѣдкостью; легкая иностранная литература и наша домашняя были ей вполне знакомы. Она умѣла завлечь въ свою гостиную всѣхъ тогдашнихъ литераторовъ, декламировала передъ ними ихъ стихотворенія и восхищала своей игрой на фортепьяно и пріятнымъ пѣніемъ. Замужемъ была она за сыномъ богатаго откупщика Пономарева, который его отдѣлилъ и далъ ему средства къ широкой петербургской жизни. С. Дм., убѣдившись скоро по своемъ замужествѣ, что мужъ ея не стоитъ, предалась вполне лег-

комысленному поведенію и, чтобы ей въ этомъ не мѣшали, споила мужа. Онъ также служилъ у насъ въ канцеляріи и также въ ней ничего не дѣлалъ. Познакомившись съ нимъ, какъ съ сослуживцемъ, и тотчасъ обративъ на себя вниманіе его хорошенькой, увлекательной супруги, я началъ появляться у нихъ часто. Вечеромъ, часовъ въ 10, можно было еще встрѣтить ея мужа, но уже не иначе какъ навеселѣвъ, къ 11, послѣ нѣсколькихъ чашекъ чаю съ ромомъ, онъ былъ готовъ, и его укладывали спать, гостей прибывало, и бесѣда оживленная умной вертлявой хозяйки закипала со всѣмъ очарованіемъ изящной, какой-то художественной оргіи.

Обычными посѣтителями были люди извѣстные по литературѣ или по искусству, даровитые и любезные въ откровенной, ничѣмъ не сдержанной бесѣдѣ. Такими собесѣдниками бывали зрѣлыхъ лѣтъ люди, какъ то: изрѣдка баснописецъ Крыловъ, переводчикъ Гомера Гнѣдичъ, неразборчивый въ своей литературной дѣятельности журналистъ Гречъ, издатель журнала «Благонамѣренный» циникъ Измайловъ, трагики: Катеинъ и Жандръ, закадычный другъ Пушкина Дельвигъ, Лобановъ и Баратынскій и другіе; женщинъ не бывало ни одной. Дикой козочкой прыгала во всей этой толпѣ, или, пожалуй, порхала бабочкой между нами Софья Дмитріевна, возбуждая своимъ утонченнымъ участіемъ и нескромными тѣлодвиженіями чувственность каждаго. Пожилые изъ собесѣдниковъ, упитанные холоднымъ ужиномъ и нагруженные виномъ, въ полусонѣ отправлялись по домамъ; кто помоложе оставались гораздо за полночь, а самые избранные—до поздняго утра. Чего тутъ ни выдумывали на общую забаву. Я въ эти годы былъ слишкомъ мо-

лодь, слишкомъ невиненъ и чистъ, чтобы вполнѣ воспользоваться знакомствомъ съ подобною женщиной; у нея и безъ меня было много въ этой толпѣ любимцевъ. Однажды, оставшись съ нею наединѣ, я увлекся ея вызывательнымъ кокетствомъ со мной и позволилъ себѣ нѣкоторыя вольности; однимъ строгимъ взглядомъ она ихъ удержала, и я вышелъ отъ нея олухомъ. На другой день получилъ я отъ нея письмо на французскомъ языкѣ, которымъ спрашивала она меня, что значило вчерашнее мое поведение: истинная ли страсть или одна прихоть? Требуя отвѣта, она вмѣстѣ требовала и возвращенія своей записки; я былъ до того глупъ, что отвѣчалъ на моемъ плохомъ французскомъ языкѣ и возвратилъ ей эту записку. Софья Дмитріевна сдѣлала меня предметомъ самыхъ злыхъ насмѣшекъ, рассказывая все своимъ тогдашнимъ фаворитамъ; до меня это тотчасъ же дошло, и я рѣшился всякое съ нею знакомство бросить.

Видно, кокетливыя женщины не любятъ оставлять въ покоѣ удаляющагося отъ нихъ мужчину, которому онѣ хоть на одну минуту нравились. Послѣ моей неудачной переписки прошло болѣе недѣли, что я не былъ у Пономаревыхъ. Полупьяный мужъ, никогда почти меня не посѣщавшій, явился неожиданно ко мнѣ тотчасъ послѣ моего обѣда, въ самыя сумерки. «Я пріѣхалъ за вами, — сказалъ онъ мнѣ, довольно смущенный, — пригласить васъ прокатиться со мною въ саняхъ». — Что это вамъ вздумалось? — отвѣчалъ я, — развѣ всѣ мы мало катаемся по городу, и неужели вамъ сани не надѣли? — «Сдѣлайте милость! Безъ отговорокъ одѣвайтесь и ѣдемъ!» Очень неохотно надѣлъ я шубу и сѣлъ въ его совсѣмъ не парадныя сани въ одну лошадь, которой правилъ какой-то маль-

чишка фореиторъ. Мальчишка этотъ, только что мы поѣхали маленькой рысцой, то и дѣло на меня поглядывалъ и, наконецъ, громко захохоталъ. Вышло, что кучерокъ былъ Софья Дмитриевна. Вся затѣянная ею штука состояла въ томъ, что ей хотѣлось, въ чемъ она и успѣла, привезти меня къ себѣ; но разъ оскорбленное щепетильное мое самолюбіе устояло противъ дальнѣйшихъ ея искушеній, хотя я и продолжалъ изрѣдка посѣщать ея гостиную, заманчивую для молодыхъ людей не одними ея прелестями, но и встрѣчею со всѣми почти петербургскими литераторами. Изрѣдка читалъ тамъ Крыловъ новыя свои басни еще до печати; Гнѣдичъ, одинъ изъ искуснѣйшихъ чтецовъ того времени, хотя и черезчуръ напыщенный, какъ и вся его фигура, прочелъ однажды, въ собраніи всего кружка свою классическую идиллію «Рыбаки», превосходное подражаніе Теоокриту, въ которой онъ съ неподражаемымъ поэтическимъ талантомъ въ этомъ родѣ описалъ свѣтлую, какъ день, петербургскую ночь и плоскіе берега величественной Невы, окаймленные великолѣпными зданіями. Въ другой разъ по просьбѣ всѣхъ прочелъ онъ намъ остроумную комедію Крылова, которая тогда только что появилась въ рукописи и, какъ переполненная злою ироніей надъ правительствомъ и высшимъ обществомъ, никогда не могла быть напечатана. Имъ же читались иногда и отрывки изъ его Илиады; онъ, какъ извѣстно, былъ первымъ изъ нашихъ эллинистовъ и одинъ изъ всѣхъ поэтовъ усвоилъ вполнѣ русской поэзіи древній греческій гекзаметръ. Гекзаметры и пентаметры Жуковского явились послѣ и едва ли были такъ строго въ метрикѣ своей правильны. Изъ-за нихъ бывали между нашими литераторами споры. Кромѣ

Гнѣдича читывалъ бывало благонамѣренный Измайловъ свои престонародныя циническія басни, отличавшіяся русскимъ юморомъ. Дельвигъ приносилъ свои пѣсни, которыя тутъ же распѣвала хозяйка. Гречь острилъ надъ Булгариномъ, своимъ другомъ. Въ этой гостиной кромѣ хозяйки была только одна женщина, ея подставка, итальянка Тереза, участница во всѣхъ продѣлкахъ, и чего-чего обѣ тутъ не дѣлали!

Въ концѣ зимы наступило по-моему самое благоприятное для Петербурга время. Яркое свѣтило солнца, обогрѣвая воздухъ. Однажды, гуляя по набережной Фонтанки, встрѣтилъ я двухъ, что-то уже черезчуръ шеголевато одѣтыхъ охтенокъ; одна изъ нихъ несла на плечѣ ведро съ молокомъ, ихъ обыкновеннымъ предметомъ ежедневной торговли. Я на нихъ съ любопытствомъ взглянулъ, онѣ захохотали и долго шли за мною, преслѣдуя меня своимъ смѣхомъ. Оказалось, что это была Софья Дмитріевна съ своей итальянкой. Куда и зачѣмъ онѣ ходили, я отъ нихъ не могъ добиться.

Литературное петербургское общество Пономаревыхъ не возбудило во мнѣ симпатіи. Кромѣ двухъ замѣчательныхъ личностей, Крылова и Гнѣдича, которые являлись къ намъ рѣдко, привлекательны были особенно Баратынскій и Дельвигъ. Физіономія послѣдняго носила характеръ его заунывныхъ русскихъ пѣсень, Баратынскій же былъ и тогда уже истиннымъ поэтомъ, увлекательно говорилъ и отличался благороднымъ тономъ и изящными манерами. Теперь въ этомъ напоминаетъ мнѣ его И. С. Тургеневъ. Скажу въ заключеніе разсказовъ моихъ о Пономаревой, что короткаго у меня съ ней знакомства послѣ первой попытки не было, и что она и ея гостиная со всей эксцентрич-

ностью удачно написаны были въ напечатанныхъ воспоминаніяхъ Панаева.

Возвращаясь къ моимъ воспоминаніямъ о мѣстѣ моего служенія, я остановлюсь на нихъ не долго. Изъ старшихъ чиновниковъ не много было особенно замѣчательныхъ: всѣ они были похожи одинъ на другого, какъ наши губернскіе города въ средней полосѣ Россіи. Всѣ они были облагороженные русскіе подьячіе старыхъ временъ, одѣвались прилично, хотя и пестро по тогдашнему обыкновенію (платья чернаго цвѣта тогда носились только въ случаѣ траура), у каждаго на шеѣ была Анна или Владиміръ въ петлицѣ. Сотнями бѣгали подобные чиновники всѣхъ вѣдомствъ по Невскому проспекту въ десятомъ часу утра по направленію къ разнымъ своимъ департаментамъ, и въ четвертомъ пополудни тѣ же самые десятки видимы были тамъ же, когда они возвращались изъ своихъ присутствій съ портфелями подъ мышкой. Всѣ эти господа были предтечами нынѣшнихъ бюрократовъ, измѣнившихся, судя по-моему, не къ лучшему: въ тогдашнихъ не выставлялись такъ явно наружу теперешняя самонадѣянность и заносчивость. Нельзя же, однако, всѣхъ этихъ господъ въ моихъ «Запискахъ» однимъ почеркомъ похѣрить и уничтожить. Когда это второстепенное наше начальство собиралось погулять и покутить, мы, молодежь, также къ ихъ кружку присоединялись. Попойки бывали сильныя, и однажды послѣ обѣда на Крестовскомъ островѣ одинъ изъ нашихъ старшихъ до того расходился, что упорно хотѣлъ выскочить изъ ялбота, на которомъ мы всѣ плыли Невой и пойти по ней пѣшкомъ, увѣряя, что ему пьяному и море по колено. Этотъ герой назывался очень оригинально—Макаромъ Патрикеевичемъ Готовымъ и

завѣдывалъ отдѣленіемъ по просьбѣ о пансіонахъ и денежныхъ наградахъ. Изъ товарищей моихъ по лѣтамъ и по чину замѣчательнѣе всѣхъ былъ Николай Ивановичъ Бахтинъ своимъ яснымъ, діалектическимъ умомъ, ѣдкимъ остроуміемъ и быстрыми успѣхами по службѣ. Его всѣ боялись, какъ самаго злого насмѣшника, едва ли кто любилъ и, несмотря на это, онъ былъ въ послѣдствіи государственнымъ секретаремъ и недавно умеръ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ государственнаго совѣта. Тучный, добродушный и много пожертвовавшій изъ своихъ богатствъ на пользу общества, И. Ив. Фондуклей, сынъ грека-откупщика, чуть ли не одинъ изъ всѣхъ моихъ современниковъ остался въ живыхъ и засѣдаетъ нынѣ въ государственномъ совѣтѣ. Врядъ ли живъ мистикъ Энегольмъ и давнымъ давно умеръ славный Сутгофъ, забавлявшій насъ своею крайнею разсѣянностью, надъ которою я часто дѣлалъ опыты для потѣхи канцелярской нашей пубрики. Онъ любилъ прохаживаться по длинному коридору, и я подставилъ ему однажды на самой срединѣ коридора довольно высоко мою трость; онъ перешагнулъ ее на этомъ мѣстѣ, какъ и слѣдовало, чтобы не упасть, и потомъ уже во все время своей прогулки высоко подымалъ на этомъ мѣстѣ ноги. Другой разъ попросилъ я его понюхать табакъ, снялъ съ него Аннинскій крестикъ изъ петлички и при немъ положилъ въ его же табакерку. Это было при всѣхъ, и почти каждый просилъ у него табакъ и спрашивалъ, зачѣмъ у него въ табакеркѣ крестикъ. Онъ отвѣчалъ всѣмъ одно: «Изломалъ. Положилъ, чтобы не потерять». Зато и онъ однажды надулъ меня своею разсѣянностью. Собрались мы съ нимъ и съ другими обѣдать и гулять на островахъ. Выходя часу въ третьемъ изъ канцеляріи, я заѣхалъ домой,

чтобы надѣть сюртукъ (на службѣ бывали мы всегда во фракахъ), и воротился опять въ канцелярію, чтобы, взявъ оттуда Сутгофа, завести его къ нему на квартиру для подобнаго же переодѣванья и потомъ отправиться съ нимъ на моей удалой парѣ въ трактиръ Новой Деревни, гдѣ было наше сборище. Мы условились, чтобы я, не сходя съ дрожекъ, ждалъ у его подъѣзда; онъ жилъ въ четвертомъ этажѣ огромнаго Гунароповскаго дома около конно - гвардейскаго манежа. Вотъ я и сижу и жду, потомъ шагаю по тротуару, наконецъ, минутъ черезъ 20 теряю терпѣніе, пересчитываю ступени огромной крутой лѣстницы, вхожу въ его комнаты и вижу Сутгофа раздѣтаго въ халатъ и за бумагами. «Ахъ, здравствуйте; какъ это ты вздумалъ? Хочешь поѣсть? Я сейчасъ велѣлъ дать обѣдать». Все было имъ забыто, мы опоздали и пріѣхали на мѣсто свиданія къ десерту и уже къ десятой или одиннадцатой бутылкѣ шампанскаго; все было пьяно и насъ встрѣтили ругательствами. Былъ еще одинъ чиновникъ нашей канцеляріи и онъ будетъ предпоследнимъ въ моемъ описаніи: А. И. Петровъ, получившій громкую извѣстность во всей Россіи и, кажется, за ея рубежомъ, какъ отличный шахматный игрокъ. Всѣмъ намъ казался онъ простенькимъ, наивнымъ юношею, а часто бывалъ предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ; беспощадно, болѣе всѣхъ, преслѣдовалъ его Бахтинъ. Кромѣ особеннаго дарованія къ шахматной игрѣ, Петровъ отличался необыкновенно красивымъ почеркомъ, и всѣ докладныя записки, ежедневно представляемыя лично государю статсъ-секретаремъ, имъ были переписаны. Императоръ, любившій каллиграфію, замѣтилъ его почеркъ и какъ-то разъ изъявилъ за него Кикину свое удовольствіе; Петрову придало это какое-то

въ глазахъ нашихъ, а тѣмъ паче въ его собственныхъ, особенное значеніе и породило въ немъ желаніе подражать разнымъ почеркамъ и подписямъ. Въ этихъ упражненіяхъ добился онъ опаснаго искусства—превосходно поддѣлываться подъ руку самого государя, разумѣется, безъ всякаго злого умысла. Однажды выпросилъ я у него для шутки такую подражательную царскую подпись «Александръ» со всѣми ея вычерками и размахами въ концѣ бѣлой первой страницы на листѣ министерской величины бумаги, которую всегда подносили государю для подписанія именныхъ указовъ, и имѣлъ глупость представить этотъ листъ, какъ курьезъ, женѣ статсъ-секретаря; она же имѣла неосторожность, тоже какъ рѣдкость, показать ее мужу. На Кикина напалъ страхъ и ужасъ: ну, если самъ каллиграфъ злоупотребитъ такимъ талантомъ или кто-нибудь вздумаетъ этимъ воспользоваться. Петровъ былъ призванъ къ начальнику и долженъ былъ произнести передъ нимъ клятвенное обѣщаніе, что онъ впередъ ни вовѣки вѣковъ не станетъ подписываться подъ руку государя. Знаменитость и слава Петрова, какъ шахматнаго игрока, со временемъ дошла до того, что составила всю его карьеру. Онъ въ послѣдствіи находился при князѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ въ Варшавѣ, и всѣ его тамъ занятія ограничивались ежедневнымъ играніемъ съ фельдмаршаломъ въ шахматы. Онъ умѣлъ кстати проигрывать ему партіи и льстить постоянно необузданному самолюбію варшавскаго героя, за то получилъ онъ какое-то видное мѣсто, женился на дочери генерала-интенданта арміи нашей въ Польшѣ, Погодина, получалъ порядочное жалованье, аренды, ленты и, кажется, недавно умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника. Лѣтъ пять-шесть тому назадъ по слу-

чаю моего приѣзда въ Петербургъ собрались мы, Гофманъ, Бахтинъ и Петровъ, въ англійскомъ клубѣ, и когда я за второй бутылкой шампанскаго разспрашивая Петрова о его блистательныхъ успѣхахъ по службѣ и на шахматной доскѣ, кстати спросилъ Бахтина, играетъ ли и онъ въ шахматы, этотъ острякъ отвѣчалъ мнѣ: «Видите ли, мой любезнѣйшій, двадцатилѣтнимъ юношей я старательно изучалъ шахматную игру и добивался сдѣлаться ея знатокомъ, а когда я убѣдился на опытъ, что часто люди весьма посредственныхъ способностей по долгомъ въ этой игрѣ упражненіи дѣлаются ея знаменитостями, то бросилъ совсѣмъ шахматную доску. Игра сама по себѣ скучна, а превосходство въ ней моего самолюбія не удовлетворяетъ». Я привожу слова Бахтина во-первыхъ, какъ сужденіе человѣка замѣчательно умнаго о ничѣмъ не заслуженномъ мнѣніи объ умственныхъ дарованіяхъ великихъ шахматныхъ игроковъ и, во-вторыхъ, какъ доказательство того, что шахматная знаменитость Петрова была слишкомъ не обидчива, потому что всѣ эти слова Бахтина выслушалъ онъ не поморщившись.—Моему сослуживцу Языкову не отвожу я особеннаго мѣста въ запискахъ о канцеляріи; онъ и безъ того часто будетъ въ нихъ являться, а о живущемъ и теперь въ Москвѣ, подобно мнѣ, старцѣ Шимановскомъ скажу вкоротѣ, что онъ былъ и остался по своей широкой русской натурѣ что называется добрымъ малымъ. Въ канцеляріи пригоденъ онъ былъ на дѣланіе различной величины пакетовъ (въ продажѣ клееныхъ тогда не бывало нигдѣ и въ заводѣ), на изящно отчетливое приложеніе къ нимъ печати, но даже и не для переписки, зато отличался много лѣтъ, какъ собиратель нигдѣ, конечно, еще не бы-

валою коллекціи (не знаю, сохранилась ли она у него): отъ каждой распитой имъ бутылки шампанскаго отрѣзывалъ онъ конецъ пробки съ клеймомъ и хранилъ у себя за стекломъ въ хронологическомъ по годамъ порядкѣ; рѣдкая какая бы то ни было коллекція могла сравниться съ огромнымъ количествомъ предметовъ Шимановскаго собранія. Онъ былъ необыкновенно красивъ собой, лихо пѣлъ удалыя ямскія пѣсни, взять былъ для забавы на Кавказъ Ермоловымъ и сопровождалъ ему въ качествѣ пѣсельника по Кавказу и Грузіи, впослѣдствіи былъ предводителемъ въ одномъ изъ уѣздовъ Владимірской губерніи, женился на прехорошенькой бѣлокуренькой дѣвушкѣ; мучась чиновнолюбіемъ, въ старости опять вступилъ въ службу въ Москвѣ къ князю Долгорукову чиновникомъ особыхъ порученій, добился, наконецъ, лестнаго почета быть старшиной московскаго англійскаго клуба и теперь, кажется, отдыхаетъ на лаврахъ послѣ великихъ трудовъ долговременной жизни. Онъ былъ всегда и остался моимъ большимъ пріятелемъ, однимъ изъ трехъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ, которыхъ я теперь *тыкаю*.—Но довольно говорено о моемъ первоначальномъ служебномъ поприщѣ, попробую теперь записать другую сторону моей петербургской жизни и начинаю съ самага жилища.

Имѣя гораздо болѣе, чѣмъ сколько мнѣ было нужно, средствъ къ жизни и не любя никакой прихотливой роскоши, отыскалъ я съ Никольскимъ себѣ квартиру на углу Литейной и Моховой, возлѣ церкви св. Симеона. Она была такъ себѣ—и не красива, и не отвратительна. Въ ней были и зала, и гостиная, двѣ спальни съ перегородками, въ которыхъ помѣщались столы для письменныхъ нашихъ упражненій, съ ме-

белью весьма не изысканною, но очень приличною. Прислуга наша состояла изъ камердинера француза, Charles Pointin, родившагося однако въ Россіи, прехорошенькаго собой юноши, котораго я взялъ за 600 р. асс. для постоянного упражненія съ нимъ во французскомъ языкѣ, чуть ли не по совѣту тетки Марыи Васильевны; изъ подкамердинера, одѣтаго казачкомъ, бойкаго Тимошки, котораго я изъ либеральнаго приличія передѣлалъ въ Тимошу; изъ дворецкаго, довольно грамотнаго, Филиппа Ивановича и великолѣпнаго въ бородѣ и кучерской одеждѣ возницы или кучера Михайла Иванова. Прошу моихъ благосклонныхъ читателей замѣтить, что обрусѣлое у насъ слово «кучеръ» есть нѣмецкое, хотя многіе этого уже не подозреваютъ, а еще большее число людей даже грамотныхъ не знаютъ и того, какимъ русскимъ словомъ назывались у насъ кучера въ до-Петровское время, а вѣдь они какъ-нибудь должны же были называться; изъ этого слѣдуетъ, что мы по необходимости употребляемъ иностранныя слова, усвоивая ихъ понятіямъ, прежде у насъ небывалымъ. Въ примѣръ приведу еще «слесаря» или «профессора», «маляра» или «сенатора».

Однако я тутъ заговорился. Продолжаю. У меня была тройка лошадей, двѣ одиночки и одна пристяжная, очень порядочныя дрожки, весьма неудобныя (такая была мода),—на нихъ, хочешь не хочешь, сядись верхомъ,—и отличныя сани съ великолѣпною медвѣжьею полостью; кони были доморощенные, красивыя двѣ коренныя съ бѣгомъ и извивавшаяся кольцомъ лихая пристяжная. Совсѣмъ было забылъ про повара; былъ, конечно, и оный въ числѣ моихъ домочадцевъ. Привезенный изъ Москвы крѣпостной поваренокъ слѣ-

лался настоящимъ поваромъ не прежде годичнаго изученія своего искусства въ академической петербургской кухнѣ богача Комбурлея. Это имя приводитъ меня прямо къ разсказу о моихъ петербургскихъ знакомствахъ, весьма малочисленныхъ, а какъ я не раздѣляю года моихъ «Записокъ», а стараюсь разсказывать въ нихъ по разнымъ предметамъ за одинъ разъ все, что мнѣ придетъ въ голову, то изъ знакомыхъ моихъ въ Петербургѣ упомяну уже заодно о всѣхъ, которыхъ зналъ я во все мое тамошнее пребываніе. Мнѣ не придется долго на нихъ останавливаться.

Однимъ изъ первыхъ моихъ петербургскихъ визитовъ былъ къ этому богачу Комбурлею. По разсказамъ моего отца я зналъ достовѣрно, что этотъ господинъ, разбогатѣвши службою и женитьбой, былъ взятъ моимъ отцомъ въ 80 годахъ мальчишкой изъ кофейни какого-то грека города Θεοδοσίи и опредѣленъ въ канцелярію экономіи директора. Комбурлей былъ ловокъ и необыкновенно красивъ собой. Какъ онъ пробилъ себѣ трудный путь жизни, мнѣ осталось неизвѣстно; но уже въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія живалъ онъ у насъ, проѣздомъ въ Москвѣ, молодымъ порядочнымъ человѣкомъ, стало-быть тогда уже выходилъ въ люди. Женитьба на богатой и красивой наслѣдницѣ харьковскаго помѣщика Кондратьева еще болѣе придала ему ходу. Въ 1811 и 12 годахъ очутился онъ на какихъ-то особенныхъ правахъ губернаторомъ въ Волынской губерніи; его безотчетнымъ распоряженіямъ въ то время предоставлено было продовольствіе молдавской арміи во время турецкой войны и потомъ во все время возвращенія ея въ Россію въ началѣ отечественной войны. Честно или нѣтъ онъ тутъ дѣйствовалъ, но по огромному

начету, послѣдовавшему на него по этимъ операціямъ, былъ онъ отрѣшенъ и преданъ суду, что не мѣшало однако ему жить въ Петербургѣ роскошно и открыто.

Предполагая, что изъ памяти Комбурлея не могло совершенно изгладиться имя того человѣка, который былъ первой причиной всѣхъ его удачъ въ жизни, я отправился къ нему съ визитомъ и тѣмъ смѣлѣе, что 10-лѣтнимъ ребенкомъ бывалъ у него и его жены и помнилъ, какъ эта красивая чета меня въ то время ласкала; но меня не приняли. Я оставилъ карточку великолѣпному швейцару, далъ записать мою квартиру, и цѣлые два года напрасно прождалъ отъ Комбурлеевъ какого-нибудь знака ихъ вниманія или простой свѣтской учтивости. Еще хуже, еще обиднѣе поступилъ со мною родственникъ моей матери Михаилъ Алексѣевичъ Обресковъ. Этотъ черезъ своего камердинера изъявилъ мнѣ желаніе меня видѣть, но что ему теперь некогда и что онъ пришлетъ за мной. Такое безцеремонное объясненіе съ перваго раза приписывалъ я тѣмъ короткимъ родственнымъ связямъ, какія всегда были между Обресковыми, дѣтьми Екатерининскаго дипломата, и семьей моей матери того же имени; но приглашенія ждалъ я долго и не дождался. Весьма достаточно было этихъ двухъ неудачныхъ пробъ познакомиться съ двумя очень извѣстными въ Петербургѣ домами, чтобы положить окончательный предѣлъ всякому искательству съ моей стороны какихъ бы то ни было новыхъ знакомствъ. Я, наприм., имѣлъ бы право толкнуться въ двери предсѣдателя нашей коммисіи прошеній, В. Степ. Попова, который, будучи при Потемкинѣ правителемъ дѣлъ, былъ въ близкихъ служебныхъ сношеніяхъ съ моимъ отцомъ, но я боялся и его швейцарской комнаты. Другой на мо-

емъ мѣстѣ, побойчѣе, умѣлъ бы преодолѣть всѣ подобныя препятствія, непремѣнно встрѣчающіяся каждому юношѣ при его появленіи въ столицу безъ особенныхъ сильныхъ связей на мѣстѣ. Меня, напротивъ, это нисколько не подвигало на охоту за крупными звѣрями. «Отчужденіе отъ высшаго общества происходитъ со мной,—говорилъ я себѣ,—не по моей винѣ». Я сознавалъ съ удовольствіемъ мою отъ него независимость и самымъ этимъ сознаніемъ извинялъ себѣ мою дикость. «Да чортъ съ ними,—думалъ я,—пусть они живутъ себѣ, я проживу и безъ нихъ и ухаживать за ними не стану». Семья моего начальника и родственника Кикина была ко мнѣ радушна и ласкова; самъ Петръ Андреевичъ былъ человѣкъ подъ грубыми и непривлекательными формами весьма добрый, а потому и мнѣ искренно желалъ всякаго добра и во всемъ готовъ былъ быть полезнымъ, но, убѣдившись разъ отзывомъ хитраго Андреева о мнимой неспособности моей къ юридической службѣ и часто видя меня у себя, всегда безстрастнымъ, ни въ чемъ не честолюбивымъ, ко всему равнодушнымъ, онъ самъ, всегда чѣмъ либо увлекавшійся, то какъ членъ «бесѣды» или вольнаго экономическаго общества, то какъ помѣщикъ, постоянно и безуспѣшно преобразующій свое отдаленное за Кіевомъ имѣніе, то какъ покровитель русскихъ художниковъ и въ то же время всякаго рода новыхъ изобрѣтеній по части ремеселъ и промышленности,—видя меня, говорю, во всемъ этомъ безучастнаго, несмотря на свое подталкиваніе, махнулъ на меня рукой и заключилъ предсказаніемъ, отчасти сбывшимся, что я ограничу всю мою будущность и дѣятельность однимъ званіемъ члена московскаго англійскаго клуба. Къ такому, не совсѣмъ-то выгодному

его обо мнѣ заключенію присоединялось предубѣжденіе его противъ воспитанниковъ московскаго университета, поэтому онъ и меня (вотъ уже совсѣмъ напрасно) подозрѣвалъ въ начинавшемъ проявляться тогда либерализмѣ. Кикинъ, какъ и всѣ его сверстники и еще болѣе мои собственные, а можетъ статься и передовые люди теперешняго поколѣнія, были человѣкъ противорѣчій; какъ видно, это зависитъ болѣе всего отъ русскаго омута, въ которомъ кружимся мы отъ Петровской реформы. Кикинъ, вѣрный слуга императора Александра и его, можно сказать, добросовѣстный, искренній обожатель, самого этого государя готовъ былъ порицать за его либеральныя тенденціи, за его симпатіи къ европейской цивилизаціи. Съ Петровскихъ временъ, а можетъ быть еще и съ воцаренія Романовыхъ началось у насъ существованіе двухъ партій, передовой и задней (охранной). Первая готова была усвоивать и отчасти мало-по-малу усвоивала успѣхи европейской гражданственности, вторая передъ ней трепетала и отстаивала старину. Въ народѣ, въ массѣ, все это окончательно и собирательно выразилось расколомъ, въ высшихъ слояхъ общества—двумя крайностями: погруженіемъ однихъ въ старину, другихъ въ безотчетное стремленіе ко всему чужому, безъ всякаго разбора пригодно ли оно намъ или нѣтъ. А какъ ни на томъ, ни на другомъ пути рѣшительно невозможно было идти прямо, не уклоняясь то въ ту, то въ другую сторону, то всякій мыслящій путникъ, за исключеніемъ, конечно, отпѣтыхъ къ цивилизаціи раскольниковъ, необходимо становился болѣе или менѣе человѣкомъ противорѣчій, какимъ я назвалъ и Кикина, всегда слишкомъ рѣшительнаго въ своихъ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ. Поклон-

никъ старины, по вліянію на него Шишкова, консерваторъ и ярый защитникъ самодержавія по родовой преданности къ монарху, онъ, по увлеченію своего сердца, какъ будто самъ того не зная, въ своихъ помѣщичьихъ мечтаніяхъ доходилъ до желанія эмансипаціи, признавая въ то же время крѣпостное право основой самодержавія. Несмотря на невыгодное его обо мнѣ мнѣніе, всякій разъ, когда его дѣятельность бросалась почему-то на экономическіе и хозяйственные предметы, чѣмъ отвлеченнѣе они представлялись его мышленію, чѣмъ обширнѣе была надъ ними его письменная работа, тѣмъ нетерпѣливѣе сообщалъ онъ ихъ мнѣ, требуя отъ меня откровеннаго о нихъ сужденія и по части слога и относительно ихъ содержанія. Слогъ Кикина въ этихъ его твореніяхъ былъ слогъ, который я давно называю помѣщичьимъ, не называя безграмотнымъ; въ немъ не было ~~порядочности~~ послѣдовательности и достаточной обработки; все это достигается однимъ навыкомъ. Какъ онъ изумился однажды передъ моимъ замѣчаніемъ, что я имѣю дерзость подозрѣвать въ немъ желаніе переворота, т.-е. просто революціи. «Ты съ ума сошелъ!» закричалъ онъ, и когда я ему прочелъ отрывокъ изъ его же статьи, приготовленной для чтенія въ вольномъ экономическомъ обществѣ,—тотъ отрывокъ, въ которомъ онъ для введенія раціональнаго хозяйства требовалъ болѣе разумнаго труда и менѣе произвола, слѣдовательно свободы и свободы,—то онъ крѣпко призадумался и черезъ нѣсколько дней сказалъ мнѣ, что произведенія своего въ обществѣ читать не будетъ, чтобы не подвергнуться разнымъ толкамъ и осужденіямъ. Въ это самое время императоръ Александръ уже болѣе опасался, нежели желалъ, освобожденія крестьянъ и

уничтожилъ незадолго составившееся по этому предмету общество, почитателемъ коего былъ Николай Ивановичъ Тургеневъ, а первыми дѣятелями—графъ Воронцовъ и князь Меншиковъ.—Вотъ что значить расходиться и растеряться въ несвойственныхъ мнѣ историческихъ соображеніяхъ: рассказывая здѣсь о либеральныхъ направленіяхъ Кикина и о его статьѣ о невыгодахъ крѣпостного труда, я отнесъ все сказанное объ этомъ выше къ первой половинѣ 20 годовъ, тогда какъ оно относится къ 31 или къ 32 году, слѣдовательно десятью годами позже.

Съ Петромъ Андреевичемъ Кикинымъ и его женой Марьей Ардалионовной жили въ одномъ домѣ, вѣрнѣе сказать, самъ онъ и его жена жили въ домѣ очень старой дѣвицы Марьи Саввишны Перекусихиной, которая была родная тетка вдовы Катерины Васильевны ~~Таруковой~~, урожденной Перекусихиной, матери Кикиной, и жила съ теткой, дочерью и своимъ зятемъ. Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1818 г. Марья Саввишнѣ было уже подъ 80 лѣтъ; десятки годовъ пробыла она въ званіи камеръ-фрау при Екатеринѣ II и, какъ извѣстно, пользовалась особеннымъ милостивымъ расположеніемъ императрицы. Сказываютъ, что Марья Саввишна, будучи ея другомъ и не выставляясь никогда слишкомъ впередъ и на видъ всего Двора, жила вблизи отъ внутреннихъ покоевъ государыни скромно въ небольшомъ отведенномъ ей помѣщеніи. Сказываютъ также, что она была постоянной посредницей съ ея фаворитами и что она никогда не имѣла никакого значительнаго вліянія ни на первую, ни на послѣднихъ; что она всѣми вообще была любима и уважаема, держала себя въ сторонѣ отъ всѣхъ интригъ и никогда ни въ какихъ случаяхъ не выставлялась впередъ. Изъ

всѣхъ лицъ, окружавшихъ Екатерину, она одна умѣла не вооружить противъ себя императора Павла, который, не любя мать, ненавидѣлъ почти всѣхъ къ ней близкихъ. По восшествіи своемъ на престолъ онъ тотчасъ же отличилъ ее своимъ благоволеніемъ и вскорѣ пожаловалъ ей лично 5,000 десятинъ земли въ Рязанской губерніи изъ казенныхъ дачъ, близкихъ къ имѣнію ея дочери Тарсуковой. Старушка Перекусихина замѣчательна была во многомъ, можно сказать, во всѣхъ отношеніяхъ. Она не знала ни одного иностраннаго языка и, вѣроятно, именно потому государыня, желавшая выучиться совершенно по-русски (чего она почти и достигла), ее къ себѣ приблизила. Я, впрочемъ, засталъ еще двухъ дамъ, бывшихъ при Екатеринѣ ея комнатными камеръ-фрау или камеръ-медхенами, которыя также кромѣ русскаго языка никакого не знали. Происходила Марья Саввишна изъ дворянскаго небогатаго дома Перекусихиныхъ въ Рязанской губерніи; братъ ея былъ при Екатеринѣ сенаторомъ. Какъ теперь гляжу я на эту милую старушку, скромную, но всегда опрятно одѣтую, низенькую ростомъ, худенькую, въ бѣломъ, какъ снѣгъ, накрахмаленномъ чепчикѣ, изъ-подъ котораго виднѣлись слегка напудренные волосы, сидящую за своимъ столомъ съ книжкою или за гранъ-пасьянсомъ и ежедневно до обѣда или раннимъ вечеромъ радушно принимавшую въ своей гостиной, возлѣ самой прихожей, обычныхъ посѣтителей различныхъ лѣтъ и различнаго положенія въ петербургскомъ обществѣ. Пріемъ у нея былъ не по чинамъ; знатныхъ и незнатныхъ встрѣчала она одинаково, меня же съ перваго моего появленія въ этомъ ея небольшомъ и незатѣйливомъ домѣ всегда принимала съ особеннымъ добродушіемъ, вспоминая дружбу

свою къ моему отцу, когда онъ былъ при Потемкинѣ; знала же она его коротко и потому, что съ нимъ былъ друженъ Петръ Петровичъ Новосильцевъ, женатый на сестрѣ Тарсукова, мужа воспитанной ею племянницы. У нея же впослѣдствіи во дворцѣ часто жила и двоюродная ея внучка Кикина, которой, какъ видно, она уже съ малыхъ лѣтъ внушала не добиваться придворныхъ отличій. Марья Ардалионовна, дочь екатерининскаго оберъ-гофмейстера и богатая наслѣдница его имѣнія, не имѣла фрейлинскаго шифра и отказала его для своей дочери, которая украсилась имъ уже послѣ смерти родителей, выходя замужъ за князя Волконскаго. — Въ гостиной, спальнѣ и кабинетѣ этой подруги Екатерины все наполнено было воспоминаніями объ обожаемой ею государынѣ. Портретовъ было нѣсколько, мебели, ей принадлежавшей и ею ежедневно употребляемой, также, равно какъ незатѣйливыхъ фарфоровыхъ чашекъ и другихъ мелочныхъ украшеній. Между всѣми этими вещами не было ничего драгоцѣннаго, но все было дорого памяти сердца облагодѣтельствованной ею подруги.

Мать Кикиной, племянница Перекусихиной, вдова Екатерина Васильевна Тарсукова, не походила на свою типичную тетюшку и была бы даже и въ преклонныхъ годахъ совершенно другого пошиба, если бы Марья Саввишна не сдерживала ея постоянно своею житейскою мудростью. Въ ней прорывались часто выходки ея собственнаго характера, замѣчательно легкомысленнаго. Она, вѣроятно, до встрѣчи моей съ нею, болѣе чѣмъ въ зрѣлыхъ годахъ, кой-когда кокетничала, любила посплетничать, увлекаться обольщеніями и Двора и знатности, и уже, конечно, не мать отказывала въ шифрѣ своей дочери. Все, что было въ ней, въ этой полустарухѣ, нравственнаго, умѣреннаго и серьезнаго,

все это держалось въ ней по чувству преданности къ своей благочестивой, благородной теткѣ; зато дочь ея Марья Ардаліоновна усвоила себѣ всѣ прекрасныя качества бабушки. Лучшей чертой ея характера при теперешнемъ моемъ о ней воспоминаніи представляется мнѣ благородная независимость отъ мишурныхъ увлеченій Двора и великосвѣтскаго общества, которая проявлялась даже въ своеобразномъ ея туалетѣ, никогда не подчинявшемся модѣ, но всегда приличномъ и даже изящномъ. Въ скромной гостиной Марьи Саввишны, общей съ ея сожителями, рѣдко являлись значительныя и вліятельныя лица этого времени; она, какъ и всѣхъ, принимала бы ихъ охотно, но Кикинъ былъ со всею знатію въ разладѣ, никогда съ ними не водился и только по настоянію своихъ домашнихъ дамъ оплачивалъ имъ визиты. Во всѣ три года моего пребыванія въ Петербургѣ только одинъ разъ удалось мнѣ видѣть тогдашняго министра просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, мистика князя Голицына, несмотря на то, что этотъ любимецъ императора Александра, иногда удачно боровшійся съ другимъ его фаворитомъ Аракчеевымъ, выросъ на глазахъ Марьи Саввишны при дворѣ Екатерины. Раза два случилось мнѣ видѣть у нихъ Мордвинова и столько же начинавшаго обращать на себя вниманіе князя Меншикова. Всѣ прочія крупныя знаменитости не переступали порога кикинскаго или перекусихинскаго дома. Изъ всѣхъ вліятельныхъ и крупныхъ стариковъ того времени по временамъ показывались тамъ трое: предсѣдатель комиссіи прошеній и членъ государственнаго совѣта, замѣчательный, остроумный князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, слывшій богачомъ и весьма расчетливымъ, порядочнымъ человѣкомъ, тоже членъ совѣта графъ Николай

Николаевичъ Головинъ, которому всѣ какъ бы въ какой вѣрный банкъ ввѣряли свои большіе и малые капиталы и коего совершенное банкротство, оказавшееся послѣ его смерти, разорило многихъ; имѣніе же его, разыгранное въ лотереи, село Воротынецъ, не могло вполне вознаградить кредиторовъ; наконецъ, чаще всѣхъ изъ великихъ людей бывалъ тамъ адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, родоначальникъ славянофиловъ, впослѣдствіи самъ министръ просвѣщенія, узкій обскурантизмъ коего обнаружился теперь вполне въ недавно обнародованныхъ историческихъ документахъ временъ императора Александра. У

О Шишковѣ довольно сказать одно: онъ былъ отъявленнымъ врагомъ митрополита Филарета и доносилъ на него, какъ на безбожника и на либерала, а Карамзина долгое время почиталъ революціонеромъ; вотъ до чего можетъ доходить во всемъ ревность не по разуму. Здѣсь приостановлю я на время рассказы мои о кикинскомъ обществѣ, чтобы передать то, что случилось со мною вслѣдствіе моего съ этимъ обществомъ столкновенія и что имѣло весьма рѣшительное вліяніе на долгіе годы всей моей жизни. Семейные мои читатели изъ этихъ откровенныхъ очерковъ моего дѣтства и юности, вѣроятно, уже замѣтили раннюю степенность моего характера и ту разсудочную способность, которая обуздывала во мнѣ всѣ возможныя увлеченія юности, но духъ времени не могъ не имѣть на меня нѣкотораго вліянія. По умиротвореніи Европы императоромъ Александромъ, вездѣ въ Россіи, частью въ Москвѣ, а особливо въ Петербургѣ либеральныя идеи пустили свои ростки; болѣе или менѣе такими идеями заразился и я. Одинъ изъ моихъ университетскихъ товарищей и друзей П. А. Н., изучая любимаго своего автора

Жанъ-Жака Руссо, предался всецѣло его утопіямъ и передъ отъѣздомъ моимъ на службу въ Петербургъ въ 1818 году подъ страхомъ тайны вручилъ мнѣ небольшую тетрадку своихъ юношескихъ мечтаній объ освобожденіи крестьянъ. Я ему въ этомъ сочувствовалъ и явился къ тогдашнему единственному журналисту Гречу съ этой тетрадкой, съ просьбой, если можно, ее напечатать, не называя автора. Съ великимъ ужасомъ пробѣжалъ ее при мнѣ издатель «Сына Отечества» и взялъ съ меня клятву въ томъ, что я никогда и никому не буду сообщать о существованіи подобныхъ опасныхъ мыслей. Узнавъ потомъ Греча довольно коротко по неблагопріятнымъ о немъ отзывамъ всего петербургскаго общества, я скоро увѣрился, что онъ, служа и нашимъ, и вашимъ, т.-е. будучи либераломъ въ кругу литературномъ и тайнымъ агентомъ тайной полиціи, не преминулъ сообщить кому слѣдуетъ о существованіи вывезенной мной изъ Москвы тетрадки. Добрый и осторожный правитель кикинской канцеляріи, Брусиловъ, какъ-то разъ, наединѣ, безъ всякихъ объясненій, дружески посовѣтовалъ мнѣ вести себя осторожно и не слишкомъ *завираться*—обыкновенное тогдашнее выраженіе о молодыхъ людяхъ, позволявшихъ себѣ либеральничать. Нѣсколько времени спустя дошла и до меня только что написанная Пушкинымъ и ходившая по рукамъ ода его подъ названіемъ «Вольность». Считая себя мастеромъ декламировать стихи и желая похвастаться моимъ чтеніемъ передъ моими сослуживцами, я передъ выходомъ всѣхъ изъ канцеляріи удержалъ на полчаса любителей російскаго стихотворства и торжественно прочелъ имъ это новое произведеніе отчаянно либеральной тогда музы Пушкина. Долго помнилъ я наизусть всю эту

оду. Пушкинъ, какъ утверждаютъ, написалъ эти стихи вскорѣ по полученіи извѣстія о смерти виртембергской королевы Екатерины Павловны.

И самая эта ода и распространеніе ея въ петербургскомъ обществѣ и, наконецъ, мое торжественное чтеніе не тайкомъ, а въ самой канцеляріи, десятку служащихъ въ ней чиновниковъ достаточно объясняютъ, что это было за время, въ которомъ мы тогда жили, его безнаказанная распушенность вмѣстѣ съ крайнею подозрительностью правительства, во главѣ котораго стоялъ Аракчеевъ. Кто-то изъ бывшихъ при чтеніи сообщилъ о немъ тому же Брусилову, который, призвавъ меня къ себѣ на домъ, сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ не столько начальническій, сколько дружескій, пригрозивъ мнѣ, что если я не уймусь, то о послѣдующихъ моихъ продѣлкахъ въ этомъ родѣ онъ будетъ въ необходимости доложить П. А. Кикину. Тѣмъ все и кончилось. Если бы десять лѣтъ послѣ повторилось кѣмъ-нибудь подобное чтеніе въ казенномъ мѣстѣ, то послѣдствія были бы очень непріятны чтецу и даже слушателямъ.

Либеральничанье мое, впрочемъ, обнаруживалось рѣдко. Насколько про себя помню, я, по молодости, не отставалъ отъ моды и, довольно равнодушный къ великимъ тогдашнимъ идеямъ свободы, равенства и братства, любилъ въ рѣдкихъ случаяхъ ими похвастаться. Консервативныя убѣжденія въ родѣ того, что крѣпостные наши происходятъ отъ Хама, а мы, баре, отъ двухъ старшихъ его братьевъ, были, однако, мнѣ противнѣе либеральныхъ. Все сказанное выше повѣствовалъ я, приводя моихъ читателей къ разсказу о случившемся со мною въ домѣ Кикина.

Весна начиналась, день прибавился. Послѣ обѣда, часу

въ пятомъ, разошлись по своимъ угламъ хозяйки—дамы, и въ гостиной оставались обскурантъ дѣдушка Шишковъ, богатый и расчетливый графъ Головинъ, да хозяинъ. Они разсѣлись на покойномъ диванѣ и разговаривали. Безмолвный сидѣлъ я у окна въ той же нижней гостиной, сонно глядѣлъ на покрытую снѣгомъ широкую Неву и на Петропавловскую крѣпость, внимательно смотрѣлъ на проходящихъ по набережной, скучалъ и зѣвалъ, не имѣя права удалиться, потому что былъ въ тотъ день не гостемъ, а дежурнымъ. Важные собесѣдники вели свой разговоръ о различныхъ правахъ всѣхъ возможныхъ сословій въ Россіи и пускались въ самыя мельчайшія подробности безчисленныхъ разрядовъ обитателей пространнаго нашего отечества. Слушалъ я ихъ разсѣянно и съ досадою замѣчалъ про себя, что всѣ трое не довольно ясно понимаютъ предметъ своего разговора и въ немъ грубо сбиваются. Благодаря Сандунову, я, казалось мнѣ, лучше этихъ государственныхъ мужей зналъ права и обязанности каждаго изъ нашихъ сословій. Мудрая бесѣда продолжалась часъ или больше и, какъ видно, самихъ ихъ утомила. Престарѣлый Шишковъ начиналъ уже дремать, всталъ первый съ своего сѣдалища и тихими шагами подошелъ ко мнѣ, я тотчасъ вытянулся во весь ростъ передъ такой знатной особой, которая, милостиво потрепавъ меня по плечу, предложила слѣдующій вопросъ: «Ну, а ты, юноша, знаешь ли сколько у насъ состояній?»—Знаю, ваше высокопревосходительство.—«Ну-ка, сколько? Скажи». Тутъ мое раздраженное терпѣніе лопнуло и я громко выговорилъ:—Два.—«Какъ два?»—Да-съ, ваше высокопревосходительство, два.—«Только?»—Только.—«Какія же?»—Деспоты и рабы.—Какъ бы не солоно похлебавши отскочилъ

отъ меня Шишковъ, значительно взглянулъ на Кикина, потомъ всѣ они переглянулись, грозно воззрился на меня Кикинъ и сказалъ: «Ступай домой». Я ушелъ предовольный, въ торжествѣ и радости дошелъ до Пращнаго моста на Фонтанкѣ, но мысли мои начинали тоже перевертываться и на сердцѣ стали скрести кошки. «Скверно», подумалъ я; не заходя домой, взялъ извозчика и отправился въ театръ. Въ моемъ абонированномъ креслѣ сидѣлось мнѣ какъ-то неловко весь вечеръ, и проклятыя кошки продолжали скрести на сердцѣ. Ночь провелъ я тревожно, не говоря, однако, ни слова о моемъ смущеніи Никольскому. Часовъ около восьми утра докладываетъ мнѣ, еще лежащему въ постели, французъ мой Charles, что нашъ канцелярскій фельдъегерь Завитаевъ желаетъ меня видѣть. Это случилось и прежде,—Кикинъ посылалъ его ко мнѣ съ бумагами для переписки,—но никогда не было посылки такой ранней; посланный сообщилъ мнѣ, что меня требуютъ какъ можно скорѣе къ Петру Андреевичу. «Скажите, что сейчасъ буду, только напьюсь чаю».—Нѣтъ, ужъ пожалуйста со мной! Приказано васъ привести немедленно.—Ну, думаю, бѣда! Робкими шагами вхожу въ маленькій кабинетъ. Кикинъ былъ въ халатѣ, но уже одѣтый въ своемъ черномъ торжественномъ костюмѣ, въ штанахъ и штиблетахъ; онъ затворилъ за мною дверь на ключъ и несвойственнымъ ему вѣжливымъ тономъ сказалъ: «Я, сударь, сейчасъ ѣду къ государю просить милости у его величества посадить васъ моего родственника и подчиненнаго за вчерашнія слова въ Петропавловскую крѣпость». Я увѣренъ былъ въ томъ, что такая царская милость будетъ ему оказана. Александръ I, вопреки всѣмъ прекраснымъ качествамъ своего сердца, не оставлялъ безъ преслѣ-

дованія ни одной грубой выходки крайняго либерализма и имѣлъ привычку отрезвлять иногда довольно долгимъ заточеніемъ или ссылкой тѣхъ, которыхъ считалъ противниками своей верховной власти. Въ ней онъ искренно видѣлъ божественное свое право, а въ посягающихъ на нее преступныхъ грѣшниковъ, нарушителей закона Божьяго. Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ раскаяться передъ Кикинымъ въ моихъ неумѣстныхъ словахъ и обѣщать ему впередъ не поддаваться вольнолюбивымъ искушеніямъ. Затѣмъ послѣдовали совѣты и увѣщанія растроганнаго до слезъ Кикина; требуя отъ меня повторенія обѣщанія, онъ нѣжно меня обнялъ и увѣщевалъ не губить себя, не компрометировать его самого и не вредить московскому университету, мѣсту моего окончательнаго образованія, на которое начинали уже смотрѣть косо.

«Теперь, слава Богу, все кончилось», сказалъ онъ мнѣ, «будь покоенъ и молчи, а я сейчасъ вмѣсто Дворца поѣду къ графу Головину и Шишкову, которыхъ, особливо Шишкова, до послѣдней степени раздражилъ и напугалъ твой дерзкій отвѣтъ. Я и вчера взялъ съ нихъ слово никому про это не говорить и надѣюсь, что они сдержатъ свое обѣщаніе послѣ твоихъ. Ты не можешь знать, въ какое время мы живемъ, и какія послѣдствія могли бы выдти изъ вчерашняго случая, еслибы слухъ о немъ дошелъ до государя, или, что еще хуже, до Аракчеева» *).

Затѣмъ продолжаю воспоминанія мои о тѣхъ многихъ замѣчательныхъ лицахъ, близкихъ старушкѣ

*) См. прил. ст. VI.

Перекусихиной или Кикину, которыхъ встрѣчалъ я у нихъ. Рѣзче всѣхъ выставлялась въ этой гостинной личность брата Кикина, Алексѣя Андреевича. Самого передового этого собесѣдника ставлю я однако позади, потому что много говорено будетъ о немъ, когда придется мнѣ вспомнить о его женѣ, умершей въ 1820 году. Въ первый разъ въ этомъ домѣ увидѣлъ я бывшаго въ то время дежурнымъ генераломъ главнаго штаба и еще не графа, Арсенія Андреевича Закревскаго. Этотъ въ послѣдствіи великій московскій самодуръ, пріѣзжалъ послѣ своей свадьбы въ Москвѣ съ первымъ визитомъ вмѣстѣ съ женой, смуглой красавицей, графиней Агрипиной Толстой,—и объ этой четѣ будетъ говорено позднѣе.

Довольно раннимъ утромъ встрѣтилъ я однажды, будучи дежурнымъ, будущаго фельдмаршала Паскевича, тогдашняго бригаднаго генерала, который обратился ко мнѣ съ вопросомъ, можетъ ли онъ видѣть его превосходительство? т.е. моего начальника. Я, зная по наслышкѣ о Паскевичѣ, что онъ и человѣкъ и даже генералъ не дюжинный, пригласилъ его идти прямо въ кабинетъ къ Кикину; скромный Паскевичъ однако не пошелъ, а просилъ меня сперва доложить. Это была единственная моя встрѣча съ кавказскимъ, варшавскимъ и венгерскимъ героемъ, *puisque Héros il y a*. Мнѣ не удалось, да и не хотѣлось искать случая напомнить его свѣтлости о семейныхъ довольно близкихъ нашихъ связяхъ. Упомянувъ о бывшихъ или будущихъ знаменитостяхъ Россіи, перескакиваю къ пріятелю Кикина, первому издателю «Отечественныхъ Записокъ» Павлу Петровичу Свиньину, о которомъ «Благонамѣренный» Измайлова такъ удачно выразился однимъ стихомъ:

«Павлушка, мѣдный лобъ (приличное прозванье!)»

Этотъ «Павлушка» имѣлъ однако счастье исполнить, будучи еще молодымъ человѣкомъ, одно важное порученіе. Его, чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ, хорошо знавшаго англійскій языкъ, отправили въ Соединенныя американскія Штаты въ 1813 году съ приглашеніемъ отъ императора Александра къ генералу Моро прибыть въ Европу и принять участіе въ войнѣ противъ Наполеона. Павелъ Петровичъ Свиньинъ, tout «Павлушка» qu'il fût, имѣлъ честь сопровождать героя первой французской революціи. Можно бы, казалось, послѣ такого успѣха на немъ и остановиться, либо идти обыкновенной, торной служебной дорогой, — Свиньину было этого мало. Онъ пустился въ художество и въ авторство. Насколько былъ онъ хорошимъ живописцемъ мнѣ неизвѣстно; я много слышалъ толковъ его о живописи и о необходимости создать русскую школу. Кикинъ, легко увлекавшійся всѣми возможными отраслями русскаго патріотизма, кромѣ либеральнаго, попался на эту удочку и былъ вмѣстѣ съ Свиньинымъ и Мамоновымъ однимъ изъ первыхъ основателей Общества поощренія русскихъ художниковъ, которое, надо отдать ему справедливость, произвело Брюллова. О Свиньинѣ, какъ о живописцѣ, рассказывали, что онъ открылъ, собственно для себя, самый легкій способъ писать картины. Онъ былъ пейзажистъ, и начертивъ въ своемъ воображеніи какой-нибудь ландшафтъ, нарисованный имъ карандашемъ вчернѣ, этюдъ приносилъ къ одному изъ покровительствуемыхъ имъ юныхъ талантовъ, прося его написать масляными красками небо, съ которымъ будто бы мѣ Свиньинъ не могъ совладать, потомъ другого художника просилъ написать землю и зелень, третья-

го—деревья, четвертаго—воду и т. д. Составленный такимъ образомъ пейзажъ выдавалъ онъ за свое произведение и выставялъ на немъ въ уголкѣ свое имя съ обычнымъ: «pinxit». Въ качествѣ литератора и журналиста поступалъ онъ тоже особеннымъ образомъ, непрестанно, для каждой книжки своего журнала (а выдавалъ онъ ихъ, кажется, 12 въ годъ), создавалъ какого-нибудь русскаго генія-самоучку, который будто бы по особенному понятію дѣлалъ величайшія открытія по всѣмъ частямъ человѣческаго знанія. Если и были между ними люди сколько-нибудь замѣчательные, то развѣ только потому, что они сами по себѣ собственнымъ трудомъ доходили до рѣшенія задачъ, давно уже извѣстныхъ и однимъ имъ только невѣдомыхъ.

Въ литературномъ отношеніи ученикъ Шишкова и членъ «Бесѣды любителей русскаго слова» Свиньинъ былъ послѣдователемъ тогдашней первой славянофильской школы, враждебно относился къ Карамзину и его послѣдователямъ, арзамасцамъ, и вездѣ проявлялъ свое страстное сочувствіе къ до-петровской Руси и отвращеніе ко всѣмъ иноземнымъ нововведеніямъ. Должно, однако, говоря о Свиньинѣ, и поэтому случаю о самой «Бесѣдѣ», отдать тогдашнимъ славянофиламъ справедливость въ томъ, что они всѣ вообще не дерзали еще тогда касаться съ хулой ненависти къ гиганту между геніями, по выраженію Наполеона I, Петру Великому. Слѣдовало бы мнѣ, хотя слегка взглянуть на тогдашнія «Отечественныя Записки», чтобы припомнить самому себѣ и другимъ, за что именно въ то время такъ ненавидѣли этого Свиньина въ свою очередь всѣ литераторы другихъ кружковъ—кромѣ Шишковскаго. Наружность его была самая пс

рядочная и приличная, а разговоръ гораздо интереснѣе, чѣмъ всѣхъ прочихъ кикинскихъ посѣтителей.

Бываль еще у Кикина, и очень часто, другой литераторъ, но уже пожилой и также своеобразный. Павелъ Ивановичъ Сумароковъ, отецъ нынѣшняго графа; онъ былъ незадолго передъ моимъ съ нимъ знакомствомъ новгородскимъ губернаторомъ. Онъ имѣлъ въ то время великое гражданское мужество въ чемъ-то итти наперекоръ всеильному Аракчееву, новгородскому помѣщику, и потому вынужденъ былъ выйти въ отставку. Въ правительственной сферѣ и въ подчинявшейся ей средѣ петербургскаго общества считался онъ человѣкомъ безпокойнымъ, брюзгливымъ и непріятно рѣзкимъ и былъ какъ бы въ опалѣ у Государя. Въ другихъ противоположныхъ кружкахъ напротивъ того Сумароковъ являлся героемъ самоотверженія, живя скромно, бѣдно и почти вдовцомъ. Жена его, урожденная княжна Голицына, сестра Норовой, была помѣщена, сынъ служилъ штабсъ-капитаномъ въ гвардейской артиллеріи, а умная и говорливая пожилая его дочь проживала у какихъ-то Голицыныхъ, своихъ родственниковъ. Первыми литературными трудами Сумарокова были: «Досуги крымскаго суды» и потомъ «Поѣздка за границу», въ которой онъ, недовольный всѣмъ чужимъ и предвзвѣдливый всѣмъ своимъ, описалъ въ пресмѣшной карикатурѣ всѣ страны, имъ посѣщенныя. Разумѣется, онъ ихъ добросовѣстно порицалъ съ своей точки зрѣнія, смѣялись же не надъ ними, а надъ нимъ его читатели. Если не забуду, постараюсь провѣрить прежнія на меня впечатлѣнія этой курьезной книги. Я ей, впрочемъ, былъ очень благодаренъ: Сумароковъ не задолго до моего перваго путешествія былъ въ Па-

рижѣ и былъ мнѣ очень полезенъ, отчетливо выставивъ въ своемъ сочиненіи всевозможныя заграничныя цѣны различныхъ необходимыхъ предметовъ. Независимый по характеру, онъ не принадлежалъ ни къ какой литературной партіи, не былъ членомъ «Бесѣды», но ей сочувствовалъ, презирая все новѣйшее поколѣніе литераторовъ. По семейному чувству онъ предпочиталъ, между прочимъ, дядю своего Сумарокова, какъ поэта и автора, великому Ломоносову. Я былъ однажды свидѣтелемъ весьма интересной литературной, вѣрнѣе сказать, ругательной схватки между двумя потомками этихъ двухъ великихъ писателей давно минувшаго времени. Соперницей въ спорѣ съ Сумароковымъ была дѣвица Константинова, внучка Ломоносова. Спорили, а потомъ бранились они между собой за обѣдомъ у Перекусихиной къ соблазну десятка собесѣдниковъ. Старушка-хозяйка долго съ негодованіемъ ихъ слушала и насилу ихъ уgomонила.

Перебравъ, сколько мнѣ пришло на память, болѣе или менѣе всѣ крупныя личности, посѣщавшія домъ Кикина, перехожу къ двумъ, тремъ изъ мелкихъ, которыя особенно являлись туда къ обѣду и преимущественно въ воскресенье и праздничные дни. Гостепріимство этого дома было широкое, вполне русское, а потому и вполне безпорядочное. Съ утра никто изъ хозяевъ (а ихъ было полноправныхъ четверо: двѣ старушки, Марья Саввишна и ея племянница, Тарсукова, да чета Кикиныхъ) не зналъ кто пожалуетъ къ обѣду, т.-е. къ 3 часамъ дня, и мнѣ часто случалось быть за ихъ столомъ впроголодь, въ чемъ, впрочемъ, никто виноватъ не былъ. Недостанетъ бывало для всѣхъ какого-нибудь блюда, и я первый, какъ юнѣйшій изъ собесѣдниковъ, подвергался дѣтскому наказанію: остатъ-

ся либо безъ жаркаго, либо безъ пирожнаго. Прибѣжить къ столу какой-нибудь тринадцатый, и меня сажаютъ или высаживаютъ за особенный столъ. Меня это не оскорбляло, а забавляло и не удивляло. Я смотрѣлъ на такой ежедневный обычай, какъ на изнанку хваленнаго нашего хлѣбосольства. Изъ этой категоріи посѣтителей самый замѣчательный, какой только былъ между ними, былъ старикъ Ивановъ, когда-то очень благотворительный богачъ, что-то такое учредившій въ родѣ какого-то благотворительнаго заведенія. Онъ иногда при безденежьи ссужалъ изъ своего кармана кикинскую семью и завоевалъ себѣ этимъ право обѣдать у нихъ, когда ему было угодно. Доживъ до глубокой старости, Ивановъ сохранилъ одинъ только желудокъ, не говорилъ, а мычалъ и ѣлъ съ отвратительною жадностью. Карликъ Анчаковъ, изъ Грузинъ, былъ принимаемъ охотно для вистовъ и служилъ предметомъ, иногда очень грубыхъ, шутокъ Кикину.

Восьмилѣтнимъ мальчикомъ взять онъ былъ въ какой-то деревнѣ у своихъ родителей въ плѣнъ буйной толпой Пугачева, отецъ и мать его были повѣшены, а его сняли съ веревки еще съ признаками жизни, когда эта толпа почему-то предалась бѣгству. Поэтому-то случаю каждый разъ предсказывалось ему, что онъ непременно потонетъ, по вѣрному сравненію съ пословицей: «кому быть повѣшену, тотъ не утонетъ». Къ удовольствію нашей домашней публики, онъ какъ-то вскорѣ женился на такой же, какъ и самъ лилипуткѣ, и изъ нихъ вышла премилая пожилая парочка. Болтливымъ гостемъ бывалъ тамъ часто одинъ морской офицеръ молодыхъ лѣтъ, Александръ Дмитріевичъ Валувъ; онъ привезъ на своемъ военномъ ко-

рабѣ, въ 1815 году, Кикина изъ Англіи и пользовался какъ услужливый и знаменитый путешественникъ, бывалый въ Англіи, всюю свободою нѣскольکو нахальной рѣчи. Его сосватали Кикины на родственницѣ нашей, Языковой, старшей сестрѣ Екатерины Михайловны Хомяковой, необыкновенно красивой молодой 20 лѣтней дѣвицѣ, которая отличалась, какъ и всѣ Языковы, необыкновенной дикостью, такъ что я, несмотря на всю мою короткость въ ихъ семьѣ и даже ухаживанье за ней, когда она была невѣстой, къ явному негодованію и сватовъ, и самого жениха, никакъ не могъ добиться—была ли она сколько-нибудь умна. Съ хвастуномъ-мужемъ жила она недолго и оставила по себѣ четверыхъ дѣтей, изъ коихъ одинъ, Дмитрій, былъ необыкновенно даровитый и въ то же время красивый юноша, работающій и смышленный труженикъ возникавшаго уже тогда общества славянофиловъ, издавшій «Дѣтскую библіотеку», «Симбирскій» и еще какой-то сборникъ. По выходѣ изъ университета онъ весь предался страстному изученію напущеннаго на него славянства, и отъ усиленныхъ трудовъ и изысканій, которыми никакъ не могли быть удовлетворены пылкія, возвышенныя стремленія его даровитой юности, впалъ въ злую чахотку. Присутствію въ немъ этой тяжелой болѣзни долго не хотѣлъ вѣрить наставникъ и учитель его, Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, и лѣчилъ гомеопатіей, какъ обыкновенную лихорадку. Другъ дяди его, поэтъ Языкова, московскій знаменитый врачъ Иноземцевъ убѣдился, наконецъ, самъ, что у Валугева чахотка, увѣрилъ въ существованіи ея и другихъ членовъ кружка, способнаго увлекаться вѣрою въ мечты и сомнѣніемъ въ дѣйствительность, отправилъ, наконецъ, Валугева въ чужіе края въ поз-

дною осень и уже полумертваго. Его довели до Новгорода, гдѣ онъ и умеръ 23 ноября 1845 года. Изъ всѣхъ изданныхъ имъ сочиненій, самымъ замѣчательнымъ была обширная статья о «Мѣстничествѣ», надъ которой отчасти трудился онъ на моихъ глазахъ и уже страждущій въ нашемъ Солнышковѣ. Надо, однако, сказать, что съ одной стороны запутанность избраннаго имъ никѣмъ еще не разработаннаго предмета, и болѣзненное состояніе автора—съ другой, дѣлали эту статью неудопонятною, а потому и неудобочитаемою. По появленіи ея въ печати всѣ наши тогдашніе серьезные журналы отдали ей громкую честь на своихъ страницахъ, обѣщая отчетливый разборъ, который, однако, нигдѣ не явился. Нѣсколько разъ прочитывалъ онъ мнѣ написанное имъ о «Мѣстничествѣ» наканунѣ и вчернѣ, и когда я, что случалось часто, не могъ отыскать въ его выводахъ яснаго, здраваго смысла, то самъ помогалъ ему въ изысканіяхъ, а не разъ тутъ же набрасывалъ мои собственныя замѣчанія. Онъ принималъ ихъ охотно и добродушно, и съ моего согласія они переходили въ текстъ статьи. Кромѣ собственныхъ своихъ усиленныхъ занятій, юный ревнитель народнаго просвѣщенія заставлялъ работать и всѣхъ ему близкихъ, начиная отъ своего великаго учителя Хомякова, которому онъ строго опредѣлялъ послѣобѣденное время, отъ 7 до 9 часовъ вечера писать «Семирамиду», т.-е. его историческія мечтанія. Мнѣ собственно срочнаго времени къ занятію не опредѣлялось, за то подъ его усидчивымъ надзоромъ работали охотно двѣ старшія мои дѣвочки, Варенька и Катенька, разбирая и переписывая для него столбцы. Работалъ для него и товарищъ его Пановъ и чуть ли не сами Иванъ и Петръ Кирѣевскіе. Ежедневно онъ

обходились заподряженныхъ имъ мастеровъ, наблюдая за работами, почему и прозванъ былъ мною часовщикомъ, повѣряющимъ по домамъ всякаго рода часы. Бѣдная его мать не дожила до того, чтобы порадоваться своимъ сыномъ, а безтолковый отецъ, также не долго проживши, не могъ предвидѣть въ немъ будущаго кратковременнаго дѣателя науки. Къ сожалѣнію, и самая наука, которой онъ предался всецѣло, почерпаема имъ была изъ возмущенныхъ страстями источниковъ. Съ любовью остановился я на этомъ юношѣ, какъ на быстро отивѣвшемъ, среди песчанаго пространныаго поля, цвѣткѣ.

Перехожу не безъ насмѣшки и не безъ злой улыбки къ перечню дамъ, посѣтительницъ Кикинской гостиной, и отдаю первое почетное между ними мѣсто слѣпой, престарѣлой графинѣ Аннѣ Степановнѣ Протасовой, извѣстной наперсницѣ Великой Екатерины во всѣхъ ея домашнихъ тайнахъ. Мнѣ она казалась ничѣмъ особенно не замѣчательна, и я позволяю себѣ ожидать подробнаго о ней повѣствованія отъ позднѣйшаго и послѣдняго посмертнаго платоническаго обожателя Екатерины II, Петра Ивановича Бартенева, *favori posthume*. Вторая изъ барынь крупной безспорно величины была Настасья Дмитриевна Офросимова, перѣхавшая послѣ своего вдовства изъ Москвы въ Петербургъ для бдительнаго надзора за гвардейской службой своихъ двухъ или трехъ сыновей, изъ коихъ младшему, капитану гвардіи, было уже гораздо за 30 лѣтъ. Обращаясь нахально со всѣми членами высшаго московскаго и петербургскаго общества, дѣтей своихъ держала она въ страхѣ Божіемъ и въ порядкѣ и говорила съ любовію о ихъ непрекословномъ къ ней повиновеніи: «у меня есть руки, а у нихъ щеки». На этихъ

основаніяхъ, какъ увѣряли, обходилась она и съ дочерью. Кажется, я уже говорилъ о ней по случаю кончины моего отца въ 1814 году и о томъ, какъ она сама вызвалась снабдить насъ съ теткой въ это время деньгами. Она любила мою мать, которая ее страшно боялась, а отецъ, хотя и уважалъ, но избѣгалъ, сострадавая угнетенному ею добродушному и кроткому ея мужу, котораго она, какъ сама признавалась, тайно похитила изъ отцовскаго дома къ вѣнцу. Павелъ Дмитріевичъ Офросимовъ былъ однако боевой генералъ временъ Потемкина и съ георгіевскимъ крестомъ, носилъ парикъ, и однажды подвергся за какое то слово публичному оскорбленію отъ жены, которая, ѣхавшая съ нимъ по улицѣ въ открытой коляскѣ, сняла съ него этотъ парикъ, бросила на мостовую и велѣла кучеру прибавить ходу. Бойкость характера Настасьи Дмитріевны извѣстна была обществу обѣихъ столицъ и самому Императору. Надо сказать, что она всегда стояла за правду и вездѣ громогласно поражала порокъ. Еще въ 1809 году, когда Государь Александръ вмѣстѣ съ своей сестрой, В. К. Екатериной Павловной, посѣщать Москву, Офросимовой удалось однимъ словомъ съ выразительной жестикюляціей уничтожить взяточника, сенатора С. Вотъ какъ это было: Государь сидѣлъ въ своей маленькѣй ложѣ надъ сценой небольшого московскаго на Арбатской площади театра; Офросимова, не подчинявшаяся никонимъ обычаямъ, была въ первомъ ряду кресель и въ антрактѣ, привставъ, стала къ рампѣ, отдѣляющей партеръ отъ оркестра, судорожно засучивая рукава своего платья. Увидѣвъ въ 3 или 4 № бенуара сенатора, она (замѣтьте, что театръ былъ очень небольшой, и зала болѣе чѣмъ въ половину уже нынѣшней), въ виду всѣхъ пальцемъ погро-

зила сенатору и, указавъ движеніемъ руки на ложу Государя, громогласно во всеуслышаніе партера произнесла: «С., берегись!» Затѣмъ она преспокойно сѣла въ свои кресла, а С., кажется, вышелъ изъ логи. Очень понятно, что Государь началъ разспросы, что бы все это могло значить. Ему были вынуждены объяснить, что дѣйствительный тайный совѣтникъ М. Г. С. хотя и почитается въ обществѣ самымъ дѣльнымъ изъ всѣхъ московскихъ сенаторовъ, но въ тоже время многими, и не безъ вѣроятности, признается взяточникомъ. Черезъ нѣсколько времени сенаторъ С. былъ отставленъ.

Любя покровительствовать молодымъ людямъ и зная меня съ моего дѣтства, она и меня однажды сильно огорошила. Возвратившись въ Россію изъ-за границы въ 1822 году и не успѣвъ еще сдѣлать въ Москвѣ никакихъ визитовъ, я отправился на балъ въ Благородное собраніе; туда по вторникамъ съѣзжалось иногда до двухъ тысячъ человѣкъ. Издали замѣтилъ я сидѣвшую съ дочерью на одной изъ скамеекъ между колоннами Настасью Дмитріевну Офросимову и, предвидя бурю, всячески старался держать себя отъ нея вдали, притворившись, будто ничего не слыхалъ, когда она на полъ-залы закричала мнѣ: «Свербеевъ, поди сюда!» Бросившись въ противоположный уголъ огромной залы, надѣялся я, что обойдусь безъ грозной съ нею встрѣчи, но не прошло и четверти часа, дежурный на этотъ вечеръ старшина, мнѣ незнакомый, съ учтивой улыбкой пригласилъ меня итти къ Настасьѣ Дмитріевнѣ. Я отвѣчалъ: «сейчасъ». Старшина, повторяя приглашеніе, объявилъ, что ему приказано меня къ ней привести. «Что это ты съ собой дѣлаешь? Небось давно здѣсь, а у меня еще не былъ! Видно та-

скаешься по трактирамъ, по кабакамъ, да гдѣ-нибудь еще хуже, сказала она, оттого и порядочныхъ людей бѣгаешь. Ты знаешь, я любила твою мать, уважала твоего отца»... и пошла, и пошла! Я стоялъ передъ ней, какъ осужденный къ торговой казни, но какъ всему бываетъ конецъ, то и она успокоилась: «Ну, Богъ тебя проститъ; завтра ко мнѣ обѣдать, а теперь давай руку, пойдемъ ходить!»—Дочь ея, стройная и строгая двадцатипятилѣтняя дѣвица Елена (кажется, впервые въ московскомъ обществѣ начала она называться этимъ облагороженнымъ именемъ вмѣсто Алены) пошла съ нами. Тутъ новая бѣда: вмѣсто того, чтобы ходить, какъ это дѣлали всѣ, по краямъ огромнѣйшей залы, Настасѣ Дмитріевнѣ угодно было гулять зигзагами и перекрещивать всю эту громаднѣйшую площадку изъ конца въ конецъ. Напрасно дочь и я робко замѣтили было ей, что такимъ образомъ мы мѣшаемъ всѣмъ танцующимъ, а въ это время танцовали нѣсколько кадрили, она отвѣчала громко: «мнѣ, мои милые, вездѣ дорога!» И дѣйствительно, сотни пляшущихъ отъ насъ сторонились и уготовляли намъ путь, широкій и высокаторжественный.

Самой передовой дамой всего этого общества была Агаѣоклея Марковна Сухарева. Не даромъ была она урожденная Полторацкая, изъ того недавно вышедшаго изъ купцовъ семейства, въ коемъ всѣ братья и сестры отличались и рѣзкимъ тономъ и необыкновенною во всѣхъ родахъ предпримчивостью. Старшій изъ братьевъ Дмитрій Марковичъ, изучивъ въ Англіи въ послѣднюю половину XVIII-го столѣтія сельское земледѣліе, ввелъ много новаго въ своихъ огромныхъ имѣніяхъ, заводилъ разные заводы и фабрики и хотя немного поразстроилъ свое состояніе, но все-таки оста-

вилъ порядочный кусокъ въ конецъ теперь разорившемуся, хотя и умному сыну Сергѣю. Сухарева же, о которой я сейчасъ упомянулъ, кромѣ прирожденныхъ въ семьѣ хозяйственныхъ занятій, принимала тогда дѣятельное участіе въ какихъ то благотворительныхъ обществахъ по части воспитанія дѣвицъ. Наконецъ не обошлось и безъ дамъ, такъ сказать, литературныхъ и политическихъ, хотя и не пренебрегавшихъ картами. Такихъ была пара, и обѣ дѣвицы: одна—Хвостова, другая—Марья Павловна Сумарокова, чуть ли и до сихъ поръ не здравствующая сестра графа. Тогдашнія дамы самаго высшаго полета бывали въ этомъ домѣ только съ визитами и очень рѣдко. Таковы были: la princesse Moustache, т.-е. Наталья Владиміровна Голицына, ея дочери, Строгонова и Апраксина, графиня Литта, княгиня Салтыкова и прочія. У Кикиныхъ не было обыкновенія представлять молодыхъ людей и короткимъ своимъ знакомымъ, потому высшее общество дѣлалось намъ этимъ путемъ совершенно неприступнымъ. Говоря вообще, всякаго рода юноши, либо родственники, либо являвшіеся въ этомъ домѣ по связямъ съ провинціальными родичами, были дѣйствующими лицами безъ рѣчей, и только тѣ, которые были, какъ я, посмѣлѣе съ дамами и барышнями, поступали въ *Animali parlanti*. Самую молчаливую роль изъ этихъ юношей разыгрывалъ Н. И. Бахтинъ. Ему очень хотѣлось стать на ноги и не удавалось. Хозяинъ, видя заносчивость своего посѣтителя и чиновника, всегда какъ будто нарочно его осѣкалъ и не давалъ ему хода. Самую жалкую роль разыгрывалъ Александръ Михайловичъ Языковъ, поступившій по выходѣ изъ Горнаго корпуса въ канцелярію; никѣмъ не замѣченный, хотя и очень красивый, онъ приходилъ къ обѣду и уходилъ послѣ

кофе, не проговоривъ ни одного слова, кромѣ обычныхъ отвѣтовъ о здоровьѣ, симбирскомъ батюшкѣ и матушкѣ. Такъ поступали и съ входившими туда со страхомъ, изъ одного приличія, разными мелкими чиновниками другихъ вѣдомствъ, юнкерами и даже гвардейскими офицерами. Всѣмъ имъ было томительно скучно и чрезвычайно неловко; военные всегда были въ строгой формѣ, застегнутой на всѣ крючки, а часто и руки по швамъ, отвѣчая старшему по чину, юнкера безъ позволенія офицеровъ не смѣли садиться, *ou s'autres réquins*, т.-е. штатскіе всегда въ благоустроенномъ туалетѣ, во фракахъ, въ панталонахъ подъ высокіе сапоги съ кисточками, т.-е. гусарскіе, или какъ назывались по французски *à la Souvovoff*; но черныхъ фраковъ и жилетовъ тогда еще нигдѣ не носили, кромѣ придворнаго или семейнаго траура. Черный цвѣтъ, какъ для мужчинъ такъ и для дамъ, считался дурнымъ предзнаменованіемъ, фраки носили коричневые или зеленые и синіе съ свѣтлыми пуговицами,—послѣдніе были въ большемъ употребленіи; панталоны и жилеты свѣтлыхъ цвѣтовъ, а франты, какимъ иногда осмѣливался показаться и я, позволяли себѣ сапоги съ желтыми отворотами. Этикетная Марья Саввишна сначала на такіе сапоги косилась, но потомъ привыкла. Она, привычная, привыкшая къ фижмамъ и роброндамъ, къ высокимъ головнымъ уборамъ Екатерининскихъ и Павловскихъ временъ, къ французскимъ каштанамъ и разнымъ мундирамъ совсѣмъ другой формы, а всего болѣе къ пудрѣ у мужчинъ и женщинъ, въ послѣдніе годы своей жизни, т.-е. въ началѣ 20 годовъ, часто повторяла: «Всѣ вы, какъ посмотрю я на васъ, какіе то общипанные, какъ будто сейчасъ вышли изъ бани». Однажды, опоздавъ нѣсколько къ обѣду (по тогдаш-

нему обычаю приходили за полчаса и ранѣе), вошелъ я въ гостиную, широкія двери коей были какъ разъ противъ небольшого у противоположной стѣны столика, за которымъ съ двумя, тремя дамами сидѣла въ своихъ креслахъ всегда тщательно разодѣтая Марья Саввишна. Взглянувъ на меня ласково, когда я ей почтительно поклонился, она вдругъ строго и очень громко спросила: «Что ты, батюшка? Что съ тобой?» Я подумалъ, что это былъ упрекъ за то, что явился поздно къ обѣду и сталъ извиняться. «Не то, совсѣмъ не то, а ты посмотри на себя, каковъ ты самъ!» Я осмотрѣлся и угадалъ сейчасъ же, что ей коробятъ глаза мои лѣтніе сверхъ сапогъ, бѣлые какъ снѣгъ, панталоны, которые болѣе уже мѣсяца принято было носить въ первыхъ петербургскихъ домахъ. «Ну, голубчикъ, что же ты молчишь?» Я началъ было робко объяснять исторію нововведенія бѣлыхъ панталонъ, она не дала мнѣ договорить. «Не у меня только, не у меня! Ко мнѣ, слава Богу, никто еще въ порткахъ не входитъ. Отправляйся домой, переодѣнься и непременно пріѣзжай къ обѣду; я буду ждать». Нечего было дѣлать, уѣзжать было не хотѣлось, а возвращаться еще меньше, однако я къ обѣду пріѣхалъ. Она похвалила за послушаніе, племянницы и внучка извинялись въ строгости старушки, хозяинъ и прочіе гости надо мной посмѣивались. — Марья Саввишна сама всѣмъ рассказывала какъ бы для общаго урока, что она со мной продѣлала.

Остается мнѣ припомнить въ числѣ дамъ, коротко знакомыхъ въ этомъ домѣ, Марью Александровну Комненъ, гречанку по себѣ и по мужу, вдову генерала этого имени, кажется, убитаго на войнѣ. Ко мнѣ болѣе всѣхъ другихъ барынь была она ласкова и все добро-

душно говорила мнѣ о своихъ двухъ красавицахъ дочеряхъ, изъ коихъ одна была чудная пѣвица, а обѣ воспитывались въ Смольномъ монастырѣ. Лѣтъ черезъ 30 одну изъ нихъ встрѣтилъ я вдовою сенатора Пещурова въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ она жила у дочери своей Трубешкой, жены теперешняго воронежскаго губернатора. Другая сестра Пещуровой была за первымъ нашимъ посланникомъ въ Греціи, Катакази. Моя милая старушка Комненъ, ихъ мать, знала о томъ, что мужъ ея былъ однимъ изъ потомковъ греческаго императора, но не слишкомъ этимъ важничала, а Кикинскія дамы, видя кое-когда нашу съ ней дружбу, подсказывали мнѣ, что не мѣшало бы мнѣ со временемъ посвататься за одну изъ нихъ и предлагали, чтобы ихъ узрѣть въ стѣнахъ Смольнаго монастыря, съѣздить для смотринъ съ ними на одинъ изъ публичныхъ баловъ этого воспитательнаго заведенія. Я обѣщалъ, собирался и конечно не собрался.

Точно такъ же, какъ это я сдѣлалъ въ разсказахъ моихъ о моемъ трехгодичномъ пребываніи въ университетѣ, описавъ его за одинъ такъ сказать присѣсть, и четырехгодичное пребываніе мое на службѣ въ Петербургѣ, за исключеніемъ двухъ-или трехлѣтнихъ промежутковъ, т.-е. въ Москвѣ или въ деревнѣ, описываю здѣсь для моего и для читателей моихъ удовольствія безъ перерыва.

За исключеніемъ Кикинскаго дома у меня было мало знакомыхъ въ Петербургѣ семейныхъ домовъ, въ которыхъ я бывалъ, какъ говорится, вхожъ. Такихъ домовъ было еще у меня всего два: семья московскихъ Норовыхъ, гдѣ я бывалъ и охотно и часто, и вдова друга моего отца Новосильцева, куда я являлся изъ подъ палки. Старушка Норова, лѣтъ подъ 60, уро-

жденная княжна Голицына, свѣжая умомъ и очень слабая здоровьемъ, переѣхала изъ Москвы съ мужемъ и двумя сыновьями, которыхъ она опредѣлила юнкерами въ конно-гвардейскій полкъ. Изъ дѣтей старшій сынъ, Александръ, былъ добрый, но весьма ограниченный малый; меньшей—гораздо болѣе развитой, не имѣвшій отвращенія къ книгамъ и отличный музыкантъ. Къ радушной, гостепріимной и доброй хозяйкѣ, давно отказавшейся отъ всѣхъ своихъ свѣтскихъ и широко родственныхъ связей по слабому здоровью и желанію жить для однихъ сыновей, почти ежедневно собиралась вся конногвардейская молодежь и нѣкоторые изъ другихъ гвардейскихъ полковъ, офицеровъ и юнкеровъ изъ лучшихъ фамилій. У нихъ узналъ я довольно коротко и будущаго министра народнаго просвѣщенія, Абрама, и брата его, декабриста Василя, Норовыхъ, родныхъ племянниковъ хозяйки, равно какъ и племянника хозяйки, нынѣшняго графа Сумарокова. Всѣ трое были они старѣйшими изъ посѣтителей молодого поколѣнія. Къ нимъ же на ваканціонное время пріѣзжалъ изъ Дерпта преостренькимъ и презабавнымъ мальчикомъ Николай Киселевъ, недавно умершій послѣ скорой женитьбы на итальянкѣ, братъ бывшаго нашимъ посломъ въ Парижѣ графа, и теперь еще тамъ пребывающаго. Коля Киселевъ привозилъ мнѣ изъ Эстляндіи вѣсти и поклоны отъ буйнаго поэта Николая Языкова, съ которымъ онъ и съ общимъ ихъ пріятелемъ собутыльникомъ, графомъ Соллогубомъ, проводилъ разгульные вечера и ночи, предаваясь болѣе пивному хмѣлю, чѣмъ постылому для нихъ всѣхъ изученію глубокомысленныхъ лекцій нѣмецкихъ своихъ профессоровъ. Въ это время Киселевъ отличался замѣчательнымъ даромъ рисовать со всѣхъ и каждого

весьма похожіе портреты и кое-когда забавлять и насъ своими остроумными карикатурами. Все, казалось, дышало въ этой семьѣ счастьемъ и довольствомъ, но хозяинъ велъ семью къ неминуемому разоренію, и умная и кроткая мать семейства видимо съ каждымъ днемъ отъ этого таяла, всячески стараясь подавить свое горе. Вскорѣ потомъ старушка Норова кончила жизнь. Старшій сынъ, бывшій моимъ шаферомъ, вышелъ въ отставку полковникомъ и жилъ, а можетъ-быть живетъ и теперь, въ Черниговской губерніи; второй, исполненный дарованій, умный и честный, былъ нѣсколько лѣтъ товарищемъ министра финансовъ, вышелъ съ пансіономъ въ отставку, прожилъ лѣтъ десять въ чужихъ краяхъ, преимущественно въ Сѣверной Италіи и Швейцаріи, имѣя вездѣ съ собою вмѣсто жены и семьи отличный рояль Плейеля, и за два дня до моего возвращенія изъ Парижа умеръ скоростипжно весной 1870 г.

Вдова Катерина Александровна Новосильцева жила въ мое время въ какомъ-то длинномъ, уродливомъ домѣ на Сѣнной площади вмѣстѣ съ двумя своими чванлыми сыновьями. Старшій Александръ былъ еще при Наполеонѣ при посольствѣ нашемъ въ Парижѣ. Второй, Николай Петровичъ (названный этимъ именемъ въ честь моего отца), женатый на графинѣ Апраксиной, былъ до самой смерти вдовствующей Императрицы Маріи вторымъ послѣ Вилламова секретаремъ, и, какъ говорятъ, служилъ, ей честно и усердно, но онъ до того былъ всегда застегнутъ на всѣ пуговицы внѣшно и внутренно, что не могъ внушать симпатіи къ себѣ ни хозяевамъ, ни посѣтителямъ дома его матери, а равно и Кикинскаго. Мнѣ же особенно надоѣдалъ онъ частыми и никогда мною непростенными обѣщаніями

высокой своей протекціи въ память моего отца. Этого было уже слишкомъ достаточно, чтобъ отбить у меня всякую охоту посѣщать домъ Новосильцевыхъ.

По неимѣнію, какъ видите, большого знакомства и по тогдашнему недостатку въ увеселеніяхъ другого рода, я, убѣдясь въ непреодолимомъ затрудненіи быть членомъ петербургскаго клуба, для чего нужна была особенная и сильная протекція, сдѣлался театраломъ и тотчасъ послѣ Великаго поста взялъ себѣ годовое кресло въ 3-мъ ряду большаго русскаго театра. Избѣгая сосѣдства, выбралъ я себѣ мѣсто къ стѣнкѣ рядомъ съ проходомъ въ первые ряды партера. Сначала великолѣпные балеты и довольно порядочныя, особенно на мои тогдашніе глаза, декорации и вся постановка на сцену большихъ русскихъ оперъ меня много занимала. Переводныя доморощенные трагедіи того времени исполнялись также довольно удовлетворительно. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ представляли обыкновенно тѣ самыя пошлыя произведенія неприхотливаго и необлагороженнаго нашего тогда сценическаго искусства, которыя могли нравиться одному райку. Надо отдать справедливость,—на петербургской сценѣ были во всѣхъ родахъ отличные актеры. Разумѣется, такими были не всѣ, *ensemble*’я иногда не было; но по сравненію съ московскимъ театромъ петербургскій былъ выше во всѣхъ отношеніяхъ. Въ 1818 году уже перестали давать русскія трагедіи прошлаго вѣка Сумарокова и Княжнина, которыми по воспоминанію все еще восхищались допотопные члены Державинской «Бесѣды любителей русскаго слова». Всѣхъ прошлыхъ трагиковъ замѣнилъ любимый тогда публикой Владиславъ Александровичъ Озеровъ; талантомъ его дорожила и императорская театральная ди-

рекция, находившаяся подъ управленіемъ вельможи и русскаго барина, отличавшагося остроумнымъ празднословіемъ, оберъ-каммергера Александра Львовича Нарышкина. Озеровскія трагедіи: «Эдипъ въ Аѳинахъ», «Фингалъ», взятый изъ подложнаго Оссіана, «Поликсена» и въ особенности «Дмитрій Донской» — были любимыми пьесами. Въ нихъ во всѣхъ восхищала и увлекала зрителей великолѣпная, хотя немного и слишкомъ народная красавица, Семенова, вышедшая въ послѣдствіи замужъ за князя Гагарина. Еще въ 1811 году соперничала она въ игрѣ съ знаменитою парижскою актрисой *Mademoiselle Georges*, и тогда въ высшемъ обществѣ Москвы и Петербурга руссофилы стояли за превосходство своей, а европейцы, имѣвшіе болѣе вкуса и менѣе предубѣжденій, отстаивали общую европейскую знаменитость. Въ тогдашнихъ журналахъ встрѣтить можно нескончаемые о томъ споры. По рукамъ ходили и бранныя стихи, въ которыхъ поклонники *Mademoiselle Georges*, какъ и слѣдовало, — да, къ сожалѣнію, какъ слѣдуетъ, — и теперь обзывались измѣнниками и врагами отечества. Впрочемъ, надо отдать справедливость великолѣпной Семеновой: у нея было много дарованія, много души, и къ таланту ея оставаться равнодушнымъ было невозможно, хотя она и не всегда была вѣрна строгой гармоніи стиха, повторяя его съ голоса и не имѣя никакого понятія о мѣрѣ и цезурѣ. Усовершенствованіемъ ея драматическихъ способностей и строгимъ наблюденіемъ за ея декламаціей съ любовью занимался извѣстный нашъ комикъ князь Шаховской и отчасти всецѣло преданный успѣхамъ русскаго театра издатель «Семейной Хроники» С. Тим. Аксаковъ.

Первою пѣвицей нашей оперы была меньшая сестра Семеновой, молодая, стройная и необыкновенно краси-

вая. У нея былъ пріятный, обширный, но совсѣмъ не выработанный голосъ; она фальшивила нестерпимо и, сколько помнится, я, по милости ея, равно и всѣхъ другихъ пѣвицъ и пѣвцовъ, ни разу не высиживалъ цѣлой оперы. Это была для меня своего рода пытка. Балеты шли превосходно и преимущественно посѣщались высшимъ обществомъ. Всѣ мужчины, которые были сколько-нибудь на виду, отъ старика до юноши, считали обязанностью посѣщать эти великолѣпныя представленія. Первой танцовщицей была Истомина, и Пушкинъ воспѣлъ ее превосходными стихами въ своемъ Онѣгинѣ. Въ русской пляскѣ, которою тогда, какъ въ самомъ костюмѣ, такъ и въ художественномъ исполненіи, конечно облагоустроенномъ, отличалась г-жа Колосова, мать Каратыгиной, и французъ Огюсть.

Между трагиками и пѣвцами большихъ талантовъ не было; Брянскій, игравшій главные роли пьесъ Озерова, уступалъ во всемъ дарованію Семеновой, но не портилъ исполненія пьесы; зато пѣвецъ Самойловъ пѣлъ лучше и вѣрнѣе, нежели красивая сестрица первоклассной петербургской актрисы. Очень хорошо шла комедія, особливо сравнительно съ московской сценой. Театралы обѣихъ столицъ, бывавшіе въ Парижѣ, Брюсселѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ и щеголявшіе своимъ вкусомъ, говорили обыкновенно, — и, по-моему, преувеличенно, — что о петербургскомъ театрѣ можно по крайней мѣрѣ сказать, что онъ прескверный, а о московскомъ нельзя даже сказать и этого. Петербургскія комическія актрисы и первая изъ нихъ, Валберхова, отличались весьма приличной выдержкою на сценѣ; онѣ не пѣли, не кричали и не пищали, какъ это бывало между русскими барынями средняго общества, купчихами и горничны-

ми, и это тѣмъ поразительнѣе, что нашимъ актрисамъ не было кому и подражать. Всѣ дамы высшаго общества, за весьма рѣдкими исключеніями, по-русски не говорили и говорить не умѣли. Послѣ Валберховой по таланту первая была актриса Воробьева 1, очень молоденькая и хорошенькая, только-что вышедшая замужъ за превосходнаго въ благородныхъ роляхъ Со-
сницкаго, который и до 70 года не сходилъ, кажется, со сцены, подобно безсмертному товарищу своему московскому Живокини. Кромѣ переложенныхъ съ французскаго въ дурныхъ переводахъ Мольеровскихъ комедій, охотно смотрѣли пьесы Шаховскаго и небольшія, очень удачныя комедіи въ хорошихъ и правильныхъ стихахъ Хмѣльницкаго. Изрѣдка давалась еще «Модная лавка» баснописца Крылова, и превосходно шла старинная комическая оперетка «Мельникъ» Аблесимова и небольшая комедія-оперетка Шаховскаго «Казакъ-стихотворецъ». За всѣмъ этимъ русскій репертуаръ былъ не великъ, лучшія пьесы повторялись поневолѣ очень часто, и собственно говоря не знакомый ни съ кѣмъ изъ театральн. публики и ни съ однимъ изъ актеровъ, совершенно равнодушный ко всѣмъ актрисамъ я бывалъ въ русскомъ театрѣ какъ бы по обязанности или оттого, что мнѣ вѣчеромъ некуда было дѣваться. Нѣмецкій театръ былъ по увѣренію знающихъ этотъ языкъ несравненно удовлетворительнѣе; на немъ къ сожалѣнію рѣдко давалась опера, но шла прекрасно. Была небольшая французская труппа, но, кажется, одинъ только годъ. Она разыгрывала любимыя тогдашнія пьесы парижскаго театра: «Faydeau» и «Les deux journées» Херубини, «Khalif de Bagdad», «Le nouveau seigneur du village», «Boëldieu». Эти же самыя пьесы игрались и на боль-

шой сценѣ. Больше всего забавлялъ меня комическій балетъ при этой маленькой французской труппѣ; никто давно такъ меня не смѣшилъ своими прыжками и мимикой, какъ танцоръ французъ André.

Живя вмѣстѣ съ Никольскимъ на квартирѣ довольно помѣстительной и въ самомъ центрѣ города, еженедѣльно собирали мы разный народъ къ себѣ обѣдать. То были либо юнѣйшіе изъ моихъ товарищей по канцеляріи Кикина, либо наши общіе съ Никольскимъ товарищи же двухъ поколѣній, собственно его и мои, по московскому университету. Немногихъ приглашали сбоку для карточной игры. Такими бывали изъ канцелярскихъ—Бахтинъ, Гофманъ, собиратель шампанскихъ пробокъ Шимановскій, скромный какъ красная дѣвушка и красивый какъ она Александръ Михайловичъ Языковъ, а иногда и старшій братъ его Петръ. Изъ московскихъ—Семеновъ, Яковлевъ, Лакерда, Сафоновичъ, кой когда два брата кавалергарды Львовы, братья Норовы и съ ними камеръ-пажъ рябчикъ-Голицынъ, не носившій тогда еще этого прозванія.

Возвращаюсь къ своимъ застольникамъ. Обѣдъ бывалъ у насъ не ахти роскошный, но вина много. Послѣ обѣда и небольшой бесѣды садился я за винтъ часовъ до 9 или до 10. Никольскій же, въ игрѣ необыкновенно раздражительный, сидѣлъ до позднихъ пѣтуховъ или раннихъ обѣденъ. Съ запоздалыми игроками я не церемонился: либо отъ нихъ уѣзжалъ, либо, кончивъ свою партію около полуночи, уходилъ въ свою отдаленную спальню. Вставъ часу въ 9-мъ утра, не разъ заставлялъ я Никольскаго съ своими партнерами за тѣмъ же столомъ, проигравшагося въ пухъ сравнительно по цѣнѣ своей игры и по небольшимъ своимъ

средствамъ. Страсть къ картамъ доводила его до того, что онъ проигрывалъ почти все свое жалованье. Не таковъ былъ ближайшій ему и мнѣ, общій намъ пріятель Семеновъ, мудрѣйшій и хладнокровнѣйшій изъ всѣхъ тѣхъ отцовъ-студентовъ, которыхъ я въ описаніи университетской своей жизни называлъ патриціями, конечно, не по знаменитости рода, а по успѣхамъ въ познаніяхъ, вынесенныхъ ими сперва изъ семинаріи, а потомъ и изъ самаго университета. Но вся эта мудрость, все это ничѣмъ не возмутимое хладнокровіе, все это глубокое изученіе энциклопедистовъ XVIII столѣтія, ровно какъ и современныхъ германскихъ философовъ, начиная съ Канта, не могли спасти Семенова отъ гибели. На основаніи почерпнутыхъ имъ изъ книгъ свѣдѣній о политическихъ утопіяхъ увлекаемый всѣми наглядными обольщеніями представительныхъ правленій, такъ еще недавно введенныхъ во Франціи и вводимыхъ не безъ крови въ Испаніи, Германіи и Италіи, онъ стремился къ исполненію одной задушевной мысли—учредить какимъ бы то ни было путемъ, мирнымъ или кровавымъ, представительное правленіе и у насъ въ Россіи; сошелся со всѣми тогдашними заговорщиками противъ самодержавія и старался болѣе многихъ изъ нихъ пріобрѣтать новыхъ членовъ тайному обществу 14 декабря 1825 г. Въ 1818 году Семеновъ жилъ въ домѣ роскошнаго и впоследствии промотавшагося графа Сергѣя Павловича Потемкина, женатаго на великолѣпнѣйшей изъ красавицъ, нынѣшней все еще изящной, элегантной старушкѣ, Елисаветѣ Петровнѣ Попадской. Онъ былъ наставникомъ меньшого ея брата, князя Никиты, коротко познакомился съ старшимъ ея братомъ, княземъ Сергѣемъ Петровичемъ, а вѣроятно черезъ него со всѣми находившимися тогда въ Петер-

бургѣ членами тайнаго ихъ общества. Искренно и съ давнихъ уже поръ любя меня, съ первой нашей университетской встрѣчи, желалъ онъ ввести и меня въ это общество, но въ Никольскомъ уже отчаивался. Часто, очень часто говаривалъ онъ намъ, Никольскому, Александру Языкову и мнѣ, о своихъ великихъ надеждахъ на будущее и, не разоблачая всѣхъ своихъ тайнъ, краснорѣчиво приглашалъ всѣхъ троихъ стремиться всѣми силами къ этому идеалу Россіи, который онъ, подобно многимъ, себѣ создалъ. Меня особенно, какъ болѣе изъ всѣхъ троихъ толкавшася въ обществѣ, непремѣнно и упорно желалъ онъ познакомить съ княземъ Сергѣемъ Петровичемъ Трубецкимъ, Е. П. Оболенскимъ и Ѳедоромъ Шаховскимъ, равно съ офицеромъ штаба Корниловичемъ и съ Ѳедоромъ Николаевичемъ Глинкой, который, несмотря на то, что былъ адъютантомъ Милорадовича, тоже принадлежалъ къ этому обществу. Семеновъ въ это время служилъ въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ, коего директоромъ былъ Александръ Ивановичъ Тургеневъ, и былъ очень коротко знакомъ съ братомъ его Николаемъ, съ коимъ также предлагалъ мнѣ познакомиться, какъ съ однимъ изъ главныхъ дѣятелей замышляемаго преобразования Россіи. Юношу своего, Никиту, приводилъ онъ иногда къ намъ, и я встрѣчалъ его у Семенова, когда послѣдній зазывалъ насъ къ себѣ. Потемкины жили тогда на Милліонной рядомъ съ канцеляріей Кикина, и я заходилъ бывало оттуда къ нему со службы, но быть представленнымъ имъ въ домѣ Потемкиныхъ по непобѣдимой моей дикости я рѣшительно отказался. Отъ всѣхъ же другихъ знакомствъ, предлагаемыхъ мнѣ съ извѣстною политическою цѣлью Семеновымъ, отрекся уже не

по дикости, а по частымъ и серьезнымъ внушеніямъ Никольскаго. «Это ихъ къ добру не поведетъ», говаривать онъ мнѣ съ искреннимъ ко мнѣ участіемъ, «за что же намъ изъ однихъ пустяковъ гибнуть съ ними?» Семеновъ никогда вполнѣ весь намъ не высказывался, но разъ на возраженіе ему Никольскаго противъ неодолимыхъ трудностей достигнуть ихъ желанной иѣли невольно проговорился. Никольскій задать ему вопросъ, состоявшій въ томъ: «Положимъ, вамъ удастся склонить Императора Александра къ отреченію отъ престола, хотя и это немыслимо, но что же вы сдѣлаете съ другими членами Императорской фамиліи? Они, подобно царствующей надъ нами Главѣ, не согласятся ни на какую вашу конституцію.»—«Мы, отвѣчалъ онъ, удалимъ ихъ изъ Россіи, или—вы понимаете—у насъ есть много людей, готовыхъ пожертвовать жизнью; они увѣрены, и не напрасно, что оставшіеся послѣ принесенія ими себя въ жертву не останутся въ крайности. Имъ поможетъ и будетъ имъ покровительствовать все наше общество».

Никольскій и я, мы часто толковали наединѣ о сообщаемыхъ намъ Семеновымъ предположеніяхъ. Думаю, что и осторожный мой quasi-наставникъ рѣшительно ничего не зналъ о существованіи тогдашнихъ политическихъ тайныхъ обществъ, а тѣмъ менѣе вѣрилъ, чтобы неизвѣстные или предугадываемые члены оныхъ когда бы то ни было рѣшились привести въ исполненіе свои замыслы; но онъ все-таки боялся за меня, моей молодости, способной увлекаться всѣмъ, что съ перваго взгляда можетъ казаться молодымъ людямъ и великимъ и благороднымъ. Оберегая меня внимательно въ этомъ отношеніи, онъ не только отсовѣтовалъ мнѣ вступить въ знакомство съ тѣми лицами, на ко-

торыхъ указывалъ намъ Семеновъ, но и убѣждалъ во всѣхъ случаяхъ быть сколько возможно осторожнѣе, чтобы невинно не подвергнуться зоркой политической полиціи. Я съ моей стороны зналъ уже, до чего могли быть опасны неосторожныя рѣчи и разныя выходки и, давъ слово Кикину хранить молчаніе, даже и Никольскому не рассказалъ о моей съ начальникомъ моимъ сценѣ. Послѣ нея мнѣ, отрезвленному отъ минутнаго либеральнаго опьяненія, и безъ внушенія Никольскаго никакіе Семеновы не могли быть опасны, а по моему сдержанному и разсудительному характеру всякое политическое мечтаніе находилъ я несбыточнымъ и даже преступнымъ, если бы оно, что было впрочемъ неизбѣжно для достиженія успѣха, далеко не вѣрнаго, потребовало хоть одну каплю крови. Точно также и на Александра Языкова, съ которымъ Семеновъ такъ часто видался, не могъ онъ ни сколько дѣйствовать. Это была другого рода плодотворная почва; надолго осталась она во многихъ отношеніяхъ совсѣмъ не воздѣлана. Не столько благоразумная осторожность, сколько Языковская лѣнь и апатія толстой корой возлегла на эту благородную почву, трудную для глубокаго воздѣлыванія. Какъ бы то ни было, эта самая апатія была для всѣхъ трехъ братьевъ спасеніемъ, ибо ни одинъ изъ нихъ не подвергался, подобно мнѣ, различнымъ политическимъ искушеніямъ и не пріобрѣлъ, какъ я, въ раннихъ притомъ годахъ молодости моей, политической опытности. Я давно собирался, не думая еще о запискахъ, дать себѣ и моимъ дѣтямъ, такъ сказать, отчетъ въ моемъ политическомъ поведеніи, представить имъ во всей полнотѣ мою политическую исповѣдь. Долго думалъ я, что мнѣ придется притуплять мои наступа-

тельные оружія при нападеніи на такъ много пострадавшихъ моихъ противниковъ, но теперь, сверхъ всѣхъ ожиданій, пришло время уже не нападать на нихъ, сохраняя въ то же время и выслуженное ими уваженіе къ ихъ великодушнымъ и безкорыстнымъ, но крайней мѣрѣ относительно большого числа лишь, заблужденіямъ. Пришло время самому защищаться противъ косвенныхъ нападеній на всѣхъ насъ, тогда еще довольно юныхъ, но уже взрослыхъ современниковъ этой эпохи, почему мы не пошли вмѣстѣ съ ними и уклонились, дѣятельно или мысленно, стать въ ряды приснопамятныхъ тогдашнихъ мятежниковъ. Пришло время отвѣчать на недавно предложенный мнѣ лично вопросъ: почему я, честный и благородный, по мнѣнію вопрошателя, не пристаю къ нимъ? Въ свое время робкою рукой дотронуся до мятежа 1825 г. и осторожно, хотя и искренно и откровенно, изложу я мое о немъ мнѣніе. Точно также въ свое время представляю себѣ высказаться, почему не принялъ я дѣятельнаго участія и, напротивъ, устранилъ отъ него себя въ другую современную мнѣ эпоху эманципаціи и освобожденія. Въ первомъ случаѣ могутъ еще упрекать мнѣ до моихъ объясненій въ излишнемъ или слишкомъ осторожномъ благоразуміи, предохранившемъ меня отъ 30-тилѣтнихъ тяжкихъ испытаній и отъ конечнаго разоренія; но въ эпоху другую, гораздо позднѣйшую, надѣюсь никто не упрекнетъ меня въ закоснѣлой любви къ крѣпостничеству, въ желаніи ставить выше народнаго, общаго блага мои жалкія, частныя и далеко не вѣрныя, даже не расчетливыя выгоды. Тамъ, положимъ, предохранилъ я себя отъ бѣды, но здѣсь не захотѣлъ славы, отказался отъ всѣхъ ея обольщеній, даже и отъ такихъ, которыя впоследствии оказались

корыстно выгодными для нѣкоторыхъ изъ ея соискателей. Итакъ, отлагая до времени мои объясненія, обращаюсь къ моей повѣсти за 18 годъ.

Все это лѣто провелъ я безвыѣздно въ Петербургѣ. Мнѣ, во-первыхъ, казалось недобросовѣстнымъ на первомъ же году службы, хотя и бесполезной, безъ крайней нужды проситься въ отпускъ, а, во-вторыхъ, хотѣлось ознакомиться съ нашей сѣверной столицей и ею полюбоваться въ лучшее ея время года. Ужъ подъ конецъ зимы находилъ я особенное удовольствіе ходить пѣшкомъ по красивымъ ея набережнымъ и по Невскому проспекту, который съ 2 до 4 часовъ становился мѣстомъ ежедневной прогулки всего моднаго городского населенія. Императоръ Александръ имѣлъ самъ обыкновеніе ежедневно часу въ первомъ дѣлать свой кругъ прогулки, выходя изъ дворца на Адмиралтейскій бульваръ, потомъ шель по Англійской набережной и по Фонтанкѣ мимо Аничкова и другихъ мостовъ къ Прачешному и возвращался къ себѣ по Дворцовой набережной. На такую прогулку, которая составляла по крайней мѣрѣ верстъ 8, надобно было до 1½ часа времени. Я всегда отъ самага приѣзда въ Петербургъ находилъ неизъяснимое удовольствіе встрѣчаться съ благодушнымъ Государемъ, любоваться его кроткой и привѣтливой наружностью. Чтобы сколько возможно чаще пользоваться этимъ невиннымъ и безотчетнымъ наслажденіемъ, я выбралъ для моего круга прогулки противное направленіе, и мнѣ очень часто удавалось встрѣчать Его Величество на узкой набережной Фонтанки. Меня, кажется, принималъ онъ за молодого иностранца изъ какой-нибудь купеческой конторы и раза два, когда я сходилъ съ узкой набережной, чтобы дать ему болѣе мѣста, онъ мнѣ въ полголоса го-

ворилъ: «*Merci, ne Vous dérangez pas*», или что-нибудь подобное. Ежедневная прогулка пѣшкомъ по широкимъ тротуарамъ набережной, ежедневно и обильно посыпаемымъ пескомъ, была въ обычаѣ у всѣхъ Петербуржцевъ, и каждый москвичъ въ этомъ отношеніи отдавалъ Петербургу безспорное преимущество передъ своимъ роднымъ городомъ. Когда въ серединѣ весны, обыкновенно въ апрѣлѣ, начиналось вскрытіе величественной Невы, и по ней шли громадныя льдины, зрѣлище этой великолѣпной рѣки приводило меня въ восторгъ; жаль, что въ это время обыкновенно послѣ долгихъ солнечныхъ дней при легкихъ морозахъ начинались холодныя вѣтры, а небо покрывалось сѣрыми, свинцовыми тучами. Дней черезъ десять отъ перваго вскрытія проходили по Невѣ льдины съ Ладожскаго озера, сообщеніе съ Петропавловскою крѣпостью и предмѣстями столицы, т.-е. Петербургской и Выборгской стороной, на нѣсколько дней совершенно прекращалось, а потомъ до наведенія мостовъ черезъ Неву совершалось на небольшихъ лодочныхъ перевозахъ, или на наемныхъ, вмѣсто извозчиковъ, ялботахъ и небольшихъ катерахъ. Все это было ново для меня, уроженца Москвы, которому наша рѣчка того же имени казалась сравнительно жалкой и бѣдной. Къ концу апрѣля или въ началѣ мая по вторичномъ и окончательномъ очищеніи Невы сперва показывались на ней большія суда, прежде наши съ Ладожскаго канала, потомъ и иностранные небольшіе купеческіе корабли съ Кронштадта, которые причаливали у красивой биржевой площади. Въ это-то время и благотворно растворялось настѣжъ широкое, прорубленное Петромъ Великимъ «окно» изъ Россіи на Европу, и въ него вносились къ намъ всѣ неизчислимыя блага западной

гражданственности. Начинались тогда же и тѣ длинные, долгіе лѣтніе дни, какими отличается Петербургъ; сперва ими радуешься, а потомъ и они, какъ бессонныя ночи, инымъ надоѣдаютъ.

Ничѣмъ почти не занятый по канцеляріи кромѣ составленія по порученію начальника какихъ-то въ разныхъ видахъ вѣдомостей и отчетовъ, которыми я поневолѣ надоѣдалъ всѣмъ сослуживцамъ, начиная отъ правителя канцеляріи, отбирая отъ нихъ до самыхъ мелкихъ подробностей необходимыя для меня свѣдѣнія, и убѣдясь въ бесполезности всего этого труда, я занимался имъ сколько возможно менѣе. Времени у меня было много, общественныхъ обязанностей никакихъ, да онѣ вездѣ въ столицахъ прекращаются съ началомъ лѣта, когда и театры закрываются; и вотъ я началъ знакомиться съ Эрмитажемъ, музеями и всѣми другими достопримѣчательностями Петербурга. Кикинъ съ своей стороны, желая пробудить меня отъ подозрѣваемой имъ во мнѣ апатіи, понукалъ меня на подобные осмотры, снабжалъ билетами и особенными позволеніями обозрѣть то одно, то другое какое-нибудь казенно-общественное и даже частное собраніе, или же какое-нибудь благотворительное заведеніе. Я долженъ былъ пересмотрѣть ихъ всѣ, потому что онъ приста-валъ ко мнѣ, чтобы я давалъ ему, такъ сказать, отчетъ въ моихъ впечатлѣніяхъ. Врагъ всякаго насилія, я возненавидѣлъ почти всѣ безъ исключенія эти предметы любопытства, впрочемъ, достойнаго, точно такъ же, какъ возненавидѣлъ нѣсколько ранѣе Русскій театръ со всѣми его трагедіями и комедіями, операми, балетами и всѣмъ его персоналомъ потому только, что поставилъ себѣ въ какую-то глупую обязанность, будучи абонированнымъ на цѣлый годъ, бывать въ немъ часто. По

пересмотрѣ моемъ всего нужнаго и ненужнаго и по опустѣннiи самаго города, откуда всѣ сколько-нибѹдь зажиточные жители разѣхались по дачамъ, начать и гулять то въ лодкѣ, то въ моихъ дрожкахъ по островамъ и ближайшимъ окрестностямъ.

Въ это же время и вся семья Кикиныхъ переѣхала на свою прехорошенькую дачу на Каменномъ островѣ. Она содержалась въ отличномъ порядкѣ; все было въ ней безукоризненно чисто и опрятно, за каждымъ деревцомъ ходили какъ бы за рѣдкимъ тропическимъ растеніемъ, и педантство хозяевъ въ этомъ отношеніи доходило до того, что всѣ экипажи должны были останавливаться у вѣзда съ общей дороги на дачу, и нужно было приходиться на довольно отдаленное крыльцо пѣшкомъ. Въ ненастное время только для дамъ и почетныхъ стариковъ дѣлалось исключеніе. За порядкомъ дачи наблюдалъ добросовѣстно великій по этой части пріятель Кикина, садовникъ англичанинъ Бушъ, который въ это время завѣдывалъ каменно-островскимъ дворцомъ, гдѣ уединенно живалъ Александръ I, и въ то же время разводилъ императорскій паркъ на Елагиномъ островѣ, возлѣ Крестовскаго. Г. Бушъ былъ не простой садовникъ, а художникъ по части садоводства; у Кикиныхъ его любили и уважали, и онъ бывалъ у нихъ постояннымъ лѣтнимъ собесѣдникомъ. Скажу кстати, что въ этой семьѣ почему-то предъ всѣми иностранцами особенно уважали англичанъ; ихъ, видно, любила Екатерина II, а у нея переняла и Марья Саввишна, другомъ коей особенно былъ лейбъ-медикиъ Екатерины Рожерсонъ. Англичанинъ докторъ императора Александра часто у нихъ бывалъ, а домашнимъ врачомъ всей семьи и другомъ дома былъ тоже англичанинъ, престарѣлый докторъ Симсонъ, совре-

менникъ Рожерсона. Дамы его семейства, истыя остро-
витянки и очень въ своемъ родѣ красивыя, бывали у
Кикиныхъ хотя и рѣдко, но всегда принимались съ
дружелюбіемъ и почетомъ. Марья Артамоновна сама
казалась англичанкой, говорила на этомъ языкѣ и лю-
била его литературу.

Въ это лѣто, 1818 г., въ первый, кажется, разъ
открыто было правильное пароходное сообщеніе съ
Кронштадтомъ. Оно было частнымъ предпріятіемъ
богатаго англійскаго негоціанта и вмѣстѣ с.-петер-
бургскаго первой гильдіи купца Берта, который пер-
вый ввелъ пароходство въ Россіи и коему на его
верфи и при его уже огромномъ заводѣ поручено
было, какъ знатоку дѣла, исправленіе и наблюденіе
за казенными пароходами. Первое небольшое двухча-
совое мое путешествіе въ Кронштадтъ на бертовскомъ
пароходѣ мнѣ очень понравилось, и я не одинъ разъ
въ одиночку и съ пріятелями туда отправлялся. Толь-
ко-что сядешь бывало на такой пароходъ, и можешь
уже себя считать не въ Россіи, а въ Англіи: отъ ка-
питана до послѣдняго матроса и до служителя при
буфетѣ, а вѣроятно и повара,—все было передъ вами
англійское. Отличная баранья, настоящая, а не наша
неудачно подражательная котлета и выписной прямо
изъ Англіи картофель съ различными тамошними со-
лями и краснымъ перцемъ и въ заключеніе славнаго
завтрака англійскій красный сыръ или честеръ, *chester-
cheese*, съ полбутылкой—либо мадеры, либо портвейна
(къ сожалѣнію я никогда не могъ привыкнуть ни къ
ale, ни къ портеру) были для меня исключительно
рѣдкимъ гастрономическимъ услажденіемъ, а когда
бывало останешься ночевать въ кронштадтской англій-
ской тавернѣ, гдѣ за длиннымъ табль-д'отомъ на осо-

бенныхъ столикахъ обѣдали, а по-нашему, московскому, вѣрнѣе сказать—ужинали корабельный капитанъ и шкипера, и всякаго рода той же націи негоціанты и ихъ приказчики, гдѣ даже наши морскіе офицеры говорили больше по-англійски, чѣмъ по-русски, то васъ такъ и обхватывала со всѣхъ сторонъ всемогущественная въ Нептуновомъ царствѣ Великобританія. Она же, казалось, радушно приглашала насъ въ небольшую, въ родѣ корабельной каюты, чистенькую комнату съ такой постелью и всѣми ея принадлежностями, о какихъ вы и понятія не имѣли въ Москвѣ, да очень рѣдко могли встрѣтить и въ самомъ Петербургѣ. Мнѣ внушено было Кикинымъ осмотрѣть въ подробности и самый Кронштадтъ со всѣмъ его морскимъ устройствомъ, казенной и торговой верфью, огромной канатной и другими фабриками и заводами.

Разъ въ каждыя двѣ недѣли я непременно этимъ лѣтомъ бывалъ въ Кронштадтѣ. Однажды моимъ спутникомъ туда былъ одинъ морской отставной офицеръ, нѣсколько меня старше, и предложилъ мнѣ переночевать въ тавернѣ и на другое утро послѣ англійскаго luncheon переплыть заливъ, чтобы осмотрѣть Ораніенбаумъ и уже оттуда возвратиться въ Петербургъ въ экипажѣ. Погода была тихая, ничто не предвѣщало сильныхъ вѣтровъ, тѣмъ менѣе бури. Купеческая гавань, защищаемая стѣнами отъ напора морскихъ волнъ, была спокойна, какъ бы на деревенскомъ пруду. Мы взяли небольшой катеръ съ однимъ рулевымъ и двумя гребцами и условились съ ними въ томъ, что они перевезутъ насъ за цѣлковый къ пристани Ораніенбаума. По прямой линіи между Кронштадтомъ и послѣднимъ всего считалось 7 или 8^х верстъ, много, много часть плаванія. Когда мы сяди-

лись въ лодку, откуда ни взялись двѣ-три огородницы изъ Ораніенбаума и выпросили позволеніе плыть съ нами. Не успѣли выйти мы изъ гавани и нѣсколько сажень отплыть, вдругъ поднялся ужасный вѣтеръ и долго мѣшалъ намъ установить паруса, грести было невозможно. Мнѣ стало боязно. Оглянувшись кругомъ себя, я увидѣлъ, что на всемъ этомъ огромномъ пространствѣ, доступномъ зрѣнію, нашъ ничтожный катерокъ былъ одинъ-одинешенекъ. Тутъ начали волны перебрасываться черезъ бортъ. Самъ предвидя очень неутѣшительный, но единственно возможный отвѣтъ, я все-таки спросилъ у рулевого, придетъ ли къ намъ кто-нибудь или что-нибудь на помощь, когда мы станемъ тонуть. «Помилуйте, ваше благородіе,—отвѣчалъ рулевой,—вы и сами видите, что вблизи насъ, да и вдали нѣтъ ни одного суденышка, а если намъ суждено потонуть, чего избави Богъ, то мы меньше, чѣмъ въ пять минутъ утонемъ». Тутъ взглянулъ я на товарища-моряка: онъ сидѣлъ блѣдный, какъ полотно, и шопотомъ признался мнѣ, что ему еще никогда не случалось и въ открытомъ морѣ подвергаться такой близкой и почти неминуемой опасности. Рулевой и гребцы пригласили насъ и приказали тремъ нашимъ бабамъ вычерпывать изъ лодки воду, которая ежеминутно въ ней умножалась отъ перебрасываемыхъ черезъ бортъ волнъ. «Есть ли надежда, что мы доплывемъ?»—спросилъ я опять у рулевого. Онъ снялъ фуражку, набожно перекрестился, отвѣчая: «Какъ Богъ велитъ». Тутъ мы усердно принялись молча за неблагодарную работу выплескивать изъ катера воду; вмѣсто того, чтобы намъ помогать, здоровенные наши товарки съ воплями и криками то вставали съ мѣста, то, бросаясь на колѣни, нараспѣвъ молились со всевозможными

по русскому обычаю причитаніями. Ихъ отчаянныя тѣлодвиженія увеличивали и безъ того угрожающую опасность, и всѣ мы должны были ихъ связать. Вѣтеръ часъ отъ часу, вѣрнѣе сказать съ каждой минутой, которая казалась для насъ болѣе часа, усиливался, но онъ, перемѣнивъ направленіе, дозволилъ, наконецъ, лавировать, т.-е. забирать гораздо правѣе отъ Кронштадта и уже перестать думать объ Ораніенбаумской пристани въ надеждѣ отыскать убожище, гдѣ бы то ни было. Такъ мы и сдѣлали. Первый поднятый нами парусъ отъ сильнаго порыва вѣтра сломался, по счастью былъ запасной, и мы, измученные работой, измоченные до послѣдней нитки, по захожденіи солнца, часовъ въ 10, пристали, наконецъ, къ какой-то рыбацѣй слободкѣ верстахъ въ 10 отъ Ораніенбаума на его же берегу. Началась передъ дымной печкой, въ родѣ такой, какія бываютъ въ нашихъ курныхъ избахъ, сушка платья и самый скудный ужинъ. Тутъ мы ночевали на соломѣ, и осмотрѣвъ Ораніенбаумъ, утромъ другого дня, черезъ Стрѣльну, дачу Константина Павловича, возвратились на троечной телѣгѣ въ Петербургъ.

Другою на цѣлыя сутки прогулкою была поѣздка наша съ Никольскимъ, Языковыми и двумя или тремя старыми товарищами по университету на Петергофскій праздникъ въ день именинъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, т.-е. 22 іюля. Не найдя мѣста на пароходахъ, такъ какъ всѣ они были переполнены, усѣлись мы всѣ на большомъ катерѣ, гдѣ тоже была великая толпа разнокалибернаго люда. День былъ чудный, но при вѣтрѣ, хотя и умѣренномъ, однако противномъ, поднялась неизбежная въ этомъ случаѣ качка. Все наше общество, не привыкшее къ морю,

подверглось вдругъ, какъ бы по сигналу, прегадкой болѣзни, и первыми мои товарищи, и изъ нихъ Никольскій. Картина была пресмѣшная и вмѣстѣ съ тѣмъ преотвратительная; неудержимое расположение смѣяться спасло меня отъ подражанія. Болѣзнь не мѣшала спутникамъ между собою спорить, браниться и почти драться. Каждый, а особливо каждая изъ купчихъ и мѣщанокъ старалась уберечь свое яркихъ пѣтвовъ платье отъ постороннихъ изліяній—*inde ira*. Шатаясь, какъ пьяные, вышли мы на петергофскій берегъ у скромнаго, особнякомъ выстроеннаго на взморьѣ дворца, противъ Кронштадта. Это небольшое зданіе называлось Монплезиромъ (*mon plaisir*) и было построено еще Петромъ Великимъ. По всему обширному саду, или скорѣе парку съ террасами и великолѣпными фонтанами, въ родѣ Версаля, толпилась чуть ли не половина петербургскаго населенія и глазѣла на разѣзжавшія по широкимъ аллеямъ императорскія и придворныя линейки. Иные пили чай на травѣ, другіе полдничали или обѣдали тѣмъ, чѣмъ запаслись въ городѣ. Я пошелъ отыскивать небольшой, принадлежащій Петергофскому дворцу флигелекъ, отданный на этотъ праздникъ въ распоряженіе статсъ-секретаря Кикина, и остался съ ними обѣдать. У нихъ былъ очень хорошій обѣдъ и славное вино изъ дворца, но, не желая измѣнить товарищамъ и опасаясь, чтобы они не упрекнули меня въ желаніи передъ ними похвастаться моими придворными связями, я отказался отъ приглашенія имѣть у нихъ ночлегъ, хотя и очень тѣсный, но все-таки подъ крышей, а не подъ открытымъ небомъ. Спутники мои распивали чай, вино и пиво и кой-чѣмъ закусывали. Насталъ вечеръ, зажгли великолѣпнѣйшую иллюминацію, какую я когда-либо

видѣлъ. Самсонъ, раздирающій льва (фонтанъ), освѣтился различными огнями; въ разныхъ углахъ обширнаго сада полковые оркестры разыгрывали лучшія увертюры и марши того времени. Толпа двигалась отъ тѣсноты нога за ногу. Государь и вся императорская фамилія, весь дипломатическій корпусъ и всѣ придворные опять стали разѣзжать въ пышныхъ нарядахъ и въ парадныхъ линейкахъ по парку. Затѣмъ начался въ залахъ дворца придворный маскарадъ, на который каждый, не совсѣмъ безобразно одѣтый, имѣлъ входъ. Жара сдѣлалась невыносимою, и не легко было пробраться черезъ тѣснившуюся толпу зрителей, чтобы увидать, хотя однимъ глазомъ, какъ по этимъ коридорамъ, стѣны которыхъ образовались сами собою изъ посѣтителей, проходили польскимъ Государь, царская фамилія и все, что было въ мундирахъ и бальныхъ костюмахъ. Любопытные смотрѣли на все это съ жадностью, участники маскарада въ свою очередь съ любопытствомъ смотрѣли на разноцвѣтную толпу. Но дышать становилось тяжело, и мы опять стали бродить по саду, до поздней ночи освѣщаемому огнями и оглашаемому военной музыкой. Усталые гуляющіе располагались каждый, какъ могъ, ко сну. Спящіе представляли живописныя кучки. Ночь къ утру становилась свѣжа, каждый кутался насколько могъ, а за неимѣніемъ никакихъ средствъ противъ свѣжаго воздуха поневолѣ искалъ и находилъ и тепло и опору въ своемъ сосѣдѣ. Мы также прикурнули въ саду и утромъ потянулись къ первому пароходу, чтобы вернуться въ городъ. Какъ ни болѣзненно было всѣмъ моимъ товарищамъ вчерашнее плаванье, но извозчиковъ было такъ мало, а которые были просили съ насъ такъ дорого, что пришлось опять плыть съ

такую же толпой и на такомъ же, какъ вчера, катерѣ. Возвращеніе было покойнѣе.

Въ это же лѣто былъ я съ моими пріятелями въ Царскомъ селѣ и Павловскѣ. Не стану ихъ описывать: они слишкомъ извѣстны всѣмъ и очень мало мнѣ, я былъ въ нихъ всего одинъ разъ. Прочія петербургскія окрестности мнѣ совсѣмъ не извѣстны.

Зиму 1819 г. прожилъ я въ Петербургѣ такъ же однообразно, какъ и мою первую въ этомъ городѣ. Та же канцелярія, тѣ же два-три знакомыхъ дома (новыхъ почему-то не прибавилось), тѣ же небольшіе обѣды и карточная игра у меня и тотъ же театръ, надоѣдавшій мнѣ пуще прежняго. Все шло по-старому, прибавилось развѣ болѣе тѣсное сближеніе съ братьями Языковыми. Два старшіе зажили вмѣстѣ, изъ Дерпта иногда наѣзжалъ къ нимъ поэтъ и студентъ Николай. Кажется, въ этомъ же году второй братъ изъ Языковыхъ отправленъ былъ мною въ Симбирскъ послѣ внезапной смерти ихъ отца, чтобы повидаться съ матерью и сестрами. Я имѣю полное право сказать, что онъ былъ отправленъ именно мною. Взявъ у Кикина тотчасъ же по полученіи письма о кончинѣ его родителя ему отпускъ и по немъ подорожную, нанявъ троичную повозку и приказавъ уложиться камердинеру Языковыхъ Моисею, я объявилъ Александру о смерти его отца, велѣлъ подать ему дорожное платье и доложить, что лошади готовы. Все это было сдѣлано мной для того, чтобы не было длинныхъ сборовъ. Таковъ былъ и такимъ до сихъ поръ остался апатичный мой пріятель, Александръ Михайловичъ Языковъ.

Проживъ въ Петербургѣ безвыѣздно цѣлый годъ, въ маѣ 19 года отправился я на цѣлое лѣто и осень въ

отпускъ въ родную Москву, потомъ въ подмосковное и въ Михайловское. Последнимъ управлять еще попрежнему тотъ же Шпловъ, самъ же я начинать присматриваться внимательнѣе прежняго къ деревенскому хозяйству и всего болѣе къ быту крѣпостныхъ крестьянъ. Вникая въ ихъ положеніе, ничѣмъ не определенное, съ одной стороны—лѣнью, пренебреженіемъ и обычаемъ помѣщиковъ и ихъ управляющихъ до крайности распущенное, а съ другой—произволомъ, капризомъ и вѣковыми предразсудками самихъ владѣльцевъ и ихъ приказчиковъ стѣсняемое, я терялся въ стремленіяхъ моихъ хорошо и по возможности справедливо отправлять въ отношеніи крѣпостныхъ мои человѣческія обязанности. На каждомъ шагу встрѣчали меня съ обѣихъ сторонъ вѣчные обманы и постоянная ложь; управляющій и сельскія власти, особливо наемныя, стояли за строгое отправленіе барщины, крестьяне за ненарушимое соблюденіе нѣкоторыхъ льготъ, имъ издавна данныхъ или мало-по-малу ими у барщины отбитыхъ разными хитростями. Довольно было для меня двухмѣсячнаго пребыванія въ этомъ издѣльномъ имѣніи съ большою запашкой, чтобъ убѣдиться, сколько при крѣпостномъ трудѣ безъ всякой пользы теряется времени, какъ иногда берется работниковъ на какое-нибудь дѣло въ десять разъ болѣе, нежели нужно, какъ все господское расхищается, воруетъ и, что всего досаднѣе, утрачивается вдвое, втрое больше, чѣмъ отъ воровства, пропадаетъ кинью (выраженіе простонародное, если не всѣмъ извѣстное, то очень вѣрное,—оно указываетъ то всякое добро, которое въ огромнѣйшей массѣ на пространствѣ Россіи у казны, у владѣльцевъ, у купцовъ,—однимъ словомъ, у всѣхъ кидается по пустякамъ). На весь этотъ существующій без-

порядокъ у меня и около меня у другихъ смотрѣлъ я съ юношескою горячею грустью. Не очень-то пріятно было имѣть вѣчно передъ глазами эту массу золь, но перешагнуть черезъ нее или даже окольнымъ путемъ найти всему этому выходъ, была такая задача, которую и современная намъ спасительная для чело-вѣчества эмансипація не вполнѣ удовлетворительно разрѣшила. Внушенія управляющаго, его помощниковъ, равно какъ и совѣты сосѣднихъ помѣщиковъ, разныхъ поповъ и купцовъ, торгующихъ хлѣбомъ, меня однако не развратили. Я оставался и остался всегда на сто-ронѣ крестьянъ, хотя съ каждымъ годомъ опыта пріобрѣталъ болѣе и болѣе вѣрныя понятія о ихъ испорченности, о ихъ ужасающей безнравственности. Гораздо строже, а можетъ быть и слишкомъ пристрастно, смотрѣлъ я на дворовыхъ; ихъ и у меня послѣ отца, хотя и гораздо менѣе сравнительно, чѣмъ у другихъ, считалось до 200 человекъ обоого пола и всякихъ лѣтъ. Они повсюду въ Россіи начинали образовывать какую-то особенную касту, уничтоженіе которой, хотя для этой касты весьма тяжелое, есть одно изъ первыхъ благодѣтельныхъ послѣдствій освобожденія. Всѣ эти слуги и служанки барскаго дома, особливо же богатаго, стариннаго или по крайней мѣрѣ не очень новаго, считали себя передъ крестьянами какими-то аристократами, а передъ бариномъ выставлялись имѣющими какія-то ничѣмъ неопредѣленные родовыя права и гордились, если не своими собственными, то отцовскими и дѣдовскими заслугами у своихъ настоящихъ или отшедшихъ господъ. Несносныя претензіи этого крапивнаго сѣмени меня выводили изъ терпѣнія, и я ихъ съ первой моей встрѣчи возненавидѣлъ и столько же во всю мою жизнь, смѣю въ этомъ признаться, былъ

добръ къ крестьянамъ вообще, сколько суровъ, а можетъ быть и несправедливъ, къ дворовымъ. Да оно и не мудрено послѣ продѣлокъ, которыя они со мною пробовали дѣлать. Вотъ примѣръ. Въ нашей дворнѣ было штукъ восемь не старыхъ еще женщинъ и дѣвокъ, которыя служили при моей матери или при моей теткѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ были удалены послѣдней за разные грѣшки и слабости человѣческой природы. Французъ, мой камердинеръ, который смотрѣлъ и на крестьянъ и на дворовыхъ, какъ на дикихъ и былъ къ нимъ не очень благосклонно расположенъ, доложилъ мнѣ, что у насъ послѣ 10 дневнаго пребыванія въ Михайловскомъ нѣтъ чистаго бѣлья. Я имѣлъ глупость прогнѣваться на такой безпорядокъ. «Какъ, сказалъ я, а вся эта сволочь? Всѣ эти барскія барыни и дѣвки? неужели не могутъ выстирать?»—«Онѣ говорятъ, что это не ихъ дѣло, и что онѣ и не умѣютъ». По моей неопытности и желанію сохранить за собою популярность я не зналъ, какъ поступить; «чистое же бѣлье», думалъ я, «все-таки необходимо». Призванъ былъ на совѣтъ Шиловъ. Нимало не затрудняясь, предложилъ онъ, когда я не согласился на розги, другой способъ. «Прикажите прекратить съ этого же дня выдачу на этихъ женщинъ мѣсячины» (то-есть положеннаго имъ содержанія мукой, крупой, солью и такъ далѣе).—Я ихъ призвалъ и объявилъ мою рѣшительную волю. Бросились онѣ цѣловать у меня ручки, кланялись въ ноги, но, получивъ отказъ, бѣлье вымыли. Такъ и во всемъ другомъ.

Вблизи отъ господскаго дома на видномъ и красивомъ мѣстѣ выстроили они себѣ, каждая семья особо, какія-то безобразныя заутки, гдѣ размѣщалась вся ихъ птица: всепожирающія утки, хищные гуси и куры,

коровы, гуляющіе вездѣ телята и порядочное количество свиней. Весь участокъ земли, отданной имъ подѣ поселеніе, и огороды, и произвольно пріобрѣтенныя ими мѣста для закутокъ,—все это было въ безпорядкѣ, грязи и сору. Оставленные на произволъ судьбы гуси портили луга, истребляли капусту и огородную овощь, телята не выходили изъ яровыхъ полей, а проклятыя свиньи бѣгали повсюду и вездѣ рыли и портили и деревья, и посадки, и дернъ. Этимъ ненавистнымъ мнѣ животнымъ объявилъ я, и продолжаю еще доселѣ объявлять, непримиримую войну. Къ суммѣ всѣхъ этихъ золъ крѣпостного быта прибавьте безсѣстное исправленіе каждаго барщинскаго урока, ежедневныя потравы въ поляхъ, лугахъ и лѣсахъ заказныхъ покосовъ, частую кражу лѣса, а нерѣдко и хлѣба и разныхъ другихъ хозяйственныхъ матеріаловъ, и слѣдовавшіе затѣмъ въ случаѣ открытія разныхъ проступковъ допросы, истязанія и тѣлесныя наказанія,—все это, взятое вмѣстѣ и повторяющееся ежедневно, превращало въ мученіе даже при самой благопріятной погодѣ деревенское пребываніе для каждаго чувствительнаго и болѣе или менѣе идиллически настроеннаго сердца, портило кровь, раздражало воображеніе и отвращало отъ всякаго полезнаго труда. Между тѣмъ выходъ изъ такого тяжелаго положенія представлялся невозможнымъ, да таковъ онъ былъ и на самомъ дѣлѣ до самой развязки крестьянскаго вопроса. Не скажу, чтобы и теперь отношенія прежнихъ помѣщиковъ къ прежнимъ крѣпостнымъ шли какъ бы хотѣлось, или какъ бы слѣдовало, но, избавившись разъ навсегда отъ произвольнаго и даже невольнаго самоуправства, мы освободились по крайней мѣрѣ отъ тяжкаго грѣха, камнемъ лежавшаго такъ долго на нашей совѣсти.

Убѣдившись къ сожалѣнію въ томъ, что мой управляющій Шиловъ запиваетъ и ведетъ свое дѣло часть отъ часу небрежнѣе, я началъ помышлять о томъ, какъ бы моему хозяйству дать сколько-нибудь правильное и прочное управленіе. Николай Сергѣевичъ Тарасовъ, мужъ воспитанницы моего отца, жилъ тогда съ женой и семьей въ небольшомъ своемъ имѣніи въ Шапкомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи, верстахъ въ 200 отъ нашего Михайловскаго; туда отправился я въ сентябрѣ для переговоровъ и за совѣтами по хозяйству къ этому практическому помѣщику, не имѣвшему кромѣ полезной рутинны никакого понятія о рациональномъ хозяйствѣ. Онъ согласился осмотрѣть Михайловское и внимательно обозрѣть управленіе Шилова. Самъ я отправился отъ Тарасовыхъ въ Москву. Въ ней нашелъ я возвратившихся изъ Симбирска двухъ моихъ тетокъ Обресковыхъ; о меньшей, Варварѣ Васильевнѣ, очень недалекой и болыной дѣвницѣ, упоминаю для счета. Съ ними пріѣхала и меньшая моя двоюродная сестра Обрескова, Варенька, сестра же ея, постарше, бойкая Наташа осталась въ Симбирскѣ, вышедъ тамъ замужъ за нѣкогого Мельгунова. Разводная Александра Николаевна Николаева, бывшая послѣднею пріятельницею моего дяди Николая Васильевича и послѣ его смерти примирившаяся съ теткой Марьей Васильевной, имъ также сопутствовала и поселилась, не помню вмѣстѣ, или въ сосѣдствѣ съ ними.

Съ этого времени начались мои драматическія приключенія, и я въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ писать мои «Записки», затрудняюсь, какъ начать и продолжать внутреннюю мою исповѣдь. Всѣ тогдашнія впечатлѣнія во мнѣ совершенно изгладились, всѣ

воспоминанія о первой моей любви, о томъ времени, которое столько людей считаютъ блаженнѣйшимъ изъ всей своей жизни, во мнѣ ступевались, и на фонѣ пространной картины, изображающей насколько возможно всю мою жизнь, остались какими-то темными пятнами, не имѣющими ни поэтическаго и никакого другого смысла. Съ другой стороны, на совѣсти моей долго лежалъ упрекъ, что я можетъ быть своею очень не глубокою страстью погубилъ всю жизнь юнаго существа, которое любило меня такъ искренно. И скучно и грустно обо всемъ этомъ рассказывать.

Между нами, мной и Варенькой скоро началась очень тѣсная, слишкомъ тѣсная дружба. Она въ ней не сдерживалась, я противъ воли тоже поддался неизвѣстному еще мнѣ чувству или скорѣе, скрѣпя сердце, долженъ сказать—чувственности. Тетка предоставила намъ полную свободу слишкомъ короткаго обращенія. Если бы я былъ способенъ съ одной стороны къ страстнымъ увлеченіямъ, если бы не былъ въ то же время настолько, однако, опытенъ, чтобы воздержаться и не довести до паденія страстную въ своей невинности Вареньку, то я бы погубилъ ее окончательно.

Странное дѣло, въ продолженіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ ежедневныхъ свиданій я не подозрѣвалъ въ ней любви ко мнѣ и только наканунѣ предположеннаго мною отъѣзда въ Петербургъ узналъ изъ ея записки о необузданной ея ко мнѣ страсти. Благоразуміе, никогда меня не покидавшее, требовало немедленнаго удаленія, но я, увы, на этотъ разъ измѣнилъ своему характеру, уступилъ очень понятному чувству жалости и не устоялъ противъ всѣхъ обольщеній невольно возбужденной мною любви. Однимъ словомъ, я еще на цѣлый мѣсяцъ остался въ Москвѣ.

Дружелюбно расположенная лично ко мнѣ Анна Константиновна Кикина, первая изъ всѣхъ близкихъ наблюдательницъ, откровенно высказала мнѣ, что моя страсть къ двоюродной сестрѣ, вѣрнѣе сказать—ея ко мнѣ, не приведетъ насъ къ добру, что по нашимъ законамъ, тогда гораздо строже соблюдаемымъ, нежелли теперь, и по обычаю бракъ между нами невозможенъ. Я убѣдился въ справедливости этихъ словъ, но сладить съ собой не могъ и изъ Москвы не выѣзжалъ. Другъ мой Кикина въ это время страдала злою чахоткой, которая развивалась въ ней быстро. Предчувствуя близкій конецъ, призвала она меня однажды раннимъ утромъ къ своей постели и съ невозмутимымъ спокойствіемъ объявила мнѣ, пораженному ужасомъ, что она черезъ недѣлю должна умереть. Меня это сильно взволновало и разстроило. Ея поучительная твердость духа меня однако успокоила; мнѣ некогда было ни ее разувѣрять, ни себя утѣшать, когда она тутъ же объявила свое желаніе, чтобы я составилъ формально духовное ея завѣщаніе. Чтобы облечь оное всѣми законными формами, я поѣхалъ за совѣтомъ къ прежнему моему профессору Николаю Николаевичу Сандунову. Этимъ актомъ, ею и свидѣтелями подписаннымъ, отдавала она все свое имѣніе не любимому ею мужу, открываясь передо мною въ томъ, что она сама передъ нимъ и дѣтьми мною, много виновата. Поблагодаривъ меня за услугу, сказала она мнѣ уже почти умирающимъ голосомъ: «Теперь все со мною кончено, отъ тебя же требую я, чтобы ты сегодня или завтра непременно уѣхалъ въ Петербургъ, не дожидаясь моей кончины. Тебя моя смерть разстроитъ, и сверхъ того я не желаю, чтобы ты былъ невольнымъ свидѣтелемъ

всей той развязки моей жизни, которая обнаружится». Я далъ слово, сдержалъ его и дѣйствительно за два дня до ея смерти отправился въ Петербургъ къ великому горю моей Вареньки.

Съ перваго же дня моего отъѣзда изъ Москвы въ Петербургъ началась между нами, мной и Варенькой, почти ежедневная переписка, не отличавшаяся отъ всѣхъ ей подобныхъ.

Служебная и общественная моя жизнь въ Петербургъ шла попрежнему такъ вяло и пошло, что о ней и говорить нечего, развѣ одно то, что въ театрѣ сталъ ѣздить я рѣже, а играть въ карты чаще, но никогда по большой. Съ ранней весны отправлялся я въ отпускъ хозяйничать въ Михайловское и на перепутьѣ засиживался подолгу въ Москвѣ. Тамъ останавливался я у тетки Елены Яковлевны и прекрасно помѣщался въ двухъ комнатахъ мезонина. Она сперва жила въ домѣ, нанимаемомъ у моего двоюродного брата Василия Обрескова, а потомъ купила себѣ небольшой домикъ въ Мерзляковскомъ переулкѣ. Тепленькая моя страстишка не мѣшала мнѣ, хотя и рѣдко, предаваться юношескому умѣренному разгулу. Лучшими тогдашними моими друзьями въ Москвѣ были нѣжный Новиковъ, саркастическій и умный Михаилъ Дмитриевъ и пьяный полиглотъ Курбатовъ. Иногда звалъ я къ себѣ обѣдать всегда чопорнаго и накрахмаленнаго Дмитрія Голохвастова и не выходившаго изъ-подъ его надзора добраго, безхарактернаго малаго, брата его Николая. За моими обѣдами всякій разъ до положенія ризъ напивался Курбатовъ и насъ то тѣшилъ, то пугалъ своими штуками. Однажды напр. проходящаго мимо растворенныхъ оконъ, важнаго и суроваго всею своею поставою, бывшаго министра

Ив. Ив. Дмитриева, родного дядю Михайлы, громко звать онъ къ намъ на выпивку. На другой же день дядюшка отблагодарилъ племянника за такое лестное отъ друзей его приглашеніе и позавидовалъ ему въ томъ, что у него такое прекрасное общество. Поэтъ Дмитриевъ всегда отзывался насмѣшливо, язвительно. Узнавъ о головомойкѣ пріятелю отъ дяди, мы долго съ Новиковымъ къ старику Дмитриеву не являлись, но удалой Курбатовъ былъ у него на другой же день и хорошо былъ принятъ. Въ другой разъ полупьяный тотъ же Курбатовъ какъ-то безъ галстука и жилета,—хорошо еще что въ панталонахъ,—улизнулъ изъ дому, и кучера едва догнали его у Никитскихъ воротъ и помѣшали гулять по Тверскому бульвару.

Любовь моей Вареньки болѣе и болѣе усиливалась. Если не тетка, то, вѣроятно, А. Н. Николева или сестра Шенишна и ея Пассекъ доказывали Варенькѣ возможность за меня вытти замужъ. Однажды Пассекъ—мужъ рѣшился говорить мнѣ объ этомъ серьезно; у него одного достало на это смѣлости. Замѣчательно, что никто никогда изъ людей самыхъ мнѣ близкихъ и доброжелательныхъ къ Варенькѣ и ко мнѣ не рѣшался ни однимъ словомъ намекнуть мнѣ на все это. Съ тѣхъ самыхъ поръ и доселѣ я всегда велъ себя такъ сдержанно, не допуская интимныхъ со мною обо мнѣ собственно бесѣдъ, а между тѣмъ въ семьѣ Обресковыхъ промежду братьевъ и сестеръ, тетокъ, племянниковъ и племянницъ былъ я передаточной сумой, въ которую бросали они всѣ свои сплетни и другъ на друга жалобы, часто требуя отъ меня, чтобы я былъ между ними посредникомъ. Но Пассекъ меня приструнилъ и приказывалъ подумать и дать ему отвѣтъ рѣшительный. Я отвѣчалъ, что прежде, нежели скажу

да, или нѣтъ, долженъ собрать всѣ необходимыя справки о возможности брака между такими близкими родственниками. За этими свѣдѣніями обратился я къ Семенову, служившему въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ. Ему болѣе, нежели кому-либо другому, удобно было разрѣшить мой вопросъ на основаніи существующихъ законовъ и примѣровъ судебной по духовному вѣдомству практики. Онъ отвѣчалъ мнѣ отрицательно и въ то же время убѣждалъ меня не дѣлать глупости—жениться въ такой ранней молодости и при такихъ едва преодолимыхъ затрудненіяхъ, а проѣзжая разъ черезъ Москву, сообщилъ мнѣ Богъ вѣдаетъ откуда дошедшіе до него слухи,—пожалуй, имъ же самимъ выдуманные,—будто бы въ самое это время моя Варенька кокетничала съ другимъ. Правду ли, или полезную для меня, по его мнѣнію, ложь писалъ мнѣ Семеновъ, я не узналъ, какъ ни добивался, впрочемъ и то сказать, какая же молодая дѣвушка въ свою мѣру не кокетничаетъ, многія даже черезъ мѣру. Препятствія къ соединенію нашему съ Варенькой ей я не объявлялъ, успокоивая ее тѣмъ, что, отправляясь на зиму въ Петербургъ (это было осенью 1820 г.), въ пребываніе мое тамъ буду разузнавать, есть ли какая-нибудь возможность женитьбы между двоюродными. Я имѣлъ въ виду два примѣра: оба не разрѣшали, но увеличивали затрудненія. При Екатеринѣ старшей изъ пяти братьевъ Орловыхъ, князь Григорій, по охлажденіи страсти къ нему императрицы женился на двоюродной сестрѣ своей Зиновьевой; въ Россіи смотрѣли на это сквозь пальцы, однако онъ долженъ былъ увезти жену въ чужіе края и тамъ основать ей постоянное мѣстопробываніе. Княгиня Орлова вскорѣ умерла почти въ первой молодости злой чахоткой и

не оставила дѣтей. Она похоронена въ Лозаннѣ, въ соборной церкви, даже прахъ ея не перевезли на родину, какъ это до сихъ поръ въ обычаѣ между русскими, не только такими знатыми, какъ Орловы, но и у всѣхъ семействъ средняго состоянія. Въ тогдaшнемъ обществѣ, да и въ семьѣ Орловыхъ, всѣ безъ исключенія осуждали такой бракъ, какъ противный церковному и гражданскому закону, и почитали особенно счастливымъ, что у Орловыхъ не было дѣтей, которые ни въ какомъ случаѣ не могли бы быть ихъ наслѣдниками. Въ то время, когда я бралъ справки, мнѣ представляли другой извѣстный въ обществѣ подобный случай: флигель-адъютантъ Мансуровъ не долго передъ моимъ возвращеніемъ въ Петербургъ тоже женился на двоюродной сестрѣ, княжнѣ Трубецкой. Онъ просилъ разрѣшенія у самого государя, въ чемъ ему было отказано въ Россіи съ совѣтомъ отправиться за границу и жить тамъ постоянно. Какъ человѣку, находившемуся подъ особеннымъ покровительствомъ Двора, чѣмъ съ своей стороны пользовалась и его жена, ему дали мѣсто и видное и выгодное—военнаго агента въ Берлинѣ, а потомъ посланника. Но, несмотря на всѣ эти недоступныя для многихъ, а въ томъ числѣ и для меня исключенія, Мансурову, какъ прежде князю Орлову, объявлено было напередъ, что если будутъ отъ ихъ брака дѣти, а отъ другихъ ближайшихъ ихъ наслѣдниковъ поступятъ просьбы и жалобы противъ незаконности такихъ брачныхъ союзовъ, тогда подобные браки расторгаются, и дѣти признаются незаконными. Всего этого слишкомъ было достаточно для меня, чтобы покориться закону необходимости, да, правду сказать, я и безъ того не очень хотѣлъ жениться въ такихъ раннихъ годахъ,

да еще навязать себѣ на шею столько хлопотъ. Но бѣдная Варенька въ такомъ была отчаяніи, что, какъ я ее ни уговаривалъ, однимъ только могъ ее успокоивать—задуманнымъ мною намѣреніемъ ѣхать въ чужіе края и тамъ отыскать уголокъ, чтобы, обвинявшись гдѣ-нибудь тайно съ ней, въ Россіи или за границей, съ ней пріютиться. Она, предчувствуя будущее, ничему этому не вѣрила, и однако это сколько-нибудь да ее успокоивало, не то она, чего добраго, могла бы рѣшиться на какой-нибудь съ собой отчаянный поступокъ. Я же съ своей стороны болѣе всего чувствовалъ всю неловкость и запутанность моего положенія, сокращалъ мои лѣтнія пребыванія въ Москвѣ и долго оставался въ Михайловскомъ, желая ближе познакомиться съ сельскимъ хозяйствомъ и управленіемъ болѣе, нежели тысячи людей, считая съ женщинами, которыя всѣ были въ моихъ рукахъ, какъ вещественныя орудія барскаго труда. По счастью я уже давно не смотрѣлъ на нихъ, какъ на вещи. Не имѣя понятія о Римскомъ правѣ, положившемъ въ главномъ основаніи своемъ раздѣленіе между правами личными и правами вещественными, отецъ мой передалъ мнѣ рѣчами и примѣрами тѣ правила христіанской любви къ своимъ рабамъ, которыя внушили ему ученые масоновъ и мартинистовъ. Я уже сказалъ о первой моей встрѣчѣ въ 1817 г. съ кн. Хилковымъ. Съ того времени каждое лѣто видался я съ нимъ почти ежедневно. Намѣреваясь подробно говорить о немъ, какъ о человѣкѣ весьма замѣчательномъ по рѣдко встрѣчаемой мной въ соотечественникахъ энергіи, и представить въ моихъ запискахъ полное изображеніе его характера, я скажу тутъ кстати только то, что, несмотря на все его благородство и на всю искреннюю любовь его къ

человѣчеству, къ крѣпостнымъ своимъ быть онъ строгъ и взыскателенъ. ^У

Задумавъ путешествовать по чужимъ краямъ, я пригласилъ Н. С. Тарасова переѣхать съ семьей въ мое имѣніе и взять его въ управленіе. Бывшій тамъ управляющій Шиловъ отпраздновалъ свадьбу своей дочери съ студентомъ семинаріи, которому дано было мѣсто приходскаго у насъ священника, умеръ скоропостижно отъ пьянства. Его-то мнѣ и надо было замѣнить. Тарасовъ имѣлъ всѣ дурныя привычки мелкопомѣстнаго владѣльца и отставного гусара, но былъ человѣкъ не злой и далъ мнѣ слово, которое сколько могъ и сдержалъ, не разорять крестьянъ и не отступать отъ даннаго наказа или инструкціи, какъ управлять ими. Первымъ условіемъ порученнаго ему управленія было не измѣнять крестьянскаго надѣла, не умножать числа тягловыхъ, не прибавлять господской пашни и не требовать отъ крестьянъ никакихъ другихъ постоянныхъ работъ, кромѣ тѣхъ, которыя необходимо относятся къ полеводству. Затѣмъ учрежденъ былъ по возможности правильный судъ, который подъ предсѣдательствомъ управляющаго и помощника его, бургомистра, составлялся изъ старшинъ всѣхъ моихъ деревень, называемыхъ вообще селомъ Михайловскимъ. Въ-третьихъ, доставка хлѣба на продажу опредѣлена была одинъ разъ навсегда: тягловые крестьяне возили хлѣбъ въ городъ Мценскъ за 80 верстъ, но не болѣе шести подводъ на каждое тягло. Когда, смотря по урожаю, нужно было продать болѣе предположеннаго количества хлѣба, то дѣлалось это наймомъ; также точно нанимались, когда было нужно, каменщики, землекопы и кирпичники. Съ этого года я задумалъ построить каменную церковь одинъ безъ

участія такого же, какъ и я, прихожанина, князя Хилкова. Село Михайловское раздѣляется на двѣ равныя половины, мою и хилковскую. Для отправленія рекрутской повинности я самъ съ помощью совѣтовъ Тарасова, вотчинниковъ и старшинъ составилъ длинный, на многіе годы, очередной списокъ, т.-е. подворный порядокъ, по которому каждая семья исполняла эту тяжелую обязанность по числу въ ней взрослыхъ работниковъ. Я, однако, какъ неизбежное зло крѣпостного права, долженъ былъ допустить, что всѣ люди, уличенные и даже обвиняемые въ какихъ-либо проступкахъ или неповиновеніи господской власти, а равно и состоящіе въ продолженіе назначеннаго срока въ денежныхъ недоимкахъ или неисправные въ работѣ на барщинѣ, ставились въ рекруты прежде очередныхъ. Съ перваго же раза составленный мною очередной списокъ былъ причиною разоренія цѣлой семьи, потому что, присутствуя при этой первой раскладкѣ самъ, я уступилъ настоятельнымъ и вполнѣ несправедливымъ требованіямъ собраннаго мною міра или сходки изъ всѣхъ домохозяевъ. Старшая по числу работниковъ была семья крестьянина деревни Никитиной, Абрама Бубнова. Самъ старикъ, хотя давно и безтягольный и не расторопный, имѣлъ еще въ домѣ брата, такого же плохенькаго, и четырехъ сыновей тягловыхъ; всѣ вмѣстѣ міру представляли они шесть рабочихъ силъ. Сходка требовала, чтобы эта семья была поставлена во главѣ всего списка и, слѣдовательно, первая къ рекрутству. Я тутъ же слышалъ, что два меньшіе сына были чуть-чуть не пошлые дураки, а потому и отстаивалъ эту семью, предлагая поставить ее съ четверниками и дать между таковыми семьѣ Бубнова жребій. Міръ завопіялъ, и я уступилъ.

Что же случилось? Старшаго сына отдали въ рекруты, домохозяинъ умеръ, дядя перессорился съ племянниками и отошелъ, старшій работникъ при жизни отца былъ отданъ въ рекруты, второй дѣльный на бѣду умеръ, и такимъ образомъ остались два пошлыхъ дурака, которые почти всю свою жизнь существовали денежнымъ и хлѣбнымъ пособіемъ отъ помѣщика и весьма дурнымъ обработываніемъ своихъ полей отъ міра. Съ тѣхъ поръ я началъ терять вѣру въ совершенство общиннаго правленія, а вслѣдствіе частыхъ подобныхъ примѣровъ во все время моей хозяйственной практики не могъ быть сторонникомъ самоуправленія крестьянъ въ самомъ началѣ ихъ освобожденія, какъ и теперь.

Мною давно уже было рѣшено (и сообщено о томъ Варенькѣ) ѣхать непременно въ 1821 г. за границу. Послѣднюю зиму проводилъ я въ Петербургѣ на другой квартирѣ, противъ палатъ княгини Бѣлосельской на Невскомъ проспектѣ, за Аничкинымъ мостомъ, и вмѣсто француза камердинера, который перешелъ отъ меня къ графу де-ла-Ферроне, взялъ я какого-то англичанина съ французскимъ языкомъ, а чтобы угодить въ чемъ-нибудь Семенову, черезъ его посредство согласился отправлять ежедневно моего дворецкаго, Филиппа Иванова, въ школу взаимнаго ланкастерскаго обученія, дабы со временемъ сдѣлать его народнымъ учителемъ въ селѣ Михайловскомъ. Подобныя школы въ Петербургѣ находились подъ покровительствомъ Общества Соревнователей Просвѣщенія, коего предсѣдателемъ былъ декабристъ Глинка. Онѣ исчезли по подозрѣнію въ либерализмъ въ одно время съ паденіемъ Библейскихъ Обществъ, — тогда съ большимъ остервененіемъ началъ на нихъ нападать

Шишковъ съ своими клевретами. Въ Кіевѣ въ армейскихъ полкахъ заводилъ ихъ очень усердно начальникъ штаба тамошняго корпуса, также декабристъ, Орловъ, и въ его-то таблицахъ, напечатанныхъ для упражненія въ первоначальномъ чтеніи и письмѣ, открыто было странное сопоставленіе трехъ словъ, кои предназначалось произносить или писать подъ диктовку вмѣстѣ: «тиранъ, кинжалъ, убить». Думали, что это было умышленно. Такія школы внимательно осматривалъ я въ Петербургѣ, а потомъ видѣлъ начатки такой же и у себя, въ Михайловскомъ, и не знаю, почему ихъ бросили. Обученіе по этому способу было, кажется, успѣшное. Самъ я, недоувѣрчивый къ своему знанію иностранныхъ языковъ, бралъ уроки нѣмецкаго и французскаго для облегченія себѣ предполагаемаго путешествія. Нѣмецкіе шли дурно, французскіе успѣшно съ швейцарцемъ изъ Нешателя m-g Veveppe, который первый внушилъ мнѣ желаніе побывать и пожить въ Швейцаріи. Въ домѣ Норова пріятельски сошелся я съ его роднымъ племянникомъ, Абрамомъ Сергѣевичемъ Норовымъ же, впоследствии министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ былъ тогда 26-тилѣтній красивый полковникъ гвардейской артиллеріи, безъ ноги, которой лишился въ бородинскомъ сраженіи. Норовъ также собирался путешествовать и искалъ товарища. Мы другъ другу полюбились и рѣшили ѣхать вмѣстѣ. Въ началѣ намѣреніе наше, болѣе впрочемъ по мысли Норова, было отправиться прямо черезъ Одессу въ Константинополь, но намъ помѣшало начало общаго возстанія Грековъ противъ Порты. Въ немъ, какъ извѣстно, въ придунайскихъ княжествахъ принялъ самое дѣятельное участіе русскій генераль, чуть ли не генераль-адъютантъ, князь Александръ

Испиланти, который, проигравъ первое сраженіе съ турками, взять былъ ими въ плѣнъ и переданъ ими австрійцамъ. Императоръ Александръ, подозрѣвая по внушеніямъ изъ Вѣны, что возмущеніе грековъ было въ связи съ италіанскою тогдашней небольшою революціей, отказался отъ всякаго содѣйствія единовѣрцамъ, исключилъ Испиланти изъ службы еще до его пораженія, отозвалъ своего посланника графа Строганова изъ Константинополя, гдѣ, какъ всѣ знаютъ, преданы были смертной казни въ день Пасхи заключенные въ тюрьму патріархъ Григорій съ другими двумя или тремя епископами. Всѣ эти обстоятельства взволновали умы въ пользу грековъ тѣхъ, которые у насъ, не разсуждая ни о причинахъ, ни о послѣдствіяхъ политическихъ событій, предаются безъ оглядки своимъ религіознымъ или политическимъ убѣжденіямъ; напротивъ, государь, не уступая тогдашнему общественному мнѣнію, запретилъ выдачу заграничныхъ паспортовъ всѣмъ русскимъ, которые стремились за турецкую границу, и преимущественно военнымъ. Поэтому и намъ пришлось отказаться отъ мысли моего спутника Норова, и рѣшено было плыть на какомъ-нибудь купеческомъ кораблѣ (пароходовъ тогда еще не было) въ Травемюнде, портъ вольнаго города Любека, гдѣ Норовъ предполагалъ брать морскія ванны. Утвердившись окончательно въ этомъ намѣреніи, я представилъ Норову, какъ старшему меня и болѣе опытному, пріискать корабль, уговориться въ цѣнѣ и вызвать меня изъ Москвы, куда я отправился для прощаній и недолгой побывки въ деревнѣ. Болѣе ловкій, чѣмъ я, и болѣе дорожившій службою чиновникъ умѣлъ бы выпросить себѣ на поѣздку за границу отпускъ отъ П. А. Кикина, но я такъ охла-

дѣлъ ко всякой служебной карьерѣ, и до такой степени оскорбляло Кикина мое къ ней равнодушіе, что онъ не догадался предложить мнѣ отпускъ и даль мнѣ рѣшительное увольненіе отъ службы. Напрасно правитель канцеляріи Брусиловъ хлопоталъ за меня у Кикина, предлагая ему дать мнѣ при отставкѣ слѣдующій чинъ либо крестикъ, П. А. отказалъ и въ томъ и въ другомъ, говоря, что онъ не долженъ награждать безъ заслугъ своего родственника. Я имѣлъ причины догадываться, что онъ не могъ забыть моей выходки съ Шишковымъ и все такъ же подозрѣвалъ меня въ модныхъ либеральныхъ идеяхъ, а потому (и сверхъ того какъ бесполезнаго для службы чиновника) охотно отъ себя отпускалъ.

Взявъ отставку въ чинѣ коллежскаго секретаря, отправился я для—ради слезныхъ прощаній на короткое время въ Москву и на гораздо кратчайшее въ Салтыково и Михайловское. На возвратномъ оттуда пути, чтобы не растрачиваться, пробылъ я въ Москвѣ дня три, не болѣе. Моя бѣдная Варенька находилась въ крайне отчаянномъ положеніи. На другой день утромъ обѣ мои тетки—Елена Яковлевна и Марья Васильевна съ Варенькой проводили меня за Красныя ворота въ контору дилижансовъ. Всѣ мы для потѣхи публики плакали навзрыдъ.

Совсѣмъ было забылъ я не надолго остановиться на послѣдовавшей около этого времени переменѣ судьбы лучшаго моего тогдашняго друга Новикова. Въ 1820 году, пріѣхавъ въ Москву изъ Петербурга, нашелъ уже я его женатымъ. Меня, пріѣхавшаго въ Москву, познакомилъ Новиковъ съ своей супругой, съ замѣчательнымъ чудачкомъ тестемъ и со всѣми, кто жилъ, пилъ, танцевалъ и игралъ на сценѣ въ этомъ чрезвычайно оригинальномъ, длинномъ домѣ на крутомъ берегу Москвы-рѣки, вблизи

Дѣвичьяго поля. Еще прежде меня вселились въ эти хоромы общіе наши пріятели — Курбатовъ и Дмитріевъ. Последний напечаталъ записки отца Новиковой, прибавивъ къ нимъ отъ себя замѣчательную біографію князя-поэта, котораго называли въ Москвѣ «Балкономъ» по верхней толстой губѣ. Охотникомъ до московской старины предлагаю взглянуть на книгу Дмитріева и думаю, что это чтеніе имъ понравится, самъ же я потому и не распространяюсь, скажу только, что женѣ переданы были мужемъ страстные мои приключенія съ Варенькой и что Варвара Ивановна, главнымъ занятіемъ которой было анализировать, анатомизировать по по всѣмъ нервамъ, костямъ и суставамъ индивидуума, коего любовь была ей сколько-нибудь извѣстна, мучила меня нескончаемыми разговорами, анатомически разсѣкая и химически разлагая всѣ тонкости моей страсти. Такимъ упражненіемъ съ успѣхомъ научилась она черезъ чтеніе тогдашнихъ и еще гораздо прежде выходившихъ французскихъ романовъ. Но частыя съ нею бесѣды апарте становились для меня невыносимыми, и я просилъ моихъ пріятелей спасти меня отъ пыливой хозяйки. Дмитріевъ, влюбленный тогда во вторую свою жену, урожденную Вельяминову, мать профессора, часто бывавшій въ домѣ Долгорукихъ вмѣстѣ съ старшей своей сестрой Кологривовой, тоже испытующей надъ собой всю пытку душевной исповѣди, каждое утро просыпаясь только о томъ и думать, чѣмъ бы въ продолженіе этого дня позабавиться и повеселить другихъ. Домашніе спектакли французскіе и русскіе (хозяинъ самъ былъ очень талантливый актеръ), небольшіе балы въ грязныхъ комнатахъ съ весьма плохимъ угощеніемъ и безвиннымъ ужиномъ, т.-е. почти безъ вина, бывали у нихъ почти всякую

недѣлю, а въ великій постъ, строго соблюдаемый, играли въ веревочку, въ жмурки, пѣли подблюдныя пѣсни, разыгрывали фанты, при которыхъ «Балконъ»-поэтъ выдумывалъ и поощрялъ повальные лобзанья. Возьметъ бывало одной рукой за голову нашего брата-юношу, другой рукой схватитъ за голову даму или дѣвицу и начнетъ ихъ стучать лбами, что называлось *cognettes*.

Весело было въ этомъ полубоярскомъ, полуфранцузскомъ домѣ, хотя и много было въ немъ нежелательнаго, но зато никогда не было ни дуръ ни дураковъ, этой уже описанной мною заразы тогдашняго общества.—Но не пора ли мнѣ пріѣхать въ Петербургъ и отправляться оттуда съ Норовымъ въ Любекъ?

Исповѣдую здѣсь откровенно всѣ грѣхи моей юности, я долженъ смиренно сознаться, что не легко мнѣ было тогда разставаться надолго съ Москвой. Скоро, однако, и слишкомъ скоро утомонилось мое горе пріятнымъ обществомъ, которое я нашелъ въ нашемъ дилжансѣ. Сколько помнится, такіе почтовые экипажи очень удачно прозванные ямщиками *нележаными*, стали въ это лѣто въ первый разъ правильно отправляться изъ Москвы въ Петербургъ и обратно. Спутниками моими въ почтовой каретѣ были: два московскіе музыканта по ремеслу, два брата Геништа, старшій отличный пианистъ, да еще одинъ премилый и преумный господинъ Римскій-Корсаковъ, бывшій впослѣдствіи губернаторомъ на Волыни. Всю дорогу, болѣе четырехъ сутокъ въ прекрасное лѣтнее время, мы славно ѣли въ весьма порядочныхъ гостиницахъ, еще лучше пили, хотя и умѣренно, очень много пѣли и рассказывали другъ другу забавные анекдоты и повѣсти и много смѣялись. Несмотря на мою душевную скорбь, не многія изъ моихъ кочеваній оставили мнѣ такіа пріятныя воспомин-

нанія. — Въ Петербургѣ нашелъ я впопыхахъ разсѣяннаго товарища моего Норова, встрѣтившаго меня словами: «Все готово къ отъѣзду и паспорта взяты». Насилу одинъ день могъ я выхлопотать у суетливаго моего спутника на прощанье и на полученіе отъ банкировъ братьевъ Lillio кредитива на 10,000 р. (или 12,000 франк. по тогдашнему курсу) вмѣстѣ съ рекомендательными отъ нихъ письмами къ пріятелямъ ихъ банкирамъ въ другихъ городахъ.

На короткое время до отъѣзда останавливался я у братьевъ Языковыхъ на Васильевскомъ островѣ. Присланный отъ Норова не то нашъ общій камердинеръ Ваня, не то какой-то человѣкъ съ корабля, взялъ мои вещи, уложенныя въ большой чемоданъ, да совсѣмъ не кстати захватилъ и тотъ небольшой, въ которомъ положено было все необходимое на самый путь до Любека. А какъ въ этотъ первый день моего пріѣзда нанятый нами корабль отправлялся въ Кронштадтъ съ другими пассажирами и товаромъ и обѣщать насъ ждать на другой день до полудня, то я преспокойно оставался на эти сутки безъ всего съ 10 какими-нибудь рублями русскихъ ассигнацій, необходимыхъ для переѣзда въ Кронштадтъ и кой-какихъ тамъ издержекъ.

Это было въ началѣ іюля 1822 года, числа не помню. Въ квартирѣ Языковыхъ, на Васильевскомъ островѣ, сижу я съ тремя братьями Языковыми — Петромъ, Александромъ и Николаемъ, да еще съ Никольскимъ, и жду. Абрамъ Норовъ рано утромъ обѣщался пріѣхать; нѣтъ ни его, ни присылки за мною, чтобы отправиться въ Кронштадтъ и пуститься въ морской путь. Ска-

зано, что чемоданъ мой былъ уже въ Кронштадтѣ, да еще и не одинъ, а съ небольшимъ ящикомъ, въ которомъ было все необходимое на время дороги. Любекскій капитанъ Гартманъ условился съ Норовымъ еще прежде доставить насъ троихъ въ Травемюнде (съ нами двумя былъ камердинеръ, крѣпостной Норова, Ваня) за 10 червонцевъ съ cadaго изъ насъ и 5 за слугу съ обѣдомъ, завтракомъ и чаемъ на своемъ купеческомъ кораблѣ, вѣрнѣе сказать, двухмачтовомъ весьма небольшомъ суднѣ, которое называлось «Анна Гертруда». Разсѣяннаго моего товарища задерживали разныя прощанья, суеты и дѣла, которыхъ онъ, собираясь въ отъѣздъ болѣе мѣсяца, не удосужился кончить наканунѣ. Вмѣсто того, чтобы поспѣть къ утреннему пароходу изъ Петербурга въ Кронштадтъ и быть тамъ къ назначенному времени, онъ прискакалъ за мной къ Языковымъ послѣ полудня и помчался, сломя голову, на Берстовскую пароходную пристань. Мы и туда чуть не опоздали, а мои четверо провожатыхъ и кромѣ ихъ Семеновъ вмѣсто меня увидали только паръ отплывавшаго парохода. На бѣду противный вѣтеръ на часъ или на полчаса задержалъ его ходъ. «Мы опоздаемъ, мы опоздаемъ!» — заикаясь, махая руками и стуча своей деревянной ногой, твердилъ мой товарищъ. Я тоже началъ было на судьбу нашу и на него сердиться, но потомъ стало мнѣ все это забавно. У купеческой гавани въ Кронштадтѣ причалили мы къ пристани и съ гранитныхъ ея стѣнъ начали звать и кричать: «Гдѣ тутъ капитанъ Гартманъ? Гдѣ тутъ «Анна Гертруда»?» Долго не понимали нашихъ вопросовъ люди, которые копошились на берегу и въ самой гавани, никому не было дѣла ни до капитана Гартмана, ни до его «Анны Гертруды».

Наконецъ, нашлись двое матросовъ изъ Любека, которые на своемъ нарѣчii plattdeutsch съ нами заговорили; тутъ не понимали ихъ мы; съ трудомъ разгадавъ наконецъ ихъ жесты, съ помощью зрительной трубки узрѣли мы отправляющееся къ рейду наше небольшое суденышко. Оно насъ ждало съ утра часа три по условію и, не дождавшись, капитанъ захотѣлъ воспользоваться попутнымъ вѣтромъ, снялся съ якоря и пустился. Тутъ ужъ и мнѣ стало не до смѣха. Гнѣвное смущеніе Норова доводило его до безумія; указывая на свои гвардейскіе полковничьи эполеты, онъ требовалъ съ купеческой гавани, чтобы отправленъ былъ катеръ за купеческимъ кораблемъ и воротилъ бы его назадъ. Всѣ его угрозы, конечно, не могли привести ни къ чему, и на насъ смотрѣли съ улыбкой, какъ на полоумныхъ. Онъ вздумалъ было требовать невозможной погони отъ начальника кронштадтскаго порта, и я насилу могъ убѣдить его въ очевидной нелѣпости такихъ требованій. Другого намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ отправиться въ англійскую таверну. Послѣ всей этой своей горячки Норовъ впалъ въ какое-то изнеможеніе, точно нервная женщина, я насилу отпоилъ его сухой водой и оживилъ обтираньемъ головы и лица одеколономъ. «Оставайтесь-ка вы въ Кронштадтѣ, мой любезнѣйшій»,—сказалъ я ему,—«а я поплыву на Васильевскій островъ взять двѣ пары рубашекъ и сколько-нибудь денегъ, вы же между тѣмъ условьтесь съ какимъ-нибудь другимъ капитаномъ корабля. Денежки наши пропали, могутъ пропасть и вещи, если мы нашего каналью Гартмана не отыщемъ въ Травемюнде или Любекѣ». Неправедный гнѣвъ товарища раздражилъ противъ капитана и меня, я самъ началъ его считать мошенникомъ.

Языковы такъ и ахнули, когда я къ нимъ въ тотъ же день появился. Раннимъ утромъ на слѣдующій день, сопровождаемый ими, нашелъ я въ кронштадтской гостиницѣ Норова, свѣтлаго, радостнаго. Попутный западный вѣтеръ, унесшій «Анну» по зыбямъ Финскаго залива, стихъ; Гартману стало совѣстно, и онъ, проплывъ одинъ или два узла за рейдъ, бросилъ якорь и отправилъ за нами съ матросомъ катеръ. Мы на разставанье выпили и простились съ нашими провожатыми.

По веревочной лѣстницѣ съ трудомъ взобрался безногій мой товарищъ съ лодки на корабельную палубу. Пожавъ широкую, могучую, грязную руку раскаявшагося капитана, съ непривычки къ морю начали мы съ великимъ любопытствомъ осматривать наше 3-хъ или 4-хъ-саженное судно и его обитателей. Вся корабельная команда состояла изъ капитана, рулевого, его помощника и двухъ матросовъ. На небольшой загроможденной палубѣ встрѣтили насъ двое отплывавшихъ съ нами товарищей; одинъ крупный, пожилой, неуклюжій, съ грубыми чертами лица и угловатыми манерами былъ г. Пукаловъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ господинъ помоложе, взятый имъ переводчикомъ для заграничнаго путешествія, нѣкто г. Искритскій. Фотографіи ихъ я сниму очень скоро, теперь же сойдемте со мною въ небольшую каюту, очень плохо убранную, въ стѣнахъ которой были пассажирскія, наподобіе гробовъ, очень тѣсныя двухъэтажныя койки, всего ихъ было шесть. Въ одной изъ нихъ, нижней, лежалъ уже разстроенный морскою болѣзнью датскій при нашемъ Дворѣ посланникъ, генералъ Блумъ. Онъ былъ лѣтъ 50, рыжеватый нѣмецъ изъ Голштейна, любимецъ петербургскаго общества, страстный охот-

никъ до лошадей, постоянно сопровождавшій императора Александра въ красномъ своемъ мундирѣ на парадахъ и маневрахъ. Каждое лѣто имѣлъ онъ обычай отправляться въ свой голштейнскій фатерландъ и въ Копенгагенъ моремъ на мѣсяцъ или на два, и, вступивъ на корабль, сейчасъ же ложился въ койку, потому что не могъ переносить качки. Въ этотъ разъ плыли съ нимъ три верховыя лошади, ихъ помѣстили въ огромномъ ящикѣ на палубѣ. Эта деревянная, сплошная съ небольшими отверстіями клѣтка загромодила половину пространства, по которому мы могли двигаться на свѣжемъ воздухѣ. Въ самой каютѣ было тѣсно, душно, воняло кухней, съѣстными и другими запахами.

Въ первый день плаванія мы съ Норовымъ выпили хорошо и ѣли съ аппетитомъ; Пукаловъ и Искритскій смотрѣли на насъ завистливо, уже и въ первыя сутки плаванья ихъ порядочно разобрало. Къ вечеру качка становилась сильнѣе и сильнѣе. Норову нечего было думать ложиться въ койку, его отвели на палубу и положили въ запасную при кораблѣ лодочку. Не успѣлъ я заснуть, раздѣтый какъ въ постели, въ моей нижней койкѣ подъ Пукаловской, какъ разбуженъ былъ потокомъ изліянія сверху. «Воздержитесь на минуту, выпустите ради Бога!» Всю эту ночь провелъ я на каютной лавкѣ. За сильнымъ волненіемъ, утомившимъ моихъ спутниковъ, послѣдовалъ совершенный штиль. Море было неподвижно, какъ зеркало, но ровное, мѣрное качанье корабля, похожее на то, какое бываетъ на висячихъ качеляхъ, было для страждущихъ морской болѣзнью еще мучительнѣе претерпѣнной ими прежней качки, и во второй день плаванія я сидѣлъ за завтракомъ и обѣдомъ одинъ съ капитаномъ. Всѣ другіе лежали влѣжку.

О Норовѣ поговорю я послѣ, теперь же нѣсколько словъ объ его слугѣ, который сдѣлался и моимъ. Двадцатилѣтній бѣлокурый Ваня, сверстникъ мнѣ по годамъ, былъ премилое, пренаивное существо. Въ обращеніи его съ нами не было ничего крѣпостного, рабскаго, баринъ его тоже обходился съ нимъ скорѣе по-братски, чѣмъ по-господски. Я любовался невиннымъ восхищеніемъ Вани, всѣмъ тѣмъ, что ему было ново, а новымъ было для него да и для насъ все, что насъ окружало. Мы, сколько-нибудь образованные, всегда таимъ про себя наши чувства и ничему въявь не удивляемся, а—воля ваша—простодушіе, особенно у молодыхъ людей, хотя подчасъ и смѣшное, невольно веселить душу.

Морской штиль мнѣ одному былъ по сердцу, я одинъ вполнѣ имъ наслаждался, особливо при восходѣ и закатѣ солнца; оба берега залива еще были видны, но не мнѣ по моей близорукости. Поднялся, наконецъ, вѣтеръ, и на бѣду противный. Парусный корабль, а особливо такого малаго размѣра, какъ нашъ, не то что пароходъ: чтобы не плыть наугадъ и хоть сколько-нибудь впередъ, надо было забирать то вправо, то влево и, мѣняя постоянно паруса, лавировать. Ночью все трещало такъ, что я, лежа на каютной скамейкѣ, не одинъ разъ съ нея падалъ и долженъ былъ заставить себя сундуками и стульями. Подъ койкой Пукалова въ мою ложиться было нельзя все по той же причинѣ. Къ утру поднялась рѣшительная буря, на палубѣ нельзя было держаться на ногахъ, я привязалъ себя къ борту и держался за канатъ. Кони датчанина Блума безъ-умолку ржали. Попробовали было мы съ капитаномъ сѣсть за обѣдъ: суповая чашка опрокинулась на насъ, за нею послѣдовалъ на полъ

столъ, запрыгала и задрезжала посуда, пришлось ѣсть безъ всякихъ изобрѣтенныхъ для удобства орудій на палубѣ, черезъ которую перебрасывались волны, и каждая изъ нихъ казалась мнѣ девятымъ валомъ.

На четвертыя сутки плаванія рулевой сказать мнѣ, что видны стали шпицы ревелскихъ башенъ, и еще цѣлыя сутки кружились мы около этого портового города и не теряли его изъ виду. Въ совершенномъ изнеможеніи и почти безъ всякой пищи бѣдный Норовъ лежалъ на палубѣ. Не зная еще на опытъ, что морская болѣзнь не подвергаетъ опасности страждущаго ею, я начиналъ бояться послѣдствій крайняго его изнеможенія и, переговоривъ съ капитаномъ, предложилъ моему спутнику высадиться въ Ревель. Онъ какъ-будто ожилъ надеждою вступить ногами, т.-е. одной, на твердую землю; когда приготовили лодку, онъ бодро спустился на нее по веревочной лѣстницѣ, вмѣстѣ съ нами и Пукаловъ, и Искритскій поплыли также въ Ревель. Капитанъ отпускалъ насъ очень охотно, ему было выгодно оставить себѣ всѣ наши червонцы, а не кормить, какъ было условлено, до Любека.

Датскій посланникъ Блумъ, привыкшій къ морю и морской болѣзни, остался одинъ съ своими тремя конями, лежа какъ пласть въ каютѣ. И благо намъ было, что мы разстались съ нашей махонькой и некрасивой «Анной Гертрудой». Болѣе трехъ недѣль носилась она противными вѣтрами послѣ насъ по водамъ Балтики, чтобы достигнуть Травемюнде. Немногимъ послѣ насъ оставшимся на этомъ суднѣ плавателямъ недоставало сѣстныхъ припасовъ, а лошадямъ генерала Блума корму. Раза два до Травемюнде капитанъ Гартманъ вынужденъ былъ приставать къ берегу за припасами. Ровно 27 дней плыли они до Любека.

Приближаясь къ Ревелю, я не могъ не быть пораженъ средневѣковой, рыцарской его наружностью. Это былъ первый представившійся моимъ взорамъ городъ, въ полномъ смыслѣ древне-германскаго его значенія, съ своею полуразрушенною крѣпостью на утесистой скалѣ къ морю, съ своимъ замкомъ, въ которомъ жилъ губернаторъ и вмѣстѣ комендантъ порта. Мы остановились въ одной изъ лучшихъ гостиницъ на весьма небольшой площади, окруженной чрезвычайно узкими улицами. Отсутствіе всякаго деревяннаго строенія и довольно высокіе узенькіе дома съ черепичными крышами,—однимъ словомъ, Ревель казался мнѣ чѣмъ-то страннымъ, небывалымъ, сказочнымъ,—въ немъ не было рѣшительно ничего русскаго. Норовъ узналъ, что за городомъ, въ Екатериненталѣ, находится его родственница, вдова убитаго подъ Бородинымъ генерала Тучкова, и на другой же день мы къ ней отправились.

Маргарита Михайловна Тучкова, урожденная Нарышкина, приняла насъ радушно въ хорошенькомъ домикѣ почти рядомъ съ небольшимъ дворцомъ, построеннымъ Петромъ Великимъ и имъ названнымъ Екатериненталемъ въ честь своей жены, Екатерины I. Около дворца любовался я въ первый разъ въ жизни довольно рослыми каштановыми деревьями, которые посадилъ тутъ великій нашъ завоеватель Остзейскаго края. Родственница Норова приѣхала изъ Дерпта, гдѣ воспитывала своего сына, брать морскія ванны; съ нею была прехорошенькая и премиленькая, волоокая; какъ Юнона, но черноглазая (предполагаю, что очи Юноны были небеснаго цвѣта) фрейлейнъ Кнорингъ. Падкій на женщинъ мой безногій молодой полковникъ такъ и таялъ отъ любезностей еще молодой, еще красивой и въ самомъ дѣлѣ привлекательной своей кузины. Я

робко засматривался на фрейлейнъ Кнорингъ. Двѣнадцатилѣтній красивый мальчикъ Тучковъ, страстно любимый матерью, былъ не лишній въ нашей оживленной бесѣдѣ за самоваромъ.

Всѣмъ извѣстна трагическая судьба Тучковой: единственный ея сынъ вскорѣ послѣ нашего съ нею свиданія умеръ, она похоронила его на Бородинскомъ полѣ, гдѣ палъ ея мужъ славною смертію и гдѣ не могли отыскать его трупъ. Надъ могилою сына и надъ живыми воспоминаніями объ его отцѣ построила она церковь и устроила сперва полумонашескую общину, а потомъ, принявъ постриженіе, основала тамъ Спасо-Бородинскую обитель, гдѣ была довольно долгое время игуменьей. Исполненію ея благочестивыхъ намѣреній много способствовалъ незабвенный митрополитъ Филаретъ, — онъ былъ ея наставникомъ и покровителемъ, и духовнымъ водителемъ ея подвижничества. Позволяю себѣ записать здѣсь на память рассказанную этой игуменьей мнѣ характеристическую черту этого митрополита. «Когда я, — сказывала она мнѣ, — въ первый разъ по моемъ постриженіи пріѣхала въ Лавру, гдѣ находился владыка, пошла я къ нему въ его келью въ полной увѣренности, что онъ приметъ меня радушно и попрежнему просто, какъ старую знакомую, послѣ частыхъ моихъ съ нимъ свиданій и долгой между нами переписки; однако, зная суровые иноческіе обычаи и увидавъ его передъ собою, по виду не прежняго, но холоднаго и строгаго, медленно преклонялась я къ его ногамъ въ увѣренности, что онъ не допуститъ меня до земного поклона, но ожидаемаго мною снисхожденія не послѣдовало. Восклонившись отъ полу, я смиренно простерла руку для принятія благословенія: легкимъ, едва замѣтнымъ движе-

ніемъ перста показалъ онъ мнѣ «долу», и я поверглась къ ногамъ его вторично, опять приблизила мою ожидающую благословенія руку, и опять тотъ же перстъ указалъ мнѣ «долу» во исполненіе третьяго и уже послѣдняго земного поклона; затѣмъ послѣдовало нѣсколько многозначительныхъ словъ о достойномъ ношеніи подъятаго мною на себя благого ига и легкаго бремени. Нѣсколько минутъ послѣ бесѣда наша пошла по-старому». Я привелъ этотъ разсказъ матери Маріи, какъ оправданіе, по крайней мѣрѣ для меня, той взыскательной требовательности земныхъ поклоновъ, за которую такъ часто при жизни, да и теперь, послѣ блаженной его кончины, порицаютъ многіе Филарета.

Намъ бы слѣдовало выбраться изъ Ревеля на другой, много на третій день, но Екатериненталь съ его привлекательными окрестностями и городъ съ его красивой соборной церковью св. Олая, тогда еще не сгорѣвшей, съ выставленными въ ней на-показъ подъ гробовой стеклянной крышей, мощами не мощами, но все-таки не истлѣвшимъ тѣломъ герцога де ла Кроа, съ его рыцарскимъ замкомъ Шварценгейптеровъ и всѣми его рѣдкостями, а колыми паче уютненькій около загороднаго дворца домикъ Тучковой едва ли не сдѣлался островомъ Калипсы для моего, болѣе вдохновеннаго поэзіей, нежели мудростью Улисса. При сей вѣрной оказіи я, единственный наличный его менторъ, готовъ почти былъ уступить напущенному на насъ отъ исконнаго рода человѣческаго врага соблазну. Однако, я, готовый позаняться немного фрейлейнъ Кнорингъ, себя пересилилъ, и мы, наконецъ, отправились въ городъ Ригу по шоссе, а не по бревенчатой мостовой, какъ изъ Москвы въ Петербургъ. Насъ

повезла туда прескверная и престарая, приобрѣтенная нами за большія деньги польская бричка, на козлахъ торчалъ передъ нами Ваня, ямщикъ же, вѣрнѣе сказать почталіонъ эстонецъ, правилъ съ коня по нѣмецкому или польскому обычаю парой дышловыхъ и третьей передней лошадыю.

Травемюнде и его морскія ванны съ своими посѣтителями, любекскими торгашами и голштейнскими фермерами, не представляютъ широкаго поля моимъ «Запискамъ». Посѣтительницы изъ мѣщанскаго общества не отличались ни туалетомъ, ни манерами, всѣ онѣ постоянно занимались вязаніемъ чулокъ, а по воскресеньямъ танцами *ins Grüne*. Мужчины на скверномъ французскомъ языкѣ разговаривали со мной о торговыхъ съ нами сношеніяхъ, которыя мнѣ были неизвѣстны, и бесѣда моя съ ними шла плохо, по-нѣмецки я понималъ, но не говорилъ, а французскимъ языкомъ, тогда ненавистнымъ для сѣверныхъ германцевъ, они владѣли плохо. Одной изъ первыхъ дамъ водяного общества, дочери знаменитаго Шлецера, представилъ меня пріѣзжавшій на время нашъ банкиръ. Она имѣла дипломъ доктора философіи іенскаго университета и меня озадачила мужественною своею наружностію, особеннымъ костюмомъ, манерами и привѣтствіемъ на латинскомъ языкѣ, какъ воспитаннику московскаго университета. Но на латинскую бесѣду съ нею меня не хватило, и я тутъ кстати рассказать ей о неудачномъ преподаваніи ея брата на этомъ языкѣ политической экономіи. «Er ist dumm», отозвалась она о братѣ. Убѣдившись въ мелкомъ моемъ плаваньи по ученой части, любезно и безцеремонно предложила она мнѣ покрутиться въ вальсѣ съ дылдой-дочкой, тощей, какъ спаржа, и дурной, какъ можетъ

быть дурна только нѣмка, и этимъ не могъ я ей угодить, не умѣя вальсировать.

Въ недалнихъ поѣздкахъ моихъ съ какимъ-то фермеромъ и его семьей, которая мы по временамъ дѣлали въ его собственномъ Stuhlwagen (очень удобный и красивый экипажъ этихъ мѣстностей) на рослыхъ и красивыхъ лошадяхъ его завода, любовался я тщательной обработкой полей, живыми кругомъ ихъ изгородями и отличными видами растущихъ на этихъ поляхъ хлѣбныхъ, луговыхъ и огородныхъ растений. Тутъ въ первый разъ могъ я видѣть рациональное сельское хозяйство, изгнавшее паръ, замѣнившее его травосѣяніемъ и овощами и введшее всюду правильное и достаточное удобреніе. Такимъ хозяйствомъ, думалъ я, можно было бы заняться съ любовью, даже съ страстною любовью, тѣмъ болѣе, что здѣсь не было крѣпостного труда и всѣхъ его безобразій. Больше говорить нечего о Травемюнде, въ которомъ я прожилъ тогда съ мѣсяцъ и бывалъ потомъ часто. Замѣчу развѣ одно, — тѣ совершенно противоположныя впечатлѣнія, какія производитъ это мѣстечко на русскихъ путешественниковъ. Приплывающіе къ нему въ началѣ лѣта изъ Петербурга приходятъ отъ него въ восхищеніе (кромѣ насъ съ Норовымъ я думаю никто не ѣздилъ въ Травемюнде сухимъ путемъ), а тѣ, которые возвращались черезъ Травемюнде въ Петербургъ, находили уже тутъ предвкусіе, *avant-goût*, нашей сѣверной природы и ея суроваго климата. Однимъ, вступающимъ на твердую въ этомъ портѣ землю, было свѣтло, тепло и на душѣ легко, другимъ казалось холодно, сѣро и гадко: такъ все въ человѣческой жизни бываетъ относительно и сколько-нибудь вѣрно по одному сравненію.

Въ Травемюнде тамошній докторъ посоветовалъ Норову докончить морское лѣченіе такимъ же и въ другомъ мѣстѣ, на принадлежащемъ городу Гамбургу островѣ Нордерме, при устьѣ Эльбы. Отправиться съ Норовымъ на такую же скуку, какую я въ угоду ему испытать въ Травемюнде, мнѣ не хотѣлось. На двѣ или три недѣли нашей разлуки устроить я себя въ одной изъ отличнѣйшихъ гамбургскихъ гостиницъ на Юнгферштинхъ, Hôtel de Russie, у привѣтливаго трактирщика Видемана. Превосходный его общій столъ былъ настоящимъ table d'hôte. За него въ самомъ верху садился хозяинъ и двѣ красивыя его дочери, два юноши сына наблюдали за исправностью прислуги. Нигдѣ не находилъ я такого отличнаго обѣда, какъ въ Гамбургѣ. Въ немъ не было никакихъ утонченныхъ кушаній, но все подавалось обильно изъ возможно лучшей провизіи, ростфилы, бифштексы, gigot de mouton, морская рыба и проч., все было заглядѣнье и объѣдѣнье. Въ Гамбургѣ бывалъ я у нашего министра-резидента Штруве, брата знаменитаго астронома. Самъ онъ былъ извѣстенъ въ Германіи, какъ ученый минералогъ: я нашелъ его очень любезнымъ и внимательнымъ и по этой первой встрѣчѣ съ представителями Россіи въ чужихъ краяхъ судить обо всѣхъ нашихъ дипломатахъ благоприятнѣе, нежели прочіе мои соотечественники. Тутъ же сошелся я дружески съ тремя остзейскими юношами: Александромъ Бергомъ, Гвидо Линхардомъ и Мейснеромъ, и въ то же время познакомился съ генераломъ Богдановскимъ и раненымъ полковникомъ Ильнымъ. Съ первыми тремя, болѣе подходившими мнѣ по возрасту и образованію, проводилъ я цѣлыя дни, осматривая старыя, тогда еще не горѣвшій Гамбургъ, его рѣдкости, его

гулянье вдоль Альстера и къ датскому городку Альтонѣ, его загородныя, принадлежавшія гамбургскимъ сенаторамъ виллы.

Въ это время, столь близкое къ освобожденію отъ французскаго ига Германіи, въ Гамбургѣ, надъ которымъ оно тяготѣло сильнѣе, нежели гдѣ-либо, французовъ ненавидѣли. Жители не могли забыть тиранскаго управленія маршала Даву, который разграбилъ ихъ банкъ и похитилъ всѣ годами накопленные гамбурцами общественные капиталы. Однажды позднимъ вечеромъ всѣ мы пятеро возвращались, немного подгулявши послѣ ужина, изъ погребка и громче обыкновеннаго гуляя по Юнгферштиху разговаривали между собой по-французски. Насъ преслѣдовала толпа мастеровыхъ или гамбургскихъ матросовъ съ явнымъ намѣреніемъ побить и завести съ нами драку. Подозрѣвая въ насъ французовъ и увидавъ, что мы не понимаемъ или не хотимъ понимать нѣмецкихъ ихъ ругательствъ, стали они ругаться по-французски, подошли къ намъ носъ къ носу и выставили кулаки. Насилу на чисто нѣмецкомъ языкѣ разувѣрили ихъ наши остзейцы, что ни одного между нами не было ненавистнаго имъ галла, а всѣ мы пятеро были ихъ избавители отъ Наполеона,—русскіе. Не скоро могли они однако понять, почему говорили мы на ненавистномъ языкѣ и еще менѣе убѣдиться въ томъ, что это было для насъ неизбежно, и посовѣтовали либо моимъ товарищамъ выучиться по-русски, либо мнѣ съ полякомъ вытвердить языкъ нѣмецкій. Долго и дружелюбно мы съ ними гуляли и, наконецъ, разстались мирно.

Въ это время первой моей поѣздки за границей отношенія путешественниковъ къ банкирамъ были

другія, нежели теперь. У меня быть кредитивъ отъ петербургскаго дома братьевъ Лиліо; на немъ выставлены были всѣ банкирскіе дома тѣхъ городовъ, гдѣ я предполагать брать на свои издержки деньги. и этимъ же самымъ кредитнымъ письмомъ рекомендованъ я былъ всѣмъ и каждому изъ гг. банкировъ, какъ лицо извѣстное петербургскимъ гг. Лиліо. Вслѣдствіе такого заведеннаго въ Европѣ обычая я находился въ знакомствѣ съ однимъ изъ значительныхъ лицъ каждаго города, къ нимъ обращался я прямо за разными совѣтами, за билетами для осмотра какихъ-либо не вполнѣ публичныхъ учреждений, и сверхъ того каждый изъ нихъ считалъ себя обязаннымъ звать меня къ себѣ на обѣдъ или на вечеръ. Гамбургскій банкиръ былъ особенно для меня гостепріименъ, я у него по разу и обѣдалъ и ужиналъ. Его семейное общество съ тремя или четырьмя другими гостями не могло доставить мнѣ большого удовольствія и кромѣ того было накладно скупому моему кошельку. Господинъ этотъ жилъ мили за полторы отъ города; надобно было имѣть приличный экипажъ, повязывать бѣлый галстукъ и быть въ башмакахъ, да еще давать за угощеніе въ подарокъ провожавшей васъ прислугѣ по крайней мѣрѣ талеръ. Ни во мнѣ, ни въ хозяевахъ не было той находчивости, которая сколько-нибудь могла сдѣлать сноснымъ такой обѣдъ или такой вечеръ. На мое счастье въ кофейной на Юнгферштрассѣ, противъ нашего отеля, навязался на меня, узнавъ, что я русскій, одинъ очень пожилой французскій эмигрантъ, кавалеръ св. Людовика, дворянинъ происхожденіемъ. Онъ былъ въ конецъ разоренъ революціей, единственный его сынъ палъ жертвою за законнаго короля въ отрядѣ эми-

грантовъ, которые мечтали сокрушить французскую республику. Вдовый, бездѣтный и почти нищій, онъ какъ бы стыдился воротиться на родину, и вотъ причина болѣе чѣмъ скромнаго житья-бытья его въ Гамбургѣ. Словоохотливый, а иногда и краснорѣчивый легитимистъ, не отвергавшій моихъ угощеній, онъ ко мнѣ привязался и вздумалъ было въ началѣ нашего знакомства обращать меня въ католичество, но увидавъ, что со мною это былъ бы трудъ напрасный, сталъ проповѣдывать мнѣ легитимизмъ и то божественное право власти, которое было одной изъ основъ Священнаго союза и къ которому я, напуганный либеральнымъ у насъ движеніемъ и смутно извѣстнымъ мнѣ возникновеніемъ у насъ тайныхъ политическихъ обществъ, имѣлъ уже нѣкоторое сочувствіе. По его совѣтамъ принялся было я преимущественно читать французскіе журналы легитимистовъ: «Le Drapeau blanc», «l' Etoile», и заглядывалъ въ брошюры и книги ультра-роялистовъ того времени, но скоро всѣ онѣ мнѣ надоѣли своей напыщенной восторженностью, своими проклятіями, своею ненавистью не къ однимъ бонапартистамъ, а еще болѣе къ оставшимся во Франціи республиканцамъ, но кромѣ ихъ еще къ умѣреннымъ, гуманнымъ и болѣе, чѣмъ другіе, просвѣщеннымъ либераламъ, которые надѣялись согласовать во Франціи королевскую власть наученнаго опытомъ Людовика XVIII съ данною имъ Франціи Конституціонною Хартіей. Она и у насъ въ Россіи была уважаема, ее отстаивалъ до самой своей кончины императоръ Александръ I, несмотря на то, что въ послѣдніе годы, начиная съ 1819 г., либеральный образъ его мыслей во многомъ измѣнился.— Отъ рекомендованнаго мнѣ чтенія журналовъ и бро-

шюръ роялистской партіи перешелъ я къ ежедневному чтенію журнала преній, *Journal des Débats*, отвергавшаго всякое крайнее направленіе. Первыми основателями этого періодическаго изданія были, какъ извѣстно, Шатобріанъ, Бертенъ, Нуде де Невилль, Руайе-Колларъ и прочія французскія знаменитости. Главнымъ подъ ихъ руководствомъ сотрудникомъ журнала былъ Гизо.

Итакъ, въ краткое пребываніе мое въ Гамбургъ посредствомъ постоянного чтенія *Journal des Débats* и различныхъ сочиненій въ этомъ умѣренномъ духѣ началось мое политическое воспитаніе. «Dis moi ce que tu lis, et je te dirai qui tu es». Такимъ остаюсь я и до сегодня, т.-е. своего рода доктринеромъ,—положеніе въ Россіи не совсѣмъ ловкое.

Старый Гамбургъ до бывшаго въ немъ пожара въ самой серединѣ города представлялъ сплошную массу весьма непрочно построенныхъ высокихъ домовъ и очень узкихъ улицъ съ прегрязными канавами. Знаменитый пожаръ ему, какъ и Москвѣ, способствовалъ къ значительному улучшенію, и когда я былъ въ немъ въ другой разъ уже послѣ его опустошенія огнемъ, я нашелъ его несравненно красивѣе, но не могъ не пожалѣть о большихъ тѣнистыхъ деревьяхъ стараго Юнгферштиха, до которыхъ и въ 1862 году не доросли еще посаженные вновь. Люди смѣняются, все измѣняется, все, пожалуй, идетъ къ лучшему, но какъ вѣковыя деревья, такъ и нныя вѣрованія и убѣжденія, признаваемые, можетъ-быть и не безъ причины и не безъ пользы, связью съ прошлымъ, однажды истребленные, не легко замѣняются другими, новыми: подъ ихъ тѣнью жили и жили, пожалуй, покойнѣе и привольнѣе.

Въ Бременѣ соединился я съ Норовымъ, захвативъ съ собою Гвидо Либхарта, который съ тѣхъ поръ былъ нашимъ спутникомъ до самаго Парижа. Дорога черезъ сѣверную Германію не представляла ничего новаго и привлекательнаго, зато Голландія, съ перваго въ нее шага, поразила насъ своею, ни на что, доселѣ нами видѣнное, не похожею особенностію. И природа, и люди, и поля, и города, и селенія, и мѣстечки съ ихъ изысканною до излишка опрятностію,—все было для насъ ново. Наше изумленіе проникло и до нашего Вани, и онъ на другой или третій день прибытія въ Голландію пренаивно, презабавно и какъ-то робко спросилъ у меня: «неужели здѣсь наше, а не другое солнце?»

Въ Амстердамѣ познакомились мы съ любезнымъ нашимъ консуломъ, г. Брюне, и его семействомъ. Онъ насъ, а Норовъ его утѣшалъ обѣдами. Въ Роттердамѣ Норовъ познакомился съ какимъ-то великимъ голландскимъ поэтомъ, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо отъ консула, и вмѣсто того, чтобы послѣ посѣщенія нами Саардама и мѣстечка Брука, извѣстнаго даже и въ Голландіи преувеличенной опрятностію своихъ загородныхъ домовъ, ѣхать далѣе, Норовъ вздумалъ неожиданно для насъ съ Либхартомъ дать большой обѣдъ роттердамскому поэту. Такое роскошное угощеніе въ нашемъ отелѣ и на нашъ съ Либхартомъ счетъ чуть-чуть насъ съ нимъ не поссорило и не довело до разлуки. Но я, предвидя затрудненія въ расчетахъ и непріятныя съ Норовымъ сцены, рѣшился терпѣть до Парижа и уговорилъ на это Либхарта.

Въ Гаагѣ, окруженной садами, небольшомъ, новомъ по сравненію съ другими городкѣ, въ резиденціи королевской фамиліи, пробыли мы очень пріятно

дней 10. Нашъ полковникъ нашелъ тамъ стариннаго по гвардіи сослуживца, повѣреннаго въ дѣлахъ барона Мейендорфа, представлялся королевѣ Аннѣ Павловнѣ и ея супругу и былъ не одинъ разъ приглашаемъ ими. Мы же съ Норовымъ, представленные въ домъ барона Огеръ, жена котораго, урожденная Полянская, была какою-то родственницею Норова (я знать ее по дому Кикиныхъ), проводили тамъ все время. Баронъ Огеръ былъ простодушный голландецъ, флегматикъ, бывший во все время французскаго владычества надъ Голландіей нашимъ губернаторомъ въ Митавѣ. Баронесса Огеръ, суетливая, добрая барыня, извѣстна была въ Россіи и на всѣхъ германскихъ водахъ, какъ страстная игриша, имѣвшая смѣшную привычку повторять послѣдній слогъ своей рѣчи. На нее выдумали, будто бы она повторяла, между прочимъ, слѣдующее: «*M-me la Baronne Oger gagne à être connue; le Baron, son Oger, ger*». Мы всѣ трое находили самый любезный пріемъ въ этомъ аристократическомъ полу-русскомъ, полу-голландскомъ домѣ, удачномъ соединеніи порядка, умѣренности и крайней чистоты съ радушіемъ и гостепріимствомъ русской широкой натуры. Насъ угощали отечественными кушаньями, шами, блинами, кашей, пили чай, т.-е. караваннымъ; но не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ — не одни родныя намъ питія и яства манили насъ къ Огерамъ ежедневно: двѣ юныя красавицы ихъ дочери туда насъ тянули. Старшей было не болѣе 17 лѣтъ, меньшей 15, первая и тогда уже обѣщала быть артистической женщиной, она вскорѣ потомъ вышла замужъ за извѣстнаго въ русскомъ высшемъ обществѣ барона Александра Драдедамовича или правильнѣе — Казиміровича Мейендорфа, который долгое время

и въ Парижѣ, и въ Петербургѣ, особенно же въ Москвѣ успѣшно разыгрывалъ роль ученаго по части промышленности и торговли и въ то же время глубокаго философа и политика. Не малое время былъ онъ агентомъ нашего министерства финансовъ въ Парижѣ, а потомъ въ Москвѣ предсѣдателемъ мануфактурнаго комитета, много писалъ и печаталъ. Жена его, урожденная Огеръ, жила постоянно въ Парижѣ и, не удаляясь отъ высшаго тамошняго общества, болѣе принадлежала къ кружку литераторовъ и артистовъ. Она съ успѣхомъ предалась живописи и живетъ еще и теперь въ Парижѣ въ своемъ небольшомъ домикѣ, гдѣ довольно большая, круглая въ два свѣта зала вся уставлена ея собственными произведеніями живописи. Я посѣщалъ ее въ 1870 году и нашелъ любезную старушку, живущую своими трудами, т.-е. заказываемыми ей копіями замѣчательныхъ произведеній живописи. Меньшая сестра была за Сенявинымъ; мужъ ея въ отчаяніи отъ неудачъ по службѣ (ему, товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, не удалось быть министромъ) зарѣзался, и теперь она живетъ гдѣ-то съ дочерью. А какія онѣ обѣ въ 1821 г. были прелестныя, и сколько было между ними споровъ, которая изъ нихъ лучшая!

Въ Брюсселѣ въ первый разъ видѣлъ я настоящій французскій театръ, въ Гаагѣ играла небольшая труппа.

Надобно было приучать русское мое ухо къ быстрому пониманію драматическихъ произведеній на чужомъ языкѣ и въ особенности ловить, чтобы достаточно понимать остроты водевильныхъ куплетовъ, да и, вообще говоря, чтобы не скучать на чужой сторонѣ и быть на ней не совсѣмъ чужимъ, необходимо отверг-

нуться отъ многихъ народныхъ своихъ предразсудковъ и если не съ увлеченіемъ, то по крайней мѣрѣ снисходительно смотрѣть на иноплеменные привычки и обычаи. Впрочемъ, что бы вы съ собой ни дѣлали, мудрено русскому новичку не подвергнуться за свою неловкость какимъ-нибудь насмѣшкамъ. Такъ и было со мной именно въ Брюсселѣ.

Войдя въ роскошный кафе возлѣ большого брюссельскаго театра, я долженъ былъ посмотрѣть на поданную мнѣ сейчасъ же *carte de rafraichissements*; въ числѣ мороженыхъ выставленъ былъ и какой-то *sorbet*, который я сейчасъ же перевелъ себѣ турецкимъ шербетомъ и попросилъ его. Мнѣ подали небольшую рюмку этого неизвѣстнаго снадобья, съ виду похожаго на всякое другое мороженое, и на томъ же подносѣ графинъ со льдомъ и бокалъ. На минутѣ затруднившись, вывалилъ я мой шербетъ въ стаканъ, наполнилъ его водой и выпилъ какую-то слабенькую водичку. Хорошенькая и нарядно одѣтая конторщица, вблизи которой я сидѣлъ за своимъ столикомъ, насплѣ удержалась отъ громкаго смѣха, гарсонъ, принявшій отъ меня деньги, не безъ злой насмѣшки мной любовался, окружавшіе меня сосѣди тоже улыбнулись, я краснѣлъ, сердился и, бросивъ журналъ, злобно выпилъ.

На другой день послѣ спектакля долго отыскивалъ я какой-нибудь другой кафе, ни одного не нашелъ и вынужденъ былъ повторить посѣщеніе злополучнаго вчерашняго и уже спросилъ не шербету, а простого мороженаго, усѣвшись подальше отъ привлекательной конторщицы. Но когда и мороженое подано было мнѣ съ обычнымъ графиномъ воды, она внимательно приказала гарсону отнять у меня ненужную мнѣ воду. Мнѣ очень было досадно на себя за то, что я въ этихъ

пустякахъ обвинялъ и укорялъ себя какъ бы за какой важный проступокъ.

Въ Антверпенѣ осматривали мы превосходную его гавань, служившую главной причиной раздора между Англіей и Франціей, знаменитыя картины по церквамъ и музею, и ѣздили въ находившійся въ недалекомъ отъ города разстояніи монастырь траппистовъ.

Говоря такъ подробно о Голландіи, я забылъ упомянуть о морскихъ ваннахъ въ мѣстечкѣ Скёвенингъ, тогда небольшомъ и пустынномъ, теперь, говорятъ, одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ своемъ родѣ.

Забылъ также сказать объ одной въ какомъ-то мѣстечкѣ ярмаркѣ. Насъ поразила красота и богатое убранство костюмовъ бѣлокурыхъ и дебелыхъ голландокъ, такихъ же роскошныхъ, какими представляются онѣ Рембрандтомъ и всею голландскою школою. Увѣряютъ, что въ среднемъ и низшемъ слояхъ этого народа ледяныя по наружности голландки снисходительнѣе всѣхъ другихъ въ нравственномъ отношеніи.

Парижъ, цѣль путешествія, былъ уже близко, но насъ страшали строгостью французской таможни. На границѣ съ Бельгіей она отличалась передъ другими особенной придирчивостью. Готовясь съ нѣкоторымъ страхомъ къ осмотру, всегда разстраивающему нервы путешественниковъ, особливо небывалыхъ и непривычныхъ, мы по дорогѣ во Францію рѣшились осмотрѣть въ бельгійскомъ городѣ Мехельнѣ (Malines) соборную его церковь.

Въ Мехельнѣ пріѣхали мы въ одно прекрасное осеннее утро, часу въ 11, расположились было осмотрѣть готическую соборную церковь, которая возвышалась на площади противъ почтовой гостиницы, и потомъ уже плотно позавтракать. Уже съ Берлина взялъ я на себя

скучную заботу расплачиваться съ трактирщиками и почталіонами и расположилъ у широкихъ оконъ нижняго этажа гостиницы, разсчитываясь въ прогонахъ съ безтолковымъ фламандцемъ-почталіономъ. Не понимая другъ друга, мы съ нимъ заспорили. Норовъ въ это время лежа отдыхалъ на диванѣ, деревяшка его стояла въ углу. Захотѣлось ли ему подремать, или наши громкія рѣчи помѣшали какому-нибудь его сонному мечтанію о музахъ или феяхъ, вдругъ онъ вскочилъ и, забывъ о деревяшкѣ, повалился на полъ. Я не успѣлъ еще встревожиться такимъ паденіемъ, какъ онъ, пристягнувъ къ колѣнѣ деревянную свою ногу, однимъ прыжкомъ подскочилъ къ фламандцу-почталіону и крѣпко схватилъ его за воротъ. Тотъ закричалъ и черезъ растворенныя окна началъ звать къ себѣ на помощь окружавшихъ нашу брѣчку своихъ товарищей. Трое или четверо влюпились къ намъ въ комнату и не обошлось бы безъ Мамаева побоища, если бы я и Либхартъ не постарались всѣми средствами успокоить нашего бойца и его же противниковъ; послѣдніе однако не легко уступили нашимъ увѣщаніямъ. Пришедшій на шумъ трактирщикъ выгнать ихъ изъ комнаты, но они, да и другіе, столпившіеся около нашей скверной брѣчки, въ полголоса роптали и грозились выпроводить насъ изъ города не совсѣмъ благополучно. Хозяинъ предложилъ намъ тогда какъ можно скорѣе уѣхать. Одинъ изъ почталіоновъ, болѣе смирный, поспѣшно запрягъ намъ тройку, и мы, не выдавъ собора и безъ завтрака, за который однако было заплачено, уѣбрались изъ города при громкомъ смѣхѣ, но уже безъ ругательствъ толпы, отъ которой мы бѣжали. Норовъ блѣднѣлъ и краснѣлъ отъ досады и, надѣюсь, еще больше отъ стыда быть произвольной причиною

такого глупаго происшествія. Я же въ это время окончательно рѣшилъ прекратить тотчасъ же по пріѣздѣ въ Парижъ наше товарищество.

Русскіе наши паспорта, особливо же гвардейскаго безногаго полковника, произвели свое дѣйствіе: ни на одну минуту не остановили насъ таможенные чиновники.

Къ Парижу подѣзжали мы позднимъ вечеромъ при полномъ лунномъ свѣтѣ.

Изъ всѣхъ парижскихъ гостиницъ, намъ по дорогѣ предлагаемыхъ, Норовъ рѣшилъ остановиться въ одной изъ самыхъ дорогихъ, правду сказать, удобной по мѣстоположенію, въ улицѣ Риволи, противъ Тюльерійскаго сада.

Я былъ очень доволенъ тѣмъ, что ни на улицахъ, ни на элегантныхъ парижскихъ бульварахъ никто изъ порядочнаго люда за позднимъ временемъ намъ не попадался. Болѣе жидовская, чѣмъ польская старая наша бричка имѣла видъ отвратительный, а во дни моей молодости я былъ всегда равнодушенъ къ насмѣшкамъ, не только въ рѣчахъ, но и во взглядахъ. Еще болѣе былъ недоволенъ сю Либхартъ, чопорный, богатый лифляндецъ знатнаго дома, сидѣвшій противъ насъ какъ на тычкѣ, да и дорожный костюмъ нашего Вани былъ какой-то степной, лакейскій.

Хозяевамъ такого экипажа безъ сомнѣнія слѣдовало быть скромными и тихими, не тутъ-то было! Бойкій нашъ почталіонъ, приближаясь къ гостиницѣ, искусными ударами своего длиннаго бича издалека еще возвышалъ по обычаю приближеніе путешественниковъ. Не успѣли мы остановиться у обширнаго входа въ отель, какъ уже вышли оттуда двое приличныхъ слугъ и готовились насъ принять. «Я желаю говорить съ хо-

зяиномъ, позовите его»,—сказать одинъ изъ насъ, кто—называть нечего. Признаюсь, не предвидѣть я такой выдумки и стать было уговаривать Норова: будить хозяина въ два часа утра никакой, казалось, не было нужды. Мнѣ особенно не хотѣлось, чтобы этотъ хозяинъ великолѣпной гостиницы съ перваго же раза ознакомился съ нашими дорожными костюмами и—что было для насъ еще невыгоднѣе—съ нашимъ экипажемъ, кромѣ того хотѣлось поскорѣе добраться до квартиры, а не стоять на улицѣ. Черезъ четверть часа заспанный хозяинъ явился кой какъ одѣтый. Норовъ потребовалъ un appartement au rez de chaussée для своей особы. «А для этихъ двухъ господъ, прибавилъ онъ, вы дадите такое помѣщеніе, которое они также сами осмотрятъ и пожелаютъ». «Nous sommes donc de la suite», вполголоса сказалъ мнѣ Либхартъ и готовъ былъ тутъ же войти въ претензію, я долженъ былъ употребить всѣ и тогда уже извѣстныя мнѣ средства мастерить и умиротворять враждующихъ, и насъ повели въ роскошный апартаментъ rez de chaussée съ великолѣпными коврами и бронзами и, не спрося о цѣнѣ, Норовъ взялъ для себя гостиную, кабинетъ и спальню, и для пущей важности заказать на всѣхъ троихъ безъ нашего спроса прихотливый ужинъ. Мы съ Либхартомъ просили хозяина, чтобы онъ, не безпокоясь самъ, приказалъ отвести намъ по скромной въ какомъ бы то этажѣ ни было комнатѣ. Остзейскій мой баронъ долго не зналъ, что ему дѣлать, спуститься ли ужинать къ Норову, который его такъ прогнѣвалъ, или ложиться не ѣвши. Я убѣдилъ его тѣмъ, что какую бы онъ ни затѣялъ съ нимъ исторію, во всякомъ случаѣ преглупую, всетаки придется ему заплатить свою долю за общій ужинъ и утѣшилъ тѣмъ, что это будетъ послѣднимъ

дѣйствіемъ нашего комическаго путешествія, и что я съ перваго же дня разстанусь съ нашимъ героемъ.

Видно, и въ самомъ дѣлѣ утро мудренѣе вечера, т.-е. мудрѣе: мой Авраамъ образумился и часу въ 10 утра, узнавъ, что я уже готовлюсь къ выходу, забрался ко мнѣ на своей деревяшкѣ въ третій этажъ, извинялся въ своемъ фанфаронствѣ передъ трактиршикомъ тѣмъ, что намъ необходимо должно было показать передъ французами, что мы русскіе, и особенно дать почувствовать, что одинъ изъ насъ заслуженный воинъ. Онъ сталъ упраскивать меня очень мило раздѣлить съ нимъ его уже собственный завтракъ, накормилъ устрицами и пилъ за мое здоровье шампанское. Подобное угощеніе было предложено Либхарту, но я упросилъ Норова оставить въ покоѣ щекотливаго нашего нѣмца, который уже съ утра пошелъ отыскивать своихъ одноземцевъ.

Не успѣли мы отлично позавтракать, какъ къ подъѣзду подвезенъ былъ прензящный кабріолетъ, запряженный рослой, красивой, молодой лошадыо. «Теперь поѣдемте кататься», — предложилъ мнѣ мой товарищъ. — «Кто же будетъ править?» — «А я-то на что? Я умѣю». — «Да вы не знаете Парижа», — отвѣчалъ я, чтобы отдѣлаться отъ прогулки. — «А планъ-то на что? Да потомъ мы и спросимъ». Будь я совсѣмъ натошакъ, а не подъ вліяніемъ шампанскаго, я бы подъ какимъ-нибудь предлогомъ отказался. Мы сѣли и вдвоемъ поѣхали. Вдоль Тюльери и черезъ Вандомскую площадь до бульвара ѣхали мы еще порядочно, повернувъ же по бульвару направо, мы находили уже затрудненія отъ встрѣчныхъ экипажей и пѣшеходовъ; по счастью лошадь наша такъ была приучена, что сама останавливалась передъ препят-

ствіями; но я слишкомъ хорошо начинать видѣть опасность или кого-нибѣдъ раздавить, или быть самимъ раздавленнымъ какими-нибѣдъ наѣзжавшими на насъ фурами, тяжелыми возами, подѣ которые мы безпрестанно сами подвергались. «Поѣдемте скорѣе домой, съ нами непременно случится бѣда». И вотъ намъ указали ближайшую къ Тюльери дорогу черезъ улицу Ришельё, одну изъ самыхъ многолюдныхъ и по тогдашнему узкихъ улицъ Парижа. Только-что мы въ нее поворотили, какъ начались всевозможныя приключенія; то и дѣло мы на кого-нибѣдъ наѣдемъ и ежеминутно слышимъ ругательныя любезности богатаго на это французскаго языка. «Тутъ ужъ не до учтивости», подумалъ я на десятой или двадцатой остановкѣ, выскочилъ изъ кабриолета, схватилъ ручкой моему возницѣ и отправился домой пѣшкомъ, предоставивъ его судьбѣ, пожелавъ ему поучиться наукѣ жизни на опытѣ. Не прошло часа, Норовъ былъ привезенъ въ отель сидѣвшимъ съ нимъ рядомъ полицейскимъ служителемъ и уже съ тѣхъ поръ никогда онъ не правилъ одинъ кабриолетомъ. *Eventus stultorum magister*, подумалъ я, но не произнесъ этой пословицы Норову, знавшему по-латыни лучше меня, а только подумалъ про себя, черезъ сколько тысячъ жизненныхъ опытовъ придется еще пройти такому пылкому юношѣ. Спросивъ въ гостиницѣ счетъ за эти первыя сутки и пожавъ плечами при видѣ итога, я безъ обиняковъ объявилъ Норову, что отправляюсь искать себѣ болѣе дешевой квартиры и его оставляю, совѣтуя, впрочемъ, и ему счестся съ своимъ карманомъ и быть напередъ увѣреннымъ, что его суточное содержаніе будетъ стоить вчетверо дороже моего.

Въ этотъ же день нашелъ я въ *Hôtel d'Espagne, rue*

Richelieu, противъ Королевской библіотеки, большую во второмъ этажѣ комнату, очень удовлетворительно убранную, съ альковомъ и небольшою уборной, и поселился въ ней за 120 франковъ въ мѣсяцъ. Не прошло и двухъ недѣль, какъ присоединился ко мнѣ туда же и Норовъ, взявъ себѣ квартиру худшую, нежели моя, и, разумѣется, болѣе дорогую. Мирно покончили мы, хотя и не безъ спора, всѣ наши дорожные расчеты, по коимъ онъ остался мнѣ долженъ рублей съ 1000. Въ Парижъ пріѣхали мы въ половинѣ ноября.

Отсюда слѣдуетъ мое тамошнее житіе-бытіе.

Съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Россію, письма оттуда доходили до меня рѣдко. Кромѣ дѣловыхъ, получилъ я одно или два въ Травемюнде отъ Вареньки Обресковой, въ нихъ пѣлась одна и та же пѣсня; я отвѣчалъ въ томъ же тонѣ, прося адресовать слѣдующее въ Парижъ, *poste restante*. По этому-то и первая моя прогулка по славному городу Парижу была *faubourg st. Germain, rue st. Jacques* на главную почту. Тамъ наградили меня по крайней мѣрѣ десятью конвертами, за которые пришлось мнѣ заплатить дорогонько. Нынѣшняя такса втрое дешевле. Изъ этой кучки писемъ прочелъ я на выдержку два или три, и какъ въ нихъ было все одно и то же, то отправилъ ихъ разомъ въ каминъ въ твердомъ намѣреніи не заниматься несбыточными планами переселенія въ чужіе края для бурной и страстной жизни, которая, нарушая всѣ общественныя ея условія, ни подъ какимъ видомъ не могла быть безмятежной. Постепеннымъ охлажденіемъ моей переписки, а затѣмъ и прекращеніемъ оной, я надѣялся утомить всѣ порывы страсти

въ этой невинной дѣвушкѣ. Меня, конечно, будутъ упрекать въ безстрастномъ, положимъ, жестокомъ благоразуміи, я и не думаю себя оправдывать, а говорю просто и откровенно, что было.

Первые дни моего въ Парижѣ пребыванія отдавать съ ранняго утра до поздней ночи, тому особенному удовольствію, которое до сихъ поръ считаю первымъ въ моей жизни и которое нигдѣ, какъ въ Парижѣ, не получается съ такимъ удобствомъ и съ такими малыми издержками. Въ этомъ отношеніи я совершенно походилъ на французовъ и особливо самихъ парижанъ. Нигдѣ, какъ въ Парижѣ, невозможно съ такой пріятностью зѣвать по улицамъ, faire le badaud. Съ 9 часовъ утра ежедневно выходилъ я отъ себя къ близкому Palais Royal, гдѣ завтракалъ, потомъ бѣгалъ сначала какъ угорѣлый по бульварамъ, заходилъ за полдень что-нибудь перехватить въ кафе, отдыхать въ cabinet de lecture за чтеніемъ журналовъ и разныхъ брошюръ, потомъ обѣдать въ какомъ-нибудь изъ среднихъ ресторановъ, вечера же проводилъ въ театрѣ и около полуночи возвращался домой. Но подобныя безцѣльныя занятія не могли продолжаться, я взялъ твердое намѣреніе посѣщать постоянно и ревностно лекціи, а въ свободное отъ нихъ время осматривать все, что слѣдовало видѣть.

Въ Парижѣ нашелъ я Берга, Мейснера и познакомился съ ихъ двумя пріятелями, графами Боргъ. Они уже ходили на курсы въ Сорбонну и Collège de Plessy, я выбралъ для себя слѣдующія лекціи: Лакретеля—исторію позднѣйшей французской литературы, Дону—исторію всеобщую, Гизо—исторію цивилизаціи, Лляйя и Портеза—правъ римскаго и естественнаго и курсъ практической политической экономіи Рейя, которую

онъ читаль разнаго рода слушателямъ всѣхъ классовъ въ консерваторіи ремеслъ и искусствъ. Кромѣ того я непремѣнно хотѣлъ заняться изученіемъ законодательства и исторіи Франціи въ отношеніи къ другимъ государствамъ.

Свободнаго времени на любимое мое упражненіе, зѣвать по улицамъ, оставалось у меня немного, всѣ вечера проводилъ я въ театрахъ. Поневолѣ долженъ былъ я отказать Норову знакомиться черезъ него съ нашими значительными русскими путешественниками и ограничился однимъ представленіемъ себя послу Поццо ди Борго. Въ его канцеляріи нашелся одинъ мой знакомый, съ которымъ я встрѣчался у Обресковыхъ, общихъ нашихъ родственниковъ, секретарь посольства Ломоносовъ.

Въ это время въ Парижѣ жилъ съ семьей графъ Растопчинъ. Я имѣлъ рекомендательное письмо къ одной изъ его дочерей, но не пошелъ. Тамъ же были и графъ Орловъ, сынъ знакомаго отцу и мнѣ старичка, хозяина Отрады, у котораго собирались часто французскія знаменитости и русскіе высшаго разряда, равно какъ и у москвича князя Сергѣя Ивановича Гагарина, родителя будущаго отца іезуита Jean Xavier Гагарина. Въ этомъ кругу вращался Абрамъ Норовъ и черезъ нихъ вошелъ во французскіе литературные салоны, изъ которыхъ самая замѣчательная гостиная была у М-me Ancelot. Всѣ эти общества были недоступны мнѣ и по моей дикости и по моимъ усидчивымъ занятіямъ. Послѣднія шли весьма недурно. Съ настойчивымъ прилежаніемъ, руководимый превосходными лекціями исторіи гражданской цивилизаціи Гизо, я изучилъ политическое состояніе самой Франціи и развитіе ея представительнаго правленія. Поставивъ

себѣ Францію главнымъ предметомъ для изученія въ это и послѣдующее пребываніе мое за границей, я приобрѣлъ о ней довольно обширныя свѣдѣнія, такъ что и теперь, въ послѣдніе мои годы, знаю эту страну и ея исторію гораздо основательнѣе, нежели Россію. Теперь же буду говорить только о парижскихъ театрахъ, которыхъ я былъ ежедневный посѣтитель.

По времени основанія, равно какъ и по общему признанію превосходства передъ всѣми парижскими сценами, первенство принадлежитъ собственно такъ называемому Французскому театру, *théâtre Français*. Основанный, если не ошибаюсь, вмѣстѣ съ академіей кардиналомъ Ришелье, который самъ былъ хотя и не удачнымъ драматическимъ писателемъ, этотъ театръ никогда не мѣнялъ своего названія, но смотря по эпохамъ принималъ титулъ то королевскаго, то національнаго, и опять королевскаго. Всѣмъ извѣстно, что онъ такъ-же, какъ и академія былъ центромъ классической французской литературы, стражемъ ея преданій, охранителемъ чистоты языка и условной, за нѣкоторыми исключеніями, нравственной благопристойности, разумѣется, такъ сказать, наружной. На этой сценѣ преимущественно давались, отъ самаго ихъ появленія, пьесы Корнеля и Расина, Вольтера, комедіи Мольера и прочія пьесы второстепенныхъ классическихъ писателей, строгихъ послѣдователей своихъ предшественниковъ. Со временъ Людовика XIV не мало участія въ судьбахъ этой сцены принималъ Дворъ, и каждая новая пьеса до представленія тщательно разсматривалась въ началѣ комиссіей, составленной изъ первыхъ актеровъ, потомъ офиціальною дирекціей театра и драматической цензурой. Благосклонно принятая публикой, среди которой въ первыхъ рядахъ

партера, т.-е. оркестра, помѣщались постоянно знатоки искусства и какъ бы составляли въ средѣ своей нѣкій ареопагъ, всякая новая пьеса, трагедія или комедія, и только въ послѣдствіи драма, была сама по себѣ великимъ событіемъ въ общественной жизни Парижа и оттуда самой Франціи. Знаменитѣйшіе изъ актеровъ и актрисъ этой сцены, подобно великому Лекенъ, признавались наравнѣ съ славными писателями и философами жрецами искусства, пользовались при жизни всеобщимъ уваженіемъ, а имена ихъ по смерти долго сохранялись въ памяти новыхъ поколѣній и переходили потомъ въ исторію. Малѣйшія подробности изъ ихъ жизни преданіями переходили изъ устъ въ уста, а сценическая ихъ игра была постояннымъ предметомъ сравненія прежнихъ великихъ актеровъ съ новыми. Въ мое время, т.-е. въ концѣ 1821 г., на сценѣ Французскаго театра были три знаменитости, имена которыхъ гремѣли по всей Европѣ. Всѣ трое начали свое поприще во время директоріи, незадолго до консульства, или въ концѣ прошлаго столѣтія. Мнѣ бы не нужно было и называть ихъ имена, если бы я писалъ для моихъ современниковъ, или для французовъ: у насъ ихъ еще помнятъ, тамъ никогда не забудутъ. Громкое имя Тальма долго было предметомъ изученія и споровъ между всѣми французскими писателями современной ему эпохи. Онъ лично пользовался благосклоннымъ вниманіемъ великаго Наполеона, многіе увѣряютъ, хотя едва ли это справедливо, что Наполеонъ бралъ у него какіе-то уроки. Неоспоримо одно, что Наполеонъ перенималъ у Тальма его манеры, его величественныя жесты, его торжественную позу, его искусство носить корону, держать скипетръ, драпироваться императорскою порфирой. И Тальма съ своей

стороны неподражаемо подражалъ Наполеону. Въ 1821 г. почти сряду было 150 представлений трагедіи Жуи (Joüy) Силла, гдѣ великій поэтъ *оживотворялъ* передъ современниками великаго императора, коего лицо дѣйствительно было похоже на современные бюсты нѣкоторыхъ римскихъ цесарей, его отрывистую, поразительную рѣчь, его пронизательный взглядъ, его величественные жесты. Въ сценѣ отреченія въ монологѣ диктатора, слагающаго съ себя неограниченную власть надъ Римомъ, Тальма до такой степени напоминалъ собою послѣднее время владычества имперіи, что весь театръ, и замѣтьте всякій разъ, поднимался на ноги и на нѣсколько минутъ предавался какому-то неистовому и почти никогда не допускаемому въ этомъ зданіи восторгу. Тогдашнее правительство Людовика XVIII не осмѣливалось препятствовать такому сильному возбужденію страстей въ пользу Бонапарта и его навѣки изгнанной изъ Франціи династіи; оно также мало успѣло убѣдить и самого Тальма, чтобы онъ не предавался искушенію тѣхъ громкихъ рукоплесканій, которыя могли быть такъ лестны для великаго художника и такъ опасны Бурбонамъ, а Тальма былъ враждебенъ послѣднимъ; онъ не видалъ или не хотѣлъ видѣть опасности и увлекался одними похвалами. Между тѣмъ слишкомъ частыя представленія этой эфемерной модной пьесы вредили и искусству, и классической сценѣ, и самому Тальма, и тѣмъ болѣе всѣмъ другимъ актерамъ. Не могло быть и тѣни сравненія между эфемерной, всѣми теперь забытой пьесой Жуи и безсмертными произведеніями Корнелия и Расина, между художественнымъ во всей силѣ слова исполненіемъ роли Нерона въ Британникѣ, столь вѣрной исторіи древности, и уродливо напыщенной въ

виду минутныхъ увлеченій ролью Силлы. Неподражаемо превосходень былъ Тальма въ другой трагедіи Расина «*Athalie*», въ которой игралъ онъ роль первосвященника. Менѣ помню я его въ трагедіяхъ Корнеля и Вольтера. Да, по милости безпрестанно повторяемой трагедіи Силла Жуи мнѣ рѣдко удавалось въ другихъ пьесахъ наслаждаться игрою Тальма, которую всегда онъ доводилъ до возможнаго совершенства. Безукоризненная послѣдовательность древнимъ памятникамъ искусства строго сохранялась имъ въ костюмахъ всѣхъ тѣхъ временъ, къ которымъ принадлежали разыгрываемыя имъ роли. Характеры своихъ героевъ глубоко изучалъ онъ по древнимъ источникамъ и ни одна строчка какого либо знаменитаго писателя не пропусклась имъ безъ вниманія, когда она относилась къ строгому анализу какой либо исторической личности. Онъ первый ввелъ на сцену Французскаго театра простое, естественное чтеніе стиховъ, а не ихъ скандированіе, произношеніе на распѣвъ, которое утомляетъ слушателей своимъ монотоннымъ александрійскимъ размѣромъ; съ этого времени стали читать, а не распѣвать стихи на всѣхъ французскихъ сценахъ. Одна Дюшенуа, вторая по Тальма знаменитость, удержала за собой обычай прежняго чтенія стиховъ, дошедшій до нея, такъ сказать, по наслѣдству отъ менѣ славной актрисы Клеронъ. Дюшенуа не только не была красива, но даже очень дурна. Ея широкое смуглое лицо съ выдающимися скулами придавало ей весьма не интересное сходство съ какой-нибудь калмычкой, (если не боялся обидѣть своихъ, сказалъ бы съ какой-нибудь русской), такъ мало походила она на француженку. У нея были полные огня и выраженія чудные черные глаза, много нѣжности и страсти въ

голосъ и граціи въ движеніяхъ. Слѣдую преданіямъ, она сохранила еще въ своемъ произношеніи старую привычку слишкомъ часто повторять то, что называлось нѣкогда *hoquet dramatique*, что-то въ родѣ всхлипыванья, что могло нравиться театрамъ старожиламъ и не нравилось новому поколѣнію. Всѣ прочіе актеры и актрисы этого театра въ присутствіи Тальма и Дюшенуа не отличались особенными талантами, но играя добросовѣстно превосходно изучиваемую ими роль, всегда достигали полнаго успѣха разыгрываемой пьесы и ея единства, *ensemble*. На этой сценѣ никогда не допускалось никакихъ постороннихъ заманчивыхъ продѣлокъ для привлеченія зрителей. Внѣшняя обстановка, декорации, оркестръ въ сравненіи съ другими парижскими театрами были ниже посредственности. Въ пьесахъ, въ которыхъ играли Тальма и Дюшенуа, а они почти всегда были неразлучны, часто не бывало никакого оркестра, но стеченіе зрителей было иногда такъ велико, наприм. когда давали не одинъ уже десятокъ разъ Силлу, что когда недоставало мѣста въ оркестрѣ, то многихъ помѣщали за кулисами. Со мной не одинъ разъ это случалось и придавало какую-то особенную цѣну новости; опустится занавѣсъ, и увидишь въ двухъ шагахъ передъ собой проходящаго Тальма обыкновеннымъ смертнымъ и услышишь его простую, шутливую рѣчь съ какой-нибудь смазливенькой актрисой и все-таки видишь въ немъ даже и тутъ человѣка замѣчательнаго. Совсѣмъ иное съ m-ле Дюшенуа, вблизи она отталкивала отъ себя своимъ неизвинительнымъ безобразіемъ, вотъ почему знакомыя мнѣ дамы, разумѣется тѣ, которыя никогда не видали ея въ двухъ шагахъ отъ себя, спорили между собою и на меня сердились, когда я имъ говорилъ о ея безобразіи.

Комическая актриса m-lle Mars, до старости юная и прекрасная, слишкомъ за 50 лѣтъ все еще играла на этой сценѣ роли *des jeunes premières et des ingénues* первой невинной и наивной молодости. Всему литературно-образованному міру извѣстно ея имя, а прелесть голоса, неподражаемые звуки, выходившіе изъ очаровательныхъ ея устъ, раздаются иногда въ ушахъ по воспоминанію. Что это были за глаза, въ которыхъ выражалась и невинность первой юности, и робость зажигавшейся первою искрой любви, и чары опытной кокетки, и негодование, а иногда и гнѣвъ мнимо оскорбленной женщины! Каждая изъ ея ролей была ея торжествомъ. Elle créait une nouvelle pièce qu'elle daignait jouer, по признанію самихъ авторовъ, и все это повторяли тогда уже, когда ей было за 50 лѣтъ. Страстнымъ любителямъ сцены и знатокамъ искусства вздумалось въ этотъ годъ соединить вмѣстѣ игру двухъ первоклассныхъ художниковъ. M-lle Mars не рѣшилась взять на себя трагическую роль, надо было убѣдить Тальма играть съ нею вмѣстѣ въ какой-нибудь высокой комедіи или драмѣ. Первымъ опытомъ былъ Мольеровскій «Мизантропъ». Тальма былъ превосходенъ въ главной роли, но первенство удержала за собой Селимена, т.-е. m-lle Mars. Потомъ съ неменьшимъ успѣхомъ разыграны были обоими скучная и слезливая драма Коцебу: *Misanthropie et Amour (le Repentir)* и уже нѣсколько лѣтъ послѣ, на самомъ закатѣ дней этихъ художниковъ, *École des Vieillards* Казимира де ла Винь. Всѣ подобныя представленія вѣроятно и до сихъ поръ остаются историческими событіями французскаго театра.

Желаніе многихъ драматическихъ писателей и художниковъ способствовать распространенію изяшнаго

вкуса и классической французской литературы, которая начала уже свою борьбу съ романтизмомъ, побудило открыть на другомъ берегу Сены новый театръ, Одеонъ, въ родѣ théâtre Français. Для него выбрали удачно мѣсто близости съ высшими учебными заведеніями и въ томъ кварталѣ, который весь наполненъ студентами и всякою учащеюся молодежью. На этой новой сценѣ царствовала великолѣпная m-lle Georges, величественная и такъ-же, какъ m-lle Mars, неувядаемая красота. Она, какъ рассказывали, была по временамъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ Наполеономъ и предметомъ ревности Жозефины. Имя ея прогремѣло и въ Россіи; наша трагическая актриса Семёнова была довольно удачная копія ея европейскаго таланта. Отличительной чертой игры m-lle Georges было царственное величіе и какая-то вдохновенная торжественность, но на этой второстепенной сценѣ недоставало единства между актерами: всѣхъ ихъ m-lle Georges уничтожала собой. Въ Одеонѣ бывалъ я очень рѣдко, во всю зиму раза два, три, не болѣе.

Вторымъ любимымъ моимъ театромъ была италіанская опера. Необширная зала отличалась особенно передъ французскою какою-то особенною изысканною, но въ мѣру, пристойностью. Общество съѣзжалось туда самое избранное; дамы отличались пышными нарядами и напускною въ этомъ свѣтѣ откровенностью; мужчины являлись въ бальныхъ костюмахъ и держались какъ-то совсѣмъ иначе, нежели простодушные посѣтители оркестра во французскомъ театрѣ, которые являлись туда, какъ бывали дома, въ ваточныхъ дульетахъ и шелковыхъ черныхъ ермолкахъ (разумѣется, старики); тамъ было все по праздничному, здѣсь—по домашнему, и такой контрастъ мнѣ очень нравился,

какъ-будто я переносился изъ одного города въ другой. На италянскон сценѣ господствовали исключительно въ эпоху первой своей моды, или славы, Россини. Оркестръ былъ таковъ, что лучшаго нельзя было и желать. Первая изъ пѣвицъ была полурусская *madame Manviel*—*Feodor* или Ѳеодорова, и чисто-русскій, изъ нашихъ придворныхъ пѣвчихъ, теноръ Ивановъ, посланный изъ Петербурга доучиваться въ Италію, приобрѣтшій себѣ тамъ заслуженный успѣхъ, а потомъ и любовь къ себѣ парижской публики. Вслѣдствіе этого Ивановъ избралъ благую часть и никогда уже въ Россію не возвращался. Второю донной была, кажется, *m-me Cinti*, перешедшая потомъ на сцену *Académie Royale de musique*, или Большую Оперу. Боюсь спутаться, но, кажется, тогда уже, т.-е. въ 1821 г., являлась на той же сценѣ въ трагическихъ роляхъ безсмертная по таланту *m-me Pasta* и увлекала всѣхъ слушателей своимъ контральто, чаще въ мужскихъ, нежели въ женскихъ роляхъ. Она была въ одно время такой же великой актрисой, какъ и знаменитой пѣвицей; совсѣмъ напротивъ—у *m-me Manviel Feodor* не было никакой игры. Лаблашъ, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, игралъ здѣсь роли Буффа и въ новой піесѣ Россини *Barbier de Séville* исполнялъ роли Фигаро. Наше русское ухо съ удовольствіемъ слушало финалъ этой оперы, взятый изъ русской пѣсни: «Ахъ, на что было огородъ городить», подсказанной композитору Россини княгиней Натальей Степановной Голицыной, урожденной Апраксиной. Не помню, въ этомъ ли году, или въ другіе два раза пребыванія моего въ Парижѣ, слышалъ я на этой сценѣ двухъ первоклассныхъ въ Европѣ теноровъ—Навида и Рубини.

Академія музыки (Académie Royale de musique, или Grand Opéra français), огромнѣйшій и великолѣпнѣйшій изъ всѣхъ парижскихъ театровъ, незадолго передъ моимъ приѣздомъ перемѣщена была въ другое зданіе. Прежняя въ rue de Richelieu скрыта была до основанія, потому что въ 1820 г. у выхода этого знанія убитъ былъ Лувелемъ герцогъ Беррійскій. Раненаго смертельно, внесли его въ одну изъ залъ Оперы, и призванный туда парижскій архіепископъ соборовалъ и причастилъ умирающаго св. Таинъ. Клерикалы и ультра-роялисты убѣдили короля въ невозможности оставлять болѣе полужызыческимъ храмомъ искусства такое зданіе, которое было облагодатствовано совершеніемъ въ ономъ Таинствѣ.

Сцена новой Большой Оперы немного уступала въ обширности миланской la Scala и неапольской San Carlo, но была несравненно великолѣпнѣе. Первыми на ней пѣвцами были m-me Branchu и теноръ Nourrit; послѣдняго замѣнилъ потомъ Dupret. На этой сценѣ представлялись однѣ лирическія оперы; до революціи соперничали на ней германецъ Глюкъ, покровительствуемый Маріей-Антуанетой, и итальянецъ Пиччини, котораго музыка болѣе нравилась Людовику XVI. Партизаны той и другой стороны расходились на двѣ противоположныя стороны, отчего и назывались они: Coin du Roi, et Coin de la Reine. Великолѣпныя декорации, многочисленные хоры, огромнѣйшій оркестръ съ лучшими солистами, роскошные балеты, все, что называется le grand spectacle, два раза въ недѣлю собирало туда толпы зрителей, болѣе всего поражаемыхъ наружною пышностью и блескомъ. Пѣвцамъ и хорамъ знатоки музыки ставили въ упрекъ излишнюю крикливость. Балетъ былъ доведенъ до совершенства; пер-

вою танцовщицей была m-lle Brigotini, но въ этомъ искусствѣ, не такъ, какъ въ другихъ, охотники до балетовъ изъ русскихъ находили ей соперницу въ петербургской нашей Истоминой. Видно ногами соперничать бываетъ легче, нежели головой.

Послѣднимъ изъ театровъ, который состоялъ на жалованьѣ и подъ вѣдѣніемъ королевской дирекціи, была Opéra comique, извѣстная подъ именемъ театра Feydeau. На этой сценѣ исполнялись всѣ не слишкомъ ученія, но премиленькія оперы французской школы, начиная съ Мехюля, Херубини до Обера. Первой пѣвицей была m-me Boulanger, другихъ не помню.

Кромѣ пяти королевскихъ театровъ было до полдюжины частныхъ; первое между ними мѣсто, по моему мнѣнію, принадлежало небольшому, на одномъ изъ бульваровъ только что отстроенному театру подъ названіемъ Gymnase dramatique. Ему покровительствовала герцогиня Беррійская, единственное живое, веселое существо изъ всей мрачной королевской фамиліи старшей линіи Бурбоновъ. Плодовитый талантъ Скриба одинъ поддерживалъ существованіе этой небольшой, со вкусомъ убранной, скромной сцены. На ней 8-лѣтнимъ ребенкомъ начала свое поприще m-lle Леонтина Фай, долго игравшая въ Петербургѣ подъ названіемъ m-me Алланъ. На другихъ театрахъ, Porte Saint Martin, Ambigu, Panorama dramatique и Vaudeville-variété, давались — на однихъ мелодрамы, на другихъ — водевили. Мелодрамы начинали входить въ моду и вносить въ драматическую литературу испорченный вкусъ и выставку всѣхъ возможныхъ отвратительныхъ преступленій. Зрителей изъ парижской буржуазіи, страстной къ сильнымъ увлеченіямъ, заманивали туда какими бы то ни было средствами, великолѣпными декораціями и об-

становкой самыхъ грубыхъ пороковъ. Водевиль издавна былъ исключительною принадлежностью Франціи: извѣстенъ стихъ: «Et le Français malin créa le vaudeville». Брюне на сценѣ театра, называемаго Vaudeville, и Potiers на театрѣ Variété были неподражаемыми, преуморительными комиками, а первыми этихъ двухъ сценъ актрисами и любимцами публики были—въ Vaudeville безобразная m-lle Minette, въ Variété—m-lle Déjazet. Первая изъ двухъ скоро стала подругой нашего Либхарта, а послѣдняя, престарѣлая старуха, была еще на сценѣ въ 1870 году. За Минетту я чуть не пострадалъ. Ея обожатель потребовалъ отъ меня, чтобы я былъ на ея бенефисѣ. Противъ нея составила кабала, и началось побойшше, перекрестное стрѣляніе гнилыми апельсинами и яблоками, а потомъ ломанье стульевъ и скамеекъ, такъ что я, чтобы убраться по-добру по-здорову съ поля сраженія, перескочилъ черезъ оркестръ и бѣгомъ черезъ всю сцену вышелъ въ какую-то боковую дверь на улицу. Въ Variété было со мной другое приключеніе: я чуть-чуть не сдѣлался невольнымъ актеромъ разыгрываемой пьесы. Первый этого времени преуморительный комикъ Potiers представлялъ въ обыкновенномъ потертомъ платьѣ директора провинціальной труппы, и пьеса началась тѣмъ, что онъ разставлялъ неуклюжихъ актеровъ на сценѣ, приказывалъ имъ повторять, а потомъ и разыгрывать заученныя ими роли. Все это было чрезвычайно забавно, и всѣ хохотали. Я сидѣлъ въ балконѣ на ближайшемъ къ сценѣ мѣстѣ, рядомъ съ какимъ-то старичкомъ, и не обратилъ никакого вниманія на вновь входящаго, которому возлѣ меня сосѣдъ мой уступилъ свое мѣсто. Между тѣмъ провинціальные актеры уморительно продолжали коверкать свою пьесу, какъ вдругъ сосѣдъ мой впол-

голоса, но довольно громко обратился ко мнѣ съ такимъ вопросомъ: «Et vous, monsieur, comment trouvez-vous ces imbéciles-là?» Я не догадался и что-то ему смутно и тихо отвѣтилъ. «Êtes-vous sourd ou non? je vous demande quel effet ces gaillards produisent sur vous?» Тутъ я понялъ и далъ тягу. Мой сосѣдъ, compère самого Потье, вступалъ въ заранѣе обдуманнныя разговоры, и пьеса съ четверть часа разыгрывалась въ самой залѣ, откуда директоръ провинціальной труппы давалъ уроки своимъ актерамъ, что было очень забавно.

Безъ сомнѣнія классическія трагедіи, разыгрываемыя великимъ Тальма, доставляли зрителямъ высокое наслажденіе; такъ было и со мною. Но безсмертныя творенія Корнела и Расина почти всегда меня утомляли отъ слишкомъ напряженнаго вниманія; я восхищался и уставалъ. То же, но съ чувствомъ сильнѣйшаго утомленія, было со мною по выслушаніи какой-нибудь дѣльной лекціи, наприм. политической экономіи Сея и въ особенности Гизо. Послѣдній читалъ свой предметъ необыкновенно сжато, безъ всякаго увлеченія и потому сухо, но интересъ его преподаванія возрасталъ все болѣе и болѣе для каждого приготовленнаго сколько-нибудь чтеніемъ къ его лекціи. Онъ одинъ изъ всѣхъ французскихъ профессоровъ не позволялъ себѣ никакихъ ораторскихъ украшеній въ своей рѣчи, никакого воззванія, возбуждавшаго обыкновенно у другихъ профессоровъ патріотическое чувство французовъ, или, правильнѣе сказать, ихъ шовинизмъ, и не позволялъ своимъ слушателямъ никакихъ въ честь ему рукоплесканій ни при началѣ, ни при концѣ лекцій, тогда какъ всѣ прочіе его товарищи заискивали у студентовъ себѣ хлопанье въ ладоши въ самой срединѣ лекціи, часто примѣняя—ни къ

селу, ни къ городу, — къ своему предмету какія-нибудь мелочныя событія дня, коими съ нѣкоторой натяжкой удавалось имъ польстить общественному мнѣнію парижанъ. Такъ наприм., въ это время на французской южной границѣ, въ Пиринеяхъ, выдвинутъ былъ обсервационный корпусъ, наблюдавшій революціонное движеніе въ Испаніи противъ короля Фердинанда VII; чтобы скрыть настоящую причину надзора за революціоннымъ движеніемъ Испаніи, котораго опасалось французское правительство у себя, официально объявлено было французскимъ министерствомъ, что въ Испаніи открылась сильная заразительная болѣзнь, извѣстная подъ именемъ желтой лихорадки, *la fièvre jaune*, и что отряду, поставленному на этой границѣ, поручено было учредить карантинъ и не пропускать никого черезъ Пириней. Чтобы отдалить всякое подозрѣніе въ обманѣ, министерство внутреннихъ дѣлъ вызывало медиковъ и монахинь, сестеръ милосердія, на добровольное отправленіе въ Испанію, — первыхъ для изученія этой страшной болѣзни, вторыхъ для наблюденія способовъ хожденія за больными таковою. Вскорѣ затѣмъ появилось въ офиціозныхъ газетахъ нѣсколько именъ тѣхъ лицъ обоого пола, которыя вызвались на такой подвигъ, и вотъ на двухъ лекціяхъ профессоръ новѣйшей французской исторіи Лакретель и естественнаго права Порте ни съ того ни съ сего рассказывали намъ въ пышныхъ фразахъ это новое торжество гуманности французовъ и были оглушены рукоплесканіями толпы слушателей, между которыми замѣтны были нарочно пришедшіе для того клакеры. Лакретель, отъявленный врагъ революціи и всѣхъ ея послѣдствій, дѣйствовалъ по крайней мѣрѣ и въ этомъ случаѣ добросовѣстно, но профессоръ

Порте былъ, по убѣжденію большаго числа студентовъ, подкупленъ правительствомъ и слишкомъ явно насилывалъ принципы своихъ предметовъ, естественнаго и народнаго права, въ пользу почти неограниченной монархіи. Вскорѣ послѣ этого сдѣлался онъ самъ предметомъ ожесточеннаго нападенія отъ студентовъ, которые, при появленіи его на лекціи, встрѣчали его свистками, какимъ-то собачьимъ лаемъ и пѣтушинымъ крикомъ, такъ что профессоръ, какъ ни силился возстановить порядокъ, долженъ былъ оставить аудиторію. Въ слѣдующій разъ явился Порте уже не одинъ, а съ деканомъ университета, но встрѣча была та же. По удаленіи изъ аудиторіи профессоровъ, вошло чело-вѣкъ пять жандармовъ, и старшій изъ нихъ объявилъ, что всѣ находившіяся въ классѣ лица арестованы до дальнѣйшихъ распоряженій. Нѣсколько чело-вѣкъ, находившихся тутъ, иностранцевъ, въ томъ числѣ и мы, русскіе, заявили о томъ, что мы не участвовали въ безпорядкѣ, а потому и просимъ позволенія удалиться. Тѣмъ изъ насъ, которые имѣли при себѣ печатные виды на право посѣщенія лекцій, позволено было уйти; не имѣющимъ этихъ картъ, въ томъ числѣ и мнѣ, предложено было отправиться въ главную парижскую полицію, *préfecture de police*, которая одна можетъ быть удостовѣрена въ подлинности нашихъ показаній. Намъ замѣчено было, что мы сами были виною этой непріятности, нарушивъ правило и обычай имѣть при себѣ билеты. Итакъ, насъ повели въ полицію, продержали тамъ голодныхъ часа четыре и, увѣрившись, что мы дѣйствительно иностранцы, живущіе въ мѣстѣ, нами показанномъ и въ префектурѣ записанномъ, отпустили домой.

Въ Парижѣ, какъ и вездѣ, жизнь, несмотря на мою

раннюю молодость, проходила спокойно. тихо и, пожалуй, безвѣтно. Денегъ у меня было снѣжкомъ достаточно, но и въ расходахъ держался я умеренности и никакъ не могъ прожигать болѣе 1.000 франковъ въ мѣсяцъ. Недѣли двѣ просидѣлъ я въ совершенномъ одиночествѣ отъ постигшей меня постѣ легкой простуды глухоты. Иногда заходить ко мнѣ жившій въ томъ же отелѣ Норовъ, но я просить его избавить меня отъ набѣговъ нашихъ соотечественниковъ, которые отъ нечего дѣлать всегда слоняются отъ одного пріятеля къ другому и особенно любятъ посѣщать своихъ больныхъ, потому что всегда застаютъ ихъ дома и находятъ у нихъ убѣжище отъ преслѣдующей ихъ праздности. Въ это глухое для меня время (въ строгомъ смыслѣ, потому что я былъ глухъ) предался я весь чтенію политическихъ и историческихъ сочиненій. Раннее мое утро начиналось теплой ванной, которую приносили мнѣ за 1½ фр. ежедневно въ мою комнату 2-го этажа, и къ великому моему удивленію всегда это дѣлалось такъ аккуратно, что ни одна капля воды не проливалась ни на полъ моей комнаты, ни по лѣстницѣ. Portier разводилъ каминъ, и я самъ заваривалъ въ немъ чай. Житіе мое было отшельническое: благодаря глухотѣ я не слышалъ даже уличнаго шума, хотя жилъ на самой шумной парижской улицѣ. Переносилъ я мое уединеніе очень охотно и всегда вспоминалъ и вспоминаю о немъ съ какимъ-то наслажденіемъ. Въ нашъ новый годъ силою ворвался ко мнѣ Пукаловъ и началъ съ того, что разругалъ меня за мою предъ нимъ невѣжливость. Въ комнатѣ было свѣжо, я сидѣлъ передъ каминомъ въ халатѣ, въ родѣ французской дульеты, и, приподнявъ при входѣ гостя мой изящный

парижскій *soufre - chef*, надѣлъ его опять на голову. «Да ты здѣсь совсѣмъ обасурманился», гнѣвно сказалъ мнѣ Пукаловъ, «у тебя, кажись, нѣтъ и образа, да и сидишь - то ты передъ гостемъ въ шапкѣ». Въ насильственно отпертую мною дверь вошли и другіе посѣтители съ своими поздравленіями. Я убѣдился, что это былъ конецъ моему карантину, и съ позволенія доктора въ тотъ же день вышелъ изъ моей скорлупы.

Въ числѣ немногихъ русскихъ, мнѣ знакомыхъ, почти подружился я съ молодымъ Деденевымъ, богатымъ воронежскимъ помѣщикомъ, сестра котораго была за генераль - адъютантомъ Храповицкимъ. Камеръ - юнкеръ Деденевъ, порядочно образованный, съ хорошими манерами и пріятной наружности, жилъ въ гражданскомъ бракѣ, т. - е. *maritalement*, съ премиленькой гризеткой. Я у нихъ бывалъ и обѣдывалъ; она была живая, простенькая и миленькая парижанка, но слишкомъ ревнива и вспыльчива. Встрѣчать я у нея и разныхъ смазливенькихъ ея подругъ, изъ которыхъ предлагала она мнѣ выбрать любую по моему вкусу для подобнаго сожитія, но меня такъ пугали ея постоянныя сцены ревности и гнѣва съ Деденевымъ, что отъ такой чести и удовольствія я рѣшительно отказался. Обычай жить съ любовницами не только между молодыми и холостыми, но между старыми и женатыми въ Парижѣ былъ, какъ и теперь, всеобщій. Года за два передъ тѣмъ поселился въ Парижѣ кривошея-старикъ кн. Тюфякинъ, который, знатный и чиновный, являлся всюду съ подругой своей, *m-lle Irma*, одной изъ парижскихъ актрисъ, и былъ предметомъ постоянныхъ печатныхъ насмѣшекъ въ мелкихъ парижскихъ журналахъ: «*Miroir*» и пр.; тамъ

окрестили его княземъ Tout-faquin. Какъ онъ ни жаловался по судамъ на злоупотребленіе прессы его именемъ, ему всегда отказывали въ удовлетвореніи. Въ это же время одинъ нашъ знаменитый герой и графъ, дружески простившись съ своею добродѣтельной и скучной супругой, поселился въ противоположной отъ нея части города, и какъ бы путешествующій по разнымъ странамъ, велъ постоянную изъ разныхъ городовъ съ нею переписку. Фарса эта извѣстна была всѣмъ русскимъ, кромѣ графини. Нечего сказать, немногіе изъ нашихъ отличались безукоризненною нравственностью. Нѣкоторыя изъ дамъ превосходили своимъ поведѣніемъ развратнѣйшихъ изъ мужчинъ. Однажды, сидя съ Богдановскимъ, стыдливымъ, какъ красная дѣвушка, въ галлерей итальянскаго театра, услышали мы русскую рѣчь сидѣвшихъ надъ нами въ ложѣ двухъ великосвѣтскихъ русскихъ дамъ. Онѣ дѣлали такія откровенныя замѣчанія относительно тѣлесной красоты итальянскихъ актеровъ, что я, переглянувшись съ Богдановскимъ, вдругъ заговорить съ нимъ по-русски, тотъ покраснѣлъ какъ ракъ, а я, оборотясь на ложку, однимъ взглядомъ заставилъ этихъ двухъ дамъ изъ нея выбѣжать. Разъ въ Большой Оперѣ одна, тоже русская, дама была выгнана изъ театра уже не однимъ моимъ пристальнымъ на нее взглядомъ, а вниманіемъ къ ей особѣ всего партера. Она изволила въ декольтѣ и съ голыми почти до плечъ руками явиться въ серединѣ пьесы въ бельэтажъ съ большимъ шумомъ. При этомъ появленіи ей уже изъ партера зашикали, и вдругъ послѣдовали оттуда же крики: «*A bas la jambe!*» Долго никто не понималъ, что это значитъ; наконецъ, увидали тучную руку нашей дамы, лежавшую на бархатной рамѣ ложы.

Рука шутникамъ партера показалась ногой. Бѣдная толстая барыня долго сама ничего не понимала, наконецъ ея медленность разсердила партеръ; сотня дерзкихъ шутниковъ устремила свои лорнеты и зрительныя трубы на ложу съ усиленными криками: «*A bas la jambe!*» и осмѣянная дама удалась.

Изъ немногихъ русскихъ моихъ знакомыхъ съ удовольствіемъ встрѣчался я съ скромнымъ генераломъ Богдановскимъ. Онъ чувствовать недостатокъ въ себѣ образованія и старался вознаградить потерянное время, но при весьма поверхностномъ знаніи французскаго языка это становилось для него почти невозможнымъ. Тѣмъ не менѣе, — рѣдкій примѣръ изъ русскихъ полуграмотныхъ генераловъ! — онъ отдавалъ преимущество европейской цивилизаціи и, сравнивая съ нею нашу, стоялъ за прогрессъ. Думаю, что одна врожденная его кротость вмѣстѣ съ застѣнчивостью мѣшала ему стать въ ряды будущихъ декабристовъ и поступить вновь на службу при графѣ Воронцовѣ, который далъ ему впослѣдствіи мѣсто градоначальника въ Одессѣ.

Другой мой знакомый, лѣтами постарше, замѣчательный умомъ и основательнымъ образованіемъ, былъ Михаилъ Александровичъ Салтыковъ, родной братъ по матери того генерала Пассека, съ которымъ я близко сошелся въ домѣ тетки моей Обресковой. Салтыковъ былъ въ молодости адъютантомъ князя Потемкина, а впослѣдствіи попечителемъ Казанскаго университета. Не бывавъ никогда за границей до 60 лѣтъ, онъ превосходно владѣлъ французскимъ языкомъ, усвоилъ себѣ всѣхъ французскихъ классиковъ, публицистовъ и философовъ, самъ раздѣлялъ мнѣнія энциклопедистовъ, и пріѣхавъ въ первый разъ въ Па-

рижъ, по книгамъ и по планамъ такъ уже знать все подробности этого города, что изумлять этимъ французовъ. Салтыковъ, однимъ словомъ, былъ типомъ знатнаго и просвѣщеннаго русскаго, образовавшагося на французской литературѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ превосходно знаетъ и русскій языкъ.

Когда разсѣянный Норовъ, покружившись въ первые мѣсяцы въ русскихъ салонахъ и литературныхъ—парижскихъ, начинать отъ нихъ уставать, онъ по любви своей къ знанію видался часто съ Салтыковымъ; я присталъ къ нимъ, и мы трое вмѣстѣ осматривали музеи, библіотеки и прочія достопримѣчательности Париза. Салтыковъ вездѣ былъ нашимъ чичероне, и куда бы онъ ни входилъ, все достойное вниманія было имъ давно изучено, давно ему извѣстно. Норовъ собирался въ Итацію, его влекла въ Римъ любовь къ искусству, къ исторической древности, желаніе усовершенствовать себя въ латинскомъ языкѣ, который онъ знаетъ довольно слабо еще въ Россіи. Несмотря на мою явную съ нимъ размолвку въ житейскомъ практическомъ отношеніи, я не могъ не цѣнить въ немъ его высокія нравственныя качества. Онъ былъ и тогда уже глубоко религіозенъ, замѣчательно цѣломудренъ въ бесѣдѣ, несмотря на всю его страстность и юность; поэтъ въ душѣ, онъ могъ бы, казалось мнѣ, быть замѣчательнымъ стихотворцемъ, если бы не предавался другимъ, болѣе серьезнымъ предметамъ, какъ наприм., изученію христіанской археологіи по римскимъ, а впослѣдствіи и греческимъ источникамъ, путешествію на Востокъ и ученому паломничеству въ Іерусалимъ и вообще Палестину. Религіозный скептицизмъ Салтыкова его всегда оскорблялъ, но онъ уступать ему изъ уваженія къ его

лѣтамъ и къ тому нравственному и благородному характеру, которымъ отличался Салтыковъ, несмотря на свое философское невѣріе. Въ понятіяхъ Норова, а отчасти и моихъ, вывезенныхъ изъ Россіи, всякій невѣрующій необходимо долженъ былъ быть злодѣемъ, или по крайней мѣрѣ очень дурнымъ человѣкомъ, не заслуживающимъ никакого уваженія и довѣрія; оба мы съ Норовымъ нашли въ Салтыковѣ примѣръ, опровергающій наши убѣжденія. Но въ откровенныхъ бесѣдахъ и спорахъ со мною Норовъ менѣе снисходительно относился къ моимъ религіознымъ сомнѣніямъ, которыя мало-по-малу невольно вкрадывались въ мой умъ путемъ чтенія и вообще моего развитія. Слѣдствіемъ одной нашей задушевной бесѣды въ позднее ночное время былъ даже вызовъ меня на дуэль, такъ что я, принявъ такое странное предложеніе, насильно успокоилъ его на другой день доказательствами, взятыми мною изъ св. Писанія, что поединокъ дѣло не христіанское; а между тѣмъ въ Норовѣ это было понятно: онъ былъ вмѣстѣ и христіанинъ, и средневѣковой рыцарь. Раза три случилось мнѣ въ Парижѣ, какъ приглашенному имъ въ секунданты, выжидать въ *café Lamb* вызваннаго имъ наканунѣ какого-нибудь француза, который однако не являлся. Въ порядочныхъ обществахъ Норовъ обходился безъ исторій, но на улицахъ, въ ресторанахъ, театрахъ у него бывали почти ежедневныя непріятныя столкновенія. Къ счастью онъ всегда нападалъ на трусовъ, вселяя въ каждого страхъ своей деревяшкой. Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Парижа въ Римъ онъ вынужденъ былъ по безденежью занять у меня 3000 фр., я ссудилъ его очень охотно. Человѣку расчетливому и, если хотите, скупому, какимъ могутъ считать меня,

гораздо легче вынуть изъ кармана порядочную сумму и даже ее потерять, чѣмъ видѣть надъ собою ежедневно по мелочамъ разграбленіе отъ безпорядка, на прихоти и кинью. Крупная издержка останется всегда памятной, частыя и мелкія — нарастають до значительныхъ суммъ и оскорбляютъ васъ тѣмъ, что остаются навсегда не замѣтными, не осязательными. Въ первомъ случаѣ знаешь, куда и на что было издержано или, пожалуй, брошено изъ окошка, во второмъ — самъ не доберешься куда, а денегъ вышло страшно много и все мелочами.

Салтыковъ и я, мы проводили Норова въ Фонтенбло, гдѣ, какъ извѣстно, находится старинный великолѣпный замокъ Франциска I и знаменитый паркъ. Въ эту небольшую прогулку въ первый разъ познакомился я съ очень неудобной французской почтовой каретой. Внутри ея было 6 мѣстъ, и тѣмъ двоимъ, которымъ доставалось сидѣть не по угламъ, а между двумя пассажирами по срединѣ, такое путешествіе было очень неудобно. Мои два товарища представили мнѣ на этой дорогѣ двѣ крайности: сколько былъ расточителенъ Норовъ, столько до скардености, хотя и прикрытой приличіями, скупъ Салтыковъ. Онъ не хотѣлъ участвовать въ заказанномъ нами обѣдѣ, спросить себѣ одного бульону и доѣлъ оставленные нами двѣ котлетки. Извиненіемъ такой бережливости Салтыкова могло служить то, что онъ былъ очень небогатъ и въ то же время хотѣлъ жить порядочно; по лѣтамъ и по чину онъ находилъ нужнымъ имѣть на хорошемъ мѣстѣ хорошую квартиру, ѣздить, куда нельзя было идти пѣшкомъ, не въ отвратительномъ тогдашнемъ фіакрѣ, а въ наемномъ экипажѣ *de remise*, обѣдать въ ресторанахъ, хотя и впроголодь, но въ луч-

шихъ, посѣщаемыхъ порядочными людьми. Онъ гнушался моего обѣда, очень сытнаго, за 5 фр. съ виномъ у Шампо противъ биржи и ходилъ всегда въ рестораны на Итальянскомъ бульварѣ, либо Riche, либо Hardi, о которыхъ была тогда въ Парижѣ поговорка: «Il faut être hardi pour aller chez Riche»,—у него сходились богатые отставные и отчаянные французскіе офицеры,—«et riche pour aller chez Hardi», потому что этотъ быть непомѣрно дорогъ. Однажды, какъ я ни отговаривался, завелъ онъ меня къ Hardi, увѣряя, что и тамъ можно было дешево отобѣдать. Онъ, конечно, и проѣлъ всего 3 фр., спросивъ себѣ рюмку вина, бульону и макаронъ; мнѣ всего этого было слишкомъ мало, и я за полный обычный свой обѣдъ заплатилъ 10 и съ тѣхъ поръ туда ни ногой.—Тотчасъ по приѣздѣ въ Фонтенблѣ взяли мы мѣста въ почтовой каретѣ на обратный путь; Норовъ—по дорогѣ въ Италію до Ліона, мы съ Салтыковымъ—назадъ въ Парижъ; потомъ пошли осматривать замокъ, гдѣ съ любопытствомъ видѣли и старинное помѣщеніе короля Франциска I, украшенное во многихъ мѣстахъ вензелями его любовницы Diane de Poitiers, и впослѣдствіи пристроенные апартаменты Людовика XIV, обширный кабинетъ Наполеона и самый тотъ письменный столъ и перо, которымъ Наполеонъ подписалъ свое отреченіе, и большую площадку передъ дворцомъ, гдѣ собраны были ветераны старейшей императорской гвардіи и гдѣ происходило трагически умиленное прощаніе съ нею ихъ великаго вождя. Сколько воспоминаній и какой краснорѣчивый рядъ историческихъ именъ, сошедшихъ съ попріа и въ отдаленныя и въ близкія къ намъ эпохи!

Протолковавъ на прощаньи съ Норовымъ и пожелавъ ему успѣха въ предполагаемомъ имъ ученѣмъ путешествіи, разошлись мы довольно рано, узнавъ, что въ 4 часа утра нашъ дилижансъ повезетъ насъ обратно. Салтыкова и меня разбудили до свѣта, за цѣлый часъ до отъѣзда. «Зачѣмъ такъ рано?» — спросили мы. — Кондукторъ требовалъ паспорта. — У насъ ихъ, конечно, не было. Живя въ Парижѣ около полугода, мы и не подозрѣвали, что для такой небольшой прогулки, въ 15 льё отъ столицы, нужно было имѣть съ собою законный видъ. Какъ же быть? Намъ предложили выписать паспорта изъ Парижа отъ нашихъ хозяевъ, но ихъ не легко было отыскать, и кромѣ того у насъ не было ни бѣлья, ни достаточныхъ денегъ. Салтыковъ, несмотря на всю благоразумную сдержанность своего характера, сильно разсердился и вышелъ изъ себя, потребовалъ видѣть супрефекта, а кондуктору, возвѣстивъ свой чинъ тайнаго совѣтника и императорско-россійскаго камергера, повелительно приказывалъ дожидаться нашего возвращенія. Насилу добились мы, чтобы заспанная служанка, или *bonne*, супрефекта его разбудила. Онъ вскочилъ къ намъ, какъ теперь гляжу, взбѣшенный, въ ночномъ колпакѣ, безъ галстука, въ синемъ фракѣ съ гербовыми пуговицами, съ розеткой въ петлицѣ и въ спущенныхъ на туфли бѣлыхъ панталонахъ. Сначала онъ было принялъ насъ свысока, *mais il a trouvé à qui parler*. Изящнымъ французскимъ языкомъ Салтыковъ выразилъ ему все свое негодованіе и заставилъ супрефекта оправдывать требованіе отъ насъ паспортовъ весьма недавними распоряженіями полиціи по смутнымъ обстоятельствамъ времени. Онъ далъ намъ пропускъ до Парижа, но съ тѣмъ, чтобы мы,

приѣхавъ туда, прямо съ главной почты отправились въ префектуру. Побывъ уже тамъ одинъ разъ по случаю Сорбонскихъ тревогъ на лекціи, я думалъ, что насъ опять задержать, но рѣшительный тонъ Салтыкова вмѣстѣ съ его чиномъ и званіемъ заставили и самого парижскаго префекта насъ немедленно отпустить съ просьбой благосклонно принять отъ него извиненіе.

Парижа, конечно, описывать я не буду: онъ слишкомъ всѣмъ извѣстенъ. Если бы могла сохраниться во мнѣ память о Парижѣ временъ реставраціи, о существовавшихъ еще тогда остаткахъ средневѣковаго и до-революціоннаго города, о тѣснотѣ, духотѣ, безобразной нечистотѣ, особливо того квартала, въ которомъ находилась церковь Notre Dame, о начатой за нѣсколько городовъ прежде громадной постройкѣ, соединяющей Тюльери съ Лувромъ и загроможденной тогда бараками и заборами, о деревянныхъ галереяхъ съ низенькими, невзрачными лавченками въ два ряда, мимо которыхъ каждый вечеръ толпилась развращенная публика и послѣдняго разряда гризетки, о другихъ разрисованныхъ красавицахъ въ бальныхъ костюмахъ, нагло преслѣдующихъ мужчинъ, о картежномъ публичномъ домѣ № 113, куда каждый вечеръ сходились охотники до азартной игры и откуда многіе изъ нихъ выходили съ отчаяніемъ, лишившись послѣдняго куска хлѣба,—если бы я умѣлъ представить вѣрную картину того рабочаго населенія, тѣхъ пролетаріевъ предмѣстія св. Антонія, которые были кровавыми дѣятелями террора и зачинщиками каждаго изъ парижскихъ бунтовъ,—если бы, однимъ словомъ, мнѣ могло удастся отчетливо и живо сравнить Парижъ 1822 года съ тѣмъ Парижемъ, который видѣлъ

я въ 1870 г., то за такое описаніе читатели мои могли бы еще остаться мною сколько-нибудь довольны. Но такая задача была бы, кажется, трудна и не для моего пера. Теперь, возвратясь во-свояси и будучи опять обывателемъ нашей вдовствующей первопрестольной столицы сердцевины Россіи, часто переносусь я въ осаждаемый Парижъ, расширенный и украшенный съ такими громадными пожертвованіями геніальнымъ мотомъ Гаусманомъ по волѣ царственного авантюриста и фокусника, его покровителя, и воображенію моему невольно представляется другая новая картина разрушенія, другой новый рядъ имѣющихъ послѣдовать тамъ ужасовъ, которыми начнется наша новѣйшая исторія.

Наконецъ, подходила и мнѣ пора разставаться съ Парижемъ. На первой недѣлѣ Великаго поста вся русская колонія собиралась на церковныя службы въ отдаленную, около *Porte Saint-Martin*, улицу Меле, гдѣ слишкомъ скромно помѣщалась наша домовая посольская церковь. Русскій посолъ Поццо ди Борго, корсиканецъ родомъ, католикъ по исповѣданію, мало о ней заботился. Всѣ чиновники парижской миссіи, кромѣ младшаго секретаря Ломоносова, были иновѣрцы, да и между ними не было ни одного съ именемъ сколько-нибудь извѣстнымъ. Вообще должно замѣтить, что императоръ Александръ какъ бы умышленно заботился о томъ, чтобы его величіе, какъ самодержца обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи, и его личная слава, какъ недавняго вождя царей и народовъ и ихъ великодушнаго освободителя, отнюдь не выставались нигдѣ наружу, а, напротивъ, прикрываемы были во всѣхъ проявленіяхъ государственной и политической жизни безпримѣрнымъ смирениемъ. Должно признаться, что подобное направленіе иногда бывало слишкомъ преувеличено, оно иногда

бывало въ ущербъ справедливому чувству народнаго достоинства. Такъ было и съ нашей парижской церковью, гдѣ по праздничнымъ днямъ у подъѣзда, болѣе чѣмъ скромнаго, стояли ряды великолѣпныхъ экипажей русской знати съ напудренными въ ливреяхъ кучерами и лакеями; оттуда высаживались разодѣтыя наши дамы и подымались по довольно крутой узкой лѣстницѣ въ бѣдную, почти убогую нашу церковь. Протоіерей Лавровъ мало отличался благолѣпіемъ служенія, пѣніе было весьма плохое. Съ царствованія императора Николая вездѣ въ этомъ отношеніи послѣдовала великая перемѣна, и перемѣна къ лучшему. Кто меня знаетъ или узнаетъ по этимъ запискамъ, конечно, не назоветъ защитникомъ народнаго самохвальства, но за тогдашнюю парижскую церковь и мнѣ даже бывало стыдно передъ иностранцами. Я говѣлъ на Страстной недѣлѣ и исповѣдовался у нашего священника. Въ его тѣсныхъ, плохо убранныхъ комнатахъ предложенъ былъ отъ посла пасхальный послѣ ранней сѣднѣи завтракъ. Самъ Поццо ди Борго на немъ не присутствовалъ и увлекъ за собою послѣ службы все вельможное и чиновное. Изъ чиновниковъ миссіи присутствовали на немъ одинъ Ломоносовъ и, какъ старый мой знакомый и родственникъ моихъ родныхъ Обресковыхъ, славно меня накормилъ и напоилъ. Въ церкви познакомился я съ нѣкимъ г. Шубинымъ, который въ этотъ преимущественно радостный день встосковался объ оставленной имъ въ Россіи супругѣ и семьѣ и предложилъ мнѣ всеуниженно осчастливить его принятіемъ приглашенія съ нимъ, бѣдной сиротой, въ этотъ день отобѣдать. Я на зовъ Шубина охотно согласился. Мы пошли съ нимъ къ Frères Provençaux, я начиналъ уже бояться дороговизны, но г. Шубинъ,

заказывая по картѣ обѣдъ самый прихотливый съ дорогими винами, обязательно предупредить меня, что все это кормленіе и упоеніе послѣдуетъ отъ него. И въ самомъ дѣлѣ обѣдъ былъ на славу, вино всякое лилось рѣкою, да и не одно вино,—рѣкою лились слезы изъ глазъ сироты Шубина. Мнѣ на него смотрѣть было смѣшно и жалко. Я думаю, прованскіе братья и ихъ прислуга были довольнѣе еще насъ, когда мы нетвердыми шагами отъ нихъ выходили. Окружавшая насъ французская публика глядѣла на насъ, хотя и хмѣльныхъ, съ какимъ-то уваженіемъ. Обѣдъ Шубину стоилъ 150 фр., считая съ *на водку* гарсонамъ. Широкая натура русскій человѣкъ, а иногда и преглупая, какою былъ амфитріонъ Шубинъ. Въ его пустую голову забирались иногда курьезныя идеи, и какъ я его ни уговаривалъ, одну изъ нихъ онъ однако выполнилъ и не безъ моей помощи. Ему непремѣнно захотѣлось увѣковѣчить для потомства (надѣюсь, для своего) какимъ-нибудь памятникомъ совершаемое имъ путешествіе. Въ его глазахъ становилось оно чуть ли не всемірнымъ событіемъ; и вотъ послѣ долгихъ разсужденій, какъ и чѣмъ ознаменовать память такого славнаго подвига, рѣшили мы заказать на Севрской фабрикѣ фарфоровый сервизъ дорогой цѣны съ изображеніемъ на тарелкахъ всѣхъ тѣхъ городовъ, которые изволятъ посѣщать и имѣть на возвратномъ пути посѣтить великій нашъ путешественникъ, съ означеніемъ года, мѣсяца и числа высокаторжественнаго его проѣзда черезъ оныя. На четырехъ суповыхъ чашахъ нарисованы были однимъ изъ лучшихъ севрскихъ живописцевъ, который разрисовалъ и тарелки, портреты самого Шубина и его супруги съ ея подлиннаго изображенія. Жаль, что не помню, сколько за всю эту

глупость было заплочено, исполнена она была въ совершенствѣ. И одинъ только разъ удалось мнѣ полюбоваться этимъ сервизомъ въ московскихъ палатахъ Шубина, которыя онъ отдѣлалъ также своеобразно и безвкусно, но пышно и великолѣпно. У него скоро по возвращеніи разстроилось состояніе, и его жена, молодая и красивая, лишилась разсудка, и всѣ они для меня исчезли.

Въ началѣ весны, тотчасъ послѣ Пасхи, окончился зимній семестръ лекцій въ Сорбоннѣ и Collège de Plessy, autrement Louis le Grand, а для настоящихъ студентовъ начались экзамены, до которыхъ мнѣ, разумѣется, не было никакого дѣла, и, начиная съ утра, половина дня стала у меня свободна. Благодаря Ломоносову перебывать я и въ засѣданіяхъ палаты депутатовъ, и въ Cour d'assises, и въ другихъ второстепенныхъ и полицейскихъ судахъ. Такимъ образомъ ознакомился я съ публичнымъ французскимъ краснорѣчіемъ во всѣхъ его видахъ, не исключая и церковнаго. Оглушительно пышныя фразы и торжественная декламация вначалѣ мнѣ нравились, впослѣдствіи я убѣдился, что французы часто злоупотребляютъ даромъ слова, что они слишкомъ щеголяютъ фразеологіей и что ихъ многословіе лучше всего опредѣляется ихъ же собственнымъ словомъ: *vaniloquence*. Это достоинство, правильнѣе сказать—этотъ недостатокъ общій всѣмъ ихъ адвокатамъ. Какого бы обвиняемаго ни защищаль избранный или назначенный ему отъ суда защитникъ, какого бы крупнаго или мелкаго преступника ни обвинялъ на судѣ королевскій прокуроръ, каждый изъ нихъ начиналъ свою рѣчь съ того, что ежели преступникъ будетъ присяжными оправданъ вопреки доводамъ прокурора или невин-

ный будетъ осужденъ вопреки излагаемому защитникомъ оправданію, все французское гражданское общество, всѣ условія государственной и общественной жизни сейчасъ же распадутся. То же самое почти ежедневно выражалось въ размѣрахъ, несравненно обширнѣйшихъ, и въ преніяхъ министра съ оппозиціей и въ преніяхъ послѣдней съ министрами и политическими врагами противныхъ сторонъ. Впрочемъ, торжественная простота этихъ засѣданій и неутраченное еще тогда обаяніе и вѣра въ непогрѣшимость народного представительства не могли не увлекать, не поражать всякаго иностранца, особливо же русскаго, молодого.

Пріятель мой Деденевъ рѣшился послѣ многихъ сценъ разойтись съ своей возлюбленной и предложить мнѣ путешествіе въ южную Францію, въ давно желанный мною край голубыхъ озеръ и снѣжныхъ альпійскихъ вершинъ. Сборъ мой былъ не долги. Въ Парижѣ жилъ я все время какъ самый строгій студентъ; всѣ мои пожитки вмѣстились въ небольшой чемоданъ; по отъѣздѣ Норова никакой прислуги при мнѣ не было; portier Lefèvre замѣнялъ мнѣ во всемъ нашего общаго съ Норовымъ наивнаго Ваню, который и тутъ забавлялъ меня часто своею наивною. Однажды, какъ теперь помню, пришелъ онъ ко мнѣ въ комнату съ ежедневнымъ своимъ для прислуги визитомъ уже послѣ полднѣ и этимъ, забравъ накануне для чистки мое платье, задержалъ меня. «Отчего такъ поздно?» спросилъ я его. — «Виновать; ходить на площадь Гревъ, — тамъ, говорили мнѣ, будутъ какому-то преступнику рубить голову. Вотъ я все и ждалъ казни; либо я опоздать, либо ея совсѣмъ не было; ну, да это не бѣда, пойду туда же въ слѣдующую

среду, только пораньше!» — «Отчего же въ среду?» — «Какъ-же-съ? развѣ вы не знаете? У нихъ такой ужъ законъ, — каждую среду рубить кому-нибудь голову, у нихъ на это особенная машина сдѣлана.» Какой-то бѣглый русскій солдатъ, не захотѣвшій воротиться домой, смѣясь надъ легковѣрнымъ Ваней, увѣрилъ его въ подобныхъ французскихъ порядкахъ.

Мы съ Деденевымъ никакъ не могли отдѣлаться отъ полковника Ильина, который непременно хотѣлъ намъ сопутствовать, и, взявъ мѣста въ дилижансѣ, пріѣхали ночевать въ Туръ; съ нами былъ еще Деденевскій человѣкъ Александръ. Какъ-то странно, путешествуя по Европѣ и особливо по Франціи полусвободной, называть лакея или камердинера преимущественно «человѣкомъ»; но таковъ уже русскій обычай, утвердившій въ облегченіе читателей и слушателей такое великое слово за крѣпостнымъ, лишеннымъ какъ бы для контраста всѣхъ правъ человѣчества. ✓

На первомъ нашемъ ночлегѣ всталъ я ранѣе моихъ товарищей и въ ожиданіи общаго завтрака по ихъ пробужденіи пошелъ погулять по городу, перешелъ черезъ мостъ, достойный по изяществу новѣйшей своей постройки красивѣйшей изъ всѣхъ французскихъ рѣкъ Луары. Приближаясь къ обширной, окаймленной огромными деревьями полянѣ, противъ самаго города, увидѣлъ я множество разсѣянныхъ по ней кучками людей разныхъ возрастовъ и между ними порядочное число дѣтей. Утро было прекрасное; мальчики и дѣвочки въ красивыхъ платьицахъ весело гуляли и рѣзвились, много было разнозчиковъ съ разными сластями и питьемъ, въ концѣ аллеи что-то строили и улаживали. Двое, трое газетныхъ разнозчиковъ приглашали публику своимъ крикомъ купить

процессъ Августина Бишъ. Тутъ я узнать, наконецъ, что улаживали гильотину и что ровно въ 2 часа пополудни бѣдный Бишъ сложить на ней свою преступную голову. Воротясь домой, я предложилъ за завтракомъ моимъ товарищамъ отсрочить на нѣсколько часовъ нашъ ранній изъ Тура отъѣздъ до послѣ обѣда и пойти посмотрѣть смертную казнь. Полковникъ Ильинъ отнѣкивался отъ такой прогулки за слабостью здоровья и какимъ-то нервнымъ расположеніемъ; хотя онъ и въ самомъ дѣлѣ быть не очень-то здоровъ, но нервное расположеніе долѣтняго раненаго воина и его сентиментальный страхъ быть свидѣтелемъ казни показались мнѣ преувеличенно смѣшными. Я началъ его стыдить и увлекъ насильно. За полчаса до публичнаго позорина пришли мы на площадь.

Гильотину все еще улаживали плотники; ни полиція, ни войска,—никого еще не было, и вокругъ убійственной машины бѣгали дѣти, и болѣе изъ нихъ смѣлая двое или трое взбирались на самую площадку, откуда ихъ гнали плотники. Толпа прибавлялась и, разсѣявшись по дугу, спокойно кушала себѣ захваченный изъ дома походный завтракъ, либо покупала прожжки и питье у разнозчиковъ; газетчики кричали въ разныхъ мѣстахъ: «Procès d'Auguste Biche à 2 sous», предлагая желающимъ печатный листочекъ. Всѣмъ было весело, все шутило и смѣялось, но мало-по-малу въ толпахъ обнаруживалось нетерпѣніе. На соборной колокольнѣ пробило три четверти второго часа пополудни, и небольшой отрядъ кавалеріи въ боевомъ парадѣ окружилъ уже устроенную совсѣмъ гильотину и разгонять сбѣгавшуюся къ ней толпу. Тотчасъ же послѣ пріѣхать въ четверомѣстной каретѣ палачъ съ двумя своими служителями и стать внимательно

осматривать гильотину во всѣхъ ея подробностяхъ, спускалъ и поднималъ для пробы блокъ, испробовать острее ножа и т. д. На башнѣ пробило два часа, нетерпѣніе зрителей росло съ каждой секундой. Минуть черезъ пять, когда ничто еще не появлялось, слышны были упреки и ропотъ, и—замѣтьте—особливо женскій «Что же, скоро ли? Вѣдь уже пробило. Долго ли еще дожидаться?» Крики разнозчиковъ съ питьемъ и лакомствомъ смолкали, зато все громче восклицали газетчики: «*Mesdames et messieurs, achetez le procès d'Auguste Biche à 2 sous*». Наконецъ, послышался опять конскій тяжелый топотъ другого кавалерійскаго отряда, за которымъ ѣхала карета съ однимъ или двумя членами суда и его секретаря (*greffier*), и вслѣдъ за нею небольшой открытый экипажъ особенной формы, похожій, сколько помнится мнѣ, на нашу бричку безъ верха; на ней посаженъ былъ связанный веревками по рукамъ, почти безжизненный преступникъ *Auguste Biche* и рядомъ съ нимъ столько же блѣдный почтенныхъ лѣтъ священникъ съ Распятіемъ въ рукѣ; телѣжка была сопровождаема четырьмя съ обѣихъ сторонъ стражами. Когда по приближеніи экипажа къ гильотинѣ высадили изъ него трепещущаго преступника и помогли сойти наземь аббату, секретарь суда твердымъ голосомъ прочелъ смертный приговоръ, преступника взяли подъ руки палачи и понесли его по лѣстницѣ къ площадкѣ машины. Аббатъ возшелъ съ нимъ, приложилъ къ губамъ жертвы Распятіе, возложилъ на его голову свою руку, благословилъ его и едва могъ спуститься самъ наземъ по тремъ или четыремъ ступенькамъ. Признаюсь, и я, съ раннего утра готовившійся къ тому зрѣлищу, которое мнѣ казалось не болѣе, какъ въ высшей степени любопыт-

нымъ, чувствовалъ внутри себя какое-то смущеніе, какую-то неловкость. У меня, стыдно сказать, какъ-то двоилось, трепло въ глазахъ, я не могъ отчетливо видѣть, какъ втокнули палачи въ какую-то западную голову несчастнаго; что-то потомъ взвизгнуло, огромный широкій ножъ быстро и тяжело спустился съ блока на шею Биша, и въ одно мгновеніе главный палачъ взялъ за волосы окровавленную отсѣченную голову и, поднявъ вверхъ руку, показать ее народу. Въ то же самое мгновеніе слышалось изъ толпы «mesdames et messieurs, achetez le procès d'Auguste Biche à un sou». Цѣна, какъ видите, сбѣла на половину.

Очнувшись послѣ такого трагическаго видѣнія, я обернулся на обѣ стороны и назадъ, отыскивая глазами своихъ товарищей; одинъ изъ нихъ лежалъ на землѣ; я думаю, что его сбѣла съ ногъ уходящая толпа, — ничуть не бывало: полковнику сдѣлалось дурно, съ нимъ былъ истерическій припадокъ, и мы съ Дедневымъ принуждены были отыскивать, и довольно далеко, какой-нибудь фіакръ. Разслабленнаго привезти въ трактиръ, положили въ постель, позвали доктора и купно съ нимъ поздравили его съ лихорадкой. Тяжину нечего было и думать о томъ, чтобы пускаться въ тѣсномъ дилижансѣ въ дальнее странствованіе, а мы вынуждены были остаться въ Турѣ еще на одну ночь, и успокоенные докторомъ, что болѣзнь совсѣмъ не опасна, оставили Туръ уже въ половинѣ другого дня.

Казненный смертию Августъ Бишъ, лѣтъ около 30, былъ работникомъ у одного землевладѣльца, мелкаго собственника, который въ бѣдной хижинѣ на небольшомъ своемъ участкѣ жилъ бездѣтно съ женою;

Бишь ихъ убилъ въ надеждѣ разбогатѣть небольшими ихъ деньгами. Смертная казнь, видѣнная мною со всей ея обстановкой въ моей молодости въ первый и, вѣроятно, въ послѣдній разъ въ моей жизни, часто съ тѣхъ поръ возбуждала и возбуждаетъ во мнѣ цѣлый рядъ серьезныхъ и тяжелыхъ мыслей. Можно ли согласовать ее съ законами стремящагося по пути прогресса, настоящаго человѣческаго общества? Практично ли, разумно ли и справедливо ли будетъ ея рѣшительное уничтоженіе во всѣхъ безъ исключенія гражданскихъ обществахъ, не отвергающихъ, хотя бы тайнѣ, успѣхи законной свободы и благовременнаго просвѣщенія? На чемъ остановилось гдѣ бы то ни было рѣшительно въ этомъ отношеніи общественное мнѣніе, и остановилось ли оно на чемъ-нибудь, или нѣтъ? Или повсюду этотъ вопросъ остается открытымъ? Большая часть публицистовъ и журналистовъ нашего времени и съ трибунъ и въ печати возстаютъ противъ смертной казни. Во Франціи со временъ Людовика-Филиппа она уже отмѣнена для преступниковъ политическихъ, въ Англіи она и для нихъ допущена, но, если не ошибаюсь, избѣгается въ отношеніи къ нимъ самимъ правительствомъ. Въ Германіи смертная казнь доселѣ сохраняется въ уголовномъ законодательствѣ; въ послѣдней половинѣ 60-хъ годовъ палата господъ въ Штутгартѣ ее удержала, несмотря на противное мнѣніе нижней палаты; въ Берлинѣ государственные штаты ее отмѣнили незадолго до войны, несмотря на сопротивленіе ихъ Юпитера—Бисмарка. У насъ она, если хотите, на одной страницѣ нашего уголовного кодекса отмѣнена, а на оборотѣ этой же страницы существуетъ въ полномъ развитіи. И объ этомъ, (если не надоѣстъ говорить съ вами, мои лю-

безные читатели, о такомъ предметѣ, который отнимаетъ аппетитъ передъ обѣдомъ и мѣшаетъ послѣ обѣда пищеваренію), поговорю я вдоволь, а нынѣшній мой урокъ закончу приведеніемъ на-дняхъ прочитаннаго мною мнѣнія одного изъ членовъ женевскаго государственнаго совѣта, который выразился о смертной казни слѣдующимъ образомъ: «Не спѣшите, особливо же теперь, въ критическихъ обстоятельствахъ всей Европы, ея отмѣной; вы имѣете всегда законную возможность облегчать вину какого бы то ни было преступника смягчающими обстоятельствами и, сверхъ того, вы имѣете у себя постоянное право помилованія, *loi de grâces*. Оставьте въ законѣ смертную казнь, какъ средство единственнаго устрашенія самыхъ отчаянныхъ, самыхъ ожесточенныхъ изверговъ человѣчества».

Затрудняясь рѣшить окончательно, до какой степени составитель записокъ, желающій подчинить себя литературнымъ условіямъ и преданіямъ этого рода сочиненій, имѣетъ право отступать отъ предлагаемаго ему повѣствованія и предаваться собственно своимъ размышленіямъ, я, несмотря на свои сомнѣнія, желаю однако изложить здѣсь нѣкоторыя мысли о смертной казни. Въ настоящее время вопросъ о ней часто повторяется и въ печати и въ законодательствѣ передовыхъ народовъ. Просвѣщенные друзья человѣчества, достойные всякаго уваженія защитники его правъ, отстаиваютъ отмѣну смертной казни и уже успѣли въ томъ, что за преступленія политическія, за явныя покушенія ниспровергать народными мятежами вѣками установленный порядокъ и власти зачинщики бунтовъ въ иныхъ странахъ не подлежатъ лишенію жизни.

Допустимъ, что такое снисхожденіе къ политическимъ увлеченіямъ можетъ быть оправдываемо, допустимъ, что увлеченія произвести переворотъ или революцію не всегда бываютъ корыстными или эгоистическими, что они часто бываютъ неизбѣжными, нравственно полезными, что успѣхъ ихъ, когда онъ удастся, благотворно дѣйствуетъ на общество; но въ тѣхъ же самыхъ государствахъ, которыя *de facto* или *de jure* уничтожили смертную казнь вообще или замѣнили ее другими карами въ отношеніи къ политическимъ преступникамъ, стоитъ только, чтобы потрясаемая бунтомъ или покушеніемъ къ бунту власть объявила свою страну или какую-либо ея часть въ осадномъ положеніи, и тогда, вмѣсто гильотины и висѣлицы, безупречно въ общественномъ мнѣніи дѣлаются палачами призванные въ защиту отечества воины. Слѣдовательно смертная казнь возстанавливается и дѣйствуетъ въ размѣрахъ, сравнительно болѣе обширныхъ. Сверхъ того мы можемъ доказать грустными опытами, что не только смягченіе наказанія какому нибудь политическому преступнику по суду, но даже и помилованіе его верховной властію бываетъ причиною величайшихъ народныхъ бѣдствій и ведетъ за собою на долгое время разрушеніе и истребленіе человѣческихъ обществъ. Пруссійскій король Фридрихъ - Вильгельмъ, братъ нынѣ царствующаго побѣдителя, даровалъ жизнь осужденному къ смертной казни поляку Мѣрославскому; онъ убѣжалъ изъ мѣста своего заточенія и былъ однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ польскаго возстанія, послѣдствія котораго—огромное число убитыхъ, повѣшенныхъ, осужденныхъ на каторжную работу, равно какъ и окончательное порабощеніе всего польскаго края—всѣмъ извѣстны.

Пойдемъ далѣе: Лудовикъ-Наполеонъ два раза возставалъ противъ Лудовика - Филиппа; однажды имъ великодушно помилованный, онъ нарушилъ данное имъ честное слово, убѣжавъ изъ стразбургской тюрьмы, затѣялъ новый мятежъ и былъ наказанъ однимъ изгнаніемъ. Много ли выиграла человѣческая правда, много ли выиграла человѣческія судьбы отъ такого наивнаго великодушія, которое почти всѣмъ предано забвенію? По всѣмъ законамъ человѣческихъ обществъ такой преступникъ заслуживалъ смертную казнь, ему сохранили жизнь, и жертвою его существованія стали милліоны людей. Всего изумительнѣе для безпристрастнаго наблюдателя современныхъ событій, для человѣка, состоящаго, какъ у насъ говорится, не у дѣтъ, та противоположность идей о правахъ человѣчества, тѣ непонятныя убѣжденія и правительства и народныхъ массъ, въ силу которыхъ заботливо сохраняютъ жизнь какого-нибудь одного преступника и такъ легкомысленно истребляютъ во имя какихъ-то до сего времени неясно опредѣленныхъ принциповъ своихъ братьевъ другого языка, другой расы. Въ свое оправданіе могутъ представить и правительства и народы развѣ одно то обстоятельство, что затѣвающие войну правители и предводимыя ими огромныя массы дѣйствіемъ войны сами подвергаются убійству или истребленію отъ своихъ противниковъ. Оправданіе столь же мало логическое, какъ и совсѣмъ ни для кого не утѣшительное. Сомнительно, чтобы въ жизни народовъ, дошедшихъ до настоящаго, хотя и далеко не полнаго развитія могла существовать какая бы то ни было идея, покупаемая рѣками крови, а между тѣмъ воюющія націи, жившія до взрыва войны дружелюбно и мирно, страстно увлекаются и какъ звѣри терзаютъ другъ

друга. Всѣ мы знаемъ, что истина и правда бываетъ одна и двоиться не можетъ, а вдругъ передъ нами представляются двѣ какія-то истины—одна французская, другая—германская, и каждый изъ насъ, даже посторонній вопросу, ослѣпляется до того, что бываетъ готовъ находить справедливыми обѣ истины—и французскую и германскую. Первая изъ всѣхъ идей ослѣпляющихъ, скажемъ вѣрнѣе—одурающихъ въ подобныхъ вопросахъ все человѣчество, есть понятіе о любви къ отечеству. Но насколько эта любовь основана на ненависти и безъ послѣдней какъ бы и существовать не можетъ, слѣдовало бы говорить слишкомъ много. Я довольствуюсь примѣрами, взятыми изъ органовъ нашей печати, руководящихъ нашимъ общественнымъ мнѣніемъ. Любовь къ отечеству на каждой строкѣ ихъ проповѣдуется, но любовь къ *ойчизнѣ* должна быть для насъ предметомъ народной ненависти, а любовь къ *фатерланду* нашей любовью къ отечеству осмѣивается и выставляется намъ какъ предметъ, достойный презрѣнія. За нѣсколько мѣсяцевъ до кровавой бойни между германцами и французами, въ началѣ 1870 г., членъ законодательнаго французскаго корпуса и въ настоящее время членъ правительства народной обороны, Жюль Симонъ, избралъ предметъ своей бесѣды въ Cirque de l'Impératrice передъ многочисленной публикой смертную казнь и наэлектризовалъ своей рѣчью нервное, страстное сочувствіе всѣхъ своихъ слушателей. Серьезный приступъ къ его бесѣдѣ заключалъ слѣдующую главную мысль: «Отмѣна смертной казни не утопія. Я говорю здѣсь объ этомъ предметѣ 4 дня послѣ того, какъ сѣверо-германскій парламентъ, на этотъ разъ опередившій Францію, уничтожилъ эшафотъ въ своемъ

обществѣ. Въ моей землѣ онъ существуетъ, и я прихожу просить васъ содѣйствовать мнѣ низверженію нашей гильотины. Цѣль цивилизаціи—провозгласить общимъ согласіемъ царство правды. Всякая кара существуетъ для того, чтобы принудить уважать правду людей, неспособныхъ ее понимать и ей подчиниться. Въ этомъ заключается вся научная задача, вся доктрина уголовного права. Первое слѣдствіе такой доктрины есть сознаніе того, что высшій характеръ цивилизаціи есть миръ. Говоря о немъ, объ этомъ мирѣ, какъ отождествленіи его съ цивилизаціей, я говорю не объ одномъ мирѣ между народами, я говорю о мирѣ внутри отечества и, насколько возможно, достиженіи этого мира въ совокупности душъ человѣческихъ». Итакъ, по мнѣнію знаменитаго публициста уничтоженіе смертной казни подчиняется идеѣ желаннаго уничтоженія неисчисленныхъ смертныхъ казней, совершаемыхъ однимъ народомъ надъ другимъ къ славѣ побѣдителей, къ гибели побѣждаемыхъ. Не сталъ бы говорить Жюль Симонъ просвѣщенному множеству парижанъ объ уничтоженіи смертной казни во Франціи, если бы онъ сколько-нибудь могъ предчувствовать, что не успѣетъ пройти три мѣсяца, какъ эта всеобщая повальная смертная казнь на всю Францію, накликаемая презрѣннымъ ея владыкой, Наполеономъ III, отчасти возбужденная семью милліонами голосовъ плебисцита и—увы!—ободряемая единогласно французскимъ сенатомъ и всею массою народныхъ представителей за весьма немногочисленными исключеніями, пойдетъ разгуливать по всему пространству этой прекрасной страны, гдѣ цвѣтъ населенія ежедневно, ежечасно приносился въ жертву Богъ вѣсть изъ-за чего какой-то неумолимой, невѣдомой и не суще-

ствующей языческой богинѣ мщенія. Невольнымъ орудіемъ казни надъ Франціею были германцы, вызванные на бойню французами. Побѣдители, побѣждая, сами приносили въ средѣ своей кровавыя жертвы и въ началѣ войны тѣшились своей славой; ослабленные французы гордились мужествомъ своей народной защиты. Результатъ еще не прекратившейся войны былъ для обѣихъ сторонъ одинъ и тотъ же: насильственная смерть милліона жителей въ честномъ, положимъ, для обѣихъ сторонъ бою, но нисколько не утѣшительномъ для покинувшихъ землю бойцовъ и ихъ осиротѣлыхъ вдовъ и дѣтей, для ихъ отечествъ, почти уничтоженныхъ, какъ Франція, опустошенныхъ и истощенныхъ, какъ сама побѣдоносная Германія. Весьма любопытны приведенныя Jules Simon въ его ко времени произнесенной рѣчи слова можетъ-быть главнаго виновника этой войны, графа Бисмарка. Послѣдній былъ вѣренъ убѣжденіямъ, вполне послѣдователенъ и въ германскомъ парламентѣ съ гражданскимъ, справедливѣе сказать, съ государственнымъ мужествомъ перваго министра своей страны произнесъ свое мнѣніе о смертной казни,—не въ отмѣну, а за ея сохраненіе. «Я нахожу, что противники смертной казни преувеличиваютъ даваемое ими значеніе человѣческой жизни и важное значеніе, которое придаютъ они смерти. Я понимаю, что смертная казнь должна казаться слишкомъ жестокою тѣмъ, которые не вѣрятъ продолженію жизни за гробомъ, но для насъ смерть есть не что иное, какъ переходъ изъ одной жизни въ другую, и мы имѣемъ право въ утѣшеніе величайшихъ преступниковъ сказать имъ «*Mors janua vitae*», смерть есть дверь, которая отворяется въ болѣе величественную, въ болѣе широкую жизнь». Итакъ, продолжа-

еть Жюль Симонъ, смертная казнь, по мнѣнію Бисмарка, необходима; съ другой стороны, нѣтъ надобности въ ней отказывать,—это просто бездѣлица. Тотъ же ораторъ, т.-е Бисмаркъ, говоритъ далѣе, что, по его мнѣнію, осужденіе на 8-дневное заточеніе имѣетъ одинаковое значеніе для совѣсти судьи, какъ и осужденіе на смерть. Чье же это мнѣніе? Чьи же эти слова? Отца ли церкви, какимъ былъ господинъ де Бональдъ*), хотя и мірянинъ? Нѣтъ, это побѣдитель при Садовой, графъ Бисмаркъ, канцлеръ союзной Германіи; это онъ обращается къ догмату о безсмертіи души въ пользу пролитія крови; это онъ хочетъ во имя идеи вѣры утвердить висѣлицу, плаху, гильотину.

Предметъ, котораго я коснулся,—одна изъ труднѣйшихъ задачъ, такъ еще недавно поставленная къ рѣшенію гуманистами и первыми мыслителями настоящаго времени, до того трудная, что я не осмѣливаюсь вынести никакого своего заключенія. По моему мнѣнію разнорѣчивыя колебанія въ сужденіяхъ pro и contra о смертной казни теперь менѣе, чѣмъ когда-нибудь, могутъ окончательно рѣшить этотъ вопросъ. Въ то самое время, когда люди истребляются международными законами войны, и во имя тѣхъ же законовъ безпощадно предаются смерти мирные граждане, въ такое время никто не станетъ заботиться объ уничтоженіи смертной казни надъ какимъ-нибудь уголовнымъ преступникомъ. Одно изъ самыхъ величайшихъ бѣдствій военнаго времени есть невольное ожесточеніе нравовъ и произвольное, не столько правительствомъ и военными

*) Бональдъ французскими ультрамонтанами почитался отцомъ церкви, хотя и былъ мірянинъ, точъ въ точъ какъ теперь у насъ, среди нашихъ ультрамонтановъ своего рода, начинаетъ считаться между восточными отцами церкви позднѣйшій нашъ богословъ, мірянинъ Хомяковъ.

законами, сколько самимъ общественнымъ мнѣніемъ обвиненіе въ народной измѣнѣ. Давно ли Тьеръ, Фавръ и самый этотъ Жюль Симонъ подвергались подозрѣніямъ въ измѣнѣ Франціи со стороны большинства законодательнаго собранія? За то, что они не желали этой несчастной войны, буйная парижская чернь готова была растерзать ихъ, какъ она не одинъ разъ убивала въ это время тѣхъ многихъ, которые ей представлялись врагами отечества. На днѣ человѣческаго сердца, сказалъ когда-то Паскаль, есть бездна, изъ глубины которой вырывается наружу звѣрство, самому ему до той минуты невѣдомое и имъ не сознаваемое. Вотъ почему среди каждаго народа бываетъ такое множество палачей. Я, не обинуясь, рѣшаюсь назвать этимъ позорнымъ именемъ всѣхъ, которые куютъ мечи, готовятъ самыя разрушительныя орудія страшныхъ казней во имя защиты отъ враговъ, едва ли замысливающихъ нападеніе, и вооружаютъ всенародныя ополченія; я готовъ назвать палачами и тѣхъ кроткихъ, добродушныхъ и мирныхъ людей, которые во имя какихъ-то идей поддерживаютъ своимъ сочувствіемъ воинственныя стремленія. Война становится неизбѣжной, какъ скоро двѣ могущественныя сосѣднія державы на своихъ границахъ будутъ имѣть громадныя ополченія, ибо и та и другая скоро дойдутъ до такого убѣжденія, что для каждаго изъ этихъ сосѣднихъ государствъ и бесполезно и разорительно продолжать на неопредѣленное время такой порядокъ вещей. Вотъ въ чемъ, а не въ вопросѣ о смертной казни, главная задача нашего времени; вотъ на что мыслители вѣка, проповѣдующіе прогрессъ человѣчества и имѣющіе счастье въ него искренно вѣрить, должны по моему мнѣнію обратить все свое вниманіе, тѣмъ болѣе, что если справед-

ливо указанное выраженіе Паскаля, что на днѣ каждаго человѣческаго сердца скрывается бездна грубой животной натуры, то на днѣ каждаго народа существуетъ никакимъ прогрессомъ не уничтожаемое варварство, и если посреди европейскаго образованнаго общества, въ первыхъ рядахъ человѣчества войны почему бы то ни было будутъ еще продолжаемы, то варварство возникнетъ и предастъ мечу и пламени все, что есть лучшаго на землѣ и что принадлежитъ области духа, а не голой матеріи.

Цѣлью нашей поѣздки съ Деденевымъ было посмотреть южную Францію и побывать въ Бордо, Марсели и Ліонѣ, главныхъ городахъ страны. Медленное и тѣсное передвиженіе въ diligencсахъ было тогда очень неудобно, экипажи были тѣсны и грязны, зато конечно очень дешевы. Удобнѣйшій способъ путешествія для тѣхъ, которые не разъѣзжали въ своихъ собственныхъ экипажахъ, былъ еще *Malle-poste*, но получать въ немъ мѣста было почти невозможно для тѣхъ, которые желали останавливаться въ промежуточныхъ между главными городахъ. Мы хотѣли видѣть и видѣли Блоа, который славится лучшимъ французскимъ говоромъ, и его историческій замокъ, въ которомъ былъ убитъ герцогъ Гизъ, и Орлеанъ, и приморскій городъ Рошфоръ, гдѣ помѣщались въ галерахъ каторжные, *les galériens à la Rochelle*, въ которомъ протестанты выдержали осаду сокрушившаго ихъ кардинала Ришельё. Въ Рошфорѣ указали намъ среди каторжниковъ знаменитаго въ то время разбойника, который одинъ ухитрился остановить заложенный въ 4 лошади огромный diligencсъ и ограбить

8 человекъ сидѣвшихъ въ немъ путешественниковъ. Темною ночью этотъ рыдванъ довольно медленно двигался лѣсомъ, разбойникъ бросился на перваго почталіона, не велѣлъ ему трогаться съ мѣста, а приготовленнымъ по бокамъ какимъ-то чучеламъ съ подобіемъ ружей въ рукахъ велѣлъ стрѣлять залпомъ по экипажу и путешественникамъ въ случаѣ малѣйшаго сопротивленія; всѣмъ приказано было выйти изъ экипажа, лечь на шоссе и не шевелиться. Мошенникъ ошарилъ ихъ по очереди, отобралъ отъ нихъ деньги и вещи и медленно отъ нихъ удалился, сказавъ, чтобы они отнюдь не вставали до тѣхъ поръ, пока онъ имъ не дастъ на это дозволенія. Прележавъ долгое время, пассажиры поднялись на ноги и тогда только убѣдились къ своему стыду, что ограбившій ихъ былъ одинъ. Черезъ годъ послѣ этого происшествія его поймали въ какомъ-то другомъ менѣ интересномъ грабежѣ, и онъ любилъ хвастаться, рассказывая о своемъ прежнемъ удалствѣ и, будучи не старымъ и красивымъ, возбуждалъ любопытство путешественниковъ, осматривавшихъ каторжныя галеры. Въ то время уголовные преступники, осуждаемые пожизненно или на сроки на каторгу, помѣщались на большихъ корабляхъ, вышедшихъ по ветхости изъ употребленія; они попарно сковывались и, какъ сіамскіе близнецы, были другъ съ другомъ навѣки неразлучны, носили особенную одежду, цвѣтъ которой ихъ и различалъ. Говорятъ, обращались съ ними жестоко; часто бывали съ ними бунты при малѣйшей оплошности стражи, которая имѣла право безъ дальнихъ разспросовъ стрѣлять по ослушнику и убивать его. Положеніе этихъ несчастныхъ съ того времени измѣнилось къ лучшему, всѣ галеры эти были уничтожены,

и каторжные помѣщаются повсюду не на судахъ, а въ зданіяхъ тюремнаго заключенія.

Немного сохранилось въ моей памяти отъ всего этого путешествія, хотя въ воображеніи моемъ и остается еще до сихъ поръ какой-то очеркъ всего этого проѣханнаго мною обширнаго края; я и теперь какъ бы вижу Западную Францію до Пиренеевъ и Южную до Марселя и отъ послѣдняго до Ліона и границъ Швейцаріи, но сколько-нибудь отчетливо представить эту картину не умѣю. Утверждаю только одно, впрочемъ всѣмъ извѣстное, что путешествіе до желѣзныхъ дорогъ при всѣхъ его затрудненіяхъ было несравненно полезнѣе теперешней скачки отъ одного большого центра къ другому, которая, уничтожая огромныя пространства, лишаетъ всякой возможности видѣть и сколько-нибудь наблюдать встрѣчаемые на этомъ промежуткѣ предметы, достойные любопытства. Лѣтъ черезъ тридцать я проѣзжалъ въ вагонахъ поперекъ Франціи по тѣмъ же почти мѣстамъ изъ Женевы въ По и изъ По въ Парижъ и ровно ничего по этой дорогѣ не видалъ, не видалъ даже Бордо, на станціи котораго, за четверть часа отъ города, пробылъ въ ожиданіи поѣзда около часа времени. Нынѣшніе путешественники, выигрывая много времени, многое и теряютъ, для нихъ существуютъ одни столицы и сборища на модныхъ минеральныхъ водахъ и приморскихъ ваннахъ, — ни одна страна съ многоразличными условіями ея мѣстности для нихъ какъ бы не существуетъ.

Приближаясь къ Бордо, моя молодость, никогда, впрочемъ, не заносчивая, получила однако такой сильный урокъ, который оставался надолго мнѣ полезнымъ. Когда я увидѣлъ еще въ Парижѣ, что всѣ тамошніе часовые

отдаютъ честь украшающимъ свои петлички красной ленточкой Почетнаго легіона, я попробовалъ выставить и на моемъ сюртукѣ въ петличкѣ Владимірскую ленточку, которую я имѣлъ полное право носить, получивъ для законнаго ношенія дворянскую медаль 1812 года; часовые не могли отличать ее отъ французской красной ленточки и отдавали мнѣ честь, какъ *légionnaire*. Такое вниманіе, ежедневно по нѣскольку разъ повторяемое многими часовыми у Тюльерійскаго сада и дворца, мнѣ льстило и очень нравилось, къ тому же у меня были и черненькіе усики, которые я изрѣдка фабрилъ, чтобы сколько-нибудь походить на военнаго,—однимъ словомъ, на меня нашло дьявольское наважденіе казаться тѣмъ, чѣмъ я не былъ. Съ моей ленточкой и съ моими усиками отправился я и въ дорогу.

Однажды, проснувшись рано утромъ недалеко уже отъ Бордо, увидалъ я передъ своимъ носомъ въ нашей каретѣ усатаго сѣдого ветерана съ розеткой Почетнаго легіона, которая показывала, что этотъ ветеранъ былъ по крайней мѣрѣ майоромъ или полковникомъ. «Давно ли онъ тутъ?» спросилъ я по-русски у моего спутника.—«Да вотъ ужъ другая станція,—сказалъ Деденевъ,—будь только остороженъ, онъ разспрашивалъ меня о тебѣ и о твоей ленточкѣ, и я сказалъ ему, что ты офицеръ русской службы».—«Вотъ тебѣ на! Да какъ же я буду отвѣчать ему на его разспросы, а онъ навѣрное подвергнетъ меня этой пыткѣ. Ты не говорилъ ему, надѣюсь, какой я офицеръ, гвардейскій или армейскій, пѣхотинецъ или кавалеристъ?»—«Нѣтъ, я сказалъ только, что ты генеральскій адъютантъ».—«Ну, любезный, спасибо! теперь надобно приготовиться къ разспросамъ». Наполеоновскіе офицеры,

отставленные Бурбонами, и особливо полюбивые, ненавидѣли офицеровъ союзныхъ войскъ, которые, завоевавъ Францію, были, такъ сказать, причиною ихъ безвыходнаго положенія. Между французскими военными и офицерами изъ другихъ націй очень часто бывали дуэли и особливо до 1818 года, когда союзныя войска стояли еще въ Сѣверной Франціи. Съ тѣхъ поръ изъ нашихъ и другихъ военныхъ путешественниковъ никто почти не носилъ орденскихъ ленточекъ, чтобы не затѣвать исторіи, а я, ни въ чемъ не виноватый и ничего не подозрѣвающій, какъ куръ во щи тутъ и попался. Не успѣли мы съ Деденевымъ обмѣняться разспросами и отвѣтами, какъ дремавшій противъ меня усатый офицеръ, *un vieux grognard comme on les appelait ces officiers à demi-solde*, вскинулъ глазами и, протеревъ ихъ платкомъ, съ насмѣшливой вѣжливостью обратился ко мнѣ, какъ къ своему товарищу по ремеслу. Тутъ начались ожидаемые мною отъ него вопросы: дѣлалъ ли я кампанію, принадлежалъ ли, по крайней мѣрѣ, къ войскамъ, занимавшимъ Францію, и когда я ему отвѣчалъ, что недавно вступилъ въ военную службу и прямо въ адъютанты къ вымышленному мною какому-то генералу, онъ предложилъ вопросъ о ленточкѣ, какой это орденъ и за что и когда я получилъ его? Я отвѣчалъ очень ловко, что это наша наслѣдственная, родовая медаль, которую я имѣю право носить, какъ единственный представитель нашей старинной дворянской фамиліи. Онъ подивился такому странному русскому обычаю и почтилъ его своей саркастической улыбкой. Я былъ счастливъ, что онъ пересталъ меня разспрашивать. Дворянская наша грошовая медаль, розданная послѣ 1812 года каждому русскому дворянину за участіе въ незабвенной войнѣ,

по крайней мѣрѣ, пожертвованіями и лишеніями, конечно, напомнила бы ему все униженіе, испытанное его страной и его развѣнчаннымъ героемъ. Въ концѣ этого разговора мы подъѣзжали къ Hôtel de la poste, въ мѣстечкѣ Blau; тутъ простился съ нами брюзгливый нашъ усачъ, а я въ ожиданіи табль д'ота поспѣшилъ въ отдѣльномъ уголку сбрить мои усики и спрятать въ мой карманъ мою ленточку.

И теперь еще помню, какимъ великолѣпнымъ городомъ представился мнѣ Бордо и его широкая желтоводная рѣка Гаронна, запруженная купеческими кораблями всѣхъ странъ и народовъ. Мы остановились на красивой набережной, въ лучшемъ тогдашнемъ отелѣ Fumel, а за безсонныя ночи и плохую въ дрянныхъ по пути трактиришкахъ ѣду спросили себѣ лучший обѣдъ съ бутылкой вина 1811 года, *vin de la Comète*. Намъ подали чудесный лафитъ и взяли, по-мосму, страшно дорого, *parceque au bout du compte c'était le vin du pays*. Кромѣ большой соборной церкви и великолѣпнаго театра, гдѣ мы видѣли какой-то балетъ, ни въ чемъ не уступавшій парижскому, кромѣ замѣченнаго мною множества торговыхъ людей и матросовъ изъ французскихъ и испанскихъ колоній, чернокожихъ и бронзоваго цвѣта различныхъ негровъ и мулатовъ, кромѣ этого вѣчнаго движенія на биржѣ и въ самой гавани, всѣ прочія мои воспоминанія о Бордо ограничиваются богатымъ разнообразіемъ его винъ и устройствомъ въ большихъ размѣрахъ винныхъ его погребовъ. Въ Парижѣ далъ мнѣ порученіе Пукаловъ повидаться съ нашимъ консуломъ Whitfood'омъ, который, будучи англичанинъ родомъ, прежде долго жилъ въ Петербургѣ и снабжалъ по комиссіи лучшими бордосскими винами всѣхъ тамошнихъ знатоковъ и до

вина охотниковъ. Пукаловъ поручилъ мнѣ выписать для него въ Петербургъ 3 бочки вина средняго сорта и сотню бутылокъ лучшаго. Витфудъ сперва угостилъ меня славнымъ виномъ у себя, а на другой день повелъ обѣдать къ одному изъ бордосскихъ богачей, у котораго былъ свой собственный виноградникъ, носившій извѣстное въ торговлѣ имя. Этотъ господинъ заставилъ меня перепробовать болѣе 20 образчиковъ, и я, наконецъ, попросилъ его, подупыяный и уже лишенный всякой возможности находить различіе въ качествахъ пробуемаго мною разнаго вина, выбрать самому требуемый мною сортъ для Пукалова и отправить моремъ въ Петербургъ. Обѣдъ въ Бордо у гостепріимнаго виноградаря памятенъ мнѣ остался, впрочемъ, не по винамъ, а великолѣпнымъ блюдомъ грибовъ, которыхъ я не ѣлъ съ самой Москвы и которые до того были вкусны, что я вспомнилъ о нихъ въ 1863 году и потребовалъ себѣ двойную грибную порцію на вокзалѣ желѣзной дороги у этого города, проѣзжая возлѣ него изъ По въ Парижъ.

Дорогой изъ Бордо въ Марсель, кажется, еще передъ Тулузой останавливались мы въ небольшомъ мѣстечкѣ Кастельнодари, откуда утромъ ѣздили осматривать резервуаръ de Saint-Féréol, снабжавшій обиліемъ своихъ водъ Лангедокскій каналъ, устроенный Людовикомъ XIV и долгое время бывшій водянымъ сообщеніемъ для небольшихъ судовъ между Атлантическимъ океаномъ и Средиземнымъ моремъ. Все это, кажется, теперь заброшено, а во время моего проѣзда небольшое мѣстечко Кастельнодари было оживленно и шумно южнымъ населеніемъ Франціи, его рѣчами на собственномъ своемъ языкѣ *langue d'Os* и его мѣдянымъ, поражающимъ слухъ говоромъ на обще-французскомъ

языкъ. Запомнилъ же я особенно это мѣстечко по сго до тѣхъ поръ нигдѣ не встрѣченной дешевизнѣ; за сутки, проведенныя мной въ весьма порядочномъ отелѣ; съ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ, съ отличнымъ шоколадомъ, подаваемымъ въ какихъ-то полоскательныхъ чашкахъ или мискахъ съ ложкой, взяли съ меня всего 3 фр.—Древній городъ Тулуза замѣченъ былъ нами множествомъ средневѣковыхъ готической архитектуры церквей и монастырей; онъ былъ, какъ еще и теперь, столицей ревностныхъ французскихъ католиковъ-ультрамонтановъ.

Дорога черезъ небольшую приморскую гавань Sette шла возлѣ самаго берега Средиземнаго моря дикой и песчаной окрестностью. По мѣстамъ виднѣлись виноградники, извѣстные у знатоковъ своимъ отличнымъ десертнымъ виномъ, *vin de Sette*. Марсельскій портъ былъ обширнѣйшій и удобнѣйшій для купеческихъ кораблей изъ всѣхъ французскихъ. Изъ чужеземцевъ болѣе всего толпились въ немъ жители Леванта. Древній Марсель, какъ извѣстно, греческая колонія; этотъ городъ былъ особенно интересенъ для русскихъ, потому что сосредоточивалъ въ своей гавани всю нашу одесскую торговлю, преимущественно хлѣбомъ. Къ сожалѣнію тогда, какъ и теперь, хозяева кораблей, сбывавшіе черезъ Одессу нашу южную пшеницу и другіе хлѣба милліонами, были не русскаго происхожденія негоціанты, а размножившіеся въ Одессѣ немедленно послѣ недавняго ея построенія при Екатеринѣ и развитія при герцогѣ Ришельё богатые греческіе купцы и мореплаватели. Хотя торговые суда ихъ были и подъ русскимъ флагомъ, но весь экипажъ ихъ кораблей, шкипера, штурманы и матросы были либо греки, либо итальянцы и немногіе изъ нихъ только

по имени русскіе подданные. Такой порядокъ къ ущербу русскаго достоинства и развитія нашего народнаго богатства продолжается едва ли не до сихъ поръ, равно какъ и въ портахъ нашихъ балтійскихъ, гдѣ не болѣе двухъ или трехъ русскихъ купеческихъ домовъ отправляютъ за море свои корабли, экипажи которыхъ состоятъ изъ иностранцевъ или финляндцевъ, подданныхъ присоединеннаго къ Россіи и отдѣльно отъ нея политически существующаго великаго княжества Финляндскаго. Такимъ образомъ, несмотря на давнюю принадлежность Россіи двухъ морей, вся наша заморская торговля—присоединимъ тутъ же и древнюю нашу гавань города Архангельска—находится въ рукахъ иностранцевъ. Какъ и почему это такъ, пусть отвѣчаютъ другіе, защитники нашей народной славы, восторженные ея провозвѣстники въ настоящемъ и будущемъ. Несказанно быль бы я радъ, если бы кто-нибудь изъ этихъ господъ доказалъ мнѣ фактически, что я ошибаюсь.

Въ Марселѣ, особенно же на его приморской набережной и на бульварахъ, которые, если не ошибаюсь, называются *les cours*, красовались высокіе дома временъ послѣднихъ Людовиковъ XIV, XV и XVI; архитектура ихъ была *en style de renaissance*, гораздо наряднѣе, роскошнѣе и удобнѣе той, нынѣшней, послѣднихъ годовъ новыхъ парижскихъ улицъ и Гаусмановскихъ бульваровъ. Зодчіе тогдашнихъ зданій не рассчитывали на каждый вершокъ пространства, чтобы извлечь изъ него денежную выгоду. Зданія имѣли соразмѣрную вышину и правильное, не оскорбляющее глаза даже снаружи поэтажное размѣщеніе оконъ. Въ семнѣтажныхъ домахъ нашего времени верхнее окно, если смотрѣть издали, почти безъ промежутка стоитъ надъ нижнимъ, и

въ парижскихъ домахъ не скоро найдешь гостиную выше 5 аршинъ. Оно, конечно, полезно, ибо приносить большіе доходы хозяевамъ домовъ, но не красиво и не здорово для ихъ обитателей, не говоря уже о зодчествѣ, какъ объ одномъ изъ изящныхъ художествъ. Происхожденіе городовъ вездѣ было одинаковое, основаніемъ каждаго былъ выстроенный на возвышеніи данной мѣстности замокъ, или крѣпость; подъ защитою этого укрѣпленія устраивало себѣ жилище небольшое городское населеніе и, въ свою очередь, окружало себя землянымъ или каменнымъ валомъ. Въ мѣстностяхъ благопріятныхъ торговлѣ съ годами городъ увеличивался, но долго сохранялся обычай укрѣплять его новыми, по мѣрѣ распространенія, валами. Такъ было со всѣми значительными городами въ Европѣ, и то же самое мы видимъ въ Москвѣ, исторію которой наглядно представляютъ намъ Кремль, Китай и Земляной городъ. Такъ какъ въ европейскихъ городахъ самыя старинныя постройки были каменные и массивныя, то онѣ сохранились до нашего позднѣйшаго времени; осталась средневѣковая ихъ часть съ ея узкими, недоступными солнечному свѣту улицами, съ зловоніемъ, бѣдностью и всѣми ужасами разврата тѣснившихся тамъ низшихъ классовъ жителей. *Les Cités de Paris, de Marseille et de Lyon* нашелъ я именно такими въ первое путешествіе мое по Франціи, и въ этомъ отношеніи послѣдній французскій императоръ, узникъ загороднаго замка близъ Касселя, сдѣлалъ великое благодѣяніе Франціи, уничтоживъ столь вредныя вмѣстилища всѣхъ золъ для городскихъ жителей. Особенный характеръ имѣютъ разсѣянные по окрестностямъ Марселя небольшія загородныя дачи. Скромные ихъ низенькіе домики едва видны изъ-за виноградниковъ, которые тутъ вырастаютъ и

содержатся à l'italienne высокими фестонами, но на всемъ обширномъ пространствѣ южной Франціи совѣтъ почти не видать другого рода деревьевъ, кромѣ оливковыхъ, блѣдно-зеленаго непріятнаго цвѣта, шелковичныхъ, почти всегда обнаженныхъ отъ листьевъ, и грустно печальныхъ высокихъ кипарисовъ; прибавьте къ этому сожженные палящимъ солнцемъ луга и тонкую увядающую траву.

По заведенному для посѣтителей обычаю изъ Марселя и мы поѣхали осматривать Тулонъ въ 15 лѣтъ отъ послѣдняго. Насъ повезли туда въ самомъ отвратительномъ дилижансѣ ночью, настрашавъ прежде возможностью быть ограбленными. Осторожный хозяинъ нашего трактира далъ намъ совѣтъ взять съ собою денегъ въ обрѣзъ и оставить у него наши часы и другія вещицы. Такъ мы и сдѣлали. Въ каретѣ было насъ трое и три какія-то дамы; отъ мѣста до мѣста все время двое жандармовъ съ заряженными ружьями и пистолетами ѣхали по сторонамъ нашего экипажа. Дорога была гористая и каменистая, тихая ѣзда въ виду моря въ темень располагала меня, всегда сонливаго въ дорогѣ, къ пріятному въ объятіяхъ Морфея отдыху, но наши три спутницы, ѣхавшія въ первый разъ изъ Марселя въ Тулонъ для посѣщенія своихъ какихъ-то военныхъ родственниковъ, находясь подъ вліяніемъ страха, не умолкали въ своихъ разсказахъ о недавнихъ встрѣчахъ съ дорожными грабителями. Каждая изъ нихъ держала наготовѣ въ рукѣ немного денегъ, предназначенныхъ въ даръ ожидаемому разбойнику; то же совѣтовали онѣ сдѣлать и намъ, и со слезами уговаривали всѣхъ насъ троицъ не оказывать разбойникамъ никакого сопротивленія, иначе мы всѣ будемъ избиты, изувѣчены и вѣроятнѣе всего убиты. Страхи француз-

женокъ, конечно, были преувеличены, но подобные случаи, хотя и рѣдко, случались по одному или по два раза въ послѣдніе годы. Мы съѣздили туда и назадъ благополучно, полюбовались громадностью военной тулонской гавани, осмотрѣли съ позволенія коменданта порта морской арсеналъ и чудовищныя морскія галеры, нарочно выстроенныя для помѣщенія великаго множества каторжныхъ. Наружный ихъ видъ и строго сохранявшійся между ними порядокъ былъ тотъ же самый, какой мы замѣтили прежде въ Ларошели, съ той разницей, что въ Тулонѣ ихъ было несравненно больше. Въ другомъ французскомъ военномъ портѣ, Брестѣ, содержалось также на галерахъ остальное число каторжныхъ.

Дорога изъ Марсея въ Лионъ представляла путешественникамъ много занимательнаго. Во-первыхъ, славный древностями **Ниша**, его амфитеатръ, меньшаго, конечно, размѣра, нежели римскій, но едва ли не лучше сохранившійся, и Maison Carrée—почти совершенно уцѣлѣвшее изящное зданіе золотого вѣка Августа Кесаря. (Говорятъ, что теперь оно освобождено отъ стѣснявшихъ этотъ языческій храмъ зданій). Жители Ниша прошлыхъ вѣковъ заслуживаютъ нашу благодарность за неуважительное обращеніе съ такимъ chef d'œuvre древняго зодчества; если бы они не поставили около него своихъ безобразныхъ построекъ, то, вѣроятно, знаменитая древность была бы по разнымъ причинамъ давно разрушена и до насъ бы не уцѣлѣла. Недалеко отъ Ниша уцѣлѣлъ также римскій мостъ черезъ Рону. Далѣе въ Авиньонѣ, черезъ который теперь скачутъ, не останавливаясь ни на минуту, въ вагонахъ толпы путешественниковъ, наслаждаясь только однимъ предлагаемымъ обѣдомъ, который

во всей Франціи считается самымъ лучшимъ,—въ Авиньонѣ въ подробности осматривали мы средневѣковое обширное жилище изгнанныхъ изъ вѣчнаго Рима папъ, а въ небольшомъ городкѣ Орантъ, откуда произошли линіи оранскихъ принцевъ, въ послѣдствіи штатгутеровъ и королей Голландіи,—древнюю римскую арку или ворота.

Въ Ліонѣ, какъ и вездѣ, видѣли мы все, что слѣдовало видѣть: и большую церковь, славящуюся своей чудотворной иконою Божіей Матери за рѣкой Роной, музей съ римскими древностями, изъ коихъ самыя замѣчательныя были каменные доски съ вырѣзанными на нихъ XII таблицами основныхъ римскихъ законовъ, замѣчательнѣйшія шелковыя фабрики, предмѣстье Ліона *la Croix rousse*, населенное варварскимъ рабочимъ людомъ, зачинщикомъ всѣхъ тамошнихъ кровавыхъ мятежей во времена революціи, реставраціи и позднѣе, и, вѣроятно, готовымъ и теперь поднимать знамя новыхъ бунтовъ. Ліонъ и въ 1822 г. былъ уже обширнымъ, прекраснымъ, вторымъ послѣ Парижа городомъ, но если сравнить его съ нынѣшнимъ, который посѣтилъ я лѣтомъ 1870 г., то произведенныя въ немъ улучшенія кажутся мнѣ поразительнѣе современныхъ парижскихъ. Но по моему мнѣнію, надъ нимъ болѣе, чѣмъ надъ какимъ-нибудь другимъ городомъ, постоянно виситъ Дамокловъ мечъ разрушенія, и въ ту самую минуту, когда я пишу эти строки, въ силу несчастныхъ событій, поражающихъ Францію, обитатели великолѣпнаго Ліона на волоскѣ отъ конечной гибели не отъ германскихъ враговъ, а отъ своихъ собственныхъ варваровъ.

Дорога отъ Ліона до Женева лѣтомъ чрезвычайно красива. Она знакомитъ уже васъ съ горной альпійской природой, и вы въ продолженіе почти всего

пути видите надъ собою стремящуюся по камнямъ Рону. Въ одномъ мѣстѣ она совершенно скрывается съ глазъ, протекая нѣкоторое разстояніе подъ каменнымъ горнымъ сводомъ, и потому и мѣсто это называется «la perte du Rhone», и охотно осматривается путешественниками. Тутъ же, на одномъ утесѣ, съ большимъ любопытствомъ видѣли мы, впрочемъ издали, неприступную крѣпость, скорѣе замокъ, издавна служившій мѣстомъ строжайшаго заключенія государственныхъ преступниковъ Франціи. Въ Ліонѣ разстались мы съ несносными французскими дилижансами и ѣхали съ гораздо большими удобствами и несравненно скорѣе, по 3 льѣ въ часъ, въ переднемъ купе мальпоста, въ которомъ тогда по всѣмъ главнымъ шоссе Франціи ежедневно развозилась легкая почта. До устройства желѣзныхъ дорогъ путевыя сообщенія мальпостами были во всѣхъ отношеніяхъ самыя лучшія.

Съ какимъ-то чувствомъ особеннаго нетерпѣнія ожидалъ я швейцарской границы и, переѣхавъ ее въ Бельгардѣ, устремлялъ вооруженные биноклемъ мои взоры, чтобы увидѣть какъ можно скорѣе лазуревое Женевское озеро. Наконецъ, въѣхали мы вечеромъ прекраснѣйшаго лѣтняго дня въ городъ Женеву, окруженную безъ перерыва каменной стѣной, и остановились въ Hôtel Balance на небольшой площадкѣ, на берегу Роны.

Здѣсь въ процессѣ моего писанія случилась продолжительная остановка. И длинная холодная зима, и великія грозныя событія на Западѣ, и наша собственная всероссійская, а тѣмъ паче московская, неурядица со всѣми ея крупными и мелкими проявленіями, мучили

меня часто повторяемыми болѣзненными припадками, погружая все мое нравственное существо въ безвыходную апатію. Въ первыхъ числахъ февраля и почти до половины апрѣля всего два—три раза удалось мнѣ подышать чистымъ воздухомъ. Наконецъ-то и у насъ, хотя все еще не вѣрится, наступаетъ весна, и наша рѣченка отъ льда, говорятъ, освободилась. Попробую продолжать мое длинное повѣствованіе.

Съ перваго дня пребыванія моего въ Женевѣ смотрѣлъ я на этотъ городъ, самъ не знаю почему, какъ на мѣсто, мнѣ не совсѣмъ чужое, какъ бы предчувствуя, что вся эта горная страна сдѣлается мнѣ родною и на всю долгую жизнь будетъ для меня вторымъ отечествомъ. На другой день пріѣзда, проснувшись рано, вышелъ я изъ моей скромной комнаты въ Hôtel de Balance, непохожей на великолѣпныя швейцарскія гостиницы, отправился на почту и получилъ тамъ важныя для меня письма изъ Россіи. Самое интересное письмо было отъ Вареньки Обресковой, которымъ извѣщала она меня съ неподдѣльною грустью о своей помолвкѣ за какого-то Г. Роста, сына давно умершаго московскаго профессора. Тетка Марья Васильевна и ея старшіе братья и сестры убѣдили ее отказаться отъ надежды выйти за меня и увѣрили, что я веду себя въ отношеніи къ ней такъ, чтобы она сама отгадала несбыточность нашихъ предположеній. Я долженъ признаться, что все это отчасти было справедливо, но для вящаго убѣжденія родные Вареньки выдумали на меня слѣдующій фактъ: будто бы я хлопочу черезъ Кикина о причисленіи къ нашей миссіи въ Константинополь и откладываю надолго возвращеніе въ Россію. Бѣдная дѣвушка долго противилась желаніямъ родныхъ, но наконецъ дала слово этому неизвѣстному мнѣ Г. Росту,

котораго ни она да и никто въ Москвѣ коротко не зналъ. Хотя я давно предвидѣлъ такой конецъ этой страсти и, признаюсь, ожидалъ его, но на первыхъ порахъ было мнѣ очень тяжело и грустно, и я поспѣшилъ, не осмотрѣвшись еще въ Женевѣ, предложить моему товарищу Деденеву сейчасъ же начать наши экскурсіи по заведенному для всѣхъ путешественниковъ тогдашнему порядку. Въ то время паромовъ на Леманѣ еще не было, и мы въ покойной коляскѣ, на доброй парѣ отправились по шоссе кругомъ всего озера черезъ Лозанну въ Веве, ночевали въ одномъ изъ этихъ городковъ и воротились въ Женеву по Савойскому берегу. Такого рода поѣздки по всей Швейцаріи были тогда единственно возможными, но стоили дороже, чѣмъ теперь. Тогдашніе дилижансы были настоящіе курятники, въ нихъ было нестерпимо тѣсно и жарко, а изъ нихъ ничего не видно. Для сокращенія издержекъ можно было бы нанять на эту поѣздку шарабанъ или *char à côté*, какихъ тогда было много, а теперь почти нѣтъ въ Швейцаріи. Шарабанъ этотъ есть не что иное, какъ односторонній диванъ на колесахъ, съ высокой закрытой спинкой, а кучеромъ приходилось быть одному изъ насъ, а мы оба были на это не горазды. Потомъ мы боялись повторить надъ собою неудачу подобнаго путешествія, испытанную прежде насъ однимъ англичаниномъ. Онъ сѣлъ въ нанятый имъ шарабанъ, выѣхалъ въ немъ на берегъ, обращенный спиною къ озеру, не смекнулъ, что ему слѣдовало бы для цѣли своего путешествія ѣхать другимъ берегомъ, и во всю свою поѣздку видѣлъ красивое озеро только минутами, когда останавливали лошадей и онъ выходилъ изъ своей западни.

Тутъ съ перваго взгляда поразила насъ вся при-

влекательность блаженной Швейцаріи и вся варварская дикость противоположнаго ей Савойскаго берега. При условіяхъ одной и той же природы лѣвая сторона озера отличалась устройствомъ, порядкомъ и всѣми успѣхами цивилизаціи, тогда какъ правая, гдѣ климатъ былъ еще благотворнѣе, а самая мѣстность еще красивѣе и для житія во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе, на каждомъ шагѣ представляла дикое варварство жителей и гнетъ надъ ними деспотическаго сардинскаго правительства, орудіемъ котораго, чтобы держать подданныхъ въ страхѣ, было умышленное распространеніе невіжества и скрѣпленіе его ханжествомъ и сѣвѣріемъ.

Въ двухъ савойскихъ городкахъ, Эвіанѣ и Тононѣ, безобразныхъ и грязныхъ, не уступающихъ въ этомъ нашимъ, возвышались однѣ монастырскія обители, а на улицахъ расхаживали жирные монахи разныхъ орденовъ и сухопарые мѣстные жители въ какихъ-то коричневыхъ изъ толстаго сукна французскихъ кафтановъ, камзолахъ, короткихъ штанахъ и шерстяныхъ чулкахъ, въ башмакахъ съ пряжками, треугольных шляпахъ на головѣ, точно придворные Людовика XIV или мой дядька Варѣоломеевичъ въ парадномъ своемъ костюмѣ. Такова была одежда горожанъ и крестьянъ и даже крестьянъ савойяровъ въ воскресные и праздничные дни, а праздничныхъ дней, прошу замѣтить, у этихъ непочатыхъ еще никакими революціями савойцевъ было едва ли не больше, чѣмъ у насъ.

Воротившись въ Женеву и видя на опытъ, что самое лучшее лѣкарство отъ любовной болѣсти есть путешествіе, чувствовалъ я однако, что моя грусть не совсѣмъ еще прошла, и предложилъ своему товарищу поѣздку въ Шамуни. Прогулка туда, по моему мнѣнію, есть самая великолѣпная; въ хорошую погоду во

все время Монбланъ и предшествующія и окружающія его не столь огромной высоты горы постоянно передъ глазами. Дорогу въ Шамуни и самое это мѣстечко описывать не берусь, оно слишкомъ извѣстно многимъ тысячамъ путешественниковъ, а не бывавшіе тамъ знаютъ о немъ или могутъ узнать черезъ множество книгъ, описывающихъ Швейцарію.

Пробывъ сутки въ Шамуни, посмотрѣвъ на глетчеры, взобравшись на Монтанверъ и такъ называемый, у подошвы этой горы, Ледяной Садъ, отправились мы верхомъ на мулахъ черезъ Col de Balme въ Мартини, городокъ на большой шоссейной дорогѣ въ Италиі, и на другой день опять на мулахъ поѣхали на гору Сень - Бернаръ съ знаменитымъ ея монастыремъ, гдѣ погребенъ сподвижникъ Наполеона, генераль Desaix, гдѣ устроено убѣжище для полузамерзающихъ пѣшеходовъ, пробирающихся въ Италию, гдѣ отыскиваютъ и открываютъ этихъ несчастныхъ славныя монастырскія собаки и т. д. и т. д. Все это очень интересно, но все извѣстно до пошлости.

Товарищъ мой спѣшилъ въ Россію, а потому и я, не осмотрѣвшись въ Женевѣ, провожалъ его въ Шафгаузенъ, побывавъ вмѣстѣ съ нимъ по дорогѣ въ Горнъ, Тунъ и Интерлакенъ, о которомъ долженъ сказать, что въ немъ было тогда не болѣе 3 каменныхъ домовъ, всѣ же остальные, и то немногіе, деревянные, старинной особеннаго рода постройки, какихъ теперь не скоро встрѣтишь черезъ всю Швейцарію по желѣзной ея дорогѣ. Сравнивая давно прошедшее съ близкимъ настоящимъ, я по воспоминаніямъ люблю болѣе прежній, чѣмъ теперешній Интерлакенъ. Тогдашній былъ болѣе въ гармоніи съ величественными, нерукотворенными красотами страны, гдѣ все дышало поэзіей,

гдѣ все было поэма. Точно то же можно сказать о Лаутербрунненѣ и Гринденвальдѣ, куда отъ самаго Интерлакена достигали, и то съ большимъ трудомъ, на лошадахъ, а во многихъ мѣстахъ и пѣшкомъ, и откуда черезъ Венгернъ Альпъ по берегамъ, почти непроходимымъ уже рѣшительно, насилу добрались мы до долины Гасли въ Мейрингенѣ пѣшіе, я же почти босикомъ, потому что у меня, новичка, отвалились у городскихъ сапогъ подошвы.

Были мы тогда и въ Люцернѣ, гдѣ я въ первый разъ склонилъ голову предъ умирающимъ въ скатѣ львомъ — памятникомъ мужественныхъ швейцарцевъ, послушливыхъ чести и долгу до смерти. Выпивъ изъ синихъ бокаловъ добраго рейнвейна возлѣ шумнаго водопада, простился я съ милымъ моимъ спутникомъ, который отправился отъ сихъ мѣстъ во-своихъ, я же черезъ Констанцъ, гдѣ теперь наши православные ублажаютъ неправославнаго реформатора Гусса, простился съ Lohn кучеромъ черезъ Невшатель въ Женеву. Такъ въ ту пору всѣ разѣзжали по Швейцаріи удобно, но страшно дорого и медленно; напр., изъ Берна до Лозанны нельзя было пріѣхать ранѣе 2 сутокъ (6 часовъ по желѣзной дорогѣ). Надо было на этихъ долгихъ непременно кормить въ Муртенѣ, а потомъ ночевать либо въ Мудонѣ, либо въ Пайермѣ, и только на другой день къ ночи пріѣзжали въ Лозанну. Кучеръ получалъ за это на каждую лошадь по 9 франковъ въ сутки, съ неопытныхъ брать за четыре дня вмѣсто 3-хъ, считая обратный путь — что составляло 72 фр., да тринкъ-гельду насчитывать отъ 18 до 24, такъ что всего досчитывалось до 100 фр. Поэтому въ отношеніи дорожныхъ издержекъ желѣзныя дороги нигдѣ не доставили путешественнику столько

удобства, какъ въ Швейцаріи. Нигдѣ также въ теченіе 50 лѣтъ, по крайней мѣрѣ на мой глазъ, никакая страна до такой степени не измѣнилась. Напримѣръ, хотъ бы эта Женева. Весь городъ былъ окруженъ стѣнами и валами. Plain palais, la Porte de Rive, гдѣ теперь построено Palais Electoral, и академія, и далѣе цѣлыя улицы на старыхъ бастіонахъ, и Rue des Tranchées, и набережная Монъ - Блана, и два моста одинъ возлѣ другого,—ничего этого не существовало. Городъ на ночь запирался, какъ крѣпость. Пѣшеходъ могъ пробраться въ него, платя пеню, до 11 часовъ вечера; ворота были заперты экипажамъ съ 10 часовъ.

Женевскіе патриціи, которые одни были правителями этого недавно присоединеннаго къ Швейцаріи города (прежде онъ былъ самъ по себѣ вольный, а потомъ сдѣлался французской префектурой), жили въ своихъ довольно красивыхъ палатахъ на возвышенной террасѣ, у подошвы которой было и есть гулянье на Treille, а за ея стѣной другое гулянье съ высокими деревьями, Jardin des Plantes, и большая аллея передъ самымъ Plain palais, въ концѣ которой красовался только что построенный великолѣпный по-тогдашнему домъ банкира филэллина Эйнара. За нимъ на горѣ была еще прогулка по аллеѣ Place St. Antoine и подъ горой тюрьма, одна изъ первыхъ, устроенная по американской системѣ одиночнаго заключенія. Аристократическіе дома жили довольно роскошно, приглашали къ себѣ обѣдать и на вечера. Къ нимъ изъ гостиницъ приглашаемыхъ путниковъ приносили на носилкахъ. Дамы и дѣвѣнцы этого круга назывались «des dames du haut», и путешественники-новички принимали иногда такое названіе за собственное имя; многихъ изъ нихъ въ первое мое пребываніе я принималъ

за носящихъ эту фамилію и удивлялся ея необычайному размноженію. Не помню, кто указалъ мнѣ на существовавшій въ Лозаннѣ для молодыхъ людей пансіонъ пастора Chattelalain. Въ немъ постоянно проживали разнородные юноши для усовершенствованія себя практикой французскаго языка. Семейство, принимавшее такихъ иностранцевъ, особенно ему рекомендованныхъ, состояло изъ немудренаго въ рыжемъ парикѣ пожилора пастора, его добродушной и пріятливой съ большимъ зобомъ жены, двухъ сыновей, порядочныхъ латинистовъ, и трехъ съ замѣтными уже зобиками молоденькихъ дочерей. Тамъ помѣстился и я въ скромномъ, чистенькомъ небольшомъ домикѣ, въ ущельѣ между двухъ горъ за Mont Venon, у какаго-то моста черезъ ручей, у котораго стояла мельница. Тутъ я прожилъ болѣе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ въ небольшой, въ родѣ собачьей конуры, уютной комнаткѣ, за которую я платилъ съ кормленіемъ по 120 франковъ за мѣсяцъ.

Товарищами моими по пансіону были: замѣчательно честный и пріятный ирландецъ Ридъ, какой-то фатъ англичанинъ и четыре остзейца знаменитѣйшихъ родовъ: курляндскіе бароны Фирксъ, два Гана и эстляндецъ Мейснеръ. Мнѣ очень понравилось такое житьебытье. Три дѣвицы Chattelalain съ нами были очень любезны и ласковы; каждая изъ нихъ, выбравъ себѣ изъ насъ по предмету, охотно заигривала съ нимъ въ дружбу. Всѣ онѣ по недостатку средствъ готовили себя въ гувернантки, а покуда занимались домашнимъ хозяйствомъ по-недѣльно. Я засталъ уже въ этомъ домѣ обычай, по которому каждая изъ этихъ домохозяекъ выбирала себѣ сотрудника, который помогать ей утромъ готовить чай или кофе, днемъ обѣдъ и вечернее

чаепитіе съ разными яствами. Старшая изъ дѣвицъ, m-lle Joséphine, возвратясь откуда-то передъ моимъ вступленіемъ въ ихъ домъ, не имѣла при себѣ служителя и взяла меня. И вотъ мы съ ней, когда приходила наша недѣля, накрывали столъ, разставляли приборы и сообща этимъ дѣломъ занимались; намъ, конечно, помогала единственная въ домѣ служанка. Кухня была въ томъ же этажѣ, подъ бокомъ и возлѣ самой моей комнаты. Не знаю почему, въ прежнее время близость тогдашнихъ кухонь не распространяла того нестерпимаго зловонія, отъ котораго часто въ новыхъ большихъ гостиницахъ страдаютъ носы пансіонеровъ, несмотря на то, что теперешнія кухни помѣщаются въ подвальныхъ этажахъ. Видно иной прогрессъ не уничтожаетъ иного зловонія. Моя хозяйка, m-lle Joséphine, мнѣ очень нравилась, но любезничала со мной скромно и сдержанно; вторая сестра ея, Генріетта, не выдержала соблазна и пристрастилась къ смазливому фату англичанину, который крикливымъ и фальшивымъ голосомъ напѣвалъ ей различные романсы въ нашемъ садикѣ.

Живя въ Лозаннѣ, сдѣлалъ я нѣкоторыя знакомства. Всѣ мы, пансіонеры пастора Chattelalain, приглашаемы были къ федеральному полковнику Guigerd de Prangin на его танцевальные вечера, на которыхъ мои остзейцы оказались лучшими танцорами и удивляли англичанокъ и юныхъ швейцарскихъ аристократокъ мастерствомъ вальсировать. Фатъ англичанинъ съ усиками въ вальсѣ билъ свою даму по ногамъ, всегда готовъ былъ свалить ее съ ногъ и смѣшилъ публику. Ирландецъ и я, мы почти не танцевали. Общество было многочисленное; хозяева допускали къ себѣ однихъ знатныхъ дворянъ и такихъ же иностранцевъ, еще до принятія послѣднихъ

справляясь, combien ils avaient de quartiers de noblesse. Мы въ Россіи до такой степени лишены аристократическаго чутья, что весьма немногіе изъ насъ понимаютъ все важное значеніе этого выраженія, между тѣмъ какъ въ Европѣ во многихъ мѣстахъ оно было признано не только обычаемъ, но законодательствомъ. Такъ наприм., въ Испаніи и Сардиніи необходимо было имѣть четыре quartiers (не знаю, какъ назвать ихъ по-русски) для полученія испанскаго ордена золотого Руна и сардинскаго св. Лазаря и Маврікія, т.-е. чтобы награждаемый этими орденами былъ дворяниномъ, начиная по крайней мѣрѣ отъ прапрадѣда, и чтобы его матушка, бабушка и прабабушка были также дворянскаго рода. Если въ его восходящей линіи быть *mésalliance*, то это мѣшало получать кавалерію. У швейцарцевъ, какъ извѣстно, не было никакихъ знаковъ отличія, они по закону лишены были права носить свои древніе графскіе и баронскіе титулы, какъ бы древни въ ихъ родахъ они ни были, несмотря на то, что многіе изъ нихъ возведены были въ эти достоинства съ первыхъ Крестовыхъ походовъ, какъ наприм., графы d'Erlach, Diesbach, Hatterwille, Muhlin Am-Rhein и т. д. Какъ то императрица Марія Терезія спросила у одного изъ Hatterwille, фамиліи недавно угасшей: правда ли, что онъ происходитъ отъ древняго знатнаго рода?—«Безъ сомнѣнія,—отвѣчалъ онъ,—одинъ изъ вашихъ предковъ, графъ Габсбургъ, былъ пажемъ во второмъ Крестовомъ походѣ у моего пращура Гатервиля». У какого-то другого бернскаго родича спросили, давно ли онъ живетъ въ Бернѣ? Онъ отвѣчалъ: «Около 1000 лѣтъ». Но древніе рода въ старинныхъ кантонахъ заботливо охраняли свои права, вездѣ стояли исключительно одни во главѣ кантональ-

ныхъ правительствъ, не братались съ плебеями, никогда не соединялись съ ними брачными узами и даже не впускали въ свои гостиныя ни одного человѣка «новаго», какъ бы онъ ни былъ богатъ или ученъ. Въ нѣмецкихъ кантонахъ, да кажется и въ Ваатландскомъ, не принимали къ себѣ гостями даже пасторовъ.

Познакомившись съ г. Пранженъ, у котораго въ первый разъ встрѣтилъ я графа Шувалова и его молодую жену, урожденную княжну Шаховскую, потомъ бывшую за графомъ Полье и принцемъ Бутера и недавно умершую въ Веве въ глубокой старости, я просилъ его сводить меня къ знаменитому въ нашей новѣйшей исторіи лозанцу Лагарпу. Г. Пранженъ былъ озадаченъ моею просьбой и отвѣчалъ мнѣ, что ни онъ, да и никто изъ его знакомыхъ не имѣетъ никакихъ сношеній съ этимъ генераломъ. Отвѣчая мнѣ такимъ образомъ, онъ иронически улыбнулся; о ненависти къ Лагарпу всѣхъ знатныхъ швейцарцевъ я упомяну послѣ.

Не помню черезъ кого по отказѣ моего лозанскаго аристократа познакомился я съ Лагарпомъ. Онъ жилъ въ собственномъ домѣ въ самомъ скромномъ переулкѣ небольшого городка Лозанны. Женатъ онъ былъ на уроженкѣ петербургской m-lle Betticher, дочери банкира, съ ними жила еще сирота племянница m-lle Charlotte Laharpe, бѣлокурая, милая и красивая. Я почти въ нее влюбился и видя очень ласковое со мною обращеніе хозяевъ, почти готовъ былъ предложить и мою руку, и мое сердце, и все, что за этимъ имѣло слѣдовать. Часто посѣщая домъ Лагарпа и самодовольно замѣчая, что я какъ будто не противенъ лозанской барышнѣ, которой по ненависти къ ея дядѣ высшаго городского общества не легко было найти

въ средѣ его партію, я начиналъ увѣрять себя, что это дѣло сбыточное и мечталъ уже о покупкѣ у Пранижнѣ его огромнаго замка съ большимъ количествомъ земли на берегу Женевскаго озера, недалеко отъ Нюна. Этотъ замокъ принадлежалъ прежде испанскому экс-королю Іосифу Бонапарту, а очень небольшая часть его земли у самаго берега принадлежитъ теперь принцу Plon-plon, гдѣ онъ построилъ хорошенькую виллу съ изящною пристанью. Полковникъ Пранижнѣ, владея этимъ замкомъ, уступалъ его очень дешево, за 300,000 ф.; теперь вся эта мѣстность стоитъ милліоны. Я вошелъ съ нимъ слегка въ переговоры, получилъ отъ него позволеніе осмотрѣть продаваемую имъ собственность и, не имѣя никакихъ аристократическихъ замашекъ, соглашался при покупкѣ уступить ему право называться попрежнему Пранижнѣ. Все, казалось, могло пойти какъ бы по маслу. Непреодолимыя препятствія моему успѣху были въ одномъ моемъ характерѣ, въ моей вѣчной робости и недовѣрші къ себѣ. Пойдутъ, думаю я, справляться обо мнѣ у различныхъ русскихъ путешественниковъ, а потомъ по связямъ жены Тагарпа и въ самомъ Петербургѣ, и само собою представится семьѣ, коей я желаю быть членомъ, совершенная неизвѣстность моей личности, и затѣмъ послѣдуетъ путавшій меня отказъ. Между тѣмъ я все еще учащалъ мои посѣщенія и, сказать правду, любовался и восхищался болѣе старшемъ генераломъ, чѣмъ его племянницей. Что за чудный былъ этотъ почти 80-лѣтній старикъ! Высокій ростомъ, стройный и худой, съ блестящими вдохновенными глазами, желтѣющими сѣдыми волосами, которые кудряво спускались на его плечи, онъ приводилъ меня въ восторгъ своими разказами о счастливой,

не понимавшей, не цѣнившей его заслугъ родинѣ, о благодушномъ либерализмѣ своего воспитанника, нашего государя, страстно имъ любимого, не взирая на то, что политика Александра совершенно измѣнила уже тогда, съ 1822 года, прежнее свое направленіе, подчиняясь врагу всякаго прогрессивнаго движенія, Меттерниху, и завела у себя варварскія военныя поселенія и постоянно нарушала данную Польшѣ конституцію.

Предлагаю здѣсь кстати характеристику воспитательной и отчасти политической дѣятельности Лагарпа, взятую мною изъ собственныхъ его мемуаровъ, написанныхъ имъ для другого знаменитаго швейцарскаго писателя Цшокке въ началѣ XIX столѣтія *).

Фридерикъ Цесаръ Лагарпъ родился въ 1754 году въ небольшомъ, на Женевскомъ озерѣ, городкѣ Роллѣ. Въ ранней молодости подъ руководствомъ своего родного дяди пастора въ его библіотекѣ всецѣло предавался онъ чтенію древней исторіи и весь проникся чувствомъ безграничнаго уваженія къ героямъ Греческой и Римской республики. Политическая исторія Англіи, Голландіи, Швейцаріи закрѣпили въ немъ врожденную и семейную любовь къ свободѣ. Въ Женевѣ учился онъ подъ вліяніемъ Соссюра (Saussure). Избравъ карьеру адвоката, отправился онъ для изученія правъ въ Тюбингенскій университетъ. Еще будучи въ Роллѣ, дружески сошелся онъ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Амедеемъ Лагарпомъ, изгнаннымъ въ послѣдствіи бернскими патриціями изъ Швейцаріи и сдѣлавшимся по этому случаю однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ генераловъ Французской республики. Возвратясь изъ

*) Къ сожалѣнію не знаю, гдѣ печатались самые мемуары, а потому не могу по тексту исправить выписанный переводъ. Изд.

Тюбингена въ Швейцарію, получилъ онъ въ Бернѣ патентъ адвоката въ верховной апелляціонной палатѣ въ участкѣ Романской или Французской части Бернского кантона. (Хотя онъ и происходилъ отъ дворянской фамиліи Ваатланда, но въ Бернѣ почитался плутомъ.)

Однажды адвокатъ Лагарпъ побудилъ какого-то своего кліента къ выходкѣ противъ верховнаго суда, который пришелъ въ негодованіе. Членъ этого судилища Steiger Tschongg, постоянно благосклонный къ юному адвокату, призвавъ Лагарпа къ себѣ, грозно встрѣтилъ его слѣдующими словами: «Что значить такое поведеніе? Мы не хотимъ въ Ваатландѣ этого женевского духа нововведеній. Знаете ли вы, что вы наши подданные?» — «Нѣтъ, — возразилъ Лагарпъ, такъ же громозвучно, — мы не признаемъ себя вашими подданными. Мы признаемъ себя наравнѣ съ вами подвластными одной республикѣ и ея законамъ, а господь надъ собою не знаемъ». — «Слова Штейгера: «знаете ли вы, что вы наши подданные», раздаются еще въ моихъ ушахъ — пишетъ Лагарпъ въ своихъ «Запискахъ» — и теперь, по прошествіи 23 лѣтъ». Онъ хотѣлъ уже удалиться въ Сѣверную Америку, но былъ приглашенъ роднымъ братомъ какого-то вліятельнаго русскаго вельможи сопутствовать ему въ Италію. Въ Римѣ баронъ Гриммъ предложилъ ему отправиться въ Петербургъ по вызову императрицы Екатерины. Прибылъ онъ туда въ 1782 г., принять былъ кавалеромъ къ 11 лѣтнему В. К. Александру Павловичу и черезъ годъ слѣдился воспитателемъ обоихъ братьевъ, Александра и Константина. Воспитаніе ихъ Лагарпомъ продолжалось отъ 1783 до 1795 г.

«Нѣсколько данныхъ, — пишетъ Лагарпъ, — относя-

щихся до воспитанія такого человѣка, какъ Александръ I, могутъ обратить на себя вниманіе искреннихъ друзей бѣднаго человѣчества». Здѣсь привожу я собственные слова «Записокъ.» «Провидѣніе, казалось, сжалилось, наконецъ, надъ миллионами людей, обитавшихъ въ Россіи, но для этого необходима была Екатерина II, желавшая воспитывать внуковъ своихъ, какъ человѣковъ. Того же хотѣли несчастный ея преемникъ, Павелъ I, и достойная всякаго уваженія его супруга. Будучи иностранцемъ и не имѣя покровителя, я бы не устоялъ противъ испытанныхъ мною препятствій, если бы желаніе добра не одушевляло меня до фанатизма. Когда я падалъ духомъ и, изнемогая отъ неблагопріятныхъ различныхъ обстоятельствъ, уже покушался просить моей отставки, запирался я у себя и въ писателяхъ древности, особливо въ Плутархѣ, тотчасъ же находилъ себѣ утѣшеніе. Аратъ, Филопемень, Брутъ, Демосоевъ, Цицеронъ, несмотря на великіе свои таланты, доблести и подвиги на пользу отечества, которые давали имъ столько правъ на счастье, не были признаны по своимъ заслугамъ, были преслѣдуемы и, однако, не удалялись съ своего пути, а потому и меня простыя препятствія, униженіе по моей службѣ и прочія подобныя мелочи не должны удалять отъ цѣли вести по возможности къ лучшему будущему огромную массу 40.000.000 населенія. Никогда принятое мною подобное врачевство мнѣ не измѣняло, и когда случалось мнѣ встрѣчать отчаяніе въ людяхъ, достойныхъ имени человѣка, я говорилъ имъ: «Возьмите щепотку древнихъ, посовѣтуйтесь съ Тацитомъ или съ добрымъ Плутархомъ». Вспоминая теперь объ этомъ, я и теперь еще удивляюсь тому, что, проникнутый республиканскими принципами, во-

спитанный въ уединеніи, въ совершенномъ отчужденіи отъ большого свѣта, жившій болѣе съ книгами и съ существами фантастическими, нежели съ людьми, могъ я пробыть безъ руководителя и совѣтника 12 лѣтъ при дворѣ, не подвергая себя несравненно болѣе, нежели испытанныя мною тогда, преслѣдованія. Во всѣхъ другихъ странахъ, кромѣ Россіи, я бы не избѣжалъ ихъ, изъ чего я вывожу, что русскіе придворные менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, зложелательны. Прежде меня подозрѣвали въ неограниченномъ самолюбіи, которое казалось тѣмъ глубже, что я быть равнодушнымъ къ чинамъ и милостямъ, но когда убѣдились всѣ, что предполагаемое во мнѣ честолюбіе нисколько не идетъ въ разрѣзъ съ честолюбіемъ другихъ, тогда начали обращаться со мной съ чувствомъ благоволенія, и я подъ конецъ находить много друзей въ этой странѣ, ставшей второй моей родиной— по моимъ отношеніямъ и по женитьбѣ на петербургской уроженкѣ. Меня по счастью не коснулась буря французской революціи, но мои принципы, слишкомъ извѣстные, тотчасъ же поставили меня въ ряды такъ называемыхъ демократовъ; впрочемъ, меня не тревожили, и чтобы не возбудить противъ меня подозрѣнія, я весь предался моему долгу, продолжая исполнять его съ нѣкоторымъ мужествомъ. Не легка была мнѣ эта задача. Революціонныя событія были ежедневнымъ предметомъ разговоровъ и жаркихъ споровъ о принципахъ и ихъ изложеніи, и невозможно было не принимать въ нихъ участія. Когда доходила до меня очередь говорить, я выражалъ свое мнѣніе откровенно, а въ присутствіи великихъ князей старался приводить изъ древней исторіи принципы и примѣры, способные сдѣлать на юныя сердца благотворное впе-

чатлѣніе. Въмѣсто того, чтобы преподавать имъ обыкновенный курсъ естественнаго и народнаго права, я рѣшился излагать предъ ними въ духѣ свободы великій вопросъ о происхожденіи человѣческихъ обществъ. Я составилъ въ этомъ смыслѣ небольшой проектъ преподаванія, но разныя на меня нападенія помѣшали продолжать этотъ трудъ, ибо его непремѣнно называли бы якобинскимъ. Необходимо было дать всему другой оборотъ, что и было мною исполнено, и я началъ заниматься съ моими воспитанниками чтеніемъ такихъ сочиненій, въ которыхъ великіе вопросы человечества были энергично защищаемы знаменитыми писателями, жившими до революціи. Это удалось и, благодаря рѣчамъ Демосѣена, Плутарха, Тацита, исторіи Стюартовъ, сочиненіямъ Локка, Мабли, Руссо, Гиббона и посмертнымъ мемуарамъ Дюкло, я могъ выполнить взятый на себя трудъ, какъ человѣкъ, который подлежитъ отвѣтственности передъ великимъ народомъ».

Старшему изъ двухъ воспитанниковъ Лагарпа не было тогда еще и 12 лѣтъ; не слишкомъ ли рано занималъ онъ ихъ такими неудобоваримыми чтеніями? Изъ тѣхъ же мемуаровъ дѣлаю другую выписку, имѣющую тоже интересъ для характеристики отношеній Екатерины и Лагарпа.

«Французская революція въ самомъ своемъ началѣ, казалось мнѣ, должна была бы способствовать освобожденію швейцарскихъ илотовъ, но я тотчасъ же увидѣлъ грубую мою ошибку. Мучась сомнѣніемъ, я не вѣрилъ прочности новой французской конституціи и потому очень желалъ, чтобы ею поспѣшили воспользоваться до контръ-революціи, которая мнѣ казалась неизбѣжною. Я составилъ записку, въ которой из-

ложилъ жалобы нашихъ илотовъ, и убѣждать ихъ принять рѣшительныя мѣры, чтобы освободиться отъ оковъ.

За первой моей запиской послѣдовало 60 другихъ. Многія изъ нихъ были переведены и печатались въ нѣмецкихъ, итальянскихъ и англійскихъ журналахъ; авторъ оставался неизвѣстнымъ. Такіе труды разстроили мои финансы и здоровье. Увидѣвъ, наконецъ, что наши патріціи успѣли удержать первое движеніе къ свободѣ своихъ илотовъ, тѣшатъ ихъ одними обѣщаніями, я рѣшился дѣйствовать офиціально, и съ благородной свободой и съ подобающимъ уваженіемъ написалъ петицію «à Messieurs de Berne», предлагая въ ней созваніе штатовъ. Одинъ изъ 3 экземпляровъ этого проекта я отправилъ генералу Лагарпу. Моя петиція сдѣлалась предметомъ преслѣдованій Бернскаго Совѣта 200, который произнесъ приговоръ къ смерти генералу Лагарпу. Меня также въ Бернѣ обрекли на гибель, и эти господа до того въ ней были увѣрены, что уже вездѣ разглашали о моей ссылкѣ въ Сибирь. Ландаманъ Мюлинъ старшій и другіе передали свои жалобы русскому министру, который находился въ Кобленцѣ. (Тамъ было собрано войско изъ эмигрантовъ, готовыхъ вступить въ возмущившуюся Францію.) Графъ Эстергази, министръ нѣмецкихъ принцевъ, владѣтельный принцъ Нассау Зигель и всѣ эмигранты дали слово дѣйствовать противъ человека, который становился опаснымъ потому, что осмѣлился не раздѣлять ихъ мнѣній. Messieurs de Berne поступили безъ расчета. Если бы они съ почтительною довѣренностью обратили свои жалобы прямо къ Екатеринѣ II, вѣроятно, она не оставила бы ихъ безъ вниманія, особливо въ такую минуту, въ которую ей необходимо было выразить свое мнѣніе противъ всего того, что носило

на себѣ печать новыхъ принциповъ времени. Но и тогда великая душа этой государыни признала бы мои заслуги и не оказала бы своего уваженія такому человеку, политика котораго настойчиво требовала его отъ нея удаленія. Въмѣсто того бернцы обнаружили одну жалкую страстность мелкихъ правителей. Они косвенно обвиняли меня въ сообществѣ съ генераломъ Лагарпомъ, который удалился подъ защиту французскихъ якобинцевъ, выставляли меня ихъ корреспондентомъ и забылись до заявленія, что если они не получаютъ ожидаемаго ими удовлетворенія, то приведутъ въ исполненіе смертный надо мною приговоръ en effigie. Екатерина II, оскорбленная неприличіемъ подобныхъ обвиненій, прислала мнѣ обвинительные противъ меня пункты и требовала объясненій. Слогъ моихъ записокъ ей, безъ сомнѣнія, казался излишне горячимъ, но содержаніе находила она согласнымъ съ извѣстными ей моими принципами, которыхъ, по ея мнѣнію, я имѣлъ право держаться. Однимъ словомъ, эта великая государыня не могла признавать, чтобы швейцарецъ заслуживалъ названіе бунтовщика за то, что онъ воскрешалъ память древнихъ освободителей и героевъ своей родины, и обвиненіе въ бунтѣ, на которое бернскіе господа сильно рассчитывали, утратило всю свою силу въ глазахъ самодержицы Россіи. Я имѣлъ честь по этому случаю написать два письма къ государынѣ. Въ обоихъ изъявилъ я желаніе моихъ согражданъ *peys de Vaud*, имѣть ее единственною посредницею въ нашихъ распряхъ. Думаю, что Екатерина II сама попала въ немилость къ бернцамъ за то, что выслушала такое якобинское предложеніе. Императрица убѣдилась въ совершенной моей правотѣ, выразила свое неудовольствіе всѣмъ тѣмъ, которые вмѣшива-

лись въ эту интригу, и потребовала отъ меня одного, чтобы я не принималъ участія въ швейцарскихъ дѣлахъ, пока я остаюсь въ ея службѣ. Между тѣмъ эмигранты продолжали свои противъ меня козни, и извѣстныя газеты припутывали мое имя къ тогдашнимъ политическимъ событіямъ, хитрость, вѣрно рассчитанная, ибо французы начинали уже принимать тѣ отчаянныя мѣры, которыя надѣлали столько зла и уничтожили всякое довѣріе къ ихъ правому дѣлу. Членовъ дипломатическаго корпуса не могло удовлетворить мое удаленіе отъ всякой политики: интриганамъ всегда бываетъ опасенъ человѣкъ независимый, выражающій съ мужествомъ истину всякій разъ, когда вызываютъ его мнѣнія. Злоба ихъ на меня оставалась, впрочемъ, безсильною до пріѣзда въ Петербургъ графа д'Артуа (Карла X). Тогдашнія событія были благоприятны врагамъ принциповъ французской революціи. Баронъ де Ролль, патрицій изъ Солотурна, сопровождавшій принца, этимъ воспользовался, и я снова сдѣлался опаснымъ. Предположено было отъ меня избавиться при обрученіи нынѣшняго государя. Всѣ лица, находившіяся при великомъ князѣ Александрѣ, получили разныя награды, обыкновенно раздаваемыя при такихъ случаяхъ, одинъ я ничего не получилъ. Оскорбленный такою обидой, я нарочно старался съ большимъ рвеніемъ исполнять свой долгъ и твердо рѣшился не покидать его, если меня не выгонять. Обманутые въ своихъ предположеніяхъ интриганы добились, однако, того, что одинъ изъ министровъ императрицы предупредилъ меня, что императрица какъ будто желаетъ, чтобы я оставилъ свое мѣсто за награжденіе, которое я самъ долженъ былъ назначить. Такого рода повелѣніе могло быть передано мнѣ только моимъ непосредствен-

нымъ начальникомъ, т.-е. главнымъ воспитателемъ великихъ князей, графомъ Николаемъ Ивановичемъ Салтыковымъ, и я понялъ, что интриганы разсчитывали на какую-нибудь съ моей стороны неловкость. Объяснивъ моему начальнику все, что со мной происходило, и представивъ ему на бумагѣ мое безукоризненное поведеніе и всю мою службу, я просилъ его представить императрицѣ: 1) что такъ какъ она желаетъ моего удаленія, я повинуюсь; 2) что мнѣ невозможно согласиться на предлагаемое мнѣ почетное условіе, которымъ хотѣли прикрыть мою отставку; 3) что я прошу дозволенія остаться на нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ для устройства собственныхъ моихъ дѣлъ и, наконецъ, 4) что касается до вознагражденія, я не прошу его; я пришелъ ко двору бѣднякомъ,—писалъ я въ моемъ письмѣ,—но жилъ при немъ благодаря милостямъ ея величества съ почетнымъ приличіемъ; если мнѣ предстоитъ удалиться отъ двора такимъ же бѣднякомъ, я это сдѣлаю безъ ропота, безъ угрызенія совѣсти, съ той же честной душой, съ какой пришелъ, но съ уязвленнымъ сердцемъ. Напрасно было бы предполагать, что нужда можетъ заставить меня начать въ другомъ мѣстѣ новую карьеру, я отъ нея отказываюсь. Честь быть воспитателемъ великихъ князей російскихъ и воспоминаніе о томъ лестномъ для меня довѣріи, которымъ ея величество такъ долго награждала правдивость моихъ принциповъ и безукоризненность моего поведенія, слишкомъ достаточны, чтобы помочь мнѣ перенести самыя тягостныя лишенія. Рѣшеніе императрицей моей судьбы будетъ безъ сомнѣнія достойно ея великой души, и я всегда буду считать себя счастливымъ, что уплатилъ мой долгъ человечеству.

Послѣ этого письма 13-го іюня 1793 года я былъ призванъ императрицей, и въ продолженіе болѣе нежели 2-хъ-часовой аудіенціи предметы самые интересные были перебраны съ такою откровенностью, что воспоминаніе объ этомъ разговорѣ никогда не изгладится изъ моей памяти. Событія французской революціи не были забыты. Екатерина желала знать мое мнѣніе, ея собственное было то, что Франція погибла, я осмѣлился ей противорѣчить. Этого мало: убѣжденный въ томъ, что я долженъ, какъ человѣкъ, воспользоваться столь благопріятною минутою послужить великой идеѣ, я весь предался моему увлеченію и высказалъ всѣ мои убѣжденія. Императрица, глубоко пораженная, выразила мнѣ самымъ лестнымъ образомъ свое одобреніе. Такъ много наглецовъ хвалятся тѣмъ, чего не сдѣлали, что человѣку честному, который долго былъ жертвой клеветы, простительно высказывать и доказывать, что онъ въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ никогда не забывалъ своихъ принциповъ и не измѣнялъ истинѣ ко благу своихъ ближнихъ. Во дворцѣ многіе ожидали съ разными надеждами результата такой долгой аудіенціи; хотя она превзошла всѣ мои надежды, но говорить о ней самому было бы неприлично. Скоро сдѣлалась она предметомъ благопріятныхъ мнѣ различныхъ разговоровъ въ городѣ, и вѣроятно Екатерина отзывалась обо мнѣ очень милостиво, потому что моему вліянію на нее приписывали отмѣну данныхъ уже распоряженій относительно выступленія въ походъ войскъ, стоявшихъ въ Польшѣ, и присоединенія ихъ къ войску эмигрантовъ.

Это, конечно, не приобрѣло мнѣ друзей между агентами и защитниками эмиграціи. Какъ бы то ни было, такая переменѣна дала мнѣ спокойствіе на долгое время.

Вѣроятно, однако, интрига противъ меня возобновилась, и усталая Екатерина согласилась отставить меня, какъ камень преткновенія. Меня собственно предупредили бережно, благосклоннымъ предложеніемъ промедлить нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы имѣть время все покончить. Вѣроятно, все это могъ бы я измѣнить, если бы я захотѣлъ испросить новую аудіенцію, но я чувствовалъ утомленіе, необходимость жить въ климатѣ болѣе умѣренномъ и непреодолимое желаніе обнять моихъ старыхъ родителей и потому рѣшился ни о чемъ не просить. Данная мнѣ награда была ниже посредственной: богатый купецъ былъ бы щедрѣе, но я приобрѣлъ мою независимость и сверхъ того чувство, что я исполнилъ мой великій долгъ, какъ человѣкъ. Екатерина простилась со мной съ умиленіемъ, она почувствовала въ эти минуты, что была передо мной виновата, и я оставилъ ее, увѣренный въ ея уваженіи. Павелъ I, отличавшій меня постоянно, былъ такъ предубѣжденъ противъ меня, что всячески хотѣлъ помѣшать моему къ нему представленію. Опять, сильный моею правотою, я объявилъ рѣшительно, что не удалюсь отъ двора, съ нимъ не повидавшись. Онъ пригласилъ меня въ свой загородный Гатчинскій дворецъ, принялъ и обошелся со мною не только съ отличіемъ, но и съ искреннимъ радушіемъ. Я этимъ воспользовался, говорилъ съ нимъ откровенно, давалъ полезные совѣты и былъ имъ понятъ. Онъ благодарилъ меня съ такою искренностью чувства, что послѣднее наше свиданіе глубоко врѣзалось въ мое сердце. Я разстался съ грустью съ этимъ несчастнымъ принцемъ, который имѣлъ превосходныя качества и царствованіе котораго было такъ злополучно. Кто бы могъ тогда ожидать, что онъ лишитъ меня моей скром-

ной пенсіи, заслуженной 12-лѣтнимъ трудомъ, что онъ оставитъ меня жертвою всѣхъ ужасовъ нужды! И несмотря на все это повторяю, что этотъ человѣкъ, который будетъ строго осужденъ безпристрастнымъ потомствомъ, имѣлъ добрую душу и что въ немъ были зародыши всѣхъ добродѣтелей. Минута разлуки съ моими воспитанниками, особливо съ старшимъ, сильно ко мнѣ привязаннымъ, была мнѣ очень тяжела и при воспоминаніи о дняхъ 9 мая 1795 г. и марта 1802 года слезы навертываются у меня на глазахъ..У

Мирно проводить я и весело, но не шумно, остальные лѣтніе мѣсяцы и цѣлый сентябрь въ моемъ Лозанскомъ пансіонѣ. Всегда довольному малымъ, тамошняа жизнь была мнѣ по сердцу. Нравился мнѣ и отставной, въ рыжемъ парикѣ, пасторъ и вмѣстѣ какой-то науки профессоръ, нашъ хозяинъ, и славная его барыня съ зобомъ, и два ихъ сына, изъ которыхъ старшій, лѣтъ 16-ти, читалъ со мной иногда Горация и объяснялъ мнѣ, не послѣдному изъ юныхъ московскихъ студентовъ-латинистовъ, трудныя мѣста этого автора, хотя я былъ годами шестью его старше, что доказываетъ превосходство надъ нами, русскими студентами, учениковъ второстепенныхъ заведеній на западѣ, по крайней мѣрѣ, въ классическихъ языкахъ. Нравились мнѣ и три сестрицы дѣвѣнцы Chattelalain, да и жилъ я почти дружески все время съ прландцемъ Ридомъ и пріятельски съ остзейскими баронами.

Одинъ изъ послѣднихъ, баронъ Фирксъ, менѣе другихъ развитой, толстый, краснощекій, съ пламенно рыжими волосами, просилъ меня поучить его по-русски. Отъ нечего дѣлать я занялся съ нимъ чтеніемъ по-русски и предложилъ ему заниматься со мной этимъ дѣ-

ломъ сколько-нибудь основательно. Малому было лѣтъ за 20, но онъ объявилъ мнѣ, что желаніе его выучиться по-русски ограничивается немногимъ. У него было помѣстье на большой дорогѣ изъ Риги въ Митаву, на этомъ трактѣ держалъ онъ почтовую станцію, и ему хотѣлось усовершенствовать себя въ русской грамотѣ насколько нужно для объясненій съ курьерами, почталіонами и русскими проѣзжими. Когда передъ отѣздомъ кончили мы съ нимъ наши немудренныя занятія, онъ предложилъ, а потомъ и настоятельно требовалъ принять отъ него вознагражденіе за мои труды, я тоже вломился было въ амбіцію, и едва между нами не дошло до ссоры; по счастью была у меня лишняя недорогая золотая цѣпочка, которую отдалъ я ему въ обменъ за великолѣпную пенковую трубку. Прекративъ споръ о вознагражденіи, отправились мы съ нимъ пѣшкомъ по дорогѣ въ Веве, славно пообедали въ Cully либо Lutru и соблазнились созрѣвшимъ виноградомъ, котораго такъ много за стѣнами, рядомъ съ шоссе. Не подозрѣвая послѣдствій, мой баронъ перелѣзъ черезъ одну изъ этихъ невысокихъ стѣнъ и, перепрыгивая обратно съ добычей, былъ уловленъ за ногу хозяиномъ, либо сторожемъ. Ловецъ требовалъ 5 франковъ штрафа, грозилъ мировымъ судьей, нѣмецъ-аристократъ лѣзъ въ драку; я видѣлъ, что дѣло плохо, и вмѣсто прежнихъ 5 фр. заплатили мы 10, чтобы прекратить ссору и не доходить до суда.

Вскорѣ послѣ того завязалась было между мной и другимъ остзейцомъ, барономъ Ганомъ, ссора по крупнѣе. За плохимъ нашимъ пансіонскимъ обѣдомъ между старшимъ изъ братьевъ Гановъ и мной зашелъ какой-то живой разговоръ, который мнѣ не казался даже и споромъ.

Такъ какъ дѣло дошло теперь до нашихъ обѣдовъ, то не лишнее вставить тутъ прежде, какъ насъ тамъ кормили и поили. Общій утренній чай—еще порядочный, но вечеромъ—даже уже спитый и оставленный отъ утра въ чайникѣ. Сначала я стать было жаловаться на такой заведенный порядокъ, но видя, что это ни къ чему не ведетъ, въ дежурную мою недѣлю началъ великодушничать и къ вечернему чаю убѣдилъ молодую хозяйку, къ которой я былъ прикомандированъ, угощать всѣхъ моимъ собственнымъ, не говоря о томъ никому ни слова. Другого, кромѣ чая и кофе, утренняго завтрака не было. Къ пятому часу собиравались мы въ нашу застольную болѣе или менѣе усталые отъ ежедневныхъ прогулокъ либо верхомъ, либо въ лодкѣ по озеру, къ которому надо было спускаться по старой крутой дорогѣ къ Ouchy и, возвращаясь, всходить на ту же гору. За трапезой голоднымъ юношамъ послѣ жидкаго, какъ и теперь бываетъ въ пансіонахъ, супа первымъ блюдомъ предлагался непременно печеный картофель съ масломъ; это блюдо было для насъ *pièce de résistance*, имъ преимущественно утолялся нашъ юношескій голодъ; затѣмъ порядочная часть телятины или баранины, вволю сыру, разныхъ швейцарскихъ печенъевъ и домашняго, не поддѣльнаго, добраго вина сколько хочешь, хоть по бутылкѣ на брата. По воскресеньямъ бывали экстренныя угощенія отъ кого-нибудь изъ насъ, услужливыхъ юношей, въ разныхъ видахъ.

Итакъ, послѣ одного изъ такихъ умѣренныхъ обѣдовъ, ничего за собой не подозревая и не предвидя, ушелъ я курить въ свою комнату съ ирландцемъ Ридомъ. Черезъ часъ является ко мнѣ, постучавъ, Мейснеръ съ какимъ-то торжественно-озабоченнымъ ви-

домъ и, не садясь, сухо произноситъ: «Мнѣ нужно съ вами переговорить». — «Что такое? Г. Ридъ—мой пріятель, говорите при немъ». — «Я имѣю порученіе отъ старшаго Гана спросить васъ, почему вы, разговаривая съ нимъ за обѣдомъ, при всѣхъ нанесли ему оскорбленіе?» — «Сдѣлайте милость, какое? Я не понимаю». — «Вы позволили себѣ отвѣчать ему на весьма невинныя его слова: *cela n'est pas vrai*, и онъ считаетъ себя, какъ и слѣдуетъ, глубоко вами обиженнымъ и предлагаетъ вамъ черезъ меня или передъ нимъ извиниться или дать удовлетвореніе». — «Помилуйте, баронъ Мейснеръ, я никогда не думалъ оскорблять г. барона Гана. Слово это, можетъ-быть, у меня и вырвалось, чего я даже и не помню, и это лучше всего можетъ доказать вамъ, равно какъ и г. барону Гану, что я, если и сказалъ: *cela n'est pas vrai*, то такому возраженію съ моей стороны не придавалъ никакого значенія. Передавая мой отвѣтъ вашему пріятелю, добавьте, прошу васъ, что если подобнаго объясненія недостаточно, то я, конечно, готовъ дать г. барону Гану всякое удовлетвореніе. Надѣюсь, что г. Ридъ не откажется быть моимъ секундантомъ». — «Позвольте мнѣ, *monsieur de Sverbeieff*, прежде передать вашъ отвѣтъ г. барону Гану». — «Извольте».

Черезъ полчаса Мейснеръ къ намъ возвратился и отъ имени барона Гана спросилъ меня, согласенъ ли я буду повторить прежній мой отвѣтъ передъ всѣми присутствовавшими за обѣдомъ, разумѣется, кромѣ хозяевъ? Конечно согласенъ, какъ и на все то, что можетъ съ обѣихъ сторонъ послѣдовать далѣе. Всѣ мы собрались въ нашъ садикъ, объяснились очень миролюбиво и пошли въ ресторанъ запивать дуэль шампанскимъ.

Наша общая русская ненависть къ нѣмецкимъ и особенно къ остзейскимъ баронамъ никогда не доступна была моему пониманію. Да въ то время, въ первую половину 20 годовъ, она еще не доходила до теперешняго противъ нихъ раздраженія, хотя уже и тогда многіе завидовали нѣмцамъ въ ихъ успѣхахъ по службѣ. Я, напротивъ, всегда сходилъ съ ними пріятельски, всегда предпочиталъ ихъ холодную щекотливость въ обращеніи нашей русской безцеремонности и между молодыхъ людей короткости. Какъ часто слышатся у насъ въ разговорѣ выраженія: «неправда, вздоръ, пустяки», и никто изъ насъ не подумаетъ такими словами оскорбляться, а потому въ нашемъ обществѣ, которое можетъ назваться образованнымъ, и особливо въ обществѣ литераторовъ и ученыхъ, почти всегда неизбѣжно присутствуетъ дурной тонъ, дурное обращеніе. Требованіе отъ меня объясненія моихъ словъ: «Cela n'est pas vrai», было мнѣ урокомъ и дало мнѣ, наконецъ, привычку никого не оскорблять *подобными отвѣтами* и потому *никому не позволять съплать ихъ мнѣ*.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Московскіе пожары 1812 г. *).

Nous ne devons pas à notre patrie de trahir pour elle la vérité, nous ne lui devons pas de suivre ses caprices ni de nous convertir à la thèse qui réussit; nous lui devons de dire bien exactement ce que nous croyons la vérité.

Ernest Renan.

Желая передать замѣчанія мои о московскихъ пожарахъ, начавшихся въ самый первый день вступленія французовъ въ Москву, я обращаю вниманіе моихъ читателей на то всѣми забытое обстоятельство, что о причинахъ этихъ пожаровъ съ самаго ихъ начала составились два совершенно противоположныя мнѣнія, до сихъ поръ не сличенныя и не провѣренныя ни отечественной, ни европейской исторіей.

Основательное изученіе историческихъ событій ведетъ къ одному главному результату—безпристрастной провѣркѣ и оцѣнкѣ тѣхъ преданій, вѣрованій и убѣжденій, которыми живетъ человѣчество, видоизмѣняясь въ нихъ повременно, помѣстно и понародно. Въ массѣ умовъ, хотя образованныхъ, но поверхностныхъ, такое безпристрастіе можетъ быть причиной равнодушія, инди-

*) См. *Вѣстникъ Европы*, ноябрь, 1872.

ферентизма; зато когда сравнительная повѣрка времени и мѣста какой-либо эпохи или какого-либо отдѣльно взятаго историческаго событія разрабатывается и оживляется строгой критикой, тогда, послѣ многихъ трудныхъ ея опытовъ, наше пониманіе даннаго факта проясняется, и общественное о немъ мнѣніе, до того времени признаваемое окончательнымъ, подвергается, насколько прежде оно было основано на предубѣжденіяхъ, совершенному измѣненію. Это общее правило или, если угодно, это наше скромное замѣчаніе можно примѣнить и къ событію близкаго намъ времени, доселѣ понимаемаго нами ошибочно,—главному эпизоду нашей отечественной войны, истребленію Москвы въ 1812 году.

I.

Тяжелое время переживала наша древняя столица въ послѣдній лѣтній и осенній мѣсяцы 12 года. Данное Наполеону сраженіе подъ Смоленскомъ, за которымъ послѣдовали сдача города и отступленіе Барклая, возбудило повсемѣстный ропотъ. Въ это самое время отозванный изъ Молдавской арміи Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ былъ единогласно выбранъ петербургскимъ дворянствомъ главнымъ начальникомъ тамошняго ополченія. На его мѣсто назначенъ былъ адмиралъ Чичаговъ, которому дано было полномочіе заключить миръ съ Турціей, несмотря на то, что этотъ необходимый для Россіи миръ завоеванъ былъ Кутузовымъ, разбившимъ на голову великаго визири. Очевидно, что Кутузовъ былъ въ опалѣ у государя и въ то же время любимцемъ, если не народнымъ, то по крайней мѣрѣ петербургской публики: у насъ нерѣдко опала даетъ популярность,—и об-

ратно. Вскорѣ послѣ избранія Кутузова въ главные начальники ополченія постоянное отступленіе нашей арміи и неудачное сраженіе подъ Смоленскомъ озлобили всѣхъ противъ главнаго предводителя нашихъ войскъ, Барклая де-Толли, котораго не только въ Петербургѣ и въ Москвѣ, но даже въ самой арміи начали подозрѣвать въ измѣнѣ отечеству. Нѣсколько лицъ, занимавшихъ важнѣйшія государственныя должности, предстали предъ императоромъ Александромъ не столько съ просьбой, сколько съ настоятельнымъ требованіемъ назначить главнокомандующимъ всѣмъ арміями общественнаго избранника. Вся вина Барклая была въ его не русскомъ имени; его виолнѣ оправдала исторія, его воспѣлъ Пушкинъ. Государь, никогда лично не благоволившій Кутузову, а особливо съ несчастнаго Аустерлицкаго дѣла, отъ котораго всячески удерживалъ его послѣдній, вынужденъ былъ уступить требованію общества, и въ половинѣ августа новый вождь явился въ ряды мужественнаго, но пораженнаго уныніемъ войска и возбудилъ въ немъ прежнюю бодрость. Не даромъ Суворовъ умѣлъ цѣнить хитрый умъ Кутузова, выражаясь о немъ, что его и Рибасъ не обманетъ. Кутузовъ умѣлъ избрѣсти и воспользоваться всѣми средствами къ поддержанію духа въ арміи; онъ велѣлъ обносить по всѣмъ полкамъ вывезенную изъ Смоленска икону Божіей Матери и въ каждой дивизіи отправлять торжественное предъ Ней молебствіе. Онъ если не измыслилъ самъ, то по крайней мѣрѣ допустилъ напечатать въ извѣстіи о первомъ появленіи его въ рядахъ войска, что какой-то залетѣвшій очень кстати въ необычайную для него сторону орелъ парилъ надъ головой новаго главнокомандующаго. Не имѣя подъ руками источниковъ, не

могу сказать утвердительно, когда именно, до Бородинскаго ли сраженія или послѣ, Кутузовъ поручалъ Растопчину увѣрить московскихъ жителей, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ. Увѣренія эти однакоже не оправдались, надежды Растопчина, который порывался идти во главѣ всего московскаго населенія навстрѣчу приближавшагося къ столицѣ непріятеля, не сбылись, и Кутузовъ рѣшилъ судьбу столицы въ военномъ совѣтѣ въ деревнѣ Филяхъ, отдавъ приказаніе своей арміи пройти черезъ городъ и сдать его безъ боя непріятелю. Здѣсь нельзя не замѣтить весьма странное, чтобы не сказать болѣе, поведеніе въ этомъ совѣтѣ хитроумнаго Ермолова. Онъ подалъ голосъ не сдавать Москвы безъ рѣшительнаго сраженія не потому, чтобы самъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ, а напротивъ потому, что былъ увѣренъ въ невозможности дать подь Москвой сраженіе и въ то же время знать, что мнѣніе его большинствомъ голосовъ будетъ отвергнуто. Поводомъ же къ такому двучинному голосу было одно его желаніе приобрѣсть популярность; таково собственное признаніе Ермолова въ собственныхъ его «Запискахъ».

Нѣтъ нужды говорить о томъ, какъ послѣдовала сдача столицы, это всѣмъ извѣстно, равно какъ и то, что въ первую же ночь вступленія непріятеля Москва загорѣлась.

«Французы жгутъ Москву», съ ужасомъ завопили немногіе жители, не имѣвшіе никакихъ средствъ бѣжать изъ города. «Французы жгутъ Москву», повторяли окрестные жители съ говора москвичей, кое-какъ пробравшихся къ нимъ въ пригородныя слободы. Огромное зарево въ первую же ночь съ 2-го на 3-е сентября распространявшагося пожара давало знать за

200 почти верстъ отъ Москвы, что Москва горитъ, (я видѣлъ самъ 12-лѣтнимъ мальчикомъ это зарево въ Всенсѣ въ ночь съ 3-го на 4-е сентября), а народная молва распространила повсюду слухъ, что ее жгутъ французы. Вотъ гдѣ первое начало нашего всенароднаго преданія, что Москва сожжена была непріателемъ. Преданіе это перешло во всеобщее сознаніе тогдашняго поколѣнія и долго безъ всякаго колебанія въ немъ сохранялось; оно утверждалось документами государственнаго значенія; оно, наконецъ, освѣтилось нашимъ торжественнымъ молитвословіемъ. Мы и доселѣ ежегодно въ день Рождества Христова въ такихъ словахъ приносимъ наши благодарственныя молитвы за избавленіе отъ нашествія галловъ и съ ними двадесять языкъ:

«Ты глаголаѣ еси древле сыновомъ Израилевымъ, яко аще не послушаютъ гласа Твоего хранити и творити вся заповѣди Твоя, наведеши на нихъ языкъ безстуденъ лишемъ, иже сокрушитъ ихъ во градѣхъ ихъ, дондеже разорятся стѣны ихъ: и мы вѣдѣхомъ, яко прииде глаголѣ страшный сей на ны и на отцы наша... Но Ты, Господи Боже щедрый... ущедрилъ еси насъ. Призрѣлъ бо еси на скорбь нашу и на *потребленіе царствующаго града*, въ немже отъ лѣтъ древнихъ призвася имя Твое».

Такое торжественное и такъ часто повторяемое свидѣтельство того, что Москва сожжена была непріателемъ, даетъ намъ право сказать, что во всемъ русскомъ народѣ, по крайней мѣрѣ въ многочисленной его массѣ, не находилось тогда ни одного человѣка и не найдется много такихъ и теперь, которые на вопросъ о московскомъ пожарѣ 12 года дали бы отвѣтъ противный этому преданію. Поэты того времени, и во главѣ

ихъ Жуковскій, увѣковѣчили это преданіе въ своихъ пѣснопѣніяхъ. Вотъ стихи Жуковского изъ «Пѣвца въ Кремлѣ»:

Москва! они твоимъ стѣнамъ
Рекли: одѣньтесь въ пламень!

Тамъ же:

И за развалины Кремля
Парижу мзда—спасенье!

Ни одинъ изъ поэтовъ того времени не прославлялъ своихъ соотечественниковъ за избобрѣтенный уже вполсѣдствіи подвигъ самоотверженія. Совершивъ онъ на самомъ дѣлѣ, сколько восторженныхъ рѣчей и сколько одъ и пѣснопѣній перешло бы къ намъ на вѣчную память великой жертвы и во славу великихъ народныхъ жрецовъ!

2.

«L'incendie de Moscou a été conçu et préparé par le général gouverneur Rastopchine» — вотъ слова, напечатанные по повелѣнію Наполеона въ изданныхъ въ Москвѣ бюллетеняхъ французской арміи отъ 7/19 сентября и въ слѣдующихъ до 12/24 включительно. Допустимъ, что обвинять Растопчина въ преднамѣренномъ пожарѣ съ перваго раза Наполеонъ могъ по одной вѣроятности подобнаго предположенія, не имѣя на то никакихъ ясныхъ доказательствъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ допустимъ и то, что для Наполеона и интересовъ всей его политики обвинять Растопчина и русскихъ въ пожарѣ было весьма выгодно. Вступая въ Москву, онъ ожидалъ торжественной встрѣчи отъ ея жителей и отъ тѣхъ лицъ, на которыхъ возложено было или которыя сами взяли на себя управленіе города. Никакой встрѣчи ему не было, никакая депутація ему не пред-

ставлялась. Наполеонъ надѣялся найти въ обширномъ городѣ себѣ и многочисленной своей арміи нѣсколько дней отдыха самаго удобнаго и обезпеченіе всѣми возможными запасами продовольствія,—и вмѣсто того нашелъ на другой же день по своемъ вступленіи одно разореніе, отнимавшее у него всякую возможность существовать сколько-нибудь безопасно въ опустошаемомъ городѣ. Наполеонъ ожидалъ предложеній заключить миръ, мечтая, что императоръ Александръ и его народъ, пораженные ужасомъ, будутъ униженно просить побѣдителя о прекращеніи военныхъ дѣйствій и согласятся уступить польскія провинціи или по крайней мѣрѣ часть ихъ, но его не только не просили о мирѣ, но съ негодованіемъ отвергли собственныя его къ тому попытки. Факты, принятые Наполеономъ за основаніе къ обвиненію Растопчина въ преднамѣренномъ зажигательствѣ столицы, были слѣдующіе: 1) Истребленіе на баркахъ подъ Симоновымъ монастыремъ хлѣбныхъ запасовъ, а равно соломы и сѣна; это было дѣйствительно сдѣлано по распоряженію Растопчина, какъ скоро онъ извѣщенъ былъ о неминуемой сдачѣ города. Послѣдующія затѣмъ два обстоятельства, служившія Наполеону доказательствами, объясняются вполне. 2) Вывозъ изъ города пожарной городской команды со всѣми ея орудіями и прислугой. 3) Распущеніе изъ мѣстъ заключенія всѣхъ арестантовъ. Послѣднія два обстоятельства случились очень просто. Когда московскій оберъ-полицеймейстеръ Ивашкинъ вмѣстѣ съ брандъ-майоромъ спрашивали у главнокомандующаго приказанія, что нужно дѣлать съ полиціей вообще и всею ея пожарной частью, Растопчинъ отвѣчалъ: «Пожарная команда и ея орудія принадлежатъ казнѣ; у васъ есть собственныя лошади, поса-

дите людей и везите все вонъ изъ города», т.-е. по Владимірской дорогѣ, по которой отправлялось всякое казенное имущество въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Подобный отвѣтъ данъ былъ и московскому коменданту относительно гарнизона, или внутренней стражи, охранявшей городъ, тюрьмы и острогъ. «Гарнизонъ развѣ не войско? Теперь нуженъ каждый солдатъ и каждое ружье со штыкомъ. Отправьте, куда слѣдуемъ мы всѣ, оставляя Москву».

— А колодники? — «Пусть остаются».

Очень понятно, что Наполеону, привыкшему забирать города и столицы, въ которыхъ не прерывалось никакое внутреннее городское управленіе и оставался налицо весь правильный составъ онаго, такія распоряженія казались преднамѣренно принятыми для уничтоженія города. Но въ такомъ видѣ вся наша борьба съ нимъ, бывшая до самой Москвы однимъ отступленіемъ, представляла одно опустошеніе городовъ и селъ; по крайней мѣрѣ такъ было съ той поры, когда непріятель сдѣлалъ первый шагъ на истинно-русскую почву. Такъ же съ своей стороны дѣйствовалъ и Растопчинъ, нисколько не озабочиваясь тѣмъ, чтобы въ городѣ, брошенномъ на жертву непріятелю, сохранился какой-либо порядокъ, обезпечивающій безопасность и спокойствіе жителей. Въ послѣдніе дни своего начальства онъ самъ, узнавъ рѣшеніе военнаго совѣта, предлагать всѣмъ и каждому оставить городъ, тогда какъ съ самаго начала войны до рѣшенія, принятаго совѣтомъ, онъ убѣждалъ cadaго изъ жителей, способнаго владѣть оружіемъ, не оставлять городъ и быть готовымъ на его защиту. Самый приказъ Кутузова — проходить Москву безъ сопротивленія — былъ для него неожиданнымъ ударомъ. Въ донесеніяхъ къ государю

и письмахъ къ князю Багратиону Растопчинъ жаловался на Кутузова, что онъ прежде совѣмъ не предупреждать его о возможности отдать столицу непріятелю. По всему видно, что Растопчинъ находился въ крайне раздраженномъ состояніи и этимъ только можно оправдывать послѣднее дѣйствіе его власти, казнь Верещагина. Могъ ли онъ, находясь въ такомъ расположеніи, рѣшиться на такой отчаянный поступокъ, на сожженіе столицы, и имѣть достаточно времени, чтобы сдѣлать нужныя на то распоряженія? Кому же, наконецъ, изъ своихъ подчиненныхъ или людей ему близкихъ, какимъ тайнымъ пособникамъ, никому не вѣдомымъ и доселѣ никѣмъ не открытымъ, рѣшился онъ ввѣрить свои замыслы? Нечего и говорить о томъ, что онъ не имѣлъ разрѣшенія на такой отчаянный поступокъ отъ самого государя, объ этомъ никто и не мыслилъ.

Подъ конецъ 12-го года къ праздникамъ Рождества и новаго 13 г. исполнился обѣтъ императора Александра, данный имъ Россіи при вторженіи непріятеля: «Я не положу оружія моего,—говорилъ государь въ первомъ манифестѣ о началѣ военныхъ дѣйствій,—доколѣ хотя одинъ непріятельскій воинъ останется въ предѣлахъ Россіи». Непріятельскихъ воиновъ осталось на землѣ Русской, можетъ быть, цѣлая сотня тысячъ, но эти тысячи были или плѣнные или трупы. Наше войско переходило русскую границу за бѣгущимъ въ совершенномъ разстройствѣ непріятелемъ, чтобы освободить отъ Наполеона Германію и даровать миръ Европѣ. Тогда не время было думать и препираться о томъ, кто былъ причиною истребленія Москвы, кто сжегъ ее: Наполеонъ ли, удалившійся изъ Москвы, оставляя ненавистную ему столицу, въ варварскомъ,

ничѣмъ не оправдываемомъ мнѣніи, велѣлъ подорвать древнія стѣны Кремля, или Растопчинъ, удалившійся изъ Москвы и собственными руками зажегшій великолѣпныя палаты въ подмосковномъ своемъ селѣ Вороновѣ. Такъ весь этотъ вопросъ проходилъ въ совершенномъ молчаніи до самаго сверженія Наполеона и реставраціи Бурбоновъ. Любопытно бы было доискаться, гдѣ и кѣмъ именно задача эта была предложена или рѣшена окончательно. Вѣроятно, въ началѣ 20-хъ годовъ толки объ этомъ вопросѣ стали до того уже сильно распространяться, что они принудили Растопчина, жившаго тогда въ Парижѣ и находившагося тогда въ опалѣ (не за сожженіе однако же Москвы, котораго у насъ ему не приписывали, а за казнь Верещагина), напечатать небольшую свою брошюрку: «*La vérité sur l'incendie de Moscou*», которую онъ началъ слѣдующими словами: «*Ennuyé d'entendre débiter la même fable, je vais faire parler la vérité*».

Казалось бы, что послѣ такого рѣзкаго отреченія Растопчина отъ возводимаго на него подвига, послѣ такого искренняго и вмѣстѣ насмѣшливаго на то негодованія съ первыхъ строкъ его знаменитой брошюры, послѣ всѣхъ приведенныхъ имъ въ ней доказательствъ, что онъ никогда не замышлялъ сожженія Москвы, современники и потомство оставятъ его память въ покоѣ и перестанутъ прославлять его имя небывалымъ подвигомъ. Напротивъ того, чѣмъ болѣе отдалялась отъ насъ знаменитая эпоха, тѣмъ упорнѣе стали мы писать, печатать и проповѣдывать, что Москву сжегъ Растопчинъ, что Москву сожгли русскіе. Общественное мнѣніе объ этомъ вопросѣ совершенно измѣнилось, по крайней мѣрѣ въ мыслящей публикѣ,—говорю въ публикѣ потому, что мыслящее общество

такъ не велико въ сравненіи съ массой, что я считаю не лишнимъ какимъ-нибудь выраженіемъ указать на эту малую толику. Мыслящая русская публика нашла приличнымъ возвести этотъ вопросъ до апогея патріотическаго самоотверженія и ухватила за него весьма ловко, — я даже подозреваю болѣе ловко, чѣмъ искренно, — съ тѣхъ самыхъ поръ, когда иностранная пресса и тамошнее вполнѣ общественное мнѣніе массы съ германскимъ примодушіемъ, съ великобританскимъ политическимъ расчетомъ, съ французскимъ противъ насъ ожесточеніемъ въ партіи бонапартистовъ начало приписывать намъ такое великое дѣло. Такъ продолжаютъ и до сихъ поръ. На-дняхъ въ небольшомъ городкѣ небольшой Швейцаріи читалось въ журналѣ, издаваемомъ въ Веве, имя Растопчина, какъ сожигателя Москвы, по случаю изданной дочерью его, графиней Сегюръ, какой-то дѣтской книжки. Въ тотъ же день прочли мы примѣчаніе многоуважаемаго издателя «Русскаго Архива» при напечатанной имъ статьѣ «Разсказы московскихъ французовъ о 12-мъ годѣ» въ № 9, гдѣ къ изумленію нашему у него сказано:

«Такъ обыкновенно объясняютъ происхожденіе Растопчинской книги; но кто внимательно читалъ ее, тотъ можетъ убѣдиться, что Растопчинъ только приписываетъ честь высокаго самопожертвованія не одному себѣ, но всему русскому народу. Онъ отрицаетъ только послѣдовательныя и преднамѣренныя правительственныя распоряженія о сожженіи Москвы».

Мы давно уже привыкли ко всѣмъ возможнымъ и невозможнымъ колѣнопреклоненіямъ предъ величіемъ и чуть-чуть не верховенствомъ русскаго народа, но, признаемся, никакъ не ожидали встрѣтить такое суетвѣрное обожаніе въ безпристрастномъ и умѣренномъ

П. И. Бартеневъ. По словамъ его, Растопчинъ желаетъ раздѣлить ему приписываемую честь высокаго самопожертвованія со всѣмъ русскимъ народомъ. «Со всѣмъ народомъ» — это выраженіе не слишкомъ ли общее: костромичъ, архангелогородецъ, пермякъ и т. д. очевидно никакъ не могли въ немъ участвовать. Кто же могъ? Опять-таки, очевидно, москвичи. Кто же были москвичи, оставшіеся въ городѣ? По разнорѣчивымъ современнымъ сказаніямъ оставалось ихъ отъ 5-ти до 15-ти тысячъ. По тѣмъ же преданіямъ мы знаемъ, что немногіе русскіе, сколько-нибудь мыслящіе и грамотные, или всячески старались спастись во время пребыванія непріятеля или вынуждены были имъ принять участіе въ учрежденномъ тогда французами городскомъ управленіи и за то преданы были впослѣдствіи суду русскимъ правительствомъ и, слава Богу, прощены. Итакъ, зажигателями могла быть застигнутая бѣдою московская чернь, а главными предполагаемыми подвижниками—тѣ самые колодники и острожники, которыхъ будто бы съ намѣреніемъ для исполненія своего замысла оставилъ Растопчинъ безъ всякаго караула. Мудрено согласить такое предположеніе о Растопчинѣ; не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы хотя на минуту остановиться на мысли раздѣлять честь своего подвига съ подобною сволочью. Мнѣ совѣстно къ такимъ, по моему мнѣнію, неоспоримымъ и какъ бы слишкомъ крупнымъ доказательствамъ присоединять мои отроческія воспоминанія. Я уже сказалъ въ моихъ «Запискахъ», что до 1-го сентября 12-го года дядя мой, губернаторъ Обресковъ, постоянно писалъ къ моему отцу, чтобы онъ былъ спокоенъ и ничего не предпринималъ для спасенія имущества въ нашемъ московскомъ домѣ. Такъ же спокойно жилъ

самъ Обресковъ съ семействомъ въ городѣ до того времени, увѣренный, что и у нихъ въ домѣ не будетъ никакого отъ непріятелей расхищенія. Только 1-го сентября пришло намъ извѣстіе съ совѣтомъ бѣжать изъ подмосковной, и мы отъ пожаровъ лишились всего, что у насъ было; то же было и съ Обресковымъ, то же было и съ самимъ Растопчиннымъ. Я имѣю полное право думать, что, если бы Растопчинъ хотѣлъ сжечь Москву, онъ бы предупредилъ своего пріятеля Обрескова, и тотъ что-нибудь да спасъ бы изъ своего имущества и, вѣроятно, посоветовалъ бы и намъ распорядиться подобнымъ образомъ. Я имѣю еще большее право думать, объясняя себѣ по своему историческій характеръ Растопчина, что если бы онъ сдѣлалъ какія-либо распоряженія о сожженіи Москвы, то собственный его великолѣпный на Лубянкѣ домъ загорѣлся бы первый, а онъ остался цѣлымъ и такъ недавно, къ сожалѣнію, испорченъ г. Шиповымъ.

Въ заключеніе нашихъ опроверженій, крупныхъ и мелкихъ, приведемъ теперь выписки изъ Исторіи войны 12-го года, изданной по Высочайшему повелѣнію генераломъ Богдановичемъ въ 1859 г.: «Обрекая Москву на жертву пламени, Растопчинъ навлекалъ на себя тяжкую отвѣтственность, потому что не имѣлъ на то повелѣнія отъ благодушнаго государя. Невозможно предположить, чтобы жители такого обширнаго города условились между собою сжечь свои дома; если же на это рѣшились только немногіе, то выказывать пожаръ Москвы въ видѣ гибели Сагунта столь же нелѣпо, сколько приписывать его жестокости Наполеона и буйству его войска. Изъ всего сказаннаго о пожарѣ Москвы очевидно, что главнымъ, или по крайней мѣрѣ первымъ виновникомъ его былъ графъ Растоп-

чинъ, хотя онъ отъ сего отказался, потому что, живя въ Парижѣ, не хотѣлъ прослыть тамъ грубымъ скиномъ». Предоставляю каждому оцѣнить такую шаткость понятій и историческихъ убѣжденій полуофициальнаго нашего историка 1812 года. Растопчинъ то боялся отвѣтственности передъ государемъ, тотъ Растопчинъ, который не дрожалъ даже передъ Павломъ; то боялся прослыть грубымъ скиномъ у французовъ, тотъ Растопчинъ, который жилъ въ Парижѣ при Людовикѣ XVIII, въ обществѣ самыхъ жаркихъ роялистовъ, придворныхъ и вообще всѣхъ знатныхъ того времени, которые, торжествуя возвращеніе Бурбоновъ, готовы были носить Растопчина на рукахъ.

Основываясь на этомъ историкѣ, мы сказали выше, что въ городѣ могло оставаться во время французовъ до 15,000 жителей, т.-е. гораздо менѣе десятой части всѣхъ ея жителей. Въ этомъ небольшомъ числѣ укрывалось одно общество, обладавшее до излишества всѣми земными благами и имѣвшее притязанія содержать во всей полнотѣ среди себя и всю благодать духовную. Если бы къ нимъ помыслилъ обратиться гр. Растопчинъ, чтобы сдѣлать ихъ орудіями очистительной и спасительной жертвы за святую Русь, то въ ихъ ревности о домѣ Пресвятой Троицы не могло бы возникнуть никакого сомнѣнія. Не разъ случалось имъ въ продолженіе цѣлаго ряда вѣковъ, какъ прошедшихъ, такъ и настоящаго, предавать пламени не только свои жилища, но и собственную жизнь, дабы спасти себя отъ пламени геенскаго. Но и къ нимъ не могъ бы отнестись Растопчинъ съ подобнымъ предложеніемъ, какъ къ сектаторамъ, произнесшимъ анаѹему на весь государственный строй Россійской имперіи. Читатели угадаютъ, что я подразумѣваю старообряд-

цевъ, которыхъ съ нѣкотораго времени стали прославлять во всеуслышаніе, къ которымъ обращаются съ такой симпатіей всѣ наши поклонники, не по разуму, величія и верховенства русскаго народа. Въ нихъ видятъ послѣдніе постоянно живущій протестъ противъ Петровской реформы и всѣхъ ея послѣдствій, главную, единственную причину, во имя которой люди науки, quand même, прощаютъ имъ всякое обезображеніе всѣхъ разумныхъ началъ человѣчества. Московскіе старообрядцы и въ этомъ случаѣ держали себя въ сторонѣ и на виду всѣхъ прочихъ жителей, къ наставленію современниковъ и потомства, поступили иначе. Они выслали къ Наполеону депутацію съ изъявленіемъ ему своей всесовершенной покорности и выпросили у него къ постояннымъ убѣжищамъ своимъ на отдаленныхъ кладбищахъ Москвы стражу для охраненія себя отъ грабителей своихъ и чужихъ, для спасенія отъ расхищенія тѣхъ сокровищъ, преимущественно церковныхъ, которыя тамъ у нихъ издавна сохранялись. Сказываютъ, что общество это не погнушалось увеличеніемъ своихъ церковныхъ сокровищъ во все это время поруганія и опустошенія московской святыни (французамъ, и что число ихъ богатствъ, состоящихъ въ древней церковной утвари и иконахъ съ многоцѣнными окладами, послѣ бѣгства непріятеля изъ столицы значительно увеличилось. Когда порялокъ въ столицѣ водворился по возвращеніи въ нее нашего начальства, тѣхъ, которые вынуждены были принять на себя какія-нибудь городскія обязанности во время пребыванія непріятеля, предали суду, старообрядцевъ же не коснулись. Вѣроятно, такая странная безнаказанность куплена была ими золотомъ (теперь закупаютъ они часть мыслящей нашей публики какими-то другими средствами).

Мы опасаемся, что и отреченіе Растопчина, и шаткость мнѣнія о причинахъ пожаровъ, указанная нами въ исторіи 12 г., а еще менѣе то, что сами мы изложили въ доказательство нашихъ убѣжденій, не могутъ достаточно измѣнить той, заданной напередъ мысли о нашемъ самопожертвованіи, которою ублаживаетъ себя современный нашъ патріотизмъ. Мало того, мы почти увѣрены, что самая эта статейка и, чего Боже сохрани, ея составитель подвергнутся всеобщему негодованію. Но — *amicus Plato, amicus Aristoteles, sed magis amica veritas*, иначе: «Варвара мнѣ тетка, а правда мнѣ мать», и я, предаваясь отчаянію въ успѣхъ моей правды, берусь за послѣднія оружія. Никакой современный швейцарецъ, получившій сколько-нибудь серьезное воспитаніе, не отстаиваетъ легенды о Вильгельмѣ Теллѣ, хотя мѣста, освященные этимъ великимъ именемъ, украшаются древними часовнями и другими памятниками. Никто, однако, не станетъ обвинять швейцарцевъ въ недостаткѣ любви къ отечеству. Далѣе спрашиваю отстаивающихъ *с'ôte que s'ôte* за нами великій подвигъ, кто же были его подвижники? Изобрѣтенный ихъ вождь отъ него отрекся; какъ же въ теченіе 50 лѣтъ не явился хотя бы одинъ изъ второстепенныхъ подвижниковъ за полученіемъ вѣнца славы? Намъ, русскихъ, несправедливо было бы упрекать въ подобной скромности: по временамъ участвуя въ подвигахъ другого рода, не всегда оправдываемыхъ религіей и строгою нравственностью, мы и тогда не отличались особенною застѣнчивостью и брезгливостью.

Я считаю теперь себя обязаннымъ упомянуть здѣсь о томъ загадочномъ шарѣ, который еще съ іюня 1812 года изготовлялся подъ Москвой иностранцемъ Шмид-

томъ и который послужилъ доказательствомъ сожже-
нія Москвы Растопчинимъ всѣмъ сторонникамъ этого
мнѣнія. На моей совѣсти лежитъ совершенная утрата
для потомства двухъ замѣчательныхъ документовъ по
этому случаю. Въ концѣ 1817 года бывшій въ это
время губернаторомъ Москвы Обресковъ умеръ въ от-
пуску, съ сохраненіемъ званія сенатора, въ симбирской
своей деревнѣ, селѣ Никольскомъ, нынѣ принадлежа-
щемъ графу Солмогубу. Въ декабрѣ этого же года,
вскорѣ послѣ смерти Обрескова, ѣздилъ я навѣстить
его сестеръ, моихъ родныхъ тетокъ, и съ ихъ дозво-
ленія разбиралъ бумажны умершаго. Въ нихъ нашлись
два собственноручные къ нему рескрипта императора
Александра изъ Вильны; первый—отъ начала іюня, вто-
рой, кажется, черезъ мѣсяцъ, чиселъ не упомню. Я не
имѣлъ никакого права взять ихъ къ себѣ, не будучи
прямымъ наслѣдникомъ (у него были и другіе пле-
мянники того же имени), но могъ бы, конечно, спи-
сать ихъ—и увы!—по разсѣянію этого не сдѣлать. Такъ
они исчезли безвозвратно. Какъ теперь гляжу я на
эти драгоценные два листка весьма плохой, уже по-
желтѣвшей почтовой въ золотомъ обрѣзѣ бумажны и
отвѣчаю честнымъ словомъ за подлинный смыслъ ихъ
содержанія. Оба рескрипта писаны и подписаны были
четкой, красивой рукой государя; на сохранившихся
обоихъ пакетахъ и въ началѣ самыхъ писемъ его же
рукой выставлено было: *Секретно*.

1-е. «Николай Васильевичъ!»

«Вручитель этого, иностранецъ Шмидтъ, объявить
вамъ причину, по которой посылается мною въ Мо-
скву. Храните ее подъ завѣсой непроницаемой тайны
не только отъ московскихъ жителей, но и отъ глав-

покомандующаго фельдмаршала графа Гудовича. Помѣстите Шмидта гдѣ-нибудь около Москвы и дайте всѣ средства къ исполненію его предпріятія. Пребыванію его у васъ дайте предлогомъ фабрикацію земледѣльческихъ орудій или чего другого. Всѣ сношенія со мною лично по этому предмету ведите черезъ оберъ-госмаршала гр. Николая Александровича Толстого, адресуя ваше ко мнѣ донесеніе на его имя.»

2-е. «Николай Васильевичъ!»

«Назначивъ главнокомандующимъ Москвы гр. Растропчина, предписываю вамъ сообщить ему объ иностранцѣ Шмидтѣ и передать весь ходъ дѣла, черезъ васъ ему порученнаго.»

Иностранецъ Шмидтъ лѣтомъ 12-го года жилъ за Симоновымъ монастыремъ, въ Тюфелевой рошѣ. По сожженіи Москвы начали иные говорить, будто Шмидтъ приготовлялъ горючіе матеріалы. Растропчинъ въ своихъ афишкахъ народу объявлялъ за нѣсколько дней до сдачи города, что будетъ пущенъ шаръ на гибель злодѣя. Можно предположить, что онъ назначался для того, чтобы наблюдать съ высоты за расположеніями или дѣйствіями непріятеля. Извѣстно, что Наполеонъ, находясь въ Булонскомъ лагерѣ, откуда онъ готовилъ высадку въ Англію, имѣлъ у себя шары подобнаго рода для той же цѣли. Предоставляю другимъ разъяснить, почему еще въ самомъ началѣ кампаніи шаръ этотъ приказано было изготовлять въ Москвѣ. Неужели съ того самаго времени предполагалась уже возможность Наполеону приблизиться къ столицѣ? Мудрено также объяснить строгое повелѣніе губернатору хранить такую тайну отъ начальника столицы. Изъ статьи, помѣщенной въ № 10 «Русскаго Архива»

за 1869 годъ, подъ заглавіемъ «Воспоминанія о селѣ Грузинѣ», къ удивленію видно, что вліятельнѣйшій человѣкъ этой эпохи судилъ объ этомъ шарѣ, какъ о бесполезномъ изобрѣтеніи, съ единственною цѣлю занять въ тревожное время умы народные. Нахожу не лишнимъ привести замѣчанія графа Аракчеева въ подлинникѣ:

«Въ 1812 г., когда Наполеонъ приближался къ Москвѣ, и страхъ былъ всеобщій, императоръ Александръ мнѣ сказалъ: «Ко мнѣ явился нѣкто, предлагающій вылить пули, навѣрно попадающія, дай ему средства дѣломъ заняться». Я, осмотрѣвъ пулю, позволилъ себѣ сказать: вы вѣрно хотите похристосоваться съ вашею арміею и подарить каждому солдату по чугунному яйцу? Повѣрьте, государь, этотъ изобрѣтатель обманщикъ; пуля по своей формѣ далеко и мѣтко летѣть не можетъ. На это императоръ мнѣ сказалъ: «Ты глупъ». Я замолчалъ, далъ прожектору что-то дѣлать и забылъ о томъ. Вскорѣ затѣмъ императоръ вновь меня призвалъ и сказалъ: «Явился человѣкъ, который хочетъ строить воздушный шаръ, откуда можно будетъ видѣть всю армію Наполеона, отведи ему близъ Москвы удобное мѣсто и дай средства къ работѣ». Я вновь позволилъ себѣ сдѣлать возраженіе о нецѣлости дѣла и вновь получилъ въ отвѣтъ: «Ты глупъ».

✱Прошло немного времени, какъ мнѣ донесли, что изобрѣтатель шара бѣжалъ съ довольнымъ лицомъ; предсталъ я предъ императоромъ и донесъ о случившемся; но каково было мое удивленіе, когда императоръ съ улыбкой сказалъ мнѣ: «Ты глупъ».

✱Для народа такія мѣры въ извѣстныхъ случаяхъ нужны, такія выдумки успокаиваютъ легковѣрную толпу хотя на малое время, когда нѣтъ средствъ отвратить бѣду. Народъ тогда

толпами ходить изъ Москвы на разстояніе 7 верстъ къ тому мѣсту, гдѣ готовился шаръ. Это было на уединенной дачѣ, окруженной заборомъ, куда внутрь никого не пускали, но народъ, возвращаясь домой, рассказывать, что видѣлъ своими глазами, какъ готовится шаръ на вѣрную гибель врага, и тѣмъ довольствовался».

3.

Но вѣдь Москва въ 12-мъ году горѣла? кто-нибудь сжегъ ее? Отвѣтъ предлагается слѣдующій и, по нашему убѣжденію, единственно возможный: не мы, русскіе, и не они, французы, задуманно и заранѣе преднамѣренно; и мы, русскіе, т.-е. оставшіеся во время непріятеля въ Москвѣ, и они, французы, т.-е. всѣ галлы и всѣ ихъ двадцать языкъ, тѣ и другіе, но не задуманно и не заранѣе намѣренно. Можетъ быть, въ рѣдкихъ случаяхъ и были между зажигателями русскіе по чувству ненависти къ врагу и изъ мщенія за жестокое съ ними обращеніе непріятеля. Но главнѣйшею причиною пожаровъ было отсутствіе всякой дисциплины въ непріятельскомъ войскѣ и всякаго порядка между кочующими по городу толпами жителей. Вспомнимъ, что въ этихъ толпахъ были колодники, не замедлившіе выйти изъ мѣстъ заключенія, какъ скоро оставилъ ихъ караулъ, что всѣ кабаки были тотчасъ разбиты, и народъ предавался пьянству. Что же касается до обращенія съ жителями непріятельскаго войска, то вотъ слова очевидца: «на улицахъ можно было встрѣтить только военныхъ, которые слонялись, разбивая окна, двери, погреба и магазины. Жители прятались и позволяли себя грабить первому нападавшему на нихъ. Всего ужаснѣе былъ тотъ систе-

матическій порядокъ, который почти нужнымъ завести при дозволѣніи грабежа, давали его послѣдовательно всѣмъ полкамъ арміи (странное распоряженіе, но какъ видно необходимое, чтобы самому безпорядку дать какую-нибудь послѣдовательность). *Первый день грабежа данъ былъ старой императорской гвардіи. слѣдующій—молодой гвардіи, за нею корпусу маршала Даву. Всѣ войска, стоявшія около города, по очереди приходили обыскивать насъ и, можете судить, какъ трудно было удовлетворить послѣднихъ. Этотъ порядокъ (порядокъ?!) продолжался 8 дней почти безъ перерыва. Нельзя себѣ объяснить жадности этихъ негодяевъ иначе, какъ зная собственное ихъ бѣдственное положеніе; безъ панталонъ, безъ башмаковъ, въ лохмотьяхъ—вотъ каковы были солдаты, не принадлежавшіе къ императорской гвардіи; ихъ можно было узнать развѣ только по оружію. Офицеры дѣлали то же: выходя изъ дома въ домъ, болѣе совѣстные опустошали свои квартиры, даже генералы заставляли выносить всюду вещи, которыя для нихъ годились, и перемѣняли квартиры, чтобы грабить въ новыхъ своихъ жилищахъ.

Не должно ли будетъ согласиться, что Москвѣ труднѣе было уцѣлѣть, нежели сгорѣть при такихъ ужасныхъ безпорядкахъ, продолжавшихся не день, не два, а цѣлую недѣлю. Повторимъ сказанное, что въ ней никакого городского управленія не было: не было никакой полиціи, не было ни одного гасительнаго орудія, и что всего болѣе повело къ пожарамъ и къ грабежу, не было рѣшительно никакой дисциплины въ непріятельскомъ войскѣ. Установленный порядокъ въ грабежѣ не есть ли неопровержимое тому доказательство? Много способствовали распространенію пожаровъ

долговременная засуха, стоявшая тогда въ Москвѣ почти до 1-го октябрю, и необыкновенно теплые дни въ началѣ этой осени. Горькимъ опытомъ знаемъ мы, какъ легко загораются и какъ часто выгораютъ наши деревни и города въ лѣтнія засухи; знаемъ также, что ни одинъ сколько-нибудь значительный пожаръ не проходитъ безъ того, чтобы причину онаго не сваливали на какое-нибудь злоумышленное зажигательство. Со времени перваго польскаго мятежа до нашего времени въ народномъ мнѣніи, въ прессѣ, а иногда и въ средѣ самого правительства, роль зажигателей представлялась обыкновенно полякамъ. Въ 1834 г. говорилось, что они зажигали одновременно Москву и Тулу, въ 1839 г. цѣлые города и деревни въ Симбирской губерніи. Въ началѣ 40 годовъ, когда выгорѣла половина Костромы, тамошнимъ губернаторомъ взяты были подъ стражу нѣсколько человѣкъ поляковъ, которые въ послѣдствіи по суду оправданы. Большой петербургскій пожаръ 1862 г., такъ напугавшій всѣхъ жителей столицы, приписанъ былъ также злоумышленникамъ, и тоже полякамъ, вперемѣшку съ тогдашними нигилистами. Слѣдствіе самое строгое ничего не открыло. О симбирскомъ пожарѣ было по слѣдствію почти доказано, что поджигателями были нижніе чины какого-то полка, кажется Угличскаго, и что на это злодѣяніе подкупалъ ихъ полковой командиръ, котораго изъ православнаго и русскаго обратили въ поляка и католика. Его судили, болѣе года держали въ крѣпости и, слава Богу, невиннаго оправдали, самъ Государь утѣшилъ его милостивымъ своимъ словомъ.— Не одно народное мнѣніе, но и самая юридическая практика по изысканіи причинъ пожаровъ бываютъ всюду не состоятельны, а у насъ болѣе, чѣмъ гдѣ-

либо. Нигдѣ, кромѣ развѣ Турціи, не выгораетъ такъ много городовъ и селеній. Года два или три тому назадъ издатель «Московскихъ Вѣдомостей» насчитывалъ въ лѣтніе мѣсяцы на каждую недѣлю по 200 пожарныхъ случаевъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ октябрьскихъ номеровъ этихъ Вѣдомостей 1869 г. насчитано въ этомъ году по ноябрь 15.000 пожарныхъ случаевъ и убытка отъ нихъ на 45.000.000 р. А мы все еще силнимся доказать, что Москва была вольною жертвою нашего патриотизма.

Повторяя первыя слова брошюры Растончина: «*Ennuyé d'entendre débiter la même fable, je voudrais faire parler la vérité*», прошу убѣдительно немногихъ моихъ современниковъ и всѣхъ имѣющихъ какія-либо свѣдѣнія объ этой эпохѣ послужить своими объясненіями разработкѣ этого запутаннаго историческаго вопроса. ✓

Московское духовенство и митрополитъ Платонъ въ сентябрѣ 1812 года.

Составляя болѣе на память, чѣмъ по источникамъ, мои «Записки» о московскомъ пожарѣ 1812 г., я невольно остановился на вопросѣ, доселѣ никѣмъ не затронутымъ и, несмотря на то, по моимъ соображеніямъ, весьма существенномъ.

Я беру смѣлость спросить: были ли приняты тогда какія-нибудь мѣры, чтобы въ городѣ не прекращалось богослуженіе, чтобы оставленные на жертву судьбы его жители (число которыхъ, хотя и не было достоверно извѣстно, представляло, однако, значительную массу—до 15.000 человекъ) могли имѣть христіанское утѣшеніе въ молитвѣ, напутствіе передъ смертью, крещеніе рождающихся младенцевъ? Или эта святая по-

требность каждого христіанина сдѣлалась тогда для этихъ людей недоступною? Историкъ 12 года, Богдановичъ, достаточнаго объ этомъ предметѣ не дастъ объясненія, вѣрнѣе сказать, относится къ нему съ непонятнымъ равнодушіемъ; между тѣмъ мы знаемъ изъ его же книги, что кромѣ жителей, которыхъ, по его словамъ, оставалось до 15.000, находилось въ Москвѣ не малое число нашихъ раненыхъ, и было при сдачѣ столицы заключено секретное условіе, чтобы они находились подѣ покровительствомъ вступающихъ французовъ. Мы читаемъ въ этой исторіи 1812 г. слѣдующее: «Москва, знаменитая числомъ и богатствомъ храмовъ, цѣлыя двѣ недѣли оставалась безъ церковнаго служенія, священнослужители всѣ безъ исключенія ее оставили вмѣстѣ съ сосудами и церковною утварью. Только 15 сентябрю, въ день коронаціи императора Александра, раздался благовѣстъ въ церкви св. Евпла на Мясницкой: тамъ совершалъ литургію священникъ кавалергардскаго полка Граціанскій. Будучи захваченъ въ плѣнъ при вступленіи нашихъ войскъ, онъ первый просилъ назначеннаго Наполеономъ въ правители столицы Лессепса о дозволеніи совершать литургію, но съ условіемъ молиться о государѣ и поминать на эктеніяхъ императорскій домъ». Затѣмъ слѣдуютъ похвалы отъ автора гвардейскому священнику за его вѣрноподданническія чувства.

Тамъ же читаемъ выше:

«Въ самую послѣднюю ночь съ 1 на 2 сент. викарію московскому, епископу Августину, сказано было Растопчинымъ выѣхать во Владиміръ». Мы знаемъ, что въ это время преосвященный вывезъ съ собою двѣ чудотворныя иконы, Владимірскую и Иверскую, вмѣстѣ съ другою, главнѣйшею святынею, храни-

вшеюся въ Патріаршей, Успенской и другихъ соборныхъ ризницахъ. Въ «Запискѣ» митрополита Филарета, напечатанной въ «Сборникѣ XVIII вѣка» за 1868 г. издаваемомъ Бартеневымъ, сказано: «начальники московскихъ монастырей и почти вся братія были въ *бытность*». 1]

Остается совершенно неизвѣстнымъ, послѣдовало ли удаленіе изъ Москвы выкарія Августина и, по выраженію митрополита Филарета, *быство* изъ Москвы всѣхъ настоятелей и ихъ монаховъ—по высшему распоряженію св. синода, или по одному приказанію Растопчина, сосредоточившаго въ лицѣ своемъ всякую власть. Можно догадываться, что на все это отъ синода никакихъ распоряженій не было, ибо по прошествіи 5 лѣтъ министръ духовныхъ дѣлъ, кн. Голицынъ, писалъ къ московскому архіепископу Августину: «Государю, въ бытность его въ Москвѣ, угодно было потребовать отъ настоятелей монастырей обстоятельное и на сущей истинѣ основанное описаніе, что происходило въ монастыряхъ во время нашествія непріятеля; государь требуетъ таковыхъ свѣдѣній въ единственномъ намѣреніи узнать короче бывшія происшествія, при чемъ не предполагается ни обслѣдованій, ни сужденій о лицахъ, а чисто сердечное объявленіе примется во благо». Списки съ этихъ показаній сохранились въ архивахъ московской консисторіи. Изъ нихъ видно, что настоятели монастырей Заиконоспасскаго, Богоявленскаго, Покровскаго, Даниловскаго, Воздвиженскаго выѣхали съ своими ризницами въ Вологду, что всѣ эти монастыри были опустошены непріателемъ, что самые храмы были имъ поруганы, что богослуженія въ нихъ не было и быть не могло. Въ женскихъ монастыряхъ происходило то-

же, только въ одномъ Страстномъ, у Тверскихъ воротъ, поставленные въ кельи французскіе гвардейцы позволили игуменьѣ жить на паперти, а черезъ нѣскольکو дней дали ей келью. Черезъ двѣ недѣли одинъ не-пріятельскій чиновникъ прислалъ туда парчевыя ризы и все нужное для служенія, съ шестью бутылками краснаго вина, крупичатой мукой и восковыми свѣчами и, отдавъ ключи, позволилъ служить обѣдню монастырскому священнику Андрею Герасимову* («Московскіе монастыри во время нашествія французовъ». «Русскій Архивъ» № 9, 1869 года).] Изъ этого мы узнаемъ достовѣрно, что божественная служба начала совершаться въ эту бѣдственную годину съ 15 сентябрю въ двухъ церквахъ, что все монашествующее духовенство предалось бѣгству, что священнослужители оставили свои приходы, сохранивъ, впрочемъ, драгоценную церковную утварь; но вмѣстѣ знаемъ также и то (по крайней мѣрѣ до новаго, подробнаго изслѣдованія), что бѣдные оставленные жители, и въ томъ числѣ наши раненые воины, лишены были Св. Таинствъ. Записка, представленная государю о монастыряхъ московскихъ, утверждаетъ меня въ томъ мнѣніи, что св. синодъ не имѣлъ или не могъ имѣть никакого вліянія на эти странныя дѣйствія и что Растопчинъ, пользуясь своимъ диктаторствомъ надъ Москвою того времени, смотрѣлъ и на церковь и въ особенности на ея сокровища, какъ на казенное имущество. Молчаніе Абрама Сергѣевича Норова, остававшагося тяжело раненымъ въ Москвѣ, о томъ, были ли посѣщаемы или нѣтъ священниками русскіе раненые, заставляетъ предполагать, что о нихъ не было никакого духовнаго попеченія.

Не то было въ години искушеній съ древней хри-

стіанской церковью. Изъ ея исторіи мы знаемъ одинъ примѣръ, противоположный тому, что произошло у насъ. Три пустынника, удалившіеся не только отъ міра, но даже изъ многолюдныхъ иноческихъ обителей, получили по неотступной просьбѣ позволеніе отъ своего епископа вступить тайно въ одинъ городъ, который былъ завоеванъ варварами. Не можемъ припомнить, гдѣ и когда именно это происходило, на Востокъ или на Западъ, но твердо знаемъ, что случилось въ начальныя времена нашествія варварскихъ племенъ и до раздѣленія церквей. Цѣль безстрашно стремившихся въ среду враговъ христіанства отшельниковъ была, конечно, не иная, какъ исполненіе святого долга *). Такой подвигъ, къ великому нашему утѣшенію, имѣлъ и у насъ въ описываемое нами время подражателя, и къ нашему прискорбію едва ли не единственнаго. У насъ о немъ забыли, и мы считаемъ обязанностью о немъ напомнить.

Московскій митр. Платонъ, передавъ еще въ 1811 г. управленіе епархіей викарію своему, епископу дмитровскому Августину, съ того времени оставался на покой въ основанной имъ близъ Троицкой лавры Введенской пустыни. Изнуренный болѣзнями еще болѣе, нежели лѣтами, семидесятилѣтній старецъ не имѣлъ довольно силъ, чтобы встрѣтить императора Александра въ Москвѣ, когда тотъ пріѣзжалъ на короткое время въ столицу за два мѣсяца до занятія ея непріятелемъ. Платонъ послалъ государю свое письмо и благословилъ иконою, написанною на гробовой доскѣ св. Сергія чудотворца. Но когда сталъ приближаться врагъ къ

*) Исторія церкви полна подобными подвигами самоотверженія въ лицѣ своихъ пастырей. Въ той самой странѣ, которую у насъ въ 12 году всѣ называли безбожною, за 20 лѣтъ предъ тѣмъ французскіе священники тайно правляли богослуженіе, воспрещенное законами Террора. Они не страшились смерти, и многіе изъ нихъ были гильотированы.

стѣнамъ столицы, митрополитъ перемогъ свою тѣлесную слабость и въ самый день Бородинской битвы, 26 августа, ниѣмъ не ожидаемый, прибылъ въ Москву. Викарій московскій въ то время помышлялъ уже о своемъ изъ нея удаленіи; Платонъ рѣшительно объявилъ, что онъ остается въ городѣ съ жителями, которые, конечно, не всѣ изъ нея выйдутъ, съ ранеными, которыхъ, говорилъ онъ, въ нее привозятъ. Никто вѣроятно, ниже самъ Растопчинъ, не смѣлъ его удерживать отъ его святого намѣренія. Онъ считалъ присутствіе свое въ столицѣ полезнымъ въ дни бѣдствія отечества и, несмотря на убѣжденія всѣхъ его окружавшихъ, не хотѣлъ выѣхать. «Что сдѣлаютъ мнѣ они?»—твердилъ безсмертный старецъ. Наконецъ, уже 31-го августа, когда всѣ распоряженія къ отправленію изъ Москвы святыни и церковнаго имущества начали приводиться въ исполненіе, онъ уступилъ необходимости и выѣхалъ въ Виѣанію. Тамъ тоже оставался онъ недолго: намѣстникъ и монахи убѣдили его выѣхать въ недалеій отъ лавры монастырь. По выходѣ непріятели изъ города возвратился онъ въ лавру и скорѣ потомъ скончался.

Что можемъ сказать о сонмѣ всѣхъ московскихъ пастырей и ихъ пастырѣ-начальникѣ Августинѣ, предавшихъ бѣгству, по собственному выраженію покойнаго Филарета, который строго взвѣшивалъ каждое слово и тѣмъ болѣе имъ написанное въ официальной бумагѣ, напечатанной еще при его жизни. Будемъ, впрочемъ, надѣяться, что не оставятъ насъ безъ отвѣта и что дальнѣйшія изысканія выставятъ въ другомъ, лучшемъ свѣтѣ поведеніе нашего столичнаго духовенства 1812 года.

До сего времени никто и не подумалъ поставить во-

проса о томъ, имѣли ли право церковные пастыри оставлять пасомыхъ, не нарушили ли святого долга пещись о своихъ духовныхъ чадахъ, быть послушливыми даже до смерти заповѣдямъ своего божественнаго Пастыре-начальника? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Платонъ, поступивъ такъ, какъ онъ хотѣлъ, по внутреннему и святому влеченію высокой своей души, подвергся бы нареканію не только правительства, но и всего народа, что его не пощадила бы и сама наша народная исторія, по крайней мѣрѣ до нашего времени, въ которое я едва ли не первый дерзаю поставить эти вопросительные знаки на общее о нихъ сужденіе. Припомнимъ здѣсь, что удаленный изъ Петербурга въ Нижній-Новгородъ Сперанскій за одно неосторожно вырвавшееся у него замѣчаніе въ бесѣдѣ у архіерея о томъ, что нашему духовенству нечего бояться Наполеонова нашествія, былъ немедленно высланъ въ Пермь графомъ П. А. Толстымъ, человѣкомъ, впрочемъ, достойнымъ всякаго уваженія. Вѣроятно, все это вмѣстѣ или отчасти представлялось какъ неодолимое препятствіе уму Платона и легко могло быть подсказываемо ему изъ собственныхъ личныхъ видовъ немногими приближенными. Могъ ли онъ не уступить обстоятельствамъ и духу времени?

Такъ или иначе смѣшеніе понятій о христіанской церкви съ понятіями, назовите какъ угодно, о правительствѣ, государствѣ, народѣ до сихъ поръ спутываетъ и перепутываетъ высшую идею вѣры съ земными идеями государства, общества, народности. Церковь не знаетъ ни іудея, ни эллина, ни господина, ни раба; въ свои объятія принимаетъ она человѣка; царство ея не отъ міра сего. А мы все еще раздѣляемся съ ней на народы по племенамъ и на языки по нарѣчіямъ; а

мы все еще силимся въ свѣтыя ея нѣдра вмѣстить для нея невмѣстимыя наши народныя страсти, нашу между-народную ненависть.

По поводу слуха о томъ, что въ Англіи сдѣланы были огромныя денежныя пожертвованія въ пользу разоренныхъ москвичей, что о нихъ теперь забыли, да врядъ ли гдѣ позднѣйшими нашими историками и упоминалось,—я относилъ эти жертвы англичанъ прямо на Москву, помня очень живо, какое сильное впечатлѣніе произвело въ Великобританіи самосожженіе нашей столицы. ✕Прочитавъ на-дняхъ въ «Русской Старинѣ» за январь 1870 г. статью, подъ заглавіемъ «Изъ архива Шишкова», я считаю обязанностью исправить мои, не совсѣмъ точныя, показанія по этому предмету. Пожертвованіе тогдашними вѣрными и единственными нашими союзниками довольно значительной суммы предложено было всѣмъ разореннымъ, а не однимъ москвичамъ, и эти суммы были приняты императоромъ Александромъ, не взирая на то, что тогдашній канцлеръ графъ Румянцевъ, донося государю объ этомъ предложеніи, умолялъ его величество «отклонить сіе приношеніе народа чуждаго и ино-племеннаго великодушнымъ подданнымъ его Имперіи и не допускать иностранцевъ имѣть когда-либо поводъ хвалиться или упрекать Россію своимъ подаяніемъ». Узкій патріотизмъ Румянцева подозрѣвалъ въ англичанахъ намѣреніе привить нашему народу новыя привычки, а между крестьянами поселить привязанность вмѣсто отечественной простоты къ тѣмъ иностраннымъ прихотямъ, которымъ одни только англичане удовлетворяютъ въ состояніи. ✕(Донесеніе Румянцева отъ 3 января 1813 г. Спб.) Предлагаемое пожертво-

ваніе по 50 р. на каждое лицо въ первомъ англійскомъ проектѣ допускалось, если найдено будетъ удобно, и товарами. Затѣмъ тутъ же напечатанъ слѣдующій отвѣтъ, собственноручно писанный карандашомъ государемъ и присланный имъ къ Шишкову для исправленія. Сообщаю его съ немногими выпусками. «Пора погасить въ насъ духъ надменности, пора въ иноплеменныхъ видѣть братьевъ. Нѣтъ стыда ни униженія принять для разоренныхъ частныхъ лицъ пособіе отъ челоувѣколюбивыхъ обитателей другой страны. Что же касается до привлеченія русскаго народа къ чужимъ привычкамъ, на этотъ счетъ можно быть спокойнымъ, — привязанность его къ своему явно выказывается вездѣ и во всѣхъ случаяхъ». Въ заключеніе предписывается канцлеру сообщить о томъ великобританскому у насъ послу и доставить государю весь ходъ дѣла для принятія нужныхъ мѣръ.

Моему въ отношеніи національностей безпристрастію весьма желательно было бы знать сужденіе нашей современной публики по случаю подобныхъ воспоминаній уже отдаленнаго отъ насъ времени. Будетъ ли оно произнесено въ пользу дальновидной и вмѣстѣ подозрительной предусмотрительности канцлера Румянцева или возвысится до благородныхъ, гуманныхъ воззрѣній Александра I на политику, которую, особливо въ то время, подчинялъ онъ идеямъ христіанской нравственности.

Дополненіе къ моимъ запискамъ.

Въ концѣ 1810 или зимой 1811 г., а можетъ быть и въ началѣ 1812 г., Андрей Петровичъ Потемкинъ, умный и общительный священникъ нашей приходской тогда, какъ и теперь, церкви Николы на Пескахъ,

близъ Собачьей площадки, представилъ моему отцу замѣчательнаго чудака, отставнаго кавалерійскаго майора Полева. Сухой, бѣлокурый, съ просѣдью, съ восторженнымъ изступленіемъ постоянно говорилъ онъ о единовѣрныхъ намъ грекахъ и единокрвныхъ славянахъ, писалъ и читалъ множество проектовъ о ихъ освобожденіи отъ турецкаго, австрійскаго и тогдашняго французскаго ига (въ Иллиріи на Іоническихъ островахъ), представляя различные планы къ ихъ вооруженію и нашему съ ними тѣснѣйшему союзу противъ замысловъ угнетавшаго тогда всю Европу, а вмѣстѣ съ нею и насъ, Наполеона I. Я помню эту какую-то загадочную фигуру, тощую, желто-бѣлую, его судорожныя тѣлодвиженія, его выношенные одѣянія, то военный потертый сюртукъ, то бѣлый, испачканный кавалерійскій мундиръ. Рѣчь его поражала меня, мальчика, столько же, какъ и его славянизмъ, разгорѣвшійся до угара, но еще не достигшій тогда прозванія славянофильства. Проекты его писаны были самымъ высокимъ слогомъ, испещрены текстами библейскихъ и апокалипсическихъ пророчествъ и звучали, какъ позлащенная въ горнилѣ мѣдь, церковными выраженіями. Помню, что на каждой страницѣ были какія-то точки и рядъ восклицательныхъ знаковъ. Бѣдный мечтатель, а чего добраго можетъ и преждевременный глубокій политикъ, Полевъ постоянно жаловался, что на его великіе замыслы никто не обращалъ вниманія, что вліятельныя лица того времени какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ послѣ перваго свиданія преграждали ему свободный къ себѣ доступъ и, казалось ему, да чуть ли и не справедливо, считали его помѣшаннымъ. По всему было видно, что онъ находился въ крайней бѣдности; въ нашемъ домѣ извѣстно было всѣмъ, что

отецъ помогать ему деньгами; балованная прислуга смотрѣла на него свысока, а расчетливая моя тетюшка, Елена Яковлевна, поглядывала искоса, когда онъ бывало съ голодухи зачистить являться въ нашъ домъ къ обѣденному часу. Огромныя тетради его руки погибли съ нашимъ домомъ въ пожарѣ 1812 г.; немногія сохранились въ Солнышковѣ по смерти отца, но и тѣ исчезли. Совсѣмъ неожиданно напалъ я на одинъ изъ проектовъ Полева въ Сухановскихъ бумагахъ, оставшихся послѣ фельдмаршала князя Волконскаго, обрадовался ему, какъ бреднямъ моего дѣтства. Постараюсь, если и эта рукопись не утрачена, ее отыскать и съ ней кое-кого познакомить.

Мнѣ бы хотѣлось открыть какой-нибудь слѣдъ объ этомъ человѣкѣ; кромѣ того, что я уже о немъ сказалъ, болѣе въ памяти моей ничего не осталось. Куда онъ дѣвался, бѣжалъ ли въ эпоху 12 г., съ кѣмъ, кромѣ моего отца, бывалъ знакомъ въ Москвѣ,—ничего не знаю.

Между тѣмъ въ новомъ историческомъ ежемѣсячномъ сборникѣ, издаваемомъ въ Петербургѣ подъ названіемъ «Русская Старина», находимъ мы всѣ подробности замышленнаго императоромъ Александромъ I предпріятія поднять противъ Наполеонова владычества турецкихъ славянъ и воспользоваться ихъ силами въ помощь нашему вооруженію къ приготавливающейся тогда неизбѣжной съ нимъ борьбѣ 12 года. Отсылаю читателей моихъ къ отрывку изъ «Записокъ Чичагова», напечатанному въ «Русскомъ Архивѣ», и дѣлаю изъ него самое краткое извлеченіе.

Императоръ Александръ смѣнилъ Чичаговымъ Кутузова, начальствовавшего въ нашей дунайской арміи, поручилъ первому заключить миръ съ Портой и убѣ-

дить ее дать свое согласіе на вооруженіе противъ Наполеона всѣхъ славянскихъ племенъ, а по заключеніи по этому обстоятельству особеннаго договора съ Портой способствовать ихъ поголовному ополченію и открытію съ нашею помощью военныхъ противъ Наполеона дѣйствій въ подвластной французамъ Иллиріи и въ бывшихъ республикахъ Рагузской и Ионическихъ острововъ.

Позволяю себѣ сдѣлать тутъ одно скромное замѣчаніе. Если предположенія полусумашедшаго Полева казались года за два передъ этимъ слишкомъ смѣлыми и нисколько не помогли ему въ его нищетѣ, а напротивъ, можетъ быть, ее только что усугубили, то инструкціи относительно возбужденія славянъ, данныя Чичагову, кажутся мнѣ несравненно наивнѣе. Не странно ли было хотя на одну минуту остановиться на томъ, что Порта, нисколько не равнодушная къ своей политической самостоятельности и постоянно просвѣтляемая въ этомъ отношеніи другими кабинетами, особливо въ отношеніи къ намъ и нашей, надъ нею висящей грозѣ, такъ себѣ тотчасъ и согласится передать въ наши руки и въ тѣснѣйшій союзъ съ нами исконныхъ своихъ враговъ христіанъ, да сверхъ того еще и вооруженныхъ нами. Попытка Чичагова, конечно, не удалась. Такъ съ давнихъ временъ, начиная съ несчастнаго 1710 г. Прутскаго мира, путается и связываетъ по рукамъ и по ногамъ нашу политику этотъ роковой восточный вопросъ, къ которому въ настоящее время суровыми нитками пришиваются и нѣмецкіе и итальянскіе славяне. Всего, что намъ необходимо было приобрѣсть отъ Порты для прочной самостоятельности и независимости самой Россіи, мы достигли войнами Екатерины и счастливымъ, сверхъ

ожиданія, бухарестскимъ миромъ передъ отечественной войной. Остальные наши *pia desideria*, по моему мнѣнію, принадлежатъ политическимъ мечтаніямъ, и всѣ наши попытки въ этомъ родѣ были часто неудачны, а иногда и вредны. Не время ли остановиться?

Указавъ на Полева и Чичагова, нельзя не перейти къ современному намъ военному писателю, генералу Оадѣеву. *Генералъ Оадѣевъ сдѣлался особенно извѣстнымъ брошюрой своей 1868 г. подъ названіемъ «Вооруженныя силы Россіи».] Поводомъ къ этому сочиненію, столько же патріотическому, сколько и учено-военному, была главная мысль, преслѣдующая автора вмѣстѣ со многими нашими писателями, — мысль о томъ, что Европа противъ насъ, что она намъ въ чемъ-то будто бы завидуетъ, чего-то отъ насъ боится, за что-то насъ въ одно и то же время во всѣхъ своихъ углахъ и ненавидитъ и презираетъ и постоянно готовитъ намъ войну. Въ другой брошюркѣ генерала Оадѣева мнѣнія о восточномъ вопросѣ весьма замѣчательны, и, просимъ у него извиненія, этотъ еще болѣе, чѣмъ Полевъ, мечтательный писатель кладетъ въ основу русской политики такую огромную задачу, что въ самомъ дѣлѣ, когда мысль его будетъ у насъ сознана (допустимъ такое отчаянное предположеніе), то вся Европа неминуемо будетъ противъ насъ. *Генералъ Оадѣевъ предполагаетъ ни болѣе, ни менѣе: 1) уничтоженіе Турціи, 2) присоединеніе къ Россіи Червонной Руси, т.-е. Галиціи и Буковины, 3) учрежденіе изъ всѣхъ славянскихъ земель Турціи, Австріи, а также и Царства Польскаго федеративныхъ государствъ и вассальныхъ Россіи ихъ престоловъ въ одной династіи, преимущественно у насъ царствующей, и подчиненіе оныхъ русскому Царю, въ полномъ распоряженіи ко-

того должны быть всѣ союзныя войска и крѣпости, и, наконецъ, признаніе Царьграда вольнымъ городомъ славянскаго союза и слѣдовательно непосредственная зависимость этой всемірной гавани отъ Россійской державы. *Таковы крайности политическихъ идей, обнародованныхъ въ 1869 г. авторомъ брошюры. Не знаю, какой успѣхъ имѣли онѣ у насъ, но могу свидѣтельствовать, что вся европейская пресса не оставила ихъ безъ особеннаго вниманія и возбудила повсюду опасенія и кабинетовъ и народовъ противъ нашихъ политическихъ стремленій. Опасенія эти были, конечно, преувеличены; брошюра и выраженные въ ней мнѣнія принадлежатъ, вѣроятно, одному автору, и обнародованіе оныхъ обнаруживаетъ, конечно, безтактность генерала и военного писателя, напоминающую фатальную для Франціи систему Наполеона I, раздающаго престолы; тѣмъ не менѣе брошюра нашла сочувствіе въ Богеміи, если правда, что городъ Прага поднесъ автору грамоту на почетное гражданство. ✓

Въ этихъ же годахъ, 1811 и въ началѣ 1812, видалъ я у моего отца другого извѣстнаго энтузіаста, Василія Назаровича Каразина, который на короткое время находился въ особенной милости у императора Александра въ самомъ началѣ его царствованія, а потомъ, по удаленіи отъ двора, сдѣлался главнымъ участникомъ основанія въ Харьковѣ университета. Онъ также вслѣдствіе необузданной своей восторженности подвергался разнымъ гоненіямъ, издавалъ въ 1817 г. въ Харьковѣ ученый и весьма интересный журналъ, кажется, Филотехническаго общества, не разъ сидѣлъ въ крѣпости и былъ изгоняемъ при Николаѣ Павловичѣ то изъ Петербурга, то изъ Москвы. Каразинъ дарилъ меня, еще мальчика, разными учебными книга-

ми, картами и таблицами. Въ 1830 г. нашелъ я его уже въ старости, но все еще пылкаго и лѣтами не умнротвореннаго, въ Харьковѣ, гдѣ по его просьбѣ перевелъ для него на французскій языкъ написанный имъ, но измѣненный во многомъ, проектъ университетскаго устава. Считаю не лишнимъ упомянуть объ одной напечатанной въ журналѣ Каразина статьѣ Ломоносова, опущенной въ полномъ изданіи сочиненій послѣдняго. Вѣроятно, она сочтена была издателями этихъ сочиненій слишкомъ смѣлою или задержана духовной цензурой. Ее бы очень не мѣшало вывести на свѣтъ Божій въ наше время, болѣе свободное для печати. Статья была подъ заглавіемъ: «Мнѣніе Ломоносова о русскихъ постахъ». Великій русскій поэтъ и великій русскій ученый съ безпримѣрною откровенностью исчислялъ весь вредъ продолжительнаго русскаго пощенія, приписывалъ ему упадокъ рабочихъ силъ, смертность особенно въ дѣтяхъ и даже возрастныхъ при быстромъ переходѣ отъ широкой масленицы къ 7-недѣльному сухояденію, такъ же, какъ и послѣ Рождественскаго, а иногда и Петровскаго поста, и указывалъ сверхъ всѣхъ этихъ неудобствъ на великій отъ постовъ вредъ для самаго сельскаго хозяйства. Ломоносовъ утверждалъ, что до тѣхъ поръ, пока будемъ мы соблюдать наши посты во всей ихъ строгости, т.-е. поститься болѣе, чѣмъ половину года, до того времени не разведемъ мы, насколько это возможно и необходимо, нашего рогатаго скота, не пользуясь по религіознымъ убѣжденіямъ постоянно, какъ бы слѣдовало, мясомъ, молокомъ, сыромъ и пр. Ломоносова, вѣроятно, никто изъ нашихъ современниковъ не заподозритъ въ равнодушіи къ православію, потому-то въ немъ подобный просторъ мысли особенно замѣчателенъ своею безпристрастностью.

Быль еще одинъ изъ батюшкиныхъ знакомыхъ того времени, много-ученый масонъ Николай Александровичъ Головинъ, братъ генерала Головина, мистика и обращателя соіте que соіте разныхъ чухонцевъ въ остзейскихъ провинціяхъ. Знакомый намъ проживалъ какъ-то въ нашемъ домѣ и готовился мнѣ въ наставники, но почему-то этого не случилось. Бѣжалъ еще къ намъ старикъ, отставной морякъ, князь Григорій Алексѣевичъ Долгорукій; племянникъ его, теперешній петербургскій сенаторъ, женатый на Давыдовой, завѣрялъ меня, что этотъ его дядя былъ тоже великій масонъ и тоже, какъ и упомянутый Головинъ, будто бы знаменитый эбраистъ, чѣмъ, по намекамъ рассказчика, отличается и нынѣшній племянникъ, но я о томъ, зналъ ли и знаетъ ли тотъ и другой Долгорукіе по-еврейски, справокъ не наводилъ.

Замѣтка о смерти Верещагина *).

Весьма часто народныя преданія, основанныя на недостоверныхъ и преувеличенныхъ слухахъ, еще при жизни современниковъ становятся легендами, вносятся въ исторію и ее искажаютъ. Такъ можетъ случиться и съ переданнымъ мнѣ рассказомъ Обрескова о трагической смерти Верещагина. Этотъ рассказъ очевидца, близкаго моего родственника, сообщенъ былъ мною другу и товарищу моему по университету М. А. Дмитріеву; но въ статьѣ его о томъ, напечатанной недавно въ его книгѣ: «Мелочи изъ запаса моей памяти» (стр. 238), къ достоверной повѣсти прибавились недостоверные слухи, и я обязанностью считаю сдѣлать къ ней поправку отъ моего въ ней упомянутаго имени.

*) См. „Русскій Архивъ“, 1870 г., стр. 518.

Вотъ въ короткихъ словахъ то, что разсказывать мнѣ Василій Александровичъ Обресковъ, тогдашній адъютантъ графа Растопчина, впоследствии московскій полицеймейстеръ.

«Когда доложилъ я главнокомандующему о приводѣ Верещагина изъ острога, графъ приказалъ мнѣ провести его къ главному подъѣзду своего дома (на Лубянкѣ), сошелъ съ верхняго этажа на крыльцо, объявилъ Верещагина стоявшей тутъ толпѣ измѣнникомъ отечества и приказалъ драгунамъ рубить его на смерть палаши. Драгуны замялись, приказаніе повторилось. Удары тупыми, не отточенными палашами послѣдовали, но не могли въ скоромъ времени достигнуть цѣли. Растопчинъ велѣлъ толпѣ докончить заранѣе обдуманную имъ казнь за измѣну и тотчасъ же удалился вмѣстѣ со мною по той же парадной лѣстницѣ въ верхній этажъ дома».

Все остальное, напечатанное Дмитріевымъ, о томъ, что Растопчинъ немедленно сошелъ по задней лѣстницѣ на другое крыльцо, что онъ сѣлъ тамъ на дрожки и выѣхалъ безвозвратно изъ Москвы, — все это принадлежитъ не разсказу очевидца, а другимъ различнымъ слухамъ, которые, впрочемъ, можетъ-быть, и самъ я передавалъ Дмитріеву, но не иначе какъ слухи.

Слухи эти даютъ совсѣмъ другой видъ событію. Потомство не имѣетъ права обвинять Растопчина въ убійствѣ по расчету, въ убійствѣ для спасенія своей жизни.

Въ такомъ обвиненіи я умываю руки. Растопчинъ могъ быть и, по моему убѣжденію, былъ преступнымъ убійцею Верещагина, но онъ не могъ быть и не былъ убійцею изъ трусости. Въ этомъ ручаются намъ вся его жизнь и каждая его строка, до насъ дошедшая.

Невольно, такъ сказать, привлеченный защищать память Растопчина отъ самаго подлаго расчета, я никакъ, однако, не буду оправдывать звѣрство его поступка. Верещагинъ былъ убитъ Растопчинимъ, а не казнень по произнесенному надъ нимъ законному приговору главнокомандующимъ столицы. Верещагинъ былъ жертвою фанатическаго бѣшенства. Надъ нимъ, по обвиненію того же Растопчина въ государственной измѣнѣ, не было произведено законное слѣдствіе, какъ надъ обвиняемымъ въ государственномъ преступленіи, не былъ произнесенъ законный судебный приговоръ. Совершенная надъ нимъ казнь, если это только была казнь, а не убійство, не была подтверждена верховною властью. Если Растопчинъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ имѣлъ право на жизнь и смерть, то орудіемъ казни должны быть палачи или разстрѣливающіе по приговору военного суда рядовые, а не драгуны съ ихъ тупыми, не отточенными саблями, а тѣмъ паче не чернь, которую Растопчинъ вовлекъ въ страшное преступленіе проливать кровь неповинную. Нѣтъ никакой причины предполагать того, о чемъ и народное преданіе умалчиваетъ, о чемъ и молва до насъ современниковъ не доходила, чтобы смерть Верещагина была въ то время необходима, какъ неизбежный примѣръ, какъ единственное средство къ усмиренію бунтующей черни. Народнаго бунта никакого не было; да если и могли быть къ нему какіе-нибудь признаки, не было нужды въ его усмирении такимъ отчаяннымъ способомъ за нѣсколько часовъ до сдачи столицы непріятелю: буйной толпѣ было бы и безъ того надъ чѣмъ потѣшиться.

И до такихъ чудовищныхъ размѣровъ неистоваго разгула власти могъ дойти—кто же?—графъ Растопчинъ,

вѣрный слуга трехъ царствованій, человѣкъ, извѣстный у насъ независимымъ и благороднымъ своимъ характеромъ, тщательно предохранявшій себя отъ нерѣдкихъ въ то время привычекъ самоуправства, какъ администраторъ, какъ помѣщикъ, какъ глава семейства; Растопчинъ, одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей Европы нашего почти времени, знаменитый двигатель русской политики, другъ Суворова и всѣхъ замѣчательныхъ дѣятелей эпохи, извѣстный остроумною, увлекательною любезностью въ высшихъ кругахъ своего и европейскаго общества, даровитый писатель, вельможа, окруженный почестями, уваженіемъ, богатствомъ, семейнымъ счастьемъ. Освобождая его память отъ упрека въ несвойственной характеру его трусости, къ чему можемъ мы отнести злодѣяніе, имъ совершонное? Ставить ли, въ заключеніе, вопросъ о томъ, что было бы стерпимѣе для совѣсти Растопчина при жизни и менѣе позорно для его памяти по смерти: убійство ли по расчету, или убійство по таившемуся въ его природѣ варварству? *) Видно, бываютъ иногда такіе тяжкіе часы въ человѣческой жизни, когда лучшіе изъ людей, увлекаемые необузданною христіанствомъ страстью къ своему родному и раздражаемые ненавистью и мщеніемъ ко врагу, съ подмоштовъ своего величія стремясь падаютъ на послѣднюю ступень бѣшенства. Въ наше время принадлежитъ психіатріи, а не исторіи судить такихъ безумцевъ.

Сопоставленіе трагическихъ именъ Верещагина и Растопчина наводитъ на насъ страхъ за новое наше

*) Незадолго до убійства Верещагина Растопчинъ безъ суда подвергъ торговой казни своего повара француза. Онъ хвастался этимъ подвигомъ, повторяя вездѣ остроуту: «J'ai fait naturaliser Russe mon chef de cuisine» («Р. Арх.» 1869). Способъ обрусѣнія старинный, хотя самое слово тогда, какъ теперь, не имѣетъ еще мѣста въ нашихъ словаряхъ.

поколѣніе, воспитываемое, среди развитой предъ нимъ свободы, всѣми обольщеніями народнаго чувства, всѣми увлеченіями международной ненависти.

Лѣтъ черезъ десять послѣ 12-го года графъ Растопчинъ жилъ съ семьей въ Парижѣ. Близкіе ему люди рассказывали мнѣ тамъ, что онъ мучился угрызениями совѣсти, что тѣнь Верещагина по ночамъ являлась ему въ сонныхъ видѣніяхъ.

II.

Н е к р о л о г ъ *).

15-го марта 1852 г. скончалась здѣсь, въ Москвѣ, послѣ тяжелой болѣзни, на 81 году отъ рожденія, кавалерственная дама Марья Петровна Дохтурова, вдова генерала-отъ-инфантеріи Дмитрія Сергѣевича Дохтурова, знаменитаго вождя славныхъ 12, 13 и 14 годовъ. Искушенная скорбями и утратами, которыя понесла она въ теченіе всей многолѣтней жизни, раннюю смертію дѣтей: сперва незамужней дочери, а потомъ и двухъ сыновей, едва достигшихъ преполовенія дней своихъ и оставившихъ ея попеченію сиротъ, она съ христіанскимъ смиреніемъ, безропотно переносила эти лишенія.

И незадолго до блаженной кончины посѣтила ее новая, глубокая скорбь, которая, быть-можетъ, своею внезапностью ускорила переходъ ея въ вѣчность: вѣсть о болѣзни и скорой потомъ кончинѣ старшаго ея брата, князя Андрея Петровича Оболенскаго, скончавшагося 19-го февраля. Она, какъ и всѣ братья и сестры покойнаго, любила и почитала его вмѣсто отца и, ближайшая ему по лѣтамъ, дѣлила съ нимъ всѣ

свои скорби. Узнавъ о его кончинѣ и не имѣя уже въ преклонной старости своей довольно силъ, чтобы отдать послѣдній долгъ милому праху, она прибѣгла къ молитвѣ — постоянному своему утѣшенію; но въ этотъ разъ и тяжкая скорбь и самое время взяли свое. Истощенная лѣтами и утратами, не перенесла она этого новаго горя, переполнившего чашу: тяжело занемогла и слегла, медленно, въ продолженіе 15 дней, приближаясь ко гробу. Два раза во время болѣзни сподобилась она Св. Причащенія; приняла таинство Елеосвященія, и, устроивъ при себѣ все земное, за шесть дней еще до смерти, въ твердой памяти, съ совершеннымъ сознаніемъ, выслушала послѣднія предсмертныя молитвы, непрестанно моясь съ того времени о ниспосланіи ей желаннаго конца и прося всѣхъ родныхъ и близкихъ молить за нее о томъ же.

Такъ вѣра и любовь были неизмѣнными спутницами всей ея жизни.

Еще другое, благородное, истинно русское чувство наполняло ея сердце и было ей утѣшеніемъ — чувство глубокой, нелицемѣрной преданности, живой безпредѣльной признательности къ державнымъ своимъ благодѣтелямъ. Благословенной памяти императоръ Александръ и нынѣ благополучно царствующій императоръ всемилостивѣйшими щедротами съ избыткомъ обезпечили вдовью ея жизнь и воспитаніе дѣтей, а потомъ и внуковъ, за вѣрную службу царю и отечеству доблестнаго ея мужа. Въ послѣдніе годы усопшей Его Величество государь императоръ благоволилъ и еще вспомнить труды и подвиги генерала Дохтурова и всемилостивѣйше повелѣлъ помѣстить двухъ родныхъ внуковъ ея въ пажны.

19-го марта тѣло Марьи Петровны Дохтуровой по-

гребено въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, возлѣ могилъ сына и дочери.

Не лишнимъ будетъ сказать теперь нѣсколько словъ о скончавшемся, почти ровно за мѣсяцъ, братѣ покойной, князь Андрей Петровичъ Оболенскомъ, какъ о близкомъ по крови, по времени рожденія и смерти и долговременномъ ея спутникѣ.

До сего времени одинъ только г. непремѣнный секретарь Императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства, С. А. Масловъ, нашелъ приличный случай—и такъ прекрасно и благородно имъ воспользовался въ засѣданіи 23-го февраля—почтить память князя А. П. Оболенскаго. Постараемся и мы, хотя нѣсколько и поздно, воздать должное его памяти и показать то мѣсто, то значеніе, какія могла имѣть его долгая, скромная жизнь въ русской общей жизни, какъ ближайшій примѣръ семейнаго нашего быта, одного изъ самыхъ драгоцѣнныхъ нашихъ наслѣдій.

Мирно скончался исполненный дней князь Андрей Петровичъ 19-го февраля 1852 года, на 83-мъ году своей доброй жизни. Боленъ онъ былъ недолго: дней пять-шесть, не болѣе. До самаго послѣдняго дня занимался текущими дѣлами и заботами о своемъ семействѣ. Еще наканунѣ кончины, уже болѣзненный и какъ бы внезапно одряхлѣвшій, принималъ онъ родныхъ, всегда близкихъ его сердцу, и разспрашивалъ съ любовью о ихъ собственныхъ семейныхъ отношеніяхъ. Жена, сыновья, дочь, зятья и братья не оставляли его ни на одну минуту. Для нихъ—для того, чтобы не возбудить въ нихъ преждевременныхъ за себя опасеній—видимо, боролся онъ съ болѣзью и не уступалъ ей, сколько могъ. Со страхомъ Божиимъ, вѣрою и любовью принялъ онъ Святыя Тайны, съ

живою вѣрою въ неистощимое милосердіе Божіе, окруженный чистою и пламенною къ нему любовью супруги, дѣтей и братьевъ, тихо переселился къ отцамъ своимъ. Почти послѣднія слова его были: «Какъ сладко мнѣ быть больнымъ: сколько любви меня окружаетъ».

Служебное его поприще было непродолжительно по сравненію съ долготѣнею жизнью; но и на немъ вполне выразилась особенность его характера и дѣятельности.

Сначала, еще въ царствованіе Екатерины II, служилъ онъ въ оберъ-офицерскихъ чинахъ въ гвардіи; потомъ (какъ сказано въ послужномъ его спискѣ) взятъ ко двору Ея Величества камеръ-юнкеромъ. При императорѣ Павлѣ пожалованъ церемоніймейстеромъ ордена св. Анны съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и съ тѣмъ же чиномъ и званіемъ въ 1799 году уволенъ отъ службы. 1-го января 1817 года назначенъ онъ былъ попечителемъ московскаго учебнаго округа. 1818 года января 9-го всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 1-й степени. Въ апрѣлѣ 1819 года—тайнымъ совѣтникомъ; а въ іюлѣ 1825 года всемилостивѣйше уволенъ отъ службы.

Лучшимъ временемъ служебной дѣятельности князя было 8-лѣтнее управленіе его московскимъ учебнымъ округомъ. Не будучи ученымъ, онъ любилъ и уважалъ просвѣщеніе и ревностно послужилъ ему. Изъ всѣхъ наукъ твердо зналъ онъ одну—и мудреную, и простую—науку жизни! Прекрасно и вмѣстѣ справедливо сказалъ объ этой эпохѣ его жизни С. А. Масловъ. Повторимъ нѣсколько словъ его. Къ нимъ нечего прибавить. «Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по-

печительства князя университетъ возникъ изъ пепла. Помню, какое патриархальное, отеческое было его правленіе. Помню настрою чувствъ между учащими и учившимися. Это была общая семья, въ которой князь Андрей Петровичъ былъ старшій, всѣми чтимый».

Какимъ же былъ въ своихъ общественныхъ и семейныхъ отношеніяхъ тотъ, который успѣлъ соединить въ одну общую семью такое сложное и многолудное управленіе? Еще при жизни своего родителя, князя Петра Александровича, сынъ его князь Андрей Петровичъ получилъ преемство полного старѣйшинства надъ своими пятью братьями и четырьмя сестрами. Отецъ князя, по смерти своей жены, а его матери, урожденной княжны Вяземской, будучи еще въ порѣ мужества и силы, рѣшилъ всю остальную жизнь свою посвятить самому строгому уединенію: отказался отъ свѣта, перешелъ въ отдаленный уголокъ своего дома, передавъ старшему сыну хозяйство и управленіе дѣлами, самъ пребывая въ тишинѣ и молитвѣ. Съ любовью по временамъ принималъ онъ своихъ дѣтей и умножавшихся внуковъ; но принималъ только у себя, въ своихъ небольшихъ комнатахъ, и не всѣхъ вмѣстѣ, чтобы не возмутить своего молитвеннаго покоя даже и семейнымъ не безшумнымъ веселіемъ. Онъ уже не садился за благословенную семейную трапезу, на которую сходились его потомки: въ его мѣсто былъ тамъ другой старшій—князь Андрей Петровичъ.

Такъ просто началось это старѣйшинство, продолжавшееся болѣе полувѣка. Молитвенный родоначальникъ скончался тихо, какъ бы незамѣтно, оплаканный дѣтьми своими; мѣсто его давно было занято. И вотъ съ того самаго времени, за пятьдесятъ лѣтъ до дней послѣднихъ, собирается благословенная семья въ оте-

ческомъ домѣ за благословенную трапезу въ великіе дни святыхъ праздниковъ; въ веселые дни семейные— зимою въ Москвѣ на Рождественку, лѣтомъ въ подмосковное село Троицкое.

Начинаетъ рѣдѣть старшее поколѣніе: прибываетъ новое третье и занимаетъ убылыя мѣста. Князь Андрей Петровичъ бодро и весело остается на своемъ, встрѣчая радушнымъ привѣтомъ и добрымъ словомъ новыхъ гостей—своихъ внуковъ, приходящихъ въ возрастъ и представляемыхъ ему прежде вступленія ихъ въ общественную жизнь. Всѣхъ онъ любитъ, и всѣ его любятъ и уважаютъ *въ отца мѣсто*. Старшіе по немъ этому уваженію и этой любви подають примѣръ, которому такъ легко, такъ пріятно слѣдовать среднимъ и младшимъ членамъ семейства; братья его и сестры, изъ коихъ меньшему и меньшей теперь близъ 70 лѣтъ, передъ нимъ какъ нѣжные и послушные сыновья и дочери. Ничего важнаго не начинается ни въ одной изъ боковыхъ линій безъ его совѣта и благословенія.

Такъ жила эта семья и такъ собиралась она (въ полномъ своемъ собраніи доходившая до 80 человѣкъ во второмъ поколѣніи и до 150 въ третьемъ) подъ кровъ этого дома, и всегда неизмѣнно одинакова была ласковая встрѣча всѣмъ и каждому отъ старѣйшины семейства. Нужно ли послѣ этого говорить, что каждый изъ 80 членовъ благовременно и безвременно могъ приходить къ князю А. П. за добрымъ совѣтомъ и утѣшеніемъ, за покровительствомъ и помощью? И всякій выходилъ отъ него съ пособіемъ, наставленіемъ, утѣшеніемъ.

Московское общество не могло равнодушно смотрѣть на такую семью, и князь Андрей Петровичъ былъ

часто призываемъ на совѣты людьми посторонними. Многие ввѣряли ему судьбу своихъ сиротъ, и ему же поручали по смерти значительныя суммы для дѣль тайной благотворительности.

И вотъ тамъ, гдѣ бывало такъ долго и часто трапезовала, собралась она, вся эта семья, и стѣснилась около его гроба, съ горькими о немъ слезами, съ горячими о немъ молитвами; потомъ проводила его 22-го февраля до мирной Донской обители, опустила въ могилу, засыпала землею; крестьяне подмосковныхъ селъ князя отнесли туда на рукахъ своего добраго помѣщика.

Да, правдивы были послѣднія слова твои; добрый, милый нашъ старецъ: «Сладко было тебѣ быть и больнымъ: столько любви тебя окружало!»

Будемъ желать одного: чтобы память о князѣ Андреѣ Петровичѣ не оставляла благословенную эту многовѣстную семью; чтобы его добрая жизнь и тихая кончина были для нея союзомъ взаимной любви и надолго остались для всѣхъ примѣромъ семейныхъ добродѣтелей.

III.

Н. И. Тургеневъ *).

Полувѣковой боецъ за освобожденіе Россіи отъ крѣпостнаго ига, видѣвшій, какъ старецъ Симеонъ, *своими очима* свѣтлый день ея спасительнаго возрожденія и имѣвшій счастье цѣлымъ десятилѣтіемъ пережить эту эпоху, Н. И. Тургеневъ скончался на-дняхъ въ своей виллѣ Вербуа, въ окрестностяхъ Парижа. Дальнѣйшія подробности его смерти до насъ дойти еще не успѣли.

*) «Русскій Архивъ» 1871 г. XI.

82-лѣтній Тургеневъ долго памятенъ будетъ всѣмъ, желающимъ утвердить въ Россіи благовременную свободу и благонамѣренное просвѣщеніе. Такой дѣятель стоитъ полной біографіи, въ наставленіе современникамъ и потомству. Мы скажемъ здѣсь только то небольшое, что о немъ знаемъ и помнимъ. Чтобы изобразить какъ слѣдуетъ всю его жизнь во всей ея полнотѣ, мы не имѣемъ для такого труда ни авторскаго таланта, ни достаточнаго времени, ни даже подъ рукою тѣхъ источниковъ, которые, вѣроятно, будутъ отысканы и собраны.

Н. И. родился въ концѣ 80-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Отецъ его, Иванъ Петровичъ, былъ директоромъ Московскаго университета, и всѣхъ своихъ 4-хъ сыновей, Андрея, умершаго въ молодости, Александра, извѣстнаго въ Европѣ, этого самаго Николая и Сергѣя, скончавшагося во цвѣтѣ лѣтъ и бывшаго совѣтникомъ нашей константинопольской миссіи, ввѣрилъ профессору Антонскому, воспитавшему ихъ въ Москов. университет. пансіонѣ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Дашковымъ и другими лицами, болѣе или менѣе извѣстными въ Россіи заслугами или литературными талантами. Тургеневы завершили потомъ свое образованіе въ Гёттингенѣ. Когда знаменитый баронъ Штейнъ, заклятый врагъ Наполеона 1-го, искалъ и нашелъ убѣжище отъ его преслѣдованія, вступивъ въ русскую службу, Николай Тургеневъ послѣдовалъ за нимъ въ концѣ 12-го или началѣ 13-го г. въ Германію и у сего-то государственнаго мужа, такъ много послужившаго возрожденію Пруссіи и всей германской свободѣ, научился нашъ пылкій юноша страстно и пламенно любить свою отчизну, и любить не одну ее, а все человѣчество и отстаивать, защищать вѣчныя права его. Воротясь еще

молодымъ человѣкомъ, онъ обратилъ на себя вниманіе правительства и общества своей книгой, подъ названіемъ *Теорія налоговъ* (1815). Подъ руководствомъ Сперанскаго занимался онъ въ комиссіи составленія законовъ разными законодательными проектами въ свободлюбивомъ духѣ и въ то же время дѣятельно служилъ въ званіи помощника статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта по департам. законовъ, гдѣ предсѣдательствовалъ отличавшій его Н. С. Мордвиновъ, и кромѣ всего этого, Тургеневъ имѣлъ еще особенныя порученія по министерству финансовъ. Баронъ Штейнъ былъ главнымъ дѣятелемъ уничтоженія крѣпостничества въ Пруссіи. Нашъ Тургеневъ едва ли не первый изъ всѣхъ, еще до 20-хъ годовъ столѣтія, во всеуслышаніе, съ восторженною дерзостью, началъ свою проповѣдь освобожденія русскихъ крестьянъ, подавалъ проекты и составилъ неудавшееся на первый разъ открытое общество изъ немногихъ вліятельныхъ помѣщиковъ, желавшихъ подать собою примѣръ освобожденія своихъ крѣпостныхъ. Императоръ Александръ нашелъ такое общество неблаговременнымъ. Баронъ Штейнъ былъ однимъ изъ основателей тайнаго въ Германіи общества, извѣстнаго подъ именемъ Tugendbund'a. Тургеневъ, преслѣдуемый одною завѣтною мыслью добиться во что бы ни стало освобожденія крестьянъ, вступилъ въ тайное сѣверное общество при самомъ первомъ его образованіи. Когда Никита Муравьевъ, возстановляя распадавшійся союзъ благоденствія и при немъ тайное сѣверное общество, учредилъ для управленія онаго думу, ея первыми членами были, кромѣ самого Муравьева, князь Евгеній Оболенскій и Н. И. Тургеневъ. Послѣдній однако не принималъ новыхъ членовъ, отличаясь особенною умѣренностью, неодно-

кратно изъясняя, что главною его цѣлью было достиженіе свободы помѣщичьихъ крестьянъ, распространеніе въ Россіи народнаго образованія и свободной печати. При отъѣздѣ за границу въ апрѣлѣ 1824 г. Тургеневъ разорвалъ всѣ свои сношенія съ обществомъ и считалъ себя вышедшимъ изъ него, какъ сказано на стр. 430-й VI тома Исторіи Императора Александра, сочиненія Богдановича, гдѣ авторъ въ своихъ примѣчаніяхъ ссылается на показанія Никиты Муравьева и Пестеля и на записку объ участіи въ тайномъ обществѣ самого Николая Ивановича (приложеніе къ тому же тому стр. 56, прим. 25).

Пишущій эти строки, не встрѣчаясь ни разу съ Тургеневымъ, зналъ о немъ по наслышкѣ и узналъ коротко изъ его переписки съ братомъ Александромъ. Не будемъ останавливаться на извѣстныхъ всѣмъ слѣдствіи и верховномъ уголовномъ судѣ, на обвиненіяхъ перваго и приговорахъ послѣдняго, которыми сперва обвиненъ, а потомъ осужденъ былъ и отсутствующій, но не явившійся по приказу къ отвѣту изъ чужихъ краевъ Тургеневъ. Обо всемъ этомъ писалъ онъ подробно самъ въ своей книгѣ *La Russie et les Russes*. Останемся на самой личности Тургенева.

Я встрѣтился съ нимъ въ первый разъ осенью 1833 г. въ Женевѣ, за недѣлю передъ его женитьбой. Тургеневъ зналъ меня по рассказамъ и письмамъ брата своего Александра. Я нашелъ въ немъ человека съ небольшимъ лѣтъ подъ 40, слегка прихрамывающаго, но гораздо менѣе свѣтскаго, блистательнаго, симпатичнаго, какимъ былъ всегда старшій его братъ Александръ, и въ то же время болѣе серьезнаго, глубже ученаго, рѣдко веселаго, иногда пасмурнаго и задумчиваго. Такимъ представился онъ мнѣ въ счастливую минуту

своей жизни, за нѣсколько дней до свадьбы на дочери Піемонтскаго изгнанника генерала Віариса, подобно ему лишеннаго отечества и, сверхъ того (чего не было съ Тургеневымъ, благодаря братской дружбѣ), лишеннаго при старости всѣхъ средствъ къ жизни.

Невольное пребываніе его за границей было невыносимо тяжело. Во Франціи Карла X онъ не могъ надолго поселиться. Всѣ путешествующіе и пребывающіе въ Парижѣ, наши земляки, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, бѣжали отъ него какъ отъ заразы, а онъ все еще душой и сердцемъ жилъ въ Россіи и дышалъ однимъ ея духомъ. Онъ не могъ даже ходить въ русскія посольскія церкви, которыя по народному праву находятся законно на русской почвѣ, пользуясь такъ называемымъ *le droit d'exterritorialité*: тамъ неминуемо встрѣтили бы его появленіе враждебными взорами всѣ посѣтители, а чего добраго, думалъ онъ, и законное преслѣдованіе. Церковь посольская, единственная въ Парижѣ нашего исповѣданія, недоступна была ему даже къ исполненію обычнаго говѣнья. Поэтому-то не могъ онъ и вѣнчаться въ нашей посольской церкви въ Бернѣ, а долженъ былъ обратиться для совершенія надъ нимъ таинства къ греческому іеромонаху, временно пребывавшему въ Женевѣ. Нелегко было имъ съ братомъ найти и законныхъ свидѣтелей предстоявшей свадьбы. При мнѣ объ этихъ затрудненіяхъ говорилось не разъ между ними обоими, но прямого приглашенія въ свидѣтели брака сдѣлано мнѣ не было. Я воспользовался ихъ молчаніемъ и, признаюсь, въ душѣ былъ радъ, что такимъ образомъ могъ прилично отъ нихъ отдѣлаться, ибо, по тогдашнимъ моимъ понятіямъ о Николаѣ Тургеневѣ, я видѣлъ въ немъ государственнаго преступника, законно лишеннаго всѣхъ

правъ состоянія. Въ 1833 году я находился еще подъ вліяніемъ той среды нашего общества, которая безпощадно осуждала недавнія волненія въ Петербургѣ. Къ счастью, вызвались на свидѣтельство брака два молодые братья Викулины, я же оставилъ Женеву до свадьбы и уѣхалъ съ женой пожить въ Веве. Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Женевы цѣлый день проспорилъ я съ женихомъ Тургеневымъ объ эмансипации, которую я тогда не совсѣмъ понималъ и за возможность исполненія боялся. Описавъ эту нашу первую встрѣчу, ворочусь назадъ. Все время слѣдствія и суда надъ нимъ Н. Тургеневъ прожилъ въ Парижѣ. На свиданіе съ нимъ ѣхалъ туда меньшей братъ Сергѣй; старшій Александръ подозрѣвалъ въ Сергѣѣ признаки помѣшательства, что видно изъ письма Жуковскаго къ Е. Г. Пушкиной изъ Лейпцига въ апрѣлѣ 1827 года *). Въ томъ же 1827 г. 2-го іюня Сергѣй Тургеневъ умеръ въ Парижѣ на рукахъ Жуковскаго и братьевъ. Убитаго новымъ горемъ Александра утѣшали Свѣчина и графиня Разумовская. Оба брата Тургеневы въ началѣ 1828 года были въ Англіи и посѣщали въ Единбургѣ Вальтеръ-Скотта въ его историческомъ замкѣ. Сколько намъ извѣстно, Николай Тургеневъ остался въ Англіи до іюльской революціи и возвратился въ Парижъ на постоянное житіе вскорѣ по изгнаніи изъ Франціи законнаго ея короля, послѣ котораго (*par des circonstances à jamais déplorable*, какъ сказано было въ автографическомъ письмѣ императора Николая къ новому королю) началъ царствовать Луи Филиппъ. Обоихъ Тургеневыхъ тянула къ партіи орлеанистовъ умѣренность ея политики, сред-

*) Въ XIX вѣкѣ, кн. 1-я, стр. 411.

ней между ничему не научившимися и ничего не забывшими легитимистами и отчаянными республиканцами; о главѣ которыхъ, изъ самыхъ кроткихъ между ними, о генералѣ Лафайетѣ, императоръ Александръ I выразился однажды слѣдующими словами: *C'est une vieille lampe qui put toujours.*

Будущность, такъ много сулившая обоимъ братьямъ, была уничтожена. Одинъ жилъ въ изгнаніи, другой страдалъ за него, невинно осужденнаго; тщетно въ продолженіе всей своей жизни отъ 1826 г. до 1845 Александръ Тургеневъ велъ ежедневную борьбу съ правительственными лицами и обществомъ, всѣми средствами домогаясь оправданія брата передъ современниками и потомствомъ. Все еще ободрялся надеждами, онъ оставилъ на время службу, на которой имѣлъ столько успѣховъ; половину года онъ жилъ въ Парижѣ съ Николаемъ, отдавая другую хлопотамъ за него по ихъ имѣнію; ибо постоянною заботою его о братѣ, уже семейномъ, было устроить ему независимое состояніе.

Нашему просвѣщенному обществу необходимо имѣть подробную и полную біографію обоихъ братьевъ, соединенныхъ такою нѣжною неразрывною дружбою, несмотря на то, что ихъ разлучила судьба и такъ часто отдаляло другъ отъ друга обширное пространство. Изъ жизнеописанія Александра, составленнаго по его журналу, могли бы мы узнать берлинское, лондонское, вѣнское и особенно парижское общество годовъ реставраціи и Луи Филиппа. Изъ его журнала, ежедневно веденнаго, открылись бы намъ подробныя свѣдѣнія о библейскихъ обществахъ, о тогдашнихъ мистикахъ, Лабзинѣ, Голицынѣ, г-жѣ Крюднеръ и Татариновой, равно какъ и о смертной борьбѣ съ ними изу-

вѣровъ Шишкова и Фотія и т. д. Ознакомившись съ бумагами Н. Тургенева, которыхъ, какъ извѣстно мнѣ, осталось множество, мы еще короче и еще подробнѣе, чѣмъ изъ его книгъ, узнали бы отношенія его къ декабристамъ и его мнѣнія о ихъ дѣйствіяхъ.

Я не имѣлъ достаточнаго времени въ пребываніе свое въ Парижѣ приступить къ портфелямъ Н. П., но изъ частныхъ и откровенныхъ мнѣ разсказовъ обоихъ братьевъ имѣю полное право утверждать по чистой совѣсти (вмѣстѣ съ Богдановичемъ), что Н. Тургеневъ дѣйствительно съ 1824 г. разорвалъ всякое сношеніе съ обществомъ и считалъ себя уже вышедшимъ изъ него: ибо онъ въ то время, прибавлю собственныя его слова, совершенно увѣрился въ томъ, что всѣ эти тайныя общества ничего сдѣлать не могутъ и никогда не приступятъ къ явному исполненію своихъ замысловъ, которыхъ онъ, впрочемъ, и не осуждалъ, почитая ихъ мечтательными и несбыточными. Мы имѣемъ нѣкоторое право предполагать, что многіе изъ декабристовъ не признавали и не признаютъ за Тургеневымъ рѣшительнаго его разрыва съ обществомъ, упрекали и упрекаютъ его въ двоедушіи, ставили и ставятъ ему въ вину то, что онъ не явился по призыву на судъ, чтобы раздѣлить съ ними всю тяготу 30-тилѣтней ссылки. Но явиться на судъ въ 1826-мъ году при всѣхъ тогдашнихъ условіяхъ крайняго ожесточенія противъ декабристовъ и правительства и общества было бы такимъ донкихотствомъ, къ проявленію котораго такъ бы сама собою приклеилась извѣстная фраза: «*du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas*». «*Qu'allait il faire dans cette galère?*», сказали бы о немъ. Въ подобныхъ случаяхъ болѣе бываетъ ума у общества, чѣмъ у Вольтера (*le monde a plus d'esprit*

que Voltaire lui-même). Но просить суда и стать передъ нимъ тогда, когда крайнее раздраженіе начало утихать и сверху и въ общественной средѣ, неоднократно желать и просить о томъ Н. И., что доказывалось и внесеннымъ въ примѣчаніяхъ Богдановича указаніемъ на оправдательную записку, написанную для императора Николая Жуковскимъ, и ходатайствами о приѣздѣ его въ Петербургъ для отвѣта со стороны брата его Александра. Сверхъ того, мы знаемъ изъ одной брошюры Н. И., что одинъ разъ г. Бенкендорфъ (или уже Орловъ) просилъ Николая Павловича дозволить Тургеневу приѣхать въ Россію. Государь, при такомъ докладѣ, задумался и, долго оставаясь въ нерѣшимости, произнесъ какъ бы нехотя: «Нѣтъ, а пусть остается». Н. Тургеневъ, приводя этотъ отвѣтъ, несмотря на все прошлое, умѣлъ почтить его своей глубокой, искренней признательностью. Не сталъ бы и любвеобильный А. Тургеневъ до самой своей смерти враждовать съ однимъ изъ старинныхъ своихъ друзей, если бы не былъ увѣренъ въ невинности брата, если бы ошибка, вкрапшаяся въ докладъ слѣдственной комиссіи и не исправленная по одному упорству, тѣмъ самымъ не обратилась потомъ окончательно въ клевету, неопровержимо доказанную позже самимъ Тургеневымъ и въ его книгѣ, и въ одной изъ его послѣднихъ брошюръ.

И опять прикладываю мою руку къ мнѣнію обоихъ Тургеневыхъ о томъ, что никакихъ важныхъ послѣдствій не вышло бы изъ всѣхъ этихъ тайныхъ обществъ, если бы не настигла членовъ внезапная смерть императора Александра и не послѣдовали бы за ней тѣ роковыя три недѣли, все время которыхъ можно по справедливости назвать, въ нѣкоторомъ отношеніи, какимъ-то полнымъ смутъ междуцарствіемъ. Изъ не

напечатанныхъ еще Записокъ одного изъ самыхъ добродушныхъ декабристовъ, назвать котораго я по-
этому и не имѣю права, узнають въ непродолжи-
тельномъ времени, что даже самъ Пестель отчаявался
въ исполненіи своихъ замысловъ до такой степени,
что рѣшался поѣхать въ Таганрогъ, лично разсказать
императору Александру всѣ тайны заговора и убѣдить
его измѣнить свой образъ правленія. А Пестель былъ,
какъ извѣстно, душою и главою всѣхъ заговорщи-
ковъ. Составитель указанныхъ мною Записокъ былъ
его сослуживцемъ и другомъ, и онъ-то свидѣтель-
ствуетъ, что убѣдилъ Пестеля удержаться отъ такого
отчаяннаго намѣренія, упросивъ его созвать ближай-
шихъ членовъ южнаго общества и посовѣтоваться
объ этомъ съ ними. Рѣшено было всѣмъ удержаться
отъ такой выходки. Слѣдовательно, не будь между-
царствія, не было бы и мятежа. Исторія, какъ и все
человѣческое, измѣняется; судъ ея надъ событіями
имѣетъ свой прогрессивный ходъ; роли, разыгрывае-
мая двигателями общества, представляются въ раз-
личномъ свѣтѣ не только отъ современниковъ къ по-
томству, но и отъ одного поколѣнія къ другому.
Наполсонъ Тьера, правителя Франціи, ничѣмъ не по-
ходитъ на Наполеона, изображеннаго Ланфре, послан-
никомъ этого правителя при Швейцарскомъ союзѣ.
Тьеръ своей многотомной исторіей облегчилъ На-
полеону III путь къ захвату Франціи; Ланфре окон-
чательно уничтожилъ обаяніе славы Наполеона I-го,
носившееся надъ Франціей, и воздвигъ одну изъ са-
мыхъ твердыхъ баррикадъ, препятствующихъ возврату
въ нее Наполеона III-го со всѣми возможными На-
полеонидами; а между тѣмъ тотъ и другой еще здра-
вствуютъ и дѣйствуютъ.

Когда, по полученіи высочайшаго отзыва съ *совѣтомъ оставаться*, послѣдній лучъ надежды на оправданіе и возвратъ въ отечество угасъ, Николай Ивановичъ началъ собирать матеріалы для изданія извѣстнаго своего сочиненія *La Russie et les Russes*. Въ Петербургѣ скоро узнали, что онъ возымѣлъ намѣреніе писать о Россіи, и вслѣдъ затѣмъ дошли до него, отъ вліятельныхъ лицъ, довольно ясныя намеки оставить этотъ трудъ. Ему давали почувствовать, что, по всѣмъ вѣроятностямъ, за такое молчаніе можетъ послѣдовать прощеніе. Онъ отвѣчалъ внушительницамъ, что, считая себя правымъ, въ прощеніи не нуждается, а труда своего, при жизни брата Александра, и безъ того печатать не будетъ, чтобы не повредить ему, состоящему на службѣ (при главномъ начальникѣ почтъ князѣ А. Н. Голицынѣ). Александръ Тургеневъ и служилъ, и жилъ по временамъ въ Россіи только потому, чтобы имѣть возможность превратить въ деньги недвижимое свое состояніе и перевести на имя брата всѣ капиталы. Долго боролся онъ съ мыслью передать въ чужія руки старинное родовое свое имѣніе (въ Симбирской губерніи) и плакалъ горькими слезами, подписывая купчую, нѣсколько успокоивая себя тѣмъ, что горячо любимые имъ русскіе крестьяне вообще, а его собственные крестьяне колымъ паче, переходятъ по крѣпости въ тотъ же Тургеневскій родъ, и что покупатель, двоюродный его братъ, далъ ему честное слово ихъ любить и жаловать. Николай Ивановичъ, также скрѣпя сердце и не безъ слезъ, подчинился такому распоряженію брата и благодѣтеля, и такимъ образомъ *volens-nolens* воспользовался вполне значительными капиталами, вырученными отъ этой продажи. Когда, бывало, Николай Ивановичъ бесѣ-

довалъ со мною о любезныхъ ему крестьянахъ всѣхъ вообще и горевалъ о продажныхъ своихъ, ни разу не пропускалъ онъ, говоря объ эмансипаціи крестьянъ, рѣзко порицать остзейскихъ помѣщиковъ за то, что они освободили своихъ латышей и эстовъ безъ земли, 50 лѣтъ тому назадъ. Онъ забывалъ, что въ то время радовался онъ самъ всѣмъ сердцемъ и такому освобожденію, и ставилъ его въ примѣръ намъ, помѣщикамъ внутренней Россіи. Я, щадя его страстную нѣжность къ крестьянству, не имѣлъ храбрости ни разу припоминать отчужденіе ихъ родового Тургеневскаго имѣнія продажею, а защищалъ остзейцевъ отъ его нападеній правомъ давности полувѣкового освобожденія, оправдывая ихъ сверхъ того понятіями того времени, въ которое мысль о необходимости надѣла крестьянъ землею рѣдко кому приходила въ голову. Не одинъ разъ случалось мнѣ, въ послѣднія 20 лѣтъ, встрѣчаться съ такими помѣщиками, которые зачастую и покупали, и продавали, выселяли, и переселяли, и даже ссылали крестьянъ, и вдругъ, предчувствуя весенній свободный воздухъ, какъ бы маніемъ какого-то волшебнаго жезла, становились въ первые ряды эмансипаторовъ; но эти господа, обладающіе такою шаткостью убѣжденій, не стоятъ того, чтобы на нихъ долго останавливаться мысленно. Непослѣдовательность же въ этомъ случаѣ честныхъ братьевъ Тургеневыхъ была и для меня за нихъ прискорбна.

Въ концѣ 1845 года А. И. Тургеневъ умеръ въ Москвѣ, въ тѣсномъ, загроможденномъ портфелими и книгами мезонинѣ небольшого дома двоюродной своей сестры Нефедьевой. Онъ былъ чрезмѣрно скупъ для себя и сберегалъ каждый рубль семьѣ брата, которо-

му и успѣлъ передать въ Парижѣ всѣ свои капиталы. Николай Ивановичъ промѣнялъ ихъ съ большою, какъ опытный финансистъ, для себя выгодною на иностранные фонды; приобрѣлъ покупкою за 600,000 франковъ домъ, жилъ въ немъ довольно широко, а лѣто проводилъ на прехорошенькой своей дачѣ въ окрестностяхъ Парижа.

Къ этой моей статейкѣ, поверхностной и спѣшной, которую посвящаю я памяти Тургенева, прибавлю еще нѣсколько послѣднихъ словъ о его другѣ и братѣ. Много жертвъ Александръ Ивановичъ принесъ своему милому изгнаннику, отдалъ ему всю свою жизнь, лишая себя въ лѣтахъ уже преклонныхъ всѣхъ удобствъ, необходимыхъ для старости. Матеріальныя лишенія переносилъ онъ смѣючись, но не легко доставались впечатлительному его сердцу часто встрѣчаемыя имъ оскорбленія самолюбія. Онъ отстранился почти отъ всѣхъ своихъ современниковъ и товарищей по прежней службѣ, которые, въ званіи членовъ государственнаго совѣта или сенаторовъ, должны были подписать смертный приговоръ его брату, и неизбѣжность съ ними встрѣчи въ петербургскихъ салонахъ (безъ которыхъ онъ нигдѣ не могъ жить) поневолѣ заставляла его предпочитать первопрестольный городъ первостолличному. Чтобы не совсѣмъ бездѣйствовать на служебномъ поприщѣ, чтобы не состоять только при особѣ достойно уважаемаго государемъ князя А. Н. Голицына, измыслилъ онъ себѣ занятіе по сердцу, за границу: порученіе отрывать въ библіотекахъ и музеяхъ драгоцѣнные для Россіи письменные памятники. Но и тутъ, исполнивъ съ большимъ успѣхомъ взятый на себя трудъ, не безъ внутренняго смущенія получилъ онъ неожиданную по службѣ награду за

поднесенное государю собраніе рѣдкихъ ватиканскихъ документовъ: ему, въ чинѣ тайнаго совѣтника, данъ былъ орденъ Станислава 1-й степени, тогда какъ онъ болѣе 20 лѣтъ носилъ уже Владимірскую звѣзду 2-го класса.

Считаю лишнимъ упоминать о капитальномъ трудѣ Николая Ивановича, **La Russie et les Russes*: онъ, всѣмъ извѣстный, изданъ былъ имъ вскорѣ по кончинѣ брата Александра.

Посѣщавшіе Николая Ивановича въ Парижѣ, многіе близкіе мнѣ земляки, по кончинѣ императора Николая, когда на нашемъ горизонтѣ только что начинала занимать заря освобожденія, сообщали мнѣ то напряженное настроеніе, котораго онъ не могъ разсѣять и изъ котораго не могъ почти выходить ни на одинъ часъ. Въ это время онъ ожидалъ ежеминутно вѣстей о великихъ реформахъ и преобразованіяхъ, и до такой степени весь переполненъ былъ одною мыслью, одною вѣчною своею надеждою, что молодые путешественники, пріѣхавшіе въ Парижъ не затѣмъ, чтобы говорить лишь о Россіи и русскихъ, отъ него бѣгали, или наконецъ вынуждены были сокращать свои рѣдкія посѣщенія, чтобы не оскорблять старика зѣвотою и дреманьемъ. Впрочемъ, страстный, можетъ быть до излишества, патріотъ былъ такимъ съ юности и безъ сомнѣнія остался до конца жизни. При радушной встрѣчѣ съ кѣмъ-либо изъ русскихъ, мало-мальски способныхъ вести дѣльную и серьезную бесѣду, русская рѣчь Николая Ивановича такъ и разливалась въ его небольшой, уютной гостиной отъ самаго обѣда до полуночи. И напрасно достойная его супруга, не усвоившая себѣ нашего языка, поневолѣ выслушивая непонятные ей звуки, умоляла

мужа обратиться къ французскому языку, которымъ почти всегда владѣлъ и собесѣдникъ. У Николая Ивановича была, просто сказать, непомѣрная страсть ко всему русскому. По-французски говорилъ онъ свободно, по-русски превосходно, увлекательно, страстно, съ какимъ-то строгимъ, всегда логическимъ, краснорѣчіемъ. Французская его рѣчь, несмотря на 30 лѣтъ, проведенныхъ въ Парижѣ, сохранила отгѣнокъ какого-то прирожденнаго намъ русскаго акцента; въ ней даже слышались руссицизмы. Да и самъ онъ сознавался въ томъ, что никогда не старался, лучше сказать: никогда не хотѣлъ, блистать на ихъ языкѣ въ разговорахъ съ парижанами, а, напротивъ, всегда желалъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не забывалъ, что онъ истый русскій.

И такого-то патріота злая судьба осудила на изгнаніе до конца жизни, то поневолѣ, то по стеченію обстоятельствъ. Легко сказать съ 1824 года по 1871 годъ!! И такого-то человѣка многіе изъ насъ судятъ и рядятъ: зачѣмъ, да почему не переселился онъ на Русскую почву, какъ скоро сдѣлалась она ему доступною? Не доискивайтесь причинъ, не ройтесь въ чужой совѣсти. Кто знаетъ, кто увѣдаетъ задушевную тоску, глубокую скорбь по родинѣ этого старца!

Когда въ 1856 году прибылъ на мировой конгрессъ въ Парижъ полномочный нашъ посолъ *ad hoc*, князь А. О. Орловъ, Николай Ивановичъ, нѣкогда знавшій его въ Петербургѣ и бывшій въ близкихъ связяхъ съ братомъ его Михаиломъ Орловымъ, объяснилъ ему подробно прежнія сношенія свои съ тайными обществами и убѣдилъ его въ окончательномъ разрывѣ своемъ съ ними, еще въ 1824 году. Князь Орловъ представилъ все это императору, и вскорѣ Тургеневъ

возстановленъ былъ во всѣхъ правахъ, какъ вполнѣ оправданный: ему возвращенъ былъ прежній его чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, вмѣстѣ съ знаками отличія. Весною 1857 года воспользовался онъ возможностью вступить, въ первый разъ, на Русскую землю послѣ долгаго изгнанія. Я пробылъ съ нимъ въ это время нѣсколько дней въ Петербургѣ и былъ свидѣтелемъ его счастья. Пробывъ не болѣе недѣли на берегахъ Невы, вмѣстѣ съ сыномъ и дочерью, отправился онъ въ любимое имъ, по воспоминаніямъ, сердце Россіи (Тургеневъ сочувственно призналъ за Москвой это новое прозваніе), и тамъ вступилъ въ законныя права наслѣдства доставшагося ему родового Тургеневскаго имѣнія по смерти двоюродной своей сестры Нефедьевой, мать коей была урожденная Тургенева, родная его тетка. При раздѣлѣ съ наслѣдниками онъ получилъ, по желанію своему, небольшое родовое имѣніе сестры въ Каширскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, душъ около 200 съ землею менѣе 1000 десятинъ, село Стародубъ, гдѣ былъ обветшалый господскій домъ съ старинной усадьбой и близъ него церковь. Первой заботой его было проявить на дѣлѣ безпредѣльную любовь свою къ русскому крестьянину. Объ эмансипаціи ходили тогда уже слухи, но извѣстныхъ рескриптовъ генералу-адъютанту Назимову еще не было. Николай Ивановичъ, желая немедленно освободить крестьянъ, конечно съ землею, предложилъ имъ на мѣстѣ всевозможныя уступки, но, кажется, не получилъ ихъ согласія. Въ то же время, желая имѣть тамъ осѣдлость, а можетъ быть и мечтая о возможности въ ней поселиться, началъ строить себѣ, вмѣсто полуразрушеннаго, новый домъ, не забывъ, впрочемъ, устроить для крестьянъ, тутъ же

около церкви, школу, больницу и богадѣльню и вмѣстѣ обезпечить безбѣдное существованіе церковнаго причта. Такимъ устройствомъ новой, никогда небывальной у него собственности радовался онъ, какъ малый ребенокъ, и, возвратясь въ Парижъ, преимущественно одною ею занимался.

Здѣсь не лишнимъ считаю рассказать одинъ случай неважный, но, по моему мнѣнію, довольно интересный. Когда въ посольской парижской церкви прочтенъ былъ, передъ торжественнымъ молебствіемъ, всемилостивѣйшій манифестъ 19 февраля 1861 года, и подошли къ кресту, послѣ многолѣтія Самодержавному Освободителю, нашъ посолъ графъ Киселевъ съ чиновниками миссіи, декабристъ князь Волконскій, косо глядѣвшій на Тургенева, несмотря на свою къ нему непріязнь, громко предложилъ при всѣхъ Николаю Ивановичу прикладываться къ кресту первому, какъ человѣку, давшему починъ этому святому дѣлу.

Нѣтъ никакой нужды говорить о томъ, что Тургеневъ привелъ въ своемъ имѣніи изданное положеніе о крестьянахъ со всевозможными для нихъ льготами, уступилъ имъ, къ явной для себя невыгодѣ, всю ближайшую землю, остальную же собственную далъ имъ на долгій срокъ въ аренду за неслыханно дешевую цѣну, по 1½ рубля за десятину. Подобное великодушіе къ освобожденнымъ могъ имъ оказать развѣ одинъ только Тургеневъ и по благородной страсти къ свободѣ, а еще и потому, что, имѣя большіе денежные капиталы, жилъ онъ безбѣдно. Каширское свое имѣніе, въ которое онъ, такъ сказать, влюбился, приносило ему не доходъ, а сравнительно съ настоящею его стоимостью большой убытокъ. Въ первые годы послѣ эмансипаціи онъ опять съ старшимъ сы-

номъ посѣтилъ возлюбленный свой русскій уголокъ, выхлопотать себѣ дворянскую грамоту и внести своихъ двухъ сыновей въ дворянскую родословную книгу Тульской губерніи. Казалось бы, вся цѣль его жизни была достигнута, и неукротимому его патриотизму настала пора уговориться. Напротивъ, въ мартѣ 1863 года, посѣтивъ въ Парижѣ на короткое время Николая Ивановича, нашелъ я его въ новой тревогѣ. Его жена и дѣти встрѣтили меня тѣмъ, что вотъ уже болѣе 10 дней находится онъ въ крайне опасномъ раздраженіи и, несмотря на великолѣпную весеннюю погоду, не только отказывается отъ ежедневныхъ загородныхъ своихъ прогулокъ верхомъ, но и не выходитъ на солнце подышать теплымъ воздухомъ въ свой палисадникъ на дворѣ дома. Насилу уговорили его выѣхать прокатиться въ коляскѣ, и то подъ предлогомъ показать мнѣ новый чудный Парижъ, котораго я не видалъ съ 1826 года: до такой степени раздраженія возмущался онъ въ это время мятежемъ Польши, слухами о козняхъ противу насъ Европы и страхомъ, чтобы мы не сдѣлали уступокъ ея вліянію и не отдали Царство Польское. Судя по всему этому, я почти убѣжденъ, что Н. П. до послѣднихъ дней жизни таилъ въ себѣ надежду когда-нибудь водвориться въ Россіи, невзирая на всѣ сложившіяся судьбой обстоятельства, которыя такъ сильно въ томъ ему препятствовали.

Пребываніемъ своимъ въ Парижѣ онъ не имѣлъ, впрочемъ, никакой причины быть недовольнымъ. По возвращеніи ему всѣхъ правъ русскіе уже не избѣгали его. Часто бывалъ онъ на интимныхъ обѣдахъ гостепріимнаго нашего посла Киселева; у себя собиралъ онъ всѣхъ тѣхъ соотчичей, которые стремились

къ нему, какъ къ знаменитости своего рода. Со мно-
гими изъ нихъ, проживавшими въ Парижѣ, онъ жилъ
дружно. Его жена и дочь не любили кружиться въ
вихрѣ парижскаго большого свѣта, а самъ Тургеневъ,
съ первыхъ годовъ молодости, отъ него вездѣ уда-
лялся. Вся семья ограничивалась небольшимъ круж-
комъ людей образованныхъ. Въ радушный ихъ домъ
широко отворялись двери немногимъ избраннымъ. За
ихъ обѣдами, зимою 1870-го года, встрѣчалъ я часто
самое пріятное, разнообразное общество. И нашъ
протоіерей, и отецъ Гагаринъ, и пасторы Пресансе и
Мартень Пашо, и ученый германецъ, поселившійся
въ Парижѣ, академикъ Мольтъ съ женою, и ориента-
листъ Ханыковъ бывали часто у Тургеневыхъ моими
сообщниками. На ранній вечеръ, по субботамъ, соби-
рались дамы съ другими замѣчательными иностран-
цами и рѣдкими посѣтителями изъ французовъ. Меж-
ду послѣдними вспоминаю я троихъ: старика протес-
танта Боншоза (сочинителя исторіи Гусситовъ), яра-
го республиканца Ташара, члена законодательнаго
собранія, и, наконецъ, бывшаго во время оно мини-
стромъ юстиціи, Одильона Баро *).

*) Первый замѣчателенъ тѣмъ, что онъ былъ протестантомъ, а братъ его
Боншозъ, кардиналъ, архіепископъ, сенаторъ, врагъ свободы печати и защит-
никъ ультрамонтанизма. Второй — Ташаръ — тѣмъ, что принадлежалъ въ своей
палатѣ депутатовъ къ крайней партіи непримиримыхъ враговъ Наполеона
III, *irreconcilables*, и послѣ отчужденія отъ Франціи Эльзаса долженъ былъ
поневолѣ очутиться нѣмцемъ. Третій, Одильонъ Баро, — одинъ изъ главныхъ
двигателей февральской революціи, заводчикъ тѣхъ извѣстныхъ обѣдовъ,
которыми она началась. Послѣдній надолго останется мнѣ памятнымъ по
разсказанному имъ собственному его анекдоту. Привожу весь этотъ разсказъ,
очень по моему любопытный, странный и презабавный. Стоя спиною къ ка-
мину, съ краснорѣчіемъ французскаго публициста, не обращаясь ни къ ко-
му лично, повѣствовалъ онъ сначала тихо столпившемуся понемногу около
него обществу, какъ, въ самое утро этой субботы, приглашенъ былъ онъ
императоромъ въ Тюльери и выслушалъ отъ него предложеніе взять порт-

Если не послѣднюю войну, то какую-то страшную бурю во Франціи предсказывать Николай Ивановичъ среди постоянныхъ своихъ занятій въ чтеніи русскихъ газетъ и журналовъ и въ разборѣ своихъ и братниныхъ бумагъ. Что было съ нимъ и съ его семьей передъ войной, безумно поднятой эксъ-императоромъ,—не знаю. Но онъ успѣлъ удалиться въ Англію передъ осадой нѣмцами Парижа, и имѣлъ несчастіе возвратиться въ него передъ чудовищной коммунѣй. Долго мы его отсюда отыскивали, и, наконецъ, всѣ его бѣды узнали изъ послѣдняго къ намъ письма, отрывокъ котораго привожу здѣсь, какъ заключеніе.

«Vert-Bois 2¹/₁₁ іюля 1871 г.

«Мы прожили тяжелое время. Въ прошломъ году мы какъ-то поторопились отсюда выѣхать, а въ нынѣшнемъ поторопились сюда возвратиться. Въ Англіи мы прожили 7 мѣсяцевъ.

«Объ Англіи могу только сказать, что мы встрѣтили тамъ такой ласковый пріемъ, какого никогда не могли ожидать. Всѣ старые знакомые и новые осыпали насъ и приглашеніями, и предложеніями услугъ всякаго рода. Но невеселое положеніе, въ которомъ мы находились, не позволяло намъ пользоваться этимъ

фель *garde des sceaux*, т.-е. министра юстиціи; какъ между ними долго шли переговоры, кончившіеся тѣмъ, что разказчикъ, почтительно выражая своему государю свои причины, рѣшительно отказался отъ министерства, по преклонности своихъ лѣтъ. Увлечательный, довольно длинный разказъ кончился, и послѣ минутнаго молчанія возбужденнаго ораторомъ кружка, выступила впередъ прекрасная, изящно одѣтая, англичанка родомъ, по мужу француженка. Она протянула Одильону Баро аристократическую свою руку. *Oserais-je, sortant d'un si mauvais lieu?*—живо произнесъ онъ. Та отвѣчала: „*Donnez toujours*“. На русскихъ эта маленькая сцена произвела особенно странное впечатлѣніе; мнѣ, по крайней мѣрѣ, какъ-то сдѣлалось очень неловко.

англійскимъ радушіемъ и благорасположеніемъ. Жена моя выѣзжала утромъ къ своимъ стариннымъ пріятельницамъ. Я почти нигде не выходилъ изъ дома. Зато наши знакомые посѣщали насъ ежедневно. Небольшая наша гостиная ежедневно, до обѣда, наполнялась посѣтителями. Но по вечеру мы почти всегда оставались одни. Я познакомился и съ нашимъ священникомъ; это самый достойнѣйшій изъ всѣхъ нашихъ священниковъ, мнѣ извѣстныхъ. Я его глубоко уважаю — и какъ священника и какъ человѣка.

«Въ началѣ марта, по окончаніи войны, и жена и дѣти захотѣли возвратиться. Альбертъ (старшій сынъ) былъ уже въ Парижѣ, пріѣхавъ туда съ однимъ изъ огромныхъ поѣздовъ, привозившихъ пищу голодающимъ жителямъ Парижа отъ лондонскаго лордъ-мера. Черезъ 10 дней по нашемъ возвращеніи возникла междоусобная война. Безпрестанная пушечная пальба, особливо ночью, раздражала нервы. Подъ конецъ начались пожары. Наша улица *) особливо отъ нихъ потерпѣла. Нашъ домъ остался невредимъ. Какъ скоро можно было выѣхать изъ Парижа, мы переселились на дачу. Домъ, въ которомъ мы живемъ, былъ опустошенъ пруссаками. Другой домъ нашъ, небольшой, разстрѣлянъ, а садъ тамъ весь вырубленъ.

«Положеніе земли, въ которой судьба привела мнѣ и жить и умереть, очень печально. Я не могу не сочувствовать ея бѣдствіямъ. Гнусное во всѣхъ отношеніяхъ правительство навлекло на Францію эти бѣдствія. Но нѣмцы ихъ увеличили до крайности, безъ нужды и безъ пользы для самихъ себя, и даже во вредъ себѣ. Я всегда уважалъ нѣмцевъ, почиталъ

*) Rue de Lille, близъ законодательнаго корпуса.

ихъ самымъ образованнымъ народомъ въ мірѣ. Обстоятельства, лично до меня касающіяся, заставили меня не только уважать, но любить нѣмцевъ. Память о геттингенскихъ профессорахъ, и всего болѣе память о Штейнѣ, память о той благосклонности, которую мы нашли въ нѣмцахъ, когда въ родной землѣ насъ преслѣдовали (вы увидите это въ письмахъ брата, которыя я печатаю теперь),—все это привязывало насъ къ Германіи, и я всегда желалъ ея объединенія и видѣлъ въ объединенной Германіи залогъ мира европейскаго. Вижу теперь противное. Нѣмцы подражаютъ Наполеону I-му, котораго всегда справедливо проклинали! Такое разочарованіе для меня истинно-горестно!»

Изъ письма вдовы Н. И. Тургенева, полученнаго здѣсь 8-го ноября, выписываю подробности его кончины. За два дня до смерти сдѣлалъ онъ обыкновенную свою 2-х часовую прогулку верхомъ, занемогъ изжогой (heart-burn) и потребовалъ мѣлу, говоря, что это лѣкарство русское, а когда врачъ предложилъ замѣнить это средство молокомъ, вспомнилъ, что имъ въ Москвѣ обыкновенно лѣчится одна его пріятельница (жена моя). За нѣсколько часовъ до смерти съ жаромъ бесѣдовалъ онъ съ докторомъ о предстоящей реформѣ во Франціи народнаго просвѣщенія. Послѣ такого разговора докторъ успокаивалъ старшаго сына тѣмъ, что въ больномъ нашелъ онъ изумительную, для 82-лѣтняго старика энергію, крѣпость духа и всю полноту умственныхъ способностей. Разговоръ врача кончился въ 9 ч. вечера. Въ полночь съ 9-го на 10-е ноября н. с. Н. И. скончался тихо, окруженный своими.

Тургеневъ оставилъ жену, двухъ сыновей и дочь, вдову.

IV.

Воспоминаніе объ А. И. Герценѣ.

Третьяго дня, 9 (21) генваря 1870 г., умеръ въ Парижѣ отъ воспаленія въ легкихъ, послѣ пятидневной болѣзни, А. И. Герценъ, на 57 году отъ роду.

Горькая судьба этого человѣка стоитъ того, чтобы я рассказалъ о прежнихъ моихъ съ нимъ сношеніяхъ и о недавнемъ и недолгомъ съ нимъ свиданіи послѣ двадцатипятилѣтней разлуки.

Тутъ поневолѣ приходится мнѣ начать мой рассказъ съ моего давняго прошлаго. Воротясь въ 1826 году изъ-за границы, я причисленъ былъ къ московскому архиву министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ немъ встрѣтилъ я не тѣхъ уже великосвѣтскихъ юношей, о коихъ Пушкинъ говоритъ въ своемъ *Опыти*. Лучшіе изъ нихъ, изучивъ болѣе или менѣе основательно философію Шеллинга, переходили тогда къ изученію Гегеля. Между ними, еще гораздо прежде моего приѣзда въ Москву, составилъ литературный кружокъ, который еженедѣльно сходился у Красныхъ воротъ, въ домѣ Елагиныхъ. Авд. Петр. Елагина, урожденная Юшкова, родственница и другъ Жуковского, была мать служившихъ въ архивѣ братьевъ Кирѣевскихъ. Почетными посѣтителями ея гостиной, кромѣ архивныхъ юношей, товарищей ея сыновей и друзей по литературѣ и философін, бывали нерѣдко: Несторъ русскихъ писателей И. И. Дмитріевъ, Михаилъ Александровичъ Салтыковъ, М. Ѳ. Орловъ и назжавшіе по временамъ въ Москву Вяземскій, Жуковский и А. И. Тургеневъ, всюду извѣстный своимъ обширнымъ образованіемъ и европейскими учеными

и общественными связями. Тамъ бывалъ и Пушкинъ уже послѣ своего *Бориса Годунова*, и въ первый разъ явился тамъ Гоголь еще до *Ревизора*.

Къ этому, день ото дня распространявшемуся, московскому кружку присталъ и я, не будучи совсѣмъ литераторомъ, а по моей охотѣ иногда кое-что починять и умныхъ рѣчей послушать. Въ этомъ избранномъ, если угодно, московскомъ обществѣ роль моя была, такъ сказать, страдальческая и такую оставалась постоянно въ полномъ смыслѣ слова. Въ это время всѣ мы безъ исключенія были еще европейцами, а потому и журналъ, который въ 1832 г. началъ издавать старшій Кирѣевскій, былъ наименованъ «Европейцемъ». Впослѣдствіи къ кружку примкнули нѣкоторые изъ профессоровъ университета, недавно окончившіе ученое свое образованіе въ Германіи. Къ нему же принадлежала дѣятельно и шумно дѣвица Янишъ; она сошлась тутъ съ литераторомъ Павловымъ и вышла за него замужъ.

Съ годами, и, кажется, именно съ 1833 года, члены кружка (хотя, въ строгомъ смыслѣ, не слѣдовало бы такъ называть ихъ, ибо этотъ кружокъ никогда не составлялъ замкнутого общества), члены, говорю, этого кружка мало-по-малу, сначала почти незамѣтно, а потомъ очень рѣзко, но все еще миролюбиво, начали между собой раздѣляться. Одни изъ нихъ преобразовались въ славянофиловъ, а нѣкоторые надѣли поддевки и отрастили бороды: честь перваго переодѣванія принадлежитъ, кажется, К. А. Аксакову, за нимъ переодѣлся А. С. Хомяковъ; другая половина кружка, и во главѣ ихъ Чаадаевъ и всѣ профессора, кромѣ Шевырева, остались вѣрны всѣмъ началамъ европейской гражданственности, и потому тогда же, въ про-

тивоположность славянофиламъ, усвоено за ними было прозвище Западниковъ. По возвращеніи Герцена изъ ссылки, которою для него назначена была Вятка, лучший другъ его, Грановскій, ввелъ его, кажется, въ 39 году, въ это общество. Тутъ познакомился съ нимъ и я, стараясь сблизиться по родственнымъ его отношеніямъ со всей семьей Яковлевыхъ и Голохвастовыхъ, съ которыми я былъ коротко знакомъ еще съ университетской скамьи 15—17 годовъ, по тогдашнему моему товариществу съ Д. П. Голохвастовымъ (впослѣдствіи попечителемъ университета). Братья Яковлевы происходили отъ древняго боярскаго рода и имъ особенно чванились, желая отдѣлится себя отъ другихъ извѣстныхъ богачей того же имени, но не той фамиліи. Отцомъ Герцена съ лѣвой стороны былъ тотъ Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ, который отчасти сдѣлался извѣстнымъ по своему свиданію съ Наполеономъ въ объятій пламенемъ Москвъ въ 1812 году.

Александръ Ивановичъ Герценъ — мнѣ почему-то пріятно называть полнымъ русскимъ именемъ этого такъ долго бывшаго Искандера — былъ въ то время женатъ на своей двоюродной сестрѣ, дочери тоже съ лѣвой стороны другого изъ братьевъ Яковлевыхъ, Александра Алексѣевича, преоригинальнаго старичка, бывшаго въ началѣ царствованія Александра I синодальнымъ оберъ-прокуроромъ. Третій ихъ братъ, Левъ Александровичъ, былъ нашимъ министромъ при первомъ и послѣднемъ вестфальскомъ королѣ Иеронимѣ Бонапарте. Всѣ они вмѣстѣ съ родными ихъ сестрами, Голохвастовой и княгиней Хованскою, и съ пріятелемъ моимъ, сыномъ первой, вылиты живыми въ Запискахъ Герцена; тамъ же описалъ онъ и наше избранное, если хотите, московское общество. Совѣтую, начиная съ

себя, всѣмъ составителямъ мемуаровъ подражать, если только сумѣютъ, *Былому* и *Думамъ* Герцена.

Невыгодность положенія Герцена уже въ собственномъ такъ называемомъ порядочномъ московскомъ обществѣ, исходившая изъ самаго его рожденія; такъ странно и неудачно выбранная для него идиллическая, чуждая русскому уху фамилія, невольно напоминающая германскаго романическаго *Herzenskind*—а, пылкая его кровь, горячее воображеніе и его учебныя, а потомъ и ученныя его занятія сперва естественными, а потомъ словесными науками по обоимъ факультетамъ, изъ коихъ онъ вышелъ кандидатомъ—все это вмѣстѣ взятое поставило его въ разрѣзъ съ обществомъ и выработало изъ него яраго мечтателя.

Чужой въ своей семьѣ и въ той средѣ, къ которой имѣлъ все право принадлежать по значительному состоянію и положенію его отца и по превосходству собственнаго образованія, съ ранняго возраста сдѣлался онъ врагомъ всего тогдашняго общественнаго строя. «*Inde ira*», оттуда весь его гнѣвъ противъ дворянъ, вся заклятая и вѣчная его вражда противъ помѣщиковъ. Но такое наложенное на него сілою обстоятельствъ настроеніе не мѣшало ему быть, при всей его пылкости, самымъ добрымъ, остроумнымъ, любезнымъ, любящимъ и любимымъ нашимъ собесѣдникомъ. Конечно, онъ не могъ быть никѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ крайнѣйшихъ западниковъ; конечно, онъ предпочиталъ всѣмъ старѣйшаго сторонника европейской гражданственности Чаадаева; но въ то же время дружески подавалъ руку юному своему противнику К. Аксакову и всегда любовался, скажу восхищался, остроуміемъ парадоксальнаго Хомякова, и каждый разъ, входя въ гостиную, отыскивалъ его глазами,

чтобы вступить съ нимъ въ новый сплъ, либо продолжать вчерашній.—Такимъ образомъ все еще обстояло между нами благополучно. На бѣду всѣмъ, и особливо на бѣду ея автора, напечатана была Надеждинымъ Чаадаевская статья, надѣлавшая много шума въ городѣ и общественною злою молвой вынудившая правительство подвергнуть Чаадаева домашнему аресту и объявить его на короткое время сумасшедшимъ. Всѣ подробности этого грустнаго происшествія были переданы мной въ некрологъ Чаадаева *). Покуда нашъ мученикъ католическаго направленія сидѣлъ взаперти, до тѣхъ поръ, пока посѣщалъ его назначенный полиціей докторъ съ вопросами о здоровьѣ, во все это время славянофилы наравнѣ съ западниками посѣщали мнимаго больного съ искреннимъ, нелицемѣрнымъ участіемъ; но первые, несмотря на всю свою дружбу и уваженіе къ Чаадаеву, не могли не сердиться за его печатный акаѳистъ римскому папѣ. Впослѣдствіи братъ поэта Языкова, ученый геологъ и совершенно равнодушный ко всякому религіозному, политическому и нравственному вопросу, изъ одной любви посмѣяться надъ ближними (а тутъ подъ рукою случилась ихъ цѣлая толпа), додразнилъ поэта до того, что этотъ, болѣзненный, ни съ того, ни съ сего разразился ругательными стихами на Чаадаева и всѣхъ его единомышленниковъ. Литературный кружокъ разсыпался, и вслѣдствіе этого обѣ половины начали доходить, каждая въ свою сторону, до крайней степени преувеличенія и раздраженія своихъ принциповъ. Подъ вліяніемъ такихъ увлеченій, усиленныхъ общимъ (впрочемъ, неясно понимаемымъ мною) недовольствомъ

*) «Р. Архивъ» 1868 г., стр. 976—1002. См. «Приложенія» II т.

на тогдашнее положеніе вещей, Герценъ отправился за границу.

Вся двадцатипятилѣтняя дѣятельность его извѣстна. Не мнѣ ее оправдывать. По моему образу мыслей я никогда и ни въ чемъ не могъ вполне раздѣлять его убѣжденій и тѣмъ еще менѣе одобрять дѣйствія, которыя употреблялъ онъ для осуществленія на дѣлѣ этихъ убѣжденій. Но въ то же время, что бы ни говорили, я никогда не хотѣлъ вѣрить и не вѣрю теперь тѣмъ тяжелымъ обвиненіямъ, которыя распространялись насчетъ его въ нашемъ обществѣ и нашей печати. Его окружающіе могли злоупотреблять его страстными увлеченіями, могли — допустимъ и это — заставлятъ его говорить и печатать иногда то, чего не было въ его мысляхъ и намѣреніяхъ; но я рѣшительно отвергаю теперь, чтобы добрый по сердцу Герценъ способенъ былъ поощрять какія-либо темныя личности или какія-нибудь массы на зажигательства и убійства. При всемъ томъ, во все время изданія имъ *Колокола* и разныхъ политическихъ брошюръ, я не имѣлъ и не хотѣлъ имѣть никакихъ съ нимъ сношеній въ трехкратной поѣздкѣ моей за границу и въ послѣднюю изъ нихъ въ 1862 г. рѣшительно отклонилъ желаніе двухъ глубоко-уважаемыхъ мною лицъ, чтобы я вступилъ съ нимъ въ переписку по одному случаю, именно по предпринятому имъ изданію Записокъ одного изъ декабристовъ. Мой отказъ, можетъ быть, слишкомъ рѣзкій, какъ-то дошелъ до него съ прибавленіемъ ложныхъ московскихъ сплетенъ, будто бы я написалъ корыстнымъ расчетамъ Герцена его усилія собирать подобныя Записки. Пылкій Герценъ повѣрилъ сплетнямъ и въ одномъ изъ № *Колокола* намекнулъ обо мнѣ, какъ о прежнемъ своемъ знакомцѣ, выжи-

вшемъ изъ ума отъ старости, впрочемъ, не называя имени.

Между тѣмъ Колоколъ началъ звонить рѣже и, наконецъ, слабые его звуки совсѣмъ исчезли вмѣстѣ, кажется, съ другими брошюрами Герцена. Немногіе изъ русскихъ, видѣвшіе Герцена за границей, сказывали, что онъ хандритъ, груститъ въ своемъ изгнаніи, что давно уже замѣтно было изъ печатныхъ послѣднихъ его строкъ. М. П. Погодинъ, усвоившій почему-то себѣ право писать и печатать безъ оглядки все, что попадаетъ въ его умную, покрытую честными сѣдинами голову, рассказалъ намъ въ своемъ курьезномъ «Русскомъ» о своемъ свиданіи съ изнемогающимъ Искандеромъ и, къ изумленію всѣхъ, напечаталъ свое къ нему письмо, въ которомъ досточтимый нашъ историкъ убѣждалъ изгнанника раскаяться и уединиться, на подвигъ покаянія, въ Соловецкій монастырь. Всѣ эти вѣсти начали примирять меня съ Герценомъ и пробуждать во мнѣ прежнее сочувствіе, къ которому присоединилось искреннее сожалѣніе о его участи. Мнѣ, повторяю, никогда, несмотря на все имъ напечатанное въ страстномъ до безумія увлеченіи, не вѣрилось, чтобы онъ былъ или могъ сдѣлаться безнравственнымъ, злымъ, подлымъ эгоистомъ, и часто, когда думалъ я о немъ въ эти послѣдніе годы, мнѣ вспоминалось послѣднее наше за четверть вѣка свиданіе въ Россіи, гдѣ между нами, съ глазу на глазъ, была живая, откровенная рѣчь о двухъ сторонахъ эгоизма. Онъ горячо упрекалъ меня въ консервативномъ, въ желаніи сохранить за собою лично для моей семьи всѣ удобства тогдашняго моего положенія и оставаться равнодушнымъ къ прогрессивному стремленію, отъ котораго я боялся преувеличенной, по его мнѣнію, опасности за-

мышляемаго переворота; я, нѣсколько спокойнѣе и сдержаннѣе, нежели онъ, укорялъ его въ свою очередь въ необузданномъ и нисколько не опредѣленномъ стремленіи впередъ, въ желаніи для невѣрной пользы отдаленнаго потомства разрушать существующій порядокъ, болѣе или менѣе обезпечивающій всѣхъ членовъ настоящаго общества,—въ неувѣренности въ томъ, чтобы настоящее, каково бы оно ни было, могло быть замѣнено лучшимъ, и всѣ эти стремленія приписывать я желанію каждаго отчаяннаго прогрессиста прославить себя *coûte que coûte*, не взирая ни на какія препятствія и опасности, лишь бы стать на пьедесталь, вести за собою толпу и величаться передъ ней. «Увидимъ (заключилъ я) впоследствии, кто изъ насъ двухъ останется правымъ, кто сдѣластъ больше пользы и надѣлаетъ меньше вреда». — «Когда-нибудь сочтемся», — съ этимъ словомъ мы разошлись, не предполагая, однако, нашей долгой разлуки.

Послѣднею осенью, пріѣхавъ въ Швейцарію, я сталъ отыскивать его въ Женевѣ; мнѣ отвѣчали, что онъ въ Ниццѣ, и подтвердили, что онъ давно уже молчитъ и бездѣйствуетъ. Продолжительная болѣзнь одной изъ его дочерей заставила его пріѣхать изъ Ниццы въ Парижъ передъ новымъ годомъ; я уже былъ тамъ, и мнѣ дали его адресъ въ близкомъ сосѣдствѣ отъ моей квартиры. Я не замедлилъ къ нему отправиться. Съ моей визитной карточкой въ рукѣ, прежній, но уже постарѣвшій Герценъ, такъ бывало мнѣ симпатичный, и отнюдь не тотъ Искандеръ, котораго я и не любилъ, и опасался, явился передо мной въ своей гостиной, гдѣ я его ожидалъ, и не могъ скрыть отъ меня своего удивленія при такой нечаемой встрѣчѣ: онъ думалъ найти у себя одного изъ моихъ сыновей, а никакъ не

меня. Съ первыхъ же словъ объяснились мы дружелюбно въ его обо мнѣ отзывѣ. Замѣтивъ въ лицѣ его выраженіе грустнаго утомленія: «Ну, Александръ Ивановичъ,—сказалъ я ему,—что вы и какъ вы?» — «Годы, какъ видите, и меня утомонили». Тутъ пошли взаимные разспросы о нашихъ семьяхъ, и я рѣшился спросить, точно ли онъ имѣетъ намѣреніе воротиться на родину. «Это немыслимо,—сказалъ онъ,—и вѣрьте, что я нигдѣ, а тѣмъ менѣе въ Вѣнѣ, не хлопоталъ о возвращеніи. Знаете ли,—прибавилъ онъ,—я, Герценъ, считаюсь отсталымъ въ глазахъ новыхъ женевскихъ эмигрантовъ. Между политическими выходцами всѣхъ странъ и національностей непримиримая распря неизбежна,—эта зараза всюду за нами сопотствуетъ. Вотъ вамъ послѣдняя женевская книжка «Народное дѣло», и вы увидите, какъ издатели этого журнала меня опередили, а равно и все то, чего желаютъ они для Россіи». Въ концѣ этой книжки эмигранты младшаго поколѣнія призывали Герцена къ объясненію и отвѣту. Первое наше свиданіе длилось немного; мы пожали другъ другу руку, обнялись и общались видаться; разумѣется, я приглашалъ его къ себѣ. 12 генваря н. с. (въ запомненный мною день по смертоубійству, совершенному принцемъ Наполеономъ) Герценъ зашелъ ко мнѣ и съ лестнымъ для меня вниманіемъ прослушалъ одну мою статейку, которая читалась у меня для двухъ-трехъ слушателей. Послѣ чтенія онъ оставался со мной недолго, и это было второе и послѣднее наше съ нимъ свиданіе. Я забылъ сказать, что, несмотря на краткость нашихъ бесѣдъ, онъ не оставилъ съ искреннимъ участіемъ предложить мнѣ вопросъ о слѣдствіяхъ освобожденія крестьянъ. Я откровенно выразилъ ему мое личное искреннее мнѣніе,

что эмансипація благотворнѣе до сего времени подѣйствовала на дворянъ-помѣщиковъ, чѣмъ на освобожденныхъ, что она у первыхъ отняла всякое самоуправство и тѣмъ самымъ ихъ облагородила и заставила жить умственно и нравственно. «Хорошо и это, — отвѣчалъ онъ съ нѣкоторымъ чувствомъ умиленія. — Ваше откровенное признаніе меня во многомъ утѣшаетъ». Не заставъ его дома нѣсколько дней спустя, я еще повторилъ мое посѣщеніе и узнать, что онъ тяжело занемогъ простуднымъ воспаленіемъ. Съ тѣхъ поръ я началъ справляться о ходѣ болѣзни у его дочерей. Ихъ три, и двѣ изъ нихъ отъ первой жены. Всѣ онѣ знаютъ по-русски, и старшая, лѣтъ около двадцати пяти, очень хорошо говоритъ на нашемъ языкѣ; всѣ три очень привлекательны не особенной красотой, а какимъ-то милымъ простодушіемъ. Наканунѣ смерти отца послали онѣ телеграмму за братомъ во Флоренцію, гдѣ онъ, женатый на итальянкѣ, профессоромъ физиологіи. Герценъ-сынъ пріѣхалъ на третій день и не могъ застать въ живыхъ отца, не предчувствовавшаго смерти, не оставившаго никакого завѣщанія, кромѣ не одинъ разъ гораздо прежде повтореннаго имъ желанія быть погребенному въ Нищѣ, рядомъ съ первой своей женой. Юный ученый очень понравился мнѣ умной, пріятной, скромной и въ то же время серьезной своей наружностью; онъ, превосходно владѣя русскимъ языкомъ, рассказалъ мнѣ, что отецъ обезпечилъ ихъ будущность, что онъ жилъ всегда очень умѣренно и не проживалъ ежегоднаго дохода съ своего капитала.

По собраннымъ мною извѣстіямъ, внутренняя, домашняя, семейная жизнь нашего изгнанника прошла не безъ печалей; но снимать покровъ съ семейной

жизни чьей бы то ни было я всегда считалъ и считаю нескромностью самой неприличной. Мнѣ довольно и того тяжелаго чувства, которое легло на мою душу въ виду этого гроба, одиноко поставленнаго на полу возлѣ той самой, еще не совсѣмъ убранный, постели, на которой, какъ видно, за немного времени до моего прихода лежало тѣло. Около гроба входящему въ небольшую комнатку не видно было никого, кромѣ четырехъ, не слишкомъ опрятно одѣтыхъ въ трауръ, служителей, ожидавшихъ выноса. Въ другой, болѣе обширной, комнатѣ находилось три—четыре неизвѣстныхъ мнѣ дамы и человѣкъ тридцать разныхъ мужчинъ, мнѣ также незнакомыхъ, и между ними, показалось мнѣ, ни одного изъ русскихъ. Могу назвать развѣ только одного Н. И. Тургенева, который, не имѣя возможности со своею разболѣвшею ногой взобраться на третій этажъ, ожидалъ выноса у подъѣзда. Простота всего этого послѣдняго акта человѣческой жизни доведена была тутъ до убійственнаго на душу живыхъ впечатлѣнія,—такъ это, по крайней мѣрѣ, глубоко и скорбно отразилось на моей. Четверо служителей подняли ящикъ и понесли его мимо насъ; всѣ оставались въ какомъ-то безчувственномъ, равнодушномъ безмолвіи—ни одной молитвы, ни одного вздоха. Не здѣсь ли,—подумалъ я,—не во всемъ ли томъ, что совершается теперь на моихъ глазахъ, вся разгадка мятежной жизни этого страдальца? Не отсутствіе ли всякой вѣры, всякаго религіознаго убѣжденія изсушило въ немъ источникъ той жизни, которая посвящается лучемъ безсмертія, орошается водою спасенія?—Похоронная процессія изъ трехъ экипажей и отъ тридцати до сорока человѣкъ пѣвшихъ провожала покойника на кладбище Père Lachaise, гдѣ предполага-

лось оставить на нѣсколько дней гробъ до переноса въ Нищу. Я счелъ приличнѣе и удобнѣе для себя не быть на кладбищѣ, чтобы не выслушивать надгробныхъ рѣчей, которыя могли быть тамъ произнесены.

Разсказывая другимъ о моихъ впечатлѣнiяхъ, тутъ я не нарушаю скромности. Все, что окружало бранные останки Герцена, все то, что совершалось надъ ними, все это, вѣрнѣе сказать, ничто не совершавшееся, называемое здѣсь придуманнымъ нарочно выраженiемъ *enterrement civil*, повторяется здѣсь ежедневно надъ многими умирающими. Такъ было недавно съ Sainte Veuve'омъ, по его, вѣроятно, собственной волѣ, нѣкогда бывшей подъ игомъ аскетизма; такъ было еще недавнѣе съ тѣломъ юноши, уѣнтаго принцемъ Наполеономъ,—вѣроятно, по волѣ его семейства.

V.

Къ моимъ воспоминанiямъ о Шишковѣ *).

Продиктовавъ для моихъ «Записокъ» разсказъ о встрѣчѣ моей съ Шишковымъ осенью 1878-го года, слишкомъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ того, какъ она произошла, я вслѣдъ затѣмъ съ жадностью началъ читать изданную въ томъ же году книгу въ двухъ^у томахъ на русскомъ языкѣ: «Записки, мнѣнiя и переписка адмирала Александра Семеновича Шишкова». Легко представить, какъ оживили онѣ во мнѣ воспоминанiя юности, перенесли въ прошедшее, и многое тогда для меня ничѣмъ необъяснимое и забытое теперь, черезъ 50 лѣтъ, пояснили мнѣ до возможнаго уразумѣнiя той эпохи, въ которую я только-

*) См. «Русскiй Архивъ» 1871 г., I: «Первая и послѣдняя моя встрѣча съ А. С. Шишковымъ».

что начинать и жить, и мыслить. Вотъ почему считаю не лишнимъ остановиться на этихъ Запискахъ Шишкова и дополнить мои собственные выписками изъ оныхъ. Дѣлаю я это потому, что послѣднія пять лѣтъ царствованія Александра I-го провелъ я за границей въ совершенномъ невѣдѣніи подробностей этихъ временъ, тѣхъ закулисныхъ причинъ всего, что тогда происходило и что съ недавняго времени становится всѣмъ болѣе или менѣе извѣстнымъ. Между прочимъ, прочитавъ сочиненія Шишкова, убѣдился я теперь и въ томъ, какъ должна была тогда испугать Кикина моя выходка, мой отвѣтъ Шишкову.

Въ самый день кончины императрицы Екатерины встрѣчаемъ мы во дворцѣ у ея гроба А. С. Шишкова, который искренно ее оплакивалъ. Предвидя всю капризную суровость новаго царствованія, онъ, слабый здоровьемъ, робкій по характеру, сначала избѣгалъ дѣятельной службы; но благопріятныя обстоятельства выводятъ его, флотскаго офицера, на видное и въ то же время опасное служебное поприще: сначала майоромъ отъ эскадры и вскорѣ потомъ генералъ-адъютантомъ, и онъ почти нехотя становится приближеннымъ государя *).

Записки Шишкова объ этомъ времени чрезвычайно любопытны по ихъ безыскусственной и добродушной искренности. На каждой страницѣ видимъ его страхъ не навесить на себя царскаго гнѣва, не погибнуть, и въ то же время видно, что при всемъ томъ

*) Императоръ Павелъ еще до этого назначенія, при раздачѣ деревень многимъ за одинъ разъ лицамъ, пожаловалъ Шишкову 250 душъ въ Новгородской губерніи. Сколько извѣстно, Шишковъ другихъ помѣстій не имѣлъ и всегда жилъ однимъ жалованьемъ. По назначеніи его государственнымъ секретаремъ получалъ онъ 12 тыс. руб. годового содержанія.

вель онъ себя какъ честный и вѣрный слуга царскій, оберегая, однако, собственное достоинство. Никогда не встрѣчалось мнѣ такого живого и цѣльнаго описанія Павловскаго крутого времени.

Вмѣстѣ съ цѣлою Россіей радуется онъ восшествію на престолъ императора Александра, но въ связяхъ своимъ съ вліятельными лицами Екатерининскаго времени, не сочувствовавшими новымъ молодымъ дѣтелямъ, свободолюбивымъ друзьямъ императора Александра, Шишковъ сблизился съ ихъ консервативными противниками: былъ друженъ съ Державинымъ по литературнымъ своимъ занятіямъ, близокъ съ Троицкимъ по политическому образу мыслей, а по морской своей службѣ находился, какъ видно, подъ вліяніемъ адмирала Голеннищева-Кутузова, сравненнаго по правамъ съ фельдмаршаломъ и также стоявшаго за старые порядки. Какъ старшій членъ адмиралтейской коллегіи, имѣлъ онъ докладъ у государя; но другимъ младшимъ членомъ быть Чичаговъ, сынъ Екатерининскаго побѣдоноснаго адмирала. Чичаговъ, сдружившись съ Кочубеемъ, Сперанскимъ, Новосильцевымъ и Чарторыжскимъ, успѣлъ, отстранивъ Шишкова, стать на его мѣсто докладчикомъ по морскому вѣдомству. Этотъ Чичаговъ пользовался тогда уваженіемъ молодого поколѣнія замѣчательныхъ при государѣ людей за свой смѣлый поступокъ съ Павломъ, о чемъ слегка упоминаетъ и Шишковъ въ своихъ Запискахъ *).

Менѣе замѣченный на службѣ, терпѣливо перенося удаленіе отъ государя, Шишковъ предался литературнымъ словопреніямъ въ російской академіи съ

*) Сличи въ Запискахъ Саблукова. «Русскій Архивъ» 1869, стр. 1925.

духовными сочленами и уже тогда проявилъ преувеличенную свою православную набожность и ревность къ церковнославянскому языку. Помнится мнѣ, тогдашнія упорныя занятія его славянскимъ языкомъ называли въ насмѣшку *корнерытіемъ*. Въ то же время вмѣстѣ съ Державинымъ Шишковъ основалъ Бесѣду любителей русскаго слова.]

Не знаю самъ, покажется ли достаточно убѣдительнымъ для другихъ такое наше предположеніе: кажется, что личная вражда къ Шишкову товарища его по службѣ Чичагова неблагопріятно подѣйствовала на развитіе его характера. Чичаговъ былъ воспитанъ и долго служилъ въ Англіи и отдавалъ ей безусловно преимущество надъ Россіей. Онъ, приставъ къ молодой партіи, окружавшей Александра, могъ повредить Шишкову и по службѣ. Поэтому-то ежедневно встрѣчавшемуся Шишкову сталъ онъ казаться ненавистникомъ Россіи и всегдашнимъ ея во всемъ поругателемъ. Все это, по естественному противодѣйствію, сблизало Шишкова съ тогдашними консерваторами и отдѣляло отъ ихъ противниковъ.

Простодушно набожный и всецѣло преданный вѣрѣ отцовъ, глубоко изучившій богослужебный славянскій языкъ и въ немъ искусный, не менѣе преданный прямодушно и искренно самодержавному у насъ престолу, ревностный почитатель всѣхъ нашихъ народныхъ преданій и не чуждый коренныхъ нашихъ предразсудковъ противъ всего иновѣрнаго и чужеземнаго, опасливый и, по временамъ, ярый борецъ съ наплывомъ западныхъ европейскихъ идей, прямой, добродушный, честный и скорѣе кроткій человекъ, чѣмъ страстный, когда на житейскомъ его морѣ господствовалъ штиль и не было бурь, — Шишковъ не сопоставлялъ для себя

трехъ главныхъ идей всей своей жизни, тѣмъ еще менѣе не опредѣлялъ ихъ никакими словами и не взирая на то, онъ, такъ сказать, безсознательно первый воплотилъ въ себѣ тричастный русскій символъ «православія, сомодержавія и народности», который потомъ сдѣлался въ одно и то же время программой царствованія императора Николая, девизомъ графа Уварова и, наконецъ, надписью на знамени позднѣйшихъ славянофиловъ. Исповѣдуя внутри своего сердца и повсюду проповѣдуя эти три русскія добродѣтели, написалъ онъ свое «Разсужденіе о любви къ отечеству». Сперанскій, прежній редакторъ всѣхъ манифестовъ, былъ уже тогда сосланъ, и государь, которому понравилось разсужденіе Шишкова о любви къ отечеству, поручилъ ему написать манифестъ о рекрутскомъ наборѣ въ мартѣ 1812 года. Передъ началомъ отечественной войны понадобилось другое перо, болѣе народное, болѣе русское. Составитель манифеста о наборѣ назначенъ государственнымъ секретаремъ и поѣхалъ въ Вильну. Близкими къ Шишкову изъ другихъ спутниковъ государя были тогда графъ Аракчеевъ и Балашевъ; всѣ три составляли они при императорѣ особенный, единодушный, русскій триумvirатъ, ни въ чемъ не похожій на прежнихъ любимцевъ Александра. Послѣдніе поблѣднѣли и какъ бы попрятались со времени ссылки Сперанскаго. Въ Вильнѣ 13 іюня подписаны были рескриптъ фельдмаршалу Салтыкову и приказъ арміямъ, возвѣщавшіе вторженіе непріятеля въ наши предѣлы. Несмотря на присутствіе государя въ главной квартирѣ дѣйствующей арміи, по отзывамъ самого императора, главнымъ и полновластнымъ начальникомъ оной былъ Барклай-де-Толли; но этотъ военачальникъ съ своей стороны, въ откровен-

ныхъ разговорахъ съ графомъ Аракчеевымъ, Балашевымъ и Шишковымъ, не скрывался, что онъ, главнокомандующій, хотя и облеченный всею властью, не можетъ, однако, дѣйствовать безотчетно, а уступаетъ направлѣніямъ самого государя, хотя бы они приходили къ нему и въ видѣ совѣтовъ. Изъ сего Шишковъ могъ заключить, что пребываніе государя при арміи скорѣе вредно, нежели полезно. Надо прибавить, что многіе изъ государственной свиты и особливо люди пожилые, въ особенности же этотъ вполне русскій при немъ триумвиратъ, постоянно находились подъ вліяніемъ страха быть побѣжденными величайшимъ полководцемъ эпохи и вынужденными просить у него какого бы то ни было мира. Въ Шишкова родилась мысль удалить отъ арміи государя, который подвергалъ себя нравственной отвѣтственности и личной опасности, и убѣдить его отправиться, какъ выразился Шишковъ, въ самую грудь Россіи (по нынѣшнему въ ея сердце), т.-е. въ Москву, и оттуда воззвать къ народу и собирать новое ополченіе. Мысль эту сообщилъ онъ сперва Балашеву, а потомъ черезъ него и графу Аракчееву. Послѣдній согласился подписать составленную по этому поводу пространную записку Шишкова лишь только тогда, когда его убѣдили, что государь, оставаясь при арміи, подвергаетъ себя личной опасности. Въ Запискахъ Шишкова читаемъ мы собственныя при этомъ слова Аракчеева: «Мнѣ до вашего отечества дѣла нѣтъ, я знаю одного государя». Записку эту Аракчеевъ положилъ государю на письменный столъ. На другой день государь сказалъ Аракчееву: «Я читалъ вашу бумагу», и только; на слѣдующій поѣхалъ онъ верхомъ къ Барклаю, который стоялъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ главной квартиры, а оберъ-

госфмаршалъ графъ Толстой шепнулъ Шишкову на ухо: «Къ ночи велѣно приготовить коляски ѣхать въ Москву». Тутъ Шишковъ получилъ приказаніе написать воззваніе къ первопрестольной столицѣ, которое было отправлено туда прямо съ генераль-адъютантомъ княземъ Трубецкимъ. Вскорѣ отправился туда же государь и съ нимъ Шишковъ. Кромѣ двухъ словъ, сказанныхъ государемъ Аракчееву, что онъ читаетъ подписанную ими тремя бумагу, государь никогда о ней не упоминалъ. Съ своей стороны Шишковъ, несмотря на свою пламенную любовь къ самодержавному государю, который съ начала 1812 года до конца 1813 года безпрекословно, почти безъ поправокъ, поддѣлывалъ всѣ разнovidныя Шишковскія бумаги (писанныя послѣднимъ болѣею частью по иниціативѣ самого государя, а иногда и придуманныя самимъ Шишковымъ), ~~долго~~ сохранялъ втайнѣ изложенный имъ совѣтъ государю удалиться изъ арміи; но не устоялъ противъ искушенія открыть свою тайну великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Она упросила его позволить ей переписать копію съ черновой знаменитой бумаги, оставленной Шишковымъ у себя. О! (какъ сказать бы самъ Шишковъ) грѣховнато въ челоѣкѣ сомнѣнія и, прибавимъ, вотъ что значитъ авторское самолюбіе! Онъ не устоялъ: пропалъ въ немъ и благородный страхъ, и твердость гражданскаго мужества, требующая отъ истинно вѣроподданнаго и безпредѣльно преданнаго своему государю—ни единому смертному не открывать *тайны царевои*. Допустимъ, что и въ этомъ твердомъ, какъ адамантъ, государственномъ мужѣ недостало духа отказаться отъ славы совершеннаго имъ подвига; но прибавимъ, что у него недостало въ этомъ случаѣ и здраваго смысла или

расчета. Александръ узналъ, наконецъ, отъ самой ли сестры или послѣ ея кончины, непростительную нескромность своего государственнаго секретаря, который болѣе всѣхъ обязанъ былъ хранить государственныя тайны. Вѣроятно, все это было причиною охлажденія императора къ Шишкову и удаленія его отъ секретарской должности. Къ сожалѣнію, въ Запискахъ есть промежутокъ между увольненіемъ Шишкова отъ этой должности и назначеніемъ его черезъ нѣсколько потомъ лѣтъ министромъ просвѣщенія.

Особенно любопытны слѣдующіе собственные рассказы Шишкова. Разговоръ его съ фельдмаршаломъ княземъ Смоленскимъ о томъ, что лучше бы было на выгодныхъ условіяхъ помириться съ Наполеономъ, чѣмъ подвергаться новымъ опасностямъ войны для освобожденія Европы. Послѣ нѣкоторыхъ возраженій, князь Кутузовъ отвѣчалъ ему, «что онъ и самъ такъ думаетъ, но государь предполагаетъ иначе, и мы пойдемъ далѣе», прибавивъ: «когда императоръ доказательствъ моихъ не принимаетъ, то обниметъ меня и поцѣлуетъ, тутъ я заплачу и соглашусь съ нимъ» (стр. 168, т. I). Далѣе въ той же книгѣ страницъ черезъ десять (стр. 176) Шишковъ сообщаетъ слышанное имъ за обѣдомъ у государя въ Вильнѣ мнѣніе князя Смоленскаго о томъ, что не должно, несмотря на военныя обстоятельства, уничтожать въ Петербургѣ французскій театръ и что мы не должны бросать французскій языкъ, чтобы не впасть въ прежнее невѣжество и неуклюжество. Разсказывая о тяжеломъ впечатлѣніи, произведенномъ на него такою рѣчью фельдмаршала и видимымъ сочувствіемъ къ его мнѣніямъ императора, онъ продолжаетъ въ яркихъ краскахъ выражать все свое негодованіе, весь свой

ужась при такихъ рѣчахъ, на которыя онъ возражать не могъ изъ уваженія къ царской застольной бесѣдѣ.

Когда войска, а съ ними и государь, перешли русскую границу, Шишковъ не могъ долго слѣдовать за главной квартирой. Онъ еще при Павлѣ при назначеніи въ генераль-адъютанты заявилъ, что не умѣетъ ѣздить верхомъ, и потому послѣ неудачнаго сраженія подъ Дрезденомъ, когда пришлось нашей арміи отступать и заключить перемиріе, Шишковъ вынужденъ былъ, и не одинъ разъ, отставать, путешествовать на казенныхъ лошадяхъ съ русскими кучерами по непроходимымъ тогда еще нѣмецкимъ проселочнымъ дорогамъ, проводить ночи гдѣ и какъ попало, а иногда и проживать въ маленькихъ деревняхъ и мѣстечкахъ, гдѣ не было не только русскаго, но и никакого общества. Такое странствованіе хилаго старика, сопряженное съ опасностью быть захваченнымъ въ плѣнъ, непріятелемъ, разстроило его здоровье и наводило на него тоску по родинѣ. Во Франкфуртѣ на Майнѣ, при свиданіи съ государемъ, послѣ долгаго отъ главной квартиры отсутствія, Шишковъ просился домой, либо въ Дрезденъ или Берлинъ, чтобы быть поближе къ Петербургу; императоръ на это не соглашался, предполагая, что Шишковъ можетъ быть ему нуженъ поближе, несмотря на то, что Шишковъ, по собственнымъ его рассказамъ, начиналъ уже надоедать государю своими патріотическими вопіяніями (любимое его выраженіе) и страхами встрѣтить какія-либо военныя неудачи въ борьбѣ съ Наполеономъ на жизнь и на смерть въ самой Франціи. Робкій старикъ находилъ и въ это время лучшимъ прекратить войну миромъ. Наконецъ рѣшено было отправить Шишкова въ Карлсруэ, гдѣ въ то время императрица Елизавета

Алексѣевна жила съ матерью своей маркъ-графиней при Баденскомъ дворѣ. Тамъ оставался Шишковъ до возвращенія государя изъ Парижа. Какъ ни ухажи-вали за Шишковымъ при этомъ дворѣ, онъ все-таки тосковалъ по родинѣ и вмѣсто того, чтобы торжество-вать нашу побѣду и нашу славу, предался прежней боязни, что симпатіи государя къ французамъ и об-ратно ихъ къ нему не воротили бы насъ на ненавист-ный ему путь подражанія всему иноземному, и осо-бливо французскому. — Въ разсказахъ своихъ Шишковъ описалъ очень искренно всѣ злосчастныя свои стран-ствованія и кратковременный отдыхъ въ Прагѣ, гдѣ посчастливилось ему встрѣтить пріятеля своего Кики-на и насладиться вполнѣ учеными бесѣдами филоло-га Добровскаго и другихъ тамошнихъ славянскихъ ученыхъ.

Въ то самое время, когда Шишковъ, находясь про-тивъ воли на чужбинѣ, все болѣе и болѣе предавал-ся своимъ набожнымъ убѣжденіямъ и развивалъ ихъ въ себѣ, искренно относя спасеніе отечества къ Бо-жіеу промыслу, въ то именно время, когда задушев-ною его мыслью была одна, что мы только всецѣлою преданностью къ отечественной вѣрѣ и церковному языку, къ исконному у насъ самодержавію и къ про-стымъ народнымъ нравамъ и обычаямъ можемъ замо-литъ Русской землѣ продолженіе особенной милости Божіей, столь чудесно надъ нами проявленной, — въ то же время императоръ Александръ, не менѣе искренно носившій въ сердцѣ своемъ глубокую благодарность къ Провидѣнію, даровавшему намъ чудесное спасеніе и освободившему черезъ насъ всю Европу отъ угне-тавшаго всѣхъ ига, начиналъ довольно открыто испо-вѣдовать другія болѣе широкія въ христіанскомъ смы-

слѣ религіозныя убѣжденія. Знаменитая мадамъ Крюднеръ, вмѣстѣ съ другими встрѣченными имъ германскими католическими, а паче протестантскими теозофами и мистиками, возродила въ немъ сочувствіе къ преобладавшему тогда иному религіозному стремленію, мечтательному и неопредѣленному. Александръ, воспитанный Лагарпомъ, начитавшійся, насколько у него было досуга, энциклопедистовъ 18-го вѣка и другихъ позднѣйшихъ писателей, окруженный индифферентными въ религіозномъ отношеніи своими юными совѣтниками, изъ коихъ одинъ только Сперанскій былъ убѣжденнымъ мистикомъ, признавая во всѣхъ разнородныхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ единство вѣры въ Искупителя, искалъ церкви внутренней, идея которой господствовала въ то время, какъ главная и единственная, въ сердцахъ современнаго просвѣщеннаго поколѣнія. А между тѣмъ должно сознаться, что религіозность православная, въ которой, если по недостатку въ ней истиннаго просвѣщенія и могла преобладать одна внѣшность, находилась въ явномъ противорѣчій съ тою внутреннею церковью, которая отвергала или, по крайней мѣрѣ, оставляла безъ должнаго вниманія всю обрядовую сторону восточной церкви.

Впрочемъ, еще гораздо прежде отечественной войны и личнаго знакомства съ мадамъ Крюднеръ и другими теозофами, Александръ уже предавался мистицизму, и Сперанскій въ апологій своей изъ Перми напоминалъ государю ихъ бесѣды о предметахъ сего рода и особенно о мистической ихъ части. И могли прекраснодушный императоръ не подчиняться влиянію подобныхъ идей, когда самъ Сперанскій, образованнѣйшій между современниками и передовой изъ

передовыхъ сановниковъ и тогдашнихъ дѣятелей, въ письмѣ 1817 г. къ Цейеру *) о мистическомъ созерцаніи, рекомендуетъ своему другу способъ добыванія эаворскаго свѣта устремленіемъ взоровъ на пупокъ при ноздренномъ дыханіи? Въ книгѣ о Паисіи Величковскомъ, архимандритѣ Молдавскаго монастыря, изданной въ 40-хъ годахъ И. В. Кирѣевскимъ, читаль я о подобномъ способѣ и слышалъ случайно отъ извѣстнаго Ѳ. Голубинскаго, что такой именно способъ знакомъ былъ восточнымъ аскетамъ, и что онъ былъ описанъ св. Григоріемъ Паламой, однимъ изъ уважаемыхъ отцовъ Церкви V-го вѣка.

По возвращеніи государя въ Петербургъ мистическое движеніе умовъ все болѣе и болѣе усиливалось. О немъ было такъ много уже написано въ послѣднее десятилѣтіе, что я не вижу нужды распространяться. Замѣчу только, что къ религіознымъ исканіямъ внутренней церкви присоединилось либеральное направленіе, которое скоро почтено было за опасное и вредное самимъ государемъ, и что вслѣдствіе этого самъ вліятельный мистикъ князь Голицынъ со своими единомышленниками, и особливо Магницкимъ, заподозрили въ мистическихъ направленіяхъ зловредное свободомысліе. Начались политическія преслѣдованія. Усиливали ихъ событія извнѣ и тяготѣніе надъ императоромъ Александромъ вѣнскаго и другихъ кабинетовъ (кромѣ англійскаго), которымъ дѣйствительно грозили со всѣхъ сторонъ революціей. Несмотря на это, мистики продолжали свою дѣятельность. Съ своей стороны менѣе вліятельная партія защитниковъ нашей старины въ удаленіи отъ двора скорбѣла

*) «Р. Архивъ» 1870, стр. 194.

о гибнущемъ, по ихъ мнѣнію, отечествѣ, объ упадкѣ вѣры, о растлѣніи нравовъ. Настоящей борьбы среди раздвоеннаго общества еще не было; но Шишковъ, болѣе чѣмъ другіе, упорствовалъ въ сопротивленіи своемъ враждебной партіи. Въ обѣихъ крайности были неизбѣжны; онѣ доходили до такихъ размѣровъ, которые и доселѣ остались бы для насъ непонятными, если бы мы не узнали всѣхъ мелочныхъ ихъ подробностей. Шишковъ, подобно Голицыну въ другомъ лагерѣ, былъ въ своемъ русскомъ станѣ представителемъ старорусскаго образа мыслей. Онъ, судя по его собственнымъ словамъ, несмотря на всю свою европейскую образованность, какъ бы увѣровалъ и исповѣдовалъ, что все Св. Писаніе, наша литургія и весь церковный нашъ уставъ были написаны издревле не на иномъ какомъ языкѣ, какъ на славянскомъ. Отъ вѣрованія въ боговдохновенность Св. Писанія перешелъ онъ такимъ образомъ къ увѣренности въ боговдохновенности самаго церковно-славянскаго языка; отсюда и его литературная ересь, состоящая въ томъ, что церковно-славянскій языкъ и нашъ русскій суть безразлично одно и то же, что языкъ, употребляемый нами въ печати, письмѣ и разговорѣ, есть только простонародное наречіе перваго; что потому дерзать на переводъ съ славянскаго на русскій Св. Писанія, а равно отеческихъ и богослужебныхъ книгъ, значитъ, по его мнѣнію, касаться рукою скверною къ Божію кивоту, значитъ уничтожать святость предками завѣщаннаго намъ слова, низводить его до уничиженнаго, ежедневнаго, простонароднаго употребленія. Выработавъ въ себѣ такое глубокое убѣжденіе о церкви православной и всю совокупность этихъ религіозныхъ убѣжденій, Шишковъ логическимъ путемъ мышленія

дошелъ къ сознательному убѣжденію, что самодержавіе есть божественное право, даруемое Промысломъ всѣмъ монархамъ, а коимъ паче Богомъ вѣнчанному и помазанному государю всероссійскому. Народъ русскій признавалъ онъ, вслѣдствіе всѣхъ своихъ вѣрованій, избранникомъ Божиимъ, сосудомъ его благодати.

Все младшее въ сравненіи съ нимъ поколѣніе литераторовъ, начиная съ Карамзина, почиталъ онъ безбожнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ вреднымъ. Мы уже объ этомъ говорили, но вотъ примѣръ. Карамзинъ былъ для него революціонеромъ, хотя впоследствии предложилъ онъ его самъ въ члены академіи. Послѣ войны 1812 года Шишковъ убѣдился, что не одни политическіе его противники, но и литературные дѣйствительно вели отечество къ гибели. Вотъ что писалъ онъ къ одному пріятелю въ 1813 году: «Вы знаете, какъ гг. Вѣстникъ и Меркурій противъ меня возставали; ~~тогда они могли такъ вопіять,~~ но теперь я бы ткнулъ ихъ въ пепель Москвы и громко имъ сказалъ: «Вотъ чего вы хотѣли». Издателями вышеназванныхъ журналовъ были Каченовскій и Макаровъ, и ихъ-то Шишковъ обвинялъ въ желаніи обратить Москву въ пепель.

Кстати прибавимъ здѣсь, что Шишковъ во всѣхъ своихъ официальныхъ реляціяхъ приписывалъ сожженіе Москвы непріятельскимъ полчищамъ и чуть ли не самому Наполеону. Если бы онъ раздѣлялъ другое противное (пришлое къ намъ изъ-за границы) мнѣніе о томъ, что Москву сожгли мы, сами русскіе, то можно себѣ представить, какимъ фениксомъ, возникшимъ по манію его пера изъ жертвы самосожженія, летала бы идея Москвы по русскому поднебесью!

Наконецъ, скрытное сперва негодованіе противъ мистиковъ и вражда къ нимъ всѣхъ сторонниковъ Шишкова перешли въ явную кратковременную борьбу, и Шишковская партія сдѣлалась орудіемъ интриги. Аракчеевъ взялъ ихъ подъ свое покровительство. Этому временщику, суровому, одностороннему мизантропу, имѣвшему одну цѣль въ жизни—господствовать надъ людьми, надо было погубить другого любимца императора Александра, князя Голицына, который одинъ не подчинялся Аракчеевскому вліянію. Всѣмъ извѣстна исторія Госнера, переводъ его книги, похищеніе изъ типографіи корректурныхъ листовъ, поправленныхъ Поповымъ, и т. д. Я позволю себѣ рассказать подробно сцену Фотія съ Голицынымъ, потому что, какъ мнѣ кажется, нигдѣ не была она въ повторяемыхъ о ней разсказахъ оцѣнена какъ должно.

Въ домъ камеръ-фрейлины графини Орловой-Чесменской, всѣми уважаемой и вполне достойной общаго уваженія и по знаменитости рода, и по огромному богатству, и по личнымъ ея нравственнымъ и умственнымъ качествамъ, приглашается въ извѣстный часъ одинъ изъ первыхъ государственныхъ сановниковъ Имперіи и сверхъ того одно изъ самыхъ близкихъ лицъ къ государю. И что же тамъ происходитъ? Сдѣланное этою дамою приглашеніе министру духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія было *guet-apens*, западня, заранѣе обдуманное, приготовленное ему неслыханное поруганіе. Тамъ встрѣчаетъ его фанатикъ священно-инокъ Фотій, настоятель монастыря совсѣмъ другой епархіи, человѣкъ, не только не имѣющій надъ нимъ никакой духовной власти, но скорѣе отъ него зависимый, и этотъ человѣкъ съ перваго слова требуетъ отъ министра клятвы или какой-то присяги

передъ наложеномъ съ крестомъ и Евангеліемъ въ томъ, что кн. Голицынъ отрицается отъ книги мистическаго сочинителя Госнера (туманнаго, но ни въ чемъ не преступнаго содержанія), и когда послѣдній, ошеломленный неслыханнымъ требованіемъ, съ большимъ смущеніемъ отъ него отказывался, тогда Фотій, провожая его по ряду комнатъ, предалъ его проклятію, ни дать ни взять, тѣмъ же самыми пустозвонными словами, коими ругаются между собою на базарѣ какія-нибудь торговли: «будь ты анаѳема, проклять». Анаѳема — *отлученіе*, простонароднымъ плеоназмомъ выраженное безъ изслѣдованія вины, безъ испытанія обвиняемаго, безъ должныхъ кроткихъ ему увѣщаній, выраженное сверхъ того властью, ничѣмъ на то не узаконенною, выраженное паче всего надъ однимъ изъ первыхъ сановниковъ Имперіи, надъ тѣмъ самымъ «окомъ» самодержавія, коему вручалось наблюденіе за исполненіемъ строгаго порядка въ высшемъ судѣ церковномъ и стройнымъ ходомъ всего духовнаго управленія, есть съ точки зрѣнія каноническаго права не что иное, какъ кощунство, съ точки зрѣнія юридическаго — не что иное, какъ неслыханное оскорбленіе самодержавной власти и вмѣстѣ поруганіе ея органа.

И подобная сцена, происходившая въ высшей сферѣ европейской столицы Россіи, безобразная, отвратительная, гнусная, имѣла своими послѣдствіями смѣну Голицына, замѣну его Шишковымъ, запрещеніе распространять Св. Писаніе на славянскомъ, русскомъ и другихъ языкахъ, приостановленіе библейскихъ нашихъ обществъ, уничтоженіе ланкастерскихъ школъ, гоненіе и преслѣдованіе противъ святителя нашей церкви, Филарета, сожженіе книги Госнера, его изгнаніе изъ Россіи, слѣдствіе и знаменитый судъ въ

сенатѣ и потомъ совѣтѣ надъ директоромъ департамента просвѣщенія, Поповымъ, и пр., и пр., и пр.

Не знаешь, чему болѣе удивляться: возмутительнымъ ли событіямъ времени, тогдашнему ли всеобщему равнодушію, или, наконецъ, тому, что и наше время до сихъ поръ, предавая гласности все тогда происшедшее, однако, еще не оцѣнило и не произнесло надъ поступкомъ Фотія суда историческаго? Изъ всѣхъ современныхъ тогдашнихъ официально-обязанныхъ судей этого дѣла только ученый эллинистъ сенаторъ Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ - Апостолъ взглянулъ на него какъ слѣдуетъ; онъ одинъ увидалъ, что игра не стоитъ свѣчъ. Оправдывая Попова въ вымышленномъ на него государственномъ преступленіи, онъ присудилъ его, однако, къ удаленію отъ мѣста весьма важнаго по министерству просвѣщенія за неправоуказаніе перевода такой книги, какова есть мистическая книга Гюиснера.

И все-таки Шиншковъ представляется мнѣ и мною моимъ читателямъ человѣкомъ искренно набожнымъ, глубоко образованнымъ, робкимъ, опасливымъ, но въ важныхъ случаяхъ своей жизни твердымъ и смѣлымъ. Онъ былъ человѣкъ стараго построения, какого теперь поискать. Говоря это, я впадаю въ противорѣчіе, хотя и осуждаю безпристрастно его страстный фанатизмъ и тѣ горькія послѣдствія, которыхъ былъ онъ главнымъ виновникомъ...

Опечатки.

На стр. 188 ошибочно выставлено примѣчаніе: *См. Приложенія ст. I*

На стр. 205, 11-ая строка снизу, напечатано: *получить* вмѣсто *получили*.

На стр. 222, 16-я стр. сверху, напечатано: *положеніи* вмѣсто *изложеніи*.

На стр. 251 напечатано: *См. Прил. ст. VI* вмѣсто: *См. Приложение ст. I*

На стр. 271, 15-я стр. снизу, напечатано: *да, къ сожалѣнію, какъ слѣдуетъ,—и теперь* вмѣсто: *да, къ сожалѣнію, какъ слѣдуетъ и теперь,—*

На стр. 272, 13-я стр. сверху, напечатано: *которою тогда*, вмѣсто: *которою тогда восхищались*.

На стр. 364, 16-я стр. сверху, напечатано: *городовъ*, надо: *родовъ*.

На стр. 497, 5-я стр. снизу, напечатано: *К. А. Аксакову* вмѣсто: *К. С. Аксакову*.